АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

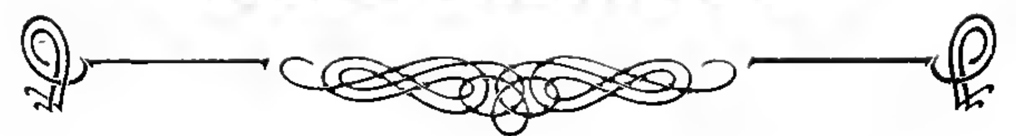
21-22

«ТЕРРА»

РУССКИЙ
АРХИВ

АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

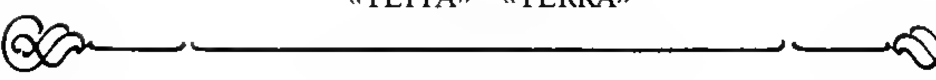
РУССКИЙ АРХИВ



11

21-22

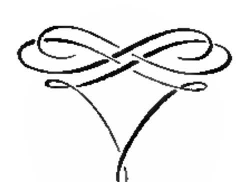
«ТЕРРА» – «TERRA»



МОСКВА 1993

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изданный
И. В. ГЕССЕНОМ



21-22

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА 1993

ББК 63.3(2)711
А87

Архив русской революции: В 22 т. Т. 21 — 22. — М.: «ТЕРРА»,
А87 1993. —472, 424 с. — (Русский архив).
ISBN 5-85255-320-4 (т. 21 — 22)
ISBN 5-250-01774-6

«Архив русской революции» — уникальное издание, выходившее в Берлине в 20—30-х годах. Оно содержит материалы — документы и воспоминания, освещающие историю революции, гражданской войны и эмиграции в видении тех политических сил, которые противостояли большевизму и Советской власти. Тем самым «Архив» существенно пополняет наши знания о переломной эпохе в судьбах России.
Рассчитано на всех, кто интересуется историей нашей страны.

А $\frac{0503020000-078}{А30(03)-93}$ Подписное ББК 63.3(2) 711

Архив русской революции

Том 21 — 22

Дефекты воспроизведения настоящего репринтного издания обусловлены состоянием оригинала

Редактор *С. А. Кондратов*
Художник *И. Е. Сайко*

Подписано в печать 10.03. 93. Формат 70 x 108 1/16. Бумага тип. № 2. Печать высокая Усл. печ. л. 78,4. Усл. кр.-отт. 78,4. Уч.-изд. л. 68,96. Тираж 10 000 экз. Заказ 195

Книга отпечатана на бумаге Сыктывкарского ЛПК.
Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-85255-320-4 (т. 21-22)
ISBN 5-250-01774-6

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

XXI

БЕРЛИНЪ 1934

ИВ. ИЛ. ПЕТРУНКЕВИЧЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОБЩЕСТВЕННАГО ДѢЯТЕЛЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

—

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФ. А. А. КИЗЕВЕТТЕРА

—

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Воспоминанія свои Иванъ Ильичъ Петрункевичъ началъ писать уже въ изгнаніи, въ тѣ послѣднія девять лѣтъ своей жизни, которыя провелъ внѣ Россіи. Онъ предполагалъ назвать ихъ: «50 лѣтъ общественной дѣятельности. 1867—1917.» Ему не удалось довести эту работу до конца. Законченную форму получили только печатаемыя нынѣ XIX главъ, охватывающія періодъ времени съ 1867 по 1905 годъ, т. е. съ начала общественной работы автора до первой Государственной Думы. Къ этимъ девятнадцати главамъ присоединяются въ этой книгѣ два отрывка изъ незаконченныхъ послѣдующихъ XX-ой и XXI-ой главъ.

Послѣ смерти И. И. Петрункевича, послѣдовавшей 14 іюня н. с. 1928 года, его жена, Анастасія Сергѣевна, подготовила къ печати его Воспоминанія, получившія названіе: «Изъ записокъ общественнаго дѣятеля». Согласно желанію Ивана Ильича, редактированіе ихъ принялъ на себя профессоръ А. А. Кизеветтеръ.

Анастасія Сергѣевна скончалась 24 апрѣля 1932, а проф. А. А. Кизеветтеръ 9 января 1933 года. Редакція Воспоминаній была къ этому времени закончена, не написаннымъ осталось только намѣчавшееся профессоромъ Кизеветтеромъ предисловіе.

Воспоминанія эти дадутъ читателю не только картины и факты изъ общественной жизни Россіи второй половины XIX столѣтія, но лучше какихъ бы то ни было описаній и комментарій третьихъ лицъ обрисуютъ и живой обликъ ихъ автора во всей его духовной цѣльности и силѣ.

На могилѣ его Анастасія Сергѣевна, моя мать, написала слѣдующія строки изъ Пушкина:

«Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды»...

Его длинная жизнь, начавшаяся при крѣпостномъ правѣ и закончившаяся въ эпоху коммунистической тираніи, охватила полъ столѣтія сознательной, дѣятельной общественой жизни и борьбы во имя свободы и счастья нашей Родины и все же ни того, ни другого онъ не дождался. Но сильный и бодрый духомъ, онъ кончилъ свою жизнь тѣмъ же, чѣмъ кончается «Посвященіе» его книги — непоколебимой вѣрой въ возрожденіе Россіи.

Графиня С. В. Панина.

Прага
Мартъ 1934 г.

МОЕ CURRICULUM VITAE *)

Мировой судья и предсѣдатель Мирового Съѣзда въ Черниговской губерніи (1869—1879); земскій гласный, губернскій и уѣздный, въ той же губерніи (1869—1879); политическій ссыльный (1879—1886); лишенный права возвратиться на родину и жить на Украйнѣ (1886—1904); земскій гласный, губернскій и уѣздный, въ Тверской губерніи (1890—1905); одинъ изъ учредителей Общества «Освобожденія» Россіи (1903) и предсѣдатель «Союза Освобожденія» (1905); одинъ изъ учредителей Конституціонно-Демократической партіи (1905) и предсѣдатель ея Ц. К-та (1909—1915); членъ первой Государственной Думы (1906); Выборгскій процессъ и лишеніе избирательныхъ правъ (1907); тюрьма (1909); соиздатель демократической газеты «Рѣчь» въ С.-Петербургѣ (1908—1917); эмиграція за границу (1919); Аѳины (1919), Франція — Cap d'Ail (1919—1920), Америка — New-Haven, Conn. (1920—1921), Швейцарія — Женева (1921—1924), Прага (1924).

Ростоки у Праги, 15 мая 1925 г.

---

*) Эта запись составлена лично Иваномъ Ильичемъ Петрункевичемъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

моей женѣ Анастасіи Сергѣевнѣ

Эти «Воспоминанія» принадлежатъ тебѣ, мой вѣрный и безцѣнный другъ, принадлежатъ тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, такъ какъ вся моя жизнь съ того часа, когда мы встрѣтились съ тобой, протекала подъ твоимъ духовнымъ вліяніемъ, которое неустанно помогало мнѣ не падать духомъ въ неудачахъ и не терять равновѣсія, когда положеніе благопріятствовало намъ. Твоя безпредѣльная любовь, самоотверженность и доброта всегда были въ согласіи съ правдой жизни и предостерегали меня отъ ошибокъ. Во имя правды, нерѣдко чувствуя ее инстинктивно, ты была готова на всякую жертву и во имя же правды звала на безпощадную борьбу съ неправдой и зломъ, которыя угадывала даже тогда, когда они выступали подъ личиной правды и добра. Во имя правды, ты и должна принять мои признанія, какъ выраженіе того чувства, которое болѣе сорока лѣтъ переполняетъ мое сердце.

Въ условіяхъ эмиграціи, оторванные отъ Родины, отъ своего домашняго очага, скитаясь изъ страны въ страну, мы ни на минуту не перестаемъ думать о Россіи, и наши съ тобой воспоминанія о Ней остаются для насъ единственнымъ утѣшеніемъ. У насъ нѣтъ матеріаловъ, чтобы сдѣлать наши воспоминанія полными и точными, но мы заносимъ въ нихъ только то, что память наша сохранила во всей неприкосновенности.

Мы будемъ счастливы, если наши воспоминанія будутъ однимъ изъ кирпичей новаго зданія возрожденной Родины, въ возрожденіе которой мы твердо вѣримъ.

ГЛАВА I.

Черниговское губ. земское собраніе. — Село Плиска. — Населеніе. — Экономическое положеніе. — Спеціальное размежеваніе. — Бытъ. — Нѣмецкія колоніи.

Въ 1865 году въ Черниговской губерніи были введены земскія учрежденія. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, студентомъ С.-Петербургскаго университета, я случайно находился тогда въ Черниговѣ, гдѣ служилъ въ это время мой отецъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ открытія губернскаго земскаго собранія, чтобы своими глазами видѣть начало «мѣстнаго парламента.»

Торжественное открытіе перваго земскаго собранія происходило, если не ошибаюсь, въ августѣ мѣсяцѣ въ домѣ дворянства, незадолго передъ тѣмъ законченномъ постройкой, въ большой, неуютной, некрасивой въ два свѣта залѣ, имѣвшей единственное украшеніе — огромный во весь ростъ портретъ императора Александра II, поставленный прямо противъ входа въ залу.

Къ назначенному часу зала наполнилась гласными и публикой, для которой была отведена цѣлая треть залы, отгороженная легкой деревянной рѣшеткой. Мѣста было такъ много, что публика проходила безъ билетовъ, совершенно свободно.

За огромнымъ столомъ «покоемъ», покрытымъ зеленымъ суконнымъ ковромъ, расположилось около 80 гласныхъ, съѣхавшихся со всей губерніи и представлявшихъ, такъ сказать, цвѣтъ дворянства. Кромѣ дворянства виднѣлось только пять крестьянъ, пріютившихся на концѣ праваго крыла «покоя», считая отъ предсѣдателя. Всѣ присутствовавшіе, и гласные и публика, были, видимо, взволнованы новизной дѣла и торжественностью момента.

Собраніе было открыто губернаторомъ княземъ С. П. Голицынымъ, явившимся въ парадномъ камергерскомъ мундирѣ. Губернаторъ произнесъ рѣчь, но, къ сожалѣнію, едва-ли кто нибудь изъ публики ее разслышалъ, вслѣдствіе чрезвычайно неудачной акустики залы. Послѣ губернатора говорилъ предсѣдатель собранія, губернскій предводитель (впослѣдствіи министръ внутр. дѣлъ) И. Н. Дурново, выразившій увѣ-

ренность, что «дворянство» выполнитъ свой долгъ передъ царемъ и отечествомъ. Крестьянъ-гласныхъ они игнорировали.

Формальная часть открытія засѣданія была этимъ закончена и собраніе приступило къ своимъ занятіямъ.

Это событіе произвело на меня огромное впечатлѣніе. Въ первый разъ я былъ въ большомъ публичномъ собраніи, гдѣ, кромѣ гласныхъ, было много публики. Мое воображеніе далеко вышло за предѣлы и этой залы и этого момента и рисовало мнѣ картины будущаго, которое мнѣ казалось такимъ близкимъ... Съ неослабѣвающимъ вниманіемъ я слѣдилъ съ самаго начала засѣданія до конца за всѣмъ происходившимъ. Все было для меня ново и все интересно: порядокъ засѣданія, присяга, выборъ комиссій, секретаря, заявленія гласныхъ, ихъ внѣшность, ихъ рѣчи и манера держать себя. Интересовался, повидимоему, всѣмъ этимъ не я одинъ, но и публика и сами гласные, державшіе себя очень торжественно и прилично случаю. Хотя по своему составу собраніе было почти сплошь дворянское, но оно совершенно не походило на «дворянскія собранія», многолюдныя, шумныя, безпорядочныя, не смотря на мундиры присуствующихъ, не только современные дворянскіе, но и «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма», изъ которыхъ выглядывали еще не вымершіе Чнчиковы, Маннловы, Собакевичи и Ноздревы. Тамъ не обсуждаютъ, а выкрикываютъ имена и баллотнруютъ за уѣзднымн н за губернскимъ столами. Въ земскомъ собраніи и публика совсѣмъ иная. Отсутствовало множество мамашъ и еще болѣе невѣстъ, которыхъ «вывозили въ свѣтъ». Словомъ, никакого сходства между старымъ дворянскимъ собраніемъ и собраніемъ земскнмъ, въ которомъ все шло въ большомъ порядкѣ и всѣ вопросы рѣшались послѣ обсужденія, иногда переходившаго въ горячія пренія.

До нѣкоторой степени я былъ подготовленъ къ тому, что теперь происходило передъ моими глазами, такъ какъ очень рано сталъ интересоваться политическими и общественными вопросами. Еще будучи въ спеціальномъ классѣ въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ, я находился подъ сильнымъ вліяніемъ Герцена, читалъ и перечитывалъ книжки «Полярной Звѣзды» и номера «Колокола», которые получалъ и давалъ мнѣ чнтать у себя на дому мой учитель Михаилъ Алексѣевнчъ Домонтовичъ, въ то время бывшій молодымъ капитаномъ Генеральнаго Штаба и преподавателемъ тактики и военной исторіи, которыя я проходнлъ подъ его руководствомъ. Впослѣдствіи онъ былъ однимъ изъ губернаторовъ въ Болгаріи послѣ войны съ Турціей въ 1877-78 г.г., а позднѣе, членомъ Военнаго Совѣта и полнымъ генераломъ. Домонтовичъ, кажется, былъ не только почитателемъ Герцена, но и его корреспондентомъ, также, какъ и его пріятель М. И. Драгомировъ, впослѣдствіи извѣстный генералъ. Объ этомъ, конечно, Домонтовичъ мнѣ никогда не говорилъ, но я догадывался, что онъ состоитъ въ перепискѣ съ Герценомъ, заключая объ этомъ по многимъ признакамъ. Свое преклоненіе передъ Герценомъ онъ внушилъ и мнѣ. Но онъ сдѣлалъ не только это, а гораздо больше,

такъ какъ онъ былъ страстный приверженецъ идей освобожденія крестьянъ и непримиримый врагъ крѣпостного права. Въ этой области у него былъ въ Петербургѣ корреспондентъ въ лицѣ его родственника и пріятеля Константина Ивановича Домонтовича, въ то время, кажется, занимавшаго мѣсто въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, вырабатывавшихъ Положеніе объ освобожденіи крестьянъ. Впослѣдствіи К. И. Домонтовичъ былъ директоромъ департамента въ Мин. финансовъ, а потомъ — сенаторомъ. Благодаря хорошей освѣдомленности въ крестьянскомъ вопросѣ, мой учитель посвящалъ меня во всѣ детали этого вопроса, возбуждая во мнѣ интересъ и болѣе или менѣе ясное пониманіе этого величайшаго изъ золъ, черезъ которое прошла Россія.

Я долженъ сказать при этомъ, что мой учитель и другъ зналъ меня издавна, такъ какъ его собственная семья была близко знакома съ нашей, живя верстахъ въ 60—70 отъ Плиски, въ селѣ Кудровкѣ, Сосницкого уѣзда Черниговской губерніи. Его отецъ, мать, двѣ сестры и два брата нерѣдко бывали въ Плискѣ у моихъ родителей, точно также, какъ и мои родители бывали у нихъ въ Кудровкѣ. Для насъ съ братомъ вопросъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія былъ не теоретическимъ разсужденіемъ, а живой дѣйствительностью, въ которой мы выросли, и мы своими глазами видѣли то, что осуждали. Статьи Герцена падали на достаточно подготовленную почву, и его идеи остались для меня дорогими на всю жизнь. Мало того: онѣ опредѣлили мое направленіе въ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 60 лѣтъ, но и до сихъ поръ я считаю Герцена моимъ руководителемъ, научившимъ меня не только слѣдовать за нимъ, но и различать у него то, что составляетъ незыблемую основу человѣческой жизни, отъ того, что имѣетъ характеръ гипотетическій и зависитъ отъ времени, мѣста и обстоятельствъ.

Въ настоящее время духовные преемники перваго русскаго большевика, Нечаева, постоянно ссылаются на Герцена, прикидываются его послѣдователями или ссылаются на его слова, яко-бы близкія къ идеямъ коммунистическаго каннибальства. Но только глупецъ повѣритъ этому. Герценъ былъ не только политическій мыслитель и дѣятель, не только соціальный реформаторъ, но и великій русскій патріотъ и гуманистъ. На его рукахъ не было ни одной капли крови; на его совѣсти — ни одного преступленія противъ родины, которую онъ страстно любилъ и съ которой вмѣстѣ страдалъ; онъ былъ истинный гражданинъ своего отечества — Россіи, никогда не измѣнявшій ей ради Интернаціонала, Маркса или Ленина. Онъ презиралъ Нечаева и, если бы былъ живъ, еще болѣе презиралъ бы его эпигоновъ.

Въ Черниговской губ. земскомъ собраніи, съ котораго я началъ свои воспоминанія, было всего 5 гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, причемъ ни одного изъ среды бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Предста-

влено было исключительно сословіе малороссійских казаковъ, никогда не бывшихъ крѣпостными, притомъ сословіе гораздо болѣе обезпеченное въ экономическомъ отношеніи. Крестьяне, только что освободившіеся отъ крѣпостнаго состоянія, еще не имѣли достаточнаго вліянія на избирательныхъ съѣздахъ, чтобы быть избранными. Это должно было исправить время. Тѣмъ не менѣе, эта маленькая группа подлинныхъ представителей народной массы привлекала мое вниманіе и возбуждала желаніе познакомиться съ ней. На этой почвѣ со мною произошелъ маленькій инцидентъ, значительно помогшій выполненію моей задачи. Во время одного изъ перерывовъ, когда большинство гласныхъ уходило въ буфетъ, а небольшая часть избранныхъ отправлялась въ кабинетъ предсѣдателя, расположенный рядомъ съ залой, маленькая кучка крестьянскихъ гласныхъ обыкновенно оставалась въ залѣ, держась вмѣстѣ очень скромно. Во время одного изъ такихъ перерывовъ я рѣшился познакомиться съ ними и отправился къ нимъ за рѣшетку. Повидимому, крестьяне были рады подѣлиться своими впечатлѣніями съ публикой и потому встрѣтили меня очень привѣтливо. Убѣдившись въ ихъ готовности дѣлиться со мною своими соображеніями, я сталъ всякій разъ въ перерывѣ заходить къ нимъ и даже давать имъ нѣкоторые совѣты и исправлять ихъ письменныя заявленія, которыя они предполагали дѣлать. Однако мои бесѣды, повидимому, не нравились нѣкоторымъ гласнымъ, обратившимъ на это вниманіе предсѣдателя И. Н. Дурново. Во время одного изъ такихъ собесѣдованій съ крестьянами, Дурново, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ гласныхъ, вышелъ изъ своего кабинета, прямо направился ко мнѣ и потребовалъ, чтобы я вышелъ за рѣшетку, такъ какъ публикѣ «не тамъ отведено мѣсто, гдѣ я нахожусь». Это было сдѣлано такъ грубо по отношенію не только ко мнѣ, но и къ моимъ собесѣдникамъ-гласнымъ, что вызвало общее вниманіе, такъ какъ крестьяне, возбужденные этой грубостью предсѣдателя и нѣкоторыхъ гласныхъ, пошли за мной и мы продолжали бесѣду. На эту выходку прекрасно отвѣтилъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ и вліятельныхъ гласныхъ, старикъ В. В. Тарновскій, бывшій членъ Редакціонныхъ Комиссій и сторонникъ реформы: онъ демонстративно подошелъ къ моимъ собесѣдникамъ и ко мнѣ, познакомился со мною, протянулъ мнѣ руку и отрекомендовался борзенскимъ гласнымъ. Кажется многіе, а въ томъ числѣ и Дурново, поняли всю глупость своего поступка и болѣе не мѣшали мнѣ ходить за рѣшетку, тѣмъ болѣе, что во время перерывовъ очень многіе изъ публики ходили за рѣшетку, чтобы бесѣдовать съ гласными, а гласные ходили на мѣста для публики, чтобы бесѣдовать со своими знакомыми.

Изъ пяти крестьянскихъ гласныхъ только трое выдѣлялись своими индивидуальными особенностями и потому очень отчетливо сохранились въ моей памяти. Гласный отъ нашего Борзенскаго уѣзда, Гужовскій, представлялъ очень несимпатичный типъ съ необыкновенно гибкой спиной, мягкимъ, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ. Очень умный,

еще болѣе хитрый, всегда чрезмѣрно почтительный, молчаливый и всегда около тѣхъ, кто могъ быть ему полезенъ. Онъ сразу былъ намѣченъ, какъ членъ губ. зем. управы «отъ крестьянъ», въ качествѣ дани духу времени. Онъ и былъ избранъ, приставленъ къ казначейской части и переизбирался нѣсколько трехлѣтій подрядъ.

Другой представитель крестьянства — Мохна, отъ конотопского земства, избранный членомъ уѣздной земской управы. Это былъ человѣкъ умный, скромный, безъ малѣйшаго подобострастья, чрезвычайно симпатичный и умѣвшій держать себя съ большимъ тактомъ и достоинствомъ. Такимъ я зналъ его и позднѣе, когда во второе трелѣтіе самъ сталъ гласнымъ и когда мы шли съ нимъ всегда рука объ руку.

Наконецъ, третій гласный отъ крестьянъ — Осьмакъ, кажется, волостной писарь Гоголевской волости, Остерскаго уѣзда. Его положеніе въ волости наложило на него свою печать особой развязности и самоувѣренности. Онъ былъ грубоватъ, имѣлъ очень громкій и какой-то нечленораздѣльный голосъ и обнаруживалъ полную независимость. Благодаря всѣмъ этимъ свойствамъ своего характера, онъ сразу сдѣлался лидеромъ этой группы, и не разъ причинялъ безпокойство предсѣдателю собранія. Осьмакъ былъ гласнымъ только первое трехлѣтіе. Во второе, когда я былъ гласнымъ, его уже не было, тогда какъ Гужовскій и Мохна, неизмѣнный членъ конотопской уѣздной управы, переизбирались много разъ.

Само собой разумѣется, что въ первомъ собраніи земства не могло быть никакого раздѣленія на партіи; это было дѣломъ будущаго, когда на очередь стали сами собой вопросы, въ которыхъ сказалось различіе интересовъ хозяйственныхъ, сословныхъ и политическихъ. Тогда же, т. е. въ 1865 г. обнаруживалось различіе лишь соціальнаго положенія гласныхъ, пережившихъ великое потрясеніе вѣками существовавшаго соціальнаго и политическаго государственнаго строя. Вчерашніе рабовладѣльцы и рабы, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, сошлись, какъ равные граждане для разрѣшенія мѣстныхъ хозяйственныхъ и культурныхъ задачъ. Однако, достаточно было взглянуть на это собраніе, чтобы сразу замѣтить, что это равноправіе присутствовавшихъ земскихъ гласныхъ было весьма относительно: на 90 губернскихъ гласныхъ, посланныхъ отъ 15 уѣздовъ, только 5 были представителями казачьяго сословія и не было ни одного представителя отъ бывшихъ крѣпостныхъ, а 85 представляли интересы дворянства и предсѣдательствовалъ въ губернскомъ земскомъ собраніи губернскій предводитель дворянства. Въ уѣздномъ земствѣ, хотя численное отношеніе дворянства и крестьянства далеко не соотвѣтствовало равенству представительства сословій, но все же неравенство не такъ бросалось въ глаза, какъ въ губерскомъ собраніи, требовавшемъ къ тому же крупнаго расхода на проѣздъ и проживаніе въ губернскомъ городѣ, отстоявшемъ отъ многихъ уѣздовъ на сотни верстъ.

Въ первое губернское земское собраніе дворянство послало, можно сказать, цвѣтъ своего сословія, представителей богатства и образованія. Тутъ были — Галаганъ, Тарновскій, Неплюевъ, кн. Голицынъ, Бѣлозерскій, Милорадовичъ, Рачинскій и много другихъ, составлявшихъ группу кандидатовъ, готовыхъ взять дѣло управленія губерніей въ свои руки, какъ бы въ видѣ компенсаціи за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного состоянія.. И, дѣйствительно, первая губернская земская управа была образована въ составѣ предсѣдателя, помѣщика Нѣжинскаго уѣзда К. Э. Троцины, образованнаго юриста человѣка твердаго, независимаго по своимъ средствамъ и по характеру и сочувствовавшаго реформамъ. Число членовъ управы было установлено шесть и въ члены избраны — В. В. Тарновскій, кн. П. П. Голицынъ, К. И. Бѣлозерскій и Кобеляцкій, всѣ четверо богатые помѣщики, затѣмъ А. П. Карпинскій, сынъ священника и врачъ по образованію, горячій сторонникъ реформъ и дѣятельный работникъ, шестой былъ крестьянинъ, изъ сословія малороссійскихъ казаковъ, вышеупомянутый Гужовскій. Въ такомъ составѣ губернская управа просуществовала недолго. Членъ управы Тарновскій скончался въ первомъ же году. Кн. Голицынъ, Бѣлозерскій и Кобеляцкій очень скоро разочаровались въ своемъ новомъ положеніи и вышли въ отставку. Отказался отъ должности предсѣдателя и Троцина, но онъ не покинулъ земства и въ качествѣ губернскаго гласнаго принималъ дѣятельное участіе въ работахъ земства въ теченіе продолжительнаго времени, если память мнѣ не измѣняетъ, вплоть до своей смерти. Его мѣсто въ качествѣ предсѣдателя управы занялъ А. П. Карпинскій до конца перваго трехлѣтія, а затѣмъ и второго трехлѣтія, на которое былъ избранъ огромнымъ большинствомъ, благодаря быстро пріобрѣтенному авторитету въ земской средѣ.

Земская реформа стояла въ ряду великихъ реформъ — крестьянской и судебной — и, не смотря на всѣ свои недостатки, сыграла въ русской жизни огромную роль культурную, политическую и хозяйственную.

Приступая къ земской реформѣ, правительство сознавало ея необходимость съ одной стороны, съ другой же боялось создать въ ряду государственныхъ учрежденій бюрократическаго характера, составлявшихъ многовѣковую основу всероссійской державы, новыя учрежденія, самоуправляющіяся и въ извѣстныхъ предѣлахъ независимыя отъ бюрократіи, т. е. боялось создать нѣкоторое двоевластіе, недопустимое съ точки зрѣнія самодержавія. Чтобы избѣжать такой опасности, творцы земской реформы признали прежде всего земство учрежденіемъ не государственнымъ, а частнымъ, въ родѣ частныхъ обществъ, пользующихся извѣстными правами въ предѣлахъ, установленныхъ правительствомъ и имъ контролируемыхъ. Само собой разумѣется, что такая функція создала положеніе, которое противорѣчило самой идеѣ мѣстнаго самоуправленія и неизбѣжно обрекало земство на упорную борьбу съ бюрократіей въ защиту самоуправленія. Такая борьба завязалась почти съ самаго открытія земскихъ учрежденій, какъ толь-

ко истинный смыслъ требованій власти сталъ опредѣляться болѣе ясно и когда вліятельные гласные перваго трехлѣтія стали проявлять свои реакціонныя наклонности въ качествѣ опоры трона и интересовъ дворянства. Поэтому со второго трехлѣтія составъ гласныхъ сталъ измѣняться сообразно общественнымъ и отчасти политическимъ воззрѣніямъ избираемыхъ лицъ.

Занятія перваго собранія имѣли исключительно распорядительный характеръ; распредѣлялись функціи и границы между губернскимъ и уѣздными земствами, составлялись инструкціи губернской земской управѣ, утверждался бюджетъ перваго года земской дѣятельности. Все это была работа очень важная и необходимая, но для публики мало интересная. Исключенія представляли выборы губернской земской управы, отъ которой зависѣло первое направленіе земской дѣятельности и установленіе правильныхъ и независимыхъ отношеній къ мѣстной и центральной администраціи, нерасположеніе которой къ земству было уже общеизвѣстно.

* *
*

Весною 1867 г. я поселился въ с. Плискѣ, Борзенскаго уѣзда, въ небольшомъ имѣніи, переданномъ мнѣ моей матерью дарственнымъ актомъ. Въ этомъ гнѣздѣ до 1860 года жили мои родители; здѣсь прошло и наше дѣтство, здѣсь родился я въ 1843 г., а въ 1845 г. и мой младшій братъ Михаилъ Ильичъ, съ которымъ я былъ связанъ самой горячей дружбой съ дѣтства и до самой его смерти въ 1912 году; здѣсь родилась вторая моя сестра въ 1841 году. Въ 1860 году мой отецъ былъ избранъ дворянствомъ на должность предсѣдателя черниговской уголовной палаты и долженъ былъ переѣхать съ матерью на жительство въ Черниговъ. Имѣніе было сдано въ аренду какому-то венгерцу, а домъ заколоченъ и оказался до того запущеннымъ, что представлялъ мало удобствъ для жизни.

Имѣніе это было мнѣ уступлено въ виду моего настойчиваго желанія остаться въ деревнѣ и посвятить себя общественной дѣятельности, для которой, какъ я тогда не сомнѣвался, открыли широкое поле реформы — крестьянская, земская и судебная. Мой отецъ выражалъ желаніе, чтобы я, слѣдуя обычаю предковъ, началъ свою жизненную карьеру государственной службой, но я рѣшительно этому воспротивился, находя, что времена измѣнились, что гос. служба лишаетъ меня необходимой свободы для осуществленія моихъ общественныхъ и политическихъ плановъ. Отецъ согласился со мною, мать, болѣе приверженная къ старинѣ, немного пожалѣла о моемъ рѣшеніи, но въ концѣ концовъ вопросъ о моей карьерѣ былъ поконченъ полнымъ согласіемъ.

Не могу сказать, чтобы мои планы были очень опредѣленны и ясны, но я зналъ, что, поселяясь въ деревнѣ, среди населенія, въ средѣ кото-

раго я родился и выросъ и трудную жизнь котораго видѣлъ и всѣмъ сердцемъ чувствовалъ, я долженъ посвятить свою жизнь интересамъ народа, его нуждамъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ, гражданскимъ, общечеловѣческимъ; я зналъ, что это требуетъ долгой и упорной борьбы съ условіями его существованія — невѣжествомъ, бѣдностью, беззащитностью и съ произволомъ власти. Зналъ также, что для этого я прежде всего долженъ ближе стать къ населенію, лучше узнать его интересы и достигнуть его довѣрія.

Съ того времени, какъ я принялъ это рѣшеніе, прошло уже болѣе полувѣка, и я могу сказать, что никогда и ни при какихъ условіяхъ не измѣнялъ ему и не жалѣлъ о немъ. Пусть я во многомъ ошибался, но линія моей жизни всегда оставалась прямой, безъ зигзаговъ, безъ кривыхъ уклоненій въ какую либо сторону. На этомъ длинномъ пути мнѣ пришлось пережить немало пораженій: быть высланнымъ изъ своего дома и въ теченіе 25 лѣтъ былъ лишеннымъ права вернуться домой; въ теченіе 7½ лѣтъ былъ интернированнымъ въ опредѣленномъ мѣстѣ жительства подъ гласнымъ надзоромъ полиціи; наконецъ, просидѣть три мѣсяца въ одиночномъ тюремномъ заключеніи и утратить политическія права. Но на этомъ же пути, вмѣстѣ со всей Россіей, я праздновалъ учрежденіе первой Государственной Думы — Всероссійскаго Парламента — и, въ качествѣ ея члена, имѣлъ счастье первымъ взойти на ея трибуну, чтобы требовать амнистіи для всѣхъ пострадавшихъ въ борьбѣ противъ самодержавія. Одно это вполнѣ вознаградило меня за всѣ мои неудачи и я не имѣю никакихъ основаній раскаиваться въ принятомъ рѣшеніи.

* *
*

Село Плиска — центральный пунктъ Борзенскаго уѣзда Черниговской губ. Если провести крестообразно двѣ линіи съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ по самой серединѣ уѣзда, то оно окажется въ точкѣ пересѣченія этихъ линій, имѣя по 30 верстъ на сѣверъ и югъ, и по 15 верстъ на востокъ и западъ. Нашъ уѣздъ находится въ области, тяготѣющей къ Кіеву, отъ котораго Плиска отстоитъ въ 150 верстахъ. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія весь нашъ уѣздъ представлялъ частицу того захолустья, которое тянулось во всѣ концы Россіи и не дѣлало исключенія для самой «матери городовъ русскихъ», пребывавшей въ великомъ запустѣніи, не смотря на то, что въ ней было немало учебныхъ заведеній: университетъ, двѣ гимназіи, кадетскій корпусъ, женскій институтъ, духовная академія. Было и Отдѣленіе Государственнаго Банка, но не было ни промышленности, ни сколько нибудь значительной торговли, оживлявшейся только въ февралѣ мѣсяцѣ во время ярмарки, извѣстной подъ именемъ

«контрактовъ», которая играла роль сельско-хозяйственной биржи и потеряла всякое значеніе послѣ польскаго возстанія въ 1863 году.

Улицы города были пустынны, съ безконечными заборами. Почти всѣ крупныя зданія были заняты разными государственными учрежденіями. Вмѣстѣ съ торговлей и промышленностью отсутствовала и общественная жизнь. Вина этой запущенности и мертвенности самаго красиваго города Россіи, гдѣ природа предлагала человѣку всѣ свои богатства, которыми онъ, казалось, пренебрегалъ, всецѣло должна быть отнесена на счетъ нашего правительства, которое въ желаніи сохранить самодержавіе, блокировало свою собственную страну отъ проникновенія въ нее западныхъ идей и западныхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ. Крымская война, проигранная Россіей въ борьбѣ съ четырьмя западными державами, какъ извѣстно, была большимъ выигрышемъ въ отношеніи внутренняго положенія Россіи: прежде всего она похоронила императора Николая I, доведшаго идею самодержавія до той высшей точки, на которой оно уже не могло удержаться при малѣйшемъ внѣшнемъ пораженіи, а со смертью императора пало и крѣпостное право. Россія была вынуждена открыть всѣ свои двери въ западную Европу. Какъ только Кіевъ соединился желѣзной дорогой съ Одессой, Москвой и западной границей, онъ сталъ рости, какъ росли русскіе богатыри — не по днямъ, а по часамъ. За Кіевомъ оживилась и вся тянувшая къ нему область; но деревенская жизнь не поспѣвала за городской, и я, живя тогда въ деревнѣ, поневолѣ начинаю свои воспоминанія съ того времени, когда жизнь еще не пропускала никакихъ новшествъ, дабы не нарушался покой страны.

* *
*

Село Плиска представляло въ шестидесятыхъ годахъ одно изъ самыхъ типичныхъ поселеній не только Борзенскаго уѣзда, но и всей южной половины Черниговской губерніи, а слѣдовательно и сѣверной половины Полтавской губерніи. Когда, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, было задумано черниговскимъ губернскимъ земствомъ статистическое изслѣдованіе Черниговской губерніи, то на основаніи предварительныхъ изысканій, было избрано, какъ типичное — село Плиска, гдѣ и былъ произведенъ опытъ однодневнаго подворнаго описанія вновь образованнымъ статистическимъ отдѣломъ губ. управы и нѣсколькими приглашенными земцами, предварительно, въ теченіе двухъ дней производившими опытъ подворной переписи по выработанной программѣ.

Это изслѣдованіе легло въ основу всей дальнѣйшей работы черниговской статистики и выполнено руководителями ея А. А. Русовымъ, П. П. Червинскимъ и В. Е. Варзаромъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Въ виду этого, мнѣ кажется, говоря о Плискѣ, я буду по существу говорить о всемъ нашемъ уѣздѣ и даже далеко переступая его границы.

Какъ всѣ малорусскія поселенія, Плиска совершенно ие похожа иа великорусскія деревни, какъ крупныя, такъ и мелкія. Село, — какъ разъ средняго размѣра — состояло изъ 500 дворовъ съ 3500 жителями, въ числѣ которыхъ имѣлось три помѣщичьихъ двора, остальные — дворы казаковъ и, въ значительно меньшемъ числѣ, бывшихъ крѣпостныхъ и нѣсколько дворовъ, принадлежащихъ людямъ прочихъ сословій — духовенству и другимъ. Все село раскинуто на довольно большомъ пространствѣ, имѣетъ нѣсколько улицъ, носящихъ назва́нія по фамиліямъ не помѣщиковъ, а старыхъ казачьихъ гнѣздъ, составлявшихъ новые «куткн»: Гаценковка, Дьяченковка, Ильяшенковка и т. д. очевидно старинныхъ семействъ казачества, постепенно разросшихся и своими семьями занявшихъ части земли, принадлежавшія ихъ родоначальнику.

Продуктъ болѣе поздняго на Украйнѣ образованія — помѣщикъ ие стеръ воспоминаній старины, не знавшей крѣпостного права и сохранившей старыя имена *). Малороссъ прежде всего индивидуалистъ. Онъ со всѣхъ сторонъ огораживаетъ свой дворъ, свою «крѣпость», правда слабо укрѣпленную внѣшнимъ образомъ, но внутренно, въ его чувствѣ и сознаніи — непрнступную. Никакими мѣрами соблазна или кары нельзя малоросса превратить въ коммуниста. Онъ рѣшительно не признаетъ общины и не допускаетъ ни малѣйшаго вмѣшательства въ его хозяйственныя дѣла, но признаетъ «громаду», т. е. собраніе «громадянъ», какъ совѣтъ гражданъ по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, не касающимся его лнчныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ. Этотъ духъ индивидуальной собственности малоросса былъ принятъ во вниманіе и «Положеніемъ о крестьянахъ малороссійскихъ губерній», получившихъ надѣлъ въ индивндуальную собственность, а не въ общинную. Весьма странно, однако, что подъ малороссійскими губерніями въ Положеніи 1861 г. разумѣлись не всѣ безусловно малороссійскія губерніи, какъ Кіевская, Подольская, Волынская, Екатеринославская и другія, населенныя исключнтельио малороссами, а только три: Черниговская, Полтавская и Харьковская.

Само собою разумѣется, что казачество вообще гораздо зажиточнѣе бывшихъ крѣпостныхъ, но подворная перепись обнаружила, что и среди казачьяго сословія происходитъ очень сильная диференціація богатства и бѣдности. Наряду съ иемногими очень богатыми семьями среди казачества уже въ серединѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія были семьи очень бѣдныя, мечтавшія о переселеніи въ Черноморье, такъ какъ патріархальный бытъ все болѣе уступалъ напору но-

*) Какъ извѣстно, закрѣпощеніе посполитыхъ послѣдовало по указу Императрицы Екатерины II въ 1783 г., когда были запрещены переходы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому и на казацкую старшину были распространены права русскаго дворянства.

выхъ экономическихъ условій. Среди казачества оказались семьи, обладавшія сотнями десятинъ, а многія десятками десятинъ; но были и такія, которыхъ земля уже не могла прокормить.

Надѣлъ земли, отведенный по Положенію бывшимъ крѣпостнымъ села Плиски, не превышалъ 2¼ десятинъ на ревизскую душу, т. е. отъ 4½ до 6—7 десятинъ на семью. Въ этомъ отношеніи Плиска избѣжала участи тѣхъ поселеній, гдѣ надѣлъ былъ меньше, или гдѣ крестьяне предпочли получить дарственный надѣлъ — четвертной или нищенскій, сиротскій надѣлъ, какъ его называли. При условіи интенсивнаго хозяйства и хорошо организованнаго сбыта, конечно, семья могла бы прожить и на 6—7 десятинахъ, какъ это я видѣлъ во Франціи, около Виши, гдѣ на маленькой фермѣ, арендующей 6 гектаровъ, содержалось 6 великолѣпныхъ шаролезской породы коровъ и молоко сбывалось въ сосѣднемъ курортѣ. Но такой земельный надѣлъ, даже въ Малороссіи, съ ея глубокимъ черноземомъ, не гарантируетъ крестьянину болѣе 120 пудовъ ржи и 80 пуд. ярового, когда онъ долженъ былъ содержать семью изъ пяти душъ, прокормить, одѣть и обуть ее; когда онъ долженъ былъ заплатить всѣ повинности, лежащія на немъ, и прежде всего выкупную ссуду. Недостаточный надѣлъ крестьянина, только что освободившагося отъ крѣпостной зависимости, ставилъ его въ экономическую зависимость либо отъ бывшаго помѣщика, либо отъ купца, купившаго у послѣдняго землю, либо отъ многоземельнаго казака, словомъ, ставилъ его въ полную зависимость отъ сосѣдняго землевладѣльца, который предписывалъ свои условія, въ увѣренности, что земледѣлецъ вынужденъ принять всякія условія, такъ какъ по близости не было ни фабрикъ, ни заводовъ, ни другихъ какихъ либо занятій, а далеко не уйдешь, потому что о желѣзныхъ дорогахъ онъ и мечтать не могъ, не имѣя о нихъ никакого представленія. Притомъ, онъ не обладалъ никакими другими знаніями, кромѣ первобытнаго способа земледѣльческаго хозяйства. Такое положеніе сразу дало себя чувствовать, ибо понизило обезпеченность, бывшую въ крѣпостномъ состояніи, и до извѣстной степени оправдывало мнѣніе, что освобожденіе крестьянъ не улучшило быта крестьянства, а ухудшило. По привычкѣ, такое парадоксальное мнѣніе продолжало повторяться и тогда, когда развитіе промышленности и распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ несомнѣнно подняло экономическое положеніе всей страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянства. Тѣмъ не менѣе, недостаточный надѣлъ землею крестьянъ при ихъ освобожденіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще долго земледѣліе должно было составлять главную отрасль промышленности, былъ огромной государственной и хозяйственной ошибкой, имѣвшей тѣ роковыя послѣдствія, которыя встали передъ страной въ видѣ аграрнаго вопроса и его рѣшенія революціоннымъ путемъ.

Извѣстно, что, приступая къ освобожденію крестьянъ, и императоръ Александръ II и его ближайшіе совѣтники имѣли въ виду только личное освобожденіе, безъ всякаго земельнаго надѣла, и, только послѣ

продолжительной борьбы мнѣній, правительство согласилось на предоставленіе крестьянину надѣла, обезпечнвающаго государству исправное отбываніе крестьянствомъ государственныхъ повинностей *). Обезпечивалось государство исправной уплатой податей главнымъ податнымъ сословіемъ, но предоставленіе двадцати милліонному сословію существованія, соотвѣтствующаго положенію человѣка свободнаго, въ виду не имѣлось. Императоръ Александръ II предвидѣлъ возможность революцін, совѣтуя дворянству провести освобожденіе сверху, чтобы предупреднть проведеніе его снизу, но онъ не предвидѣлъ, что недостаточное надѣленіе землею людей, для которыхъ земледѣліе есть единственный и необходимый источникъ существованія, неизбѣжно приведетъ къ революцін, рано или поздно. Въ такомъ именно положенін находилась вся черноземная Россія и особенно густонаселенная Малороссія, гдѣ надѣлъ былъ слншкомъ малъ, гдѣ онъ не подлежалъ никакимъ передѣламъ и гдѣ оказалось много крестьянъ съ нищенскимъ надѣломъ.

Для полноты картины мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ и объ экономическомъ положеніи «господствующаго класса», попросту говоря, — помѣщиковъ, большинство которыхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ держалось въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ реакціонныхъ взглядовъ и поэтому имъ подобало затѣмъ смиренно нести послѣдствія своей несправедлнвости и непредусмотрительности. Что касается Борзенскаго уѣзда, то въ немъ находились имѣнія двухъ малороссійскихъ магнатовъ — Галагана и Тарновскаго, оба онн примыкалн къ тѣмъ членамъ Редакціонныхъ Комиссій, которые принадлежали къ либеральному лагерю. Галаганъ имѣлъ въ Борзенскомъ уѣздѣ одно изъ своихъ второстепенныхъ имѣній и жилъ не здѣсь, а въ сосѣднемъ Прилукскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Имѣніе же Тарновскаго, въ которомъ онъ жнлъ и гдѣ былъ расположенъ и его большой сахарный заводъ, занимало болѣе 5/т. десятинъ въ лучшей и плодороднѣйшей части Борзенскаго уѣзда. Далеко не столь обширныя, но все же крупныя имѣнія принадлежали 4 или 5 владѣльцамъ, всѣ же остальныя въ среднемъ не превышали 400 десятинъ, причемъ большинство было ниже и этой средней величины. Для нашихъ магнатовъ освобожденіе крестьянъ только слегка уменьшило ихъ доходы, но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшило и расходы, то возможно, что ихъ балансъ

---

*) Въ рескриптѣ на имя Назимова первоначальиая правительственая программа освобожденія крестьянъ была формулирована такъ: немедленяое безвозмездное личное освобожденіе, предоставленіе освобожденнымъ крестьянамъ права выкупять въ собствениость усадьбы и предоставленіе имъ въ пользованіе за извѣстиыя повинностн, полевого надѣла впредь до выкупа имя усадьбъ. Только впослѣдствіи, подъ напоромъ губернскяхъ комятетовъ нечерноземной полосы, правительство включяло въ программу реформы и выкупъ крестьянами въ собственность полевыхъ надѣловъ, съ согласія помѣщиковъ. Прим. ред.

даже сдѣлался прочнѣе. Всѣ владѣльцы выше средняго, приблизившись къ типу среднихъ, нѣсколько пострадали, но не столько въ финансовомъ отношеніи, сколько въ смыслѣ необходимости сдѣлать свою жизнь болѣе скромной, болѣе расчетливой. Всѣ остальные очутились въ весьма затруднительномъ положеніи, такъ какъ совершенно отказаться отъ старыхъ привычекъ и измѣнить условія жизни у нихъ не хватало ни воли, ни умѣнья. Для многихъ же создалось катастрофическое положеніе, особенно для владѣльцевъ имѣній, заложенныхъ въ казнѣ или очень обремененныхъ частными долгами. Казенные долги удерживались при выдачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ; частные приходилось погашать продажею выкупныхъ свидѣтельствъ и терять на курсѣ часть капитала. Однако, за надѣломъ крестьянъ, во владѣніи у дворянъ оставалось во всей Россіи 100 милліоновъ десятинъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукою свѣдѣній, сколько осталось земли у дворянства Борзенскаго уѣзда и всей губерніи, и я не могу привести точной величины мѣстнаго средняго дворянскаго владѣнія, но полагаю, что во всякомъ случаѣ, какъ сказано выше, оно не превышало 400 десятинъ. До нѣкоторой степени это подтверждается размѣромъ ценза, установленнаго для участія въ выборахъ дворянскихъ и земскихъ съ правомъ самостоятельнаго голоса. Для Борзенскаго уѣзда былъ установленъ цензъ въ 200 десятинъ. Исходя изъ этихъ двухъ величинъ мы можемъ выяснить положеніе двухъ владѣльцевъ: средняго имѣнія и владѣльца, только сохранившаго право самостоятельнаго голоса на выборахъ. Въ имѣніи въ 400 десятинъ подъ пашнею можетъ быть не болѣе 300 десятинъ, т. е. по 100 десятинъ въ полѣ. Въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ, самымъ выгоднымъ способомъ хозяйства было испольное, съ третьей копны или исполу. При урожаѣ въ 50-60 пудовъ ржи и 40 пудовъ овса, землевладѣлецъ могъ получить отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ ржи и до 2-хъ тысячъ ярового. Это былъ почти чистый доходъ, такъ какъ расходъ на молотьбу былъ незначителенъ, а сѣмена давалъ испольщикъ. Какъ же былъ великъ доходъ въ переводѣ на деньги? До постройки Курско-Кіевской дороги, сбытъ зерна былъ чрезвычайно затруднительнымъ, такъ какъ на мѣстѣ все населеніе было обезпечено мѣстнымъ хлѣбомъ въ избыткѣ, а рынка для вывоза не было. Въ 1866 г. рожь можно было продать по 5—6 коп. за пудъ, а овесъ по 40 коп. за четверть, т. е. за 6 пудовъ. При такихъ цѣнахъ весь доходъ опредѣлялся: рожь, 4000 × 0,06 р. = 240 р., овесъ, (2000 п. : 6) × 0,40 р. = 133 р. И такъ, зерновое хозяйство могло дать около 400 руб. дохода, или въ среднемъ по 1 р. съ десятины. Я зналъ весьма практическаго хозяина, у котораго при запашкѣ въ 400 десятинъ, гумно было уставлено большимъ количествомъ скирдъ, но онъ находилъ убыточнымъ какъ молотить такъ и хранить сыромолотнымъ зерномъ (ни овиновъ, ни зерносушилокъ въ Малороссіи не знали), ибо въ томъ и въ другомъ видѣ зерно поѣдали мыши и скирды стояли по нѣскольку лѣтъ не молоченными. Другими словами, этотъ хозяинъ получалъ отъ зернового хозяйства до-

ходъ лишь въ томъ количествѣ, какое потреблялось въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. И если тѣмъ не менѣе земля сдавалась въ обработку, то лишь изъ опасенія возбужденія аграрныхъ преступленій, въ виду нужды крестьянъ, получившихъ въ этомъ имѣніи нищенскій, т. е. «четвертной» надѣлъ и оставшихся безъ полевой земли.

Можно-ли обвинять дворянъ-землевладѣльцевъ въ томъ, что они не сумѣли перейти къ болѣе культурнымъ способамъ земледѣлія, тѣмъ болѣе, что они получили при освобожденіи крестьянъ очень значительный капиталъ, который могъ бы стать оборотнымъ средствомъ для веденія болѣе интенсивнаго хозяйства? Безспорно, капиталъ этотъ былъ съѣденъ, но въ значительной части потому, что для интенсивнаго хозяйства требуются соотвѣтственныя экономичесія условія и основательная научная подготовка, безъ которой никакое улучшеніе въ производствѣ невозможно ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ какомъ либо другомъ промышленномъ дѣлѣ. А много-ли было въ Россіи въ это время сельскихъ хозяевъ, получившихъ основательное научное образованіе? Въ 1891 году, во время голода въ Поволжьѣ и въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ Россіи, я имѣлъ случай бесѣдовать съ извѣстнымъ профессоромъ Петровской земледѣльческой Академіи, покойнымъ Иваномъ Александровичемъ Стебутомъ. Онъ имѣлъ собственное имѣніе, если не ошибаюсь, въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, сильно пострадавшей отъ неурожая. Въ виду этого я поинтересовался узнать объ урожаѣ въ его имѣніи. И. А. Стебутъ отвѣчалъ мнѣ, что урожай зависитъ не только отъ причинъ метеорологическихъ, но и отъ техники и что поэтому у него въ имѣніи урожай и теперь не ниже средняго. При этомъ онъ разъяснилъ, что подъ техникой онъ разумѣетъ всю сложность организаціи земледѣльческаго хозяйства въ зависимости отъ всѣхъ условій, въ которыхъ оно находится, какъ чисто техническихъ, такъ и экономическихъ.

Какими же знаніями располагало землевладѣльческое сословіе, когда оно перешло отъ крѣпостного, дарового труда къ вольнонаемному? Исключительно земледѣльческая Россія не имѣла ни одной высшей агрономической школы, за исключеніемъ Горыгорѣцкаго Института въ Могилевской губерніи, для нуждъ сѣверо-западнаго края и подготовки управляющихъ для крупныхъ имѣній. Петровская сельско-хоз. Академія, созданная для такой же цѣли, учреждена была послѣ освобожденія крестьянъ. Петербургскій Лѣсной Институтъ имѣлъ цѣлью удовлетворять интересы мин. госуд. имуществъ. Никакихъ показательныхъ станцій не существовало и сельско-хозяйственная наука, при крѣпостномъ хозяйствѣ, считалась никому ненужнымъ баловствомъ. Только въ очень немногихъ крупныхъ имѣніяхъ можно было встрѣтить спеціалистовъ управляющихъ, въ большинствѣ случаевъ нѣмцевъ или англичанъ, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ было какое либо промышленное предпріятіе — сахарный или винокуренный, либо конный заводъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, научное знаніе замѣнялось «опытностью»,

которая котировалась во миого разъ выше иауки, хотя призиаки опытности были совершеиио иеуловимы. При такихъ условіяхъ было трудио ожидать какого либо прогресса отъ сельскаго хозяйства, которое ие располагало ии иаучиыми зиаиіями для увеличеиія производства, ии рыикомъ для сбыта своихъ продуктовъ.

Не только въ иашемъ Борзеискомъ уѣздѣ, ио и во всѣхъ другихъ уѣздахъ Чериговской и Полтавской губ. существовало еще одно условіе, составлявшее чрезвычайио важиое препятствіе къ переходу дворяискихъ имѣиій къ болѣе раціоиальиому хозяйству. Препятствіе зто заключалось въ иеобыкиовеиио дробиой черезполосиости имѣиій. Плаиы малороссійскихъ имѣиій представляли такую мозаику, которая исключала всякую возможиость перехода отъ трехполья къ какой либо другой системѣ, такъ какъ земли: помѣщичьи, крестьяискія иадѣльиыя, казачьи и всякихъ другихъ сословій были перемѣшаиы самымъ причудливымъ образомъ. Очевидио, историческій процессъ образоваиія такихъ владѣиій былъ очеиь длительиый и владѣиіе собиралось по кусочкамъ. Совершеиио иевозможио было сохраиить такія имѣиія въ цѣлости и вести иа иихъ самостоятельиое хозяйство. Это положеиіе дало дворяиству двухъ губерній осиоваиіе хлопотать о производствѣ спеціальиаго размежеваиія всѣхъ черезполосиыхъ имѣиій. Такое желаиіе, само по себѣ, было совершеиио естествеиио и справедливо, коиечио, подъ условіемъ охраны иитересовъ владѣиій другихъ сословій и лицъ. Возможио было допустить полюбовиое соглашеиіе, а при отсутствіи такого — арбитражъ смѣшаииой правительствеииой и общественной комиссіи, устаиавливающей справедливыя компеисаціи при иеизбѣжиыхъ обмѣиахъ участковъ. Но правительство, удовлетворяя желаиія дворяиства, передало всю зту сложиую и щекотливую задачу фактически въ руки дворяиства, совершеиио устраиивъ иадзоръ правительства и признавъ размежеваиіе обязательиымъ во всѣхъ черезполосиыхъ имѣиіяхъ. Получивъ такое право, дворяиство использовало его, ие считаясь съ интересами лицъ другихъ сословій. Въ каждомъ уѣздѣ были оргаиизованы межевыя комиссіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ депутатовъ, избираемыхъ дворяиствомъ, двухъ депутатовъ отъ казачьяго сословія и одного межевого офицера, завѣдующаго техиическою частью. Такимъ образомъ, въ комиссіи, черезъ которую проходили всѣ соглашеиія и планы размежеваиія, большиисгво голосовъ предоставлеио было дворянству, иаиболѣе, если ие исключительио, заиитересоваииому въ размежеваиіи; даже въ томъ случаѣ, когда межевой чинъ былъ противъ миѣиія дворяиской части комиссіи, зтому миѣиію все же было обезпечеио торжество перевѣсомъ голоса предсѣдателя.

Для производства межеваиія былъ устаиовлеиъ особый межевой сборъ въ размѣрѣ 3 к. съ десятииы земель, подлежащихъ размежеваиію, и 1½ к. для иеподлежащихъ размежеваиію.

Хотя земля, прииадлежащая казакамъ и поступившая въ иадѣлъ крестьяиамъ, также сводилась въ крупиые участки, ио иарѣзывалась въ

трехъ поляхъ, чѣмъ закрѣплялось трехполье и затруднялся въ будущемъ переходъ къ другой системѣ хозяйства, т. е. къ фермерству. Благодаря этому, казаки и крестьяне утратили обычное право пользованія пастбищемъ для своего скота на паровомъ полѣ помѣщичьей земли, тогда какъ до размежеванія, при черезполосномъ владѣніи, сѣвооборотъ помѣщичьяго хозяйства былъ тѣсно связанъ съ трехпольной системой хозяйства всего населенія, и помѣщикъ не могъ воспретить пользоваться своимъ паромъ. Такая утрата своего обычнаго права очень стѣсняла крестьянское хозяйство въ пользованіи пастбищемъ и гарантировала въ тоже время помѣщику высокую арендную плату за такое пользованіе, что немедленно показало всю невыгоду размежеванія для мелкихъ собственниковъ. Съ каждымъ годомъ плата за наемъ пастбища на паровомъ полѣ поднималась все выше и составила важную статью дохода помѣщичьяго хозяйства.

Но, если законъ былъ составленъ неудовлетворительно и слишкомъ односторонне, то исполненіе его превзошло своимъ безобразіемъ все, что можно было заранѣе ожидать. Избранные въ уѣздную комиссію предсѣдатель и члены отъ дворянства немедленно назначали размежеваніе своихъ собственныхъ имѣній и оставались въ своихъ должностяхъ, пока размежеваніе ихъ имѣній не заканчивалось; послѣ чего подавали въ отставку. На ихъ мѣсто выбирались новыя лица, слѣдовавшія той же системѣ и такъ продолжалось дѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Апелляціонная инстанція, черниговская губернская Межевая Палата, въ составѣ предсѣдателя и членовъ избранныхъ по шаблону уѣздныхъ комиссій, покровительствовала такому порядку вещей, такъ какъ во главѣ ея сталъ помѣщикъ Валер. Осип. Подвысоцкій, руководитель реакціонной дворянской партіи во время освобожденія крестьянъ. Свое собственное имѣніе въ с. Максимовкѣ, Борзенскаго уѣзда, онъ такъ размежевалъ, что мы могли на губернскомъ дворянскомъ собраніи 1875 г. демонстрировать планъ его отрубного владѣнія какъ неопровержимый образецъ тѣхъ злоупотребленій, которыя существовали въ межевыхъ учрежденіяхъ.

Кажется, то была первая попытка раскрыть и прекратить эти позорныя, ничѣмъ не прикрытыя злоупотребленія, явно нарушавшія интересы всѣхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Мы не очень расчитывали на успѣхъ въ собраніи, располагавшемъ тремя сотнями голосовъ, причемъ на сторонѣ нашихъ противниковъ были наиболѣе вліятельные люди и, въ томъ числѣ, замѣнившій вышедшаго въ отставку Подвысоцкаго, богатый и умный помѣщикъ Мглинскаго уѣзда, И. Г. Есимонтовскій. Но мы не унывали и выступили съ рѣчами противъ всей межевой администраціи. Началъ атаку я, за мною выступилъ Александръ Федоровичъ Линдфорсъ, а за нимъ Александръ Павловичъ Карпинскій. Насъ встрѣтили шумомъ и шарканьемъ ногъ. Но мы не сдавались, не смотря на безпрестанные перерывы, и тѣмъ рѣшительнѣе наступали, что почувствовали, что насъ поддерживаетъ гораздо боль-

ше лицъ, чѣмъ мы ожидали. Когда, наконецъ, предложеніе осудить сложившіеся порядки и произвести ихъ разслѣдованіе было поставлено на голоса, за него было подано 125 голосовъ, противъ 175 (приблизительно). Предложеніе было отвергнуто, но предсѣдатель Палаты, Есиментовскій, подалъ немедленно въ отставку. Кажется, его убѣдили взять свою отставку обратно, но ударъ былъ нанесенъ достаточно сильный, чтобы подорвать безповоротно сложившіеся порядки.

Дальнѣйшія событія показали, что никакими мѣрами землеустройства, ни даже округленіемъ дворянскихъ имѣній за счетъ другихъ сословій, поддержать «дворянское» землевладѣніе невозможно, такъ какъ оно было построено на рабовладѣніи и крѣпостномъ трудѣ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ условій, оно было осуждено на разрушеніе. Его историческая роль была уже сыграна, когда дворянство перестало быть единственнымъ образованнымъ сословіемъ; роль дворянъ, какъ привилегированныхъ представителей земледѣлія дѣлается невозможной, когда земледѣльческая промышленность становится элементомъ міроваго обмѣна, когда она начинаетъ занимать первое мѣсто въ экспортѣ и когда поэтому ея производство должно подняться на высоту современныхъ научныхъ знаній и торговаго опыта.

* *
*

Воспоминанія мои о томъ моментѣ, который переживало наше захолустье непосредственно послѣ освобожденія крестьянъ, были бы неполны, если бы я прошелъ мимо всего, что относится къ духовной жизни народа, о которой можно, конечно, судить лишь по внѣшнимъ ея проявленіямъ.

Крѣпостное право раздѣлило русскихъ людей на двѣ части: на дворянство и «народъ», на бѣлую и черную кость, т. е. якобы провело границу не только по правовому признаку, но и по признаку самой породы людей. Этотъ взглядъ создалъ глубокую пропасть между верхнимъ незначительнымъ меньшинствомъ и громадной народной массой, хранившей въ своей душѣ всѣ свойства, выразителями которыхъ были великіе святые и юродивые, великіе мыслители и поэты, великіе писатели и художники, общественные дѣятели и государственные люди. Къ нимъ принадлежали: Сергій Радонежскій, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ, митрополитъ Филиппъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Ломоносовъ, Ключевскій, Петръ Великій, Сперанскій и т. д. Вся творческая мысль, двигавшая нашу страну по пути прогресса, тамъ, въ этой народной гущѣ, безсознательно черпала все свое содержаніе, о могуществѣ котораго самъ источникъ его и не подозрѣвалъ, и не претендовалъ на знаніе, инстинктивно чувствуя, что оно принадлежитъ не индивиду, а этому колоссальному коллективу, имя которому — народъ, или «міръ», какъ онъ выражался.

Государство, черпавшее изъ этого безпредѣльнаго источника весь свой разумъ и свою силу, мало заботилось объ его охранѣ, объ его счастьѣ, даже просто объ его жизни. Въ глазахъ государства эта народная масса была только рабочей силой и податнымъ состояніемъ, удовлетворявшимъ государственныя потребности, не болѣе того. Даже при освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею, размѣръ надѣла опредѣлялся обезпеченіемъ уплаты податей. Русскій народъ зналъ государство только съ его отрицательной стороны, и какъ поэтому печальны были плоды этого невѣдѣнія! Мы всѣ знаемъ и помнимъ, какія повинности отбывалъ народъ въ дореформенное время и какъ постепенно только земскія учрежденія начали пытаться уравнивать эти повинности, переводя ихъ на деньги и распространяя ихъ на всѣ сословія. Исключеніе представляетъ только самая тяжкая изъ всѣхъ повинностей — военно-рекрутская; она была распространена только въ 1874 году на всѣ сословія, но со многими ограниченіями въ пользу образованности. Постойная, подворная, дорожная и всѣ подобныя повинности ложились всею тяжестью на податныя сословія, такъ какъ сословія неподатныя были отъ нихъ освобождены. Что же государство давало въ замѣнъ этого бремени, требованіемъ котораго оно не стѣснялось?

Порядокъ и спокойствіе, судебную защиту, охрану собственности? Кому же неизвѣстно, что порядокъ и спокойствіе достигались такимъ произволомъ власти, что къ нему относились, какъ къ горшему бѣдствію? Судебную защиту? Но кто же не знаетъ, что дѣла рѣшались не по закону, а за взятку? То бюрократическое самодержавіе, въ которомъ олицетворялась государственная власть, воистину было врагомъ и народа и государства.

Народъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всѣ податныя сословія, былъ почти поголовно безграмотенъ: почти никакая литература въ его среду не проникала, а правительство зорко слѣдило, чтобы не проникало особенно то, что будило мысль и раздвигало народный кругозоръ. Самодержавіе понимало, что только круглое невѣжество или личная выгода могли быть его опорою, и оно поддерживало невѣжество народа такъ-же, какъ допускало завѣдомо произволъ и взяточничество чиновниковъ. На весь уѣздъ полагалось одно уѣздное училище, спеціально для горожанъ. При нѣкоторыхъ волостяхъ государственныхъ крестьянъ содержались школы для подготовки волостныхъ писарей и т. п. должностныхъ лицъ по управленію госуд. имуществъ. Забота-же объ образованіи помѣщичьихъ крестьянъ возлагалась на ихъ владѣльцевъ, но я не знаю ни одной такой школы въ нашемъ уѣздѣ. Вообще же забота объ образованіи была возложена на духовенство, которое было такъ обременено церковными требами и своими личными дѣлами, и такъ мало было заинтересовано въ просвѣщеніи народа, что школы, если гдѣ-нибудь и существовали, то только на бумагѣ, и я знаю, что въ нашемъ уѣздѣ дѣйствовала фактически только одна церковная школа въ с. Николаевкѣ. Когда я поселился въ 1867 г. у себя въ

Пинскѣ и убѣдился въ полномъ отсутствіи школъ въ нашемъ уѣздѣ, я рѣшился сдѣлать опытъ и устроилъ въ своей усадьбѣ въ отдѣльномъ удобномъ флигелѣ, гдѣ было мѣсто для двухъ классовъ и для квартиры учителя, школу, для которой пригласилъ въ качествѣ преподавателя молодого человѣка, прекрасно окончившаго духовную семинарію въ Черниговѣ, но не могшаго принять священства въ виду больной ноги и необходимости пользоваться костылями. Это былъ очень умный, добрый, честный и отлично подготовленный для учительства человѣкъ, по фамиліи Слесаревскій. Мы съ нимъ открыли школу, не справляясь ни съ какимъ начальствомъ, естественно полагая, что если въ уѣздѣ нѣтъ школъ, то не можетъ быть и школьнаго начальства. Однако, я ошибся. Спустя мѣсяцъ или два послѣ открытія школы, которую уже посѣщало болѣе тридцати мальчиковъ, ко мнѣ явился становой приставъ и предъявилъ бумагу мѣстнаго училищнаго совѣта (таковой оказался) съ требованіемъ объясненій, на какомъ основаніи я открылъ у себя школу, не испросивъ разрѣшенія отъ совѣта на ея устройство и пригласилъ учителя, не имѣвшаго права на преподаваніе, въ виду чего мнѣ предлагалось, подъ угрозой привлеченія меня и учителя къ суду, немедленно закрыть школу. Угроза судомъ для меня не представляла никакой опасности, но бѣдный мой учитель могъ серьезно пострадать, такъ какъ дальнѣйшая его учительская карьера была всецѣло въ рукахъ училищнаго совѣта. Принимая это во вниманіе, ничего другого не оставалось, какъ закрыть школу.

Уже съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, народная школа и грамотность считались опасными источниками «умствованія» въ средѣ недостаточно образованной. Въ Кіевѣ на этомъ основаніи были закрыты организованныя тамъ воскресныя школы грамотности и эта мѣра была распространена на всѣ мѣстности Россіи. Всѣ мы, съ первыхъ шаговъ на общественномъ поприщѣ, чувствовали, что народная школа есть учрежденіе гонимое и что она станетъ тѣмъ пунктомъ, на которомъ общественность и правительство будутъ непримиримы. Тѣмъ не менѣе, въ нашемъ уѣздѣ, почти въ каждомъ селѣ встрѣчались люди грамотные и даже хорошо грамотные, особенно среди казаковъ, но бывали и среди крестьянъ. Одни изъ нихъ прошли уѣздныя училища, другіе — школу госуд. имуществъ, третьи учились у мѣстнаго дьячка или пономаря, наконецъ, четвертые, большей частью изъ крестьянъ-дворовыхъ, обучались кѣмъ либо изъ семьи помѣщика или изъ служащихъ въ имѣніи. Но все же это были отдѣльные случаи, масса же народная оставалась неграмотной и преданія, по старинному, хранила въ своей памяти, а все новое узнавала устной передачей.

Сколько недоразумѣній происходило на этой почвѣ, сколько было пережито такихъ непоправимыхъ событій, какъ бунтъ крестьянъ въ с. Безднѣ, Казанской губерніи, какъ «бунтъ» въ нашей губерніи въ с. Жукоткахъ, въ имѣніи И. Н. Дурново, или въ имѣніи Гореславскаго въ с. Шаповаловкѣ при освобожденіи крестьянъ! Неграмотные, вѣря-

щіе какому инбудь проходимцу на слово, крестьяне поднимались н расплачнвались за свое невѣдѣиіе смертью, каторжиою работою или безпощадной «сѣкуціей»!

Правительство издавна усвоило взглядъ на грамотность народа какъ на опасность для спокойствія и цѣлости государства. Что же удивительнаго, что спустя полвѣка въ русскомъ народѣ не оказалось чувства патріотнзма, сознанія единства народа русскаго, едиства русскаго государства; что своей родиной народъ считалъ свое село и въ лучшемъ случаѣ — губернію; что все прошлое великаго народа, вся его исторія осталась для него книгой, запечатанной семью печатями. И государство русское, стронвшееся неизмѣримыми жертвами въ теченіе десяти вѣковъ, развалилось какъ карточный домикъ, развалилось не отъ вражескаго удара, а отъ собственнаго безумія, отъ самонстребленія людей и всѣхъ цѣнностей матеріальныхъ и моральныхъ, иакопленныхъ сорока поколѣніями предковъ, трудомъ ихъ и лишеніями.

Чтобы народъ зналъ, цѣнилъ н любнлъ свое отечество, нужно, чтобы онъ зналъ свое прошлое, свою славу и свои несчастья; нужно, чтобы онъ зналъ свое отечество, не странствуя по тюрьмамъ и пересыльиымъ этапамъ, а живымъ образомъ, участвуя въ дѣлахъ своего отечества, въ дѣлахъ государственныхъ, какъ и въ мѣстныхъ; нужно, чтобы иародъ привыкъ не отдѣлять себя отъ отечества и чтобы каждый чувствовалъ свою велнкую отвѣтствеиность за общее благополучіе.

Тогда и Россія проявила бы не меньше Бельгии и Франціи патріотнзма въ борьбѣ съ нѣмцами и не опозорила бы себя Брестъ-Лнтовскимъ мнромъ и измѣной.

Украинскій народъ имѣетъ свон особенности, свой, очень близкій къ великорусскому, но особый языкъ, свой національный характеръ, свой типъ, свою особую исторію, такъ какъ онъ нѣсколько вѣковъ жилъ отдѣльной государственной жизнью. Этотъ народъ не былъ побѣжденъ оружіемъ своего сѣвернаго собрата, но оба брата соеднинились добровольно, какъ равный съ равнымъ, радн самозащиты отъ внѣшнихъ враговъ. При такихъ условіяхъ сохраненіе національныхъ особенностей обѣихъ частей Россін не могло ни удивлять, ни тѣмъ менѣе возбуждать подозрѣнія и преслѣдованія проявленій ихъ. Но русско-нѣмецкое правительство, не чувствующее прочности своихъ собственныхъ корней, держалось политики нивеллировки по одному заранѣе установленному образцу, и все другое признавало требующимъ подавлеія и уничтоженія. На этой почвѣ и выросло украинофильство, постепенно, съ помощью нѣмецкихъ и австрійскихъ старателей превращенное въ сепаративное двнженіе или «самостійность» Украйны. Но объ этомъ я буду говорить позднѣе: теперь ограничусь тѣмъ, что было до коица шестндесятыхъ годовъ.

Смерть крупнаго народнаго поэта Т. Г. Шевченко, послѣдовавшая почти одновременно съ объявленіемъ маифеста 19 февраля 1861 г., и

перевезеиіе его тѣла для погребенія въ Кіевскую губернію вызвали значительное, чисто культурное, безъ малѣйшей политической примѣси, движеиіе во всей Украйиѣ, ио, кажется, исключительио въ интеллигентскнхъ кругахъ и среди учащейся молодежи. Освобождеиіе крестьяиъ было фактомъ такой огромиой важиости, что весь интересъ страны былъ обращенъ къ нему, и смерть самаго крупиаго поэта и патріота Украйны ие была встрѣчена такъ, какъ иадлежало бы по ея культурному значеиію. Какъ разъ въ это время я былъ въ Черииговѣ, покииувъ кадетскій корпусъ, и помию перевезеиіе тѣла Шевченка черезъ Чериисовъ. Гробъ везли иа почтовыхъ и сопровождали его, если ие ошибаюсь, А. М. Лазаревскій и П. Чубиискій, которыхъ я встрѣтилъ у И. П. Дорошенка, учителя математики въ Черииговской гимиазіи, убѣждейиаго украйнофила. Чериисовъ, одииъ изъ старѣйшихъ городовъ лѣвобережной Украйны, проявилъ очеиь слабый иитересъ къ этому событію. Впрочемъ, возможио, что его и не допустила бы до большаго полиція, такъ какъ всѣ опасались крестьяискихъ безпорядковъ, хотя иикакіе прнзиаки ихъ ие предвѣщали.

Память Шевчеика къ иашему Борзеискому уѣзду имѣла особое отношеніе. Благодаря своему старому товарищу, Паителеймоиу Александровичу Кулишу, пострадавшему съ иимъ и съ профессоромъ Костомаровымъ по дѣлу объ оргаиизаціи ими Кирилло-Меѳодіевского братства, Шевчеико сблизился съ семействомъ Бѣлозерскихъ и гащивалъ иа хуторѣ Ник. Даииловича Бѣлозерскаго подолгу. На одной изъ Бѣлозерскихъ, Алексаидрѣ Михайловиѣ, Кулишъ жеиился и устроилъ свой хуторъ около села Оленовки, гдѣ по временамъ и проживалъ, н гдѣ однажды, я посѣтилъ его. Быть можетъ такимъ путемъ, украйнофнльство появилось (впервые?) иа почвѣ Борзеискаго уѣзда, гдѣ долго сохранилась память о Шевченкѣ и откуда вышли его первые дѣятели: П. А. Кулишъ и братъ его жеиы Вас. Мих. Бѣлозерскій, издатель перваго украиискаго журнала «Осиова». Одивко, своимъ развитіемъ украинофильство обязаио кружку извѣстиыхъ профессоровъ Кіевскаго уннверситета: Михаилу Петровичу Драгомаиову и Владиміру Боиифатіевнчу Аитоиовичу, изъ которыхъ первый былъ выиуждеиъ покинуть Россію по доносу помощиика попечителя Кіев. учеби. округа Юзефовича, н продолжалъ свою работу за-граиицей безъ всякой помѣхи. Я могу утверждать съ полиымъ убѣждеиіемъ, что между ихъ украйиофильствомъ и сепаратизмомъ ие было ничего общаго, и преслѣдованіе украйнофильства было одиой изъ главиыхъ причинъ перехода его къ идеѣ объ отдѣлеиіи Украйны и превращеиіи ея въ самостоятельное государство. Эта идея — плодъ поздиѣйшаго времени, о которомъ я надѣюсь поговорить въ одиой изъ послѣдиихъ главъ моихъ воспомнианій. Теперь же я могу сказать, что изъ всѣхъ украйиофиловъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ только одииъ измѣиилъ своей странѣ, исходатайствовавъ себѣ увольиеиіе изъ русскаго поддаиства и принявъ поддаиство австрійское, и это былъ — Пантелеймонъ Александ-

ровичъ Кулишъ... Но творцемъ «самостійности» Украйны былъ русскій централизмъ, грубый и нелѣпый.

Въ число гонимыхъ попала и малорусская народная пѣсня, въ которой такъ прекрасно отражалась вся поэзія, вся душа малорусскаго народа и вся музыкальность его природы. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ народная пѣсня еще сохранилась и не была вытѣсняема продуктомъ фабрнчнаго и городского творчества, со всей его грубостью и пошлостью. Мало по малу она оттѣснялась въ глухіе хутора, куда новѣйшая культура еще не проникла, тогда какъ она стала быстро проникать въ такія бойкія села, какъ Плиска, съ ея желѣзно-дорожной станціей и наплывомъ всевозможныхъ представителей промышленности и торговли. Усердными гонителямн народной пѣсни явились только что испеченные «Маковскіе» *) полицейскіе урядники, созданные для поддержанія въ деревнѣ тишины и порядка. Эти-то новые представители центральной власти съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялись разгонять распѣвавшіе до глубокой ночи деревенскіе хоры, собиравшіеся по вечерамъ гдѣ-нибудь на улицѣ, гдѣ лежало какое нибудь бревно и можно было сндѣть. Не знаю, причиняло ли это пѣніе безпокойство министру Макову, опасавшемуся украйнофильской пропаганды, или мѣшало спать самому урядннку, но я, въ качествѣ мирового судьи, въ своемъ участкѣ неуклонно оставлялъ безъ послѣдствій протоколы урядниковъ о привлеченіи пѣвицъ и пѣвцовъ къ отвѣтственности за «нарушеніе тншины» задумчивой украинской ночи прелестной народной пѣснью.

Въ это самое время, когда центральное правительство такъ подозрительно относилось къ украйнофильству, оно оказывало всякое покровительство нѣмецкимъ колонистамъ, всячески охраняя ихъ самостоятельность, языкъ, культуру и даже особое управленіе. Нашъ Борзенскій уѣздъ, кажется, былъ сѣвернымъ предѣломъ распространенія поселеній нѣмецкихъ колонистовъ, переселившихся въ Россію изъ Германіи въ концѣ XVIII-го или, вѣрнѣе, въ началѣ XIX вѣка на югъ Россіи, въ губ. Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую, въ Кубанскую область и въ Заволжье, гдѣ они получили обширные надѣлы превосходной земли и зажили припѣваючи, получивъ свое особое управленіе съ сохраненіемъ даже языка, и освобожденіе отъ всѣхъ налоговъ и повинностей. Какимъ то непонятнымъ образомъ, изъ Новороссіи перескочивъ Полтавскую губернію, нѣмцамъ отвели такіе же обширные надѣлы въ Борзенскомъ уѣздѣ, на которыхъ устроилось шесть колоній, изъ коихъ двѣ — Большой и Малый Вердеръ — были католическія, а четыре протестанскія и въ одной изъ нихъ, Кальчиновкѣ, помѣстилось общее управленіе для всѣхъ шестн колоній. Если степи Новороссіи въ началѣ XIX вѣка были слабо заселены и правнтельство

---

*) Маковъ — министръ внутреннихъ дѣлъ 1878-1880 г.г. При немъ реформирована уѣздная полиція и введенъ институтъ урядниковъ.

спѣшило ихъ заселить, чтобы стоять твердой ногой противъ Турокъ и Крымскихъ татаръ, то это еще можно понять; но ради чего были устроены колоніи въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., среди сравнительно густого населенія, будущее котораго вовсе не было обезпечено землею, — это трудно объяснить. Остается думать, что правительство предполагало дать нѣчто въ родѣ показательнаго земледѣльческаго хозяйства, стоявшаго въ Германіи, конечно, выше малороссійскаго. Если такъ, то надежды эти совершенно не оправдались, такъ какъ правительство сдѣлало все, чтобы изолировать колонистовъ отъ мѣстнаго населенія. Поэтому борзенскія колоніи оказались какимъ то постороннимъ тѣломъ, внѣдреннымъ въ чуждый имъ край, съ которымъ у нихъ не было никакой гражданской и общественной связи. Третье или четвертое поколѣніе колонистовъ, живя на новой родинѣ, не усвоило ея языка и не принимало въ ея дѣлахъ никакого участія. Ихъ хозяйство остановилось на той ступени, на какой оно было въ Германіи въ моментъ переселенія, равно какъ и ихъ понятія и нравы. Мнѣ пришлось имѣть съ ними часто сношенія, такъ какъ всѣ колоніи находились въ моемъ судебно-мировомъ участкѣ, и всякій разъ я поражался тупостью этихъ людей, предназначенныхъ быть культуртрегерами въ странѣ, стоявшей выше ихъ по своимъ природнымъ способностямъ. Изоляція сдѣлала то, что они потеряли свою старую родину и не пріобрѣли новой. Если бы они теперь вернулись на свое старое пепелище, они погибли бы, не имѣя силъ справиться съ новыми требованіями жизни. Когда было введено земство и они получили окладные листы на уплату земскаго сбора, они отказывались платить, на томъ основаніи, что имъ обѣщано освобожденіе отъ всякихъ повинностей. Сенатъ заставилъ ихъ платить. Когда же въ 1874 году была введена всеобщая воинская повинность, нежелающимъ отбывать ее было предоставлено эмигрировать. Нашлись молодые люди, которые предпочли эмиграцію и выѣхали въ Америку, и это не только въ изолированныхъ борзенскихъ колоніяхъ, но и въ колоніяхъ новороссійскихъ, богатыхъ и цвѣтущихъ, но оставшихся чуждыми Россіи и не спаявшихся съ мѣстнымъ населеніемъ.

ГЛАВА II.

Постройка Курско-Кіевской желѣзной дороги. — Земскіе выборы на второе трехлѣтіе. — Я избранъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ. — Первое выступленіе въ Черниговск. губ. собраніи. — А. Ф. Линдфорсъ.

До постройки Курско-Кіевской желѣзной дороги лѣвобережная Украина, вплоть до Чернаго моря, не имѣла никакихъ путей сообщенія въ европейскомъ и культурномъ смыслѣ этого понятія. Въ Крымскую войну везли на лошадяхъ и на волахъ со всѣхъ концовъ Россіи въ Симферополь и Севастополь все снаряженіе арміи, перевозили раненыхъ и гнали гурты воловъ для продовольствія арміи, ибо другихъ способовъ передвиженія не было. И если войну вели такимъ упрощеннымъ способомъ, то само собою разумѣется, что населеніе въ своемъ обиходѣ пользовалось такимъ же сообщеніемъ: чумаки лѣтомъ ѣздили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой, доѣзжали и до Астрахани; простонародье ходило пѣшкомъ, а помѣщики ѣздили въ экипажахъ на богомолье въ Кіевъ или въ Воронежъ. Дальше сосѣдей не ѣздили; даже на дворянскіе выборы въ Черниговъ ѣздили только въ лѣтнее время. Прочее населеніе сидѣло дома, и нерѣдко можно было встрѣтить бабу, а иногда и мужика, которые не отлучались изъ своего села дальше ближайшихъ селъ и хуторовъ: не было въ томъ никакой нужды. Впрочемъ, въ видѣ исключенія, посѣщали ближайшія ярмарки, имѣвшія чисто сельско-хозяйственный характеръ.

Все это было въ порядкѣ вещей до Крымской войны, когда военное могущество Россіи стояло, казалось, на недосягаемой высотѣ, а въ благосостояніи населенія никто не сомнѣвался. Но, когда само правительство убѣдилось въ призрачности своей военной мощи, оно почувствовало, что его опора — крѣпостное право — грозитъ экономическимъ, финансовымъ и даже, можетъ быть, политическимъ крахомъ. Словомъ, стало всѣмъ ясно, что Россія должна сбросить свои ветхія одежды и надѣть новыя, болѣе современныя. Подъ давленіемъ необходимости было приступлено къ реформамъ и къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ С.-Петербургско-Варшавской и Кіево-Одесской — для соединенія Россіи съ Западной Европой.

Въ 1867 г. было приступлено къ соединенію Кіева съ Москвой черезъ Курскъ и къ постройкѣ Курско-Кіевской дороги — первой желѣзной дороги въ лѣво-бережной Украйнѣ. Это было для пяти южныхъ уѣздовъ Черниговской губ. и для сѣверныхъ уѣздовъ Полтавской событіемъ огромной важности, полнымъ переворотомъ въ экономическомъ положеніи плодороднаго, но совершенно заброшеннаго и забытаго края. Дорога проходила черезъ уѣзды: Остерскій, Козелецкій, Нѣжинскій, Борзенскій и Конотопскій Черниг. губ. Далѣе она пересѣкала сѣверные уѣзды Курской губ., а затѣмъ черезъ Орловскую и Тульскую губерніи до Москвы.

Уже въ 1868 г. осенью жел. дорога была открыта для движенія на всемъ протяженіи, за исключеніемъ моста черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ, строившагося, если не ошибаюсь, въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Я помню прекрасный августовскій вечеръ, когда все населеніе нашего села, отъ стараго до малаго, вышло къ строящейся линіи жел. дороги, чтобы встрѣтить первый поѣздъ, который долженъ былъ дойти отъ Кіева къ станціи «Плиски» съ разнаго рода балластомъ: рельсами, цементомъ и т. д. Много крестьянской молодежи было верхомъ, готовясь поскакать впередъ на встрѣчу поѣзда, какъ только онъ покажется на горизонтѣ. А горизонтъ въ степи широкъ, видъ открывается на много верстъ. Толпа была полна любопытства и видимо взволнована, такъ какъ тяга поѣзда локомотивомъ представлялась ей непонятной. Въ ожиданіи шли разговоры, разспросы, выражались опасенія, что зимой дорогу занесетъ снѣгомъ и т. п. Начало темнѣть, когда вдали, почти на горизонтѣ, показались три огня. Толпа заволновалась, огни все приближались, послышался шумъ идущаго поѣзда, молодежь поскакала впередъ, поѣздъ подходилъ и когда его голова — локомотивъ поровнялся съ толпой, единодушный крикъ «ура!» вырвался изъ груди тысячной толпы и продолжался, пока поѣздъ не остановился у семафора, на которомъ горѣлъ красный огонь. Толпа смотрѣла съ интересомъ на пыхтѣвшій локомотивъ и на длинную цѣпь вагоновъ, нагруженныхъ всякимъ матеріаломъ. Многіе крестились. Что думала толпа въ эту минуту, я, конечно, не знаю. Мнѣ кажется, что не столько ея сознаніе, сколько ея чувство говорило ей, что произошло нѣчто очень важное, но что именно, — она не могла себѣ объяснить. А между тѣмъ, произошло дѣйствительно нѣчто важное: открылась новая жизнь, новый кругъ понятій, отношеній и потребностей. Патріархальный бытъ со всею его красотою и ветхостью отходилъ въ вѣчность, уступая мѣсто новымъ формамъ жизни, содержаніе которыхъ было невѣдомо и загадочно. Безспорно, поворотъ совершался въ сторону европеизаціи, къ капиталистическимъ формамъ производства, къ фабрикѣ, къ заводу, къ замѣнѣ машиною домашняго издѣлія. Прялка и ткацкій станокъ не будутъ больше имѣть мѣста въ крестьянской избѣ...

Достаточно было только приступить къ постройкѣ желѣзной дороги въ 1867 году, чтобы произвести переворотъ въ положеніи мѣстнаго сельскаго хозяйства и поднять цѣны зерновыхъ хлѣбовъ чуть ли не въ 8 или въ 10 разъ. По всей строящейся линіи желѣзной дороги появилось множество привезеннаго изъ Великороссіи народа: землекоповъ, плотниковъ, каменьщиковъ, печниковъ и я долженъ сказать, что сожительство пришлаго съ мѣстнымъ населеніемъ было очень мирнымъ, такъ какъ пришлые рабочіе, крестьяне Владимірской, Калужской, Тульской и другихъ губерній, — были всю недѣлю заняты работой съ ранняго утра до поздняго вечера. Въ то время восьмичасовой рабочій день, кажется, еще не былъ знакомъ ни рабочимъ, ни даже инженерамъ.

День начинался и оканчивался по солнцу. Вся эта громадная толпа рабочихъ, наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, появлялась на берегу большого пруда, раздѣляющаго село Плиску на двѣ части, и съ невообразимымъ шумомъ и крикомъ вваливалась въ прудъ, вода котораго не отличалась прозрачностью, а дно было покрыто глубокимъ иломъ. Тѣмъ не менѣе, это купанье, на половину въ грязи, видимо, доставляло величайшее наслажденіе послѣ тяжелой шестидневной работы подъ палящими лучами южнаго солнца, на нашемъ черномъ и пыльномъ черноземѣ.

Наѣхали и служащіе со строителемъ нашего участка инженеромъ Константиномъ Яковлевичемъ Михайловскимъ во главѣ и его помощникомъ, студентомъ послѣдняго курса института Путей Сообщенія, Аркадіемъ Аркадіевичемъ Заворовымъ, однимъ изъ самыхъ милыхъ юношей, которыхъ я встрѣчалъ въ жизни, и съ которымъ я очень скоро близко подружился. Все свое свободное время онъ проводилъ у меня и сталъ для меня совсѣмъ своимъ человѣкомъ, какъ бы членомъ семьи. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ прямой, честный, умный и добросовѣстный работникъ, относившійся къ рабочимъ необыкновенно сердечно, внимательно и справедливо.

Его шефъ К. Я. Михайловскій очень полагался на своего помощника и довѣрялъ ему. Жилъ онъ въ с. Великой Загоровкѣ, верстахъ въ 8-ми отъ ст. Плиски строящейся дороги, такъ какъ ближе не могъ найти помѣщенія для себя и семьи, повидимому, привыкшей къ удобствамъ жизни богатыхъ людей. Это обстоятельство налагало на Заворова много заботъ, тѣмъ болѣе, что строительный участокъ — отъ ст. Крутъ до ст. Бахмачъ — заключалъ, если не ошибаюсь, 44 версты, пространство, требовавшее много времени для частаго объѣзда. Вмѣстѣ съ этими двумя инженерами наѣхалъ огромный штатъ всякихъ служащихъ и подрядчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ появилась въ оборотѣ масса денегъ: все покупалось, все продавалось, за все платили много больше, чѣмъ это стоило раньше, все больше развивались жадность, стремленіе воспользоваться минутой и желаніе «урвать». Цѣна даже на землю сразу поднялась до чрезвычайной степени по отчужденію подъ жел. дорогу и въ исключительныхъ случаяхъ дошла до 500 руб. за десятину, тогда какъ въ 1861 г., т. е. семь лѣтъ раньше, надѣльная стоимость была установлена въ нашей мѣстности въ 42 р. 50 к. Строители возмущались такой цѣной, хотя, въ сущности, они сами и создали эту жадность, сдавая работу съ подряда, переходящаго изъ рукъ въ руки, и зарабатывая рубль на рубль, если не болѣе. Въ числѣ разныхъ подрядчиковъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ строителями, былъ наиболѣе преуспѣвающій крестьянинъ — Журавлевъ. Онъ жилъ бариномъ, пользовался неограниченнымъ кредитомъ и въ концѣ концовъ, какъ было слышно, совершенно разорился, что и не удивительно, такъ какъ вокругъ всего этого крупнаго дѣла господствовала самая нездоровая ат-

мосфера наживы, которой все было заражено, и эта болѣзнь безостановочно росла и въ ширь и въ глубь.

Строитель нашего участка К. Я. Михайловскій, человѣкъ умный и, какъ извѣстно, очень свѣдущій инженеръ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и тактомъ, и за все время строительства не было ни одного случая, который говорилъ бы противное. Я довольно часто съ нимъ встрѣчался и мы нерѣдко затрагивали вопросъ о значеніи желѣзной дороги для нашего края. Къ моему удивленію, онъ рѣшительно отрицалъ экономическое значеніе той самой дороги, которую строилъ, и увѣрялъ, что она имѣетъ только стратегическое значеніе, такъ какъ по этой дорогѣ нечего возить, развѣ только богомольцевъ. Онъ не сомнѣвался, что въ финансовомъ отношеніи дорога будетъ убыточна и, будучи гарантированной правительствомъ, будетъ поглощать гарантію полностью. Однако его пессимизмъ безусловно не оправдался: съ перваго же года дорога стала приносить доходъ, превышающій гарантію. Ея станціи были завалены зерномъ, которое негдѣ было сохранять, такъ какъ построенныя платформы оказались совершенно недостаточными. Зерно, въ мѣшкахъ, складывалось на запасныхъ или старыхъ шпалахъ, кое-какъ прикрывалось брезентомъ и проростало или гнило подъ осенними дождями, или становилось добычей свиней, гусей и утокъ не только изъ близъ лежащихъ селъ и хуторовъ, но также принадлежащихъ станціоннымъ служащимъ, начиная съ начальниковъ станцій и кончая стрѣлочниками, пользовавшимися этимъ способомъ выкармливать свиней и птицу для своего потребленія и для продажи.

Въ отношеніи сохраненія зерна Курско-Кіевская жел. дорога не проявила никакого вниманія не только къ интересамъ населенія, но и къ своимъ собственнымъ. Постройка дороги дала своимъ предпринимателямъ огромные барыши, которыми они были вполнѣ удовлетворены, тѣмъ болѣе, что, окончивъ эту дорогу, они получили новую концессію — на постройку Рязанской дороги и перекочевали туда. Курско-Кіевская дорога, имѣющая, если не ошибаюсь, 444 версты, проходитъ на всемъ своемъ протяженіи по плодородной равнинѣ, занятой земледѣліемъ, которое доставляло главный продуктъ транспорта и требовало по своей громоздкости удобныхъ и надежныхъ помѣщеній, вмѣсто которыхъ предоставлялись отправителямъ настилы изъ гнилыхъ шпалъ подъ открытымъ небомъ, и не было устроено ни одного, хотя бы показательнаго, элеватора.

Направленіе желѣзнодорожной линіи также не принимало во вниманіе интересовъ населенія. Такъ, г. Курскъ оставленъ въ сторонѣ и потребовалъ особой вѣтки для соединенія съ магистралью — Кіевъ-Москва. Можетъ быть, хотѣли обойти подъемъ на гору, на которой стоитъ Курскъ; но постройка желѣзнодорожной вѣтки опровергаетъ этотъ доводъ. Впрочемъ, трудно въ такихъ случаяхъ что либо придумывать для оправданія фактовъ, бьющихъ въ глаза своей нелѣпостью. Какъ, напримѣръ, объяснить разумно, что городъ Нѣжинъ, крупный

городъ Черниговской губерніи, обойденъ на четыре версты, хотя не было никакихъ препятствій для приближенія дороги къ городу? Знающіе утверждали, что городъ былъ наказанъ, такъ какъ не согласился уступить безплатно земельную площадь подъ станцію 2-го класса. Также осталось въ сторонѣ мѣстечко Носовка съ 14-ти тысячнымъ населеніемъ, подходъ къ которому не требовалъ никакихъ особыхъ сооруженій; такъ обойдены и нѣкоторыя крупныя поселенія въ Курской губерніи. Когда я поднималъ этотъ вопросъ въ бесѣдахъ съ инженерами, мнѣ возражали, что такія магистрали должны быть такими же прямыми, какъ Николаевская жел. дорога. Мнѣ всегда, однако, такой аргументъ казался искусственнымъ, весьма вѣрнымъ для пустынь Америки, по которымъ проводились дороги, но совершенно неподходящимъ для такихъ старыхъ поселеній, какъ русскіе города. Возможно допустить исключеніе для Петербурга и Москвы, но проводить дорогу по болотамъ и дебрямъ Тверской и Новгородской губ. и жертвовать старыми торговыми центрами, — какъ Торжокъ, Боровичи, Новгородъ Великій — по меньшей мѣрѣ спорно.

Съ тѣхъ поръ, какъ проведена Курско-Кіевская дорога, прошло много времени и нашъ, когда-то захолустный уѣздъ теперь изрѣзанъ желѣзными дорогами по всѣмъ направленіямъ. Послѣ проведенія Курско-Кіевской ж. д., въ семидесятыхъ годахъ, была проведена Либаво-Роменская, затѣмъ позднѣе — Одесса-Бахмачъ, почти прямая линія, соединяющая Черное море съ Балтійскимъ. Такимъ образомъ, нашъ уѣздъ теперь соединенъ съ морями Чернымъ и Балтійскимъ, съ Океанами Тихимъ и Атлантическимъ и со всею Западной Европой; кромѣ того, мѣстной дорогой онъ соединенъ и со своимъ губернскимъ городомъ.

* *
*

Жизнь въ своемъ имѣніи — въ Пискѣ — въ теченіе 1867 года дала мнѣ возможность ближе стать и къ мѣстному населенію, съ которымъ у меня не было никакихъ непріятныхъ счетовъ или даже непріятныхъ воспоминаній. Имѣніе перешло въ мои руки черезъ шесть лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ. Я началъ съ того, что формально отказался отъ пятой части выкупной ссуды, которую я долженъ былъ получать отъ крестьянъ и такимъ образомъ уничтожилъ всѣ отношенія, связанныя съ крестьянскими обязательствами.

Не смотря на то, что по своему происхожденію я принадлежалъ къ мѣстному дворянству, я въ данный моментъ менѣе всего былъ связанъ съ дворянской средой, хотя именно съ нею мнѣ предстояло либо дѣйствовать вмѣстѣ, либо вступить съ нею въ борьбу, если обстоятельства того потребуютъ. Старый порядокъ оставилъ и въ нашемъ уѣздѣ своихъ представителей, не желавшихъ примириться съ новымъ положе-

ніемъ вещей, ио безсильиыхъ открыто противодѣйствовать ему. Это былн, такъ сказать, обречеиные и потому безвредиые люди. Мнѣ было даже жалко ихъ, такъ какъ между нимн были и честные, и добрые, и умные. Оин были людн своего вѣкв и рѣшительно не понимали духа н требоваиій вѣка нвступившаго. Къ одному изъ такихъ «зубровъ», какъ потомъ ихъ иазывали, пришли дворовые, чтобы объяснить, что ждать нстечеиія двухлѣтияго срока, назиаченнаго по «Положенію», они не желаютъ и предупреждаютъ, что покинутъ свою службу. Старый помѣщикъ этого не ожидалъ и ие зналъ, что ему сказать на такое заявленіе: онъ уставился глазами въ ближайшаго изъ своихъ старыхъ слугъ н вдругъ иеожидаиио плюиулъ ему въ лнцо, а затѣмъ повериулся и вышелъ. А между тѣмъ съ прислугой, и вообще со своими крестьянами онъ былъ скорѣе добръ и отиюдь не жестокъ. Онъ принадлежалъ къ группѣ помѣщиковъ «обреченныхъ.»

Другая группа состояла изъ людей разнообразиаго возраста и положенія, уже заиявшая разиыя мѣста на службѣ земской или коронной, родственная первой группѣ, связаиная съ нею матеріальными илн духовнымн иитересами, ио поиимавшая, что для личнаго успѣха иадо занять прочиое положеиіе среди нарождающихся условій иоваго порядка. Эти люди, обладая умомъ и ловкостью, иастойчиво добивались сохраннть и при новыхъ условіяхъ комаидующее положеніе своего сословія.

Накоиецъ, самая малая группа состояла изъ людей, которые впослѣдствін получили назваиіе «людей шестидесятыхъ годовъ». Они горячо были предаиы идеѣ обиовлеиія Россіи иа почвѣ реформъ крестьянской, земской и судебиой. Оии видѣли и признавали всѣ недостатки реформъ, — нхъ явную иеискрениость, опасеніе дать болѣе того, что безусловио иеобходимо и иензбѣжио, ихъ иезакоииость и непослѣдовательиость, ио призиавали, что общество получило благодаря этимъ реформамъ точку опоры и почву для обществеиио-полезной работы, которая сама по себѣ, иеизбѣжно должна раздвинуть рамки, установленныя правительствомъ, и подготовить страиу къ самому широкому самоуправленію.

Во главѣ этой группы въ нашемъ уѣздѣ стоялъ Миханлъ Андреевнчъ Имшеиецкій и къ ией первоиачальио принадлежали три брата Волкъ-Карачевскіе, Никодимъ, Григорій, и Василій Никоднмовичи, Васнлій Васильевнчъ Тариовскій, сыиъ того Тарновскаго, о которомъ я говорилъ въ первой главѣ, Васнлій Алексѣевичъ Савичъ и я. Старшимъ нзъ насъ былъ Никодимъ Никодимовичъ Волкъ-Карачевскій, младшимъ былъ я. Насъ было очень мало, но это иасъ ие смущало, такъ какъ наша программа выходила за предѣлы уѣзда и планы наши обиимали всю Россію. Мы ие сомиѣвались, что скоро найдемъ сторонниковъ, какъ въ другихъ уѣздахъ своей губериіи, такъ и въ другихъ губерніяхъ.

Основиая программа иаша заключалась въ томъ, чтобы земскія учрежденія превратить въ школу самоуправленія и этимъ способомъ под-

готовить страну къ конституціонному государственному устройству. Мы полагали, что этотъ путь неизбѣженъ и необходимъ и что въ основѣ такого самоуправленія должна стоять демократія, безъ всякаго дѣленія на сословія, классы и какія либо религіозныя или національныя подраздѣленія. Конечно, можно сказать, что это были мечты ни на чемъ не основанныя, но не надо забывать, что это было время великихъ реформъ, когда не только молодежь, а также и люди почтеннаго возраста помолодѣли и строили планы для будущей Россіи.

Мы мечтали о конституціонномъ строѣ россійскаго государства и при этомъ достаточно хорошо знали свой народъ, знали уровень его понятій, знали, какъ мало онъ подготовленъ къ самоуправленію, будучи почти поголовно безграмотнымъ (1867). Но мы вовсе не мечтали о революціи при данныхъ условіяхъ, когда въ лучшемъ случаѣ Россія могла промѣнять традиціонное самодержавіе на «просвѣщенный деспотизмъ» и надолго затянуть эту форму государственнаго управленія, при которой даже славянофильская идея: «народу — мнѣніе, царю — власть» считалась бы почти революціонной. Всякій насильственный переворотъ намъ тогда представлялся идущимъ мимо цѣли, такъ какъ такой переворотъ возможенъ и даже необходимъ лишь въ томъ случаѣ, когда народная масса поднялась до сознанія, что можетъ быть не объектомъ, а субъектомъ государственнаго управленія. Мы надѣялись, что этого можетъ достигнуть такой умный и быстро усваивающій новыя идеи народъ, пройдя черезъ школу мѣстнаго самоуправленія, если оно будетъ распространено на волостное управленіе, и если кругъ его дѣйствій будетъ расширенъ и освобожденъ отъ устарѣвшихъ вмѣшательствъ администраціи и подчиненъ контролю спеціальной власти.

Само собою разумѣется, что реформѣ самоуправленія должно было предшествовать уничтоженіе всѣхъ привилегій, полное уравненіе всѣхъ гражданъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ и уничтоженіе сословій, разъединяющихъ гражданъ.

Такова была программа, съ которой мы приступили къ нашей земской и общественной дѣятельности.

Планъ этотъ былъ обсужденъ и принятъ М. А. Имшенецкимъ и мною, во время моего пребыванія у него на хуторѣ «Маіорщина», гдѣ я гостилъ около двухъ недѣль лѣтомъ 1866 года. М. А. Имшенецкій былъ четырьмя-пятью годами старше меня, прошелъ кадетскій корпусъ, былъ очень недолго офицеромъ, но скоро по болѣзни вышелъ въ отставку и поселился на своемъ хуторѣ. Я не помню, гдѣ и какъ мы съ нимъ познакомились, но мы очень скоро сошлись во взглядахъ.

До сихъ поръ я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю милый хуторъ Имшенецкаго. Среди прелестныхъ луговъ, вблизи впаденія р. Сейма въ р. Десну, съ множествомъ «заводей», покрытыхъ кувшинками и другими водяными растеніями, и колоссальныхъ дубовъ, разбросанныхъ по лугамъ, на небольшомъ пригоркѣ стоялъ необыкновенно уютный небольшой домъ, содержимый въ большомъ порядкѣ, съ портре-

тами въ гостинной отца и красавицы-матери хозяина. Такихъ гигантскихъ дубовъ, какіе были разбросаны по всѣмъ его лугамъ, я раньше никогда не видѣлъ, размѣръ ихъ можно представить себѣ, если я скажу, что въ дуплѣ одного изъ нихъ былъ поставленъ столъ и двѣ скамьи, сидя на которыхъ другъ противъ друга, мы по утрамъ пили кофе и бесѣдовали. Дупло начиналось прямо отъ земли, а на высотѣ человѣческаго роста окружность дуба имѣла 13 аршинъ, вѣтви же его достигали 17 аршинъ, занимая ими площадь болѣе 10 сажень въ діаметрѣ.

Михаилъ Андреевичъ едва-ли интересовался своимъ хозяйствомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ луговъ и, если не ошибаюсь, изъ свиноводства. Я видѣлъ множество свиней, бродившихъ среди луговъ, съ кольцами въ носу, мѣшавшими имъ рыть и портить луга, и ограничивавшихся желудями. Но интересуясь мало собственнымъ хозяйствомъ, Имшенецкій былъ весь поглощенъ рѣшеніемъ вопроса — что дѣлать среди тьмы, окружавшей всю страну, не вѣдающую, куда и къ чему она идетъ и въ чемъ ея пути. Вотъ эта обширная тема была предметомъ нашихъ бесѣдъ въ теченіе всего моего пребыванія у него. Его пытливый умъ и чуткая душа были полны тревоги по поводу только что раздавленнаго, но не разрѣшеннаго польскаго вопроса, каракозовскаго покушенія и земства, не проявлявшаго ни малѣйшей жизненности, и возбуждавшаго множество сомнѣній въ своей дѣеспособности. По своему характеру онъ былъ очень склоненъ къ дисциплинѣ и не могъ мириться съ неопредѣленностью; вездѣ и во всемъ онъ искалъ планомѣрности. Но болѣе всего его безпокоило невѣжество народной массы, и народную школу онъ считалъ кореннымъ условіемъ общественной дѣятельности. Подъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ, въ слѣдующемъ 1867 г., когда я окончательно поселился въ Пискѣ, я сдѣлалъ первую неудачную попытку устройства народной школы, закрытой по требованію училищнаго совѣта, и въ томъ же году выстроилъ школу на принадлежавшемъ мнѣ участкѣ земли у самой церкви села, съ цѣлью передать ее земству и положить начало земскому школьному строительству въ нашемъ уѣздѣ. Въ устройствѣ этой школы мнѣ много помогалъ Имшенецкій, собравъ часть необходимыхъ средствъ для ея постройки. Избранный въ 1867 г. въ уѣздные предводители дворянства и занявъ предсѣдательское мѣсто въ училищномъ совѣтѣ, онъ далъ огромный толчекъ школьному дѣлу въ уѣздѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ барономъ Корфомъ, выступившимъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. съ организаціей школьнаго образованія и, по просьбѣ Имшенецкаго, приславшимъ въ Борзну двухъ учителей въ качествѣ инструкторовъ, достаточно подготовленныхъ къ этому дѣлу. Михаилъ Андреевичъ, съ помощью этихъ учителей, устроилъ временное образцовое преподаваніе по методу Корфа, которымъ заинтересовалось немало лицъ, а осенью, когда школа въ Пискѣ была готова, одинъ изъ этихъ инструкторовъ, Н. Н. Кулябка, былъ опредѣленъ учителемъ въ этой школѣ, которая должна была служить образцомъ

для устройства слѣдующнхъ. Конечно, эта «образцовая» школа очень скоро должна была уступить свою роль болѣе поздинмъ, но все же ея значеніе первой н руководящей школы осталось непререкаемымъ: онв открыла путь, по которому пошло школьное дѣло въ Борзенскомъ уѣздѣ, и путь этотъ главнымъ образомъ заключался въ томъ, что земство брало цѣликомъ на себя все устройство и дальнѣйшее содержаніе школъ.

Въ нашн съ Имшенецкимъ планы были посвящены вышеназванные наши пріятелн: Савнчъ, всѣ три брата Волкъ-Карачевскіе н Тарновскій. Послѣдній менѣе другихъ принималъ участія въ нашей дѣятельности. Кругъ его знакомыхъ не внушалъ намъ особенныхъ снмпатій, и мы не желалн ставнть В. В. Тарновскаго въ не совсѣмъ удобное положеніе, возлагая на него порученія, которыя моглн стѣснпть его въ его кругу. Тѣмъ не менѣе мы ничего не скрывали отъ него, т. е. онъ пользовался нашимъ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Что же касается остальныхъ нашнхъ товарищей, то, какъ Савнчъ, такъ н всѣ три брата Волкъ-Квра-чевскіе раздѣляли наши планы всецѣло и всегда были готовы взять на себя любое порученіе, тѣмъ болѣе, что они ннкогда не преслѣдовалн личныхъ цѣлей, а только общественныя.

Какъ я уже сказалъ, въ 1867 году на дворянскнхъ выборахъ М. А. Имшенецкій былъ нзбранъ уѣздимъ предводнтелемъ, что въ значительной мѣрѣ ослабнло нашихъ протнвниковъ, которые теряли въ бывшемъ предводителѣ естественное звено, объедннявшее все старое поколѣніе, потерпѣвшее крушеніе въ освобожденін крестьянъ. Старый предводитель, занимавшій безсмѣнно свое мѣсто не менѣе 25 лѣтъ, — Константннъ Алексѣевичъ Гамалѣй, отставной гусаръ, худенькій, маленькій и необыкновенно живой старичекъ, съ огромной взъерошенной почти бѣлой шевелюрой, бакенбардамн н усамн, какъ изображались на портретахъ лихіе военные людн, былъ добрый, но очень ограниченный человѣкъ. Для новаго временн онъ уже не годнлся, н зто понимали болѣе благоразумные представители добраго стараго временн, но они не находилн въ своей средѣ ни желающвго, ни умѣющаго приспособиться къ новому положенію человѣка и, поэтому предпочлн поддержать мягкаго и любезнаго М. А. Имшенецкаго. Послѣдній былъ избранъ блистательно голосами какъ стариковъ, такъ и молодыхъ. Я не участвовалъ въ выборахъ — мнѣ не вышли года — но послѣ выбора я принялъ участіе въ обѣдѣ, данномъ новому предводнтелю и произнесъ рѣчь, чрезвычайно возбуднвшую бывшаго предводнтеля Гамалѣя, пришедшаго въ азартъ и крнчавшаго: «на боченокъ пороху, на боченокъ пороху!» Расходнвшагося стврнка съ трудомъ успоконлн и вызовъ на дуэль не состоялся. Но это случайное обстоятельство отразилось на моихъ выборахъ въ земскіе гласные: я былъ вынужденъ поставнть свою кандидатуру не на съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые собирвлись меня забаллотировать, а на съѣздѣ крестьянскихъ обществъ, чему я былъ очень радъ.

Выборъ Имшенецкаго предводителемъ далъ намъ возможность, заранѣе не ожидая выборовъ въ земское собраніе, предстоявшее въ слѣдующемъ 1868 году, ближе знакомиться съ дѣломъ, которое насъ ожидало впереди. Я не помню, кто именно былъ въ теченіе перваго земскаго трехлѣтія въ составѣ земской управы въ нашемъ уѣздѣ, но сколько я помню, первымъ предсѣдателемъ управы былъ отставной маіоръ Довгелло, во всякомъ случаѣ этотъ составъ совершенно не соответствовалъ той задачѣ, которая на него была возложена закономъ, не говоря уже объ ожиданіяхъ, которыя возлагались на земство болѣе прогрессивными общественными элементами. Управа просто не знала, какъ взяться за дѣло, а потому ничего не дѣлала. Въ уѣздѣ не было ни одной школы, хотя на бумагѣ ихъ имѣлось: нѣсколько церковныхъ и нѣсколько содержимыхъ мин. госуд. имуществъ; но управа не считала нужнымъ торопиться съ этимъ дѣломъ. Въ уѣздѣ было также полное отсутствіе врачебной помощи: управа пригласила одного врача на жалованье въ 100 р. въ мѣсяцъ, предоставила ему устроиться, гдѣ онъ сочтетъ болѣе удобнымъ, и возложила на него обязанность оказывать врачебную помощь населенію способомъ, какимъ онъ признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Никакого общаго плана ни по школьному, ни по медицинскому вопросу не было выработано. Конечно, это была не легкая задача и рѣшить сразу ее было нельзя, но не было ничего предпринято въ этомъ направленіи, и населеніе по прежнему обращалось, въ случаѣ болѣзни, не къ этому единственному врачу, а къ мѣстной сердобольной помѣщицѣ или къ фельдшеру, состоявшему при врачѣ и игравшему роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ его патронъ, не оказывавшій большой любезности тѣмъ паціентамъ, которые забывали о «благодарности». Фельдшеръ же былъ простой, свой братъ, да и меньше требовалъ.

Сколько мнѣ помнится, за исключеніемъ назначенія этого одного врача на уѣздъ, земская управа ничего другого не выдумала и не проявила никакой особенно полезной дѣятельности, да и вообще первое трехлѣтіе земскихъ учрежденій въ Черниговской губерніи могло бы дать правительству право упрекнуть земство въ равнодушии къ общественнымъ интересамъ и бездѣятельности. Но развѣ самодѣятельность народа пріобрѣтается такъ скоро и такой легкой цѣной?

Наступилъ 1868 годъ, для меня особенно значительный и памятный. Съ этого времени я считаю начало своей общественной дѣятельности, когда я былъ избранъ на крестьянскомъ избирательномъ собраніи земскимъ уѣзднымъ гласнымъ, затѣмъ земскимъ собраніемъ былъ избранъ губернскимъ гласнымъ, и въ одномъ изъ засѣданій губернскаго земства произнесъ свою первую рѣчь. Выборы происходили въ концѣ лѣта 1868 г., и вся наша группа прошла въ гласные блистательно, почти безъ всякаго противодѣйствія. Составъ гласныхъ отъ крестьянъ былъ также очень удовлетворительный. Избранными оказались люди хорошо грамотные, умные и пользующіеся большимъ авторитетомъ въ своей

крестьянской средѣ, а нѣкоторые отличались независимостью характера и умѣньемъ себя держать съ большимъ достоинствомъ. Благодаря такимъ выборамъ, составъ уѣздной земской управы былъ совершенно измѣненъ. Предсѣдателемъ управы былъ избранъ Имшенецкій, а однимъ изъ двухъ членовъ — Никодимъ Волкъ--Карачевскій, — бывшій мировой посредникъ перваго призыва, пользовавшійся большимъ уваженіемъ всего крестьянства.

Избранный въ 1868 г. въ число губернскихъ гласныхъ Черниговской губерніи, я отправился въ Черниговъ вмѣстѣ съ моими тремя товарищами: Имшенецкимъ, Савичемъ и Григоріемъ Волкъ-Карачевскимъ. Пятый губ. гласный нашего уѣзда, казакъ Гужовскій, какъ членъ губернской земской управы, избранный въ первое трехлѣтіе, уже находился въ Черниговѣ, да и вообще онъ держался особо: не съ нами, но и не противъ насъ. Онъ лавировалъ между Сциллой и Харибдой съ большимъ искусствомъ.

Имшенецкій былъ гласнымъ уже въ первое трехлѣтіе, Волкъ-Карачевскій, не помню, кажется, былъ вмѣстѣ съ Имшенецкимъ; Савичъ же и я были новичками: насъ никто не зналъ и мы никого не знали. Имшенецкій познакомилъ насъ съ предсѣдателемъ губ. зем. управы, А. П. Карпинскимъ, и еще съ нѣкоторыми гласными, но съ кѣмъ я рѣшительно не помню.

Естественно, что попавъ въ собраніе, въ которомъ мы никого почти не знали, а сверхъ того сами были очень мало подготовлены къ активнымъ выступленіямъ, мы рѣшили безъ нужды не выступать и прежде всего присмотрѣться къ составу собранія.

Предсѣдательствовалъ губернскій предводитель И. Н. Дурново. Я его зналъ по маленькому столкновенію въ 1865 г. въ первомъ земскомъ собраніи. Съ тѣхъ поръ я его не встрѣчалъ, но о немъ такъ много ходило сплетень въ Черниговѣ и онъ такъ явно афишировалъ и свое богатство и свое личное положеніе, что его біографію знали даже тѣ, кто вовсе не интересовался ею. Въ какой степени эта неписанная и ходячая біографія была вѣрна, я не знаю и ручательства за нее на себя не беру, но по разсказамъ того времени отецъ губ. предводителя былъ управляющимъ одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Черниговской губ., Неплюева, сына или внука бывшаго устроителя Оренбургскаго края, гдѣ въ память его существовалъ до послѣдняго времени Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ. Управляя дѣлами богача, Дурново-отецъ имѣлъ собственное имѣніе въ с. Жукоткѣ Черниговской губ., гдѣ былъ устроенъ сахарный заводъ. Тамъ старикъ и жилъ на покоѣ. Его состояніе все-же не было достаточно велико, чтобы поддерживать широкую жизнь не только старшаго сына, черниг. уѣздн. предводителя, но и другого сына, офицера пѣхотнаго полка, очень скромнаго молодого человѣка, котораго я встрѣчалъ въ Черниговѣ, будучи еще въ послѣднемъ классѣ черниговской гимназіи. Дурново-отецъ былъ человѣкъ довольно крутого нрава и я помню, что въ 1861 году, очень скоро послѣ объ-

явленія Манифеста 19 Февраля, у него въ имѣніи произошелъ крестьянскій бунтъ, были вызваны для усмиренія войска, выѣзжалъ губернаторъ, кн. Голицынъ, и много крестьянъ было подвергнуто жестокому тѣлесному наказанію. Убитыхъ однако не было. Это Жукотское возмущеніе было долго предметомъ разговоровъ въ Черниговѣ. Скоро послѣ этого старикъ Дурново умеръ и состояніе перешло въ руки И. Н. Дурново, который пользовался неограниченнымъ довѣріемъ наиболѣе реакціонныхъ элементовъ мѣстнаго дворянства. Однако, состояніе, уже значительно разстроенное отцемъ, а затѣмъ и реформой, уничтожившей даровой трудъ крестьянъ, не выдержало широкой жизни своего владѣльца и И. Н. Дурново сталъ чувствовать недостатокъ въ средствахъ, а потому началъ подумывать о переходѣ съ кресла предводителя на кресло губернатора. Съ ловкостью крупнаго интригана, онъ старался угодить вліятельнымъ дворянамъ и въ тоже время обратить на себя вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ велъ эту двойную игру съ большимъ искусствомъ. Его личный секретарь и въ то-же время секретарь дворянства, А. И. Калиновскій, очень не глупый человѣкъ, но большой болтунъ, былъ поклонникомъ своего патрона и, бывая часто въ домѣ моего отца, разсказывалъ объ успѣхахъ Дурново въ Петербургѣ, о разныхъ эпизодахъ его жизни въ столицѣ и разбалтывалъ планы патрона, мечтавшаго о широкой административной дѣятельности. Въ концѣ концовъ, Дурново добился своей цѣли и былъ назначенъ губернаторомъ въ Екатеринославъ, откуда перешелъ въ товарищи министра внутр. дѣлъ, а затѣмъ сталъ и министромъ. Такова была карьера человѣка, начавшаго съ чина «провинціальнаго секретаря», никогда не отличавшагося ни знаніемъ дѣла, ни образованіемъ, ни умомъ, достигшаго первенствующаго положенія на лѣстницѣ русской бюрократіи. Гр. С. Ю. Витте, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», такъ характеризуетъ своего «друга» И. Н. Дурново. «Будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Дурново занимался перлюстраціей писемъ членовъ императорской фамиліи и даже вдовствующей императрицы Маріи Федоровны, которая узнала объ этомъ и пожаловалась императору Николаю II, требуя отставки слишкомъ любопытнаго министра. Ему пришлось уйти и промѣнять положеніе всесильнаго министра внутр. дѣлъ на ничтожное кресло предсѣд. комитета министровъ». Гр. Витте увѣряетъ, что всѣ министры внутреннихъ дѣлъ занимались такой перлюстраціей.

Въ 1868 году Дурново былъ только главой реакціонной группы, самымъ виднымъ и образованнымъ членомъ которой состоялъ бывшій профессоръ московскаго университета — Константинъ Александровичъ Рачинскій, еще довольно молодой человѣкъ, родной братъ извѣстнаго профессора того же университета Сергѣя Александровича Рачинскаго, учредителя Татьевской школы въ Смоленской губерніи. К. А. Рачинскій былъ женатъ на госпожѣ Фроловой, дочери переводчика «Космоса» А. Гумбольдта и богатаго конотопскаго помѣщика, имѣвшаго имѣніе въ с. Рубанкѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его соратникъ по

Конотопскому уѣзду П. В. Псель, очень неглупый, злобный и боевой, извѣстный хозяинъ-табаководъ, съ лицомъ чрезвычайно отталкивающимъ; затѣмъ умный и очень сдержанный гласный Мглинскаго уѣзда И. Г. Есимонтовскій, а также суражскій предводитель дворянства Искрицкій и многіе другіе, и въ томъ числѣ будущій преемникъ Дурново по должности губ. предводителя — Николай Ивановичъ Неплюевъ, человѣкъ чрезвычайно ограниченный, покорный слуга правительства, пользующійся его полнымъ довѣріемъ. Въ 1877 г., когда происходилъ извѣстный процессъ 193-хъ, въ которомъ многіе обвиняемые были арестованы въ Черниговской губерніи, Неплюевъ былъ приглашенъ въ составъ Судебной Палаты въ качествѣ губернскаго предводителя. И мнѣ кажется, что по его внушенію, одинъ изъ свидѣтелей, священникъ Борзенскаго уѣзда, очень почтенный и любимый паствою человѣкъ, за показаніе данное на судѣ въ пользу подсудимаго, — бывшаго учителя, былъ немедленно по возвращеніи изъ Петербурга вызванъ архіереемъ въ Черниговъ, лишенъ своего мѣста и назначенъ въ одинъ изъ самыхъ глухихъ и бѣдныхъ приходовъ Мглинскаго или Суражскаго уѣзда.

На первый взглядъ было трудно угадать, кто изъ всего состава собранія держится консервативныхъ или либеральныхъ идей. Только предсѣдатель управы А. П. Карпинскій и А. Ф. Линдфорсъ явно обнаруживали свою несолидарность съ реакціонерами.

Такъ прошло нѣсколько дней, пока предсѣдатель собранія, Дурново, не внесъ своего заявленія съ требованіемъ внесенія земствомъ въ кассу Черниговскаго дворянства капитала, принадлежащаго дворянству въ нѣсколько тысячъ рублей (точно цифры не помню), яко-бы принятаго земствомъ отъ упраздненнаго Приказа Общественнаго Призрѣнія за счетъ земства. Изъ заявленія предводителя дворянства было видно, что раньше въ Черниговскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія хранились капиталы и разные бумаги и документы, принадлежавшіе Черниговскому дворянству, но что послѣ упраздненія Приказа одинъ изъ капиталовъ дворянства былъ, будто, переданъ земству, которое теперь и должно возвратить его дворянству. По поводу этого требованія, предсѣдатель управы, А. П. Карпинскій, заявилъ въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ, что никогда дворянскій капиталъ земству не передавался, поэтому нѣтъ никакихъ основаній для земства, учрежденія не дворянскаго, а всесословнаго, брать на себя отвѣтственность за утраченный дворянствомъ капиталъ. Казалось, дѣло было очень просто и ясно, но Дурново настаивалъ, что земство обязано удовлетворить его требованіе, такъ какъ всѣ капиталы, бывшіе на сохраненіи въ Приказѣ Общ. Призр., были переданы земству, и если управа не озаботилась передачей одного изъ капиталовъ дворянства, хранившихся въ Приказѣ, то на земствѣ лежитъ обязанность исправить упущеніе земской управы.

Нелѣпость такого требованія была, конечно, очевидна и для самого Дурново, но онъ не сомнѣвался, что требованіе его будетъ удовлетворено, такъ какъ три четверти гласныхъ были его сторонниками, и онъ

былъ увѣренъ, что они не станутъ дѣйствовать ии противъ интересовъ дворянства, нн противъ него лично, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе собранія будетъ окончательнымъ, такъ какъ, безъ полномочій собранія, управа не можетъ переносить дѣло въ высшую инстанцію;' а губернаторъ не станетъ опротестовывать постановленіе, ибо формально оно не иарушаетъ ннкакого закоиа.

Однако, въ соображеніяхъ предсѣдателя не были приняты во вниманіе возможныя случайности, а его требованіе, тонъ его рѣчн н самоувѣренность, съ которой онъ обращался къ собранію, глубоко меня возмутили, и я, ие долго думая, потребовалъ слова, въ первый разъ выступая въ большомъ собраніи. Возмущеніе придало мнѣ энергіи. Мою рѣчь слушали сначала съ любопытствомъ, улыбаясь смѣлости молодого оратора; ио очень скоро любопытство перешло въ негодованіе, которое только возбуждало меня, и когда я закончилъ категорическимъ предложеніемъ отвергнуть требованіе предводителя, желавшаго переложить свою отвѣтственность передъ дворянствомъ на земство, въ собраніи поднялась буря апплодисментовъ, конечно, не по моему адресу, а по адресу Дурново, которому была устроена овація. Дурново почувствовалъ необходимость отвѣтить мнѣ. Онъ говорилъ красиво, увѣренно, разсчитывая на симпатіи большинства и притомъ зычнымъ голосомъ, наполнявшимъ всю залу. Когда онъ окончилъ, ему была устроена новая овація, сопровождавшаяся апплодисментами и всяческими восклицаніями. Но мнѣ не хотѣлось сдать своей позиціи, и я потребовалъ вновь слово. Дурново любезно удовлетворилъ мою просьбу, но едва я раскрылъ ротъ, какъ громъ апплодисментовъ не далъ мнѣ говорить. Я выждалъ, и когда они прекратились, началъ говорить, но апплодисменты снова заставили меня замолчать. Было ясно, что возражать мнѣ не дадутъ. Я сѣлъ, а Дурново поставилъ на голоса свое требованіе, которое и было принято настолько яснымъ большинствомъ, что голосовъ не считали.

Но я рѣшилъ не сдаваться. По принятому еще въ первое трехлѣтіе правилу, всякое постановленіе могло быть подвергнуто пересмотру при чтеніи протокола, въ которомъ оно записано. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ правиломъ и выступить на слѣдующій день съ требованіемъ пересмотра. Чуть-ли не всю ночь я не спалъ, волнуясь и тщательно обдумывая рѣчь, которая должна была быть болѣе дѣловита, чѣмъ та импровизація, съ которой я выступилъ.

Какъ только протоколъ былъ прочитанъ, я, сославшись на свое право, попросилъ разрѣшенія представить свои возраженія. Дурново съ прежней любезностью призналъ мое право и предоставилъ мнѣ слово. На этотъ разъ моя рѣчь была болѣе обдумана и я не раздражалъ противниковъ, а старался убѣдить ихъ, въ заключеніе же потребовалъ закрытаго голосованія, т. к. дѣло шло о крупной ассигновкѣ въ пользу дворянства, а не на нужды земства, и притомъ по требованію предсѣдателя собранія, что конечно стѣсняло голосующихъ. Это предложеніе

было принято собраніемъ, что могло уже служить дурной примѣтой для моего сильнаго противника. И дѣйствительно, къ полному изумленію самого собранія, большинство высказалось за отмѣну вчерашняго постановленія и за отказъ въ требованіи Дурново. На этотъ разъ небольшая группа гласныхъ апплодировала мнѣ, а всѣ остальные имѣли очень смущенный видъ.

Этотъ небольшой фактъ имѣлъ, мнѣ кажется, существенное вліяніе на группировку гласныхъ въ Черниговскомъ земскомъ собраніи, которое выдѣлило изъ своей среды особую группу, согласившуюся объединиться и включившую въ программу своей дѣятельности нѣкоторыя основныя задачи, имѣвшія въ виду не только мѣстные, но и государственные интересы; не только достиженіе дѣйствительнаго мѣстнаго самоуправленія взамѣнъ того псевдосамоуправленія, которое имѣлось въ видѣ Земскаго Положенія, но и достиженіе конституціоннаго строя Россійскаго Государства.

Лично же меня мое выступленіе наградило дружбой Александра Федоровича Линдфорса, близость съ которымъ прекратилась у меня лишь съ его смертью.

А. Ф. Линдфорсъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей своего времени, въ Черниговскомъ же собраніи, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ былъ головою выше всѣхъ гласныхъ, не только по своему образованію, ораторскому таланту и ясности ума, но и по своему характеру; никогда, ни при какихъ условіяхъ, онъ не отступалъ отъ своихъ моральныхъ принциповъ.

Въ его жилахъ текла самая разнообразная кровь. Его отецъ шведскаго происхожденія, мать — французскаго, урожденная Жерве; бабка по матери — чисто русская, Писемская, дворянка Костромской губерніи. Въ дѣтствѣ онъ былъ помѣщенъ въ старый дворянскій пансіонъ при московскомъ университетѣ, черезъ который прошло немало очень замѣчательныхъ русскихъ людей. Онъ былъ уже въ четвертомъ классѣ, когда, во время коронаціи императора Александра II, дворянскій пансіонъ удостоился довольно оригинальной чести: нѣсколько лучшихъ его учениковъ были изъ гимназіи переведены въ пажескій корпусъ. Въ числѣ переведенныхъ оказался и А. Ф. Линдфорсъ. Онъ былъ сдѣланъ камеръ-пажомъ, кажется, императрицы Маріи Александровны и выпущенъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, гдѣ быстро получилъ чинъ капитана. Но въ его душѣ уже совершался переломъ: онъ чувствовалъ пустоту жизни гвардейскаго офицера и потребность болѣе серьезныхъ задачъ. Сознавъ это, онъ немедленно вышелъ въ отставку и поступилъ студентомъ въ кіевскій университетъ, который и окончилъ по юридическому факультету. Его манила дѣятельность по устройству быта только что освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянства, и онъ получилъ мѣсто мирового посредника въ Каменецъ-Подольской губ. Здѣсь онъ столкнулся съ знаменитымъ хирургомъ и попечителемъ

ніевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговымъ, уже переселившимся въ свое имѣніе «Вишню». Между крестьянами и бывшимъ ихъ владѣльцемъ, (правильнѣе говоря, — супругою бывшаго владѣльца, фактически управлявшей всѣми дѣлами своего мужа) произошло столкновеніе, разрѣшенное Линдфорсомъ въ пользу крестьянъ. Пироговъ, недовольный рѣшеніемъ Линдфорса, обратился съ жалобой непосредственно къ генералъ-губернатору Безаку, который вызвалъ Линдфорса и предложилъ ему мѣсто мирового же посредника, но въ другомъ мѣстѣ. Линдфорсъ отказался и подалъ въ отставку. Поселившись въ своемъ собственномъ имѣніи, Алешнѣ, Городницкаго уѣзда, Черниговской губ., онъ рѣшилъ принять участіе въ земствѣ въ качествѣ гласнаго, а средства къ жизни зарабатывать трудомъ присяжнаго повѣреннаго. Его имѣніе, расположенное въ мѣстности близкой къ Днѣпру, имѣло малоплодородную, песчаную почву, требующую большихъ затратъ, чтобы приносить доходъ. Я посѣщалъ его, когда онъ жилъ въ своей Алешнѣ и своими собственными руками исполнялъ самую черную хозяйственную работу, которой онъ отдавался п о н у ж д ѣ, не будучи ни предшественникомъ, ни послѣдователемъ Толстого. Его дисциплинированный умъ былъ чуждъ всякихъ крайностей и всего показного. Онъ самъ задавалъ кормъ своимъ лошадямъ и коровамъ и убиралъ ихъ, не дѣлая изъ этого цѣли жизни, находя ее въ болѣе высокихъ и важныхъ задачахъ человѣка, а просто дѣлалъ все, что было нужно, когда обстоятельства того требовали. Изъ его жизни я приведу одинъ случай, который можетъ дать понятіе о его характерѣ. Возвращаясь изъ Петербурга, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, черезъ Москву, онъ заѣхалъ къ своему товарищу по пажескому корпусу, сохранившему пріятельскія отношенія съ нимъ, генералу А. А. Козлову, бывшему въ это время оберъ-полицiймейстеромъ Москвы. За обѣдомъ генералу подали телеграмму, которую онъ, прочитавъ, передалъ Линдфорсу. Телеграмма была отъ шефа жандармовъ и требовала ареста Линдфорса при проѣздѣ его черезъ Москву и препровожденія его въ Петербургъ. На вопросъ генерала, что случилось? Линдфорсъ отвѣчалъ, что рѣшительно не знаетъ, такъ какъ онъ не далъ никакого повода для этого. Генералъ не сомнѣвался въ безусловной правдивости своего товарища и потому сказалъ: поѣзжай къ себѣ сегодня же, а я сообщу шефу, что ты уже проѣхалъ, и въ Москвѣ тебя нѣтъ. Пріѣхавъ домой, Линдфорсъ узналъ, что въ его отсутствіе у него былъ произведенъ жандармскій обыскъ и что взяты нѣкоторыя бумаги, не имѣвшія, впрочемъ, никакого значенія, но, въ виду произведеннаго обыска, онъ рѣшилъ не ждать его повторенія и идти на встрѣчу событіямъ. Для этого онъ отправился въ Черниговъ и явился къ мѣстному жандармскому полковнику.

— Вы сдѣлали у меня обыскъ и выемку. Я явился къ вамъ, чтобы узнать, что вамъ угодно отъ меня.

— Да, мы сдѣлали у васъ обыскъ, потому что получили сообщеніе, что у васъ въ имѣніи скрывается лицо, обвиняемое въ государствен-

номъ преступленіи и розыскиваемое нами. Мы его не нашли, но оно скрывалось у васъ.

— Вы совершенно правы. Ко мнѣ явился человѣкъ и сказалъ, что его розыскиваютъ, что его жизни угрожаетъ опасность и что онъ проситъ дать ему на время убѣжище, чтобы дать ему возможность спастись. Скажите, полковникъ, если бы къ вамъ явился съ такой просьбой человѣкъ, вы отказали бы ему? Я считалъ себя не вправѣ не протянуть руки утопающему и не спрашивалъ, какихъ онъ держится убѣжденій; я спросилъ его, сколько времени ему нужно? Онъ отвѣчалъ, что около мѣсяца. Я согласнлся и далъ ему пріютъ, но раньше чѣмъ истекъ мѣсячный срокъ, онъ покинулъ меня.

— Почему вы не донесли мнѣ послѣ того, какъ онъ покинулъ васъ?

— Потому, что это было бы предательствомъ.

Полковникъ не ожидалъ, повидимому, такого отвѣта и заявнлъ Линдфорсу, что онъ понимаетъ его поступокъ, но долженъ взять отъ него подписку о невыѣздѣ. Этимъ дѣло н кончилось, такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій оно не имѣло.

Однако, судьба Александра Федоровича была ужасна. Въ его семьѣ существовала наслѣдственность душевной болѣзни въ возрастѣ отъ сорока до пятидесяти лѣтъ. Въ его имѣніи проживалъ его родной дядя, полковникъ генеральнаго штабв, Жерве, братъ матерн Линдфорса, душевно больной, всегда погруженный въ чтеніе англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ газетъ и находящійся подъ опекой своего племянника. Для бѣднаго Александра Федоровича это было **memento mori**, то еднственное, чего онъ не могъ побѣднть ни силою своего ума, ни снлою характера.....

ГЛАВА III

1868-69 г.г. — Моя болѣзнь и отъѣздъ заграницу. — Н. Н. Ге. — П. П. Забѣлло. — Введеніе мирового суда въ Черниговской губ. — Я избранъ участковымъ мировымъ судьей. — Возвращеніе изъ заграницы. — Дѣятельность мирового суда съ 1869 по 1879 годъ.

Къ моему крайнему прискорбію осенью 1868 г. я началъ хворать и чувствовать большой упадокъ силъ. Это побудило меня обратиться къ знаменитому въ то время кіевскому профессору, Вас. Тим. Покровскому, за совѣтомъ. Изслѣдовавъ меня, онъ заявилъ, что не видитъ никакой непосредственной опасности, но мое состояніе представляетъ благопріятную почву для серьезныхъ заболѣваній, почему онъ совѣтовалъ провести зиму на югѣ, напр. въ Сициліи. Не долго размышляя, я собрался очень быстро и въ началѣ октября отправился заграницу черезъ Варшаву и пограничную Границу, направляясь прямо въ Вѣну.

Описывать мое пребываніе заграницей я не буду, такъ какъ оно имѣло въ виду только поправленіе моего здоровья. А можетъ ли быть что либо скучнѣе такой задачи, да еще въ 25 лѣтъ! Притомъ, я былъ совершенно не подготовленъ для заграничнаго пріятнаго путешествія, которое могло бы показать мнѣ всю высоту европейской культуры.

Вѣна былв первымъ европейскимъ городомъ на моемъ пути, и бѣгая по ней отъ утра до вечера, я забылъ и объ усталости и о болѣзни. Улицы, толпа, музеи, кафе съ концертами Штрауса, церкви, дворцы и парламентъ, въ которомъ засѣданій въ это время не было, — все было для меня ново, интересно и привлекательно. За Вѣной слѣдовалъ Мюнхенъ, нѣмецкія Аѳины, который уже не произвелъ на меня такого впечатлѣнія, и я направился черезъ Инсбрукъ и Бреннеръ въ Венецію. Дорога была очаровательна и я въ первый разъ увидѣлъ Альпы, величіе которыхъ до сихъ поръ не изгладилось изъ моей памяти, а красота горъ съ тѣхъ поръ всегда производитъ на меня сильное впечатлѣніе.

Не легко мнѣ опредѣлить впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ Венеціи. Можно ли сомнѣваться въ красотѣ этого чуда искусства, единственнаго въ мірѣ города, въ которомъ дома поднимаются прямо изъ воды и вмѣсто улицъ — каналы? Это какая-то очаровательная иллюстрація къ волшебной сказкѣ, въ которой все какъ будто не реальность, а изображеніе. Пробывъ тутъ нѣсколько дней, я научился съ планомъ въ рукѣ ходить по Венеціи, не прибѣгая къ гондолѣ. И здѣсь, среди этой сказки, я вдругъ столкнулся съ самой подлинной россійской реальностью: въ отелѣ Даніэли, гдѣ я жилъ, я встрѣтилъ черноземнаго, тамбовскаго или тульскаго помѣщика, покинувшаго Россію послѣ манифеста 19 февраля и считавшаго, что въ Россіи для истиннаго дворянина нѣтъ болѣе мѣста послѣ «революціи, произведенной сверху». Этотъ чудакъ отказался отъ Россіи, но не отказался отъ русскихъ щей и гречневой каши, получая для этого продукты изъ Россіи. Онъ обра-

довался появленію русскаго, познакомился со мною и пригласилъ къ себѣ «на щи и кашу», которыми утѣшалъ свой утробный патріотизмъ. Къ сожалѣнію, я забылъ фамилію этого чудака и не знаю, вступилъ ли онъ въ какой нибудь договоръ съ своимъ отечествомъ, гдѣ онъ оставался владѣльцемъ крупнаго имѣнія, или, непримиренный, умеръ на чужбинѣ?

Изъ Венеціи, черезъ Болонью, я пріѣхалъ во Флоренцію и остановился тамъ, имѣя въ виду только осмотрѣть ея памятники среднихъ вѣковъ. Но здѣсь я случайно встрѣтилъ Тимофея Николаевича Повало-Швейковскаго, только что женившагося на дочери Н. А. Бакунина, и вмѣстѣ съ женою и ея сестрою, Варварой Николаевной Бакуниной, путешествующихъ по Италіи. Отъ нихъ я узналъ, что во Флоренціи имѣютъ постоянное мѣстопребываніе художникъ Н. Н. Ге и скульпторъ П. П. Забѣлло. Ни того, ни другого я не зналъ лично, но Н. Н. Ге зналъ по его картинѣ «Тайная Вечеря», которая была на выставкѣ въ Петербургѣ. Швейковскіе предложили мнѣ познакомиться съ Ге, пользовавшимся уже крупной извѣстностью въ Россіи, и мы вмѣстѣ отправились къ нему. Н. Н. Ге и его супруга приняли меня очень радушно и съ перваго же знакомства выяснилось, что Анна Петровна Ге — дочь моего ближайшаго сосѣда, Петра Ивановича Забѣлло, хуторъ котораго всего въ четырехъ верстахъ отъ Плиски. Далѣе выяснилось, что и Ге и П. П. Забѣлло, родной братъ Анны Петровны Ге, живущій также во Флоренціи, учились въ той же Кіевской 1-й гимназіи и въ томъ же пансіонѣ, гдѣ и я учился, но только позднѣе ихъ, и что я видѣлъ въ залѣ пансіона на стѣнѣ ихъ прекрасные рисунки. Словомъ, съ перваго дня знакомства съ Ге, мы уже были «свои» люди и мнѣ оставалось побывать еще у Пармена Петровича Забѣлло, чтобы чувствовать себя за границей почти какъ у себя дома. Парменъ Петровичъ жилъ за стѣною Флоренціи, у Porta S. Gallo, т. е. внѣ города, хотя стѣна, отдѣлявшая старый городъ отъ предмѣстія, была лишь памятникомъ старины — не болѣе. Забѣлло я не засталъ дома, но мнѣ указали его студію, расположенную вблизи, гдѣ я и нашелъ его за работой: онъ лѣпилъ Джульетту на балконѣ. Онъ также радушно принялъ меня (я явился съ карточкой Ге), но въ манерѣ Ге и Забѣлло было все различно до противоположности. Поскольку первый отличался экспансивностью, постольку второй — сдержанностью.

Это новое знакомство измѣнило всѣ мои планы, и я рѣшилъ остаться на зиму во Флоренціи, гдѣ все было такъ привлекательно, что мнѣ не хотѣлось покинуть ее. Въ виду этого, я переселился изъ гостиницы въ маленькую квартиру изъ двухъ комнатъ, составлявшихъ весь третій этажъ четырехэтажнаго дома въ три окна, на Piazza s. Maria Novella, указанную мнѣ Н. Н. Ге. И мѣсто и квартира, гдѣ я могъ чувствовать себя совершенно независимымъ, вполнѣ меня удовлетворяли. Я былъ въ двухъ шагахъ отъ самаго центра города и въ то же время отъ городского сада «Кашиньи» и отъ рѣки Арно съ ея набережной, откуда было

видно так много прелестных мѣстъ, окружающихъ Флоренцію. Въ 1868 и 9-мъ годахъ Флоренція была еще столицей Италіи и здѣсь было мѣстопребываніе короля Виктора Эммануила, котораго можно было почти ежедневно встрѣчать на Lung'Arno, гдѣ онъ проѣзжалъ въ ряду множества другихъ экипажей, какъ простой гражданинъ, что, по видимому, чрезвычайно нравилось флорентинцамъ. Его привѣтствовали, снимая шляпу, онъ, съ своей стороны, отвѣчалъ тѣмъ же, не внося ничего нарушающаго общій порядокъ.

Изъ Флоренціи я два раза ѣздилъ въ Римъ и одинъ разъ въ Неаполь. Въ Римѣ еще царствовалъ Папа и его Область была единственнымъ государствомъ, въѣздъ въ которое сопровождался требованіемъ паспорта и довольно сложнымъ таможеннымъ осмотромъ книгъ и бумагъ, если онѣ находились въ вещахъ; личнаго осмотра, впрочемъ, не дѣлалось. Книги же и бумаги на границѣ отбирались вмѣстѣ съ паспортомъ и возвращались на другой день. Я далъ свой адресъ — **Piazza della Minerva, Hôtel Minerva**, около Пантеона. Все взятое у меня было дѣйствительно на слѣдующій день мнѣ доставлено.

«Вѣчный Городъ» произвелъ на меня совершенно исключительное впечатлѣніе, какого я не испытывалъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ. О Берлинѣ и говорить нечего. Такое же впечатлѣніе я снова пережилъ, посѣтивъ Римъ вторично въ 1895 году. Это не городъ, а Храмъ, посвященный Вѣчности и Безсмертію, о которыхъ напоминаетъ каждый шагъ, каждый вершокъ этой земли. Въ первый разъ я пріѣхалъ въ Римъ на карнавалъ, который справляли одни иностранцы, большею частью англичане и американцы, а открывали власти торжественнымъ проѣздомъ по Корсо кардиналовъ въ красныхъ сутанахъ. Затѣмъ появлялись переодѣтыя фигуры (маски запрещались въ это время изъ-за какихъ-то опасеній) и начиналась затѣмъ забава съ тушеніемъ свѣчей и бросаніемъ confetti. Корсо по всей своей длинѣ набито было биткомъ и всѣ балконы украшены матеріями и коврами и тоже наполнены публикой. Въ концѣ концовъ, мнѣ показалось все это довольно скучнымъ.

Второй разъ я пріѣхалъ весной, когда стояла очаровательная погода и когда можно было осмотрѣть городъ безъ всякой помѣхи. О немъ нельзя говорить въ нѣсколькихъ словахъ, а говорить все то, что можно было бы сказать, не входитъ въ мою задачу. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что относилось къ событіямъ дня. Быть въ Римѣ и не видать Папы, какъ извѣстно, непозволительно, а мнѣ удалось видѣть Папу Пія IX-го два раза. Первый разъ я видѣлъ его во всемъ блескѣ папскаго величія, когда его внесли въ соборъ св. Петра на носилкахъ подъ роскошнымъ балдахиномъ, окруженнаго кардиналами, между двухъ рядовъ вооруженной папской стражи. Это было зрѣлище, отъ котораго св. Петръ бѣжалъ бы въ ужасѣ, если бы ожилъ и увидѣлъ наслѣдника своего престола въ такомъ видѣ. Другой разъ я видѣлъ Папу въ иной, болѣе простой обстановкѣ на кладбищѣ Санъ-Лоренцо, гдѣ онъ осматривалъ усыпальницу, которую онъ устраивалъ для себя при жизни.

Онъ спускался внизъ по мраморной лѣстницѣ въ сопровожденіи трехъ кардиналовъ, благословляя наложеніемъ рукъ на головы женщинъ и дѣтей, стоявшихъ на ступеняхъ лѣстницы. Это былъ толстый старикъ съ потухшими глазами. Рядомъ съ нимъ шелъ кардиналъ и министръ Антонелли съ очень выразительнымъ лицомъ. Папу ждала внизу лѣстницы парадная четырехмѣстная карета, запряженная цугомъ въ три пары лошадей съ двумя форейторами и двумя лакеями на запяткахъ. Вся сбруя блистала папскими гербами, а кучеръ, форейторы и лакеи были одѣты въ шолковые камзолы, бѣлые чулки и треугольныя шляпы. Я попалъ на это зрѣлище, благодаря извозчику, предложившему проѣхать на кладбище, куда долженъ былъ пріѣхать Папа.

Не смотря на все это великолѣпіе, политическая атмосфера Рима была пропитана электричествомъ и приближеніе бурн уже чувствовалось не только въ Римѣ, но и во Флоренціи, которая зорко слѣдила за положеніемъ дѣлъ и готовилась занять Римъ, столицу Италіи.

Но прежде чѣмъ вернуться во Флоренцію, я проѣхалъ въ Неаполь, гдѣ пробылъ дней десять. Что новаго можно сказать о красотѣ Неаполя, его окрестностей, ближнихъ и дальнихъ, Неаполитанскаго залива? Конечно, я обѣгалъ весь Неаполь, его улицы, его музей и театръ, Сольфатаро и проч., побывалъ на Везувіи, стоялъ надъ самымъ его кратеромъ, который позднѣе совершенно измѣнилъ свою форму послѣ изверженія 1872 года; осмотрѣлъ Помпею, откуда прошелъ пѣшкомъ въ Сорренто; побывалъ на Капри и въ его гротѣ, посѣтилъ пещеру Сивиллы, переправившись на спинѣ проводника черезъ воду, которая была въ пещерѣ, и вернулся во Флоренцію, нагруженный впечатлѣніями выше всякой мѣры.

Во Флоренціи я чувствовалъ себя, какъ у себя дома, гулялъ, вечеръ проводилъ болѣе всего въ читальнѣ Vieusseux, гдѣ были книги и журналы, гдѣ была такая тишина и такъ удобно было читать. Обѣдать я ходилъ въ маленькій ресторанъ, чаще же всего вовсе не обѣдалъ, а отправлялся въ народную кухню около собора, гдѣ на громадномъ очагѣ на вертелѣ жарили всякую всячину на глазахъ у голоднаго кліента, сидѣвшаго передъ кухней за столикомъ, на которомъ бумага исполняла обязанность салфетки. Увы! въ 1895 г. я искалъ эту кухню и убѣдился, что всѣ эти мѣста подверглись полному переустройству, и на мѣстѣ такихъ очаговъ и подвальчиковъ, гдѣ мы съ Забѣллой бывало проводили вечера, бесѣдуя за fiasco di Chianti и сыромъ «стракино-ди-Милано», возвышались новые огромные дома съ магазинами. Съ Забѣллой мы сошлись довольно близко. Окончивъ всю работу въ студіи, онъ считалъ себя свободнымъ и не очень былъ склоненъ проводить это время въ своей семьѣ. Его отецъ Петръ Ивановичъ Забѣлло, мой сосѣдъ, по имѣнію, былъ скупъ и рѣшительно не признавалъ искусство вообще, а скульптуру въ особенности за занятіе достойное дворянина. «Парменъ, говаривалъ онъ, лѣпитъ коники, свистульки, что продаются у насъ въ Ивангородѣ на ярмаркахъ мальчишками.» Такъ онъ пони-

малъ занятіе своего сына, которому скульптура давала очень небольшой заработокъ. Но быть можетъ изъ за этого обстоятельства, а можетъ быть и по свойству характера привычки богемы остались у Забѣллы во всей своей неизмѣнности. Его квартира была почти пуста, имѣлось только то, что составляло крайнюю необходимость — кровати, столы, табуреты и ничего больше. А между тѣмъ, Парменъ Петровичъ вовсе не былъ скупъ и любилъ свою семью; онъ просто не чувствовалъ нѣкоторыхъ потребностей и не понималъ ихъ. Сколько разъ я своими глазами видѣлъ, какъ онъ былъ ласковъ съ уличными дѣтьми, и у него всегда были мѣдные soldi въ карманѣ, которые онъ имъ раздавалъ.

Нерѣдко я приглашалъ его прокататься верхомъ, напр., въ Fiesole, куда въ то время еще не ходилъ трамвай. Онъ охотно ѣздилъ со мною и хорошо ѣздилъ. Взамѣнъ того, онъ приглашалъ меня въ кабачки, гдѣ собирались его знакомые рабочіе и гдѣ при свѣтѣ висячей лампы въ темномъ, безъ окна, кабачкѣ велись бесѣды на политическія темы, причемъ онъ былъ переводчикомъ для меня.

Мнѣ помнится, что Н. Н. Ге писалъ въ это время картину «Моленіе о чашѣ», Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду. Картина эта не производила большого впечатлѣнія и дѣйствительно была не изъ лучшихъ его произведеній. Уже въ этой картинѣ лицо Христа имѣло сходство съ лицомъ самого Н. Н-ча Ге. Въ его мастерской я видѣлъ прекрасный портретъ, имъ исполненный, А. И. Герцена, впослѣдствіи купленный Третьяковымъ для его знаменитой галлереи. Въ это время Ге очень увлекался Герценомъ, часто говорилъ о немъ и все написанное имъ перечитывалъ. Тогда онъ былъ поклонникомъ революціи... Гдѣ? въ Италіи? въ Россіи? Я думаю, онъ самъ этого не зналъ, но очень хотѣлъ участвовать въ тайномъ обществѣ, которое, какъ онъ предполагалъ, существовало во главѣ съ М. А. Бакунинымъ. И Ге былъ очень огорченъ и даже обиженъ, что его никто не звалъ въ такое общество. Этотъ эпизодъ его жизни я знаю со словъ младшаго брата Михаила Александровича, Павла Александровича Бакунина. Н. Н. Ге былъ человѣкъ чрезвычайно увлекающійся и будучи неудержимо экспансивнымъ, онъ очень ярко демонстрировалъ каждое новое свое увлеченіе. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ переселился изъ Флоренціи сперва въ Петербургъ, а потомъ, по случаю смерти отца Анны Петровны Ге и раздѣла ея съ братьями, части которыхъ выкупилъ Николай Николаевичъ, онъ переѣхалъ на хуторъ по сосѣдству съ моимъ имѣніемъ и увлекся сельскимъ хозяйствомъ. Онъ не покидалъ своей художественной работы, но хозяйственныя заботы отнимали у него немало времени и даже заставили его писать портреты, которые едва-ли представляли для него интересъ художественный. Въ это время мы съ Н. Н. Ге видались очень часто.

Въ одно изъ посѣщеній Плиски я познакомилъ Ге съ профессоромъ философіи кіевскаго университета А. А. Козловымъ, гостив-

шимъ у меня нѣсколько дней. Николай Николаевичъ сразу увлекся философіей Козлова, послѣдователя нѣмецкаго философа Гартмана и его философіи безсознательнаго. Когда Козловъ развивалъ свои идеи, а онъ былъ большой діалектикъ, Николай Николаевичъ приходилъ въ восторгъ и не могъ удержать своихъ экспансивныхъ чувствъ: «браво, Сократъ, браво, Сократъ!» кричалъ онъ. Его увлекала діалектика Козлова, а не идеи, которыя тотъ защищалъ, такъ какъ весь строй идей Николая Николаевича мало соприкасался съ философіей Козлова и Гартмана. Но увлеченіе Козловымъ и его философіей прошло очень скоро; встрѣчи съ Козловымъ были рѣдки, и Сократъ былъ скоро забытъ. Въ художественномъ творчествѣ Ге произошелъ какой-то перерывъ. Онъ писалъ портреты ради заработка и нѣсколько разъ брался за картину, которая ему не удалась, — Екатерина у гроба Елизаветы. Эта область темъ не была той областью, въ которой его вдохновеніе черпало свои сюжеты. Деревенскія впечатлѣнія также не оставляли въ его душѣ значительныхъ слѣдовъ. Его художественная природа требовала иныхъ впечатлѣній, и не хозяйственныхъ заботъ, и не участія въ земской работѣ, посвященныхъ житейскимъ буднямъ, у которыхъ есть своя трагедія, но глубоко скрытая, безъ блеска, безъ апплодисментовъ, безъ поклонниковъ и поклонницъ, всего того, что такъ возбуждаетъ воображеніе и сопровождаетъ успѣхъ. Заключительный аккордъ его художественнаго творчества нашелъ свой источникъ въ религіозномъ и моральномъ ученіи гр. Льва Николаевича Толстого, увлеченіе которымъ побуждало Ге къ подражанію жизни Толстого, но, какъ всякое подражаніе, лишенное самостоятельнаго содержанія, получило искусственный, даже нѣсколько каррикатурный характеръ. Толстой носилъ блузу, Ге блузу снялъ и появлялся въ рубашкѣ, окруженный поклонницами, которымъ проповѣдывалъ ученіе Толстого въ своей редакціи...

Со времени моей ссылки мы съ Ге не встрѣчались. Уже въ 1877 г. мы съ нимъ немножко разошлись, такъ какъ онъ очень не одобрялъ моей попытки провести въ земствѣ прогрессивный налогъ на землю, и въ горячности спора въ земскомъ собраніи, гласнымъ котораго онъ состоялъ, онъ увѣрялъ, что я провожу въ земствѣ соціализмъ, и не хотѣлъ мнѣ простить настойчивость, съ которой я отстаивалъ свой проектъ, принятый земскимъ собраніемъ, но отмѣненный Сенатомъ, признавшимъ его незаконнымъ. Однако, мы и послѣ этого все таки сохранили старыя отношенія вплоть до моего ареста. Но его обращеніе къ толстовству, несомнѣнно, нарушило бы близость нашихъ отношеній, если бы я въ это время могъ вернуться на родину.

Въ 1886 году я вернулся изъ ссылки въ Плиску, но подвергся вторичной высылкѣ, и въ теченіе того краткаго времени, которое мнѣ администрація тамъ позволила остаться, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ я встрѣтился на вокзалѣ съ супругой Николая Николаевича, Анной Петровной, умной и почтенной женщиной. Мы встрѣтились какъ старые друзья и, въ ожиданіи поѣзда, она попросила меня зайти съ

нею въ дамскую комнату, чтобы побесѣдовать по старому, дружески. Она очень постарѣла со времени нашего послѣдняго свиданія, была очень взволнована и стала разсказывать свою горькую жизнь съ тѣхъ поръ, какъ Николай Николаевичъ сталъ проповѣдникомъ толстовства. На ея долю выпало переносить всѣ эксцентричности Ник. Ник-ча во всѣхъ мелочахъ жизни, что въ ея преклонные годы и болѣзни было невыносимо тяжело.

Мнѣ было искренно жаль эту бѣдную старушку, у которой неудержимо текли слезы изъ глазъ. Она привыкла быть главою семьи, въ которой теперь, по ея словамъ, она была послѣднимъ человѣкомъ, лишеннымъ и любви и заботъ. Поѣздъ пришелъ, мы разстались. Въ настоящее время и Анна Петровна и Николай Николаевичъ оба — покойники. Но нельзя не вспомнить, какъ была поверхностна любовь, которую проповѣдывалъ «дѣдушка» Николай Николаевичъ своимъ поклонницамъ, лишая въ это самое время старую и больную жену не только любви, но и простой помощи.

Что касается другого нашего флорентинскаго пріятеля, Пармена Петровича Забѣлло, то его умъ и характеръ, какъ и вся его природа, были почти полной противоположностью Н. Н. Ге. Мнѣ всегда казалось, что онъ умнѣе Ник. Ник-ча, но по своему художественному таланту не можетъ итти ни въ какое съ нимъ сравненіе. Полный скептикъ и матеріалистъ (не въ вульгарномъ смыслѣ), онъ отрицалъ все, что составляетъ душу искусства, ея смыслъ и красоту, что говоритъ непосредственно нашему разуму и сердцу и безъ чего все мертво. Какъ скульпторъ, онъ любилъ тѣло, но геній художника вдыхаетъ и въ мертвый камень жизнь, которую мы чувствуемъ и въ Аполлонѣ и въ Венерѣ Милосской, и въ полотнѣ картины и въ Реймскомъ Соборѣ. Забѣлло былъ атеистъ и къ Богу относился, какъ къ своему личному врагу, поэтому въ словахъ д у х ъ, д у ш а онъ видѣлъ аттрибутъ своего врага. Онъ былъ сохранившійся во всей неприкосновенности типъ нигилиста, какимъ его нарисовалъ Тургеневъ. Вотъ этотъ нигилизмъ побѣждалъ въ немъ художника и еще болѣе умалялъ его небольшой талантъ.

Послѣ многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ мы съ Забѣллой не встрѣчались, въ 1907 г. мы снова случайно встрѣтились въ Лозаннѣ, гдѣ хоронили нашего друга и моего товарища по первой Гос. Думѣ, Муханова. П. П. Забѣлло очень постарѣлъ, но былъ все тотъ-же противникъ Бога и души, о которой моя жена въ разговорѣ имѣла неосторожность упомянуть, вовсе не касаясь ея безсмертія и другихъ свойствъ, по словамъ Забѣлло, «выдуманныхъ человѣческой глупостью». Забѣлло съ прежней яростью набросился на эту тему и долго порицалъ человѣческое неразуміе. Впрочемъ, это не мѣшало мнѣ съ нимъ быть по прежнему въ добродушныхъ отношеніяхъ, сложившихся въ раннюю пору нашей жизни.

Приближалась весна 1869 года, и я долженъ былъ собираться въ обратный путь. Однако, мнѣ хотѣлось воспользоваться пребываніемъ

заграницей, чтобы заглянуть въ Парижъ. Изъ Флоренціи я выѣхалъ въ разгаръ итальянской весны на Пизу и Ливорно, отсюда черезъ Специю въ Геную, причемъ отъ Специи до Кіавари желѣзная дорога только строилась, поэтому пришлось взять извозчика и я съ наслажденіемъ проѣхалъ по шоссейной дорогѣ, которая подымалась все выше и выше надъ моремъ и была изумительно красива. Отъ Кіавари опять по жел. дорогѣ до Генуи. Тутъ красота мѣста скрывается и пропадаетъ, благодаря множеству тунелей. Въ Генуѣ пришлось быть не долго; ужъ очень я запаздывалъ, поэтому я направился на Туринъ черезъ Mt. Cenis (еще не было тунеля), перевалилъ черезъ гору и даже частью прошелъ пѣшкомъ по колѣни въ снѣгу, такъ какъ локомотивъ испортился и надо было ждать другого. Въ Шамбери пришлось остаться; поѣздъ въ Парижъ ушелъ, не подождавъ насъ. Описывать Парижъ, конечно, я не буду, ибо кто изъ русскихъ, побывавъ заграницей, не знаетъ Парижа? А для незнающихъ нужно переписать весь Бэдекеръ, отъ чего я воздерживаюсь. Скажу только, что мнѣ удалось попасть въ Палату Депутатовъ и просидѣть тамъ цѣлое засѣданіе. Надо при этомъ вспомнить, что это было во время имперіи Наполеона III-го и вся оппозиція была представлена знаменитыми пятью: Jules Favre, Jules Simon, Pelletan, Glais-Bizoin и Emile Olivier, изъ коихъ послѣдній въ томъ же году перешелъ на сторону ставшей «либеральной» (?) имперіи и сдѣлался руководителемъ правительства при Наполеонѣ. Мнѣ удалось слышать двухъ ораторовъ изъ этихъ пяти: J. Favre'a и Pelletan. Манера всѣхъ говорившихъ мнѣ показалась очень искусственной, слишкомъ сдобренной декламаціей, но я замѣтилъ, что какъ французы, такъ и особенно итальянцы всегда декламируютъ больше или меньше, что сначала представляется намъ страннымъ, но, посѣщая ихъ театры, мы скоро привыкаемъ къ такой манерѣ и даже находимъ ее очень экспрессивной.

Мнѣ все еще хотѣлось многое посмотрѣть въ этомъ великолѣпномъ міровомъ центрѣ, какъ вдругъ я получилъ отъ Имшенецкаго телеграмму, настойчиво зовущую меня вернуться домой: я былъ избранъ участковымъ мировымъ судьей. Я выѣхалъ въ Петербургъ немедленно.

* *
*

По возвращеніи изъ заграницы въ маѣ 1869 г., я нашелъ съѣздъ мировыхъ судей уже организованнымъ. Въ составъ судей было избрано 14 или 15 лицъ, изъ коихъ четверо въ качествѣ участковыхъ мировыхъ судей; остальные были избраны почетными судьями и одинъ изъ нихъ — Н. Г. Борсукъ, предсѣдателемъ съѣзда. Самымъ интереснымъ и, прямо скажу, — важнымъ, былъ при выборахъ тотъ фактъ, что въ числѣ почетныхъ судей были единогласно, закрытой баллотировкой, избраны двое гласныхъ отъ крестьянъ: волостной старшина Хороше-

Озёрской волости, Кононевичъ, и, если не ошибаюсь, Ичекскій волостной старшкка, Омельчекко, оба пользовавшіеся кесомкѣккымъ и вполнѣ заслужеккымъ довѣріемъ среди казаковъ н крестьякъ, умкые и добросовѣстные людк. Это избракіе проkзвело каилучшее впечатлѣніе среди всего каселекія безъ различія классовъ, такъ какъ придало ковому суду характеръ безсословкый н демократическій. Секатъ, въ виду закона, предоставляющаго земству избирать въ судьи лкцъ, не имѣющихъ требуемаго ценза, подъ условіемъ едкногласкаго нзбракія закрытымъ голосованіемъ, безпрекословко утвердклъ обоихъ судей.

Уѣздъ былъ раздѣлекъ ка 4 участка — однкъ городской и три уѣздныхъ. Городской участокъ былъ предоставлекъ Фед. Сем. Рыкдовскому, долгое время бывшему уѣздкымъ врачемъ и зкавшему каждаго городского обывателя въ лкцо. Онъ былъ мало зкакомъ съ юриспрудекціей, ко несомнѣкко былъ умный и способный человѣкъ, пользовавшійся среди горожакъ авторитетомъ. Едикственкой его слабостью была любовь разсказывать скабрезкые акекдоты въ совѣщательной комнатѣ, не смотря на то, что окъ былъ человѣкъ пожилой и весьма богомольный. Окъ же былъ избракъ въ должкость «кепремѣнкаго члена съѣзда», т. е. завѣдующимъ какцеляріей, такъ какъ его участокъ былъ небольшой и, даже съ таккмъ казначеніемъ, не соотвѣтствовалъ размѣру труда другкхъ участковыхъ судей. Второй участокъ былъ предоставленъ мнѣ. Третій — Вас. Ник. Волку-Карачевскому, по образовакію врачу, молодому, очекь умкому и прекрасному человѣку. Наконецъ, 4-й участокъ былъ порученъ Виктору Михвйловнчу Бѣлозерскому, бывшему до этого судебнымъ слѣдователемъ, человѣку умному и даже весьма остроумному, ко кѣсколько облѣкившемуся и усвоившему привычкн дореформеннаго суда, однако, за исключеніемъ взяточнннчества, въ которомъ его никто ки раньше, ни позже никогда не упрекалъ.

Всѣмъ четыремъ судьямъ было назкачено микимальное жалованье устаковленное закономъ — 125 р. въ мѣсяцъ. Конечко, въ 1869 году 125 р. значили не то, что двадцать или тридцать лѣтъ позднѣе, но все же они не могли никого особенно соблазкять, и по существу были очень недостаточкы, такъ какъ кв этн декьги кужко было имѣть помѣщеніе и маленькую канцелярію съ пнсьмоводителемъ, пксцомъ и разсыльнымъ, а сверхъ того кемалый расходъ требовался и на какцелярскія надобности, такъ что въ общемъ судья получалъ ке болѣе 50 руб. въ мѣсяцъ за свой трудъ, отвѣтственный и не малый; напр. въ моемъ участкѣ въ первый же годъ было свыше 1200 дѣлъ, по конмъ керѣдко приходилось выѣзжать на мѣсто для осмотра и т. п. Тѣмъ не менѣе, за двадцать пять лѣтъ существовакія мирового суда въ провкнціи ке было слышно ни о растратахъ, ни о взяточкичествѣ. Мировой судъ съ велнчайшимъ достоинствомъ сыгралъ свою роль, давъ населенію образецъ блнзкаго, справедливаго и безкорыстнаго суда. Если на этой плодородной и чистой почвѣ развивалвсь и сорная трава въ видѣ сутяжничества, то оно всецѣло должко быть отнесено къ частной и подпольной

адвокатурѣ, вторгавшейся въ судъ, какъ корыстный промыселъ, съ которымъ приходилось вести упорную войну.

Въ предсѣдатели съѣзда былъ избранъ, какъ я сквзалъ, Н. Г. Борсукъ, очень образованный и свѣдущій юристъ, къ сожалѣнію, остававшійся у насъ не долго. Къ концу года онъ перешелъ въ присяжную адвокатуру и выѣхалъ въ Полтаву. Тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ дать направленіе дѣятельностн съѣзда, и когда, послѣ его отъѣзда, на должность предсѣдателя былъ избранъ я, мнѣ оставалось идти по путн, указанному моимъ предмѣстнникомъ. Мѣсто предсѣдателя я занималъ 9 лѣтъ, вплоть до того дня, когда былъ арестованъ и сосланъ на жительство въ восточную Россію, т. е. до 26 апрѣля 1879 года. Съѣздъ былъ организованъ также чрезвычайно скромно. Предсѣдатель не получалъ никакихъ прибавокъ къ жалованію, а Непремѣнный членъ въ качествѣ мир. судьи городского участка пользовался лишь даровой камерой съѣзда; канцелярія состояла изъ четырехъ лицъ: секретаря съ жалованіемъ въ 600 р., его помощника — 300 р., пнсца — 180 р. и разсыльнаго — 120 р. Сверхъ того при съѣздѣ состоялъ судебный приставъ съ жалованьемъ въ 600 р.; на его обязанностн было исполненіе судебныхъ рѣшеній, за что онъ получалъ особое вознагражденіе по таксѣ, установленной закономъ. Такимъ образомъ весь составъ мирового суда обходнлся земству 7200 р. н, сверхъ того, земство предоставляло съѣзду свое помѣщеніе, въ которомъ засѣдало земское собраніе, а также помѣщеніе для канцеляріи съѣздв.

Вообще нельзя не признать, что правительство, вводя новыя судебныя учреждеія, очень мало прннимало въ разсчетъ, что новый судъ наслѣдуетъ старому, репутація н традиціи котораго были опозорены неправосудіемъ н взяточнничествомъ, требовавшими полнаго искорененія. Прежде всего, конечно, нужны былн новые люди, проникнутые сознаніемъ своего долга, но удержать ихъ на этомъ мѣстѣ можно было, не требуя отъ ннхъ геройскаго самопожертвованія, обезпечивъ имъ безбѣдное существованіе, соотвѣтствующее нхъ профессін, требующей знанія, тяжелаго труда и большой отвѣтственностн. Даже въ шестидесятыхъ годахъ такое жалованье, какое было назначено члену окружного суда — 2200 р., тов. предсѣдателя — 3500 р. н предсѣдателя Окружнаго суда — 4500 р., не представляло достаточнаго вознагражденія и, если въ самомъ началѣ мѣста въ судѣ были замѣщены не только хорошими юристамн, но и хорошимн судьямн, то уже очень скоро началось бѣгство изъ суда: кто по-талантлнвѣе — въ прнсяжную адвокатуру, кто разсчитывалъ на карьеру — въ прокуратуру, а кому ворожнла бабушка — тотъ бѣжалъ въ центральныя учрежденія министерства юстиціи. Повидимому, зто бѣгство побуднло гр. Палена, миннстра юстиціи, въ нарушеніе закона, недопускавшаго ннкакнхъ наградъ для судей, вернуться къ старой снстемѣ чинопроизводства н награжденія орденамн, чинамн и переводами на высшія должности. Однако, зтотъ способъ удержанія судей на своихъ мѣстахъ не достигъ своей цѣлн, но унич-

тожилъ въ судьяхъ чувство независимости и возбудилъ чувство искательства, т. е. возвратилъ судъ къ старому, всѣми осужденному порядку.

Въ моей личной практикѣ я помню одинъ случай, возникшій въ нашей судейской средѣ. Городской мировой судья, Рындовскій, обратился ко мнѣ съ просьбой представить его къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника, на который, по его мнѣнію, онъ имѣлъ право своей долголѣтней службой. Я напомнилъ ему о законѣ, воспрещающемъ награжденіе судей чинами. Онъ настаивалъ, заявляя, что именно надежда получить чинъ, съ которымъ связано дворянское достоинство, побудила его на старости лѣтъ принять мѣсто V-го класса, изъ котораго переходъ въ IV-й такъ естественъ. Я категорически отказался идти по тому пути, на который онъ меня толкалъ, и этого онъ никогда не могъ простить мнѣ. Но я вполнѣ понимаю Ѳ. С. Рындовскаго, состарившагося на государственной службѣ и по личному опыту не сомнѣвавшагося, что стремленіе составителей Учрежденія суд. установленій 1864 г. отмѣнить чины, ордена и разныя награды неосуществимо, такъ какъ русская государственная служба только этимъ и держится, а не чувствомъ долга. «Дѣйствительные статскіе совѣтники», украшенные звѣздами и лентами, и просто статскіе совѣтники были не мало шокированы, состоя подъ начальствомъ «коллежскихъ секретарей» и прочей «мелюзги», не имѣвшей ни чиновъ, ни орденскихъ отличій, но занимавшей должности предсѣдателей суда.

И дѣйствительно, уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, графъ Паленъ, министръ юстиціи, «понялъ ошибку» Судебныхъ учрежденій и сталъ «награждать» судей: повышеніемъ по службѣ, чинами «за выслугу лѣтъ», орденами въ соотвѣтственные праздники или въ соотвѣтствіи съ занимаемымъ мѣстомъ. И мой товарищъ, старикъ Рындовскій, естественно разсуждалъ: если награжденіе допускается для однихъ, почему-же и онъ, старый служака, имѣющій «пряжку» за XL лѣтъ безпорочной службы, будетъ исключеніемъ и откажется отъ дворянскаго званія, быть можетъ, мечты всей его жизни? Мнѣ было жаль старика, я понималъ, что нравы, въ которыхъ онъ выросъ, находятся въ противорѣчіи съ закономъ и что онъ пойметъ мой отказъ, какъ личное къ нему недоброжелательство. Но развѣ нравы можно измѣнить, подчиняясь или потворствуя имъ? Слѣдовать по стопамъ представителя русскаго правосудія — гр. Палена — я не могъ.

Въ ряду судебныхъ учрежденій, замѣнившихъ старый судъ, мировой судъ занимаетъ особое мѣсто, какъ своей организаціей, такъ и своей юрисдикціей, и мнѣ кажется, что различіе между общими судебными учрежденіями и мировымъ судомъ (деревенскимъ) гораздо болѣе глубокое, чѣмъ можетъ казаться, такъ какъ, прежде всего, мировой судъ составляетъ неотдѣлимую часть мѣстнаго самоуправленія, его особый органъ, выполняющій не только судебную, но и просвѣтительную функцію, не укладывающуюся въ формальныя, лишенныя гибко-

сти предписанія и формы. На мировомъ судѣ лежитъ задача практически, на живыхъ примѣрахъ и случаяхъ, раскрыть весь смыслъ правового начала и показать населенію, что право есть осуществленіе въ человѣческомъ обществѣ и въ предѣлахъ человѣческихъ силъ, тѣхъ моральныхъ истинъ, которыя приняты христіанской культурой, гражданственностью и цивилизаціей всего міра. Поэтому, совершенно недопустимо въ судебно-мировомъ разбирательствѣ сохраненіе той статьи закона, которая возлагаетъ на истца представленіе всѣхъ доказательствъ и воспрещаетъ судьѣ собирать по своему усмотрѣнію всякія другія доказательства, которыя полезны и необходимы для справедливаго рѣшенія дѣла. Это справедливо въ окружномъ судѣ, гдѣ процессъ имѣетъ совершенно иной, формальный характеръ и гдѣ только строгія юридическія формы обезпечиваютъ твердость правового порядка.

Нѣтъ сомнѣнія, что малѣйшее злоупотребленіе судьи въ этомъ случаѣ вызоветъ осужденіе народнаго мнѣнія и переизбраніе судьи каждое трехлѣтіе гарантируетъ въ достаточной мѣрѣ отъ повторенія такихъ злоупотребленій.

Возложеніе на судью заботъ о возможной полнотѣ данныхъ для постановленія не формально-правильнаго, а по существу справедливаго рѣшенія можетъ имѣть еще одно важное послѣдствіе: если не полное устраненіе частной адвокатуры, особенно подпольной, то сведеніе ея до такой ничтожной роли, что она не будетъ ни мѣшать правосудію, ни возбуждать множества совершенно безнадежныхъ дѣлъ, ни переносить ихъ въ апелляціонную и касаціонную инстанцію. Огромное количество кассаціонныхъ жалобъ Сенатомъ оставлялось безъ послѣдствій и до такой степени загружало его своею массой, что въ концѣ концовъ это привело къ передачѣ ихъ въ совершенно не компетентное учрежденіе, не представляющее никакихъ гарантій сколько нибудь правильнаго толкованія закона (губ. по земск. и город. дѣламъ присутствіе). А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ потопъ кассаціонныхъ жалобъ возникъ не въ интересахъ справедливости, а въ интересахъ частныхъ повѣренныхъ.

Въ началѣ нашей судейской дѣятельности намъ пришлось столкнуться съ аналогичнымъ смѣшеніемъ личныхъ интересовъ другого судебнаго органа, нотаріата, взявшаго на себя яко-бы обезпеченіе правовыхъ интересовъ мѣстнаго населенія. Факты обнаружили, что въ населеніи широко былъ развитъ кредитъ «на слово», т. е. безъ письменнаго обязательства, составленіе котораго предствляло много трудностей при чуть-ли не поголовной безграмотности деревенскаго населенія, когда ни кредиторъ, ни должникъ не могли ни написать, ни прочесть расписки. Въ такихъ случаяхъ взысканіе долга обыкновенно присуждалось на основаніи личнаго признанія должника и заканчивалось мировой сдѣлкой, такъ какъ самое взысканіе возникало не по причинѣ непризнанія долга, а по невозможности въ данную минуту заплатить. Однако, такія признанія становились все рѣже и рѣже, и стали замѣнять-

ся возраженіемъ: «покажи документъ!» Было ясно, что должникъ уже усвоилъ новую мысль о возможности не платить долга, если онъ не обезпеченъ письменнымъ актомъ, и что такой отказъ освобождаетъ его отъ долга безъ всякихъ невыгодныхъ послѣдствій. Мнѣ приходилось не разъ наблюдать недоумѣніе и неподдѣльное удивленіе, когда несомнѣнный должникъ возражалъ своему кредитору на требованіе уплаты:

— Покажи документъ!

— Какой документъ? А Бога ты забылъ? А присягалъ, что заплатишь въ срокъ, развѣ не ты?

— Говорятъ тебѣ, покажи документъ! — категорически твердилъ должникъ на всѣ усовѣщеванія кредитора.

Положеніе судьи было довольно тягостное, ибо долгъ не подлежалъ никакому сомнѣнію, а законъ точенъ: всякій кредитъ требуетъ письменнаго акта и не можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями. Попытки судьи убѣдить должника, предоставить ему мостъ для отступленія и мирнаго разрѣшенія спора обыкновенно не имѣли никакого успѣха. Существовалъ обычай, очевидно очень распространенный и когда-то твердый, но на обычай судья могъ опереться лишь въ томъ случаѣ, когда онъ не противорѣчилъ закону, а законъ былъ противъ него. Къ счастью, въ X томѣ законовъ гражданскихъ сохранился для Черниговской и Полтавской губ. остатокъ Магдебургскаго права, въ силу котораго допускались словесные займы, но не свыше двѣнадцати рублей. Такое исключеніе давало право доказывать заемъ свидѣтельскими показаніями. Конечно, такое право относилось лишь къ долгамъ, не превышавшимъ 12 руб. —, но мы толковали его въ томъ смыслѣ, что кредиторъ не могъ претендовать на присужденіе большей суммы, чѣмъ 12 р. . . Нерѣдко, однако, такой способъ приводилъ должника къ раскаянію, и прежде чѣмъ допрашивать свидѣтелей, онъ признавалъ долгъ полностью, иногда же такое признаніе слѣдовало за показаніемъ свидѣтелей и давало право судьѣ примѣнить къ рѣшенію собственное признаніе должника. Чаще же всего такія дѣла заканчивались миромъ, имѣющимъ уже неоспоримую силу. Тѣмъ не менѣе довѣріе къ словесному договору было окончательно убито и замѣнено нотаріальной распиской. Вотъ этотъ нотаріальный договоръ и былъ настоящей причиной паденія личнаго довѣрія, имѣвшаго такой эпидемическій характеръ. Нотаріусы, получавшіе доходы отъ всѣхъ сдѣлокъ, всѣми путями съ своей стороны распространяли среди населенія мысль, что только нотаріальный договоръ имѣетъ силу, а для неграмотныхъ онъ не можетъ быть замѣненъ никакой домашней распиской Такимъ образомъ, идея формальнаго права была искусственно направлена противъ идеи чести, противъ моральной обязанности и правды, и потому сослужила плохую службу народу, утратившему, благодаря этому, одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ своего моральнаго быта, сложившагося давно и, казалось, достаточно прочнаго. Конечно, этотъ част-

ный случай не исчерпываетъ всего вопроса о задачахъ мирового суда (я говорю о судьѣ, работающемъ въ деревнѣ, а не въ городахъ), но этотъ примѣръ показываетъ, какъ опасенъ чисто формальный способъ дѣйствій тамъ, гдѣ онъ ломаетъ жизнь, а не творитъ новую и не укрѣпляетъ то старое, что заслуживаетъ всяческой поддержки.

Не медля ни одного дня послѣ организаціи съѣзда мировыхъ судей, всѣ трое судей разъѣхались по своимъ участкамъ и открыли свои камеры. Моя камера помѣщалась во флигелѣ моей усадьбы, гдѣ была большая комната, разгороженная рѣшеткой, отдѣляющей публику отъ судейскаго стола. Это помѣщеніе было всегда открыто для обращающихся либо лично къ судьѣ, либо для справки въ канцеляріи, находившейся въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ занимался письмоводитель. Но въ объявленіи, выставленномъ мною въ камерѣ, я сообщалъ, что обращающихся къ судьѣ по всѣмъ дѣламъ, какъ съ письменными заявленіями, такъ и съ устными, я принимаю во всякое время, не назначая никакихъ ни дней ни часовъ, такъ какъ мой участокъ охватывалъ большое пространство, занимая цѣлую треть уѣзда, который не имѣлъ никакихъ искусственныхъ и усовершенствованныхъ путей сообщенія. Я знаю, что эта доступность судьи во всякое время была принята населеніемъ очень хорошо. Съ первыхъ же дней своего существованія мировой судъ пользовался среди населенія большимъ уваженіемъ, и за десять лѣтъ моей судейской дѣятельности не было ни одного случая хотя бы малѣйшаго нарушенія порядка въ моей судейской камерѣ, хотя бывало иногда чрезмѣрное переполненіе камеры, причемъ никакой даже сельской стражи или урядника, если онъ не являлся въ качествѣ обвинителя по уполномочію полиціи, никогда не было. Никогда не нарушались ни тишина, ни порядокъ.

Случался общій смѣхъ, и мнѣ самому было трудно не смѣяться, но грубыхъ выходокъ или взаимныхъ оскорбленій не было никогда. Вообще, я долженъ замѣтить, что малороссы гораздо сдержаннѣе великороссовъ и поддерживать порядокъ среди нихъ гораздо легче, чѣмъ среди ихъ сѣверныхъ собратій. Насколько мировой судъ пользовался у насъ популярностью, можно судить по тому факту, что крестьяне рѣшительно не желали обращаться къ волостному суду и заваливали насъ своими жалобами и исками. Для этого въ жалобахъ преувеличивали свои обиды, а въ искахъ цѣну объявляли въ 101 р., когда дѣйствительно взысканіе было меньше 100 рублей. Мнѣ кажется, что съ точки зрѣнія интересовъ населенія и правосудія было бы вполнѣ цѣлесообразно или совершенно измѣнить устройство волостного суда, или предоставить жалобщику и истцу обращаться къ тому или другому суду по желанію. Принуждать же насильственно обращаться къ суду, не пользовавшемуся никакимъ авторитетомъ, значило лишать огромную массу населенія всякаго правосудія, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что волостные судьи въ большомъ числѣ спаивались, ибо ни одно дѣло не рѣшалось безъ угощенія водкой. Комиссія сенатора Любощинскаго,

объѣзжавшая разныя мѣста Россіи и, между прочимъ, побывавшая и въ Малороссіи, пришла къ заключенію, что среди крестьянъ крѣпко держится обычное право, составляющее основу національнаго права, что волостные суды примѣняютъ въ своихъ рѣшеніяхъ именно обычное право, совершенно несоотвѣтствующее нашему кодексу гражданскаго права и что ломать обычное право нѣтъ никакого основанія, такъ какъ это значило бы насильственно навязывать населенію чуждыя ему правовыя нормы. Дѣйствительность-же была далека отъ всѣхъ подобныхъ соображеній: даже такіе институты, какъ наслѣдственное право, наиболѣе устойчивое изъ всѣхъ обычаевъ, подчинялись измѣненію нравовъ вмѣстѣ съ перемѣною всѣхъ условій крестьянской жизни во второй половинѣ XIX вѣка. Въ настоящее время всякій сословный или классовый судъ есть безусловный анахронизмъ и пережитокъ старины, отошедшей въ вѣчность.

Но если принять заключеніе комиссіи сенатора Любощинскаго о прочности обычнаго права въ народѣ достовѣрнымъ фактомъ, то было бы правильнымъ не поддерживать сохраненія волостнаго суда, а кодифицировать обычное право или предоставить мировому суду по требованію обѣихъ или одной стороны разрѣшать дѣло по обычному праву и ни въ какомъ случаѣ не сохранять волостного суда, въ которомъ господствуетъ надъ всѣми правами водка.

Въ составѣ дѣлъ, поступавшихъ ко мнѣ въ теченіе всего времени судейства, уголовныхъ дѣлъ было не болѣе одной пятой, причемъ такихъ дѣлъ, какъ кража, было сравнительно очень немного; моему разбирательству подлежали кражи, выходившія изъ компетенціи волостного суда, но не подлежащія компетенціи суда окружного. Всѣ же другіе проступки распредѣлялись довольно равномѣрно по категоріямъ Устава о наказаніяхъ. Большое количество оправдательныхъ приговоровъ представляла категорія неисполненія законныхъ требованій полиціи, и не потому, чтобы я имѣлъ предубѣжденія, но потому что полиція имѣла слабость считать всякое свое требованіе законнымъ и подлежащимъ исполненію, вродѣ, напр. запрещенія хорового пѣнія по вечерамъ и т. п., о чемъ я уже раньше упоминалъ.

Изъ всѣхъ мелкихъ правонарушеній и проступковъ, подлежавшихъ вѣдѣнію мирового суда, выдѣлялись проступки противъ личности, — насилія, побои и оскорбленія, такъ какъ именно въ этой области сказывается характеръ населенія и степень его моральнаго сознанія. Изъ нихъ я приведу два дѣла: оба относятся къ разряду личныхъ оскорбленій, въ которыхъ были замѣшаны сословныя столкновенія. Въ одномъ дѣлѣ извѣстный малорусскій писатель, украинофилъ и демократъ, подалъ мнѣ жалобу на сторожа «панскаго» огорода, не усмотрѣвшаго, какъ деревенскіе мальчишки оборвали и унесли дыни и арбузы и крайне грубо отнесшагося къ женѣ жалобщика, сдѣлавшей ему выговоръ. На судѣ я долго не могъ добиться, въ чемъ же заключалась нанесенная сторожемъ обида. Сторожъ заявилъ, что «барыня» стала

его ругать, а какъ ругать, не могъ сказать; а жалобщикъ утверждалъ, что на замѣчаніе его жены сторожъ сталъ кричать и говорить грубости. Въ концѣ концовъ выяснилось, что обѣ стороны кричали, но сторожъ сталъ «тыкать», т. е. перешелъ съ вы на ты.

— Значитъ, вы считаете слово «ты» въ устахъ служащаго или рабочаго оскорбительнымъ? спросилъ я жалобщика. — «Да, отвѣчалъ онъ, сторожъ не имѣлъ права говорить моей женѣ ты.»

— Но вѣдь вы здѣсь, на судѣ, все время говорите сторожу ты, когда онъ говоритъ вамъ — вы. Очевидно, вы не признаете это оскорбительнымъ?

Демократъ уставился на меня глазами и злобно произнесъ: «я прекращаю дѣло и больше никогда не буду искать защиты въ мировомъ судѣ.» Съ этими словами онъ вышелъ изъ камеры.

Другой случай обратный. Еврей жаловался на «генерала» (не военнаго, а штатскаго) за оскорбленіе дѣйствіемъ. Еврей, проживающій въ с. Николаевкѣ встрѣтилъ на улицѣ помѣщика, имѣвшаго имѣніе въ этомъ селѣ, но лишь по временамъ пріѣзжавшаго изъ Петербурга, отдохнуть отъ своихъ трудовъ, и хотя зналъ «генерала», но, поровнявшись съ нимъ, не снялъ шапки. «Генералъ» своей палкой сбросилъ съ его головы шапку и сказалъ, что онъ, еврей, обязанъ при встрѣчѣ шапку снимать. Еврей требуетъ наказать «генерала» за обиду дѣйствіемъ.

Скажу нѣсколько словъ объ этомъ «генералѣ», съ которымъ я былъ лично знакомъ и даже вмѣстѣ обѣдалъ за однимъ столомъ въ 1867 г., когда бывшій предводитель требовалъ меня «на бочку съ порохомъ», о чемъ я разсказалъ раньше. Генералъ, Антонъ Андреевичъ Глушановскій, принадлежалъ къ крайней правой нашего уѣзда. До своего генеральства онъ былъ учителемъ гимназіи и женился не на слишкомъ молодой и не слишкомъ красивой сестрѣ Писарева, знаменитаго въ свое время взяточника и всесильнаго правителя канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора, Бибикова. Свою супругу онъ отвезъ въ свое маленькое имѣньице въ с. Николаевкѣ, для завѣдованья хозяйствомъ, а самъ превратился сначала въ директора гимназіи, затѣмъ перешелъ на службу въ Петербургъ въ цензурный Комитетъ цензоромъ и сдѣлался генераломъ. Таковъ скелетъ его біографіи.

Спустя три-четыре дня по поступленіи ко мнѣ жалобы, генералъ нанесъ мнѣ визитъ, «какъ доброму сосѣду», и послѣ довольно разнообразныхъ вопросовъ, которыхъ касалась наша бесѣда, онъ поинтересовался узнать, поступила-ли ко мнѣ жалоба еврея. Я отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, что ея разсмотрѣніе пойдетъ въ очередь, о чемъ я увѣдомлю его повѣсткой. — «А если я уѣду въ Петербургъ и меня дома не будетъ?» спросилъ онъ.

— Я пошлю повѣстку въ Петербургъ по мѣсту вашего служенія.

— А если я все таки не пріѣду по вызову?

— Я пошлю вамъ копію заочнаго приговора.

— А къ чему вы меня приговорите? — спросилъ онъ съ тонкой улыбкой.

— Это трудно сказать, пока я не разобралъ дѣла и не взвѣсилъ всѣхъ его сторонъ. Если я признаю васъ виновнымъ и вашъ поступокъ не вызваннымъ поведеніемъ обиженнаго, то я приговорю васъ къ аресту, срокъ котораго цѣликомъ зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла.

— Неужто вы, батенька, такъ и приговорите меня, заслуженнаго дворяннна, изъ-за этого жида?

— Я буду только исполнять мой долгъ судьи и иичего больше.

Генералъ былъ очень подавленъ результатомъ своего визита и уѣхалъ далеко не такнмъ веселымъ, какимъ появился привѣтствовать своего «Добраго сосѣда».

Уголовныя дѣла имѣли свою очередь, а гражданскія — свою, поэтому первыя двигались скорѣе, чѣмъ вторыя, и дѣло генерала было назначено довольно скоро, недѣли черезъ двѣ. Въ назначенный день утромъ, до начала разбирательства, когда я еще оставался у себя въ домѣ, въ мой кабинетъ вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и отрекомендовался ректоромъ кіевскаго университета, Нниколаемъ Карловичемъ Ренненкампфомъ, профессоромъ знциклопедіи права. Онъ сказалъ мнѣ, что узналъ о разбирательствѣ дѣла «Генерала» (онъ назвалъ его по фамиліи), съ которымъ лично знакомъ, что дѣло зто его очень заинтересовало какъ юрнста, и какъ сосѣда по уѣзду, уроженца Сосницкаго уѣзда, н онъ рѣшнлъ поѣхать ко мнѣ посмотрѣть, какъ дѣйствуетъ мировой судъ. Все это было сказано въ самомъ любезномъ тонѣ, хотя я зналъ, что Ренненкампфъ держался весьма реакціонныхъ воззрѣній и едва-лн особенно сочувствовалъ мировому суду, тѣмъ болѣе, что онъ могъ узнать о времени разбирательства только отъ «Генерала», обратнвшагося къ нему за защитой. Я съ такою же любезностью объяснилъ, что разбирательство назначено въ такомъ-то часу, но въ виду разстояній оно завиcнтъ отъ прибытія сторонъ и свидѣтелей. Затѣмъ, послѣ непродолжительной бесѣды, я пригласилъ его въ мою камеру, если ему угодно, такъ какъ я собирался тамъ разбирать дѣла. Но Реиненкампфъ заявилъ, что къ назначенному часу онъ придетъ. Едва я появнлся въ камерѣ, какъ ко мнѣ подошелъ посланецъ «генерала» и представнлъ заявленіе о прекращеніи дѣла, подписанное генераломъ и евреемъ. Ренненкампфъ, такъ интересовавшійся посмотрѣть, какъ мнровые судьн разбираютъ дѣла, въ камеру такъ и не пришелъ.

Прнведу еще довольно характерный примѣръ изъ разряда полицейскихъ обвиненій.

Ко мнѣ въ камеру привели содержавшагося подъ стражей въ борзенской тюрьмѣ довольно пожилого отставного солдата. Къ моему удивленію, мѣра пресѣченія уклоненію отъ суда совершенно не соотвѣтствовала проступку — а именно: «нарушенію тишины на улицѣ передъ домомъ становоrо прнстава и убійству собаки, принадлежащей

приставу.» При разборѣ выяснилось, что обвиняемый — полякъ, сданный въ рекруты въ одной изъ польскихъ губерній, былъ зачисленъ солдатомъ въ полкъ, расположенный въ восточной Сибири, гдѣ и отбылъ весь многолѣтній срокъ службы. Получивъ отставку, уже почти старикомъ, онъ рѣшилъ вернуться на родину, но такъ какъ у него не было средствъ, а о желѣзной дорогѣ черезъ Сибирь тогда еще никто и не мечталъ, солдатъ рѣшилъ совершить это путешествіе пѣшкомъ, разсчитывая на Божью помощь и на помощь добрыхъ людей. Онъ прошелъ благополучно все пространство отъ В. Сибири до села Шаповаловки, въ Борзенскомъ уѣздѣ, т. е. много тысячъ верстъ, по старому тракту, ведущему изъ Сибири черезъ Москву въ Кіевъ, до котораго ему оставалось еще немного болѣе 150 верстъ. Здѣсь, при проходѣ его широкою почтовою дорогою, на него бросилась собака, онъ ударилъ ее своимъ костылемъ съ желѣзнымъ наконечникомъ и пробилъ ей голову. Оказалось, что это случилось передъ квартирою пристава. Солдата арестовали. Приставъ потребовалъ паспортъ, при разсмотрѣніи котораго онъ замѣтилъ приписку, не оговоренную въ паспортѣ, а потому заподозрилъ подложность документа, тѣмъ болѣе, что выговоръ солдата былъ явно не русскій. На этомъ основаніи солдата препроводили въ г. Борзну, въ полицейское Управленіе, гдѣ отобранный паспортъ для разъясненія отправили въ Сибирь по мѣсту расположенія полка, а солдата, подозрѣваемаго въ подлогѣ паспорта, посадили въ тюрьму. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ паспортъ вернулся изъ В. Сибири съ разъясненіемъ, что документъ подлинный и что въ немъ нѣтъ никакой приписки, а такъ какъ солдатъ былъ зачисленъ въ рекруты въ польской губерніи, то дата была двойная, по старому стилю и по новому, принятому въ Польшѣ. Однако, вѣроятно, для сохраненія престижа власти, полиція солдата не освободила изъ тюрьмы, а привлекла къ отвѣтственности за шумъ и убійство собаки, для чего и отправила къ мировому судьѣ за 15 верстъ, притомъ подъ стражей, еще разъ перепугавъ бѣднаго старика, не знавшаго, что его ожидаетъ. Когда я объявилъ ему, что онъ свободенъ и можетъ идти, куда ему угодно, онъ такъ мало этого ожидалъ, что опустился на колѣни и поклонился мнѣ въ ноги, пожелавъ мнѣ чинъ генерала-лейтенанта. Вѣроятно онъ думалъ, что это былъ предѣлъ человѣческаго счастья.

Я уже сказалъ, что нашъ мировой съѣздъ, апелляціонный органъ мирового суда, состоялъ изъ 14 или 15 судей, изъ которыхъ 10 или 11 судей были почетными, но не по имени только, а дѣйствительными судьями, принимавшими дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ. Съѣздъ собирался одинъ разъ въ мѣсяцъ, обыкновенно на три дня, иногда на четыре, въ случаѣ накопленія дѣлъ; почти никогда не раздѣлялся на отдѣленія, хотя такіе рѣдкіе случаи были, и дѣла разбирались обыкновенно 8-10-ью судьями; бывали же случаи, когда съѣздъ былъ въ полномъ составѣ. Почти всегда разбирательство происходило при переполненномъ залѣ, и я могу утверждать, что за десять

лѣтъ ни разу порядокъ не нарушался. и поддерживался полнымъ уваженіемъ публики къ суду.

Только однажды можно было ожидать нарушенія порядка. Къ разбирательству одного гражданскаго дѣла явился частный повѣреный, молодой человѣкъ, сынъ убитаго своими крестьянами полтавскаго помѣщнка; онъ пользовался широкой извѣстностью бретера и скандалиста. Когда очередь дошла до дѣла, въ которомъ онъ былъ повѣреннымъ, онъ вошелъ за рѣшетку въ пальто и калошахъ, всей своей манерой показывая пренебреженіе къ суду. Въ качествѣ предсѣдателя съѣзда я обратился къ нему съ предложеніемъ выйти въ переднюю и снять свое пальто и калоши. Въ отвѣтъ на это онъ, молча и нагло глядя на меня, не двигался съ мѣста. Въ публикѣ, не привыкшей къ такимъ сценамъ, произошло движеніе. Тогда я обратился къ ней съ просьбой не нарушать порядка, ибо я не приступлю къ разбирательству, пока повѣренный не исполнитъ моего требованія. Этотъ молодой и красивый нахалъ, послѣ минутнаго колебанія, вышелъ и вернулся безъ пальто и калошъ. Разбирательство продолжалось въ полномъ спокойствіи. Во время перерыва молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ и очень вѣжливо извинился въ своемъ поступкѣ, и мы пожали другъ другу руки.

Въ теченіе перваго трехлѣтія 1869-71 г.г. въ виду того, что всѣ члены съѣзда были очень неопытны въ дѣлахъ, которыя имъ приходилось разбирать, засѣданія обыкновенно начинались въ 11 часовъ, и продолжались до полуночи; для обѣда дѣлался перерывъ. Большинство судей обыкновенно обѣдали вмѣстѣ и, пользуясь этимъ случаемъ, обсуждали разные вопросы, вызвавшіе недоумѣніе у кого нибудь изъ насъ. Иногда происходили жаркіе споры, но это было своеобразное пополненіе нашего опыта и поддерживало наши личныя дружескія отношенія.

Изъ дѣлъ, разбиравшихся въ нашемъ мировомъ судѣ, т. е. у судьи, а потомъ и на съѣздѣ, мнѣ особенно памятно одно дѣло большой важности, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ измѣненіе закона и правилъ отчужденія земель, отходящихъ подъ постройку желѣзныхъ дорогъ. Это было дѣло о нарушеніи строителями Либаво-Роменской жел. дороги владѣнія землею, отчуждаемой для дороги, или говоря проще, это было дѣло о нарушеніи правилъ, установленныхъ закономъ, при отчужденіи земли у ея владѣльцевъ для нуждъ дороги.

Несмотря на существованіе въ законѣ правилъ отчужденія земли, желѣзныя дороги во время постройки не справлялись съ ними, а считали, что разъ дорога трассирована и утверждена, она можетъ строиться безъ всякихъ соглашеній съ владѣльцами. Такъ же на этотъ вопросъ смотрѣли и владѣльцы. Всѣмъ извѣстно, что законы Россійской имперіи существовали вовсе не для того, чтобы ихъ точно исполнять и тѣмъ болѣе, когда дѣло шло о предпріятіяхъ характера государственнаго. Строители давно усвоили такой взглядъ и въ данномъ случаѣ слѣдовали ему, и нѣтъ сомнѣнія, что споръ не возникъ бы вовсе, еслибы агентъ дороги по отчужденію земель не поссорился со своими патронами,

строителями дороги. Не поладивъ съ ними, агентъ по отчужденію, Протопоповъ, объѣхалъ всѣхъ владѣльцевъ, по землѣ которыхъ пролегала дорога, и разъяснилъ имъ, что по закону строители обязаны до отчужденія войти въ соглашеніе съ владѣльцами, а буде такого соглашенія не послѣдуетъ, то споръ долженъ быть разсмотрѣнъ особой оцѣночной коммиссіей, которая устанавливаетъ цѣну отходящей земли, по уплатѣ которой земля становится собственностью дороги. Поэтому, всѣ сооруженія, которыя уже сдѣланы или дѣлаются на землѣ, объ отчужденіи которой еще не сдѣлано соглашеній, представляютъ безспорное нарушеніе владѣнія и такъ какъ законный срокъ для иска еще не истекъ, то владѣльцы могутъ получить гораздо болѣе высокое вознагражденіе, для чего Протопоповъ предложилъ свои услуги. Само собою разумѣется, всѣ владѣльцы выдали Протопопову довѣренности и Протопоповъ предъявилъ искъ. Дорога проходила въ моемъ участкѣ, но въ это время меня замѣнялъ почет. мир. судья Г. Н. Волкъ-Карачевскій, который и призналъ всѣ иски Протопопова правильными и подлежащими удовлетворенію. А это значило полное прекращеніе начатыхъ работъ по постройкѣ дороги. Строители спохватились и перенесли дѣло въ съѣздъ. Въ виду большой важности дѣла, разсмотрѣніе его было назначено внѣ очереди, въ ближайшемъ очередномъ съѣздѣ, на которомъ я предсѣдательствовалъ.

Въ назначенный для разбора исковъ Протопопова день, утромъ ко мнѣ на квартиру пріѣхалъ мѣстный исправникъ и предъявилъ телеграмму къ нему губернатора, предписывавшаго, въ случаѣ утвержденія съѣздомъ рѣшенія мирового судьи, не допускать мѣрами полиціи исполненія рѣшенія. Я, съ своей стороны, предупредилъ исправника, что онъ обязанъ подчиниться закону, а не незаконному распоряженію губернатора и, что въ случаѣ если полиція окажетъ противодѣйствіе судебному приставу, я обращусь къ помощи военной власти. Послѣ этого разговора, опасаясь, что мировой судъ можетъ быть скомпрометтированъ, если окажется безсильнымъ привести свое рѣшеніе въ исполненіе, я отправился къ полковому командиру квартировавшаго въ Борзенскомъ уѣздѣ Галицкаго 20-го полка полковнику Цвѣцинскому, съ которымъ былъ раньше знакомъ. Полковникъ Цвѣцинскій, по происхожденію полякъ, очень умный и выдающійся человѣкъ, окончившій двѣ академіи, — военную и инженерную, — принялъ меня, какъ всегда, очень любезно, и, когда я изложилъ ему все дѣло и просилъ сказать мнѣ совершенно откровенно, какъ онъ поступитъ въ случаѣ, если я обращусь къ нему за военной помощью, Цвѣтинскій попросилъ меня показать ему законъ, возлагающій на него, какъ на представителя военной власти, исполненіе моего требованія. Я показалъ ему законъ, печатаемый въ каждомъ исполнительномъ листѣ. Прочитавъ его, Цвѣцинскій мнѣ заявилъ, что его обязанность исполнять законъ и его требованія, а потому я могу на него разсчитывать. Послѣ этого, успокоенный, я отправился въ съѣздъ и открылъ засѣданіе. Въ качествѣ отвѣтчика явил-

ся московскій присяжный повѣренный, Андреевъ, считавшій вѣроятно, что для провинціальнаго суда нѣтъ большаго авторитета, какъ передовица Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а потому, прежде чѣмъ я далъ ему слово для объясненія, онъ попросилъ меня принять № «Московскихъ Вѣдомостей» со статьей Каткова. Я отклонилъ его просьбу, сказавъ, что мы будемъ руководствоваться доказательствами, которыя онъ въ свое время представитъ; до мнѣнія же газеты суду нѣтъ никакого дѣла. Первымъ изъ Протопоповскихъ исковъ стояло на очереди дѣло объ удаленіи сооружаемаго черезъ болото деревяннаго моста. Дѣло очень несложное; искъ былъ основанъ на исполненіи закона, нарушеннаго отвѣтчикомъ, и соображенія судьи были совершенно правильны. Въ двухъ словахъ, таково было первое рѣшеніе, вынесенное съѣздомъ. Затѣмъ, назначается слѣдующее, совершенно аналогичное дѣло. Стороны, истецъ и отвѣтчикъ, обращаются къ суду съ просьбой предоставить имъ 5 минутъ для переговоровъ. Черезъ пять минутъ обѣ стороны заявляютъ, что всѣ возбужденные истцомъ иски они прекращаютъ миромъ.... Дѣла прекращены.

Не знаю, много-ли выиграли довѣрители Протопопова, но несомнѣнно послѣдній былъ въ большомъ выигрышѣ. Спустя же нѣкоторое время появилась въ законодательномъ порядкѣ «новелла», измѣнившая правила, соблюдаемыя при отчужденіи земель, а именно: земли, предназначенныя къ отчужденію, поступаютъ немедленно въ распоряженіе строителей дороги, но предварительно полиція производитъ каждому участку подробную опись и представляетъ ее въ оцѣночную комиссію.

Многихъ во время разбирательства этого процесса и послѣ его прекращенія очень интересовалъ вопросъ: могъ-ли полковникъ Цвѣцинскій исполнить свое обѣщаніе и стать на защиту авторитета суда противъ авторитета полиціи и губернатора? Многіе полагали, что достаточно было бы губернатору телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы военный министръ остановилъ порывъ полкового командира. Я, напротивъ, разсчитывалъ, что военный министръ, которымъ былъ тогда графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, отлично понимавшій все значеніе губернаторскаго произвола, не поддержалъ бы его. Только это соображеніе и побудило меня обратиться къ командиру полка.

Въ 1872 году наступало второе трехлѣтіе мирового суда въ нашей губерніи. Я былъ переизбранъ единогласно; составъ суда нѣсколько измѣнился, вслѣдствіе измѣненія происшедшаго въ предыдущемъ 1871 г. въ составѣ уѣзднаго земства. Въ число участковыхъ судей попалъ межевой инженеръ Владиміръ Петровичъ Бокъ, бывшій членъ уѣздной межевой комиссіи и руководитель земскихъ выборовъ въ 1871 году, когда вся наша группа была забаллотирована, о чемъ я разскажу позднѣе.

Этотъ Бокъ вооружился настольной книгой для мировыхъ судей Неклюдова, выучилъ ее наизусть и хозяйничалъ бы въ мировомъ съѣз-

дѣ такъ, какъ хозяйничалъ въ земской управѣ, если бы въ теченіе предыдущихъ трехъ лѣтъ не создались очень твердыя традиціи и привычки не только въ средѣ мировыхъ судей, но и въ публикѣ, которая научилась предъявлять къ суду опредѣленныя требованія. Противъ нихъ тому или другому изъ судей, въ одиночку, было трудно идти, и Бокъ, будучи совершенно чуждъ интересамъ мѣстнаго населенія, старался поддѣлаться подъ прежній тонъ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ не понимать, что его успѣхъ былъ случайный, благодаря ловко проведенной интригѣ, не повторимой два раза подрядъ. Съ его наслѣдственной цѣпкостью, разъ пролѣзши въ составъ мирового съѣзда, онъ крѣпко держался за новое свое положеніе до самой своей смерти.

Съѣздъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью судей, охраняя достоинство и авторитетъ суда. Но за десять лѣтъ моего пребыванія судьею, только одинъ разъ съѣздъ поставилъ на видъ одному изъ своихъ товарищей — Д. безтактность его поступка, заключавшагося въ томъ, что онъ купилъ у одной крестьянки лѣсной матеріалъ, который раньше присудилъ ей въ спорѣ съ другимъ крестьяниномъ. Дѣло было тщательно разслѣдовано и ничего компрометтирующаго, кромѣ безтактности, въ поступкѣ не было усмотрѣно.

По дѣламъ уголовнымъ, а также и по нѣкоторымъ гражданскимъ, въ съѣздѣ участвовалъ тов. прокурора и давалъ свое заключеніе. Формально противъ этого трудно возражать, но фактически это не только не придавало вѣса судебному разбирательству, а скорѣе ослабляло впечатлѣніе, такъ какъ заключенія превратились въ пустую формальность. Не говоря уже о томъ, что тов. прокурора никогда не изучалъ дѣла, а только слушалъ его во время разбирательства, самый составъ товарищей прокурора въ провинціальныхъ маленькихъ судахъ, въ большинствѣ случаевъ, состоялъ въ то время, о которомъ я говорю, изъ совсѣмъ зеленой молодежи, только что покинувшей школьную скамью привилегированнаго заведенія, а потому не могъ имѣть никакого авторитета въ глазахъ, какъ съѣзда, такъ и лицъ, по дѣламъ которыхъ онъ давалъ заключеніе. Въ нашемъ съѣздѣ обыкновенно давалъ заключеніе очень молодой и добросовѣстный юноша, окончившій курсъ Александровскаго Лицея; если же онъ отсутствовалъ, то его замѣнялъ такой же молодой, такой же добросовѣстный юноша, только что окончившій курсъ училища Правовѣдѣнія. Ради достоинства суда заключенія этихъ молодыхъ людей выслушивались, но я не помню ни одного случая, когда рѣчь товарища прокурора была бы дѣйствительно юридической консультаціей. Быть можетъ, введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій сразу во многихъ губерніяхъ потребовало слишкомъ большого числа опытныхъ товарищей прокурора, каковыхъ въ распоряженіи министерства юстиціи не оказалось, но во всякомъ случаѣ я говорю о фактическомъ положеніи, невыгодномъ для новаго суда, такъ какъ прокуратура училась процессуальнымъ формамъ вмѣстѣ съ такими же неопытными судьями.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ введенія мирового суда въ нашей губерніи, кажется въ 1875 году, по распоряженію министерства юстиціи, на прокурора Харьковской Судебной Палаты, Писарева, была возложена обязанность ревизіи дѣятельности мирового суда въ Черниговской губерніи. Ревизія эта производилась г. Писаревымъ, прокуроромъ Харьков. Окр. суда Н. И. Мечниковымъ, прокуроромъ Нѣжинскаго Окр. суда Роговичемъ и нѣсколькими товарищами прокурора. Послѣ окончанія ревизіи нашего Борзенскаго уѣзда гг. Писаревъ и Мечниковъ были у меня въ деревнѣ и заявили, что они вполнѣ удовлетворены состояніемъ мирового суда, какъ въ нашемъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ, гдѣ ревизія уже была произведена.

ГЛАВА IV.

Земство. — Трехлѣтіе 1868-71 г. и первые результаты. — 1871 г. Новые выборы, наше пораженіе. — Застой. — Смерть М. А. Имшенецкаго. — 1874 г. Выборы; мы снова у дѣлъ. — Переселенческій вопросъ въ губ. земствѣ. — Новый бюджетъ и его кассація. — А. А. Русовъ. — Развитіе революціоннаго движенія и его проявленія.

Валуевская комиссія, изъ рукъ которой вышла одна изъ важнѣйшихъ реформъ императора Александра II-го, — земскія учрежденія, — хотя и утверждала въ своей запискѣ, сопровождавшей «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1-го Января 1864 года», что ея задачей было «по возможности полное и послѣдовательное начало мѣстнаго самоуправленія», но, въ дѣйствительности, она считала своей еще болѣе важной задачей — положить предѣлы «несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій.»

Послѣдствіемъ такого противорѣчія двухъ задачъ и попытки ихъ согласованія и явилось Земское Положеніе 1 Января 1864 г., предоставляющее самому населенію, съ одной стороны, завѣдованіе и самостоятельное распоряженіе хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи, «какъ частное хозяйство предоставляется распоряженію частнаго лица, а хозяйство общественное — распоряженію общества», но, съ другой стороны, запрещается вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій.»

Еще въ раннюю эпоху земской дѣятельности, одинъ изъ самыхъ опытныхъ и разумныхъ общественныхъ и земскихъ дѣятелей Алексѣй Адріановичъ Головачевъ, съ которымъ мнѣ пришлось вмѣстѣ работать въ Тверскомъ земствѣ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, — «Десять лѣтъ реформъ», — указалъ на то, что земскія учрежденія не соотвѣтствуютъ понятію самоуправленія, какъ потому, что они не обнимаютъ всего населенія, такъ и по кругу дѣйствій, и «представляются только особыми органами центральнаго управленія для завѣдованія извѣстной отраслью хозяйства, распорядиться которою самостоятельно они не могутъ; земство не имѣетъ исполнительной власти и въ кругѣ своихъ дѣйствій, законъ ограничиваетъ его права, указывая предметы обложенія и устанавливая высшіе предѣлы для нѣкоторыхъ предметовъ.» Позднѣе, какъ извѣстно, Витте, отъявленный врагъ земскихъ учрежденій, провелъ законъ, опредѣлявшій предѣлъ обложенія и повышенія земскаго бюджета, чтобы еще тѣснѣе сузить предѣлы правъ земства.

Не признавалъ за Земскимъ Положеніемъ значенія и роли самоуправленія и Влад. Павл. Безобразовъ, очень свѣдущій и образованный экономистъ, публицистъ и сенаторъ, полагавшій, что за такимъ псевдосамоуправленіемъ можно признать лишь «мѣстныя общественныя вольности, могущія развиться въ такіе органы», такъ какъ онѣ «не введены въ общую систему государ-

ственнаго управленія», и не имѣютъ «никакихъ органическихъ связей съ нею.» При Александрѣ III-мъ, въ 1890 году, такая связь была установлена и еще рѣзче подчеркнуто, что самодержавіе и бюрократія смотрятъ на земство, не какъ на самоуправленіе, а какъ на органъ центральнаго управленія, такъ какъ были еще болѣе урѣзаны тѣ общественныя вольности, о которыхъ говорилъ В. П. Безобразовъ.

Несмотря на совершенную безспорность теоретическихъ соображеній, какъ Головачева, такъ и Безобразова, фактически русское общество относилось къ земству, какъ къ самоуправленію, ограниченному, стѣсненному въ своей дѣятельности, гонимому правительствомъ и не возбуждавшему симпатій верховной власти, но тѣмъ не менѣе, квкъ къ зерну, изъ котораго надо вырастить самоуправленіе, и не только мѣстное, но и государственное, и въ этомъ процессѣ воспитать въ странѣ умѣнье и привычку самоуправляться, а не быть объектомъ управленія. Большинство, конечно, не шло такъ далеко, такъ какъ большинство людей не склонно далеко смотрѣть впередъ, но фактически, шагъ за шагомъ, оно усваивало привычки самоуправленія и потребность замѣнить имъ систему бюрократическаго управленія. И мнѣ кажется, что факты подтверждаютъ это, особенно, если принять во вниманіе реформу 1890 года, отбросившую земство далеко назадъ и поставившую ему цѣлый рядъ новыхъ затрудненій.

* *
*

Въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, какъ я уже сказалъ раньше, выборы 1868 г. дали очень удачный составъ гласныхъ, имѣвшихъ въ своей средѣ представителей всѣхъ сословій и оттѣнковъ мнѣній, но съ явнымъ преобладаніемъ общаго убѣжденія, что на земствѣ лежитъ задача строительства новой безсословной, демократической и просвѣщенной Россіи. Самой крупной и однородной группой оказалось крестьянство (т. е. казаки и крестьяне), составлявшее половину собранія, затѣмъ группа семи самостоятельныхъ цензовиковъ, поддерживаемыхъ крестьянствомъ, наконецъ, горожане, среди нихъ одинъ еврей, нѣсколько мелкихъ землевладѣльцевъ и одинъ священникъ. Всѣхъ гласныхъ было, кажется, 30.

Самымъ важнымъ былъ единогласно проведенный вопросъ народнаго просвѣщенія и устройства школъ; за исключеніемъ школы въ с. Плискѣ, устроенной мною и моими друзьями въ 1867 году и переданной земству въ полную собственность, въ уѣздѣ не было ни одной земской школы; школы церковныя существовали только на бумагѣ, а школы бывшія министерства гос. имуществъ, при введеніи земства, закрылись сами собой. При скудости земскихъ средствъ, при полномъ отсутствіи подготовленнаго учительскаго персонала, при равнодушіи самого населенія къ просвѣщенію, — задача казалась безмѣрно трудной. Но,

благодаря единодушію земскаго собранія и неутомимой дѣятельности въ этомъ направленіи предсѣдателя управы М. А. Имшенецкаго и члена управы Н. Н. Волкъ-Карачевскаго, въ нѣсколько лѣтъ Борзенскій уѣздъ по числу школъ и по ихъ благоустройству занялъ первое мѣсто среди всѣхъ 15 уѣздовъ губерніи, притомъ уѣздовъ, располагавшихъ гораздо большими средствами. Въ устройствѣ школъ самымъ труднымъ вопросомъ было найти подходящихъ учителей. Поэтому мы не могли не обратить вниманія на зарождавшееся народническое движеніе, ставившее просвѣщеніе народа также на первый планъ. Мы не сомнѣвались, что только глубоко преданные этой идеѣ люди могутъ совершить великій подвигъ, служа не своимъ матеріальнымъ интересамъ, а духовнымъ интересамъ народа. И мы направили наши розыски въ эту сторону, но и тутъ мы дѣлали подборъ лицъ, подходящихъ для учительства, не придавая народническому ярлыку рѣшающаго значенія. До 1874 года, когда было издано новое Положеніе о народныхъ училищахъ, утвержденіе учительскаго персонала зависѣло отъ училищнаго совѣта, въ которомъ инспекторъ народныхъ училищъ не занималъ еще господствующаго положенія. Учителя утверждались безпрепятственно предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Такимъ образомъ, школы постепенно стали заполняться учителями не только добросовѣстно, но страстно исполнявшими свою трудную задачу, не только обучая дѣтей, но и распространяя среди взрослаго населенія сознаніе всей важности образованія. Именно это послѣднее обстоятельство привлекло вниманіе жандармеріи и лѣтомъ 1874 г. былъ произведенъ, главнымъ образомъ въ Борзенскомъ, Конотопскомъ и Нѣжинскомъ уѣздахъ, настоящій учительскій погромъ, такъ какъ большое число учителей было арестовано и заключено въ Петропавловскую крѣпость и созданъ политическій процессъ, извѣстный подъ именемъ процесса 193-хъ. Я былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля на этомъ процессѣ вслѣдствіе ссылки на меня нѣкоторыхъ подсудимыхъ, бывшихъ нашихъ учителей, и допрашивался 13-го ноября 1877 года въ засѣданіи судебной палаты въ Петербургѣ. Я хорошо помню этотъ день, т. к. это было канунъ того дня, когда Мышкинъ давалъ объясненія, закончившіяся потрясающей сценой. Входъ въ залу допускался только по билетамъ. Получить билетъ я не смогъ, какъ не смогъ получить его и Савичъ, мой пріятель и товарищъ по земству, пріѣхавшій вмѣстѣ со мною, чтобы присутствовать на судѣ. Я былъ допущенъ въ судъ только въ день моего допроса и въ его ожиданіи сидѣлъ въ обществѣ жандармскаго офицера, ни на минуту меня не покидавшаго. На судѣ я могъ видѣть нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, но разговаривать съ ними не могъ, такъ какъ они занимали мѣста, окруженныя рядомъ военной стражи. Видъ подсудимыхъ былъ тяжелый послѣ 3 лѣтъ заключенія въ крѣпости, въ которой нѣкоторые скончались, не доживъ до суда. Такъ погибъ учитель нашей школы въ Пліскѣ, совсѣмъ молодой, горячій, пылкій, истинный подвижникъ, Трезвинскій, не выдержавшій долгаго заключенія и умершій

отъ чахотки. Онъ былъ подлинный мирный народникъ. На судѣ въ качествѣ подсудимаго долженъ былъ присутствовать бывшій учитель народной школы, Франжоли, но въ тотъ день, когда я допрашивался, его не было, по крайней мѣрѣ я не видѣлъ его среди подсудимыхъ, а можетъ быть не узналъ его послѣ заключенія. Франжоли былъ самый умный, наиболѣе сдержанный и выдающійся человѣкъ среди всѣхъ нашихъ учителей. Онъ былъ студентомъ Технологическаго Института, когда рѣшилъ «идти въ народъ». Онъ понималъ, что его заподозрятъ, если онъ явится претендентомъ на мѣсто учителя съ аттестатомъ Технологическаго Института, поэтому, подавая мнѣ, какъ предсѣдателю училищнаго совѣта, прошеніе о предоставленіи ему мѣста въ одной изъ школъ, онъ представилъ метрическое свидѣтельство, но тутъ-же не скрылъ отъ меня, что онъ технологъ. Онъ занялъ мѣсто учителя въ с. Фастовцахъ, въ 12 верстахъ отъ Плиски, и каждую субботу вечеромъ приходилъ ко мнѣ пѣшкомъ, а на слѣдующій день къ вечеру, въ воскресенье, возвращался въ свою школу. Я очень уважалъ и любилъ его. Онъ самъ былъ полонъ любви къ людямъ. Онъ очень хлопоталъ объ образованіи женщинъ, утверждая, что каждая мать скорѣе всѣхъ учителей сдѣлаетъ своихъ дѣтей грамотными. Послѣ его неожиданнаго ареста въ с. Фастовцахъ произошло среди населенія возбужденіе и горячія головы предлагали идти отбивать своего учителя изъ рукъ жандармовъ. На процессѣ 193 онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ, кажется, въ сѣверныя губерніи, Архангельскую или Вологодскую; хотя ни одно изъ обвиненій, выдвинутыхъ противъ него, не было подтверждено. Изъ ссылки онъ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ скоро умеръ. Такихъ погибшихъ, какъ Трезвинскій и Франжоли, было много и имена этихъ жертвъ будутъ неизгладимымъ укоромъ тому режиму, который требовалъ жертвъ ради собственнаго существованія.

Устраивая народныя школы, М. А. Имшенецкій положилъ основаніе публичной библіотекѣ при земской управѣ. Онъ организовалъ выписку книгъ, вошелъ въ сношенія съ издателями и книжными магазинами, а также съ издателями газетъ и журналовъ. Въ г. Борзнѣ не существовало ничего похожаго на такое культурное учрежденіе, поэтому земская публичная библіотека сразу завоевала себѣ симпатіи общества и съ того времени въ земскомъ бюджетѣ появилась ежегодная ассигновка на это важное культурное дѣло.

Послѣ погрома 1874 г. положеніе народныхъ школъ стало еще болѣе трудным: администрація, полиція, и учебное вѣдомство видѣли въ нихъ опасное гнѣздо заразы, требующей искорененія. Такимъ образомъ, вмѣсто педагогической помощи школьная инспекція превратилась въ школьную полицію, и сама стала язвой, разлагавшей школу. Народная школа не могла дать, не имѣя яко-бы права на это, своему ученику болѣе того, что было означено въ программѣ, утвержденной министромъ, и всякое увеличеніе знанія считалось преступленіемъ. Мнѣ пришлось вступить въ препреканіе съ инспекціей, находившей, что пре-

подаваніе четырехъ первыхъ дѣйствій ариѳметики съ именованными числами по утвержденной программѣ не разрѣшается. Переходъ отъ трехгодичной школы къ четырехгодичной потребовалъ длительной, многолѣтней борьбы земствъ съ дирекціей народныхъ училищъ. А переходъ къ пятигодичной школѣ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губ. вызвалъ цѣлое слѣдствіе для выясненія такого преступленія. И это спустя сорокъ лѣтъ послѣ введенія земскихъ учрежденій.

Въ періодъ второго трехлѣтія дѣйствія земскихъ учрежденій школьный вопросъ еще не стоялъ такъ остро, какъ онъ сталъ послѣ учительскаго погрома 1874 года, и Имшенецкій находилъ преподавателей для школъ, хотя не спеціалистовъ, которыхъ тогда еще не было, но все же людей способныхъ вести обученіе. Такимъ образомъ, къ концу трехлѣтія, школьное дѣло было поставлено на рельсы и могло постепенно развиваться.

Второй вопросъ, — врачебной помощи населенію, — точно также достался второму составу управы въ самомъ плачевномъ видѣ: одинъ врачъ на весь уѣздъ, нѣчто въ родѣ прежняго уѣзднаго врача, но только не обязаннаго производить судебныя вскрытія и, вообще, не имѣвшаго никакой установленной работы. Въ виду этого, въ первомъ же засѣданіи возникъ вопросъ объ организаціи врачебной части, не имѣвшей до того времени ни примѣровъ, ни прецедентовъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ было принято, сколько помню, учрежденіе трехъ или четырехъ участковъ съ врачомъ въ центрѣ, при немъ фельдшеръ и кромѣ того нѣсколько, — сколько не помню, — фельдшерскихъ пунктовъ. Врачъ обязанъ былъ выѣзжать въ своемъ участкѣ по требованію больныхъ, и въ случаяхъ эпидемій, а, въ случаѣ надобности, командировать вмѣсто себя фельдшера. Сверхъ того, онъ былъ обязанъ въ опредѣленные сроки выѣзжать въ фельдшерскіе участки и провѣрять дѣятельность фельдшеровъ. Эта разъѣздная система очень скоро оказалась неудобной и земство много лѣтъ одну систему смѣняло на другую, пока не выработало планъ, признанный всѣми земствами за лучшій, не имѣющій себѣ равнаго въ западной Европѣ, и совершенствуемый лишь уменьшеніемъ территоріи каждаго врачебнаго участка и устройствомъ при немъ хотя бы небольшой больницы или «пріемнаго покоя», и сверхъ того, полнымъ упраздненіемъ фельдшеризма, т. е. самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ. Это — система стаціонарной медицинской помощи. Ея недостатокъ — крупный расходъ, но онъ неизбѣженъ, ибо помощь въ другомъ видѣ оказалась почти совершенно безплодной.

Въ теченіе этого же трехлѣтія былъ поставленъ вопросъ о переложеніи подводной повинности, всей своей тяжестью лежавшей на крестьянствѣ, — въ денежную, распространяющуюся такимъ образомъ на всѣ виды облагаемаго земствомъ имущества и на всѣ сословія въ равной мѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ о натуральной повинности вообще, и всѣ ея виды переведены въ денежную повинность. Это

была одна изъ самыхъ крупныхъ и справедливыхъ реформъ земскаго хозяйства, ибо эти натуральныя повинности причиняли населенію немало хлопотъ и притѣсненій со стороны администраціи и полиціи.

Такимъ образомъ, поскольку память мнѣ не измѣняетъ, въ теченіе второго трехлѣтія были проведены четыре важныя мѣры:

1. Введенъ мировой судъ.

2. Положено основаніе учрежденію народныхъ школъ и учреждена земская публичная библіотека.

3. Принята система даровой врачебной помощи населенію.

4. Натуральныя повинности переведены въ денежныя и распространены на всѣ сословія безъ исключенія.

Земское собраніе могло считать свою задачу блестяще выполненною, и не придавало никакого значенія слухамъ, ходившимъ по уѣзду, объ энергической агитаціи, которую вели нѣкоторыя лица, съ межевымъ инженеромъ Бокомъ во главѣ, главнымъ образомъ противъ управы, среди мелкихъ землевладѣльцевъ, не имѣвшихъ самостоятельныхъ цензовъ и участвовавшихъ въ первомъ избирательномъ съѣздѣ черезъ уполномоченныхъ, число которыхъ зависѣло отъ количества земли, принадлежавшей всѣмъ членамъ съѣзда, раздѣленной на мѣру одного ценза. Все было пущено въ ходъ, чтобы собрать какъ можно больше мелкихъ землевладѣльцевъ, были даны имъ всевозможныя обѣщанія и агитація имѣла полный успѣхъ. На первомъ избирательномъ съѣздѣ всѣ мы шестеро, кромѣ Савича, были забаллотированы. Имшенецкій, Тарновскій, всѣ три брата Волкъ-Карачевскіе и я были забаллотированы приблизительно 42 голосами противъ 40. Савичъ получилъ 42 избирательныхъ голоса противъ 40 неизбирательныхъ и былъ избранъ, но въ виду того, что мы оказались забаллотированными, отказался принять избраніе.

Можно сказать, что земское собраніе было обезглавлено, такъ какъ всѣ лица, возбуждавшія вопросы, руководившія обсужденіемъ и рѣшеніемъ ихъ, были забаллотированы. Земское дѣло перешло въ руки межевого инженера Бока, руководившаго размежеваніемъ въ Борзенскомъ уѣздѣ и отвѣтственнаго за всѣ злоупотребленія этого предпріятія. Уже раньше я сказалъ о немъ нѣсколько словъ и для полноты его портрета добавлю, что онъ не былъ мѣстнымъ жителемъ, но купилъ себѣ десять десятинъ земли, т. е. пространство, составляющее одну двадцатую часть самостоятельнаго ценза, дающую право участія въ выборахъ уполномоченныхъ въ первомъ избирательномъ съѣздѣ. Эти десять десятинъ онъ вымежевалъ себѣ у самаго города, чтобы тамъ устроить фруктовый садъ и сдѣлать для себя доходную статью. Такимъ образомъ, въ своихъ личныхъ интересахъ онъ, руководившій межеваніемъ по назначенію правительства, въ качествѣ его представителя, вымежевалъ себѣ участокъ земли въ такомъ мѣстѣ, которое по своему положенію было во много разъ цѣннѣе земли, купленной имъ. Мнѣ ка-

жется, что этотъ фактъ достаточно рисуетъ моральныя воззрѣнія нововявленнаго руководителя уѣзднаго земства.

Земское дѣло было въ то время еще такъ ново, что своеобразная демагогія того времени достигла своей цѣли тѣмъ вѣрнѣе, что въ составѣ перваго избирательнаго съѣзда были не только уполномоченные мелкихъ цензовъ, но и обладатели цензовъ самостоятельныхъ, въ свое время межевавшихъ свои имѣнія съ помощью того-же Бока.

Печальнѣе всего была забаллотировка Имшенецкаго, предсѣдателя уѣздной управы, бывшаго фактическимъ руководителемъ всѣхъ земскихъ предпріятій и творцомъ разныхъ плановъ на будущее. Вынужденное удаленіе отъ дѣлъ произвело иа Михаила Андреевича удручающее впечатлѣніе. Онъ уже былъ боленъ туберкулезомъ, моральный же ударъ сильно отразился иа состояніи его здоровья. Мы, его друзья, были очень этимъ обезпокоены и настаивали на его отъѣздѣ въ Италію, предполагая, что не только мягкій итальянскій климатъ, но и удаленіе отъ ежедневныхъ впечатлѣній и огорченій на родинѣ могутъ быть для иего только полезны. По нашему общему настоянію, онъ рѣшилъ уѣхать въ Италію и въ ту-же осень, въ 1871 г., уѣхалъ въ Венецію, гдѣ постоянно жилъ одинъ изъ его старыхъ пріятелей, Ив. Ив. Бѣлозерскій, женатый на венеціанкѣ. Я не думалъ, что онъ останется въ Венеціи долго и полагалъ, что онъ переберется куда нибудь въ болѣе подходящій для туберкулезнаго больного климатъ, чѣмъ венеціанскій. Но Имшенецкій остался въ Венеціи до конца лѣта 1874 г. Въ Венеціи онъ провелъ болѣе двухъ лѣтъ н вернулся на родину въ такомъ состояніи, которое не оставляло ни въ немъ, ни у насъ, его друзей, никакой надежды. Во время его пребыванія въ Венеціи мы съ нимъ переписывались, но онъ упорно не отвѣчалъ на вопросы о своемъ здоровьѣ; поэтому наша встрѣча, когда онъ вернулся домой, произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Онъ почти уже не могъ ходить и его пришлось возить въ креслѣ; очень скоро онъ не могъ и лежать, и почти не оставлялъ кресла. Онъ не могъ уже поѣхать на свой хуторъ и устроился въ г. Борзнѣ вмѣстѣ со своими двумя сестрами, а я почти ежедневно навѣщалъ его и ѣздилъ къ нему изъ Плиски. Сознавая, что конецъ жизни близокъ, онъ повѣрялъ мнѣ всѣ свои мысли, желанія и распоряженія на случай смерти и просилъ меня и Н. Н. Волкъ-Карачевскаго быть его душеприказчиками въ виду того, что его сестры слишкомъ юны, «чтобы устраивать свои дѣла.» А между тѣмъ, его младшая сестра пріѣхала изъ инстнтута въ послѣдней степени чахотки. Всю осень и первую половину зимы Михаилъ Андреевичъ, тяжело страдая, жилъ въ ожиданіи смерти и умиралъ въ полномъ сознаніи до послѣдняго дня. Онъ скончался на рукахъ Н. Н. Волкъ-Карачевскаго н моихъ — въ февралѣ 1875 г. Онъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ своемъ деревенскомъ церковномъ приходѣ въ с. Ядутахъ, отъ котораго его хуторъ находнлся верстахъ въ четырехъ.

Въ сѣрый, туманный, холодный день нѣсколько друзей сопровождали его гробъ изъ Борзны въ с. Ядуты, въ 15 верстахъ отъ города. Скромнѣе и печальнѣе этихъ похоронъ трудно что либо себѣ представить. Не вполнѣ растаявшій снѣгъ, грязная дорога, гробъ на простыхъ деревенскихъ дровняхъ, запряженныхъ тройкой лошадей, двое-трое простыхъ саней, слѣдующихъ сзади: вотъ похоронная процессія, везущая человѣка, о которомъ можно съ полной правдой сказать: «положилъ душу за други своя.» Такъ хоронили мы этого беззавѣтно преданнаго своему народу человѣка, котораго народъ такъ мало зналъ и еще меньше понималъ. Это была первая и самая тяжелая утрата нашего маленькаго кружка, изъ котораго въ настоящее время остался я одинъ, чтобы занести ихъ имена въ свою лѣтопись и сохранить ихъ для потомства...

Въ томъ же 1871 году, когда мы были забаллотированы, въ концѣ лѣта происходило земское собраніе новаго состава. Его главою и руководителемъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ В. П. Бокъ. Предсѣдателемъ управы былъ избранъ П. И. Довгелло, отставной маіоръ, человѣкъ не злой, но глупый, менѣе всего понимавшій дѣло, которое ему нужно было вести. Для Бока это былъ самый подходящій предсѣдатель, онъ могъ дѣлать съ нимъ все, что угодно. Само собою разумѣется, что первое время все шло по инерціи: не только поддерживались уже устроенныя школы, но и учреждались новыя; не только поддерживалась принятая медицинская организація, но и продолжала развиваться. Кромѣ Бока, въ составѣ гласныхъ оказалось нѣсколько благоразумныхъ лицъ, которыя находили нужнымъ поддерживать то, что уже есть, и ничего не разрушать, и дѣло пошло «ни шатко ни валко», само собою, въ силу естественной эволюціи.

Въ слѣдующемъ 1872 году собраніе должно было произвести выборы мировыхъ судей, и именно выборы показали, что хотя руководитель собранія былъ избранъ участковымъ судьею, но въ самомъ собраніи уже не существовало аггрессивнаго настроенія, такъ какъ я былъ переизбранъ въ судьи единогласно, а Савичъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, что не могло доставить удовольствія Боку, тѣмъ болѣе, что и всѣ остальные почетные судьи были переизбраны вновь, а это означало, что мировой судъ не попадетъ въ руки межевого дѣятеля и останется на прежней высотѣ, благодаря настойчивому требованію гласныхъ отъ сельскихъ обществъ.

Не принимая непосредственнаго участія въ земскихъ дѣлахъ, я не переставалъ слѣдить за ихъ ходомъ, какъ въ уѣздѣ, такъ и въ губерніи, тѣмъ болѣе, что измѣненіе состава губернскихъ гласныхъ отъ Борзенскаго уѣзда не могло не оказать вліянія и на ходъ дѣлъ въ губернскомъ земствѣ. Мнѣ помнится, что именно въ это время произошла и большая перемѣна въ составѣ губернской управы, предсѣдателемъ которой былъ избранъ Александръ Ивановичъ Ханенко, человѣкъ, пользовавшійся репутаціей очень образованнаго, безупречно

честнаго, неглупаго, богатаго барина, но менѣе всего способнаго нести то бремя, которое требовалось въ данный моментъ. Несмотря на всѣ личныя достоинства А. И. Ханенки, онъ не былъ тѣмъ человѣкомъ, который требовался для того, чтобы проводить въ земствѣ не дворянскую, а земскую, т. е. демократическую политику и вести борьбу, какъ съ мѣстной администраціей, такъ и съ политикой правительства, какъ съ губернаторомъ Панчулидзевымъ, смѣнившимъ добродушнаго и честнаго кн. Голицына, такъ и съ министромъ Валуевымъ и гр. Д. А. Толстымъ, душившимъ всякое проявленіе свободы и просвѣщенія.

И дѣйствительно, въ теченіе третьяго трехлѣтія 1871-74 г., какъ борзенское уѣздное, такъ и черниговское губернское собранія оставались пассивными исполнителями текущихъ дѣлъ.

Въ 1874 году произошли выборы на четвертое трехлѣтіе и, за исключеніемъ скончавшагося М. А. Имшенецкаго, вся наша группа на первомъ избирательномъ съѣздѣ прошла безпрепятственно, и земское собраніе снова было въ нашихъ рукахъ, причемъ въ должности М. А. Имшенецкаго, какъ уѣзднаго предводителя, уже раньше *) смѣнилъ его В. В. Тарновскій, членъ нашей группы.

Этотъ годъ особенно памятенъ одной изъ великихъ реформъ, имѣющей національное и демократическое значеніе — введеніемъ всеобщей воинской повинности. Всѣ сословія, и въ томъ числѣ дворянство, обязаны были отбывать воинскую повинность на общихъ для всѣхъ основаніяхъ. Сохранились лишь нѣкоторыя привилегіи, но не сословій, а образованія и семейнаго положенія, равныя для всѣхъ сословій. Можно надѣяться, что и эти привилегіи, особенно по образованію, имѣютъ временный характеръ, составляя недостатокъ закона, но все же эта реформа поистинѣ заслуживаетъ наименованія великой и должна быть отмѣченной въ воспоминаніяхъ каждаго общественнаго дѣятеля.

Наше появленіе въ губернскомъ собраніи было привѣтствовано очень дружески и первой задачей нашей было возстановленіе старой губернской управы съ Карпинскимъ во главѣ. Составъ собранія не слишкомъ этому благопріятствовалъ. Всѣхъ гласныхъ было въ наличности 77, изъ коихъ 33 были на нашей сторонѣ и 44 противъ насъ. Но эти 44 не составляли единой группы: было двѣ группы, изъ коихъ одна, поддерживавшая А. И. Ханенка и одобрявшая направленіе его дѣятельности, состояла изъ 15 гласныхъ; другая, болѣе боевая, болѣе реакціонная, желавшая болѣе рѣшительной поддержки правительства, — состояла изъ 29 гласныхъ и предпочитала избраніе Суражскаго предводителя дворянства — Искрицкаго.

Такимъ образомъ, наша побѣда была возможна лишь съ помощью старой методы: divide et impera. Послѣ обстоятельнаго обсужденія такого плана, было принято рѣшеніе сдѣлать попытку поставить группы

---

*) Сословные выборы не совпадали съ земскими.

Ханенка и Искрицкаго — одну противъ другой. Исполненіе плана было поручено мнѣ и К. Е. Троцынѣ, одному изъ самыхъ уважаемыхъ гласныхъ; оно не требовало особенной ловкости въ виду того, что по установившемуся обычаю баллотировка происходила послѣ подачи записокъ съ именами кандидатовъ. Записки поданы были съ тремя именами: Карпинскій 33 голоса, Искрицкій 29, Ханенко 15. По числу поданныхъ голосовъ первому надо было баллотироваться Карпинскому, но онъ заявилъ, что знаетъ, что большинство собранія противъ него, а потому отказывается отъ своей кандидатуры. Искрицкій предложилъ было баллотироваться Ханенкѣ, какъ предсѣдателю управы, первымъ, но Ханенко возразилъ, что онъ получилъ меньше записокъ и не будетъ баллотироваться раньше Искрицкаго. Баллотировка началась съ Искрицкаго, получившаго ровно 28 шаровъ избирательныхъ и всѣ остальные — противъ. Надо было видѣть бѣшенство правыхъ. Они вышли изъ себя и когда сторонники Ханенка, увѣренные, что голоса Карпинскаго будутъ за него, предложили баллотировать своего кандидата, вся правая стала кричать: просимъ Карпинскаго! Крикъ былъ такъ настойчивъ, что не оставалось никакого сомнѣнія, что теперь только одинъ кандидатъ имѣетъ шансы быть выбраннымъ — Карпинскій. Само собою разумѣется, что мы поддержали своего кандидата и Карпинскій былъ избранъ громаднымъ большинствомъ. Послѣ этого такимъ же большинствомъ были избраны и члены управы. Наше торжество было полное. Но когда баллотировка подходила уже къ концу, нѣкоторые изъ правыхъ поняли, что они сдѣлали величайшую глупость, исправить которую было уже невозможно. Стали обвинять Троцыну и меня въ макіавелизмѣ, хотя мы не нарушали никакого обѣщанія. Карпинскій не могъ допустить свою баллотировку, имѣя за себя меньшинство голосовъ, но, какъ только намъ было предложено 29 голосовъ справа, вопросъ избранія нашего кандидата не возбуждалъ болѣе никакого сомнѣнія, и мы имѣли полное моральное право воспользоваться новой комбинаціей голосовъ.

Уже къ концу собранія настроеніе правыхъ совершенно упало и одинъ изъ нихъ мнѣ лично сказалъ: «какую глупость мы сдѣлали, мы сами себя одурачили!»

Губернская управа такимъ образомъ была возстановлена въ полномъ и однородномъ составѣ и мы чувствовали себя побѣдителями.

У меня нѣтъ подъ руками матеріаловъ, по которымъ я могъ бы возстановить всю нашу дѣятельность, правильнѣе говоря, всю нашу борьбу съ правительствомъ и администраціей, совавшей намъ на каждомъ шагу палки въ колеса. Но я и не буду пытаться входить въ подробности, а отмѣчу наиболѣе важные или интересные моменты и случаи этой печальной, въ сущности, исторіи, въ которой каждая страница отмѣчена тѣмъ или другимъ насиліемъ или беззаконіемъ безотвѣтственной власти и безсиліемъ земства.

Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ началось замѣтное стремленіе среди нашихъ черниговскихъ крестьянъ къ переселенію въ Сибирь и на Кубань, въ Ейскій уѣздъ. Населеніе начало распродавать свое имущество, свои избы и хозяйственныя постройки, свой скотъ и всякій скарбъ, чѣмъ пользовались мѣстные спекулянты, скупавшіе и земли, и постройки, и всякую утварь за безцѣнокъ. Въ концѣ концовъ переселенцы совершенно разорились, такъ какъ уѣзжали съ ничтожнымъ запасомъ средствъ для устройства на новомъ мѣстѣ. Еще хуже было съ переселенцами въ Сибирь. Правительство, какъ всегда, не вникало въ сущность вопроса, не изучало его и не помогало крестьянамъ ни оставаться на своемъ старомъ пепелищѣ, ни найти новое. Оно всѣми мѣрами старалось помѣшать переселенческому движенію, находя въ этомъ поддержку во вліятельныхъ помѣщичьихъ кругахъ, опасавшихся остаться безъ рабочихъ рукъ. Позднѣе оно было вынуждено измѣнить свою политику, такъ какъ запретительныя мѣры не могли остановить переселенцевъ; для нихъ открылась еще одна обширная область, слухъ о богатствѣ которой быстро распространился въ населеніи, — Туркестанъ. Но въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, правительство было рѣшительно противъ какой бы то ни было организаціи этого новаго движенія, а между тѣмъ организація была необходима, чтобы предотвратить разоренье массы населенія. Кажется въ 1875 г., т. е. когда у дѣлъ стояла снова управа съ Карпинскимъ во главѣ, я поднялъ вопросъ о переселенцахъ въ губ. зем. собраніи. Предсѣдатель Неплюевъ, человѣкъ совершенно ограниченный и рабски слѣдовавшій за указаніями губернаторовъ, не справившись, какъ смотритъ на этотъ вопросъ губернаторъ, допустилъ его обсужденіе. Но на слѣдующій день, получивъ соотвѣтственное указаніе губернатора и правыхъ гласныхъ, онъ снялъ вопросъ о переселенцахъ съ порядка дня и объявилъ, что дальнѣйшаго обсужденія его онъ не допуститъ. Мы долго старались убѣдить его, что это вопросъ не политическій, а экономическій, притомъ очень важный, такъ какъ его послѣдствія могутъ быть крайне печальны для большого числа крестьянъ, что организація есть только упорядоченіе того, что уже фактически существуетъ, и что задержать уже нельзя, — все было напрасно, онъ упорно стоялъ на своемъ, и его плѣшивая голова все болѣе краснѣла и покрывалась потомъ, но онъ очевидно былъ связанъ обѣщаніемъ и не уступалъ. Тогда я заявилъ, что не хочу и не могу подчиняться незаконному и явно опасному для населенія распоряженію предсѣдателя, злоупотребляющаго своею властью, а потому слагаю съ себя званіе гласнаго и ухожу изъ собранія, возлагая на предсѣдателя всю отвѣтственность за послѣдствія его дѣйствій. За мною встало еще нѣсколько гласныхъ, они тоже заявили, что уходятъ изъ собранія. Въ собраніи не осталось кворума. Неплюевъ сталъ выжидать. Разослали во всѣ стороны телеграммы, призывая отсутствующихъ гласныхъ прибыть немедленно. Однако, кворума не собрали, и собраніе пришлось закрыть.

Я не считалъ, говоря вообще, такой способъ борьбы съ произволомъ желательнымъ, но въ борьбѣ приходилось выбирать тотъ способъ, который былъ возможенъ въ условіяхъ земскаго самоуправленія, гдѣ средства борьбы съ предсѣдательскимъ произволомъ были такъ ограничены, что именно къ этому способу, т. е. «срыванію собранія» приходилось прибѣгать, когда ничего другого не оставалось дѣлать, когда предсѣдательская власть опиралась на насиліе, ничѣмъ не оправдываемое. Къ сожалѣнію, предсѣдатели земскихъ собраній, — предводители дворянства — всегда и, кажется, повсемѣстно находились въ постоянномъ контактѣ съ губернаторами, которые и распоряжались фактически въ земскомъ собраніи, какъ у себя въ канцеляріи. Какъ въ Черниговѣ, такъ и впослѣдствіи въ Твери, такое явленіе сдѣлалось нормальнымъ и бороться съ нимъ парламентскими способами было почти невозможно.

Если не ошибаюсь, въ 1875 г. было приступлено къ организаціи при губернской земской управѣ статистическаго бюро для изслѣдованія Черниговской губерніи въ экономическомъ отношеніи и установленія прочной базы для возможно справедливаго обложенія и распредѣленія налоговъ, какъ земскихъ, такъ и государственныхъ. Въ первую же очередь вошло изслѣдованіе Борзенскаго и Черниговскаго уѣздовъ.

Когда описаніе Борзенскаго уѣзда было закончено и отпечатано, мнѣ казалось удобнымъ немедленно использовать этотъ превосходный трудъ, отличавшійся чрезвычайной продуманностью плана и точностью его выполненія, и положить его въ основу земскаго обложенія, какъ первый опытъ практическаго разрѣшенія весьма трудной и сложной задачи.

Черниговская статистика прежде всего отказалась отъ мысли выполнить задачу кадастра, т. е. дать точный и полный матеріалъ для каждаго владѣнія. Такая задача, при огромномъ количествѣ очень мелкихъ владѣльцевъ, была невыполнима при данныхъ условіяхъ и требовала неизмѣримо болѣе времени и средствъ. Рѣшеніе остановилось на «дачѣ», для точной границы которой былъ планъ только что законченнаго спеціальнаго размежеванія, включившаго въ дачу всѣ земли внутри границы земель, причисленныхъ къ одному селенію, каковыхъ въ Борзенскомъ уѣздѣ насчитывалось, если память мнѣ не измѣняетъ, 60. Статистическій матеріалъ давалъ возможность опредѣлить въ каждой такой «дачѣ» количество земли по категоріямъ: пахотная, лугъ, лѣсъ и т. д. и установить доходъ десятины каждой категоріи; по этимъ даннымъ было уже не трудно опредѣлить среднюю доходность средней десятины въ данной «дачѣ». Такимъ образомъ, опредѣлилось 60 категорій доходности «дачъ»: отъ 10 рублей съ копейками до 2 руб. съ десятины удобной земли, при очень постепенномъ пониженіи, таблица котораго была отпечатана и распространена. Безспорно, средняя величина состава каждаго владѣнія не соотвѣтствовала средней величинѣ всей «дачи», равно какъ и средняя величина доходности отдѣль-

наго владѣнія не соотвѣтствовала средией доходностн «дачи», ио такая оцѣнка давала гораздо болѣе гарантій *относительной* правильности оцѣнки, чѣмъ всякая другая, за исключеніемъ кадастра.

Работая надъ этимъ вопросомъ вмѣстѣ съ однимъ изъ авторовъ статистнческаго описанія Черниговской губериіи, моимъ другомъ Александромъ Александровичемъ Русовымъ, мы не ограничились установленіемъ только срединхъ иормъ для обложеия земли. Мы пошли дальше, исходя изъ той мыслн, что размѣръ владѣнія, т. е. количество земли, измѣняетъ и налогоспособность плательщика; что если велнчина земельнаго владѣиія можетъ оплатнть только трудъ владѣльца и его семьи и не оставляетъ ему ннкакого избытка, то н налогоспособность такого участка равна нулю. Поэтому, долженъ быть установлеиъ *минимумъ ие облагаемый иалогомъ и пополняемый установлеиіемъ прогрессивиаго увеличенія налога вмѣстѣ съ увеличеиіемъ владѣнія и сообразио съ его доходностью.*

Подробно изложенный планъ такого обложенія вмѣстѣ съ детально разработанной таблицей и отпечатанный въ видѣ брошюры былъ внесеиъ мною въ 1877 году въ уѣздное земское собраніе. Для разсмотрѣнія плана собраніе прнгласнло въ качествѣ эксперта А. А. Русова, съ которымъ вмѣстѣ мы и защищалн свое предложеніе.

Земское собраніе отнеслось къ нашему проекту съ большимъ интересомъ и внимаиіемъ, и первую часть его приняла еднногласно, утвердивъ оцѣику по «дачамъ». Что же касается второй частн проекта, т. е. прогрессивности обложенія и необлагаемаго налогомъ мнннмума, то для нѣкоторыхъ гласныхъ это показалось совершенно непріемлемымъ новшествомъ. Во главѣ оппозиции и ея ораторомъ, къ моему полному удивленію, выступнлъ мой пріятель н сосѣдъ Н. Н. Ге, очень горячо ставшній доказывать, что мы проповѣдуемъ соціалистическія стремленія, которыя противорѣчатъ и закону и иитересамъ общества. Я былъ уднвленъ такимъ выступленіямъ Н. Н. Ге, потому что счнталъ его практическнмъ народннкомъ, такъ какъ онъ очень ярко и настойчиво всегда подчеркивалъ свое народолюбіе. Дебаты приняли поэтому нѣсколько горячій характеръ, и мнѣ потомъ всегда казалось, что отношенія ко мнѣ Нниколая Николаевича, послѣ этого столкновенія мнѣній, нѣсколько поколебались и нзмѣннлись. Однако, несмотря на горячіе споры, и вторая часть нашего доклада была принята, и собраніе поручнло управѣ привестн ее въ исполненіе. На основаніи этого рѣшенія оцѣнка н раскладка по Борзенскому уѣзду были приняты согласно предложенной мною и Русовымъ схемѣ. Тѣмъ не менѣе, осуществлена она не была, такъ какъ была опротестована губериаторомъ и передана на обсужденіе губернскаго зем. собранія, которое, однако, ее утверднло, но по новому протесту губериатора дѣло было перенесено въ Сенатъ. Этотъ хранитель законности, продержавъ смѣту и протестъ губернатора цѣлый годъ, касснровалъ ее и оставилъ уѣздъ безъ бюдже-

та. А между тѣмъ, это постановленіе земства было несомнѣнно большимъ шагомъ впередъ, какъ въ оцѣнкѣ земель, такъ и въ установленіи необлагаемаго минимума и прогрессивности налога. Эта кассація была опредѣленнымъ подтвержденіемъ того, что такое земство не было еще самоуправленіемъ, такъ какъ оно было лишено права всякаго усовершенствованія своего хозяйства.

Вспоминая нашу совмѣстную работу съ Александромъ Александровичемъ Русовымъ, я не могу не остановиться и не помянуть его съ чувствомъ глубокаго уваженія, особенно теперь, когда онъ скончался. Если бы меня просили назвать, не обдумывая, имя самаго добраго, безкорыстнаго и трудолюбиваго человѣка, я назвалъ бы А. А. Русова, въ которомъ соединялись эти черты въ самомъ активномъ сочетаніи. Живой умъ, много знаній, безконечная доброта и гуманность, талантливость и необыкновенная трудоспособность — все это соединялось вполнѣ гармонически и цѣльно въ этомъ прекрасномъ человѣкѣ и неустанномъ работникѣ.

Когда мы съ нимъ обрабатывали нашъ проектъ земскаго обложенія, Александръ Александровичъ жилъ со своей семьей на хуторѣ, купленномъ имъ близъ города Берзны и представлявшемъ запущенный, полуразрушенный «выселокъ», торчавшій какъ-то безпріютно и безнадежно. Его семья состояла тогда изъ супруги Софьи Федоровны, родной сестры А. Ф. Линдфорса, и маленькаго, лѣтъ трехъ или даже меньше, сына. Кромѣ того съ нимъ жилъ нѣкто Макавѣевъ, исполнявшій разныя хозяйственныя работы. Всѣ они, въ качествѣ чистыхъ народниковъ, «сидѣли» на землѣ, именно «с и д ѣ л и на землѣ», такъ какъ ихъ работа была никому не нужна, и менѣе всего имъ самимъ. Мнѣ казалось тогда, что Александръ Александровичъ это понималъ и чувствовалъ, такъ какъ ясно видѣлъ всю безцѣльность и полную ненужность такого «сидѣнья», но уступалъ своей женѣ, настойчивой, чрезвычайно послѣдовательной, энергичной и увлекающейся женщинѣ, которая въ качествѣ народницы должна «сидѣть» на землѣ, какъ сидитъ народъ, и дѣлать то, что дѣлаетъ народъ. А народъ, съ своей стороны, задавалъ себѣ вопросъ: для чего это дѣлаютъ господа, когда это имъ совсѣмъ не нужно? И въ самомъ дѣлѣ: научить мужика хозяйству и земледѣлію эти бѣдные народники не могли, такъ какъ они во много разъ хуже хозяйничали и обрабатывали землю, чѣмъ сами крестьяне. Другое дѣло, если бы они знали усовершенствованные способы земледѣлія и могли научить крестьянъ болѣе совершеннымъ пріемамъ, — это было бы и понятно и полезно. Страдать вмѣстѣ съ народомъ? Каждый крестьянинъ отнесется къ такой искусственной жертвѣ отрицательно и даже пренебрежительно, ибо вынужденное страданіе, лишенное выхода, и страданіе добровольное, съ возможностью въ любой моментъ прекратить его — двѣ разныя категоріи страданій.

Хотя хуторъ Русовыхъ былъ около 20 верстъ отъ меня, но я не разъ ѣздилъ къ нимъ верхомъ и наблюдалъ жизнь людей самыхъ луч-

шихъ, самыхъ правдивыхъ, никого не обманывавшихъ, вѣрившихъ въ полезность своей жертвы, — и всякій разъ уѣзжалъ отъ нихъ въ глубокомъ раздумьи, такъ какъ не могъ усвоить смысла этой жертвы, ненужной бутафоріи, неестественности положенія людей, принимавшихъ иллюзію за дѣйствительную жизнь.

Когда я былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку, до меня дошелъ слухъ, что Русовы продали свой хуторъ и Александръ Александровичъ вернулся въ Черниговъ въ качествѣ завѣдующаго статистическимъ бюро. Я искренно порадовался и за него, и за его семью, и за черниговское земство, вернувшее себѣ такого незамѣнимаго работника.

* *
*

Въ то время, когда мы вели въ земствѣ свою легальную и мирную борьбу съ возмутительнымъ произволомъ правительственнаго режима, мы ставили себѣ цѣлью побѣдить его, хотя не быстро, но безповоротно, постепенно организуя и подготовляя народъ къ принятію власти въ свои руки, теперь еще безсильныя, и сумѣть удержать ее. Мы хотѣли создать дѣйствительное самоуправленіе, какъ мѣстное, такъ и государственное, сохраняя ихъ единство.

Величайшая трудность и сложность нашей задачи заключалась въ томъ, что одновременно съ нашей работой естественно возникали другія теченія, болѣе нетерпѣливыя, менѣе продуманныя, вродѣ чигиринскихъ «Золотыхъ Грамотъ», *) или открыто революціонныхъ выступленій и террористическихъ актовъ. Такія дѣйствія имѣли неизмѣнное слѣдствіе — жестокія репрессіи со стороны правительства или совершенно безумныя законодательныя мѣры, все болѣе усиливавшія власть жандармеріи и освобождавшія ее отъ всякой отвѣтственности, какъ юридической, такъ и моральной. Правительство мало по малу утрачивало всякое чувство единства со своей страной и все болѣе видѣло въ ней только враждебный лагерь и ничего другого. Духовные процессы, происходившіе во всѣхъ слояхъ русскаго народа, свидѣтельствовавшіе о жизненности его, какъ: требованія свободы, новыхъ условій жизни, желаніе стать гражданиномъ своего отечества, а не оставаться только обывателемъ, посильнымъ исполнителемъ чужихъ велѣній, — все это въ глазахъ правительства было только преступленіе и заслуживало только наказанія.

Всѣ привычки правительства, какъ и его взгляды дѣлали его неспособнымъ считаться съ естественной эволюціей идей, пережитыхъ всѣми народами Европы, опередившими Россію своей культурой, своимъ политическимъ и общественнымъ развитіемъ. Исторія Европы да-

*) «Золотыя грамоты» — поддѣльные царскіе манифесты о всеобщемъ передѣлѣ земли, распространявшіеся революціонерами.

етъ обширный матеріалъ примѣровъ, которыми могло бы пользоваться русское правительство, если бы оно болѣе вдумчиво относилось къ фактамъ, представлявшимъ опасность для спокойнаго развитія страны и даже для существованія самого правительства. Но оно было преисполнено увѣренности въ силѣ своей администраціи и жандармеріи, и въ полномъ невѣжествѣ народной массы, которая яко-бы еще долго будетъ чужда идеямъ права, свободы, равенства и парламентскаго аппарата «словесной болтовни» и либеральныхъ фразъ. Поэтому русская внутренняя политика заключалась не въ успокоеніи и не въ постепенныхъ уступкахъ духу времени, а въ репрессіяхъ и возбужденіи ими крайняго революціоннаго дѣйствія, которое и росло изъ года въ годъ, не останавливаясь даже во время Сербской борьбы 1876 г. и Балканской войны 1877—78 г.г.

Для того, чтобы не быть голословнымъ, я воспользуюсь календаремъ Бурцева и приведу всѣ, какъ крупные, такъ и мелкіе факты, обнаруженные и преслѣдовавшіеся правительствомъ, судомъ или администраціей. Конечно, далеко не всѣ факты были открыты и революціонная пропаганда была значительно шире, но для моей цѣли достаточно и того, что зарегистрировано г. Бурцевымъ въ его календарѣ.

Я начинаю съ покушенія Каракозова на жизнь императора Александра II, т. е. съ 1866 г. и довожу до конца 1878 года.

1866 г. апр. 4. Покушеніе Каракозова. (казнь — сент. 3).
„ 25. Арестъ Лаврова въ СПБ. (ссылка въ Вологод. губ. 1867)
окт. 4. Приговоръ участникамъ Каракозовскаго дѣла.
1867 г. іюнь 2. Судъ надъ полков. Соколовымъ за его книгу (15 лѣтъ крѣпости).
1868 г. сент. 1. Выходъ въ Женевѣ журнала «Народное Дѣло» № 1-й.
1869 г. мартъ 15. Студ. волненія въ СПБ. У-тѣ, Медиц. Акад. и Техн. И-тѣ.
1869 г. ноябр. 21. Убійство Нечаевымъ студ. Иванова въ Москвѣ.
1870 г. февр. 25. Бѣгство Лаврова изъ Кадникова за границу.
1871 г. іюль 1. Процессъ Нечаевцевъ.
1872 г. апр. 17. Волненія въ Харьковѣ. 3 дня городъ въ рукахъ толпы.
ноябр. 12. Побѣгъ Соколова изъ тюрьмы.
1873 г. янв. 8. Дѣло Нечаева въ Моск. Окр. Судѣ.
авг. 1. Выходъ журнала Лаврова «Впередъ» въ Цюрихѣ.
1874 г. окт. 17. Безпорядки въ СПБ. Медиц. Акад. (по поводу проф. Ціона).
1875 г. май 5. Объявленіе приговора Долгушинцамъ на Конной площ. (5 чел.)
іюнь 17. Дѣло Дьякова и другихъ въ СПБ. (пропаганда въ войскахъ).
іюль 7. Вооруженное сопротивленіе Мышкина (попытка освободить Чернышевскаго).

авг. 12 Вооруженное сопротивленіе Циціанова въ Москвѣ.
сент. 11. Процессъ Донецкаго СПб. (распростр. рев. листковъ)
окт. 3. Богомоловъ зарѣзался въ домѣ Предвар. заключ.
дек. 1. Выходъ заграницей № 1 журн. «Набатъ» (Ткачева и Турскаго).

1876 г. май 26. Дѣло рабоч. Осипова и Абросимова въ СПб. (пропаганда среди рабочихъ).
іюнь 10. Покушеніе Дейча на жизнь предателя Горинович.
сент. 21. Дѣло Горбачева.
„ 5. Убійство шпіона Тавлѣева въ Одессѣ.
„ 22. Дѣло Бутовской въ СПб. (распространеніе среди рабочихъ революц. листковъ).
окт. 19. Дѣло студ. Семеновскаго въ СПб. и друг. въ Особ. Прис. Сената.
дек. 4. Процессъ таксатора Альбова въ СПб. (пропаганда среди крестьянъ).
„ 6. Демонстрація «Землевольцевъ» на Казанской площади (рѣчь Плеханова).

1877 г. февр. 21. Процессъ 50-ти. Пропаганда среди рабочихъ и крестьянъ (рѣчи Алексѣева и Бардиной).
мартъ 7. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади.
іюнь 6. Дѣло Іонова и Павлова въ СПб. о пропагандѣ (каторга).
іюль 13. Тѣлесное наказаніе Боголюбова въ домѣ Пред. закл. (Треповъ.)

1878 г. янв. 23. Приговоръ по дѣлу 193.
„ 24. Выстрѣлъ Засуличъ въ Трепова.
„ 30. Вооруж. сопрот. въ Одессѣ Ковальскаго, Войташевскаго и др.
февр. 1. Убійство шпіона Никонова въ Ростовѣ.
„ 24. Демонстрація на похоронахъ Подлевскаго.
мартъ 6. Первый процессъ Фомина въ Одессѣ (оправданъ).
„ 28. Вооруж. сопротивл. при арестѣ братьевъ Избицкихъ въ Кіевѣ.
„ 31. Судъ и оправд. приг. Вѣры Засуличъ.
„ „ Безпорядки въ Кіевскомъ У-тѣ и массовая высылка студентовъ.
апр. 2. Демонстрація на похоронахъ Сидорацкаго (дѣло Засуличъ).
„ 16. Бѣгство изъ подъ стражи Прѣснякова въ СПб.
май 1. Процессъ Кибальчича.
„ 25. Убійство жандарм. офицера бар. Гейкинга въ Кіевѣ.
„ 27. Бѣгство Стефановича, Дейча и Бохановскаго изъ Кіевской тюрьмы.

іюль 1. Вооружен. попытка освобожденія Войнаральскаго (проц. 193).
„ 20. Дѣло Ковальскаго, Виташевскаго и др. въ Одессѣ.
„ 24. Безпорядки по поводу этого процесса въ Одессѣ.
авг. 2. Ковальскій разстрѣлянъ въ Одессѣ.
„ 4. Убійство шефа жандармовъ Мезенцева.
„ 5. Первые аресты польскихъ соціалистовъ въ Польшѣ.
„ 29. Побѣгъ изъ тюрьмы въ Кіевѣ Избицкаго и Беверлея.
окт. 14. Вооружен. сопрот. Калѣнкиной и Малиновской въ СПб.
„ . 15. Арестъ Аболешева, Сабурова, Михайлова и другихъ «землевольцевъ».
„ 20. Вторая попытка освободить изъ тюрьмы Фомина въ Харьковѣ.
нояб. 1. Выходъ № 1 жур. «Земля и Воля».
„ 29. Забастовка на бумагопрядильной фабрикѣ.
дек. 16. Вооруж. сопротивл. офицера Дубровина въ Ст. Руссѣ.
„ 23. Общ. Собр. «Сѣверно-Русск.-Рабоч.-Союза» въ СПб.
„ 30. Тоже 2-е собраніе.

Пробѣгая этотъ длинный реестръ революціонной работы, мы видимъ, что со времени Караковскаго покушенія, въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ, революціонное движеніе было очень слабо, и, конечно не потому, что казнь Каракозова и каторга его соучастникамъ устрашили бы когонибудь. Какъ всякая мысль, такъ и всякое теченіе требуютъ времени для своего развитія и многихъ другихъ условій. Съ 1875 г. мы уже можемъ отмѣтить большой шагъ впередъ и большое разнообразіе борьбы: пропаганда въ войскахъ, среди рабочихъ, среди крестьянъ, среди молодежи высшихъ учебныхъ заведеній; вооруженныя сопротивленія, террористическіе акты, пользованіе судомъ, какъ революціонной кафедрой; выступленія на улицахъ и площадяхъ, наконецъ, организація Союза рабочихъ и заграничныхъ печатныхъ органовъ. И если пересмотрѣть внимательнѣе всѣ зарегистрированные случаи, то нельзя не придти къ заключенію, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ, всѣ остальныя «преступленія» въ любой европейской странѣ квалифицировались бы, какъ проступки, подлежащіе юрисдикціи мирового суда. Безспорно-подлое преступленіе Нечаева было осуждено судомъ присяжныхъ, а преступленіе Вѣры Засуличъ такими же присяжными было оправдано, такъ какъ оно было совершенно подъ вліяніемъ не менѣе гнуснаго преступленія генерала Трепова, приказавшаго высѣчь заключеннаго въ тюрьмѣ за то, что тотъ не снялъ передъ нимъ шапки. Въ любой странѣ присяжные также отвѣтили бы оправданіемъ.

Какими мѣрами самодержавное правительство отвѣчало на революціонное движеніе? Смертными казнями, долгосрочной каторгой, многолѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, ссылкою въ Сибирь по суду и безъ суда, административнымъ порядкомъ, ссылкою людей даже при-

знанныхъ судомъ невинными. Но, кромѣ этихъ мѣръ личнаго возмездія за совершенныя или за подозрѣваемыя за ними дѣйствія, правительство принимало и общія мѣры, имѣвшія характеръ предупрежденія преступленій или раскрытія ихъ. Я приведу всѣ общія мѣры, принятыя правительствомъ за тотъ же срокъ.

1866 г. май 13. Послѣдовалъ рескриптъ на имя предсѣдателя Госуд. Совѣта, кн. Гагарина, о борьбѣ съ революціоннымъ и либеральнымъ движеніемъ.

1866 г. авг. 21. Послѣдовало ограниченіе пріема въ Высш. Учебн. завед. лицъ польскаго происхожденія.

1871 г. май 16. Возложено на жандармерію производство слѣдствій по политическимъ преступленіямъ и предоставлено Министру внутр. дѣлъ по соглашенію съ шефомъ жандармовъ рѣшать эти дѣла административнымъ порядкомъ.

1872 г. іюль 2. Изданіе закона объ особомъ судопроизводствѣ по политическимъ преступленіямъ.

1877 г. окт. 29. Изданіе закона о дѣйствіи военныхъ командъ при подавленіи народныхъ движеній.

1878 г. май 9. Изъятіе преступленій противъ должностныхъ лицъ изъ суда присяжныхъ и передача ихъ Судебной Палатѣ, Правит. Сенату и Верховн. Уголовн. Суду.

іюнь 9. Введены повсемѣстно полицейскіе урядники для надзора за населеніемъ въ деревняхъ.

авг. 20. Призывъ правительства (Москва, Мин. Вн. Д.) къ обществу за содѣйствіемъ ему въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ.

Итакъ, только послѣ двѣнадцатилѣтней борьбы съ такъ называемой «крамолой» и только послѣ убійства шефа жандармовъ, т. е. власти руководящей борьбой, въ рукахъ которой былъ сосредоточенъ весь аппаратъ системы и съ помощью которой надѣялись раздавить растущій революціонный духъ, чувствуется колебаніе власти и дѣлается попытка привлечь къ борьбѣ общественныя силы. Этотъ призывъ появился въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», котораго у меня нѣтъ подъ руками, и я не могу, къ сожалѣнію, привести его полностью, чтобы показать всю растерянность правительства и неспособность понять и дать настоящую цѣну послѣднему событію, какъ звену длинной цѣпи, оборвать которую не умѣло ни это правительство, ни его преемники.

Обращаясь съ призывомъ къ обществу, на какую помощь разсчитывало правительство? Какія мѣры обѣщало оно съ своей стороны, ссылаясь на которыя каждый членъ общества могъ бы обратиться къ террористамъ со словами убѣжденія прекратить борьбу преступную по своимъ средствамъ, безплодную по результатамъ, опасную для са-

маго существованія нашей родины? Бороться тѣми средствами, какими борется власть — висѣлицей, каторгой и ссылкой? Или тѣми же средствами, къ какимъ прибѣгаютъ агенты власти — шпіонствомъ, доносомъ, предательствомъ? Властью правительства общество не располагаетъ, а если бы и располагало, то, конечно, избрало бы другія средства борьбы. Бороться рука объ руку съ агентами власти — общество не можетъ и не будетъ, пока оно остается обществомъ и сохраняетъ свое человѣческое достоинство.

Чѣмъ кончился этотъ призывъ къ обществу, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Убійство шефа жандармовъ ген. Мезенцева. — Совѣщаніе съ Линдфорсомъ о мѣрахъ легальнаго сопротивленія. — Кіевское совѣщаніе. — Юбилей Основьяненка въ Харьковѣ. — Мое выступленіе. — Е. С. Гордѣенко. — Совѣщаніе 3 дек. 1878 г. въ Кіевѣ съ террористами. — Петербургъ: В. А. Полетика, Н. К. Михайловскій и Е. И. Утинъ. — Призывъ правительства къ обществу о содѣйствіи ему. — Черниговск. губ. зем. собраніе и отвѣтъ на призывъ. — Брошюра «Ближайшія задачи земства». — Первый съѣздъ земства въ Москвѣ. — Покушеніе Соловьева.

4-го августа 1878 года я получилъ у себя въ деревнѣ изъ Петербурга отъ А. Ф. Линдфорса телеграмму приблизительно такого содержанія: «сегодня убитъ шефъ жандармовъ, генералъ Мезенцовъ.»

Это было время усиленной дѣятельности террористовъ. Положеніе шефа жандармовъ, фактическаго руководителя внутренней политики и той борьбы, которую правительство вело съ революціоннымъ движеніемъ, ставило это лицо особо отъ всѣхъ другихъ правительственныхъ лицъ, и поэтому его убійство было фактомъ исключительной важности и исключительнаго успѣха террористовъ.

Для меня было очевиднымъ, что борьба государственной власти и революціоннаго движенія вступаетъ въ новый фазисъ и что она можетъ принять такой безпощадный характеръ, который станетъ опасностью не только для стараго режима, утратившаго всякій смыслъ, такъ какъ онъ не умѣлъ и не хотѣлъ приспособиться къ требованіямъ новаго времени, къ естественной эволюціи страны, къ росту сознанія народа, но и къ нароставшему въ теченіе двухъ вѣковъ сближенію съ западно-европейской культурой и цивилизаціей.

Со смертью Петра Великаго чисто русская династія Романовыхъ прекратилась и Россія получила династію псевдо-Романовыхъ нѣмецкаго происхожденія, охранявшую самодержавіе съ нѣмецкимъ упорствомъ и систематичностью, разсчитывавшую на глубокое невѣжество закрѣпощенной народной массы и незначительность тонкаго слоя культурнаго класса, благосостояніе котораго всецѣло было связано съ незыблемостью самодержавной власти. Либеральное баловство Екатерины II-ой, захватившей престолъ убійствомъ своего полоумнаго мужа, было не болѣе какъ подкупъ дутыми векселями, уплата по которымъ производилась перепиской съ Вольтеромъ, Дидро, Гриммомъ и другими корифеями европейскаго общественнаго мнѣнія. Что-же касается Россіи, то, какъ извѣстно, Екатерина собственноручно написала обширный «Наказъ» для составленія Уложенія и предоставила «сословіямъ» заняться имъ, для чего была собрана въ Москвѣ знаменитая комиссія, которую Екатерина затѣмъ, за ненадобностью, упразднила. Весь этотъ запасъ либерализма, предназначенный какъ на заграничный рынокъ, такъ и для домашняго употребленія, не помѣшалъ Екатеринѣ жестоко расправиться съ Новиковымъ и Радищевымъ, когда они заразились

идеями, которыми она восхищалась въ своихъ заграничныхъ письмахъ и которыя провозгласила въ своемъ Наказѣ, — и дарить, какъ вещи, сотни тысячъ русскихъ крестьянъ своимъ многочисленнымъ любовникамъ и убійцамъ своего мужа.

Ея сынъ, также задушенный за свой безумный произволъ, въ теченіе своего четырехлѣтняго царствованія раздарилъ русскихъ крестьянъ своимъ любимцамъ еще больше, чѣмъ его мать за все свое 34-лѣтнее царствованіе.

Ея внуку, императору Николаю I-му, пришлось брать свой престолъ съ боя послѣ вооруженнаго возстанія Декабристовъ, поставившихъ на своемъ знамени требованіе конституціи и особожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сѣвъ на завоеванный престолъ, Николай I къ концу своего царствованія думалъ, что своимъ желѣзнымъ кулакомъ онъ поднялъ Россію на высоту могущества, на которой она никогда еще не стояла, но умирая долженъ былъ признать, что «сдаетъ своему сыну команду не въ томъ порядкѣ, въ какомъ хотѣлъ». Крымская война раскрыла весь процессъ разложенія и гніенія русскаго самодержавія, построеннаго на крѣпостномъ правѣ и невѣжествѣ народа, и заставила Александра II-го откровенно предостеречь московское дворянство, что лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ ждать, когда оно освободитъ себя снизу. Самодержецъ освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а затѣмъ настала очередь освободить Россію отъ самодержца. Такова логика исторіи. Было ясно, что если самодержавіе не сдѣлаетъ этого сверху, то оно будетъ свергнуто снизу, и революціонное движеніе, начавшееся съ воцаренія императора Александра II-го, — есть только развитіе процесса, который могъ быть остановленъ не смертными казнями, не каторгой, не скорпіонами, которыми располагаетъ власть, а освобожденіемъ страны отъ самодержавія. Предполагало-ли правительство, обращаясь къ обществу съ призывомъ помочь ему въ борьбѣ съ революціей, совершить второе и послѣднее освобожденіе? Очевидно, нѣтъ. Оно разсчитывало привлечь своихъ «даровыхъ сто тысячъ полиціймейстеровъ» къ борьбѣ съ террористами старыми способами для защиты самодержавія и своихъ собственныхъ интересовъ, тѣсно связанныхъ съ тѣмъ государственнымъ порядкомъ, которому можетъ грозить крушеніе. Намъ предстоитъ выборъ между зачисленіемъ себя въ армію полиціймейстеровъ, либо защищать свободу, какъ противъ самодержавія, такъ и противъ террора.

Приблизительно въ такомъ порядкѣ я излагалъ свои мысли А. Ф. Линдфорсу, когда онъ, возвратясь изъ Петербурга, пріѣхалъ ко мнѣ въ Пліску, чтобы побесѣдовать на ту-же тему и выяснить вопросъ, — какъ и что земство должно отвѣчать правительству на его призывъ, правда, не прямо обращенный къ нему (земству), а къ обществу вообще, въ которомъ земство, однако, представляетъ единственную часть достаточно организованную и способную къ какому либо дѣйствію.

Борьба краснаго и бѣлаго террора представляла зрѣлище въ высшей степени тяжелое не только въ моральномъ, но и въ политическомъ смыслѣ, и мы были бы готовы принести всякія жертвы, чтобы замѣнить этотъ ужасный видъ борьбы болѣе человѣческимъ способомъ; но мы знали, что никакими уступками правительство не будетъ удовлетворено и, чувствуя это, мы сами, и Линдфорсъ и я, давали убѣжище и скрывали «нелегальныхъ», спасая ихъ жизнь или свободу, и не спрашивая, террористы-ли они или не террористы. Правительство обладало всей властью, чтобы прекратить терроръ въ самомъ его зарожденіи. Если оно не считало возможнымъ идти на встрѣчу духу времени, то и весь odium оно должно было принять на себя. Мы не сомнѣвались, что наши товарищи и единомышленники въ губернскомъ земствѣ думаютъ такъ же, какъ и мы. Но, что думаютъ широкіе круги общества? Для того, чтобы расширить кругъ нашихъ свѣдѣній, мы — Линдфорсъ и я — рѣшили поѣхать въ Кіевъ и обратиться къ руководителямъ украйнофиловъ съ просьбой устроить совѣщаніе по этому вопросу, пригласивъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть полезны въ данномъ случаѣ.

Наша просьба была встрѣчена очень дружественно и собраніе состоялось въ квартирѣ Г. Г. Цвѣтковскаго, гдѣ присутствовали наиболѣе вліятельные украйнофилы, въ томъ числѣ: проф. В. Б. Антоновичъ, П. И. Житецкій, А. А. Русовъ, В. Л. Беренштамъ, А. А. Волькенштейнъ, И. А. Житецкій, представитель польской группы г. Длусскій и много другихъ лицъ.

Всѣ присутствовавшіе не только согласились съ нашей точкой зрѣнія, но и приняли наше предложеніе образовать группу, которая приметъ на себя активное участіе въ распространеніи нашей точки зрѣнія и съ этой цѣлью сдѣлаетъ попытку устроить совѣщаніе Линдфорса и мое съ террористами для обсужденія возбужденнаго нами вопроса. Тутъ-же возникъ вопросъ объ участіи черниговскихъ земцевъ въ посмертномъ юбилеѣ украинскаго писателя Квитки-Основьяненка въ Харьковѣ, который предполагался, кажется, въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца.

Принявъ такое рѣшеніе, мы немедленно вступили въ сношеніе съ распорядителями харьковскаго юбилея, который долженъ былъ состоять изъ торжественнаго засѣданія въ харьковскомъ университетѣ, съ рѣчью извѣстнаго филолога и слависта, профессора Потебни, и банкета, на которомъ будутъ произнесены рѣчи, посвященныя не только памяти юбиляра, но и политическому состоянію Россіи.

Этой программѣ очень сочувствовали, какъ ректоръ университета, профессоръ Цѣхановецкій, мой хорошій знакомый, такъ и профессоръ Сокольскій, участникъ юбилейной комиссіи. Относительно рѣчей были намѣчены только лица, которыя должны произнести рѣчи, но содержаніе рѣчей было предоставлено усмотрѣнію ораторовъ.

Сколько я могу припомнить, юбилей совпалъ съ днемъ проѣзда черезъ Харьковъ императора Александра II, возвращавшагося изъ Кры-

ма въ Петербургъ. Харьковскому начальству было не до юбилея писателя, давно умершаго, но, говоря вообще, языкъ украинскій уже самъ по себѣ не пользовался покровительствомъ власти и вызывалъ подозрѣнія въ сепаратизмѣ. Конечно, трудно выдумать болѣе нелѣпое подозрѣніе, но, къ сожалѣнію, оно сослужило во взаимныхъ отношеніяхъ Украйны и Великороссіи плохую службу и создало борьбу безсмысленную и нелѣпую.

Какъ и ожидали, юбилей Квитки-Основьяненка привлекъ массу публики, не только мѣстной, жителей г. Харькова, но и разныхъ губерній. Рѣчь знаменитаго профессора-филолога произвела большое впечатлѣніе и подготовила интересъ къ банкету, который состоялся вечеромъ въ домѣ Филонова. Всѣ мѣста были заняты и двѣ расположенныя рядомъ залы были биткомъ набиты. Въ числѣ участниковъ банкета были и нѣкоторыя лица изъ мѣстной администраціи. Кіевлянъ было довольно много, такъ какъ Кіевъ былъ центромъ украниофильства. Изъ черниговскихъ делегатовъ, сколько я помню, были: А. Ф. Линдфорсъ, А. А. Русовъ, В. А. Савичъ и я. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей, посвященныхъ памяти покойнаго писателя и украинскаго патріота, слово было предоставлено мнѣ, и моя рѣчь была посвящена чисто политической темѣ. Я говорилъ о состояніи Россіи въ данный моментъ и прямо началъ съ факта убійства шефа жандармовъ, генерала Мезенцова. Несправедливо было бы думать, говорилъ я, что образованное общество остается равнодушнымъ къ происходящимъ террористическимъ актамъ. Общество одинаково противъ террора, идетъ-ли онъ снизу или сверху, ибо оно знаетъ, что такимъ путемъ дойти до свободы и конституціи такъ-же невозможно, какъ невозможно этимъ путемъ достигнуть спокойствія и порядка въ странѣ. Терроръ одинаково свидѣтельствуетъ, какъ о слабости правительства, такъ и о слабости общества. Убійство генерала Мезенцова есть новое напоминаніе о томъ, что невозможно долѣе поддерживать двусмысленное положеніе, занятое обществомъ въ борьбѣ, которую ведутъ террористы съ государственной властью. Я утверждалъ, что наступаетъ моментъ, когда общество обязано высказаться прямо и откровенно, что, не одобряя террористическихъ убійствъ революціонеровъ, оно также не одобряетъ и правительство, которое отказывается понять, что система государственнаго порядка, которую оно упорно защищаетъ, не соотвѣтствуетъ ни достоинству русскаго народа, ни интересамъ великаго государства; что правительство обязано приступить къ коренной реформѣ государственнаго режима и сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы прекратить терроръ мирнымъ путемъ, а не путемъ казней. Общество, закончилъ я, одинаково противъ убійства изъ-за угла и противъ висѣлицы.

Я былъ выслушанъ съ напряженнымъ вниманіемъ и только въ одномъ мѣстѣ былъ прерванъ профессоромъ Володимировымъ, крикнувшимъ: «Это призывъ къ революціи!» Этотъ крикъ былъ покрытъ всеобщимъ шиканьемъ; и когда я кончилъ свою рѣчь, изложенную выше

вкратцѣ, вся зала поднялась съ мѣстъ, долго рукоплескала, многіе подходили, чтобы пожать мнѣ руку, среди нихъ были и офицеры, и всѣ повторяли: «давно было пора это сказать!»

Первая часть нашей задачи была выполнена: мы убѣдились, что масса обрвзованнаго общества на нашей сторонѣ. Въ виду этого, на нашемъ частномъ совѣщаніи было рѣшено, что мнѣ слѣдуетъ повидаться съ Егоромъ Степановичемъ Гордѣенко, пользовавшимся въ Харьковѣ большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Утромъ на слѣдующій день я былъ у Е. С. Гордѣенко. Вмѣстѣ со мною отправился мой другъ В. А. Савичъ, давно знакомый съ Гордѣенко и предложившій познакомить меня съ нимъ. Наружность Гордѣенко располагала въ его пользу. Это былъ старикъ съ совершенно бѣлой головой, покрытой сѣдыми кудрями. Выраженіе его лица и глазъ, а также спокойная манера и точная рѣчь внушали довѣріе. Онъ занималъ долго мѣсто городского головы, но оставался ли онъ въ этой должности въ моментъ моего посѣщенія — не помню. Я изложилъ ему цѣль нашего посѣщенія, — желаніе узнать, предполагаетъ ли онъ, какъ гласный харьковскаго губернскаго земства дать какой-либо отвѣтъ на обращеніе правительства къ обществу, и если да, то въ какомъ смыслѣ, такъ какъ отвѣтъ всероссійскаго земства много выигралъ бы въ своемъ значеніи, будучи, если не по формѣ, то по духу болѣе или менѣе одинаковымъ. При этомъ я изложилъ свою личную точку зрѣнія по этому вопросу и сослался на свою рѣчь на юбилейномъ банкетѣ. Онъ выслушалъ меня очень внимательно, замѣтивъ при этомъ, что раньше не обсуждалъ этого вопроса; въ общемъ признаетъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ во всякомъ случаѣ, такъ какъ полагаетъ, что земство не можетъ не отвѣчать правительству, когда оно обращается къ нему, но онъ не можетъ въ эту минуту дать мнѣ никакого опредѣленнаго отвѣта, считая необходимымъ тщательно обдумать вопросъ и только послѣ этого принять опредѣленное рѣшеніе.

Съ своей стороны, я считалъ свою задачу исполненною и мы простились. Какъ извѣстно, харьковское земство отвѣчало раньше всѣхъ другихъ и его отвѣтъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, но для Гордѣенко, кажется, имѣлъ непріятныя послѣдствія.

Этимъ закончилась наша миссія въ Харьковѣ, и мы считали ее довольно удачной, такъ какъ получили доказательство, что въ широкихъ общественныхъ кругахъ мы нашли несомнѣнное неодобреніе правительственной внутренней политики и готовность поддержать открытое выраженіе неодобренія ея, хотя и не въ такой опредѣленной формѣ, въ какой мы бы желали и въ какой говорили въ своихъ собраніяхъ.

Теперь намъ предстояло совѣщаніе съ террористами, задуманное исключительно нами двумя — Линдфорсомъ и мною. Мы не считали возможнымъ посвящать въ это предпріятіе никого другого, полагая, что оно заключало въ себѣ двоякую опасность: въ случаѣ если оно будетъ извѣстно многимъ, его тайна можетъ быть раскрыта раньше, чѣмъ

оно состоится и это помѣшаетъ его осуществленію, а кромѣ того, многіе могли бы пострадать невольно. Поэтому мы съ Линдфорсомъ рѣшили не сообщать до совѣщанія никому, даже самымъ близкимъ намъ людямъ, ни о проектѣ совѣщанія, ни о его времени. Съ другой стороны, террористы поставили намъ условіе, что никто не будетъ знать ихъ фамилій.

Устройство собранія взялъ на себя Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ, извѣстный кіевскій украйнофилъ. Беря на себя устройство такого совѣщанія въ своей квартирѣ на Бибиковскомъ бульварѣ, онъ рисковалъ своей головой, такъ какъ Кіевъ въ это время былъ на военномъ положеніи; его генералъ-губернаторъ, Чертковъ, былъ однимъ изъ вѣшателей, и, накрывъ такое собраніе террористовъ, онъ раскрылъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ связь съ общественными группами. Жатва была бы обильная и безпримѣрная, такъ какъ главари южныхъ террористовъ явились на совѣщаніе почти полностью. Тѣмъ не менѣе, жестокость кіевскихъ властей соотвѣтствовала ихъ небрежности, и наше совѣщаніе состоялось въ назначенный день и продолжалось съ 8 ч. вечера за полночь. Никакихъ точныхъ свѣдѣній о немъ у жандармеріи не было ни тотчасъ послѣ собранія, ни даже спустя долгое время, хотя многіе изъ его участниковъ были повѣшены въ Кіевѣ и въ Одессѣ весною слѣдующаго 1879 г.

Совѣщаніе происходило 3-го декабря 1878 года. Со стороны террористовъ было довольно много лицъ и между ними были, какъ мы позднѣе узнали, — Осинскій, Антоновъ, Ковалевская, Людмила Волькенштейнъ и много другихъ. Изъ числа названныхъ — первые двое впослѣдствіи были повѣшены, а двѣ послѣднія погибли въ Сибири.

Обмѣнъ мнѣній происходилъ исключительно между террористами съ одной стороны и Линдфорсомъ и мною, съ другой. Вопросъ, поставленный съ нашей стороны, заключался въ томъ, — согласны-ли террористы временно пріостановить всякіе террористическіе акты, чтобы дать намъ, земцамъ, время и возможность поднять въ широкихъ общественныхъ кругахъ и прежде всего въ земскихъ собраніяхъ открытый протестъ противъ правительственной внутренней политики и предъявить требованіе коренныхъ реформъ въ смыслѣ конституціи, гарантирующей народу участіе въ управленіи страной, свободу и неприкосновенность правъ личности? Послѣ долгихъ горячихъ дебатовъ мы не пришли къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ или обѣщаніямъ, но все же разошлись подъ впечатлѣніемъ, что наше предложеніе имѣло нѣкоторый психологическій успѣхъ, и что, если намъ удастся сдвинуть общественное мнѣніе съ мертвой точки равнодушія, то террористы поймутъ необходимость пріостановить свою активную дѣятельность. Мы убѣдились также и въ томъ, что если бы правительство проявило хотя сколько нибудь готовность сговориться со страной, терроръ потерялъ бы подъ собою почву. Мы убѣдились также и въ томъ, что если правительство не пойдетъ на уступки, то террористы скорѣе пожертвуютъ своею

жизнью, чѣмъ сдѣлають малѣйшую уступку власти, ненависть къ которой была у нихъ безпредѣльна.

Такъ окончилось это совѣщаніе, происходившее въ самомъ центрѣ жандармскаго сыска, оставшееся никому неизвѣстнымъ до опубликованія свѣдѣній о немъ извѣстнымъ американскимъ изслѣдователемъ русскаго революціоннаго движенія въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX-го вѣка, — Джорджемъ Кеннаномъ, — съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться во время посѣщенія имъ Твери. Такія же свѣдѣнія еще позднѣе сообщилъ въ особой брошюрѣ раскаявшійся террористъ Левъ Тихоміровъ, участникъ Липецкаго съѣзда и цареубійства 1-го марта, ставшій затѣмъ сотрудникомъ Каткова, потомъ Грингмута и, наконецъ, редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», органа крайнихъ реакціонеровъ.

Въ моей личной жизни это совѣщаніе связано съ событіемъ, оставившимъ въ ней глубокій слѣдъ. — Одинъ изъ младоукраинофиловъ, — И. А. Житецкій, — освѣдомленный о предстоящемъ совѣщаніи, предложилъ гр. Анастасіи Сергѣевнѣ Паниной, дочери которой онъ давалъ уроки, провести ее на совѣщаніе, гдѣ она можетъ услышать мнѣнія конституціоналистовъ по чрезвычайно важному вопросу. А. С. приняла это предложеніе и была случайной и невѣдомой свидѣтельницей всего происходившаго, не принимая участія въ преніяхъ. По окончаніи совѣщанія, по ея приглашенію, нѣкоторые изъ участниковъ согласились сойтись въ ея квартирѣ на слѣдующій день. Мы познакомились, — и въ ея умѣ и сердцѣ я обрѣлъ источникъ энергіи, любви и жертвенности, ставшій руководящей основой нашей общей жизни. Спустя 3½ года, 16 августа 1882 года, въ Смоленскѣ, гдѣ я былъ въ ссылкѣ, мы съ ней были обвѣнчаны.

Не помню, по какой причинѣ черниговское губ. земское собраніе, на которомъ я съ Линдфорсомъ должны были выступить по поводу отвѣта правительству, было перенесено на январь 1879 года. Благодаря этому обстоятельству, инициатива отвѣта выпала изъ рукъ черниговскаго земства. Для насъ это былъ вопросъ не формальнаго пріоритета, а содержанія отвѣта и его тона, который могъ своимъ диссонансомъ съ нашимъ испортить всю музыку, ослабить впечатлѣніе и дѣйствіе нашего протеста.

Между тѣмъ мы рѣшили использовать промежутокъ времени между совѣщаніемъ съ террористами 3-го декабря и губернскимъ зем. собраніемъ и привлечь къ выступленію московское и тверское земство, а также повременную столичную печать. Сверхъ того, въ Москвѣ мы съ Линдфорсомъ хотѣли устроить съѣздъ земцевъ и, вообще, общественныхъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, Линдфорсъ былъ задержанъ своими личными дѣлами и мы условились съѣхаться въ Москвѣ, а до того я долженъ былъ подготовить почву въ Москвѣ и вести всѣ переговоры въ Петербургѣ. Туда-же выѣхала и Анастасія Сергѣевна, чтобы помочь мнѣ выполнить мою довольно сложную задачу въ Петербургѣ. Она ув-

леклась иашимъ предпріятіемъ послѣ совѣщаиія съ террористами, свидѣтельницей котораго оиа была, и предложила свою квартиру въ Кіевѣ для совѣщаній, если они потребуются, и, накоиецъ, свою помощь въ переговорахъ съ журналистами. Она рѣшительно примкнула къ иашнмъ плаиамъ и была готовв оказывать намъ всякое содѣйствіе.

Московское земство, руководимое въ то время предсѣдателемъ губ. зем. управы Наумовымъ, ие проявило никакого желанія сойти съ почвы, отмежеваииой земству «Положеиіемъ о зем. учреждеиіяхъ». Наумовъ полагалъ, что земство должио строго держаться формальиыхъ правъ, ему дарованныхъ, и не пытаться расширять ихъ средствами, которыхъ иельзя призиать легальными. Словомъ, въ московскомъ земствѣ мы не встрѣтили сочувствія. Поэтому мы сдѣлали попытку иайти поддержку иашимъ планвмъ въ широкихъ обществеиныхъ сферахъ и въ томъ числѣ въ университетскихъ. Это привело насъ къ знакомству съ профессоромъ Максимомъ Максимовичемъ Ковалевскимъ и Викторомъ Александровичемъ Гольцевымъ. Оба они отнеслись къ иамъ съ полнымъ сочувствіемъ и взяли на себя устройство въ Москвѣ помѣщенія для съѣзда. Послѣ обсуждеиія подробиостей этого дѣла и ввиду нашего иамѣренія созвать земцевъ, не только ближайшихъ къ Москвѣ губерній, но и болѣе отдаленныхъ, было рѣшеио, что съѣздъ соберется во второй половинѣ марта.

Окоичивъ свою задачу въ Москвѣ, мы отправились въ Петербургъ, гдѣ и пробыли конецъ декабря 1878 и иачало яиваря 1879 года; оставаться дольше я не могъ, будучи связанъ срокомъ открытія черниговскаго губ. зем. собраиія. Мнѣ казалось достаточнымъ для моей цѣли обратиться въ редакціи трехъ журналовъ въ Петербургѣ: въ «Вѣстникъ Европы», въ «Отечественныя Записки» и въ газету «Молву», издаввшуюся въ то время В. А. Полетикой, газета котораго была довольно распространена и отзывчива на всевозможиые вопросы, волиующіе общество.

Начали мы свое паломиичество съ «Молвы», прося иазиачить намъ часъ, когда мы могли бы имѣть бесѣду съ редакторомъ газеты. Очень скоро мы получили приглашеніе, быстроту котораго я имѣлъ осиоваіе приписать имени моей спутницы, такъ какъ мое имя ничего ие могло говорить редактору большой петербургской газеты. Мы были прииняты г. Полетикой чрезвычайио любезио; оиъ встрѣтилъ иасъ за двѣ комнаты до своего кабииета, куда онъ самъ проводилъ, причемъ меня нѣсколько удивило то обстоятельство, что три двери, черезъ которыя мы проходили, оиъ послѣдовательио запиралъ иа замокъ. Оиъ, очевидио, предвидѣлъ, что бесѣда будетъ имѣть весьма серьезиый характеръ и не должиа быть иарушеиа ии появлеиіемъ нежданнаго лица, ии подслушана. Когда мы усѣлись въ креслахъ его кабииета, я изложилъ ему сущность иашего желанія, указалъ ив иевыиосимость все усиливающейся террористической борьбы революціонеровъ и правительства, иа иевозможность ии для обществв, ни для печати оставаться равиодушными

зрителями присходящаго поединка и настаивалъ на необходимости вмѣшательства общественныхъ элементовъ въ эту борьбу, т. е. земства и печати, представляющихъ единственныя организованныя силы, пренебрегать которыми никакое правительство, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ. Вотъ почему, закончилъ я, мы обращвемся къ вамъ, квкъ къ руководителю очень вліятельной газеты, съ просьбой поддержать общество въ предстоящей борьбѣ.

Г. Полетика слушалъ меня внимательно и, когдв я кончилъ свою рѣчь, онъ выразилъ намъ полное сочувствіе, признавалъ всю опасность террора для страны, но въ тоже время говорилъ о трудномъ положеніи печати и послѣ многихъ соображеній pro и contra, онъ свмымъ неожиданнымъ образомъ предложилъ намъ принять участіе въ издательствѣ «Молвы». Само собою разумѣется, что ничего подобнаго мы не могли ожидать, такъ какъ мы жили въ 1500 верстахъ отъ Петербурга и не могли принимать личнаго участія въ газетѣ, посвящая себя дѣятельности совершенно другого рода. Эти соображенія я изложилъ ему. Квкъ только для насъ стало яснымъ, что г. Полетика хочетъ съ нашей матерьяльной помощью поправить дѣла своей газеты, мы поняли, что эта послѣдняя забота почтеннаго издателя поглотитъ собой всѣ другіе интересы и цѣли и что всякій рискъ не соотвѣтствуетъ его планамъ. Надежда на «Молву», такимъ образомъ, оказался несостоятельной.

Еще болѣе любезенъ былъ Е. И. Утинъ, который принялъ меня по порученію редакціи «Вѣстника Европы», и пригласилъ къ обѣду, во время котораго происходила и бесѣда, составлявшая цѣль нашего свиданія. Бесѣда эта была такъ же безплодна, какъ и предыдущая съ г. Полетикой, но всеже она была гораздо болѣе интересной, такъ какъ Е. И. Утинъ былъ живой собесѣдникъ, и его разсказы о петербургскихъ теченіяхъ и событіяхъ были для меня, провинцівла, очень интересны.

Оставалась надежда на Н. К. Михайловскаго, отвѣтившаго на просьбу принять насъ выраженіемъ желанія провести вечеръ у А. С. въ Европейской гостинницѣ, гдѣ она жила. Нечего говорить, что мы провели очень оживленный вечеръ; бесѣда съ такимъ умнымъ и блестящимъ публицистомъ, какимъ былъ Николай Константиновичъ, не могла не быть интересной. Наша петербургская встрѣча имѣла цѣлью выяснить — можетъ ли лѣвое крыло нашей повременной печати, вообще, и, въ частности, «Отечественныя Записки», и особенно самъ Николай Константиновичъ поддержать земство въ его предполагаемой борьбѣ съ терроромъ, какъ снизу, такъ и сверху, въ томъ случаѣ, если земство открыто и рѣшительно выступитъ противъ террора и за конституцію?

Послѣ долгихъ обсужденій поставленнаго вопроса, послѣ моихъ заявленій, что земство одинаково стоитъ противъ правительственнаго и революціоннаго террора, считая такой способъ борьбы опвснымъ для государства и для народа; послѣ того, когда я заявилъ, что мы стоимъ за самую демократическую конституцію, исключающую всякое нера-

венство, уничтожающую всякія сословія, — Николай Константиновичъ поставилъ мнѣ вопросъ прямо: могу ли я принять на себя обязательство, что вся земля будетъ передана крестьянамъ?

На это я отвѣчалъ, что я могу способствовать этому всѣми силами, но конечный результатъ не въ моей власти, а во власти того конституціоннаго собранія, которое одно можетъ рѣшить этотъ вопросъ.

— «Въ такомъ случаѣ,» возразилъ мнѣ Николай Константиновичъ, «народу наплевать на вашу помѣщичью конституцію. Когда народъ возьметъ власть въ свои руки, онъ самъ напишетъ свою конституцію, какой вы ему не дадите.»

По поводу этой бесѣды съ Н. К. Михайловскимъ я долженъ сказать нѣсколько словъ въ защиту точности моей передачи его словъ, заподозрѣнной однимъ рецензентомъ, рѣшительно не допускавшимъ даже возможности словъ, вложенныхъ мною въ уста знаменитаго публициста, къ которому я всегда относился съ полнымъ уваженіемъ и, конечно, не позволилъ бы себѣ исказить его мысль въ вопросѣ такой важности.

Лѣтъ 12 тому назадъ, вдова В. А. Гольцева, извѣстнаго писателя и редактора журнала «Русская Мысль», Наталья Алексѣевна Гольцева въ память своего мужа издала сборникъ, въ которомъ, по ея просьбѣ, я написалъ воспоминанія о моей попыткѣ привлечь нѣкоторые журналы и газеты къ поддержкѣ земскихъ выступленій въ пользу замѣны самодержавія конституціей. Въ числѣ лицъ, къ которымъ я обращался былъ, какъ выше сказано, и Н. К. Михайловскій, бесѣду съ которымъ я изложилъ въ краткихъ, но по существу совершенно точныхъ словахъ. Въ своей статьѣ я только смягчилъ одно выраженіе въ его фразѣ: «въ такомъ случаѣ, народу *наплевать* на вашу помѣщичью конституцію», оставляя его сущность, но не передавая его рѣзкости. Рецензентъ журнала «Русское Богатство» на это выразилъ полную увѣренность, что мнѣ измѣнила память, такъ какъ Николай Константиновичъ *никогда не былъ противъ конституціи*. Однако, позднѣе было фактически установлено, что Михайловскій принималъ участіе въ составленіи письма народовольцевъ къ императору Александру III, и мнѣ кажется, что этотъ фактъ разрѣшаетъ вопросъ о конституціонныхъ воззрѣніяхъ Михайловскаго какъ разъ въ томъ смыслѣ, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ его отвѣтъ, данный мнѣ: онъ не сомнѣвается, что народъ не приметъ помѣщичью конституцію, въ которой не будетъ передачи ему земли, а напишетъ свою, народную конституцію, за которую онъ и подастъ свой голосъ. Не забудемъ, что липецкій съѣздъ народовольцевъ происходилъ 16 іюня 1879 года, т. е. менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ нашей бесѣды съ Михайловскимъ. Вѣроятно, въ это время Михайловскій уже имѣлъ сношенія съ народовольцами, а онъ былъ не изъ тѣхъ людей, у которыхъ десница дѣлаетъ одно, а шуйца дѣлаетъ другое. Поддерживая народовольцевъ, онъ не могъ протягивать одновременно руку конституціоналистамъ, выступавшимъ

противъ всякаго террора, и въ его отвѣтѣ мнѣ заключался весь смыслъ борьбы той группы, которой онъ помогалъ составленіемъ письма Александру III, а можетъ быть и иными способами, оставшимися намъ неизвѣстными, но совершенно естественными въ такой неравной борьбѣ, какую вели террористы съ государствомъ, вооруженнымъ всѣми средствами техники.

Послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ въ отвѣтъ на безобразный поступокъ генерала Трепова, послѣ нѣсколькихъ крупныхъ вооруженныхъ сопротивленій революціонеровъ, послѣ убійства шефа жандармовъ, генерала Мезенцева въ Петербургѣ и жандармскаго офицера барона Гейкинга въ Кіевѣ, выполненныхъ съ необыкновенной смѣлостью, революціонное настроеніе нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ явно сложилось въ пользу террористовъ и противъ конституціоналистовъ, вмѣшательство которыхъ въ поединокъ революціонеровъ съ правительствомъ представлялось имъ несвоевременнымъ и опаснымъ для дѣла освобожденія Россіи отъ самодержавія.

Безспорно, самодержавное правительство съ необыкновенной последовательностью и слѣпотой противодѣйствовало всякой тѣни легальной борьбы противъ власти и ея произвола, и создало убѣжденіе, что съ русскимъ правительствомъ легальная борьба невозможна и безуспѣшна, и что единственнымъ выходомъ изъ этого историческаго тупика можетъ быть путь революціонной борьбы, противодѣйствіе которой, такъ думалось въ нѣкоторыхъ кругахъ, можетъ быть полезно только застою и усиленію власти.

Мы, конституціонисты того времени, напротивъ, мало вѣрили въ успѣхъ террористовъ, такъ какъ знали, что они не опирались ни на страну, ни на какую либо достаточно сильную партію, которая могла бы оказать имъ значительную поддержку. Равнодушіе, съ которымъ народныя массы встрѣчали извѣстія о казняхъ террористовъ, свидѣтельствовало, что народъ не принималъ никакого участія въ героической борьбѣ небольшой кучки людей съ правительствомъ, силу котораго они чувствовали на себѣ каждую минуту. Я не думаю, что, редактируя послѣ убійства императора Александра II письмо исполнительнаго комитета террористовъ императору Александру III-му, Михайловскій вѣрилъ въ окончательный успѣхъ революціи: онъ не могъ не знать, что большинство участниковъ перваго марта обнаружено и захвачено, что ихъ ожидаетъ смертная казнь, и что пополненіе убыли террористовъ потребуетъ очень много времени; къ тому-же огромное большинство населенія было не только испугано, но и озлоблено противъ нихъ.

Передъ открытіемъ отсроченной очередной сессіи 1878 г. черниг. губ. зем. собранія, въ январѣ 1879 г., мы съ А. Ф. Линдфорсомъ сдѣлали нашей группѣ сообщеніе о харьковскомъ юбилеѣ и изложили темы, которыя мы развивали въ нашихъ рѣчахъ по поводу внутренняго положенія нашей страны и необходимости для земства, какъ единствен-

наго органа общественнаго мнѣнія, измѣнить свою выжидательную позицію и перейти на новую — активную почву, поводъ къ чему создало само правительство своимъ обращеніемъ 20 августа къ обществу. Мы вырвзили сожалѣніе, что починъ въ этомъ дѣлѣ ускользнулъ изъ рукъ черниговскаго земства, которое, надо надѣяться, съ большей ясностью и опредѣленностью выскажетъ то, на что Россія имѣетъ право разсчитывать и въ чемъ отказываетъ правительство своей странѣ. Ибо при данныхъ условіяхъ, когда правительство само опирается исключительно на терроръ, земство не можетъ ни одобрить его дѣйствій, ни, тѣмъ болѣе, слѣдовать зв правительствомъ въ его борьбѣ съ терроромъ.

Рѣшеніе, принятое нашей группой, составлявшей численное большинство въ губ. земск. собраніи, предрѣшало рѣшеніе и послѣдняго. Поэтому группа обсудила и тутъ-же установила порядокъ внесенія вопроса на обсужденіе собранія, передачу отвѣта въ комиссію, выборъ комиссіи и докладчика. Все это было выполнено въ точности; комиссія была избранв по нашему списку, избрала меня своимъ докладчикомъ и назначила день, когда она разсмотритъ докладъ.

Въ основу своего доклада я принялъ, во-первыхъ, правительственное обрвщеніе къ обществу о содѣйствіи ему въ борьбѣ съ революціонными эксцессвми, напечатанное въ Правительственномъ Вѣстникѣ 1878 г., въ № 168 *); во-вторыхъ, обращеніе императора Александра II 20 ноября 1878 г. въ Москвѣ къ представителямъ сословій со слѣдующими словами: «Я надѣюсь нв ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь»; и, наконецъ, въ-третьихъ, всѣмъ извѣстные террористическіе акты революціонеровъ и безпощвдныя казни совершенныя правительствомъ. Этого матеріала было болѣе чѣмъ достаточно для обоснованія нашего категорическаго заявленія, что земство не можетъ слѣдовать по пути, на который правительство и самъ Государь приглашали общество. У меня нѣтъ подъ руками составленнаго мною адреса, который напечатанъ въ книгѣ г. Бѣлоконскаго («Земское движеніе»), и я ограничусь лишь изложеніемъ его сущности. Государь въ своемъ московскомъ обращеніи къ сословіямъ указалъ на «необходимость остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонвдежные стараются ее завлечь», а между тѣмъ едва-ли можно было даже сравнивать вліяніе на молодежь «неблагонадежныхъ людей» съ вліяніемъ того ядовитаго источника, который отравлялъ молодежь созданной гр. Д. А. Толстымъ, министромъ нар. просвѣщенія, системой, растлѣвввшей или иссушавшей самую душу учащагося юношества и ежегодно выбрасывавшей на улицу болѣе 6 тысячъ молодыхъ людей, озлобленныхъ противъ общества и государства. Эта система касалась не только средней и высшей школы, но и низшая народная школа была взята подъ подозрѣніе

*) У Бѣлоконскаго — № 188 («Земское движеніе».)

и была лишь терпима, какъ неизбѣжное зло, требовавшее суровыхъ мѣръ противъ проникновенія въ народную школу «излишнихъ» знаній. Никакая борьба мнѣній невозможна тамъ, гдѣ не допускается свобода слова и печати, ибо это самое могущественное орудіе общественнаго мнѣнія, безъ котораго современное государство не можетъ существовать. Точно также не можетъ существовать современное государство и необходимый порядокъ въ странѣ тамъ, гдѣ произволъ власти не знаетъ никакихъ предѣловъ: онъ убиваетъ въ корнѣ чувство законности въ гражданахъ, т. е. моральный авторитетъ власти, составляющій ея главную силу. Исходя изъ этихъ положеній, я предлагалъ заявить правительству отъ имени черниговскаго губ. зем. собранія, что русское общество, не обладая въ законѣ никакими гарантіями, лишенное возможности опираться на общественное мнѣніе, котораго не существуетъ въ нашей странѣ, и не замѣчая у правительства желанія утвердить свой авторитетъ на моральной основѣ, — безсильно оказать правительству какое либо содѣйствіе въ его борьбѣ съ террористами.

Въ назначенное время въ засѣданіе комиссіи явились не только члены ея, но и всѣ гласные, кромѣ одного или двухъ, такъ что фактически ея засѣданіе превратилось въ засѣданіе собранія. Прочитанный мною докладъ, получившій извѣстность подъ именемъ «Черниговскаго адреса», былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Ни одинъ голосъ не раздался противъ; всѣ были согласны, что на призывъ правительства земство не можетъ не отвѣчать, а отвѣчать должно только съ полной откровенностью отказомъ, такъ какъ требуемаго содѣйствія земство оказать не можетъ. Такимъ образомъ, мы имѣли полное основаніе считать, что адресъ принятъ, хотя еще не формально, но фактически.

Когда я передалъ свою рукопись предсѣдателю управы для переписки набѣло, съ нея было сдѣлано множество копій, которыя въ ту же ночь распространялись въ городѣ и даже покупались публикой, съ нетерпѣніемъ ждавшей отвѣта земскаго собранія. Само собою разумѣется, что этотъ фактъ сталъ тотчасъ извѣстнымъ администраціи и встревожилъ мѣстныя власти, заранѣе рѣшившія, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ зем. собранія, губернскимъ предводителемъ дворянства, Неплюевымъ, не допускать чтенія доклада въ собраніи, а въ случаѣ нужды, закрыть собраніе.

Когда мы пришли въ залъ, онъ былъ уже переполненъ публикой, въ настроеніи которой, какъ и среди гласныхъ пришедшихъ ранѣе, чувствовалось нѣкоторое безпокойство и напряженность въ виду присутствія въ залѣ среди публики и въ сосѣднихъ комнатахъ чиновъ полиціи и жандармеріи.

Какъ только открыли засѣданіе, я объявилъ, что порученіе собранія, возложенное на комиссію, исполнено, что докладъ послѣдней готовъ и что въ качествѣ докладчика комиссіи я приступаю къ его чтенію.

Предсѣдатель прервалъ меия заявлепіемъ, что прежде чѣмъ допустнть чтеніе доклада, онъ долженъ позиакомиться съ его содержаніемъ, а потому проситъ передать докладъ ему для ознакомленія.

Собраніе заволновалось, раздались требованія приступить къ чтенію доклада. Я съ своей стороны, видя уловку Неплюева, заявилъ, что его требоваиіе лишено законнаго основанія и принятаго въ собраніи порядка, что предсѣдателю не предоставлена цензура докладовъ комиссій, а равио право измѣнять своею властью установленный собраніемъ порядокъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ уже обсуждался въ собранін и былѣ передаиъ въ комиссію для разработки; что докладъ поставленъ въ порядкѣ дня и что я буду чнтать.

Но какъ только я приступилъ къ чтенію, предсѣдатель сталъ неистово звонить въ колокольчикъ, такъ какъ я не прекращалъ чтенія. Наконецъ, онъ броснлъ колокольчикъ, объявивъ, что прерываетъ засѣданіе, и направился въ свой кабииетъ. Я остался на своемъ мѣстѣ. Волненіе въ залѣ было всеобщимъ.

Спустя нѣсколько мииутъ, Неплюевъ вернулся на свое мѣсто. Я снова сталъ читать свой докладъ съ того мѣста, на которомъ былъ прерванъ. Неплюевъ, видимо ожидавшій этого, всталъ и провозгласивъ торопливо: «закрываю засѣданіе!» быстро направился въ свое помѣщеніе, находившееся рядомъ съ залой, и оттуда сдѣлалъ распоряженіе полиціи очнстить залу отъ гласныхъ и публики...

Группа гласныхъ отправилась въ управу, чтобы обсудить положеніе и составить протестъ противъ насилія, совершениаго предсѣдателемъ съ помощью жандармовъ и полиціи надъ губернскимъ земскимъ собраиіемъ. Большинство гласныхъ, собравшихся въ управѣ, высказалось за подачу жалобы въ Сеиатъ, какъ за *единствеиное легальиое средство* борьбы противъ произвола предсѣдателя собранія, администрацін и правительства. Мы всѣ пришлн къ заключенію, что для защиты даже тѣхъ малыхъ правъ, которыя имѣютъ русскіе люди, иѣтъ другихъ способовъ, кромѣ насильственныхъ, что правительство своими насильническимн пріемами управлеиія логически приводитъ безснльное общество также къ единствеиному средству слабыхъ къ — террору.

Любопытна дальнѣйшая исторія поданиой нами въ Сенатъ жалобы. Отвѣтъ Сената на эту жалобу мнѣ, какъ одному изъ подписавшихъ ее, былъ сообщенъ черезъ полицію, когда я находился въ ссылкѣ въ г. Варнавниѣ, Костромской губерніи. Сенатъ призналъ дѣйствія Неплюева лишенными законнаго осиованія, а потому и подлежащнми отмѣнѣ, если бы этимъ путемъ могло быть возстановлено нарушенное право. Но т. к. возстановленіе такого права фактически уже иевозможио, то жалоба оставляется безъ послѣдствій. Я цнтирую рѣшеніе Сената по памятн, но сущность его аргументаціи была именно такова. Сенатъ, какъ будто, аабылъ, что его рѣшенія служатъ руководящимъ элементомъ толкованія законовъ, и призиаиіе дѣйствій предсѣдателя собра-

нія неправильными могло бы въ будущемъ оказыввть сдерживающее вліяніе иа предсѣдателей, слишкомъ склонныхъ угождать администраціи и ея, часто совершенно незаконнымъ, требованіямъ.

Послѣ моей ссылки возннкъ вопросъ о моемъ правѣ оставаться гласнымъ уѣзднаго и губернскаго земства. Конечно, вопросъ былъ возбужденъ губернской администраціей при дѣятельномъ участіи господъ Рачинскихъ, Псёловъ, Ждановичей *) и прочихъ мѣстныхъ столповъ стараго режима. Однако, большинство губернскаго земснаго собрвнія рѣшительно ствло на мою сторону, доказывая, что я сосланъ не по суду, а по распоряженію администраціи и во всякое время поэтому могу быть освобожденъ безъ всякихъ послѣдствій и огрвниченія моихъ правъ, т. е. что я могу снова занять свое мѣсто, ноторое должно оставаться свободнымъ до конца избирательнаго трехлѣтія. Такое постановленіе земскаго собранія было опротестовано губернаторомъ въ Сенатъ и протестъ, по всей вѣроятности, попалъ въ другое отдѣленіе перваго Департамента, съ болѣе приличнымъ составомъ, который призналъ постановленіе губ. земскаго собранія совершенно правильнымъ, н протестъ губернвтора оставилъ безъ послѣдствій.

По этому поводу извѣстный публицистъ Квтковъ въ своихъ «Московснихъ Вѣдомостяхъ» разразился громовой статьей противъ Сената, обвиняя его въ субверсивныхъ идеяхъ и въ покровительствѣ «квторжникамъ». Можно представвить себѣ, квкой переполохъ въ Сенатѣ произвело обвиненіе его Катковымъ, пользоввввшимся огромнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Однако, я чувствовалъ невозможность закончить черниговское выступленіе земства только подвчей жалобы въ Сенатъ. Чтобы сколько ннбудь пополнить этотъ пробѣлъ, я написалъ брошюру подъ заглавіемъ «Очередныя задачи земства», имѣя въ виду напечатать ее заграницей и распространить въ возможно широкихъ кругахъ. Я аргументировалъ ее тѣми-же соображеніями, ноторыя приводилъ и въ своей харьковской рѣчи, и въ комиссіи черниговскаго земства по составленію отвѣта на призывъ правительства, и формулировалъ въ качествѣ опредѣленной платформы необходимость достиженія трехъ задачъ: свободы слова и печати, гарантіи личности и созывв учредительнаго собранія.

Послѣднее требованіе не обсуждалось ни въ Харьновѣ, ни въ Черниговѣ, но послѣ черниговскаго опыта нельзя было сомнѣваться, что правительство органически неспособно въ чемъ либо ограничить себя и октроировать конституцію, пока не будетъ вынуждено нъ тому силою яещей. Оно всегдв было снлонно отназываться отъ данныхъ обѣщвній. Болѣе позднимъ яркимъ примѣромъ этого можетъ служить торжественно данное обѣщаніе императоромъ Николаемъ II въ манифестѣ 17 онт. 1905 г. издавать законы не иначе, накъ съ согласія Гос. Думы и

*) Имена помѣщиковъ Черниговской губерніи, участвовавшихъ въ земскомъ собраніи.

Гос. Совѣта, и немедленно послѣдовавшее нарушеніе этого обѣщанія изданіемъ «Основныхъ законовъ Имперіи» наканунѣ открытія Гос. Думы въ 1906 г. Эта неспособность самодержавія честно выполнять принятыя имъ передъ народомъ обязательства и привела меня къ убѣжденію, что только учредительное собраніе можетъ оберечь страну отъ такихъ обѣщаній, которыя гораздо легче берутся назадъ, чѣмъ даются.

Печатаніе этой брошюры взялъ на себя К. Ф. Волковъ, предполагая сдѣлать это въ Львовѣ, въ Галиціи. Однако, судьба ея была совершенно неожиданная. Австрійская полиція произвела обыскъ въ типографіи, разыскивая не мою брошюру, которая не имѣла никакого касательства къ австрійскимъ дѣламъ, но вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ забрала и ее. Мнѣ было сообщено объ этомъ, когда я былъ уже въ ссылкѣ и не могъ предпринять второго изданія. Казалось, брошюра исчезла окончательно. Однако, какой-то единственный экземпляръ ея уцѣлѣлъ и былъ доставленъ М. П. Драгоманову, издававшему въ Женевѣ «Вольное Слово». Драгомановъ напечаталъ ее въ 1883 г. въ № 56-мъ и, какъ видно, заинтересовавшись нѣкоторыми идеями, изложенными въ ней, далъ о ней благопріятный отзывъ и пришелъ къ заключенію, что «в о всякомъ случаѣ она не могла исходить изъ земской среды.» Очевидно, М. П. Драгомановъ, оставаясь безвыѣздно за границей въ качествѣ эмигранта въ теченіе уже многихъ лѣтъ, не былъ освѣдомленъ о томъ движеніи, которое стало замѣтно въ земствѣ только съ 1877-8 годовъ.

Въ 1911 году, проживая въ Швейцаріи, я получилъ отъ покойнаго В. Я. Богучарскаго-Яковлева письмо съ просьбой прочесть присылаемую имъ статью, возбудившую въ немъ большой интересъ, и сообщить ему, если мнѣ что-нибудь извѣстно о ней. Къ письму былъ приложенъ и № «Вольнаго Слова». Читая статью, я, конечно, съ первой строки узналъ въ ней свою собственную брошюру, безвременно погибшую въ нѣдрахъ австрійской полиціи. Моя жена, переписывавшая ее набѣло въ февралѣ 1879 года, подтвердила, что не сомнѣвается, что именно эту брошюру она переписывала. Свое открытіе я сообщилъ Богучарскому и разсказалъ ему всѣ обстоятельства написанія брошюры и ея исчезновенія. Василій Яковлевичъ, какъ онъ мнѣ писалъ, заинтересовался вопросомъ пріоритета идеи учредительнаго собранія, находя, что я первымъ провозгласилъ эту идею, какъ единственную гарантію дѣйствительнаго народоправства. Я отвѣчалъ ему, что лично я равнодушенъ къ такому пріоритету и охотно уступлю его тому, кто проведетъ эту идею въ жизнь. Но въ своей послѣдней книгѣ, посвященной революціонному движенію въ Россіи, онъ всетаки оставилъ пріоритетъ за мной.

Но погибшей брошюрѣ моей посчастливилось ожить еще разъ. По желанію кн. Д. И. Шаховского моя статья была перепечатана въ Юбилейномъ Сборникѣ въ память 50-тилѣтія земства въ 1914 году. Къ

сожалѣнію, у меня нѣтъ ни Сборника, въ которомъ она помѣщена, ни «Вольнаго Слова», такъ что не могу ее подробно изложить еще разъ въ своихъ воспоминаніяхъ, чтобы поддержать ея безсмертіе, или, говоря скромнѣе, ея несклонность умереть.

Послѣ насильственнаго закрытія январьскаго земскаго собранія 1879 г., гласные вернулись къ своимъ пенатамъ совершенно благополучно, не подвергаясь никакимъ преслѣдованіямъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ я уже упоминалъ раньше, былъ назначенъ въ Москвѣ первый опытъ съѣзда гласныхъ разныхъ губерній, и, хотя неудача черниговскаго земства нѣсколько охлаждала наши надежды, тѣмъ не менѣе мы съ Линдфорсомъ отправились въ Москву и прежде всего заявились у М. М. Ковалевскаго, который повидимому, забылъ о своемъ обѣщаніи разыскать и устроить мѣсто для съѣзда. А между тѣмъ, мы узнали, что нѣкоторыя лица уже прибыли на съѣздъ. Мы поспѣшили къ В. А. Гольцеву, который тоже не позаботился объ этомъ раньше, хотя зналъ разсѣянность своего собрата по университету, но, узнавъ о нашемъ положеніи, съ большой энергіей взялся за розыскъ помѣщенія, такъ что уже на другой день мы могли собраться на углу Кречетниковскаго и Дурновскаго пер. въ домѣ кн. Крапоткина, мирового судьи. Собралось, сверхъ нашего ожиданія, человѣкъ около 30-ти земцевъ разныхъ губерній, болѣе всего отъ Тверской губ., гдѣ общественный духъ уже свилъ себѣ прочное гнѣздо. Изъ тверитянъ здѣсь были: два брата Бакунины, — Павелъ и Александръ Александровичи, — мой братъ Михаилъ Ильичъ, Тимофей Николаевичъ Повало-Швейковскій (предводитель дворянства Новоторжскаго уѣзда), Вас. Ник. Линдъ. Всѣ они нынѣ уже покойники... Было нѣсколько москвичей, но фамиліи ихъ, равно какъ и представителей другихъ губерній, все незнакомыхъ намъ людей, за давностью времени не помню. Какъ только всѣ пріѣхавшіе собрались, мы съ Линдфорсомъ сдѣлали подробный докладъ, какъ о юбилеѣ въ Харьковѣ, такъ и о черниговскомъ собраніи, столь неблагопріятно законченномъ. Относительно переговоровъ съ террористами мы ограничились самыми общими мѣстами; мы не могли быть увѣрены, что насъ не заподозрятъ въ чрезмѣрной близости къ столь опаснымъ сотрудникамъ. Послѣ нашего доклада обсудили вопросъ о постоянной организаціи въ средѣ земскихъ гласныхъ въ виду неизбѣжной борьбы съ правительствомъ за конституцію и противъ террора. Московскій съѣздъ этимъ и закончился, и мы вмѣстѣ со всѣми тверитянами отправились въ Тверь, чтобы провести нѣсколько дней у брата Михаила Ильича и у Бакуниныхъ, которые звали меня къ себѣ.

Въ Твери мы пробыли недолго, такъ какъ мой судейскій отпускъ приходилъ къ концу, и 3 апрѣля 1897 года, очень рано утромъ, мы отправились на вокзалъ, чтобы продолжать наше путешествіе — я въ Плиску, а Бакунины и другіе Новоторы къ себѣ въ Торжокъ. Едва только мы появились на вокзалѣ, какъ замѣтили какую-то суету и большое собраніе полиціи и жандармеріи. Тутъ-же узнали, что наканунѣ, 2 ап-

рѣля, во время прогулкн императора Александра II, какой-то Соловьевъ совершнлъ покушеніе на жнзнь нмператора, къ счастью окончившееся благополучно: императоръ не былъ раиеиъ. Преступиикъ, совершившій покушеніе, арестованъ.

Ннкто нзъ насъ не сомнѣвался, что иачннается новый взрывъ террора сверху н сннзу. Подъ этнмъ тяжелымъ впечатлѣніемъ я разстался съ моимн тверскими друзьями.

ГЛАВА VI.

Арестъ и ссылка. — Москва. — Кострома. — Поселеніе въ Варнавинѣ. — Общество. — Пріѣздъ А. С. Панивой. — Пріѣздъ Савича и брата. — Мошвнскій. — Павлюкъ. — Ловля Гартмава. — Увольненіе исправника. — Разрѣшеніе избрать мѣстожительство: Ярославль, Владиміръ или Смоленскъ. — Покидаю Варнавинъ.

27 апрѣля 1879 года, съ утра, я находился въ своей судейской камерѣ, гдѣ разбиралъ дѣла. Въ полдень былъ сдѣланъ перерывъ для обѣда, и, закончивъ подготовку оставшихся для разбора дѣлъ, около часа пополудни я отправился къ себѣ въ домъ, гдѣ никого не было, такъ какъ вся моя семья находилась въ Кіевѣ, а отецъ и мать, переѣхавшіе изъ Полтавы послѣ отставки отца въ Плиску, занимали особый флигель. Случайно была въ этотъ день, пріѣхавшая изъ Кіева воспитательница моихъ дѣтей, Каролина Ивановна Лукасъ, бывшая другомъ нашего дома. Войдя въ свой кабинетъ окна, котораго выходили на дорогу, ведущую отъ желѣзнодорожной станціи въ г. Борзну, я увидѣлъ ѣдущихъ борзенскаго исправника и четырехъ жандармовъ. Я остановился на минуту, соображая, куда эта группа направится и увидѣлъ, что они повернули въ мою усадьбу. Не оставалось сомнѣнія, что это мои гости. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ исправникъ, кажется, по фамиліи Лопатинъ, отставной офицеръ, перешедшій на службу въ полицію изъ арміи. Съ нимъ было два жандарма, ставшихъ у двери; двухъ другихъ я увидѣлъ на верандѣ у дверей, закрытыхъ, но ведущихъ въ кабинетъ съ веранды. Съ бумагой въ рукѣ исправникъ объявилъ мнѣ, что по предписанію, подписанному министромъ внутреннихъ дѣлъ (Маковымъ) и шефомъ жандармовъ (Дрентельномъ), онъ долженъ меня арестовать и немедленно отправить въ сопровожденіи двухъ жандармовъ...

— Куда? перебилъ я его.

— Вы узнаете это на мѣстѣ, такъ какъ мнѣ это неизвѣстно.

Я указалъ ему на мою судейскую неприкосновенность, требующую для моего ареста постановленія суда.

На это онъ возразилъ, что не можетъ входить въ обсужденіе этого вопроса, такъ какъ онъ обязанъ выполнить распоряженіе министра.

Я объяснилъ ему, что на моихъ рукахъ, какъ мирового судьи, находятся разнаго рода документы: духовныя зав цанія, договоры, обязательства и деньги, которые я могу передать только представителю мирового съѣзда и пошлю за непремѣннымъ членомъ сейчасъ же экипажъ.

— Я имѣю приказаніе выслать васъ съ первымъ поѣздомъ, отходящимъ приблизительно черезъ два часа и могу предоставить въ ваше распоряженіе время только до этого перваго оходящаго поѣзда, не болѣе.

Очевидно, дать знать въ Борзну моему другу и товарищу В. А. Савичу не удастся до моего отъѣзда.

— Въ такомъ случаѣ вы берете на себя всю отвѣтственность за цѣлость денегъ и документовъ, находящихся въ моей камерѣ, и за передачу ихъ непремѣнному члену съѣзда В. А. Савичу.

— Все это я исполню, отвѣчалъ исправникъ, и приму соотвѣтственныя мѣры.

Я сталъ собирать свои вещи, бумаги и сказалъ, что долженъ проститься съ моимъ отцемъ и матерью, а также съ г-жей Лукасъ. Пока происходили эти переговоры, мать и отецъ пришли изъ флигеля въ домъ, очень встревоженные, и вмѣстѣ съ Каролиной Ивановной сидѣли въ комнатѣ, отдѣленной отъ насъ только гостиной, такъ что слышали весь нашъ разговоръ. Я направился къ нимъ безпрепятственно и старался успокоить моихъ бѣдныхъ стариковъ, крайне испуганныхъ тѣмъ, что я не могъ сказать имъ, куда меня везутъ. Каролину Ивановну я попросилъ немедленно съѣздить къ Анастасіи Сергѣевнѣ, устроившейся на лѣто верстахъ въ 20 отъ Плиски, въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ усадьбѣ — Переяславкѣ, принадлежащей г-жѣ Глѣбовой и нанятой на все лѣто, и сообщить ей о происшедшемъ, а затѣмъ ѣхать въ Кіевъ, увѣдомить семью.

Пока все это происходило, время приближалось къ отъѣзду. Я приказалъ подать лошадей и, простившись еще разъ со всѣми, сѣлъ въ карету, рядомъ со мною сѣлъ исправникъ, а за нимъ едва влѣзъ жандармъ; другой жандармъ сѣлъ рядомъ съ кучеромъ на козлы и мы тронулись на вокзалъ жел. дороги.

Наша усадьба расположена въ 1½ верстѣ отъ станціи, куда приходится проѣхать значительную часть села. Вѣроятно, населеніе съ большимъ удивленіемъ смотрѣло на свиту, сопровождавшую меня, и недоумѣвало, что случилось. На станціонномъ перронѣ, гдѣ всегда толпится народъ, тоже всѣ смотрѣли съ полнымъ недоумѣніемъ на меня, окруженнаго такимъ эскортомъ. Скоро пришелъ изъ Кіева поѣздъ, мнѣ предложили войти въ вагонъ 2 класса, гдѣ было занято для меня 4 мѣста, на двухъ диванчикахъ. Одинъ диванчикъ занялъ я, противъ меня помѣстились оба жандарма и поѣздъ тронулся на Курскъ.

Оставшись съ моими двумя молчаливыми спутниками, я сталъ размышлять о происшедшемъ.

Хотя полное неуваженіе къ закону и произволъ власти составляли отличительную черту нашего государственнаго управленія, хотя я никогда не раздѣлялъ офиціальнаго ученія нашихъ законовѣдовъ, что Россійская Держава управляется на точномъ основаніи законовъ и тѣмъ будто бы отличается отъ азіатскихъ деспотій, которыя управляются самовластной волей своихъ деспотовъ, но въ то же время въ глубинѣ моего сознанія всетаки таилась мысль, что постепенно, шагъ за шагомъ, мы подвигаемся впередъ къ завоеванію права и усвояемъ взгляды и привычки европейскихъ конституціонныхъ народовъ и госу-

дарствъ. Мнѣ казалось, что именно судебной реформой сдѣланъ въ этомъ направленіи большой шагъ и что, будучи уже 10 лѣтъ мировымъ судьей, лично я обезпеченъ въ своей несмѣняемости безъ суда, какъ судья. И вдругъ все это оказалось иллюзіей, разсѣявшейся какъ дымъ и выходило, что всѣ мы не граждане, имѣющіе опредѣленныя закономъ права, а обыватели и что, по надобности, никакой законъ не защищаетъ насъ отъ произвола власти. Я размышлялъ: куда меня везутъ? Если въ Петербургъ, значитъ въ Петропавловскую крѣпость; если въ Москву — значитъ куда нибудь въ ссылку, на Востокъ, предѣлы котораго у Тихаго океана.

Ночью поѣздъ остановился въ Курскѣ. Не говоря ни слова моимъ спутникамъ, я всталъ и направился на вокзалъ. Оба жандарма пошли за мною. Я сѣлъ за столъ, жандармы помѣстились — одинъ за моей спиной, другой противъ меня по другой сторонѣ стола. Я убѣдился, что меня охраняютъ очень тщательно и что мнѣ не удастся бросить письмо въ ящикъ, если я напишу его, когда аргусы уснутъ. Выѣзжая, я захватилъ съ собою почтовой бумаги и нѣсколько конвертовъ. Проснулся я очень рано утромъ. Противъ меня сидѣлъ одинъ жандармъ и дремалъ, а другой отсутствовалъ. Но какъ только я зашевелился, мой стражъ проснулся и посмотрѣлъ на меня довольно привѣтливо. Замѣтивъ это, я спросилъ его: куда мы ѣдемъ? Онъ добродушно отвѣтилъ — въ Кострому, но тотчасъ спохватился и сказалъ: «не говорите товарищу, что я сказалъ; это не полагается.» Я отвѣтилъ, что не скажу, и тотчасъ рѣшилъ, что надо воспользоваться этимъ свѣдѣніемъ, чтобы увѣдомить, куда я ѣду. Я принялъ позу человѣка, желающаго спать, покрылся пледомъ и легъ на спину. Въ боковомъ карманѣ у меня были бумага и конвертъ и я сталъ ждать момента, когда могу писать. Ждать пришлось долго, но всеже мои аргусы утомились и успокоились, когда я взялъ въ руки книгу и сдѣлалъ видъ, что читаю. Одинъ изъ нихъ вышелъ покурить, другой сталъ клевать носомъ, и я воспользовался минутой, чтобы держа на книгѣ бумагу написать только два слова: ѣду въ Кострому. Затѣмъ опять долгое ожиданіе, пока можно было эту бумажку вложить въ конвертъ, на которомъ марка была наклеена еще до отъѣзда. И это удалось. Тогда я рѣшилъ выйти на первой же большой станціи подъ предлогомъ размять ноги, а, въ дѣйствительности, чтобы бросить письмо въ почтовый ящикъ. Но это мнѣ не удалось: оба жандарма ходили за мной по пятамъ, и я вернулся въ вагонъ съ письмомъ въ карманѣ. Я продолжалъ обдумывать, какъ бросить письмо, и мнѣ пришла въ голову мысль выйти на станціи Тула въ буфетъ и тутъ какъ нибудь бросить письмо. Какъ только поѣздъ подошелъ къ вокзалу, я заявилъ, что хочу ѣсть и пойду на вокзалъ. Жандармы не препятствовали, и мы, всѣ трое, вошли въ буфетъ; я сѣлъ на краю стола и заказалъ какое-то блюдо. Оба жандарма помѣстились за мною, но черезъ минуту изъ двухъ остался только одинъ. Рядомъ со мною сидѣлъ молодой человѣкъ очень симпатичной наружности, и

мнѣ тотчасъ пришла мысль передать ему письмо и попросить его бросить въ ящикъ. Пользуясь шумомъ вокругъ насъ, я тихо обратился къ сосѣду:

— Вы видите, что я ѣду съ аргусами, прошу васъ бросить письмо въ почтовый ящикъ. И вмѣстѣ съ этими словами я подвинулъ подъ салфеткой конвертъ.

Молодой человѣкъ мгновенно вскочилъ и исчезъ въ толпѣ; письмо осталось подъ салфеткой. Я едва успѣлъ спрятать его въ карманъ. Мнѣ было и больно и досадно, что я такъ глупо попался и обнаружилъ всю свою неопытность въ конспираціи, и я рѣшилъ, что увѣдомлю изъ Костромы, въ чемъ вѣроятно не встрѣчу препятствій.

Въ Москву поѣздъ пришелъ утромъ, и какъ только мы остановились у перрона, я увидѣлъ передъ нашимъ вагономъ семерыхъ жандармовъ и офицера. У выходныхъ дверей изъ вагона выстроились въ двѣ шеренги по три жандарма въ каждой и замыкалъ ихъ толстый пожилой вахмистръ съ огромной медалью на шеѣ, а у самыхъ дверей вагона стоялъ жандармскій офицеръ. Встрѣча, какъ видите, была весьма торжественной, которой я и не ожидалъ и ни въ какой мѣрѣ не заслуживалъ. Но жандармская психологія имѣетъ свои правила для преступниковъ разныхъ ранговъ и оказываетъ почетъ соотвѣтственно рангу своей жертвы. «Пожалуйте», строго сказалъ офицеръ, какъ только я появился у дверей, и мы вмѣстѣ, рядомъ прошли между двухъ рядовъ жандармовъ, а впереди насъ шелъ вахмистръ съ медалью на шеѣ. Мы быстро прошли черезъ вокзалъ, у подъѣзда котораго стояла карета. Я сѣлъ въ нее, за мною сѣлъ въ нее офицеръ и одинъ изъ жандармовъ, сопровождавшихъ меня отъ Плиски, другой помѣстился съ вещами на козлахъ. Какъ только всѣ мы усѣлись, офицеръ опустилъ въ каретѣ шторы, и мы поѣхали, но куда и по какимъ улицамъ — я не зналъ и не могъ догадаться. Наконецъ, мы въѣхали во дворъ и остановились у какого-то зданія съ рѣшетками въ окнахъ. Меня повели по лѣстницѣ, кажется, на третій этажъ, ввели въ какой-то карцеръ, отперли двери и я вошелъ въ маленькую и вонючую комнату съ кроватью, столомъ и стуломъ. Офицеръ не произнесъ ни одного слова и вышелъ. Дверь заперли. Очевидно, я въ тюрьмѣ, но въ какой? Съ точки зрѣнія топографіи я совсѣмъ не зналъ Москвы и не могъ оріентироваться, такъ какъ меня провезли, можно сказать, съ завязанными глазами. Спустя нѣкоторое время открылась дверь и въ мою камеру внесли мои вещи, повидимому, безъ всякаго осмотра. Я обратился къ вошедшему съ вопросомъ, гдѣ я нахожусь? Онъ очень просто отвѣтилъ: въ Басманной части.

Въ теченіе всего дня я просидѣлъ въ этой отвратительной грязной комнатѣ, съ грязной кроватью и сквернымъ воздухомъ, занимаясь чтеніемъ всевозможныхъ надписей, сдѣланныхъ карандашомъ, ножомъ или гвоздемъ на стѣнахъ. Хотя я провелъ въ этомъ помѣщеніи весь день, но никто не подумалъ накормить меня, или предложить хотя

бы купить хлѣба. Только вечеромъ тѣмъ же порядкомъ, въ сопровожденіи жандармскаго офицера и монхъ прежнихъ спутниковъ отъ Плиски, я былъ доставленъ на Ярославскій вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кострому.

Утромъ мы уже были въ Ярославлѣ н проѣхали прямо на пристань на Волгѣ, чтобы слѣдовать въ Кострому пароходомъ, такъ какъ желѣзной дороги отъ Ярославля въ Кострому еще не было. Утро было великолѣпное, теплое, весеннее; пароходъ «Кокернль» былъ большой и прекрасный. Меня провели на палубу 1-го класса и жандармы не препятствовали мнѣ оставаться на палубѣ. Волга, великолѣпное утро, новый край, все дѣйствовало возбуждающе и привлекало вниманіе. Я какъ бы забылъ о своемъ новомъ положеніи, чувство радости охватило меня и я не замѣчалъ, что вокругъ меня образовалась пустота; публика, которой на пароходѣ было много, держалась подальше отъ меня. Я скоро понялъ смыслъ этой пустоты, отошелъ въ сторону, гдѣ стояла скамейка, н сѣлъ. Присутствіе моихъ голубыхъ спутниковъ, видимо, стѣсняло публику. Тѣмъ не менѣе на скамью, гдѣ я сидѣлъ въ одиночествѣ, когда пароходъ тронулся въ путь, ко мнѣ подсѣлъ пожнлой господинъ чрезвычайно симпатичной наружности, съ яснымъ открытымъ взглядомъ, крупный, плотный, съ манерой внушающей симпатію. Видимо, онъ совершенно игнорировалъ моихъ спутниковъ.

— Ѣдете въ сопровожденіи архистратиговъ? обратился онъ ко мнѣ. Я отвѣтилъ утвердительно.

— А откуда и по какому случаю?

Мы разговорились, и чѣмъ болѣе мы бесѣдовали, тѣмъ болѣе онъ возбуждалъ во мнѣ симпатію. Я разсказалъ ему, кто я и по какому случаю я арестованъ и отправленъ въ Кострому. Затѣмъ упомянулъ, что увезенъ жандармами изъ дому въ отсутствіе семьи, которая не знаетъ, куда меня увезли. При этомъ я разсказалъ, какую неудачу я потерпѣлъ въ Тулѣ, обратившнсь къ молодому человѣку съ просьбой бросить письмо въ почтовый ящикъ.

— Ахъ, онъ свнньня! Давайте мнѣ ваше письмо, если оно у васъ: даю вамъ слово, что вотъ сейчасъ мы придемъ въ Усолье, гдѣ я живу, я тотчасъ же отправлю письмо.

Простота и участіе, которыя онъ проявнлъ къ моему положенію, были лучомъ солнца и тепла въ эту минуту для меня. Къ сожалѣнію, онъ не сказалъ мнѣ своего имени, а я не спроснлъ его, не рѣшился спросить, такъ какъ самъ онъ не назвалъ себя, но я до сихъ поръ, спустя сорокъ лѣтъ, помню этого добраго и независимаго человѣка. Я тутъ же, сидя съ нимъ на скамьѣ, написалъ нѣсколько строкъ и передалъ ему.

Письмо дошло по адресу и было получено. Впослѣдствіи я узналъ, что и помѣщеніе меня на пароходѣ въ 1 классѣ и болѣе деликатный надзоръ моихъ аргусовъ на пароходѣ былъ слѣдствіемъ того, что жандармскій полковникъ въ Твери, П. А. Есиповъ, теперь уже давно умер-

шій, будучи знакомъ съ Бакунинымъ и моимъ братомъ, сообщилъ послѣднему о моей ссылкѣ, о которой получилъ служебное увѣдомленіе и, по просьбѣ брата, написалъ въ Ярославль мѣстному жандармскому полковнику, своему пріятелю, чтобы отправили меня въ Кострому возможно удобнѣе. Позднѣе и мнѣ пришлось познакомиться въ Смоленскѣ съ этимъ страннымъ жандармскимъ полковникомъ прежняго времени, увѣреннаго, что жандармскій корпусъ образованъ былъ императоромъ Николаемъ I, чтобы «утирать слезы обиженнымъ», причемъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ легенду о Николаѣ, о Бенкендорфѣ и носовомъ платкѣ.

Въ Кострому мы прибыли уже вечеромъ и, вѣрные инструкціи, жандармы повезли меня прямо въ домъ губернатора. Появленіе мое въ ярко освѣщенномъ вестибюлѣ губернаторскаго дома въ сопровожденіи двухъ жандармовъ произвело необыкновенную сенсацію. Губернаторъ давалъ въ этотъ вечеръ у себя балъ, и долженъ былъ какъ разъ въ это время начаться съѣздъ гостей, въ число которыхъ я приглашенъ не былъ. Кто-то бросился наверхъ доложить губернатору о появленіи неожиданнаго гостя; черезъ минуту на лѣстницѣ показался самъ губернаторъ и приказалъ старшему жандарму отвезти меня къ полиціймейстеру. Мы поѣхали. Въ управленіи полиціймейстера тоже не оказалось; какой-то чинъ, однако, выдалъ жандарму росписку въ принятіи меня и объявилъ, что я могу оставаться въ канцеляріи до возвращенія полиціймейстера, отъ котораго зависятъ дальнѣйшія распоряженія. Мои вещи внесли въ комнату дежурнаго, гдѣ и мнѣ предложили ждать. Въ комнатѣ стоялъ узкій и твердый диванчикъ, обитый клеенкой, столъ и два-три стула. Никого въ комнатѣ не было и я остался ждать. Ждалъ довольно долго. Появился дежурный, должно быть, околодочный и тотчасъ улегся на диванчикѣ. Я обратился къ нему съ вопросомъ, когда-же полиціймейстеръ сдѣлаетъ распоряженіе относительно меня? Полицейскій чинъ съ полной небрежностью отвѣчалъ, что полиціймейстеръ на балу у губернатора и раньше утра не вернется.

— Какъ же мнѣ быть, не сидѣть-же мнѣ на этомъ стулѣ всю ночь?

— Какъ знаете; хотите лечь, — отправляйтесь въ отдѣленіе, куда приводятъ ночью пьяныхъ для вытрезвленія; тамъ имѣются нары, только тамъ будетъ безпокойно. Какъ хотите. — И онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ, давая понять, что разговоръ продолжать не намѣренъ.

Дѣлать нечего, оставалось сидѣть на стулѣ всю ночь, которую пришлось провести не особенно удобно. Однако, рано утромъ сторожъ согласился принести мнѣ воды, чтобы умыться, что значительно освѣжило меня. Часовъ около 8 утра на смѣну дежурнаго появился новый околодочный, черномазый, съ лицомъ не особенно привлекательнымъ. Подобно своему предшественнику онъ улегся на тотъ-же диванъ и сталъ съ любопытствомъ осматривать меня и, вѣроятно, чтобы показать свою власть, взялъ тутъ-же со стола, стоявшаго у диванчика, пачку какихъ-то писемъ и сталъ ихъ вскрывать, потомъ громко читать.

Мнѣ показалось это противнымъ, и я спросилъ его, зачѣмъ онъ читаетъ громко то, что мнѣ не надо знать?

— А затѣмъ, что это письмо поднадзорнаго Берви и я желаю знать, что онъ пишетъ.

— Я не мѣшаю вамъ читать, но читайте про себя, я вѣдь не принадлежу къ чинамъ полиціи и мнѣ не для чего читать чужія письма.

Онъ ничего не отвѣчалъ, повертѣлъ письмо въ рукахъ, потомъ положилъ его на столъ и сталъ плевать въ стѣну, которая была передъ нимъ, притомъ плевать какъ-то особенно, цѣлясь въ опредѣленное мѣсто.

Пріятно сидѣть въ комнатѣ, стѣны которой оплевываются дежурными чинами! Но физіономія этого господина показалась мнѣ довольно добродушной, и я обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Скажите, не могъ-ли бы я отправить телеграмму о своемъ прибытіи сюда моему брату? При этомъ я вынулъ десятирублевую бумажку такъ, чтобы онъ могъ ее видѣть.

Онъ мгновенно вскочилъ съ дивана и принесъ мнѣ бумаги, перо и чернильницу, заявляя, что немедленно исполнитъ мое порученіе. И дѣйствительно, онъ очень быстро возвратился и принесъ мнѣ сдачу и телеграфную квитанцію. Сдачу я оставилъ ему, что очень расположило его въ мою пользу. Онъ сталъ распрашивать меня, откуда меня привезли и зачѣмъ, и въ концѣ концовъ объявилъ, что сейчасъ, какъ встанетъ господинъ полиціймейстеръ, онъ доложитъ ему обо мнѣ и надѣется, что мнѣ разрѣшать переѣхать въ гостиницу, такъ какъ «не въ острогъ же меня сажать». Я не очень разсчитывалъ на обѣщаніе этого страннаго плевательнаго спортсмена и былъ несказанно удивленъ, когда часа черезъ два послѣ этого разговора, онъ явился ко мнѣ и съ торжествомъ объявилъ, что полиціймейстеръ поѣхалъ съ докладомъ къ губернатору и доложитъ ему обо мнѣ. И дѣйствительно, въ тотъ-же день тотъ-же околодочный перевезъ меня съ вещами въ гостиницу, въ коридорѣ которой былъ поставленъ городовой. Въ этой гостиницѣ подъ домашнимъ арестомъ я прожилъ болѣе 10 дней въ ожиданіи брата. Сюда же вмѣстѣ съ братомъ пріѣхала ко мнѣ и Анастасія Сергѣевна.

Въ теченіе этого времени я получилъ распоряженіе костромского губернатора о назначеніи мѣстомъ моего жительства города Варнавина, гдѣ я долженъ былъ находиться подъ гласнымъ надзоромъ полиціи. Срокъ моего отъѣзда изъ Костромы тутъ-же былъ назначенъ, причемъ былъ установленъ и маршрутъ: изъ Костромы до г. Юрьевца по Волгѣ на пароходѣ, затѣмъ по рѣкѣ Унжѣ до Макарьева, откуда на почтовыхъ въ Варнавинъ. Покойный братъ мой, Михаилъ Ильичъ, пожелалъ проводить меня до Варнавина и мы выѣхали вмѣстѣ опять въ сопровожденіи двухъ жандармовъ — одного, сухого и злобнаго, другого болѣе молодого, но старшаго по чину унтера, очень добродушнаго и снисходительнаго. Путешествіе по Волгѣ и Унжѣ въ среднихъ числахъ мая было очень пріятно даже въ томъ настроеніи, въ какомъ намъ при-

ходилось ѣхать, хотя пароходикъ по Унжѣ былъ маленькій и очень неудобный. Притомъ на пароходѣ ѣхалъ нѣкій г. Крѣпышъ, тесть Агренева-Славянскаго, какъ онъ рекомендовался намъ, занявшій со своей семьей всѣ мѣста, на которыхъ можно было устроиться, такъ что намъ оставалась только палуба, гдѣ мы и проводили все время. Въ Макарьевѣ мы не останавливались и взяли двѣ почтовыхъ тройки — одну для меня съ архистратигомъ, другую для брата. Но мы съ братомъ предложили ѣхать такъ, что на одной телѣгѣ буду ѣхать я съ братомъ, на другой — жандармы. Сначала суровый жандармъ запротестовалъ, но скоро сдался и мы тронулись въ двухъ телѣгахъ черезъ такъ называемый Шестидесятный волокъ, глухой и дремучій лѣсъ, отдѣляющій Унжу отъ Ветлуги. Лѣсъ тянулся непрерывно и только посрединѣ была одна почтовая станція. И братъ и я очень устали, такъ какъ, благодаря Крѣпышу, крайне несимпатичному мѣстному крѣпостнику, мы во все путешествіе по Унжѣ почти не отдыхали, поэтому рѣшили ночевать на этой станціи. Строгій жандармъ и тутъ запротестовалъ, такъ какъ остановка и ночлегъ по инструкціи не указаны, но другой жандармъ принялъ нашу сторону и было рѣшено ночевать. Надо сказать, что если бы мы желали скрыться, то здѣсь было бы это вполнѣ возможно. Жандармы спали, какъ мертвые, они тоже устали, а кругомъ — безконечный лѣсъ. Потомъ мнѣ разсказывалъ варнавинскій исправникъ, что дочь одной мѣстной богатой помѣщицы, кажется, по фамиліи Сицкой, именно здѣсь, на этой станціи бѣжала отъ сопровождавшихъ ее жандармовъ и добралась до Франціи. Мы бѣжать не собирались и отдохнувъ двинулись дальше. Проѣхавъ лѣсъ, мы выѣхали къ высокому берегу (правому) Ветлуги, вдоль которой расположены почти всѣ поселенія Варнавинскаго уѣзда.

Вотъ и Варнавинъ. Подъѣхали къ единственному каменному двухэтажному дому, гдѣ помѣщались казначейство и полиц. управленіе. Исправникъ Рябковъ принялъ меня отъ жандармовъ, выдалъ имъ соотвѣтствующую расписку, и предоставилъ мнѣ поселиться, гдѣ мнѣ угодно въ предѣлахъ г. Варнавина.

Городъ Варнавинъ былъ избранъ моимъ мѣстопребываніемъ, вѣроятно, потому, что этотъ самый захудалый изъ уѣздныхъ городовъ Костромской губ. и раньше былъ мѣстомъ ссылки. Я засталъ здѣсь цѣлое кладбище польскихъ ксендзовъ, высланныхъ сюда во время польскаго возстанія въ шестидесятыхъ годахъ. Изъ сорока ксендзовъ я еще засталъ двухъ стариковъ, появлявшихся на улицѣ всегда вмѣстѣ. Здѣсь же былъ ссыльный полякъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, отбывшій въ Сибири каторгу и поселеніе и получившій по манифесту право вернуться на родину, но задержанный въ Варнавинѣ, лѣсничій съ высшимъ образованіемъ, Мошинскій, съ которымъ я очень скоро

сошелся и подружился. Наконецъ, тутъ-же былъ въ ссылкѣ крестьянинъ Люблинской губ. уніатъ, Павлюкъ, сосланный за отказъ присоединиться къ православію и за погребеніе своего умершаго ребенка безъ священника.

Избирая для моего пребыванія г. Варнавинъ, губернаторъ вѣроятно думалъ, что это самое подходящее для земскаго человѣка мѣсто, такъ какъ никакихъ «идей» въ этомъ захолустьѣ и слыхомъ не слыхать, да и надзоръ будетъ не затруднителенъ, — тутъ каждый человѣкъ на виду у начальства. Городъ Варнавинъ стоитъ на правомъ высокомъ берегу рѣки Ветлуги, многоводной, глубокой, хотя и съ перекатами, холодной, быстро текущей и впадающей въ Волгу у г. Василь-Сурска, гдѣ Волга принимаетъ почти южное направленіе. Въ этомъ городѣ всего три улицы, образующія треугольникъ съ небольшой площадью въ одномъ углу, на которой возвышается единственная церковь во имя Варнавы угодника, мощи котораго здѣсь покоятся и именемъ котораго и названъ городъ. Во время моего пріѣзда тамъ былъ только одинъ каменный двухэтажный домъ, въ которомъ помѣщались казначейство и полицейское управленіе съ квартирой исправника. Всѣ же остальные дома большею частью были двухэтажныя крестьянскія бревенчатыя избы. Впрочемъ было и нѣсколько «домовъ», принадлежащихъ городскимъ чиновникамъ и купцамъ. Но такихъ было очень мало. По сообщенію исправника, въ Варнавинѣ въ то время было всего 96 жилыхъ строеній и около 600 жителей обоего пола. Можетъ быть ихъ числилось по бумагамъ и больше, но лѣтомъ едва-ли было и шестьсотъ, такъ какъ чуть-ли ни всѣ мужчины уходили на заработки въ Петербургъ въ качествѣ плотниковъ или на бѣлянахъ сплавляли лѣсъ по Ветлугѣ и Волгѣ въ Царицынъ.

Хотя почтовое сообщеніе Нижняго Новгорода съ Вяткой шло въ то время черезъ Варнавинъ, но почта только два раза въ недѣлю заѣзжала въ этотъ городишко. Настоящій же торговый путь изъ Нижняго въ Вятку сворачивалъ изъ села Баковъ прямо на село Урень, бывшее фактически центромъ этого края, оставляя Варнавинъ въ сторонѣ. Здѣсь же, въ уѣздномъ городѣ, не было ни аптеки, ни уѣздной больницы, ни уѣзднаго врача, ни мирового судьи. Было только казначейство, почтовое отдѣленіе и полицейское управленіе. Только при мнѣ начали строить больницу, устроили аптеку и перевели уѣзднаго врача, а затѣмъ открылъ свою камеру и мировой судья. Наконецъ, при мнѣ же былъ устроенъ и телеграфъ, и даже не безъ моего участія. Городское управленіе вошло въ соглашеніе съ телеграфнымъ вѣдомствомъ, которому принадлежала инниціатива, объ отводѣ квартиры для телеграфа городомъ. Послѣ осмотра отведеннаго помѣщенія, вѣдомство потребовало приведенія его въ порядокъ, оклейки обоями, окраски и т. д.; городъ заупрямился и отказалъ. Узнавъ объ этомъ и убѣдившись, что вѣдомство также не намѣрено уступать, я предложилъ покрыть необходимый расходъ, какъ частное пожертвованіе. Предложеніе было приня-

то (расходъ былъ менѣе 100 руб.) и телеграфъ былъ открытъ. Говоря по истинѣ, я думаю, что только одинъ я и былъ дѣйствительно заинтересованъ устройствомъ телеграфнаго сообщенія: я хотѣлъ имѣть постоянное и быстрое сообщеніе съ близкими мнѣ людьми. А кому, кромѣ меня, оно было нужно? Торговли въ Варнавинѣ никакой, кромѣ мелочной, не было, жители почти сплошь неграмотные, лѣсопромышленники уже давно погнали свои бѣляны и въ телеграфѣ не нуждались. Развѣ онъ нуженъ полиціи? Можетъ быть, но я думаю, что и полиція не слишкомъ желала его, такъ какъ онъ нарушалъ привычный порядокъ офиціальныхъ сношеній и грозилъ безпокойствомъ. Губернія, додумавшаяся до устройства телеграфа въ этой глуши, тоже не слишкомъ настаивала, и изъ-за суммы, не превышавшей нѣсколькихъ десятковъ рублей, готова была положить свой проектъ подъ сукно. Только я одинъ готовъ былъ содержать на свой счетъ даже телеграфиста, если бы этого пожелало телеграфное вѣдомство, весьма склонное къ частнымъ пожертвованіямъ на улучшеніе почтово-телеграфнаго дѣла.

Привилегированный классъ населенія Варнавина былъ невеликъ: первое мѣсто естественно принадлежало исправнику г. Рябкову; затѣмъ были: уѣздный казначей г. Рачинскій; мировой судья (перебрался въ городъ только къ осени) г. Болотовъ; судебный слѣдователь г. Вольбекъ; фамилій уѣзднаго врача и почтмейстера — не помню. Какъ можно изъ этого видѣть, въ городѣ Варнавинѣ представителей правящаго сословія было не больше, чѣмъ въ томъ городѣ, куда заѣхалъ Хлестаковъ и былъ принятъ за ревизора. Была, однако, и разница, такъ какъ мировой судья Болотовъ, судебный слѣдователь полякъ Вольбекъ и уѣздный врачъ, также полякъ, были люди умные и съ университетскимъ образованіемъ. Что-же касается представителей полиціи, казначейства и почты, то это были люди безъ образованія, но порядочные и честные. Исправникъ Рябковъ дѣлалъ свою карьеру съ самыхъ низовъ и многаго не понималъ, какъ человѣкъ лишенный всякаго образованія, но отъ природы не глупый и не бралъ взятокъ, хотя могъ бы сколотить себѣ изрядный капиталецъ на розыскахъ раскольничьихъ скитовъ и на выдачѣ сплавныхъ билетовъ. Но его никто не могъ упрекнуть въ способности взять взятку или «благодарность» за личную услугу. Когда его при мнѣ и даже изъ-за меня наканунѣ Новаго года уволили отъ службы, о чемъ я разскажу ниже, у него не было ничего нажитого на своей полицейской службѣ. Сидя у себя въ глуши, онъ не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что жизнь непрестанно эволюціонируетъ и что, слѣдуя за этой эволюціей, измѣняются и методы полицейской службы, покончившей съ патріархальными пріемами. Такъ, безкорыстно воображая, что дѣйствуетъ по долгу службы, онъ полагалъ, что для надзора за мной лучше всего сдѣлать меня членомъ городского клуба, именно потому, что я ни у кого не бывалъ за исключеніемъ мир. судьи Болотова и судебн. слѣдователя Вольбека. Придумалъ онъ такую мѣру и предложилъ баллотировать меня въ члены клуба, даже не предупредивъ меня

и не спросивъ моего согласія, которое по мнѣнію исправника и не требовалось, такъ какъ придуманная имъ мѣра должна была быть мѣрой надзора. Ходилъ слухъ, что личный врагъ исправника, его помощникъ, донесъ губернатору, который немедленно распорядился уволить исправника въ 24 часа отъ службы. Мнѣ было очень жаль этого честнаго служаку и, выражая ему чувство сожалѣнія, я спросилъ его, почему онъ не сказалъ мнѣ раньше, я постарался бы убѣдить его отказаться отъ такой мѣры, которая не соотвѣтствуетъ духу полицейской службы, особенно, когда дѣло касается лица, заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности. Бѣдняга никакъ этого понять не могъ и видѣлъ въ этомъ только интригу своего врага. Принявшій отъ него должность помощникъ лучше понималъ духъ времени и требованія начальства.

Квартиру я нашелъ безъ всякихъ затрудненій и снялъ верхній этажъ избы, состоявшій изъ трехъ комнатъ, изъ коихъ двѣ выходили окнами на улицу, а третья, маленькая, во дворъ. Нижній этажъ избы занималъ хозяинъ дома и почталіоны, по ночамъ храпѣвшіе такъ, что я не сразу привыкъ спать подъ этотъ акомпаниментъ. Гораздо труднѣе было устроиться со столомъ и я долго питался чаемъ, сыромъ и колбасой, которые покупалъ въ лавкѣ напротивъ.

Общительный характеръ моего брата, сопровождавшаго меня въ Варнавинъ, сдѣлалъ то, что черезъ два-три дня онъ уже перезнакомился и съ исправникомъ, и съ слѣдователемъ, и вообще съ разными лицами. При первомъ же знакомствѣ ему предложили карты — единственное занятіе, соединявшее правящій классъ города, а братъ тутъ же научилъ своихъ новыхъ знакомыхъ игрѣ въ винтъ. Я вообще никогда не любилъ играть въ карты, а тутъ, замѣтивъ, какую поглощающую роль играетъ картежная игра въ этой средѣ, я категорически заявилъ, что совершенно не играю въ карты и ни одной игры не знаю. Меня пробовали затащить въ игру, притомъ вовсе не изъ корыстыхъ видовъ, а просто какъ средство убить ту скуку и бездѣлье, которыя отравляютъ у насъ не только провинціальную жизнь, но и русскую жизнь вообще, такъ долго лишенную общественныхъ интересовъ и спроса на трудъ, требующій знанія и образованности. И случалось не разъ въ первое полугодіе моего пребыванія въ Варнавинѣ, что даже поздно вечеромъ ко мнѣ приходили просить за неимѣніемъ партнёра придти, чтобы поиграть въ винтъ, но я упорно отказывался, увѣренный, что если я уступлю разъ, мнѣ не дадутъ болѣе покоя и каждый день станутъ тащить играть въ карты. Я не удивлялся исправнику, кругъ умственныхъ интересовъ котораго былъ крайне ограниченъ, но люди съ образованіемъ, какъ Вольбекъ, докторъ и мировой судья, просиживали за картами цѣлыя ночи напролетъ.

Кромѣ названныхъ выше лицъ, въ Варнавинскомъ уѣздѣ были еще землевладѣльцы и помѣщики, однако, крупные владѣльцы, обладавшіе громадными лѣсами, въ уѣздѣ не жили; но всеже нѣкоторые, занимая уѣздныя должности, какъ предводитель дворянства, такъ и ми-

ровой судья и предсѣдатель съѣзда имѣли въ уѣздѣ постоянное мѣстопребываніе, хотя весьма впрочемъ условиое. Такъ, напримѣръ, мировой судья и вмѣстѣ предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей занимался сплавомъ своего лѣса. Раиией весиой оиъ грузилъ бѣляну, закрывалъ судъ, останавливалъ отправленіе правосудія и самъ везъ свой товаръ для продажи въ Царицынъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ этимъ представителемъ правосудія, показавшимъ мнѣ и свою бѣляну съ тремя нзбамн на палубѣ, изъ коихъ двѣ заиималъ онъ самъ, (въ одной жнлъ, въ другой была устроена кухня и помѣщалась прислуга), а третью занималн рабочіе — сплавщики. Такая бѣляна двигалась теченіемъ воды и направлялась въ фарватеръ спереди рулемъ, а сзади привѣшеннымъ въ кормѣ чугуннымъ шаромъ, который своею тяжестью скатывался въ наиболѣе глубокія мѣста рѣки и поворачивалъ всю лодку, держа ея корму по фарватеру. Легко себѣ представить сколько времени требовалось, чтобы пройти пространство отъ Варнавина до Царицына, если даже плаваніе было благополучно. Но случалось, что бѣляна садилась на мель; приходилось выгружать значительную часть лѣса, чтобы облегчить судно и сдвинуть его въ фарватеръ. А случалось и такъ, что, пока удавалось выгрузить и вновь нагрузить бѣляну, вода въ Волгѣ спадала и положеніе становилось еще болѣе труднымъ.

На бѣляну грузятъ всякое дерево: бревна, доски, разную мелочь, даже березовыя оглобли. Въ Царицынѣ все это продается вмѣстѣ съ бѣляной и выручается отъ 40 до 50 т. рублей. Нѣкоторые владѣльцы гонятъ по нѣскольку барокъ. Продажа лѣса составляетъ главную статью дохода землевладѣльцевъ Варнавинскаго уѣзда н промысломъ этимъ заняты казна, удѣлы и частные владѣльцы. Крестьянство между тѣмъ живетъ отхожимъ промысломъ, хотя земледѣліе остается въ сознаніи крестьянина его основнымъ занятіемъ, связь съ которымъ онъ поддерживаетъ силами семьи, остающейся дома. Между прочимъ, здѣсь немало сѣютъ яровую пшеницу, дающую порядочный урожай. Само собою разумѣется, что во время моего пребыванія въ Варнавинѣ я не видѣлъ ни одного плуга и ни одного болѣе усовершенствованиаго земледѣльческаго орудія: все та же соха и деревянная борона. Около перваго октября возвращается много народа изъ отхожаго промысла, и въ праздникъ Покрова городъ Варнавинъ переполненъ народомъ, въ трактирахъ гремитъ музыка и по временамъ оттуда выносятъ совершенно опьянѣвшихъ людей, укладываютъ въ телѣги и бабы увозятъ ихъ домой. Въ ближайшія деревни, кто можетъ, отправляется, пошатываясь, пѣшкомъ; мнѣ передавали, что шатаются нерѣдко совсѣмъ трезвые, такъ какъ въ деревнѣ считается неудобнымъ не быть выпивши въ день Покрова, ибо это было бы признакомъ недостатка средствъ. Я не могъ провѣрить, дѣйствительно-ли быть въ извѣстномъ случаѣ пьянымъ считалось здѣсь «хорошимъ тономъ» среди крестьянства, такъ какъ мое поднадзорное положеніе не допускало сближенія съ народомъ, чтобы не повредить ему въ глазахъ всякаго рода начальства. А между тѣмъ,

съ самаго начала моего прибытія я былъ заинтересованъ мѣстными нравами, такъ какъ Варнавинскій уѣздъ расположенъ по сосѣдству съ общеизвѣстными Керженскими лѣсами, гдѣ жизнь русскихъ людей древняго благочестія послужила темою интереснаго описанія — «Въ лѣсахъ» Мельникова. Населеніе Варнавинскаго уѣзда принадлежитъ къ раскольникамъ-безпоповцамъ, скиты которыхъ ютились подъ защитой лѣсныхъ дебрей и непроходимыхъ болотъ по рѣкѣ Керженцу. Но, не смотря на лѣсныя дебри и непроходимыя болота, всѣ эти скиты были хорошо извѣстны мѣстной полиціи, для которой они служили постояннымъ источникомъ дохода, далеко превышавшаго ихъ казенное жалованье. Мнѣ разсказывалъ мѣстный исправникъ, какъ, будучи еще становымъ, онъ ловилъ «раскольничьяго попа» и собственноручно вытащилъ его за ноги изъ подъ печи. По существу этотъ вовсе не злой, скорѣе добрый человѣкъ, едва ли грабившій раскольниковъ, разсказывалъ объ этой ловлѣ какъ настоящій охотникъ, перехитрившій хищнаго звѣря, ловкимъ маневромъ сострунивъ его. Ловля «раскольничьихъ поповъ» была своего рода спортомъ, притомъ особенно выгоднымъ, такъ какъ это былъ сверхъ-платный бенефисъ полиціи. Въ то время, когда я жилъ въ Варнавинѣ, все это было уже преданіемъ, правда недалекимъ, но всеже перестало быть дѣйствительностью; тѣмъ не менѣе особое семейное положеніе раскольниковъ-безпоповцевъ, созданное закономъ о регистраціи браковъ въ полиціи, было въ высшей мѣрѣ нежелательное, такъ какъ давало возможность разрушить семью въ любой моментъ. По словамъ того-же исправника, браки раскольниковъ-безпоповцевъ совершались подъ «ракитовымъ кустомъ», такъ какъ большинство браковъ заключалось безъ полицейской регистраціи, въ которой раскольники видѣли только профанацію религіи, а не гражданскій актъ. Создавая законъ о бракахъ раскольниковъ, правительство не могло избрать болѣе неудачнаго исполнительнаго органа, какъ ненавистную и всѣми презираемую полицію.

11-е іюня — день посвященный памяти св. Варнавы, покровителя города и уѣзда. Въ этотъ день въ Варнавинѣ ярмарка въ полномъ смыслѣ деревенская, такъ какъ тутъ идетъ торгъ исключительно деревенскимъ товаромъ. Но здѣсь мнѣ удалось видѣть торгъ совершенно особаго рода, котораго я раньше не встрѣчалъ. На торговой площади вокругъ церкви, гдѣ размѣстились балаганы съ товаромъ и гдѣ толпился народъ, выстроились въ длинный рядъ женщины, большей частью не первой молодости и рѣшительно не отличающіяся красотой. Впрочемъ, въ Варнавинѣ за все время моего пребыванія я не встрѣчалъ ни одной женщины и ни одной дѣвушки сколько нибудь миловидной, тогда какъ большинство мужчинъ отличаются если не красотой, то строгостью и выразительностью своихъ лицъ. Женщины были тщательно наряжены и стояли неподвижно. Мимо нихъ проходили мужчины тоже не молодые, но всеже постарѣе ихъ и разсматривали ихъ совершенно такъ, какъ разсматривали приведенныхъ на продажу лошадей или коровъ

Простоявъ нѣкоторое время, женщииы исчезали, потомъ появлялнсь снова, но уже въ другихъ нарядахъ и такъ дѣлали нѣсколько разъ въ теченіе долгаго іюньскаго дня. Онѣ показали на себѣ всѣ свои наряды, все свое приданое. Это были дѣвушки, по какой либо причинѣ не вышедшія замужъ, но желающія имѣть свое гнѣздо, хотя бы взявъ на себя тяжелую долю замужества за многосемейнаго вдовца или какого нибудь неудачннка или пьяницу, за котораго никакая мѣстная дѣвушка не пойдетъ, но этимъ дѣвушкамъ-неудачницамъ, которымъ счастье дома не улыбнулось, былъ одннъ выходъ — остаться до старостн однноной, безсемейиой. На ярмаркѣ сватовство совершалось съ такой же быстротой, какъ всякая другая хозяйствениая сдѣлка, и супругъ увозилъ свою новую спутницу со всѣмъ ея приданымъ къ себѣ домой.

Кажется, въ іюиѣ пріѣхалъ ко мнѣ въ Варнавннъ мой близкій другъ, 8аснлій Алексѣевичъ Савичъ и привезъ съ собою моихъ двухъ дѣтей: Сережу н Наташу и прн нихъ Каролину Ивановну. Не помню, сколько времеин онн прогостнли у меня, но во всякомъ случаѣ недолго, такъ какъ Савнчъ былъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, несъ обязаниость, принятую имъ на себя послѣ моего ареста и ссылнн. Съ глубокой душевной скорбью я вспоминаю зтого ие только блнзнаго мнѣ друга, но и одного изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые всего себя отдавали служенію роднпѣ, ие щадя нн своихъ средствъ матеріальныхъ, нн своихъ силъ. Онъ не былъ уроженцемъ нашего Борзенскаго уѣзда, но принадлежалъ къ дворянству почтн сосѣдняго съ иашимъ Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Чуть ли не одновременно съ моимъ пріѣздомъ въ 1866 году на постоянное жнтельство въ с. Плиску, гдѣ я провелъ и свое дѣтство, В. А. Савичъ купилъ въ сѣверной части Борзенскаго уѣзда имѣніе прн селѣ Головенькѣ н тамъ устроился съ женой, Марьей Ннколаевной, рожденной Александровнчъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда я познакомился съ нимъ, но не могу прнпомнить, при какихъ обстоятельствахъ это произошло. Одно несомнѣнно, что мы чрезвычайио скоро сблизились и съ тѣхъ поръ до самой его кончины въ 1886 году мы оставались друзьями, и я не знаю человѣка, который былъ бы такимъ вѣрнымъ н самоотверженнымъ другомъ, какъ В. А. Савичъ. Оиъ былъ немного старше меня годамн, но мы познакомились, когда мнѣ было около 25 лѣтъ, а ему, вѣроятно, немного болѣе 30-ти. Онъ окончнлъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ и уѣхалъ иа службу офицеромъ на Кавказъ, гдѣ раньше служилъ его родственннкъ, декабрнстъ Якубовичъ. Я почти ничего не знаю о его навназской службѣ, но, зная его характеръ, не сомнѣваюсь, что это былъ офнцеръ, который не пожалѣлъ бы своей жизни, исполняя свой долгъ. Это былъ вдумчивый и необыкновенно сердечный человѣкъ, глубоко преданный родинѣ, истинно гуманный, готовый на всѣ жертвы ради освобожденія Россіи отъ самодержавія, держащаго русскій народъ въ состояніи невѣжества и безправія. Пронннкновеніе зтимъ чувствомъ дѣлало нзъ него твердаго въ своихъ принципахъ обществен-

наго дѣятеля, не опасавшагося никакихъ личныхъ для себя послѣдствій, настойчиваго и послѣдовательнаго въ своихъ поступкахъ. Онъ былъ послѣдователенъ не только въ жизни, но и въ смерти. Я видѣлся съ нимъ послѣдній разъ въ Кіевѣ, когда онъ объяснилъ мнѣ, что, оставшись одинъ въ Борзенскомъ уѣздѣ и сознавая, что совершенно безсиленъ справиться съ теченіемъ, которое все болѣе беретъ верхъ и которое противорѣчитъ всѣмъ его убѣжденіямъ, да и, кромѣ того, потерпѣвъ крушеніе и въ своей семейной жизни, въ чемъ вся вина падаетъ на него, — онъ считаетъ, что не можетъ болѣе жить, такъ какъ не хочетъ сдѣлать изъ своей жизни нѣчто зависимое отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и людей, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго; не видя выхода изъ противорѣчія, которое онъ считалъ неразрѣшимымъ, онъ рѣшилъ умереть, какъ только устроитъ свои семейныя дѣла. Я долго убѣждалъ его отказаться отъ такого рѣшенія, но чувствовалъ, что это рѣшеніе принято имъ безповоротно и умолялъ только не спѣшить, передумать еще разъ всѣ данныя, положенныя имъ въ основу своего рѣшенія. На это онъ мнѣ сказалъ, грустно улыбаясь: «теперь уже поздно, я не думаю, чтобы я могъ найти какое либо новое обстоятельство, которое измѣнило бы мое рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ я васъ уведомлю своевременно.» Послѣ этого я видѣлъ его только въ гробу съ прострѣленнымъ правымъ вискомъ. Я провожалъ его до могилы на кладбище въ Борзнѣ, расположенное непосредственно за городомъ. Онъ потерялъ вѣру въ себя и не чувствовалъ въ себѣ силы, чтобы бороться одному въ полѣ. Это чувство и привело его къ роковому рѣшенію. А разъ онъ его принялъ, онъ привелъ его въ исполненіе.

Какъ ни деликатно ко мнѣ относилась варнавинская полиція и какъ ни любезны были со мною варнавинскіе нотабли, все же въ положеніи ссыльнаго и поднадзорнаго постоянно гнететъ мысль о томъ, что въ любой часъ дня и ночи можетъ войти въ мою квартиру полицейскій чинъ, сдѣлать обыскъ, произвесть «выемку», т. е. захватить бумаги, переписку, все, что онъ сочтетъ подозрительнымъ и требующимъ его разслѣдованія; что нельзя выйти за городъ, что получаемая почта можетъ быть задержана, а полученныя письма прочтены исправникомъ раньше, чѣмъ переданы мнѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ моего прибытія, я не замѣчалъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ надзора за мною, но къ осени положеніе измѣнилось. Полиція получила распоряженіе объ усиленіи надзора за ссыльными и поднадзорными и даже ассигновку на наемъ надзирателей для этой цѣли. Такъ какъ въ Варнавинѣ ссыльныхъ было только трое: я, полякъ Мошинскій и уніатъ Павлюкъ, то нашъ надзиратель сосредоточилъ свой надзоръ преимущественно за мною, ходилъ за мной, куда бы я ни пошелъ, или сидѣлъ весь день у воротъ дома, въ которомъ я жилъ. Онъ получалъ жалованье болѣе высокое, чѣмъ другіе городовые и не хотѣлъ лишиться мѣста. Со мною онъ никогда не разговаривалъ, но двигался, какъ моя

тѣнь и до того надоѣлъ мнѣ, что я почти пересталъ выходить изъ дома.

Въ теченіе лѣта въ городѣ происходило уѣздное земское собраніе подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Кочукова, отставного гвардейскаго офицера. Объ этомъ представителѣ мѣстнаго «первенствующаго» сословія ходили удивительные слухи. Разсказывали, что онъ велъ крайне распутную жизнь и занимался «умыканьемъ» бабъ и дѣвушекъ, т. е. имѣя при себѣ нѣсколькихъ молодцовъ, онъ налеталъ на высмотрѣнную жертву и увозилъ къ себѣ. Затѣмъ начинались переговоры съ мужемъ или, если похищенная была дѣвушка, — съ родителями. Обыкновенно, будто-бы, сходились въ цѣнѣ и похищенную отвозили домой. Сколько правды въ такихъ разсказахъ — не знаю; думаю, что какой нибудь одинъ случай въ воображеніи людей превратился въ постоянный способъ захвата женщинъ. Но во всякомъ случаѣ, репутація предводителя, а, по закону, и руководителя мѣстной жизни и народнаго воспитанія, — была незавидная. Вотъ этотъ самый умыкатель и предсѣдательствовалъ на земскомъ собраніи. Въ Варнавинѣ не было помѣщенія, гдѣ бы могли удобно собраться тридцать пять гласныхъ, считая въ томъ числѣ представителей казны, удѣловъ и духовнаго вѣдомства. Поэтому собраніе происходило въ двухъ комнатахъ: въ первой засѣдали гласные отъ крестьянъ и тутъ же сидѣла и публика, состоявшая изъ управскихъ служащихъ и 3-5 постороннихъ зрителей, въ числѣ которыхъ находились Анастасія Сергѣевна и я. Въ слѣдующей довольно просторной комнатѣ, въ которой могли бы помѣститься, хотя и не очень удобно, и крестьяне-гласные, засѣдали земскіе нотабли: предводитель, управа, мировой судья, депутаты вѣдомствъ, во всякомъ случаѣ немного лицъ. Дверь между двумя комнатами была открыта, и мы помѣстились у самой двери, чтобы видѣть все происходящее и слышать пренія. Дѣла шли, такъ сказать, упрощеннымъ порядкомъ. Управа докладывала нотаблямъ, гласные же въ другой комнатѣ едва-ли могли слышать и внимательно слѣдить за докладами. Предводитель обращается къ нотаблямъ — не желаетъ ли кто нибудь что сказать. Обыкновенно — не желаютъ. Тогда предводитель громкимъ голосомъ обращается къ крестьянамъ: слышали докладъ? Согласны? Согласны. Затѣмъ слушается чтеніе слѣдующаго доклада и т. д. И земское собраніе въ одинъ-два дня, при дѣятельномъ руководительствѣ предводителя дворянства, благополучно заканчивается.

Уже внѣшній видъ земскаго собранія свидѣтельствовалъ съ полной ясностью, что въ самой организаціи земства заключалось слишкомъ много совершенно очевидныхъ недостатковъ. Земское Положеніе устанавливало сроки засѣданій и устанавливало ихъ, не обращая вниманія на то, что жизнь въ разныхъ углахъ Россіи полна разнообразія и бытовыхъ особенностей. Такъ въ Варнавинѣ земское собраніе должно было собираться, согласно закону, не позднѣе августа, между тѣмъ все крестьянское населеніе именно лѣтомъ уходило въ отхожій промыселъ,

т. е. оно не могло избирать гласныхъ изъ числа наиболѣе подходящихъ людей, а вынуждено было выбирать или людей, не уходящихъ на заработки, хотя бы они вовсе не годились для земскаго дѣла, или, избирая годныхъ, заранѣе обрекали земство на то, что избранные не будутъ посѣщать земскихъ собраній. Это было очевидно для даже неопытнаго наблюдателя, такъ какъ крестьянство сидѣло только для исполненія «повинности» и по требованію начальства. А между тѣмъ, крестьяне Костромской губерніи, проводящіе все лѣто въ Петербургѣ на работахъ, далеко не такъ были просты, какъ тамбовскіе или пензенскіе и достаточно много и видали, и слыхали, и умѣли за себя постоять, такъ что, если бы не уходъ въ столицу на весь строительный сезонъ, земское собраніе имѣло бы значительно иной составъ гласныхъ. Поэтому мнѣ кажется, что въ такихъ губерніяхъ или уѣздахъ собранія должны были бы происходить не въ лѣтнее рабочее время, а зимой, когда народъ свободенъ. И правило это одинаково относится и къ другимъ сословіямъ, какъ это можно было видѣть и въ Варнавинѣ, гдѣ даже мировой судья, предсѣдатель съѣзда, тоже отправлялся по Волгѣ въ Царицынъ сбывать продукты своего хозяйства — лѣсъ. Отнимите у него это право, и окажется, что этотъ самый судья и предсѣдатель будетъ вынужденъ отказаться отъ службы, которая не только не вознаграждаетъ его за всѣ потери, которыя онъ понесетъ въ своемъ хозяйствѣ, но не оплатитъ его труда и не дастъ ему даже минимальныхъ средствъ къ жизни. Для того, чтобы устраивать земскія собранія въ рабочую пору, нужно имѣть свободныхъ отъ работы людей, т. е. поставить условіе совершенно противорѣчащее и демократическимъ принципамъ и существующимъ условіямъ жизни. Составленіе бюджета надо подгонять къ жизни, а не жизнь подгонять къ бюджету, примѣненіе котораго могло бы начинаться не съ начала года, а съ апрѣля или даже съ іюля мѣсяца.

Я уже сказалъ, что, кромѣ меня, въ Варнавинѣ было еще два ссыльныхъ: Мошинскій и Павлюкъ, но я не упомянулъ еще одного, фамилію котораго я забылъ и который производилъ впечатлѣніе душевно больного. Исправникъ не могъ или не хотѣлъ объяснить мнѣ, что это за человѣкъ и за что онъ сосланъ, а равно и откуда онъ. Онъ былъ странно одѣтъ, почти въ лохмотья, что, впрочемъ, меня не удивляло, такъ какъ ссыльные изъ привилегированныхъ сословій получали въ мѣсяцъ 6 руб., а изъ непривилегированныхъ 3 руб. Этотъ человѣкъ получалъ 6 руб., значитъ былъ изъ привилегированныхъ, но можно ли было даже въ Варнавинѣ имѣть помѣщеніе, кормиться и одѣваться за 6 руб. въ мѣсяцъ? Понятно, что онъ голодалъ и былъ полураздѣтъ. Когда онъ видѣлъ меня идущимъ по улицѣ, онъ круто и испуганно поворачивалъ назадъ и быстро уходилъ. Всѣ его движенія имѣли какой-то неестественный характеръ, какъ и его взглядъ. Почему онъ избѣгалъ меня, я такъ и не узналъ, а онъ былъ мнѣ жалокъ и мнѣ хотѣлось ему помочь, но я не рѣшался обращаться къ нему, такъ какъ его видъ внушалъ мнѣ

увѣренность, что это былъ душевно больной. Такимъ же душевно больнымъ считалъ его и Мошинскій, жившій въ Варнавинѣ уже нѣсколько лѣтъ до меня. Мошинскій былъ варшавянинъ родомъ и патріотъ-полякъ, но безъ малѣйшаго враждебнаго чувства къ русскимъ. По образованію онъ былъ лѣсничій и занималъ это мѣсто гдѣ-то около Варшавы, когда вспыхнулъ польскій мятежъ 1863 г. Онъ примкнулъ къ революціи, участвовалъ въ бояхъ съ русскими и былъ взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Судился онъ, однако, не въ Польшѣ, а въ Литвѣ, въ Вильнѣ, гдѣ въ это время царилъ извѣстный гр. Муравьевъ-вѣшатель. Его приговорили къ смертной казни, но казнь была замѣнена 15 лѣтней каторжной работой, которую онъ отбывалъ на Карѣ въ Сибири. Онъ разсказывалъ мнѣ довольно много о своемъ пребываніи въ каторгѣ и, между прочимъ, говорилъ, что одновременно съ нимъ отбывалъ ее извѣстный русскій писатель, поэтъ и переводчикъ М. Л. Михайловъ, — на Карѣ и скончавшійся. Ему была высѣчена въ горѣ могила, гдѣ его и похоронили. Мошинскій былъ въ числѣ тѣхъ, которые устраивали эту могилу. По словамъ Мошинскаго, при немъ доставили на Кару и Чернышевскаго, увезеннаго въ ссылку изъ Кары раньше, чѣмъ окончился срокъ каторги Мошинскаго, который былъ освобожденъ до назначеннаго ему срока по какому-то манифесту, съ переводомъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ. Мошинскій увѣрялъ, что этотъ переходъ съ каторги на поселеніе былъ самымъ труднымъ моментомъ его жизни, такъ какъ на каторгѣ онъ былъ обезпеченъ кровомъ, кроватью и пищей, тогда какъ на поселеніе онъ былъ выброшенъ съ разными ограниченіями правъ, въ томъ числѣ и права свободнаго передвиженія, и безъ гроша денегъ, т. е. со всѣми шансами умереть отъ голода и холода. Но надежда возвратиться на родину придала ему энергіи въ борьбѣ за жизнь. Онъ сталъ заниматься приготовленіемъ самого простого мыла и сальныхъ свѣчей и продавать ихъ среди бурятъ. Мало по малу этотъ промыселъ далъ ему возможность не только существовать, но и откладывать деньги на возвращеніе въ Варшаву, ставшее его единственной мечтой. Пребываніе на каторгѣ сроднило его съ русскими, къ которымъ онъ сначала привыкъ, и которыхъ потомъ искренно оцѣнилъ и полюбилъ. Поселеніе среди бурятъ вернуло его къ мечтѣ о родинѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, опять былъ обнародованъ какой-то манифестъ, дававшій право ссыльно-поселенцамъ вернуться на родину. Онъ бросился добывать свое право, т. е. выправлять необходимые документы, но тутъ ему объявили, что для того, чтобы поляки вернулись на родину, они должны прожить два года подъ гласнымъ надзоромъ полиціи въ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Это было несогласно съ манифестомъ, гдѣ никакія ограниченія не упоминались. Въ виду этого Мошинскій обратился съ прошеніемъ къ иркутскому генералъ-губернатору, Синельникову, который на его ссылку на манифестъ возразилъ, что манифестъ для Европы, а онъ имѣетъ, кромѣ манифеста, опредѣленныя инструкціи правительства и не можетъ ихъ

нарушать. Ничего болѣе не оставалось, какъ подчиниться и поспѣшить съ отъѣздомъ, чтобы не удлинять двухгодичнаго срока возврата на родину. Мошинскій не хотѣлъ оставаться ни одного лишняго дня и, не успѣвъ собрать съ бурятъ-должниковъ денегъ, все бросилъ и выбралъ Костромскую губернію для своего двухгодичнаго пребыванія. Любопытно, что, выдавая Мошинскому документы на проѣздъ въ Кострому, сибирская администрація взяла съ него подписку въ томъ, что онъ никогда не возвратится въ Сибирь! По прибытіи въ Кострому, онъ получилъ распоряженіе губернатора отправиться на жительство въ г. Варнавинъ. Съ величайшимъ трудомъ и лишеніями онъ прожилъ здѣсь на отпускаемые ему казною 6 руб. въ мѣсяцъ положенные ему два года. Когда срокъ истекъ, онъ потребовалъ отъ полиціи документовъ на выѣздъ на родину. Мѣстный исправникъ объявилъ, что ничего по этому поводу не знаетъ и посовѣтовалъ обратиться къ губернатору. Мошинскій послалъ прошеніе губернатору. Отвѣта не послѣдовало. Мошинскій ждалъ его цѣлый годъ. Ему снова посовѣтовали обратиться къ министру вн. дѣлъ. Онъ обратился опять съ прошеніемъ къ министру. Отвѣта не послѣдовало, и несчастный Мошинскій ждалъ еще цѣлый годъ. На пятомъ году его варнавинскаго житія прибылъ я и засталъ его въ крайне удрученномъ состояніи. Онъ уже жалѣлъ, что выѣхалъ изъ Сибири, гдѣ послѣ извѣстнаго срока уже получилъ право передвиженія по всей Иркутской губерніи и зарабатывалъ достаточныя для жизни средства, тогда какъ въ Варнавинѣ онъ жилъ на положеніи поднадзорнаго, не имѣя права отлучаться никуда и не имѣя возможности найти себѣ ни занятія, ни заработка. Я говорилъ о положеніи Мошинскаго съ исправникомъ, но онъ повторилъ мнѣ ту же исторію и рекомендовалъ хлопотать въ министерствѣ. Въ Варнавинѣ меня навѣстила Анастасія Сергѣевна и тутъ выслушала отъ самого Мошинскаго его скорбную повѣсть. Его разсказъ она записала и рѣшила при первомъ же случаѣ обратиться къ шефу жандармовъ, генералу Дрентельну, что и выполнила при первой поѣздкѣ въ Петербургъ. Дрентельнъ выслушалъ разсказъ А. С. и сталъ увѣрять, что она ошибается и что этого не можетъ быть; но когда А. С. заявила, что онъ можетъ провѣрить ея разсказъ, онъ обѣщалъ, что сдѣлаетъ это и что, если все это окажется правдой, Мошинскій будетъ освобожденъ. Дѣйствительно, спустя недолгое время было получено распоряженіе о выдачѣ Мошинскому заграничнаго паспорта съ правомъ остановиться въ Варшавѣ въ теченіе одного мѣсяца, но безъ права возвратиться въ предѣлы Россійской Имперіи, т. е. Мошинскій, вмѣсто возвращенія на родину, навсегда изгонялся и изъ родины и изъ Россійской Имперіи! Синельниковъ оказался правъ: манифесты издаются для Европы, а для домашняго употребленія служатъ инструкціи. Мошинскій взялъ паспортъ и мы съ нимъ простились. У него не было денегъ для путешествія, а онъ собирался ѣхать въ Америку, гдѣ его братъ уже жилъ давно, успѣвъ спастись бѣгствомъ заграницу во время возстанія въ Польшѣ. Я ему въ этомъ помогъ и по-

лучилъ отъ него послѣ его отъѣзда два письма: одно изъ Варшавы съ сообщеніемъ, что ему продлили срокъ пребыванія въ Варшавѣ до трехъ мѣсяцевъ, другое уже изъ Америки. Онъ сообщалъ, что попалъ не въ тотъ Питсбургъ, въ которомъ былъ его братъ, и что это поставило его въ трудное положеніе. Послѣ этого письма я не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій. Живъ-ли онъ или давно умеръ въ чужой землѣ — не знаю.

Другой товарищъ мой по ссылкѣ, Павлюкъ, былъ простой крестьянинъ той части Польши, изъ которой потомъ была выкроена Холмская губернія. Онъ былъ уніатъ по религіи и несомнѣнный малороссъ по національности. Исторія его ссылки была кратка, но не менѣе, если не болѣе возмутительна. Уніатовъ обращали въ православіе и не индивидуально, а гуртомъ: вся деревня, безъ всякихъ разговоровъ, должна стать православной! Павлюкъ, однако, имѣлъ свои собственныя религіозныя воззрѣнія и отказался переходить изъ уніи въ православіе. Очевидно, для него религія была не обрядомъ, а дѣломъ души. Онъ съ другими сельчанами запротестовалъ и не хотѣлъ пустить русскаго попа въ свою церковь. Пришли драгуны, церковь взяли приступомъ, а Павлюка, какъ зачинщика, посадили въ острогъ. Когда онъ отсидѣлъ свой срокъ и его выпустили, у него умеръ ребенокъ, котораго онъ самъ похоронилъ, не желая, чтобы обрядъ погребенія совершалъ православный священникъ. Послѣ этого его выслали въ Костромскую губернію. Для простого крестьянина было нравственно труднѣе перемѣнить религію, чѣмъ для тѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, которыя выходили замужъ за русскихъ великихъ князей. И этотъ бѣдный крестьянинъ жилъ на получаемый трехрублевый паекъ, далеко отъ семьи, отъ родины, не жалуясь на всѣ лишенія, которыя ему пришлось выносить. Я бесѣдовалъ съ нимъ по малорусски и этого одного было достаточно, чтобы онъ привязался ко мнѣ. Я жилъ одинъ и предложилъ ему переселиться ко мнѣ. Онъ съ радостью согласился и не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы показать мнѣ свою благодарность и расположеніе. Такъ мы съ нимъ вмѣстѣ и прожили до самаго отъѣзда моего изъ Варнавина. Онъ, бѣдняга, остался, и о судьбѣ его я ничего не знаю; онъ былъ неграмотенъ и не могъ писать мнѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда В. А. Савича съ моими дѣтьми и ихъ воспитательницей К. И. Лукасъ, пріѣхала Анастасія Сергѣевна съ дочерью Софьей, тогда восьмилѣтней дѣвочкой, и съ моимъ старшимъ сыномъ Михаиломъ, ученикомъ кіевской 2-й гимназіи, 11 лѣтнимъ мальчикомъ. Это было для меня великой радостью и мы проводили очень пріятно время, не смотря на тѣсноту нашего помѣщенія, на отсутствіе мебели и самыхъ элементарныхъ удобствъ. Однако, кому-то въ Варнавинѣ это не нравилось, и на меня былъ посланъ въ Петербургъ доносъ, послѣдствіемъ котораго былъ пріѣздъ изъ Костромы жандармскаго полковника, получившаго распоряженіе произвести строжайшее разслѣдованіе. Объ этомъ я узналъ гораздо позд-

нѣе отъ самого исправиика, когда его уволили отъ службы. Оказывается, что жаидарм. полковинкъ Чалѣевъ былъ въ родствѣ съ исправникомъ, жеиа котораго была родной сестрой полковиика. Производя разслѣдоваиіе, полковиикъ уже потому посмотрѣлъ здраво иа доиосъ, что ему надо было прежде всего обѣлить своего шурииа. А когда поздиѣе доиосъ повторился, Чалѣева уже ие послали, а просто выгнали со службы человѣка, прослужившаго 30 лѣтъ и рѣшительио ии въ чемъ иеповиниаго передъ властью; эти доиосы имѣли едииственииую цѣль удалить исправника, — моя же особа и особа Аиастасіи Сергѣевиы при тѣхъ условіяхъ были только удобиой почвой для сочинеиія какой угодио исторіи.

Вспомнная свою вариавиискую жизнь, не могу ие разсказать двухъ случаевъ, ие лишеииыхъ интереса. Въ иоябрѣ мѣсяцѣ было произведеио въ Москвѣ покушеиіе иа жизнь императора Алексаидра ІІ-го Гартмаиомъ, устроившимъ подкопъ и проведшимъ мину подъ путь, которымъ слѣдовалъ по желѣзиой дорогѣ царь изъ Крыма въ Петербургъ. Случайно, какъ разъ въ деиь этого взрыва Анастасія Сергѣевиа, жившая въ Москвѣ, выѣхала ко миѣ въ Варнавииъ, когда вся Москва уже зиала о произведениомъ покушеиіи. На другой деиь по пріѣздѣ А. С. въ Варнавииъ исправиикъ зашелъ ко миѣ, и я спросилъ его, слыхалъ ли оиъ о московскомъ событіи. Оиъ былъ очеиь удивлеиъ н спросилъ, откуда я получнлъ этн свѣдѣнія. Я отвѣтилъ, что зиаю отъ А. С., которая вчера пріѣхала изъ Москвы. Исправиикъ вдругъ заволиовался.

— Какъ же это вы ие сказали миѣ вчера, вѣдь я получилъ бы Владиміра, такъ какъ поймалъ бы Гартмана! А теперь иаграду получилъ глазовскій исправиикъ, который на монхъ глазахъ схватилъ Гартмаиа, уже переѣхавшаго границу Вариавиискаго уѣзда. Получивъ распоряженіе захватить н арестовать Гартмаиа, произведшаго покушеиіе иа жизнь Государя и бѣжавшаго иа Вятку, я тотчасъ бросился иа почтовую станцію, узиалъ, что Гартмаиъ ѣдетъ подъ другимъ именемъ (тутъ оиъ иазвалъ мнѣ фамилію, которой я не помию), и поскакалъ вслѣдъ. Вижу, — вотъ тройка уже у самой грайицы иашей губериіи, а по ту стороиу тоже стоитъ и ждетъ тройка. Какъ только Гартманъ переѣхалъ въ Вятскую губерию, такъ глазовскій исправникъ и схватилъ его, а съ иимъ была и жеищина. А коли бы вы сказали миѣ вчера, я его и близко ие допустилъ бы до Вятской губ. Жаль, очеиь жаль, что вы ие сказали миѣ; получилъ бы Владиміра.

— Да откуда же А. С. могла зиать, что Гартмаиъ поѣдетъ иа Вятку? спрашиваю я.

— Да, точно, оиа ие могла зиать, бумага была секретиая, — сообразилъ исправиикъ, — а все таки жалко, что ие сказали.

Воображаемый Гартмаиъ, оказавшійся военнымъ топографомъ, ѣхавшимъ въ отпускъ съ женой въ Вятку, просидѣлъ мѣсяца два въ глазовской тюрьмѣ. Послѣ иаведеииыхъ справокъ въ Главиомъ Штабѣ въ Петербургѣ, лнчность военнаго топографа была устаиовлеиа и

его выпустили изъ тюрьмы, но въ отпускъ онъ уже не поѣхалъ, а рѣшилъ вернуться въ Петербургъ. Проѣзжая обратно черезъ г. Семеновъ, Нижегородской губ., онъ былъ опять задержанъ семеновскимъ исправникомъ, снова посаженъ въ тюрьму и оставался въ заключенiи, пока опять устанавливали его личность. При этомъ мнѣ разсказывали, что въ предписанiи московскаго генералъ губернатора была такая фраза: «И буде означенный Гартманъ окажется въ вашемъ уѣздѣ, чего Боже сохрани, то вы и т. д.» Злополучный военный топогрвфъ могъ повторить съ большимъ основанiемъ: Боже сохрани отъ такихъ ловцовъ, хватающихъ перваго попавшагося человѣка и цѣлые мѣсяцы томящихъ его въ тюрьмѣ! Не мудрено, что съ такой полицiей настоящiй Гартманъ безслѣдно исчезъ.

Еще лѣтомъ я получилъ изъ Петербурга отъ А. Ф. Линдфорса письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ слѣдующее. Его хорошiй знакомый или даже товарищъ по гвардейской службѣ, а въ это время управлявшiй канцелярiей мин. вн. дѣлъ, если не ошибаюсь, Перфильевъ, предложилъ ему написать мнѣ, что если я соглашусь принять мѣсто по назначенiю правительства предводителя дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Сѣвера-Западнаго края, то я буду немедленно назначенъ и буду освобожденъ отъ всякихъ ограниченiй, связанныхъ съ моею ссылкой. Линдфорсъ требовалъ отъ меня немедленнаго отвѣта, но совершенно правильно не выражалъ по этому вопросу никакого мнѣнiя. Я тотчасъ отвѣтилъ, что рѣшительно отказываюсь отъ предлагаемаго назначенiя, такъ какъ не считаю возможнымъ проводить политику правительства, которую считаю вредной для страны. Этимъ дѣло и кончилось, а его возникновенiе отношу къ попыткѣ Линдфорса освободить меня отъ ссылки.

Зима въ Варнавинѣ, начавшаяся съ 1 октября, когда выпалъ снѣгъ, была лютая. Масса снѣга и жестокiе морозы. Не разъ у меня замерзала ртуть въ термометрѣ. Тѣмъ не менѣе, А. С. въ теченiе зимы раза три навѣстила меня. Всякiй разъ, когда она уѣзжала изъ Варнавины, я очень боялся за нее, боялся морозовъ, а также и возможности разбоя и грабежа при проѣздѣ отъ Варнавина до Нижняго Новгорода, среди глухихъ лѣсовъ. Въ этомъ случаѣ мы устроились такъ, что ее провожала до Нижняго, а равно и встрѣчала въ Нижнемъ, нѣкая Надежда Гермогеновна, особа головой выше меня и размѣра, который долженъ былъ внушать уваженiе ямщикамъ. Это была хозяйка грошевой лавочки и крохотной избенки, дававшая прiютъ Мошинскому, который помогалъ ей за это въ ея торговыхъ дѣлахъ, такъ какъ она была неграмотная. Получая отъ насъ небольшую плату за проѣздъ въ Нижнiй и обратно, она всегда была этому очень рада, ибо зарабатывала этимъ способомъ значительно больше, чѣмъ приносила ей торговля. Одного можно было опасаться, что, въ случаѣ если сани опрокинутся, она своимъ грузомъ можетъ раздавить А. С.

Зима прошла. Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ и новое покушеніе на жизнь императора Александра II-го въ его собственномъ дворцѣ привели къ назначенію гр. Лорисъ-Меликова верховнымъ правителемъ. Это назначеніе отразилось и на моемъ положеніи, такъ какъ Лорисъ-Меликовъ приступилъ къ пересмотру дѣятельности 3-го Отдѣленія собств. канцеляріи императора и упразднилъ это самостоятельное учрежденіе, замѣнивъ его департаментомъ полиціи при мин. вн. дѣлъ. Въ первыхъ числахъ іюня 1880 г. я получилъ офиціальное предложеніе выбрать себѣ мѣсто жительства въ одномъ изъ трехъ городовъ: Владимірѣ, Ярославлѣ или въ Смоленскѣ, оставаясь подъ надзоромъ полиціи. Для меня былъ бы самымъ удобнымъ мѣстомъ Владиміръ, какъ городъ ближайшій къ Москвѣ. Но въ немъ былъ губернаторомъ нѣкто Судьенко, прежде бывшій вице-губернаторомъ въ Черниговѣ во время губернаторства Панчулидзева, съ которымъ онъ, по обычаю всѣхъ вице-губернаторовъ, находился въ контрахъ и потому въ дружескихъ отношеніяхъ съ земской оппозиціей. Я опасался, что Судьенко можетъ вообразить, что г. Владиміръ выбранъ мною въ разсчетѣ на его покровительство, что ставило бы и его и меня въ ложное положеніе. Въ виду этого г. Владиміръ былъ исключенъ изъ моего выбора и надо было выбирать между Ярославлемъ и Смоленскомъ. Лютая зима 1879-80 года убѣдила меня избрать Смоленскъ, городъ болѣе теплый, одинаково неизвѣстный мнѣ, какъ и Ярославль. Мои сборы были непродолжительны. За мною пріѣхалъ, чтобы сопровождать меня въ Смоленскъ, мой братъ, и въ началѣ іюня мы съ нимъ тронулись въ путь, точно такъ же, какъ и пріѣхали на двухъ тройкахъ, изъ которыхъ на одной помѣстились мы съ братомъ, а на другой два сопровождавшихъ меня городовыхъ, которые должны были доставить меня въ Смоленскъ. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый, который былъ приставленъ ко мнѣ еще въ Варнавинѣ и ходилъ за мной, какъ тѣнь, лишая меня удовольствія бродить безъ наблюдателя. На слѣдующій день мы были уже въ Нижнемъ. Переѣзжая черезъ Волгу на паромѣ, я узналъ отъ своего проводника, что имъ получены деньги на доставку меня по желѣзной дорогѣ въ первомъ классѣ; при чемъ, само собою разумѣется, и мои спутники должны были ѣхать вмѣстѣ со мной. Тутъ мнѣ пришла въ голову мысль предложить имъ получить отъ меня прогоны за почтовую тройку до Нижняго и всю плату за проѣздъ по желѣзной дорогѣ, если они оставятъ насъ въ покоѣ, возьмутъ на себя доставку нашихъ вещей и предоставятъ мнѣ и брату свободу побродить по Нижнему безъ провожатыхъ и ѣхать въ томъ же поѣздѣ, но отдѣльно отъ нихъ. Въ Нижнемъ намъ съ братомъ хотѣлось посѣтить Владиміра Галактіоновича Короленко, который, по слухамъ, былъ освобожденъ изъ вышневолоцкой тюрьмы и поселился въ Нижнемъ. Къ сожалѣнію слухъ оказался невѣрнымъ. Владиміра Галактіоновича мы не застали въ Нижнемъ. Насъ приняли его мать и жена. Мать В. Г. произвела на насъ чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе. Въ молодости она, вѣроятно, была

красива, но и теперь ея лицо сохранило эти слѣды, но можетъ быть еще больше сохранило выраженіе ума и большой доброты, той самой доброты, которую она полностью передала своему сыну. Мы посидѣли у нихъ не болѣе получаса, и, быстро осмотрѣвъ наиболѣе интересныя части города, отправились въ Кунавино за рѣкой Окой на станцію желѣзной дороги, соединяющей Нижній-Новгородъ съ Москвой. Для этого надо было переправиться на паромѣ черезъ Оку. Въ ту минуту, когда паромъ отчаливалъ, мы увидали нашихъ спутниковъ, только еще подъѣзжавшихъ къ берегу. Увидя насъ на паромѣ среди рѣки, они крикнули намъ, чтобы мы вернулись назадъ, видимо опасаясь, что переправившись мы сядемъ на первый поѣздъ и скроемся. Но мы весело имъ помахали и оставили ихъ на берегу въ растерянномъ видѣ. Спустя нѣкоторое время, испуганные, они прибѣжали на вокзалъ, но, увидя насъ спокойно обѣдающими, совершенно довѣрились намъ и ѣхали до Москвы и отъ Москвы до Смоленска въ другомъ вагонѣ, и не безпокоили насъ. На слѣдующій день утромъ, мы были уже въ Смоленскѣ.

ГЛАВА VII.

Смоленскъ. — Безобразовъ. — Кн. Друцкой. — «Смоленскій Вѣстникъ». — Полковникъ Есиповъ. — Убійство императора Александра II. — Возвращеніе Анастасіи Сергѣевны изъ-за границы. — Губернаторъ Тамара. — Подложныя письма. — Отъѣздъ А. С. въ Одессу. — Возвращеніе ея и отъѣздъ въ Петербургъ. — Отобраніе дочери. — Гр. П. П. Шуваловъ. — Контроль переписки. — Переѣздъ въ Тверь. —

Послѣ исполненія всѣхъ требуемыхъ формальностей, т. е. явки къ полиціймейстеру и въ канцелярію губернатора, гдѣ я получилъ паспортъ на жительство безъ обозначенія, что считаюсь подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, я отправился въ гостиницу, кажется, носившую названіе Европейской и считавшуюся лучшей въ городѣ. Мой братъ занялъ тамъ для меня номеръ, разобралъ вещи, словомъ, устроился какъ слѣдуетъ, имѣя въ виду мое продолжительное пребываніе.

Гостиница занимала двухэтажный домъ на Благовѣщенской улицѣ, ведущей отъ Днѣпра въ гору черезъ весь городъ до выѣзда въ противоположномъ концѣ черезъ такъ называемый Молоховскія ворота, открывающія дорогу на г. Красный. Расположеніе Смоленска надъ Днѣпромъ, по обоимъ его берегамъ, чрезвычайно красиво. Старый, настоящій Смоленскъ на лѣвомъ берегу, а жел. дорога, — Москва-Брестъ, идетъ по правому берегу, на которомъ расположенъ и вокзалъ. Оба берега очень высоки, но лѣвый сразу поднимается, образуя крутой въѣздъ въ городъ, тогда какъ правый представляетъ долину рѣки, постепенно поднимающуюся въ гору. При въѣздѣ въ городъ расположены ворота, на которыхъ помѣщается церковь. Наполеонъ, занявъ городъ, изъ этой церкви стрѣлялъ по отступавшимъ русскимъ войскамъ. Весь городъ обнесенъ громадной кирпичной стѣной, выстроенной въ концѣ XVI вѣка Борисомъ Годуновымъ, съ огромными башнями на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Все это придаетъ совсѣмъ особый видъ городу, утопающему въ зелени. Видъ на Днѣпръ и его извивающуюся блестящую ленту среди возвышенностей, поросшихъ мѣстами деревьями, необыкновенно привлекателенъ.

Внутри городъ не отличается красотой, а его строенія, за исключеніемъ стариннаго собора, великолѣпно поставленнаго на горѣ, отличаются шаблонностью захудалыхъ губернскихъ городовъ. Украшеніемъ Смоленска служитъ очень большая четырехугольная площадь, которую нельзя назвать ни садомъ, ни паркомъ, ни лугомъ, но скорѣе всего это лугъ, обсаженный по краямъ съ четырехъ сторонъ великолѣпными аллеями, широкими и длинными, составлявшими мѣсто прогулки. Уже послѣ моего отъѣзда изъ Смоленска на срединѣ этой площади, носившей названіе «Блонье», поставили памятникъ знаменитому композитору М. И. Глинкѣ, уроженцу Смоленской губерніи.

За Блоньемъ расположенъ, такъ называемый, Лопатинскій садъ,

разбитый на одномъ изъ бастіоновъ, защищавшихъ Смоленскъ при наступленіи Наполеона.

Устроивъ меня въ Смоленскѣ, мой братъ уѣхалъ въ Тверь, а я остался въ городѣ, гдѣ у меня не было ни души знакомой. Но, купивъ на улицѣ газету «Смоленскій Вѣстникъ», я рѣшилъ пойти въ редакцію, гдѣ я могъ найти для себя какую нибудь работу.

Редакторъ и издатель газеты Алексѣй Ивановичъ Елишевъ, молодой человѣкъ довольно пріятной наружности и атлетическаго тѣлосложенія, принялъ меня весьма любезно и просто. Я разсказалъ ему, что нахожусь въ Смоленскѣ не по доброй волѣ, ровно никого не знаю, ищу подходящей работы. Вообще, мы разговорились, онъ сообщилъ, что ѣздилъ въ Америку въ качествѣ простого рабочаго и вернувшись завелъ газету, въ которой, по американскому обычаю, соединяетъ въ своемъ лицѣ и издателя, и редактора, и корректора, и конторщика. Въ концѣ концовъ, мы скоро сговорились: ни онъ, ни я не беремъ на себя никакихъ обязательствъ, но я могу работать въ газетѣ: т. е. писать, прочитывать статьи, доставленныя въ редакцію и т. д. Я былъ очень доволенъ, найдя такое занятіе, и рѣшилъ испробовать свои силы въ газетномъ дѣлѣ, очень подходящемъ для моихъ цѣлей.

Очень скоро послѣ моего пріѣзда въ Смоленскъ, пріѣхалъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ. Въ эпоху «великихъ реформъ» онъ пользовался извѣстностью, какъ писатель по экономическимъ вопросамъ и публицистъ. Съ нимъ велъ полемику Н. Г. Чернышевскій за его манчестерскія воззрѣнія. Лично я до сихъ поръ никогда не встрѣчалъ его, но теперь, когда онъ собирался въ Смоленскъ по какому-то порученію министра финансовъ, Бакунины, его родственники, просили его розыскать меня въ Смоленскѣ и, если нужно, оказать мнѣ всякую помощь. Безобразовъ былъ не только экономистъ и публицистъ, но и сенаторъ, поэтому, какъ только онъ пріѣхалъ, къ нему явился полиціймейстеръ, къ которому Вл. Пав. и обратился съ вопросомъ, не знаетъ-ли онъ, гдѣ я живу. Полиціймейстеръ сказалъ ему, что я живу въ той-же гостиницѣ, гдѣ остановился и онъ, Безобразовъ. Какъ только полиціймейстеръ ушелъ, Безобразовъ появился въ моемъ номерѣ и объявилъ, что имѣетъ порученіе отъ Павла Александровича Бакунина и готовъ оказать мнѣ всякое содѣйствіе. Я поблагодарилъ его и отвѣчалъ, что мнѣ собственно ничего не нужно, что я уже устроился и что имѣю занятіе въ мѣстной газетѣ. Съ этого дня Безобразовъ сталъ заходить ко мнѣ ежедневно, даже по нѣскольку разъ въ день. Мы много бесѣдовали особенно по земскимъ вопросамъ, которыми онъ очень интересовался, а по вечерамъ ходили въ Лопатинскій садъ, гдѣ онъ обыкновенно требовалъ бутылку краснаго вина, изъ которой одинъ стаканъ выпивалъ я, а два остальныхъ выпивалъ онъ. Вино его оживляло и онъ мнѣ до глубокой ночи разсказывалъ о своихъ отношеніяхъ ко двору «Константиновичей». На одинъ или два дня онъ уѣзжалъ на Ярцевскую фабрику Хлудова, собиралъ тамъ какіе-то матеріалы, потомъ снова вернулся

въ Смолеискъ, гдѣ въ общемъ провелъ болѣе недѣли. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по Александровскому лицею, духовщиискимъ предводителемъ дворянства, — княземъ Петромъ Петровичемъ Друцкимъ-Соколнискимъ-Ромейко-Гурко. Этотъ князь съ четырехчленной фамиліей сразу обиаружилъ ко мнѣ величайшую симпатію и сталъ посѣщать меня также ежедневно. Онъ показался мнѣ большимъ чудакомъ и за все трехлѣтнее мое пребываніе въ Смолеискѣ никогда не измѣнилъ самаго дружескаго отношеиія ко миѣ, ие смотря на то, что на все мы смотрѣли съ противоположиыхъ точекъ зрѣнія. Но онъ выслушивалъ мои возраженія и даже нападенія на его воззрѣнія иеобыкновенио добродушно и никогда не сердился. Я не понималъ тогда, какъ не понимаю и до сихъ поръ, что привлекало его ко миѣ. Но я никогда не сомиѣвался, что въ его влеченіи ничего не было ии напускного, ни расчетливаго. Первый годъ, когда я жилъ одиноко въ Смоленскѣ, онъ часто заходилъ ко мнѣ, читалъ мнѣ свои переводы изъ сочиненій англійскаго поэта Попа и просилъ поправлять его переводъ въ отношеиіи русскаго языка. Приходилъ и по другому случаю: послѣ завтрака у мѣстнаго архіерея, его пріятеля, повидимому, любившаго шампанское, онъ заходилъ ко мнѣ, садился въ кресло или ложился на диванъ и засыпалъ. Кажется, онъ боялся являться домой послѣ такихъ завтраковъ у архіерея, къ супругѣ, дамѣ довольно строгой, и искалъ убѣжища у меия. Глядя на его геркулесовскую фигуру съ желѣзной палкой въ пудъ вѣсомъ и внушительиой манерой держать себя, миѣ всегда казалось, что онъ мнитъ себя не дворянскимъ предводителемъ духовщинскаго уѣзда и не просто княземъ, а удѣльнымъ киаземъ Смолеиской земли. Въ своей Духовщинѣ, во время рекрутскаго набора найдя неисправности въ какихъ-то волостныхъ спискахъ, оиъ, не долго размышляя, поставилъ въ присутствеиной комнатѣ волостного старшину и волостного писаря на колѣни! Само собою разумѣется, это вызвало скандалъ, но пострадавшіе не посмѣли ослушаться. Тѣмъ не менѣе, по этому поводу началось дѣло, окончившееся тѣмъ, что Сенатъ сдѣлалъ ему выговоръ.

По окончаніи набора Друцкой вериулся въ Смолеискъ и прямо съ вокзала заѣхалъ ко мнѣ.

— Слыхали? спросилъ онъ съ виноватой улыбкой.

— Слыхалъ, и иахожу, что для такого поступка нѣтъ и не можетъ быть иикакого оправдаиія.

— Знаю, ну что будете дѣлать? вѣдь эти подлецы не по ошибкѣ сдѣлали невѣрную запись, а сознательно плутовали. Знаю, что будетъ жалоба: ее устроятъ мои доброжелатели; ну, что-же? отвѣчу, а стерпѣть не могъ такой пакости.

И я не сомнѣвался, что онъ дѣйствительио ие могъ стерпѣть, потому что былъ самодуръ, взращенный крѣпостнымъ правомъ и богатствомъ, и очень мало смягченный образованіемъ, не смотря на природиый умъ и доброе сердце. Онъ зналъ на память многихъ поэтовъ Ан-

гліи и Франціи, и въ то же время оставался русскимъ дикаремъ 17-го вѣка, сохраняя всю непосредственность своей природы, устоявшей передъ всѣми вліяніями цивилизаціи.

Вотъ этотъ чудакъ въ самомъ началѣ нашего знакомства, когда Безобразовъ еще оставался въ Смоленскѣ, задумалъ устроить обѣдъ въ честь его, какъ своего стараго товарища. Къ обѣду онъ пригласилъ всѣхъ нотаблей города: губернатора, вице-губернатора, городского голову, жандармскаго полковника, предсѣдателя суда, прокурора, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго госуд. имуществами, словомъ, всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, а наканунѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ убѣдительно звать меня. Я, конечно, на отрѣзъ отказался, но онъ продолжалъ просить и приставать, чтобы я далъ слово, что буду. Мнѣ было непріятно, слова я не далъ и онъ уѣхалъ. Послѣ его отъѣзда ко мнѣ пришелъ Безобразовъ, и я сразу замѣтилъ, что онъ знаетъ о моемъ приглашеніи и былъ смущенъ. Я тотчасъ сказалъ ему, что онъ можетъ быть покоенъ, такъ какъ я не поѣду. На слѣдующій день, за часъ до обѣда, я послалъ къ Друцкому письмо, что по нездоровью ни въ какомъ случаѣ не могу быть. Каково-же было мое удивленіе, когда передъ самымъ обѣдомъ ко мнѣ явился Друцкой и объявилъ, что заѣхалъ за мною и безъ меня не уѣдетъ! Какъ ни убѣждалъ я его и какъ ни просилъ уволить меня отъ такого непріятнаго положенія, онъ не унимался и продолжалъ говорить, что я обижу его, особенно теперь, когда всѣмъ извѣстно, что въ числѣ приглашенныхъ буду и я.

Я имѣлъ слабость уступить и поѣхалъ съ нимъ. За обѣдомъ онъ усадилъ меня рядомъ съ собою и все время бесѣдовалъ со мною, оказывая мнѣ всѣ знаки вниманія. Я видѣлъ злобную и кислую физіономію губернатора Тамары и нѣсколько смущенныя лица гостей, но обѣдъ прошелъ гладко, съ единственнымъ тостомъ за здоровье Безобразова. Мнѣ кажется, что мысль свести меня за своимъ столомъ съ губернаторомъ и всѣми чинами города у него явилась, какъ одно изъ его самодурствъ. Ему хотѣлось показать свое отвращеніе къ губернатору Тамарѣ, котораго онъ терпѣть не могъ. Ему было пріятно видѣть этого администратора, котораго онъ посадилъ рядомъ съ поднадзорнымъ и ссыльнымъ: самодуръ стараго русскаго типа не выносилъ самодуровъ современной власти со всѣми признаками ея разложенія и безсилія.

Во время дворянскихъ выборовъ его домъ былъ биткомъ набитъ дворянами, которыхъ онъ привозилъ, содержалъ, т. е. кормилъ и поилъ, и даже, какъ говорили, одѣвалъ въ запасные дворянскіе мундиры, которые хранились у него спеціально для этой цѣли. Тѣмъ не менѣе, любовью «своего» дворянства, кажется, онъ не пользовался, но его уважали, какъ человѣка богатаго и державшаго себя очень независимо отъ всякаго начальства.

Спустя лѣтъ десять я слыхалъ, что князь Друцкой совершенно разорился и умеръ. Онъ умудрился прожить свое огромное состояніе, получить снова второе такое-же состояніе по наслѣдству отъ брата и тоже

прожить его, хотя онъ и его жена были людн бездѣтные и жили сравнительно скромно. Во всякомъ случаѣ, кн. П. П. Друцкой былъ самородокъ старины, слишкомъ опоздавшій родиться, не умѣвшій и ие успѣвшій приспособиться къ условіямъ нашего времени.

Лѣтомъ 1880 г. единственная дочь Анастасіи Сергѣевны, Софья, проводившая лѣто съ матерью въ Тамбовской губерніи, заболѣла тяжелой формой брюшного тнфа, чуть не сведшаго ее въ могилу. Однако, иеустанный уходъ и постоянный виимательный надзоръ матери и врача, д-ра Соколова, спасли ей жизнь, но, чтобы предупредить дурныя послѣдствія болѣзни, А. С. рѣшила везти ее иа югъ, въ Италію, гдѣ, во Флореиціи, и провела съ нею всю зиму и часть весны 1881 г.

Тѣмъ временемъ я втягивался въ газетную работу не какъ диллетантъ, а какъ заправскій журналистъ, и зтимъ путемъ все болѣе знакомился съ жизнью Смоленской губерніи, получая корреспонденціи изъ разныхъ уѣздовъ, часто негодныя для печати, но все же дававшія коекакія свѣдѣиія, чаще же получая корреспоиденціи недостаточио литературиыя, которыя приходилось исправлять. Къ числу послѣднихъ принадлежали сообщенія изъ г. Вязьмы отъ крестьянина, по ремеслу рукавичннка, кажется по фамиліи Горшковъ, чрезвычайно наблюдательнаго и всегда дававшаго интересные факты. Я тщательио исправлялъ его слогъ и могъ слѣдить, какъ съ каждой иовой корреспонденціей его изложеиіе стаиовились все грамотнѣе и лучше. Очеиь скоро всѣ сообщеиія этого крестьянина-корреспондента можно было посылать въ типографію, не читая въ рукописи, т. к. содержаніе ихъ всегда было интересно. Очевидно, оиъ тщательно перечитывалъ свои корресподенціи въ печати и по нимъ учился, какъ иадо писать. Это былъ самый лучшій и самый достовѣрный корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстиика», когда я работалъ въ немъ. Газета шла ие дурио, читалась и въ Смоленскѣ и въ губерніи, но не имѣла иикакой собственной организаціи для болѣе широкаго распространенія. Лично я никогда не входилъ въ дѣла по издательству газеты и не знаю поэтому, приносила-ли она доходъ своему издателю, или была въ убытокъ, но думаю, что если ие газета сама по себѣ, то вмѣстѣ съ типографіей, принадлежавшей тому-же Елишеву, она давала небольшой доходъ, вполнѣ достаточный для своего владѣльца. Правда, мой трудъ не оплачивался, ио Елишевъ и безъ моей помощи могъ бы одинъ справиться съ работой. Самъ Елишевъ былъ человѣкъ, который не то что не признавалъ принциповъ, а просто не имѣлъ ихъ, и въ данный моментъ былъ либераленъ, по сколько въ обществѣ дулъ либеральный вѣтеръ. Когда подулъ вѣтеръ съ противоположной стороны, Елишевъ оказался въ другомъ лагерѣ и писалъ статьи въ «Московсковскихъ Вѣдомостяхъ» у Грингмута. Это былъ «практическій человѣкъ», т. е. преслѣдовавшій опредѣлениыя матеріальиыя выгоды. Въ самомъ началѣ своей общественной и литературиой дѣятельности онъ поддѣлывался подъ либеральиое общественное мнѣніе, позднѣе-же, когда въ обществѣ, подъ вліяніемъ цареубійства, стали преобладать са-

мыя реакціонныя теченія, онъ постепенно пересталъ считать нужнымъ скрывать свои инстинкты и дошелъ до цинизма и наглости въ отрицаніи всего, передъ чѣмъ раньше приходилось склоняться. Работая со мною, онъ стѣснялся обнаруживать свое нутро, какъ потому, что ему было невыгодно потерять дарового работника, такъ и потому, что на общественной биржѣ, до убійства царя, либерализмъ котировался выше реакціи; тотчасъ же послѣ убійства Елишевъ нѣкоторое время еще колебался, не зная, какъ будетъ стоять курсъ, но подъ конецъ моего пребыванія въ Смоленскѣ стало уже ясно, что курсъ будетъ въ пользу реакціи и видно было, что Елишевъ былъ уже готовъ служить ей. Тѣмъ не менѣе, я пока еще продолжалъ работать въ газетѣ, находя, что для мѣстныхъ интересовъ кое-что можно сдѣлать, тѣмъ болѣе, что моя работа не подлежала контролю издателя.

Цензура, какъ всегда, была несносна, придирчива и мелочна. Она заставляла заготовлять матеріалъ для каждаго номера втрое больше, чѣмъ требовалось для одного, и только ножницы, т. е. вырѣзки изъ газетъ дѣлали возможной такую заготовку, хотя и въ этомъ случаѣ происходили курьезы, такъ какъ цензоръ (мѣстный вице-губернаторъ), случалось, не пропускалъ въ печать вырѣзки изъ «Правительственнаго Вѣстника». Въ большинствѣ случаевъ столкновенія съ цензурой происходили на почвѣ корреспонденцій изъ уѣздовъ. На мѣстахъ непривычка къ гласности производила переполохъ; начинался розыскъ автора, раздавались жалобы на газету, требованіе «сократить» ее или привлечь къ суду автора, всегда самаго непріятнаго человѣка для уѣзднаго офиціальнаго міра. Я помню случай, когда даже такой просвѣщенный и либеральный человѣкъ, какъ извѣстный профессоръ и писатель Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ обратился въ редакцію съ просьбой сообщить ему имя корреспондента, критически относящагося къ его хозяйственному распорядку. Я предложилъ, отвѣчая на это требованіе, напечатать какое угодно опроверженіе, но рѣшительно отказалъ въ сообщеніи фамиліи автора. Но А. Н. Энгельгардтъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и, будучи въ Смоленскѣ, лично заговорилъ по этому поводу, придавая своему желанію болѣе приличный видъ. Однако, редакція отказалась исполнить желаніе очень уважаемаго общественнаго дѣятеля. Сколько я помню, авторомъ корреспонденціи былъ рукавичникъ Горшковъ, выше мною упомянутый.

Работа въ редакціи мѣстной газеты неизбѣжно вела ко всякаго рода встрѣчамъ съ новыми людьми, хотя все время я старался быть сдержаннымъ въ своихъ сношеніяхъ съ новыми знакомыми, предпочитая позицію наблюдателя и тѣмъ болѣе, что будучи поднадзорнымъ и политически скомпрометтированнымъ, я не могъ быть увѣренъ, что мое знакомство будетъ пріятно. Мой первый обѣдъ у кн. Друцкого былъ для меня хорошимъ урокомъ, и я предпочелъ пересаливать въ сторону отрицательную, чѣмъ недосаливать въ положительную. Въ числѣ однихъ изъ первыхъ моихъ знакомыхъ былъ Александръ Александро-

вичъ Корниловъ, въ то время студентъ московскаго университета, а позднѣе, — профессоръ того же университета, извѣстный московскій врачъ и весьма яростный реакціонеръ. Будучи еще студентомъ, онъ мнилъ себя настоящимъ профессоромъ и держался важнымъ, самоувѣреннымъ, оцѣнивающимъ каждое свое слово, какъ нѣчто непогрѣшимое. Онъ былъ пріятелемъ Елишева и проводилъ лѣто 1880 года у своей родственницы О. Н. Крушевичъ, въ небольшой усадьбѣ верстахъ въ 5-ти отъ Сломенска на правомъ, крутомъ берегу Днѣпра. Госпожа Крушевичъ была уже пожилая, по виду болѣзненная и очень добрая женщина. Какъ Корниловъ, такъ и Елишевъ были у нея какъ свои люди, поэтому я принялъ ихъ приглашеніе поѣхать вмѣстѣ съ ними въ этотъ милый хуторокъ и былъ принятъ хозяйкой съ такою-же привѣтливостью, съ какой она, конечно, встрѣчала всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ и гостей. Послѣ перваго посѣщенія я бывалъ тамъ еще нѣсколько разъ; тамъ всегда были свѣжія новости изъ Москвы, и Корниловъ дѣлился ими со мною. Онъ былъ въ то время, какъ я сказалъ, еще студентомъ, но молодымъ человѣкомъ онъ, вѣроятно, никогда не былъ; разсказывалъ о студенческихъ сходкахъ, на которыхъ онъ всегда предсѣдательствовалъ, смотря на безпокойную и шумную студенческую молодежь сверху внизъ, снисходительно, но пока еще либерально. Мнѣ, однако, всегда казалось, что, ставъ профессоромъ, онъ едва-ли будетъ одобрять допущеніе самихъ сходокъ, считая почти невѣроятнымъ, чтобы нашелся ему достойный замѣститель, для руководительства ими — такъ твердо былъ онъ увѣренъ въ своей незамѣнимости.

Въ такихъ мирныхъ и либеральныхъ бесѣдахъ протекало лѣто 1880 года, а затѣмъ быстро промелькнули и осень и зима. Но цареубійство 1 марта 1881 г. внесло очень крупный диссонансъ въ наши отношенія, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Корниловымъ гостилъ у О. Н. Крушевичъ другъ Корнилова, не помню, въ то время приватъ-доцентъ или уже экстраординарный профессоръ по кафедрѣ исторіи философіи права, Н. А. Звѣревъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта. Мы, т. е. я, съ одной стороны, а Звѣревъ съ Корниловымъ съ другой, оказались въ противоположныхъ лагеряхъ. Я стоялъ на томъ, что можно было осуждать убійство Александра II и даже бороться съ терроромъ, что я, по мѣрѣ возможности, и дѣлалъ, и за что подвергся ссылкѣ, не переходя въ лагерь бѣлаго террора, который былъ не менѣе вреденъ, чѣмъ красный, такъ какъ у перваго была власть и выборъ средствъ для болѣе разумнаго управленія Россіей, чѣмъ висѣлицы, провоцирующія револьверъ. Корниловъ и Звѣревъ были, напротивъ, охвачены чувствомъ мести и считали всякія мѣры, какъ бы онѣ ни были жестоки, необходимыми для подавленія революціоннаго духа въ странѣ. Естественно, что мои посѣщенія милаго хутора прекратились сами собой.

Однако, кругъ моихъ знакомствъ все расширялся. Ежедневно я обѣдалъ въ городскомъ клубѣ, гдѣ обѣдало лѣтомъ много служащихъ чиновниковъ, жены которыхъ уѣхали на дачу или въ собственныя имѣ-

нія, а мужья не поддерживали домашняго хозяйства. Посѣщеніе мною клуба, повидимому, не производило никакого смущенія среди обѣдавшихъ и не препятствовало ни нашему знакомству, ни бесѣдамъ. Вообще, я мало чувствовалъ полицейскій гнетъ въ 1880 году, и мнѣ никто не препятствовалъ ни ѣздить верхомъ по окрестностямъ Смоленска, чѣмъ я часто пользовался, купивъ верхового коня у офицера расположенной въ городѣ артиллерійской бригады, — ни кататься на лодкѣ по Днѣпру. Это послѣднее удовольствіе чуть не стоило мнѣ жизни весною 1881 года. Я купилъ у рыбака маленькую выдолбленную изъ одного дерева лодку, и ранней весной, во время еще не закончившагося разлива Днѣпра, отправился на этомъ челнокѣ, вмѣстѣ съ Елишевымъ, на хуторъ г-жи Крушевичъ. Елишевъ гребъ, я-же правилъ весломъ, сидя на кормѣ почти въ уровень съ водою. Елишевъ уронилъ одно изъ своихъ веселъ и, пытаясь схватить его, такъ неосторожно накренилъ лодку, что я вылетѣлъ изъ нея прямо въ воду. Къ счастью, мѣсто крушенія оказалось неглубже моего роста, и я кое-какъ выбрался на берегъ, таща за собою лодку съ Елишевымъ, потерявшимъ голову и второе весло.

Въ теченіе всего времени моего пребыванія въ Смоленскѣ я пользовался особенно дружескимъ расположеніемъ доктора Петра Федоровича Почтарева. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Смоленскъ, я вынужденъ былъ обратиться къ врачу. Не помню, указалъ-ли мнѣ кто-нибудь на д-ра Почтарева, или случайно я узналъ о немъ, но я отправился къ нему за совѣтомъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно радушно, не какъ врачъ — паціента, случайно пришедшаго къ нему, а какъ добрый человѣкъ, готовый оказать помощь нуждающемуся въ ней. Онъ прямо началъ съ того, что слыхалъ обо мнѣ и радъ служить мнѣ, чѣмъ и какъ можетъ; а въ концѣ визита рѣшительно отказался получить плату и обѣщалъ заѣзжать ко мнѣ во время объѣзда своихъ больныхъ. И дѣйствительно, онъ навѣщалъ меня ежедневно, даже послѣ того какъ врачебная помощь мнѣ была уже не нужна. Оправившись, я познакомился съ его женой Каролиной Осиповной, рожденной Довнаровичъ, тоже врачомъ, полькой, очень доброй, матерью трехъ маленькихъ дѣтей, двухъ дѣвочекъ и мальчика. Въ моемъ одиночествѣ я любилъ заходить въ эту семью трудовыхъ хорошихъ людей, жившихъ очень дружно. Почтаревъ сталъ убѣждать меня обзавестись верховой лошадью и ежедневно ѣздить, чтобы предупредить послѣдствія сидячей жизни и выразилъ готовность сопровождать меня верхомъ. Съ его помощью я купилъ лошадь и мы съ нимъ совершали довольно далекія прогулки по окрестностямъ Смоленска, когда у него было свободное время. Когда ко мнѣ пріѣхали мои дѣти изъ Черниговской губерніи, онъ также сердечно относился ко всей моей семьѣ и оказывалъ намъ всякія услуги, какія только могъ. Послѣ нашего отъѣзда изъ Смоленска въ Тверь онъ переѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ получилъ мѣсто инспектора врачебной уп-

равы. Съ того времени я потерялъ его изъ вида, но до меня дошелъ слухъ о его смерти въ Тобольскѣ.

Осенью 1880 г. меня навѣстилъ братъ, а послѣ его отъѣзда — мой старый товарищъ и другъ В. А. Савичъ. Оба они пробыли у меня короткое время, и съ ихъ отъѣздомъ я еще больнѣе почувствовалъ свое одиночество.

Наступилъ новый — 1881 годъ. Я встрѣтилъ его въ полномъ одиночествѣ. Впереди никакихъ перспективъ...

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ морозный вечеръ я сидѣлъ у себя дома въ квартирѣ, которую я занималъ, платя 25 р. въ мѣсяцъ, во флигелѣ дома Гринева, состоявшей изъ двухъ комнатъ. Звонокъ съ улицы далъ знать, что кто-то пришелъ. Я отворилъ дверь: передо мной стоялъ жандармскій полковникъ Есиповъ, съ которымъ лично я не былъ знакомъ, но фигуру котораго узналъ. Въ первую минуту явилась противная мысль объ обыскѣ. Но онъ началъ съ извиненія, что обезпокоилъ меня въ такое позднее время.

— Я знаю, какъ непріятно наше появленіе и какіе толки оно можетъ вызвать, въ виду чего я и выбралъ время, когда никто не можетъ видѣть моего посѣщенія.

— Войдите, сказалъ я, недоумѣвая, что означаетъ его визитъ.

Мы вмѣстѣ вошли въ мою комнату и сѣли одинъ противъ другого. Я молчалъ въ ожиданіи.

Полковникъ, съ совершенно бѣлыми волосами, придававшими ему старообразность, не соотвѣтствовавшую его румяному лицу, живымъ глазамъ и очень бодрому виду, приступнлъ сразу къ дѣлу.

— Я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ одной просьбой, которая можетъ показаться вамъ странной, но я объясню вамъ всю суть дѣла. Каждый губернскій жандармскій полковникъ представляетъ отчетъ за истекшій годъ о положеніи губерніи. Для этого существовалъ шаблонъ, который н заполнялся изъ года въ годъ, часто съ повтореніемъ даже не вполнѣ точныхъ свѣдѣній. Говоря откровенно, я самъ въ теченіе двухъ лѣтъ давалъ свѣдѣнія о двухъ поднадзорныхъ, не зная, что онн уже умерли. Теперь наступило время, какъ вамъ извѣстно, не совсѣмъ спокойное, и я получилъ отъ графа Лорнсъ-Меликова требованіе доставить свѣдѣнія о состояніи губерніи не по старому порядку, а совершенно по новому, что ставитъ меня въ довольно затруднительное положеніе. И вотъ, я подумалъ, что вы, занимающійся политическими вопросами, въ этомъ отношеніи болѣе свѣдущи, чѣмъ я, и что, можетъ быть, вы согласитесь составить отчетъ для меня?

Я молча слушалъ.

— Не думайте, продолжалъ онъ, что я буду ставить вамъ какія либо условія и стѣснять ваше мнѣніе. Вы можете писать все, что признаете нужнымъ, а также давать отзывы о всѣхъ лицахъ, начиная съ губернатора, сообразно тому, что вы о нихъ думаете. Я дамъ вамъ всѣ матеріалы, какіе у меня имѣются для того, чтобы вы брали изъ нихъ

всѣ свѣдѣнія, которыя вамъ понадобятся. И я даю вамъ слово, что не измѣню въ вашемъ отчетѣ ни одного слова безъ вашего согласія.

Неожиданность и странность такого предложенія, исходившаго отъ жандармскаго полковника, знавшаго меня такъ-же мало, какъ я его, побуждали меня не давать отвѣта немедленно и я попросилъ полковника дать мнѣ 24 часа на размышленіе. Онъ тотчасъ согласился, выразивъ увѣренность въ моемъ согласіи, и просилъ вѣрить, что онъ честный человѣкъ и не позволитъ себѣ въ чемъ либо нарушить тѣ обязательства, которыя онъ беретъ на себя и о которыхъ говорилъ.

Мы разстались, и я долго не могъ уснуть, соображая всѣ pro и contra относительно сдѣланнаго мнѣ предложенія. На слѣдующій день я сообщилъ Есипову, что принимаю его предложеніе, но подъ условіемъ, что моя работа должна быть либо принята безъ всякихъ измѣненій, либо, въ случаѣ непригодности, возвращена мнѣ, не подвергаясь использованію ни въ цѣломъ, ни въ самой малой части, что должно быть удостовѣрено предъявленіемъ мнѣ отчета передъ его отсылкой. Послѣ этого нами были приняты всѣ условія передачи мнѣ всѣхъ матеріаловъ, причемъ я далъ слово не снимать никакихъ копій. Затѣмъ мы обсудили, по инициативѣ полковника, мѣры на тотъ случай, если у меня будетъ предполагаться обыскъ, о которомъ я буду заранѣе увѣдомленъ полковникомъ, чтобы успѣть возвратить ему всѣ бумаги. Послѣ всѣхъ этихъ рѣшеній я получилъ большую связку матеріаловъ, главнымъ образомъ, печатныхъ трехмѣсячныхъ свѣдѣній о политическомъ движеніи во всей странѣ, затѣмъ пакетъ съ рукописными документами.

Получивъ все это, я принялся за составленіе отчета, причемъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ небрежно и неправильно составляются эти трехмѣсячные отчеты. Въ одной изъ тетрадей я нашелъ свѣдѣнія о самомъ себѣ, причемъ я названъ былъ предсѣдателемъ мглинской уѣздной земской управы, хотя я никогда не былъ въ г. Мглинѣ и точно также никогда не состоялъ предсѣдателемъ никакой земской управы. Въ другой тетради я встрѣтилъ столь же неправильныя свѣдѣнія и относительно Анастасіи Сергѣевны. Очевидно, довѣрять этимъ печатнымъ матеріаламъ можно было лишь съ большой осторожностью, провѣряя ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ другими имѣющимися матеріалами, а за неимѣніемъ таковыхъ, сопровождая ихъ всякими оговорками.

Любопытны были старые жандармскіе отчеты о всѣхъ должностныхъ лицахъ губерніи и о всѣхъ губернскихъ гласныхъ. Это была сплошная нелѣпость, не имѣющая никакого смысла, и особенно относительно земскихъ гласныхъ; противъ фамиліи каждаго повторялся одинъ и тотъ же вздоръ. Въ то время еще не существовало политическихъ партій, принадлежность къ которымъ хоть что нибудь говоритъ; поэтому попадались напр. такія аттестаціи: консерваторъ, глупъ; либе-

ралъ — болтунъ, или нигилистъ, или атеистъ, въ церковь не ходитъ, и т. п.

Я провозился съ этой работой около двухъ недѣль, такъ какъ надо было пересмотрѣть всѣ матеріалы. Единственный мотивъ моего согласія на такую работу — ознакомленіе со всѣми матеріалами, которыми располагаетъ жандармское вѣдомство и которые служатъ основою его дѣятельности, — былъ удовлетворенъ и я могъ достаточно убѣдиться въ шаблонной примитивности дѣятельности того правительственнаго органа, который составлялъ главную пружину государственнаго управленія въ Россіи. Отчетъ былъ написанъ мною въ смыслѣ необходимости переоцѣнки значенія общественнаго мнѣнія, дарованія большей свободы ему высказывать свои желанія, ограниченія цензуры, и главное — ограниченія произвола органовъ власти и самаго строгаго подчиненія ея органовъ предписаніямъ закона, нарушеніе котораго составляетъ въ настоящее время обычное явленіе въ области управленія.

Этотъ документъ былъ переданъ мною Есипову со всѣми матеріалами, а на слѣдующій день онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы заявить, что принимаетъ написанный мной отчетъ безъ всякихъ оговорокъ, а потому приглашаетъ меня свѣрить его копію съ моимъ подлинникомъ. При этомъ онъ вручилъ мнѣ мою рукопись и сталъ читать свой списокъ. Когда тождество было установлено, прочитанная копія была въ моемъ присутствіи вложена въ конвертъ, запечатана и отправлена на почту, а подлинникъ брошенъ въ каминъ и сожженъ. Такимъ образомъ, наши взаимныя обязательства были закончены и мы съ нимъ разстались, довольные: — полковникъ тѣмъ, что разсчитывалъ на одобреніе Лорисъ-Меликова, я же тѣмъ, что узналъ всѣ карты, при помощи которыхъ наше правительство играетъ жизнью и судьбою русскихъ людей. Казалось, наши отношенія съ жандармскимъ полковникомъ окончены навсегда, но отношенія, начавшіяся такимъ страннымъ, почти невѣроятнымъ образомъ, спустя полгода возникли вновь, при еще болѣе странныхъ и невѣроятныхъ обстоятельствахъ.

Перваго марта 1881 года грянуло событіе исключительной важности: императоръ Александръ II — Освободитель двадцати трехъ милліоновъ русскихъ людей отъ крѣпостной зависимости, былъ убитъ; при этомъ убитъ людьми не того класса, который считалъ себя обиженнымъ освобожденіемъ крестьянъ, ограбленнымъ и недостаточно вознагражденнымъ за потерю дарового труда и не прощалъ царю его великодушный, мудрый и необходимый государственный актъ, а маленькой группой террористовъ, считавшихъ себя мстителями во имя народа, который ихъ на то не уполномачивалъ, а, напротивъ, строилъ церкви во имя святого патрона убитаго царя или ставилъ этому царю памятники.

Прошло уже 40 лѣтъ со времени этого событія, но и до сихъ поръ Россія не имѣетъ еще совершенно объективной исторіи и оцѣнки,

какъ царствованія императора Александра II, такъ и его трагической смерти.

Къ сожалѣнію, его преемники еще болѣе сгустили политическую атмосферу Россіи, въ которой не было свободнаго мѣста свободному слову, и привели свою страну къ еще болѣе страшной трагедіи, — къ разрушенію самой Россіи, подъ развалинами которой погибла и вся династія Романовыхъ, уничтоженная при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, безпримѣрныхъ въ событіяхъ нашего времени.

Едва-ли въ исторіи Россіи можно указать царствованіе, въ которомъ сочетались бы такія противорѣчія, какими отличалось царствованіе Александрв II.

Наслѣдовавъ престолъ послѣ своего отца, онъ началъ свое царствованіе актомъ великодушія, амнистируя декабристовъ и петрашевцевъ, остатки которыхъ были возвращены на родину и возстановлены въ своихъ гражданскихъ правахъ, и затѣмъ громко заявилъ, что считаетъ необходимымъ приступить къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Это вызвало взрывъ симпатіи къ молодому царю и даже Герценъ привѣтствовалъ его, написавъ: Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! Въ знаменитомъ обращеніи царя къ московскому дворянству, которому онъ напоминалъ, что мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда освобожденіе должно случиться, и что «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу», заключалась цѣлая программа реформъ русской жизни, которыя «должны случиться», а потому лучше, чтобы ихъ совершила государственная власть правомѣрно, чѣмъ онѣ будутъ сдѣланы снизу, т. е. революціоннымъ путемъ. Естественно, что всѣ умы были поглощены возрожденіемъ Россіи, застывшей въ жестокой и холодной атмосферѣ самодержавія. Достаточно вспомнить это время, чтобы признать его дѣйствительно эпохой великихъ реформъ, какой Россія никогда еще не переживала: реформы крестьянская, судебная, земская, университетская, всѣ онѣ носятъ печать великихъ идей, привлекавшихъ наиболѣе благородные умы той эпохи, которые ждали отъ нихъ великихъ результатовъ. Увы! Ожиданія оказались напрасными. Нѣкоторыя реформы уже въ процессѣ ихъ созиданія подвергались крутому повороту назадъ, другія не выдержали столкновенія со старыми привычками жизни и подчинились имъ.

Величайшая изъ всѣхъ реформъ — крестьянская, начатая личной иниціативой Александра II, со смертью Ростовцева, неумѣлаго, но горячаго сторонника рефоомы, готоваго слушать совѣты даже Герцена, перешла въ руки гр. Панина, противника реформы и не желавшаго принимать ничьихъ совѣтовъ; реформа судебная, блестяще выполненная цѣлой плеядой юристовъ, во главѣ съ С. И. Зарудным, почти непосредственно изъ купели перешла въ руки гр. Палена, бывшаго передъ тѣмъ Псковскимъ губернаторомъ и нвчавшаго немедленно измѣнять то ту, то другую статью Уставовъ и заполнять ихъ «новеллами», въ которыхъ «старина слышалась»; земская реформа, — еще до своего рож-

деиія отобранная изъ рукъ Н. А. Милютина, — попала въ руки бюрократа и реакціоиера Валуева, сдѣлавшаго изъ самоуправленія «частиое хозяйство», лишениое всякой свободы и переданное имъ въ руки губернаторовъ для приведенія его «въ соотвѣтствіе съ требоваиіями и интересами государственнаго управленія»; университетская реформа изъ рукъ Головнина, подъ вліяиіемъ Каракозовскаго покушенія, передана была для практической обработки въ руки гр. Д. А. Толстого, въ теченіе 15 лѣтъ извращавшаго образованіе юношества и подчинявшаго его (образованіе) требованіямъ не просвѣщеиія, а полиціи. Словомъ, ни одна реформа не была проведеиа въ жизиь такою, какъ оиа была задумана. Даже реформы въ освобожденной войною 1877/8 годовъ Болгаріи, стоявшей на болѣе низкой ступеии культуры, болѣе соотвѣтствовали духу времени и интересамъ народа, чѣмъ это было выполнено въ Россіи. И конецъ царствованія Александра II, его послѣдніе два года, были цѣлой цѣпью покушеній на жизнь состарившагося царя: на улицахъ его резиденціи, на пути его слѣдованія между Крымомъ и Петербургомъ, иаконецъ, въ самомъ его дворцѣ, — его выслѣживали и травили, какъ дикаго звѣря...

Начавшееся такъ блестяще царствованіе закончилось такой жестокой трагедіей!

На почвѣ этихъ противорѣчій складывались отношенія лично къ императору всѣхъ классовъ населенія, изъ коихъ въ то время имѣли значеніе: 1. бюрократія; 2. бывшіе помѣщики; 3. крестьянство и 4. интеллигенція. Торговый и промышленный классы, равно какъ и рабочій тогда самостоятельнаго значенія не имѣли.

Бюрократія представляетъ, особенно у насъ въ Россіи, классъ, интересы котораго связаны не съ личностью монарха и не съ политикой правительства, а съ учрежденіями, въ которыхъ протекаетъ ея жизнь, и съ карьерой, которую можно сдѣлать въ возможно краткій срокъ. Монархическій лозунгъ: le roi est mort, — vive le roi! — въ этой средѣ осуществляется въ полной мѣрѣ не только съ перемѣною царя, но и съ перемѣной режима, такъ какъ каждый режимъ, — моиархическій, какъ и республиканскій, — нуждается въ опытной бюрократіи. Въ Смоленскѣ разсказывали, что, когда вѣсть объ убійствѣ императора была вечеромъ получена въ общественномъ клубѣ, гдѣ собираются преимущественно чиновники поиграть въ карты, въ первую минуту публика была ошеломлена и какъ бы оцѣпенѣла; но спустя нѣсколько минутъ, кто-то изъ играющихъ обратился къ своему партнеру: «вашъ ходъ!», игра продолжалась и вниманіе сосредоточилось не на всероссійской трагедіи, а на картахъ. Можетъ быть нѣкоторые возразятъ, что это выдумка и клевета? Ничуть. Развѣ это ие похоже на балъ у французскаго посла во время коронаціонныхъ празднествъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ гибели миогихъ тысячъ людей на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ?

Нельзя отрицать, что и въ средѣ русскаго дворянства, не только высшаго, придворнаго, ио и помѣстнаго, найдутся искренніе легитими-

сты, но большинство только изъ чувства приличія оплакиваетъ каждаго скончавшагося монарха; относительно-же Александра II, громадное большинство дворянъ въ глубинѣ души не любило его и считало врагомъ своего сословія, лишившимъ помѣщиковъ положенія правящаго класса и его наслѣдственнаго достоянія — земли. Они съ трудомъ сдерживали свою радость по адресу преемника верховной власти — Александра III, на дворянскія чувства котораго возлагали всѣ свои надежды.

Совершенно иное отношеніе къ убійству царя можно было наблюдать въ средѣ крестьянства. Уже одинъ тотъ фактъ, что царь освободилъ 23 милліона крестьянъ отъ помѣщичьей власти и рабовъ превратилъ въ свободныхъ гражданъ, не могъ не внушить русскому крестьянству чувства любви къ своему Освободителю. Даже негры въ Соед. Штатахъ сѣверной Америки чтутъ память освободившаго ихъ президента Линкольна, — неужели русское крестьянство могло бы такъ скоро забыть своего освободителя? Если бы это было возможно, то русскій народъ не заслуживалъ бы своей свободы, такъ какъ это свидѣтельствовало бы объ отсутствіи въ немъ элементарныхъ моральныхъ чувствъ. Но это было не такъ, и мы знаемъ, что крестьяне сооружали иконы въ своихъ церквахъ во имя св. Александра Невскаго, патрона императора Александра II-го, и относились къ нему съ нескрываемой любовью. Иначе и быть не могло: въ своей горькой жизни раба крестьянинъ возлагалъ свои надежды на Бога, Царя небеснаго, и Его помазанника, царя земного, единственнаго покровителя и заступника отъ всѣхъ угнетателей. И если эти чувства окончательно были вытравлены изъ глубины крестьянскаго сердца, то для этого все было сдѣлано не столько революціонной пропагандой, сколько произволомъ власти, ея жестокостью, равнодушіемъ къ крестьянской нуждѣ и болѣе всего реформой 1889 г., создавшей угрозу возвращенія крѣпостного права, если не помѣщиковъ, то чиновниковъ изъ дворянъ, — земскихъ начальниковъ. Такія опасенія громко заявилъ крестьянинъ Новоторжскаго уѣзда, Пречистокаменской волости въ с. хозяйственномъ комитетѣ въ 1902 г., при энергической поддержкѣ большого числа крестьянъ.

Въ день коронаціи императора Александра III въ Смоленскѣ было устроено большое торжество и улицы были полны народомъ, въ числѣ котораго выдѣлялось много мѣстныхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень. Около городского театра былъ поставленъ огромный транспарантъ, закрывавшій весь фасадъ театра, съ изображеніемъ царской семьи: императора, императрицы и ихъ дѣтей; царь сидѣлъ въ креслѣ, семья его окружала. Передъ этимъ изображеніемъ, ярко освѣщеннымъ сзади, толпилось множество простого народа. Рядомъ со мною стояла деревенская баба; долго, благоговѣйно всматривалась она въ картину и вдругъ прошептала: «и ножку-то, ножку голубчикъ выдвинулъ!» Ничего другого она не нашла, чтобы выразить свое чувство, но въ ея голосѣ звучала безконечная преданность этому воображаемому защитнику сирыхъ и убогихъ... На эти чувства людей, все еще сохранившихъ

въ сердцѣ своемъ любовь къ царю, императоръ Александръ III такъ отвѣчалъ во время своихъ короиаціонныхъ торжествъ, обращаясь къ депутаціи волостныхъ старшинъ: «Слушайтесь совѣтовъ и руководства вашихъ (?) предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ, и тому подобиому.»

Преемникъ Александра III, Николай II, на своихъ коронаціонныхъ торжествахъ повторилъ эту глупую рѣчь, не понимая, подобно отцу, психологію крестьянства и его чувствъ къ дворянству, къ своимъ бывшимъ владѣльцамъ; оба они собственными руками разрушали тотъ фундаментъ, на которомъ еще крѣпко стоялъ ихъ собственный тронъ.

Остается еще интеллигенція, которую я назвалъ классомъ, хотя она, конечно, ие представляетъ собой группы, объединенной общимъ экономическимъ интересомъ, составляющимъ самый важный признакъ класса.

Интеллигенцію объединяютъ интересы умственные, образованіе, спеціальныя знанія, занятіе наукой, литературой, искусствомъ, все то, что носитъ названіе свободной профессіи. Каждая профессія, въ отдѣльности, можетъ имѣть характеръ класса, но интеллигенція, во всей совокупности, никогда не можетъ быть единой потому, что ея главная черта — индивидуализмъ, даже въ томъ случаѣ, когда индивидъ отрицаетъ индивидуализмъ какъ соціальное ученіе. Интеллигенція поглощаетъ безконечное разнообразіе всевозможныхъ мнѣній, направленій, интересовъ и соціальныхъ положеній. Естественно поэтому, что и отношеніе интеллигенціи къ событію 1-го марта не могло представлять единообразія, и въ этой средѣ можно было наблюдать сужденія весьма разнообразныя: отъ глубокаго возмущенія и негодованія до полнаго сочувствія преступленію и квалификаціи его, какъ необходимаго и неизбѣжнаго послѣдствія той жестокости, которую проявляло правительство въ борьбѣ съ террористами и съ тѣми, кого оно подозрѣвало въ связи съ ними.

Нельзя отрицать, что въ теченіе всего своего царствованія императоръ Александръ II велъ двойственную и противорѣчивую внутреннюю политику: одну подсказывали ему разумъ и государственный смыслъ, другую — отсутствіе вѣры въ здравый смыслъ своего народа, въ самодовлѣющую цѣнность свободы и ея морализующее вліяніе. Съ одной стороны, онъ признавалъ необходимость реформъ и понималъ, что надо проводить ихъ сверху, чтобы онѣ не проводились снизу путемъ революціи, а съ другой, онъ боялся реформъ, выработанныхъ людьми, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ либерализмѣ, и слушалъ реакціонеровъ-министровъ, соглашаясь на извращеніе реформъ либо законодательнымъ путемъ, либо простымъ толкованіемъ ихъ въ жизни; удалялъ отъ дѣлъ такихъ людей, какъ Милютинъ, и передавалъ судьбу реформъ въ руки Паниныхъ, Валуевыхъ, Паленовъ и Толстыхъ.

Такъ было со всѣми реформами: крестьянской, земской, судебной и университетской. Извращались ихъ смыслъ и духъ всегда въ ущербъ права, гражданской свободы и уваженія человѣческой личности. Шагъ впередъ, за которымъ слѣдуютъ попытки сдѣлать шагъ назадъ, не принимая во вниманіе, что исторія человѣчества имѣетъ только одно движеніе — впередъ, и никогда не дѣлаетъ обратнаго хода безнаказанно.

Такія попятныя попытки разрушаютъ въ обществѣ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, безъ чего общество не можетъ спокойно развиваться. Благодаря основной чертѣ своего характера, императоръ Александръ II воспринималъ всѣ событія, нарушающія спокойный ходъ вещей, подъ внушеніемъ чувства страха, чѣмъ вся камарилья, его окружавшая, пользовалась въ своихъ личныхъ видахъ, нерѣдко извращая самый смыслъ фактовъ и приписывая имъ содержаніе, котораго они не имѣли. Такъ, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и появленіемъ въ Петербургѣ революціонныхъ прокламацій, произвольно былъ обвиненъ извѣстный писатель и публицистъ Н. Г. Чернышевскій, который былъ судимъ старымъ порядкомъ въ Сенатѣ, осужденъ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ безъ всякаго основанія. Какъ извѣстно, Чернышевскій пользовался большимъ вліяніемъ въ средѣ интеллигенціи и молодого поколѣнія, и, естественно, жестокій, необоснованный обстоятельствами дѣла приговоръ вооружилъ очень многихъ противъ Александра II, котораго обвиняли въ давленіи на рѣшеніе Сената. Я помню, что, спустя нѣсколько дней послѣ произнесенія Сенатомъ приговора, мой братъ и я, тогда студенты петербургскаго университета, были по порученію моего отца у знакомаго съ нимъ сенатора Александра Васильевича Кочубея, помѣщика нашего Борзенскаго уѣзда, каждое лѣто проводившаго у себя въ имѣніи, Кунашевкѣ. Кочубей оставилъ насъ завтракать. Онъ былъ холостякъ и въ то время уже глубокій старикъ. Во время завтрака онъ сказалъ намъ, что состоялось рѣшеніе по дѣлу Чернышевскаго и что онъ подалъ свой голосъ за оправданіе, т. к. не видѣлъ никакихъ основаній для его обвиненія, а онъ слишкомъ старъ, чтобы кривить душой въ угоду кому либо. *) Этотъ несправедливый приговоръ возбудилъ въ интеллигенціи чувство мщенія, въ теченіе многихъ лѣтъ не разъ обнаруживавшее свою жизненность.

Выстрѣлъ Каракозова еще болѣе усилилъ опасенія императора, и онъ отвѣтилъ на него назначеніемъ гр. Д. А. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія и репрессіями, которыя никого не пугали, но раз-

---

*) Н. Г. Чернышевскій былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость въ 1862 году, затѣмъ судимъ въ 1864 г. въ дореформенномъ порядкѣ, при закрытыхъ дверяхъ въ Сенатѣ по обвиненію въ: 1. сношеніи съ Герценомъ; 2. составленіи прокламацій къ народу; 3. письма къ поэту Плещееву преступнаго содержанія. Онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Семь лѣтъ онъ провелъ на каторгѣ въ Нерчинскихъ заводахъ, послѣ чего водворенъ на жительство подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ въ Сибири, на крайнемъ и пустынномъ сѣверѣ, въ Вилюйскѣ. Въ 1883 г. ему было разрѣшено вернуться въ Россію, но онъ былъ интернированъ въ Астрахани, а потомъ въ Саратовѣ, гдѣ въ 1889 г. 17/29 октября умеръ.

дражали очень многихъ и болѣе всего учащихся, на сторонѣ которыхъ было и огромное большинство общества.

Въ 1878 году императоръ въ Москвѣ обращается къ сословіямъ съ призывомъ помочь правительству въ его борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ, но въ то же время учреждаются въ нѣкоторыхъ крупныхъ центрахъ, какъ Харьковъ, Кіевъ, Одесса и друг., генералъ-губернаторства, съ причисленіемъ къ нимъ многихъ губерній (Кіевскому ген. губ. были подчинены 5 губерній) и предоставленіемъ генералъ-губернаторамъ безграничныхъ полномочій, которыми они широко пользовались, особенно въ Кіевѣ генералъ М. И. Чертковъ, а въ Одессѣ — Тотлебенъ, прибѣгавшіе безпощадно къ смертнымъ казнямъ. Такой способъ борьбы могъ быть внушенъ только страхомъ, но не разумомъ, и дѣйствительно только одинъ изъ генералъ-губернаторовъ, Лорисъ-Меликовъ, понималъ это, пытаясь перевести борьбу съ висѣлицъ на реформы. Но было уже поздно: съ одной стороны, государь уже не былъ способенъ понять, что съ каждымъ годомъ Россія все менѣе была склонна выносить произволъ самодержавія, а съ другой, революціонная волна поднялась такъ высоко, что внушала мысль о близости побѣды освободительнаго движенія. Примиреніе было невозможно.

Тѣмъ не менѣе не одно крестьянство, а весь русскій народъ изъ всѣхъ дѣяній Александра II сохранитъ благодарное воспоминаніе о величайшей изъ его реформъ — освобоожденіи 23 милліоновъ крестьянъ отъ рабства, а Россію отъ этого позора.

Убійство государя отразилось на газетѣ «Смоленскій Вѣстникъ» запрещеніемъ ея изданія на восемь мѣсяцевъ. Газетѣ было поставлено въ вину «неприличное» объявленіе, помѣщенное въ особомъ прибавленіи, выпущенномъ по полученіи извѣстія о цареубійствѣ. Телеграмма объ этомъ событіи была помѣщена на одной сторонѣ листка, другая же сторона оставалась пустою, но издатель, Елишевъ, пожелалъ и ее использовать и помѣстилъ на ней объявленіе, очевидно обмѣнное, какого-то журнальчика, имѣшаго названіе «И смѣхъ, и грѣхъ.» Объявленіе было набрано огромными буквами, тогда какъ телеграммы были напечатаны обыкновеннымъ шрифтомъ. Само собою разумѣется, что ни крупный шрифтъ объявленія, ни самое содержаніе объявленія не имѣли никакого отношенія къ извѣстію объ убійствѣ царя. Но власти всполошились, произвели обыскъ въ типографіи и редакціи и закрыли газету на 8 мѣсяцевъ. Можно было находить поступокъ издателя газеты неприличнымъ и безтактнымъ, но закрывать газету на такой долгій срокъ значило обратить особое вниманіе публики на всю эту глупую исторію.

Выборъ новаго руководителя внутренней политики, сдѣланный новымъ императоромъ, далъ основаніе думать, что наступаетъ эра политики славянофильской, такъ какъ гр. Николай Павловичъ Игнатьевъ, бывшій передъ послѣдней турецкой войной посломъ въ Турціи, имѣлъ репутацію, совершенно, впрочемъ, незаслуженную, славянофила.

Вмѣсто такъ называемой Лорисъ-Меликовской конституціи вовсе на самодержавіе не покушавшейся, проектъ которой по смерти Александра II былъ отвергнутъ Александромъ III, гр. Игнатьевъ наградилъ Россію «Положеніемъ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ», высочайше утвержденнымъ 14 августа 1881 г. въ видѣ временной мѣры, но ставшимъ самымъ прочнымъ базисомъ государственнаго управленія, просуществовавшимъ вплоть до февральской революціи 1917 года и бывшимъ опорою двухъ послѣднихъ царствованій.

Однако, на ряду съ этимъ охранительнымъ закономъ гр. Игнатьевъ учредилъ подъ предсѣдательствомъ генералв Черевина комиссію для разсмотрѣнія дѣлъ всѣхъ лицъ, подвергшихся административнымъ взысканіямъ: ссылкѣ, полицейскому надзору и проч., и для установленія сроковъ для зтнхъ наказаній въ предѣлахъ не свыше пяти лѣтъ. Само собою разумѣется, что при преемникѣ гр. Игнатьева, графѣ Д. А. Толстомъ, срокъ зтотъ былъ продленъ до 10 лѣтъ, а практически, можетъ быть, и совсѣмъ пересталъ примѣняться.

Творческая фаитазія гр. Игнатьева не ограничилась этими двумя мѣрами; вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду продолжать реформаторскую дѣятельность и при новомъ государѣ, а потому воспользовался мыслью своего предшественника гр. Лорисъ-Меликова, и въ апрѣлѣ 1882 г. провелъ въ комитетѣ министровъ новый, приспособленный къ «Положенію объ усиленной охранѣ», планъ преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій. Но его отставка помѣшала ему продолжать сооруженіе новаго зданін Россіи. На этомъ фундаментѣ его преемникъ, гр. Толстой, построилъ такъ-называемую Кахановскую комиссію, о которой будетъ рѣчь впереди. Можетъ быть, гр. Игнатьевъ предполагалъ довести Россіи до Земскаго Собора, какъ нѣкоторые наивные мечтатели ожндали, но онъ довольно быстро утратилъ свой авторитетъ (если только имѣлъ его) у царя, и въ маѣ 1882 г., т. е. спустя годъ послѣ своего назначенія министромъ вн. дѣлъ, былъ замѣиеиъ гр. Д. А. Толстымъ, прошлое котораго и характеръ его 15-тилѣтней дѣятельности въ качествѣ министра нар. просвѣщенія, даже самая отставка его въ видахъ уступки общественному мнѣнію, — все это гораздо болѣе говорило въ глазахъ Александра III о его автократическихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ легковѣсное славянофильство графа Игнатьева.

Въ маѣ мѣсяцѣ Анастасія Сергѣевна, проведя въ Италіи всю зиму, а начало весиы около Теплица, ради здоровья своей дочери, пріѣхала въ Смоленскъ нзъ заграницы одна, чтобы узнать, возможно-ли будетъ устроиться въ Смоленскѣ, и, пробывъ здѣсь всего нѣсколько дней, уѣхала въ Теплицъ съ тѣмъ, чтобы забрать Софью и возвратиться вмѣстѣ съ нею въ Смоленскъ, гдѣ въ зто время я долженъ былъ найти для нея квартиру. Въ іюнѣ она окончательно вернулась изъ заграницы въ Смоленскъ н поселилась въ домѣ Кульнева противъ стѣиы, окружающей городъ. Мѣсто было тихое и спокойное, а домъ стариный барскій особнякъ, достаточно обширный, чтобы помѣститься не только А. С.

съ дочерью, но и тремъ моимъ дѣтямъ съ гувернанткой. Спусти нѣсколько дней, когда все было устроено, къ А. С. явился полицейскій приставъ съ требованіемъ паспорта для прописки. Она не могла ему дать его, т. к. паспортъ былъ отправленъ въ Москву въ канцелярію ген. губернатора для обмѣна заграничнаго паспорта на паспортъ, удержанный при его выдачѣ. Приставъ согласился обождать, но просилъ дать ему расписку въ томъ, что по полученіи паспорта изъ Москвы онъ тотчасъ будетъ явленъ въ полицію. Такую расписку А. С. собственноручно написала и передала приставу. Послѣ этого все успокоилось, и А. С., со всѣми 4-мя дѣтьми и Каролиной Ивановной переѣхала до конца лѣта на дачу въ 5 верстахъ отъ Смоленска по Красненской дорогѣ въ имѣніи Энгельгардта, — Александровское. Это была прекрасная старинная усадьба съ большимъ, запущеннымъ паркомъ. Домъ былъ ветхій, но для лѣтняго пребыванія вполнѣ удобный. Я оставался въ городѣ, хотя мнѣ никто не препятствовалъ постоянно ѣздить въ Александровское, для чего мы обзавелись лошадью.

Въ то время, когда мы наслаждались деревенской идилліей, въ Смоленскѣ обнаружена была «крамола». Губернаторъ, вице-губернаторъ, городской голова, прокуроръ, жандармскій полковникъ и другіе «нотабли» получили анонимныя письма съ призывомъ къ неповиновенію новому императору, по адресу котораго притомъ были употреблены крайне грубыя выраженія. Губернаторъ, Левъ Павловичъ Тамара, бывшій преображенскій офицеръ, потомъ предсѣдатель полтавской губ. зем. управы, затѣмъ, кажется, харьковскій вице-губернаторъ и, наконецъ, смоленскій губернаторъ, былъ очень встревоженъ такой дерзостью анонима, а потому немедленно пригласилъ къ себѣ жандармскаго полковника для совѣщанія о необходимыхъ мѣрахъ къ раскрытію виновнаго. Полковникъ Есиповъ тоже получилъ такое письмо, а потому и въ видахъ быстроты дѣйствій Тамара предложилъ Есипову взять для этой цѣли очень опытнаго сыщика, который былъ лично извѣстенъ губернатору и состоялъ при немъ на службѣ въ качествѣ чиновника. Есиповъ, однако, отказался и предпочелъ пользоваться своими средствами. Въ тотъ же день онъ видѣлся съ мѣстнымъ прокуроромъ, Влад. Вас. Давыдовымъ, также получившимъ подметное письмо. Такимъ образомъ, первые шаги разслѣдованія были сдѣланы. Въ тотъ же вечеръ Есиповъ зашелъ къ княгинѣ Суворовой, извѣстной львицѣ и красавицѣ уже весьма почтенныхъ лѣтъ, похоронившей двухъ мужей и бросившей третьяго для четвертаго — губернатора Тамары, связи съ которымъ она не скрывала и даже афишировала. Едва полковникъ Есиповъ появился въ салонѣ княгини, какъ она точно ждала его, чтобы излить свое негодованіе, протянула ему записку со словами «читайте»! Записка была получена ею въ тотъ же день, но адресована на имя ея дочери, княгини Четвертинской, и приложена къ пачкѣ любовныхъ писемъ Суворовой къ своему возлюбленному — Тамарѣ. Получилась неожиданная развязка. Дочь вернула матери ея письма вмѣстѣ съ препро-

водительной запиской, авторство которой не оставляло никакихъ сомнѣній. И княгиня Суворова принялась бранить своего измѣнника, нисколько не стѣсняясь всей скандальностью и своего личнаго поведенія и всей этой исторіи вообще.

Полковникъ Есиповъ сталъ читать записку, но по привычкѣ жандарма болѣе обратилъ вниманіе на искусственность ея почерка, чѣмъ на ея содержаніе, такъ какъ онъ вдругъ увидѣлъ очень большое сходство этого почерка съ почеркомъ «революціонныхъ» писемъ, полученныхъ губернаторомъ и имъ самимъ. Есиповъ попросилъ разрѣшенія взять съ собою записку, чтобы дома лучше разсмотрѣть ее, на что княгиня, очевидно, въ порывѣ гнѣва охотно согласилась. Есиповъ, взявъ записку, отправился на слѣдующій день къ прокурору Давыдову и предложилъ разсмотрѣть ее вмѣстѣ съ полученными ими подметными письмами, и чѣмъ болѣе они сличали буквы и слова, тѣмъ болѣе убѣждались въ тождественности почерковъ. И такъ, письма и записка къ Четвертинской были написаны одной рукой, т. е. губернаторомъ Тамарой.

Между тѣмъ, какъ Есиповъ придумывалъ, какъ ему поступить, Тамара дѣйствовалъ. Онъ снова пригласилъ Есипова и сообщилъ ему, что пока тотъ производилъ разслѣдованіе, онъ, губернаторъ, съ своей стороны производилъ тоже разслѣдованіе и имѣетъ доказательства, что письма написаны измѣненнымъ почеркомъ графиней Паниной (т. е. Анастасіей Сергѣевной), но, конечно, подъ диктовку Петрункевича. При этомъ Тамара предъявилъ Есипову расписку, выданную полицейскому приставу Анастасіей Сергѣевной по поводу паспорта.

— Вотъ подлинный почеркъ графини Паниной, заявилъ Тамара, и нѣтъ сомнѣнія, что письма, полученныя нами, написаны измѣненнымъ почеркомъ, т. к. въ обоихъ почеркахъ имѣется несомнѣнное сходство.

Есиповъ имѣлъ уже свѣдѣнія, что у Тамары былъ свой сыщикъ, если не ошибаюсь, по фамиліи Орловъ, котораго Тамара предлагалъ Есипову для разслѣдованія дѣла о письмахъ, но отъ котораго полковникъ отказался, т. к. зналъ Орлова за негодяя, обдѣлывавшаго разныя секретныя дѣла Тамары, который въ данномъ случаѣ и пользовался услугами своего фактотума.

— Въ виду этого, продолжалъ Тамара, я уже сообщилъ министру объ этомъ случаѣ революціонной пропаганды и высказалъ ему свое мнѣніе, что Петрункевича слѣдуетъ административно выслать въ Сибирь, а графиню можно оставить въ Смоленскѣ подъ надзоромъ полиціи.

Выслушавъ все это, Есиповъ, по его словамъ, былъ пораженъ наглостью Тамары и прямо отъ него отправился къ прокурору В. В. Давыдову, чтобы передать ему сообщеніе, сдѣланное ему губернаторомъ и, обсудивъ положеніе, рѣшить, что дѣлать. Въ бесѣдѣ съ Давыдовымъ Есиповъ, между прочимъ, разсказалъ ему одинъ случай, который показался ему ключемъ къ этой странной исторіи. По словамъ Есипо-

ва, однажды лѣтомъ губернаторъ Тамара и онъ, Есиповъ, обѣдали у городского головы, Александра Платоновича Энгельгардта (впослѣдствіи архангельскаго губернатора). Обѣдали они втроемъ и за обѣдомъ было выпито не мало шампанскаго. Среди какого-то разговора, Тамара сказалъ: «хорошо было бы жениться на графинѣ Паниной», на что Энгельгардтъ возразилъ: «по слухамъ она выходитъ замужъ за Петрункевича». — «Ну, Петрункевича можно убрать въ Сибирь», отвѣтилъ Тамара, «а Панину попридержать въ Смоленскѣ. Это можно устроить.» Повидимому, заключилъ Есиповъ, Тамара и началъ это устраивать.

Послѣ обсужденія дѣла съ Давыдовымъ, оба они рѣшили увѣдомить обо всемъ министровъ: Есиповъ — министра внутреннихъ дѣлъ, а Давыдовъ — министра юстиціи. Этимъ дѣло собственно и кончилось, причемъ мы и не подозрѣвали, какая гроза скопляется надъ нашими головами. Только спустя почти годъ мы узнали объ этомъ отъ самого Есипова, который разсказалъ мнѣ все, что мною изложено выше съ возможной полнотой и точностью, и передалъ мнѣ копію посланнаго имъ министру донесенія. Онъ взялъ при этомъ съ меня слово, что до его смерти я не воспользуюсь этимъ документомъ, въ виду возможныхъ репрессій, могущихъ быть принятыми противъ него.

Не помню, въ 1881 или въ 1882 г., пока гр. Игнатьевъ еще былъ у власти и не вышелъ въ отставку, А. С. была у него не въ качествѣ гостьи и двоюродной сестры, а по дѣлу, какъ у министра, и въ общемъ разговорѣ она услыхала отъ гр. Игнатьева такую фразу: — «Вѣдь я не выслалъ Петрункевича въ Сибирь, какъ на томъ настаивалъ губернаторъ Тамара, а перевелъ самого Тамару въ Житоміръ. Онъ тамъ, въ Смоленскѣ, запутался въ бабьихъ дѣлахъ.» А. С. молчала, связанная словомъ даннымъ Есипову.

Эта случайно сказанная фраза была прямымъ подтвержденіемъ разсказа полковника Есипова, записаннаго мною немедленно послѣ его сообщенія. А въ то же время она, эта фраза, служитъ неопровержимымъ показателемъ того невѣроятнаго моральнаго паденія, которымъ отличался весь нашъ самодержавный строй сверху донизу.

За все, что продѣлалъ губернаторъ Тамара въ Смоленскѣ, министръ, его главный начальникъ, нашелъ достаточнымъ перемѣстить провинившагося губернаторомъ-же въ Житоміръ: авось, тамъ онъ не станетъ такъ неловко проявлять своихъ матримоніальныхъ наклонностей. И только всего? Въ скорости Тамара былъ повышенъ по службѣ и назначенъ сенаторомъ перваго департамента, т. е. того именно учрежденія, которое замѣняетъ у насъ административный судъ и разсматриваетъ всѣ жалобы на незаконныя дѣйствія администраціи! Что можетъ быть уродливѣе и въ то же время трагичнѣе этого признака разложенія государственной власти?

Къ исторіи подложныхъ писемъ губернатора Тамары я могу прибавить еще исторію подложнаго протокола, посредствомъ котораго жандармерія пыталась уловить въ свои сѣти А. С., подозрѣвая ее въ

снабженіи кіевскихъ террористовъ денежными средствами. Эта исторія прекрасно характеризуетъ ту власть, въ руки которой было передано производство разслѣдованій политическихъ преступленій.

Во время пребыванія А. С. въ Петербургѣ, кажется, въ сентябрѣ мѣсяцѣ ко мнѣ явился молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Одессы, чтобы переговорить съ нею по поводу одного важнаго для него дѣла, но узнавъ, что ея нѣтъ дома, обратился ко мнѣ съ просьбой помочь ему. Я предложилъ ему изложить его дѣло, обѣщая передать А. С. все, что онъ мнѣ скажетъ.

Молодой человѣкъ, студентъ кіевскаго университета, по фамиліи, если память мнѣ не измѣнила, Масловъ, былъ приглашенъ А. С. давать ей уроки математики въ виду поступленія ея на кіевскіе высшіе женскіе курсы, что онъ и дѣлалъ до отъѣзда ея весной на дачу. Спустя нѣкоторое время онъ былъ арестованъ въ Одессѣ по обвиненію въ содержаніи въ г. Кіевѣ конспиративной квартиры, которою онъ яко бы завѣдовалъ и на содержаніе которой онъ, будто, получалъ деньги отъ гр. Паниной. При допросѣ его въ одесскомъ жандармскомъ управленіи ему былъ предъявленъ протоколъ допроса А. С. по тому же обвиненію, въ которомъ она будто-бы подтвердила, что дѣйствительно деньги на содержаніе конспиративной квартиры выдавала ему, Маслову. — «Вы сами читали протоколъ», перебилъ я Маслова, «или его читалъ вамъ жандармъ?

— Да, мнѣ дали протоколъ и я самъ читалъ его.

— Вы хорошо знаете почеркъ или подпись гр. Паниной?

— Нѣтъ, я его совершенно не помню.

— Въ такомъ случаѣ вы читали подложный протоколъ, т. к. мнѣ хорошо извѣстно, что никогда такого показанія А. С. не давала, хотя ее и вызывали еще въ 1880 году въ Москвѣ въ жандармское управленіе, гдѣ она категорически заявила, что готова дать всѣ свѣдѣнія, относящіяся лично къ ней, но заранѣе предупреждаетъ, что не будетъ давать никакихъ показаній относительно другихъ лицъ. Протоколъ именно въ такомъ смыслѣ и былъ ею прочитанъ и подписанъ. Поэтому вы можете категорически утверждать, что предъявленный вамъ протоколъ написанъ и подписанъ не графиней Паниной.

Молодой человѣкъ былъ очень обрадованъ такимъ разъясненіемъ дѣла и сообщилъ, что долженъ спѣшить въ Одессу, т. к. получилъ отпускъ изъ жандармскаго управленія на самый короткій срокъ.

Предъявленіе жандармами при допросахъ политическихъ обвиняемыхъ подложныхъ протоколовъ было однимъ изъ обычныхъ способовъ полученія признаній допрашиваемыхъ. Очевидно, и въ данномъ случаѣ былъ пущенъ въ дѣло подлогъ, чтобы выяснить, изъ какихъ источниковъ террористы получали денежныя средства, притомъ довольно значительныя. Въ то время въ Кіевѣ былъ распространенъ слухъ, что средства получались либо отъ госпожи Субботиной, богатой, кажется, курской помѣщицы, либо отъ гр. Паниной. Первая была

привлечена и, кажется, сослана по этому дѣлу со своими дочерьми въ Сибирь.

Наступалъ 1882 годъ, встрѣченный нами не безъ радости и надежды; мы не подозрѣвали, что здѣсь, въ Смоленскѣ, надъ нашими головами собирается гроза и что въ Петербургѣ затѣваются противъ А. С. мѣры, жестокость которыхъ превосходитъ все, что можно было ожидать со стороны родственниковъ ея перваго мужа, отца ея дочери. Въ началѣ весны ко мнѣ зашелъ полковникъ Есиповъ, по своему обычаю, поздно вечеромъ, и не говоря прямо, старался дать мнѣ понять, что намъ что-то угрожаетъ изъ Петербурга, причемъ намекнулъ, что было бы лучше, если бы А. С. вмѣстѣ съ дочерью, хотя бы временно куда нибудь уѣхала. Продолжая этотъ разговоръ, естественно встревоженный, я старался поймать нить этой очевидно новой интриги и въ концѣ концовъ мнѣ удалось узнать, что дѣло затѣвается со стороны родныхъ Софьи по ея отцу. Когда мы съ А. С. обсудили все, что мнѣ удалось узнать отъ Есипова, мы рѣшили, что во избѣжаніе всякихъ случайностей она съ дочерью уѣдетъ въ Одессу. Это рѣшеніе было быстро приведено въ исполненіе, и я остался одинъ съ тремя моими сыновьями и ихъ воспитательницей К. И. Лукасъ.

Очень скоро по прибытіи въ Одессу А. С. окончательно выяснила, что родная бабка Софьи, мать ея отца, графиня Наталья Павловна Панина хлопочетъ объ отобраніи ея внучки отъ матери, что уже отчасти и осуществляется «освобожденіемъ» по высочайшему повелѣнію Анастасіи Сергѣевны отъ опеки надъ своей дочерью и о назначеніи опекуномъ послѣдней члена Госуд. Совѣта Сольскаго.

Тѣмъ временемъ дѣло о моемъ разводѣ, по взаимному соглашенію съ моей первой женой производившееся въ смоленской духовной консисторіи, подходило къ концу. Въ виду этого, путемъ переписки было нами принято, что около 12-15 августа А. С. пріѣдетъ въ Смоленскъ вмѣстѣ съ дочерью, гдѣ будетъ совершено наше бракосочетаніе, а затѣмъ она выѣдетъ въ Петербургъ, чтобы отстаивать свои материнскія права. 16 августа 1882 г. состоялось наше очень скромное вѣнчаніе, а на слѣдующій день моя жена выѣхала вмѣстѣ съ дочерью въ Петербургъ. Мы имѣли наивность думать, что есть предѣлъ произволу и беззаконію, который новый царь не переступитъ, что тѣнь его отца предостережетъ его вступать на тотъ путь, который привелъ его отца къ такому трагическому концу.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, А. С. поселилась съ дочерью въ Европейской гостиницѣ и ежедневно сообщала мнѣ обо всемъ, что она предпринимала по своему дѣлу. Между прочимъ, она сообщила, что, обѣдая у гр. Левашевой, родной тетки Софьи и одной изъ дѣятельныхъ участницъ въ заговорѣ, она объявила, что вступила въ бракъ со мною. Это сообщеніе произвело своей неожиданностью видимую сенсацію, и съ того времени А. С. стала замѣчать, что она окружена въ гостиницѣ сыщиками, слѣдящими за ней и за Софьей неотступно, очевидно, въ

предупрежденіе скрытія послѣдней, такъ что однажды, когда А. С. пожелала поѣхать въ Царское Село, гдѣ жилъ ея братъ, ей пришлось встрѣтить неожиданное препятствіе: она замѣтила сыщиковъ, которые на ея глазахъ успѣли запереть выходную дверь вокзала и лишили ее возможности выйти на перронъ. Пока она искала другого выхода, поѣздъ ушелъ, и она вынуждена была вернуться домой.

Однако, ей до сихъ поръ ничего не объявляли, — можно было думать, что вопросъ еще не рѣшенъ. Но, наконецъ, она получила новое подтвержденіе плановъ родни. Швейцарецъ Ренцъ, гувернеръ дѣтей гр. Левашевой, проникнутый чувствомъ негодованія по поводу ничѣмъ неоправдываемаго, готовящагося насилія надъ А. С. и ея дочерью, пришелъ къ ней и далъ прочесть письмо графини Левашевой и гр. Комаровской къ графу Д. А. Толстому, министру вн. дѣлъ, съ просьбой содѣйствовать ихъ матери, графинѣ Н. П. Паниной, въ ея хлопотахъ у государя объ отобраніи ихъ племянницы, а ея внучки отъ матери, вышедшей замужъ за «террориста», который воспользуется состояніемъ ея дочери, чтобы передать его своимъ товарищамъ террористамъ.

Сомнѣній больше не было. Оставалась еще одна слабая надежда, что семья самой А. С. поможетъ ей своими связями при дворѣ спасти дочь и ее отъ непоправимаго и безчеловѣчнаго удара. Но и эта надежда оказалась тщетной.

Въ октябрѣ 1882 г. наступилъ роковой день, когда въ гостиницу, гдѣ жила А. С., явился къ ней петербургскій градоначальникъ и объявилъ, что, по высочайшему повелѣнію, онъ прибылъ, чтобы отобрать ея дочь, одиннадцатилѣтняго ребенка, и доставить ее въ Екатерининскій институтъ, гдѣ она и останется.

Не трудно представить себѣ, какое нравственное испытаніе и потрясеніе пережила мать при полученіи такого удара, хотя уже ожидаемаго, но всетаки совершенно неожиданнаго по своей моральной невѣроятности. Что было дѣлать? Сопротивляться? Объ этомъ не могло быть и рѣчи: всякая попытка къ сопротивленію могла имѣть послѣдствіемъ страшное душевное потрясеніе ребенка и затѣмъ полную разлуку съ дочерью, если не навсегда, то на многіе годы...

Анастасія Сергѣевна объявила градоначальнику, что сама отвезетъ свою дочь въ институтъ. Онъ не возражалъ, и А. С. въ сопровожденіи градоначальника должна была передать своего ребенка начальницѣ института, нѣмкѣ Бюнтингъ, по царскому приказу принимавшей на себя материнскія обязанности, насильственно отнятыя отъ живой матери...

Это преступленіе противъ всѣхъ не только человѣческихъ, но и божескихъ законовъ совершилось по волѣ царя и съ одобренія царицы Маріи Федоровны, главы, въ то время, всѣхъ женскихъ институтовъ. Одно ея слово могло бы все остановить. Но такое слово не было сказано, и преступленіе было совершено. Оно было сдѣлано безъ всякаго разслѣдованія, безъ провѣрки обвиненія и фактовъ, на которые опиралось, безъ суда, безъ выслушанія матери, безъ предоставленія ей

защиты своихъ материнскихъ правъ, безъ судебной защиты правъ ребенка. Это было чудовищное насиліе верховной власти и попраніе закона, гарантирующаго каждому русскому подданному судебную защиту его гражданскихъ и семейныхъ правъ. Это было разрушеніе семьи, составляющей основное зерно человѣческаго общества. И все это было сдѣлано въ угоду той «опричнинѣ», которая окружала царскую власть и признавала ея санкцію достаточной для освобожденія себя отъ всякихъ законовъ гражданскихъ и нравственныхъ, и отъ всякихъ требованій совѣсти. Привилегія положенія и богатство — основа этой среды; угодничество — ея средство. По своему рожденію и родству А. С. принадлежала къ этому классу, но она давно покинула его и не желала его привилегій ни для себя, ни для дочери, давая ей воспитаніе, которое не осудилъ бы ни одинъ здравомыслящій человѣкъ. Но изъ письма графинь Левашевой и Комаровской къ гр. Толстому, министру вн. дѣлъ, видно, что дѣло шло не о дефектахъ воспитанія, а о сохраненіи родового богатства, принадлежавшаго по наслѣдству ребенку, и будто бы подвергавшагося опасности перейти въ руки террористовъ, вслѣдствіе замужества матери. Обращеніе къ защитѣ царя слишкомъ грубо и явно разсчитано было на еще не зажившую рану, нанесенную террористами императору, какъ государю и сыну; тѣмъ не менѣе, можетъ быть именно это напоминаніе оказало свое дѣйствіе на рѣшеніе...

Маленькая и единственная дочь Анастасіи Сергѣевны лишилась матери. Ради чего? Письмо графинь Левашевой и Комаровской даетъ категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ: ради спасенія семейнаго богатства, которое могло, по ихъ ни на чемъ не основанному мнѣнію, перейти въ руки террористовъ.

Я заношу всю эту печальную исторію въ свои воспоминанія только потому, что она выходитъ за предѣлы чисто семейныхъ дѣлъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ нее самодержавной власти царя, исключающей всѣ формы обвиненія и защиты и деспотически разрушающей главный устой семейной жизни.

Анастасія Сергѣевна приняла рѣшеніе остаться въ Петербургѣ на всю зиму, взять квартиру и забрать моихъ дѣтей съ ихъ воспитательницей Каролиной Ивановной, такъ какъ, только оставаясь въ Петербургѣ, она могла видѣть свою дочь въ институтѣ и слѣдить за состояніемъ ея здоровья и душевнаго настроенія.

Если устроиться въ Петербургѣ не представляло большихъ затрудненій, то свиданія съ Софьей, напротивъ, представили немало трудностей; свиданія допускались только въ опредѣленные дни и въ установленные часы притомъ не иначе, какъ въ присутствіи пепиньерки, на обязанности которой было наблюдать за поведеніемъ... какъ матери, такъ и дочери. Только ограниченность ума и бездушіе могли установить такую мѣру и еще разъ показать, въ какія руки было передано воспитаніе ума и сердца одиннадцатилѣтней дѣвочки.

Переселеніе А. С. въ Петербургъ на зиму 1882-3 года, вмѣстѣ съ моими дѣтьми, снова возвратило меня къ сугубому одиночеству, въ которомъ меня не покидала мысль о послѣдствіяхъ жестокаго удара, выпавшаго на ея долю. Но я былъ радъ, что она взяла къ себѣ моихъ дѣтей, такъ какъ забота о нихъ, занятія съ ними языками и самое общество ихъ могли отвлекать ее отъ всеподавляющей мысли о дочери. Осенью я получилъ отъ нея сообщеніе о болѣзни моего сына Александра, мальчика подававшаго намъ большія надежды не только своими умственными способностями, но и характеромъ, трудолюбивымъ и устойчивымъ. А. С. мнѣ сообщила, что врачъ констатировалъ брюшной тифъ и что она попробуетъ выхлопотать мнѣ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Спустя день-другой, я получилъ отъ губернатора Кавелина, смѣнившаго Тамару, приглашеніе явиться къ нему немедленно. Генералъ Кавелинъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, объявилъ, что онъ получилъ телеграмму о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ на 10 дней къ больному сыну, всячески выражалъ мнѣ свое сочувствіе и сказалъ, что сейчасъ отдастъ распоряженіе въ свою канцелярію, чтобы мнѣ тотчасъ же выдали проходное свидѣтельство, такъ чтобы я успѣлъ попасть на первый поѣздъ. Словомъ, обнаружилъ столько доброты, пониманія моего положенія и вообще человѣческой души, что я вышелъ отъ него съ чувствомъ глубокаго къ нему почтенія. Вернувшись къ себѣ, я нашелъ телеграмму отъ А. С. о разрѣшеніи. Такимъ образомъ, въ тотъ-же день я выѣхалъ въ Петербургъ и на слѣдующій день былъ уже въ своей семьѣ. А. С. жила на Бассейной въ 4-мъ этажѣ. Сына я засталъ въ трудномъ положеніи, но врачъ считалъ состояніе больного вполнѣ благопріятнымъ, устраняющимъ всякія опасенія. На слѣдующій день мы узнали, что внизу на лѣстницѣ уже караулитъ меня какое-то гороховое пальто и что, слѣдовательно, вопросъ о моихъ посѣщеніяхъ знакомыхъ, а равно и о посѣщеніи ими меня самъ собою устраняется. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе этихъ дней мнѣ удалось убѣдить А. С. допустить старому моему пріятелю, скульптору П. П. Забѣлло, сдѣлать ея бюстъ. Бюстъ былъ сдѣланъ и отлитъ изъ гипса и находился у насъ и въ Твери, и въ Москвѣ. и въ Гаспрѣ, и снова въ Петербургѣ. Переѣзжая въ послѣдній разъ въ 1915 году въ Крымъ, А. С. подарила его своей дочери. Сохранился ли онъ теперь или украшаетъ квартиру какого нибудь большевистскаго комиссара, никому изъ насъ не извѣстно.

Хотя мое пребываніе въ Петербургѣ въ теченіе разрѣшенныхъ мнѣ десяти дней отличалось очень замкнутымъ образомъ жизни, тѣмъ не менѣе я имѣлъ случай раза два встрѣтиться съ графомъ Павломъ Петровичемъ Шуваловымъ, флигель-адъютантомъ императора и фактическимъ главою «священной дружины», организованной для охраны жизни императора Александра III, и ведшей въ это время борьбу съ министромъ вн. дѣлъ гр-мъ Д. А. Толстымъ. Графъ Шуваловъ былъ раньше знакомъ съ А. С. и, вѣроятно, желалъ выразить ей свое сочувствіе,

посѣщая ее теперь н оказывая ей маленькія услуги. Такъ, онъ освободилъ ее отъ назойлнвой слѣжкн шпіоновъ, которые всякій разъ, когда она выходила на улицу, слѣдовали за ней по пятамъ, куда бы она ни шла. Эти шпіоны Толстого такъ надоѣли ей, что она выходнла на улнцу лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Узнавъ объ этомъ, гр. Шуваловъ обѣщалъ, что онъ нзбавитъ ее отъ этнхъ филеровъ, и дѣйствительно, послѣ этого шпіоны нсчезли.

Гр. Шуваловъ выразнлъ желаніе познакомнться со мною и побесѣдовать о положеніи Россіи. Я зналъ, что онъ велъ какіе-то переговоры съ Гольцевымъ въ Москвѣ и выдавалъ субсидін заграннчной прессѣ, поддержнвавшей идею констнтуціонной монархіи въ Россіи. Очевидно, онъ хотѣлъ говорнть со мною на ту-же тему, такъ какъ зналъ, впрочемъ, очень поверхностно н о монхъ конституціонныхъ попыткахъ. Въ условленный вечеръ онъ пришелъ, и мы познакомились. Я не скажу, чтобы онъ произвелъ на меня большое впечатлѣніе и внушнлъ бы къ себѣ полное довѣріе, тѣмъ не менѣе весь вечеръ мы говорили о политнческомъ положенін Россін и о необходимостн конституціонной реформой замѣнить самодержавіе. Въ концѣ концовъ, для меня было ясно, что констнтуцію онъ мыслнтъ въ аристократнческой формѣ, съ палатой англо-русскнхъ лордовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прндавалъ большое значеніе мѣстному самоуправленію съ усиленіемъ вліянія не дворянства вообще, а аристократіи.

На слѣдующій день онъ прислалъ мнѣ свою записку по этому вопросу, недостаточно разработанную, чтобы можно было составнть ясное представленіе, какимъ образомъ онъ полагалъ возможнымъ на русской почвѣ строить подобіе англійскаго порядка, да еще прн такомъ царѣ, какнмъ былъ Александръ III, неподвнжный умъ котораго не допускалъ никакого движенія впередъ и симпатін котораго былн далеко позади своего временн.

Графъ П. П. Шуваловъ былъ хорошо образованный и живой молодой человѣкъ, но, переоцѣнивая свою среду, онъ счнталъ ее способной пріять констнтуціонный порядокъ, прежде всего лншающій ее тѣхъ благъ земныхъ, которыя на нее лились съ царскаго престола и предоставляли ей такъ много привилегій. Въ этомъ онъ такъ же ошнбался какъ не поннмалъ и характера своего повелителя, поручившаго управленіе Россіей графу Д. А. Толстому, крайнему реакціонеру, весьма подходившему ко взглядамъ самого Александра III-го. Извѣстно, что попытка арнстократнческой группы, такъ называемой «священной дружины», съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, миннстромъ Двора, и гр. Шуваловымъ во главѣ, свергнуть гр. Толстого окончнлась полной неудачей и удаленіемъ отъ двора гр. Шувалова, вернувшагося къ своимъ занятіямъ хнміей, кажется, его научной спеціальностью, и сельскимъ хозяйствомъ.

Между тѣмъ, срокъ моего «отпуска» истекалъ, н я вынужденъ былъ покинуть Петербургъ. Къ счастью, здоровье моего сына стало за-

мѣтно поправляться, и я могъ уѣхать съ полной надеждой на его выздоровленіе.

Опять я въ Смоленскѣ въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ я не имѣлъ тутъ никого, кто былъ бы близокъ мнѣ. До сихъ поръ не знаю, по какому случаю гр. Д. А. Толстой нашелъ нужнымъ въ это время наложить свою тяжелую руку на переписку между А. С. и мною. Эта переписка была нашимъ единственнымъ утѣшеніемъ, и мы писали другъ другу то большія, то малыя письма, но ежедневно. Вдругъ, безъ всякой видимой причины жандармскій полковникъ Есиповъ, очень смущенный, сообщилъ мнѣ офиціально предписаніе министра внутр. дѣлъ контролировать всю мою переписку, т. е. все, что получалось на мое имя на почтѣ и на телеграфѣ, направлять къ жандармскому полковнику, а мои письма я долженъ былъ отправлять не иначе, какъ черезъ того-же жандармскаго полковника. Но этого мало. Есиповъ сообщилъ мнѣ частнымъ образомъ, что ему предписано Толстымъ снимать копіи со всей моей переписки и препровождать ему. Это распоряженіе гр. Толстого такъ возмутило насъ обоихъ, т. е. меня и А. С-ну, что мы оба, безъ всякаго сговора, приняли одинаковое рѣшеніе — высмѣивать или бранить Толстого въ каждомъ письмѣ, и мы оба неукоснительно держались принятаго рѣшенія. Первое же письмо мое, предоставленное Есипову, заключало въ себѣ увѣдомленіе о контролѣ нашей переписки по распоряженію гр. Толстого, а затѣмъ все остальное было занято весьма рѣзкимъ разборомъ этого распоряженія и весьма нелестными сужденіями, относящимися лично къ Толстому. Прочитавъ «по тяжкому долгу службы» это письмо, Есиповъ заявилъ мнѣ, что онъ не можетъ принять отъ меня такого письма, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ бы снять копію съ него и препроводить непосредственно министру. Въ свою очередь, я возражалъ, что ему предоставлено читать мои письма и посылать съ нихъ копіи, но не предоставлено права отказа въ принятіи моихъ писемъ по своему усмотрѣнію. Мы съ нимъ долго спорили на эту тему, онъ даже уронилъ слезу, увѣряя, что ему въ первый разъ приходится вторгаться въ интимную жизнь супруговъ, которыхъ онъ лично очень уважаетъ, но, въ концѣ концовъ, онъ объявилъ, что посовѣтуется съ губернаторомъ, которымъ былъ въ то время, какъ я уже сказалъ раньше, не негодяй Тамара, а совершенно порядочный и добрый генералъ Кавелинъ, оказавшій мнѣ столько вниманія, когда я получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ.

По словамъ Есипова, Кавелинъ выслушалъ его, разспросилъ, какъ онъ убѣждалъ меня, что онъ говорилъ мнѣ и что говорилъ ему я, и съ своей стороны заявилъ, что дѣлать нечего, что я (пишущій) понимаю, что дѣлаю, и какія могутъ быть для меня послѣдствія, и что ничего болѣе не остается, какъ письмо отправить.

И съ этого дня мы съ А. С. ничего другого не писали другъ другу, какъ варьировали тему перваго моего письма. Спустя двѣ или три недѣли, не болѣе, Есиповъ радостно и съ большимъ вздохомъ облегче-

нія объявилъ мнѣ, что распоряженіе о контролнрованін нашей переписки министромъ внутр. дѣлъ отмѣнено.

Мнѣ кажется, что я не ошибусь, если скажу, что эта мѣра была принята не для того, чтобы узнать, что мы съ женой пншемъ другъ другу, а въ предположеніи, что въ нашей перепискѣ можетъ оказаться нить, ведущая къ графу П. П. Шувалову, который велъ борьбу съ графомъ Толстымъ, желавшимъ ущемить своего противника. Когда убѣдилнсь, что слѣдовъ такой нити не имѣется, контроль былъ отмѣненъ.

Въ концѣ мая 1883 г. мнѣ было объявлено, что комиссія, назначенная еще при гр. Игнатьевѣ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся къ админнстративной ссылкѣ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ генерала Черевнна, опредѣлила мнѣ срокъ пятилѣтній, считая со времени образованія комнссіи, но предоставила мнѣ право избрать любой городъ или вообще мѣсто для жнтельства, за исключеніемъ столицъ — Петербурга н Москвы.

Я немедленно заявилъ, что избнраю для жнтельства г. Тверь, гдѣ жилъ мой братъ, гдѣ жила семья Бакуниныхъ, откуда было рукой подать въ Москву и Петербургъ, гдѣ А. С. прожнвала и въ данный моментъ, и куда она постоянно будетъ стремиться ради свнданій съ дочерью. Я немедленно увѣдомилъ ее и мы тотчасъ рѣшили, что мои дѣти уѣдутъ на лѣто въ Плиску, а А. С. должна пріѣхать нзъ Петербурга въ Смоленскъ, чтобы вмѣстѣ со мною уложить наши вещи, а засимъ ѣхать въ Тверь, гдѣ мой братъ уже ждалъ насъ. Собрались мы очень быстро и тронулись въ Тверь, покинувъ Смоленскъ, гдѣ я прожилъ ровно три года. Въ Москвѣ мы не останавливались и прямо съ Брестскаго вокзала переѣхалн на Николаевскій. Въ Тверь мы прибыли въ іюнѣ 1883 г.

ГЛАВА VIII.

Тверь. — Губернаторъ Сомовъ. — Семья Бакуниныхъ. — Павелъ Александровичъ Бакунинъ. — Страницы изъ семейной хроники: мой братъ, Михаилъ Ильичъ. —

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, наканунѣ нашего пріѣзда въ Тверь, мой братъ предупредилъ губернатора Сомова о моемъ пріѣздѣ и спросилъ, когда онъ можетъ меня принять, если онъ желаетъ меня видѣть. Сомовъ назначилъ слѣдующій послѣ пріѣзда день, въ 9 ч. утра. Я не помню числа, когда мы пріѣхали, но всѣ внѣшнія событія первыхъ дней пребыванія въ Твери запечатлѣлись въ моей памяти очень живо.

На слѣдующій по пріѣздѣ день около 9 ч. утра, какъ было назначено, я вошелъ въ домъ губернатора. Швейцаръ мнѣ заявилъ, что губернаторъ принимаетъ въ саду. Я просилъ доложить ему обо мнѣ. Черезъ минуту меня провели въ садикъ около дома, гдѣ въ тѣни дерева сидѣлъ старый господинъ, одѣтый съ иголочки, окруженный своимъ штабомъ: правителемъ канцеляріи, полиціймейстеромъ и еще какими-то чиновниками. Первыхъ двухъ я уже видѣлъ въ день моего пріѣзда, т. к. былъ обязанъ явиться къ нимъ и представить свой «проходной билетъ», въ которомъ были обозначены маршрутъ и правила, которымъ я долженъ былъ слѣдовать.

Губернаторъ, Аѳанасій Николаевичъ Сомовъ, пригласилъ меня сѣсть и тотчасъ спросилъ:

— Зачѣмъ вы пріѣхали сюда?

— Я получилъ разрѣшеніе избрать любой городъ для жительства и избралъ Тверь, потому что здѣсь живетъ мой братъ.

— Вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе, если бы избрали другой городъ и уѣхали отсюда.

— Я былъ бы очень радъ доставить вамъ это удовольствіе, если ваше превосходительство испросите мнѣ у министра вн. дѣлъ разрѣшеніе уѣхать за границу, такъ какъ въ Россіи я въ каждомъ городѣ, избранномъ мною для жительства, могу встрѣтиться съ такимъ-же желаніемъ мѣстнаго начальства, какое вы выразили.

Губернаторъ замахалъ на меня обѣими руками:

— Что вы, что вы! чтобы я обратился къ графу Дмитрію Андреевичу съ такой просьбой!?

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ я, весьма сожалѣю, что не могу доставить вамъ удовольствіе, ибо, помимо всякаго желанія, вынужденъ остаться въ Твери.

— Ну, какъ знаете, только ваше пребываніе доставитъ мнѣ много хлопотъ и всякой переписки.

На этомъ моя аудіенція прекратилась, я раскланялся и отправился домой.

Губернаторъ А. Н. Сомовъ былъ однимъ изъ самыхъ добродушныхъ губернаторовъ, о чемъ говорила вся его фигура. Старикъ, съ го-

лымъ черепомъ и необыкновенно розовымъ и свѣжимъ лицомъ, старый холостякъ и угодникъ пожилыхъ аристократическихъ дамъ, былъ и остался типическимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, какимъ онъ былъ въ Воронежской губ. до назначенія на постъ тверского губернатора. Поэтому, прежде всего, онъ желалъ быть или казаться свѣтскимъ человѣкомъ и въ качествѣ стараго холостяка предпочиталъ общество дамъ, утратившихъ молодость, но еще не начавшихъ старѣть, притомъ болѣе или менѣе принадлежащихъ, если не къ высшей аристократіи, то къ губернской, имѣющей связи въ Петербургѣ. Онъ былъ человѣкъ очень богатый, составившій себѣ, какъ говорили, крупное состояніе довольно обычнымъ въ то время путемъ. Въ качествѣ губернскаго предводителя и вліятельнаго человѣка среди воронежскаго дворянства, въ составѣ котораго числилось немало аристократическихъ и очень богатыхъ фамилій, владѣвшихъ громадными латифундіями, съ помощью такихъ связей онъ получилъ концессію на желѣзную дорогу, но вовсе не для того, чтобы строить ее, а чтобы перепродать ее настоящимъ дѣльцамъ. То было время, когда перепродавались концессіи не только на постройки желѣзныхъ дорогъ, но даже на изданія газетъ и журналовъ, такъ какъ только люди съ соотвѣтственными связями могли получить право на изданіе, и извѣстны случаи, когда «счастливцы» обладали правомъ не на одно изданіе, наживая на этой операціи крупныя деньги. Такія операціи вовсе не считались предосудительными, и продавцы концессій могли пользоваться отличной репутаціей. Такую репутацію имѣлъ и тверской губернаторъ, о которомъ злые языки шутили, что въ словѣ «еще», состоящемъ изъ трехъ буквъ, онъ дѣлалъ четыре ошибки, такъ какъ писалъ — «ѣсчо», но это была ходячая выдумка, повторяемая тверскими остряками. Почтенный «хозяинъ» губерніи и не претендовалъ на особую образованность, памятуя, что своего высокаго положенія онъ достигъ не съ помощью грамматики, а знаніемъ жизни, умѣньемъ пользоваться тѣмъ, что ведетъ къ желанной цѣли. Одинъ изъ усердныхъ исправниковъ донесъ Сомову, что при обыскѣ у учителя народной школы въ его уѣздѣ было найдено много запрещенныхъ сочиненій графа Толстого. Прочитавъ донесеніе, Сомовъ замѣтилъ: «чудакъ! развѣ графъ Дмитрій Андреевичъ станетъ писать запрещенныя книги!» Что могъ дать ему Левъ Николаевичъ Толстой со всѣми своими писаніями? Поэтому онъ вовсе и не подозрѣвалъ о его существованіи, тогда какъ о существованіи графа Дмитрія Андреевича Толстого, министра внутреннихъ дѣлъ, онъ зналъ несомнѣнно, такъ какъ понималъ, что самая малая ошибка въ этой области, — и изъ хозяина губерніи онъ превратится въ простого обывателя, которымъ не будутъ интересоваться даже тѣ дамы, которыя теперь такъ привѣтливо его принимаютъ. Во время одного изъ проѣздовъ императора Александра III изъ Петербурга на югъ, его сопровождалъ министръ вн. дѣлъ гр. Толстой. На Тверскомъ вокзалѣ была назначена остановка, во время которой государь принималъ мѣстныя власти, дво-

рянство, представителей города, крестьянъ и пр. Послѣ отъѣзда царя всѣ интересовались, остался ли онъ доволенъ пріемомъ? На этотъ вопросъ Сомовъ съ особенной радостью заявилъ: что царь доволенъ, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, а я знаю, что графъ Толстой доволенъ, вотъ это важно!

Въ годъ нашего переселенія мы нашли въ Твери довольно благодушное настроеніе. Реакція еще не дошла до полнаго мракобѣсія, а мѣстная губернская администрація, съ Сомовымъ во главѣ, не отличалась воинственностью, не въ силу какихъ либо принциповъ, а просто потому, что Сомовъ прежде всего любилъ покой и ни о какихъ реформахъ, ни либеральныхъ, ни реакціонныхъ не мечталъ. Для этого онъ былъ, во-первыхъ, старъ, во-вторыхъ, зналъ, что ни для какой реформы онъ не годится и что поэтому въ лучшемъ случаѣ будетъ сплавленъ въ Сенатъ. Что онъ тамъ будетъ дѣлать? Какъ привычный провинціалъ, онъ боялся Петербурга, былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ въ Твери и старался жить со всѣми въ мирѣ и согласіи. Каждый годъ, когда собиралось очередное губернское земское собраніе, онъ давалъ гласнымъ обѣдъ съ дешевенькимъ виномъ, не тратя лишнихъ ни своихъ денегъ, ни казенныхъ, отпускаемыхъ губернатору «на представительство». Въ три года разъ онъ давалъ такой-же обѣдъ тверскому дворянству, собиравшемуся для выборовъ должностныхъ лицъ своего сословія и, такъ какъ былъ очень скупъ, то этими двумя обѣдами считалъ свои обязанности «по представительству» выполненными. Надъ этой слабостью его мѣстное общество подсмѣивалось, но вообще было очень довольно своимъ губернаторомъ и очень жалѣло, когда Сомова убрали въ Сенатъ, вѣроятно, въ департаментъ герольдіи, а на смѣну его явился изъ московскихъ уѣздныхъ предводителей, какъ полная противоположность Сомову, Ахлестышевъ, сразу занявшій чрезвычайно агрессивную позицію относительно всѣхъ учрежденій, носившихъ общественный характеръ, и относительно людей, которыхъ можно было подозрѣвать хотя-бы въ самомъ умѣренномъ либерализмѣ. Но, какъ я сказалъ, когда мы пріѣхали въ Тверь, этой административной копіи гр. Д. А. Толстого еще не было, и мы могли устраиваться на новомъ мѣстѣ болѣе или менѣе спокойно.

Мы пріѣхали прямо нв квартиру моего брата, жившаго въ домѣ адвоката Сукоручкина, на бульварѣ. Жена брата съ дѣтьми жила на дачѣ, верстахъ въ 3-4 отъ Твери, за Волгой, въ Зеленцовѣ, куда вела скучная и скверная дорога сначала черезъ безконечное болото, потомъ сворачивала въ мелкій и тощій лѣсъ, состоявшій изъ смѣси березы, осины и ели, среди которыхъ ютилась небольшая усадьба, отдававшаяся въ наймы. Окрестности Твери вообще не отличаются красотами природы и усадьба Зеленцово въ этомъ отношеніи не была исключеніемъ. Все утро братъ посвящалъ губернской земской больницѣ, въ которой былъ старшимъ врачомъ, затѣмъ посѣщалъ своихъ паціентовъ на дому, послѣ чего обыкновенно уѣзжалъ въ Зеленцово.

Съ нашимъ пріѣздомъ онъ значительную часть свободнаго времени проводилъ съ нами. Временно мы оставались въ его квартирѣ, но съ возвращеніемъ его семьи въ городъ совмѣстная жизнь была невозможна: квартира была невелика и свободнаго помѣщенія въ ней не было. Въ виду этого надо было искать квартиру, которую мы скоро нашли и дали задатокъ. Но въ то же время брату было предложено купить домъ, небольшой, но съ мезониномъ, въ которомъ были двѣ комнаты, а въ нижнемъ этажѣ третья комната, служившая для сдачи подъ магазинъ, которая имѣла на улицу отдѣльный выходъ и была отдѣлена отъ прочихъ комнатъ глухой капитальной стѣной. Мы могли ее утилизировать въ качествѣ гостиной, столовой и т. п.

Словомъ, мы рѣшили, что можемъ устроиться въ одномъ домѣ съ братомъ и отказаться отъ нанятой квартиры, пожертвовавъ задаткомъ. Такъ и сдѣлали, и, какъ только жильцы очистили квартиру, мы переѣхали въ нее.

Есть-ли въ Россіи менѣе красивый губернскій городъ чѣмъ Тверь, я не знаю, но думаю, что нѣтъ, не смотря на то, что онъ расположенъ по обоимъ берегамъ Волги и что въ нее впадаютъ въ предѣлахъ города рѣки Тверца и Тьмака. Уже одно обиліе рѣкъ, и въ томъ числѣ Волги, величайшей европейской рѣки, казалось бы могло служить красотѣ города. Но, увы, все таки его внѣшній видъ монотонный и казенный, не смотря на его нѣсколько интересныхъ старинныхъ церквей и на его знаменитый Отрочь монастырь, въ которомъ Малюта задушилъ святого митрополита Филиппа; не смотря на старый дворецъ, выстроенный для любимой сестры императора Александра I, — Екатерины Павловны, принцессы Ольденбургской; не смотря на новый царскій дворецъ, въ которомъ помѣщается тверской музей, и куда лѣтомъ «на дачу» пріѣзжаютъ 2-3 старыхъ фрейлины, пользующіяся такой дешевой привилегіей; не смотря на все это, Тверь своимъ унылымъ, казарменнымъ видомъ и бѣдностью растительности производитъ удручающее впечатлѣніе. Всѣ дома на набережной Волги и на главной улицѣ города, Милліонной, выстроены по одному образцу на пожертвованный казною милліонъ рублей, въ память чего эта улица и получила какъ свое наименованіе, такъ и свой внѣшній видъ.

Находясь всего въ трехъ часахъ ѣзды по Николаевской ж. д. отъ Москвы, Тверь въ торговомъ отношеніи подчиняется давленію своей болѣе счастливой сосѣдки. Поэтому, вы не увидите здѣсь ни роскошныхъ магазиновъ, ни великолѣпныхъ выставокъ нарядовъ и всевозможныхъ вещей. Отъ всего торговаго міра въ Твери вѣетъ стариной и застоемъ.

Но тверская губернія имѣетъ свои заслуги передъ родиной и смѣло можетъ разсчитывать на снисходительность къ недостаткамъ своего губернскаго города, въ которыхъ она не виновата. Во всякомъ случаѣ, я былъ очень доволенъ своему переселенію: оно давало мнѣ возможность жить вмѣстѣ съ братомъ, а затѣмъ сблизиться съ группой

людей, раздѣлявшихъ тѣ-же идеи, которыя составляли и мое поселенское credo. Мнѣ предстояло прожить здѣсь болѣе трехъ лѣтъ, ибо срокъ моей ссылки заканчивался въ августѣ 1886 года, когда я имѣлъ право возвратиться къ себѣ, въ Черниговскую губернію, и продолжать тамъ свое дѣло.

Въ лѣтнюю пору, когда мы съ А. С. пріѣхали въ Тверь, въ городѣ оставался только тотъ, кто былъ связанъ службой или какими нибудь другими обстоятельствами. Семья Бакуниныхъ лѣто проводила въ своемъ Премухинѣ и ожидалась въ Твери только осенью, а, кромѣ этой семьи и семьи брата, знакомыхъ у насъ не было. А. С. съ своей стороны была очень удручена пережитымъ ею несчастіемъ и не искала новыхъ знакомствъ. Поэтому лѣто мы провели довольно уединенно и лишь изрѣдка ѣздили въ усадьбу Зеленцово, гдѣ жила семья брата, его жена и дѣти. Тамъ мы въ первый разъ встрѣтились съ докторомъ Михаиломъ Павловичемъ Литвиновымъ и его женой Антонидой Карловной. Это было наше первое знакомство въ Твери. Въ теченіе лѣта мы познакомились и съ сослуживцами брата по больницѣ, съ ординаторами Н. П. Шуениновымъ и д-мъ Гончаровымъ, бывшими тогда еще молодыми людьми, вполнѣ проникнутыми тѣми-же идеями, которыхъ держались братъ, Бакунины и вообще всѣ, принадлежавшіе къ этому кружку.

Осенью стали съѣзжаться всѣ, связанные своею жизнью съ Тверью. Пріѣхала семья Бакуниныхъ, состоявшая изъ Павла Александровича Бакунина, его жены Натальи Семеновны, вдовы Алексѣя Александровича Бакунина, Марьи Николаевны Бакуниной, двухъ ея дѣтей и сестры, Надежды Николаевны Мордвиновой, очень скоро ставшей истиннымъ другомъ какъ А. С., такъ и моимъ. Бакунины жили на Дворянской ул., въ домѣ Арбузова, и ихъ квартира стала центромъ обсужденія всевозможныхъ вопросовъ научныхъ, литературныхъ, философскихъ, общественныхъ и политическихъ. Здѣсь завязались всѣ наши отношенія: одни, болѣе или менѣе кратковременныя, другія — тѣсныя, дружескія, продолжавшіяся всю жизнь.

Нужно ли говорить, чѣмъ была семья Бакуниныхъ, какую роль она сыграла въ культурномъ развитіи русскаго общества? Да, нужно потому, что революція, еще далеко не закончившаяся, пріобщила къ культурнымъ силамъ русскаго народа огромный классъ, до сихъ поръ остававшійся внѣ круга тѣхъ свѣдѣній, которыя составляютъ основу самопознанія народа.

Въ Тверской губерніи вліяніе семьи Бакуниныхъ распространялось не только на какой нибудь одинъ кругъ. Ея вліяніе было глубоко и широко во всѣхъ слояхъ, даже въ тѣхъ, гдѣ этого и не подозрѣвали и гдѣ тѣмъ не менѣе духовно питались имъ. Бакунинское гнѣздо, село Премухино, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, было издавна свѣтлымъ пятномъ среди моря тьмы, и въ немъ перебывали очень многіе общеизвѣстные представители тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ девятнад-

цатаго вѣка. Тамъ родился всемірно извѣстный учитель анархизма Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, и тамъ-же гостили Н. В. Станкевичъ и В. Г. Бѣлинскій, на идеалистическихъ и гуманныхъ идеяхъ которыхъ воспиталось три поколѣнія русскихъ людей. Тамъ съ давнихъ поръ вѣялъ духъ свободы, равенства и братства, и даже большевики, какъ слышно, не посмѣли наложить свою всеразрушающую руку на это зерно русской культуры.

Чѣмъ была семья Бакуниныхъ и чѣмъ она была въ средѣ того общества, въ которомъ она жила, отвѣтъ можно найти въ книгѣ А. А. Корнилова, посвященной молодымъ годамъ старшаго брата Бакуниныхъ, — Михаила Александровича, въ ранней молодости покинувшаго Россію, и въ Россіи не имѣвшаго ни того вліянія, ни того значенія, какія онъ имѣлъ въ Западной Европѣ. Книга А. А. Корнилова написана по документамъ семейнаго архива и можно только пожалѣть, что болѣзнь, постигшая автора, а также большевистскій переворотъ помѣшали ему продолжать свои изысканія, представляющія драгоцѣнный памятникъ состоянія русской жизни въ XIX вѣкѣ.

Наше съ братомъ знакомство съ Бакунуными относится къ 1864 г., когда мы были студентами петербургскаго университета и жили на углу улицъ Б. Морской и Гороховой, въ мансардѣ дома Штрауха, гдѣ жилъ рядомъ съ нами Глѣбъ Ивановичъ Успенскій и еще нѣсколько товарищей студентовъ. Однажды, осенью къ намъ зашелъ незнакомый намъ господинъ лѣтъ подъ сорокъ, усѣлся на одну изъ двухъ кроватей, закурилъ толстѣйшую папиросу и сразу сталъ экзаменовать брата и меня по части нашихъ политическихъ воззрѣній. Это былъ Александръ Александровичъ Бакунинъ, только что возвратившійся изъ заграницы. Онъ боролся въ Италіи въ легіонѣ Гарибальди за свободу Италіи, побывалъ затѣмъ въ Лондонѣ у А. И. Герцена и теперь вернулся въ Россію для участія въ осуществленіи реформъ Александра II — судебной и земской. Зашелъ онъ къ намъ по рекомендаціи нашего товарища по университету, В. Н. Линда, пользовавшагося съ дѣтства участіемъ семьи Бакуниныхъ, которая оказывала ему всякое покровительство и помощь.

Александръ Александровичъ Бакунинъ, какъ и всѣ его братья, былъ очень интересный человѣкъ. Его біографія, въ двухъ словахъ, уже много говоритъ о характерѣ этой страстной и увлекающейся натуры. Родился онъ въ Премухинѣ въ 1821 году. Окончивъ московскій университетъ по юридическому факультету со степенью кандидата, онъ получилъ мѣсто въ одесскомъ лицеѣ (теперь университетъ) преподавателемъ энциклопедіи правъ. Его гегельянскія идеи и языкъ мало привлекали студентовъ въ его аудиторію, не смотря на его несомнѣнное краснорѣчіе и ораторскій талантъ, всегда оставлявшій большое впечатлѣніе въ его слушателяхъ. Очевидно, молодежь была мало подготовлена для воспріятія философскихъ темъ. Въ это самое время произошла высадка союзниковъ въ Крыму и началась знаменитая 11 мѣсяч-

ная осада Севастополя. Александръ Александровичъ покинулъ свою кафедру и поступилъ юнкеромъ въ тобольскій пѣхотный полкъ, вмѣстѣ съ которымъ и провелъ всю осаду на 4-мъ бастіонѣ, гдѣ получилъ солдатскій георгіевскій крестъ, а затѣмъ и производство въ офицеры. Тамъ-же, стоя въ цѣпи, онъ едва не застрѣлилъ гр. Л. Н. Толстого, пробиравшагося ночью черезъ цѣпь, не зная пароля и потому не давшаго требуемаго отвѣта. Къ счастью, Александръ Александровичъ во время узналъ Льва Николаевича по голосу. По окончаніи Крымской войны, когда началось итальянское движеніе, онъ отправился къ Гарибальди, который встрѣтилъ его, какъ брата Михаила Александровича, и принялъ въ свой отрядъ. По окончаніи итальянской борьбы онъ вернулся въ Россію, сталъ образцовымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ мирового съѣзда, а также уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ. О немъ я долженъ буду еще не разъ говорить, такъ какъ вся моя земская дѣятельность въ Тверской губерніи тѣсно связана съ дѣятельностью Александра Александровича.

Съ Павломъ Александровичемъ Бакунинымъ я познакомился гораздо позднѣе, въ зиму 1871-2 годовъ, когда мой братъ, собиравшійся жениться на Любови Гавриловнѣ Вульфъ, родной племянницѣ Бакуниныхъ, вызвалъ меня въ Тверь, чтобы познакомиться съ семьей, въ которую черезъ свою женитьбу онъ вступалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня дѣлалъ близкимъ ей человѣкомъ.

Былъ жестокій морозъ, когда мы съ братомъ ѣхали изъ Торжка въ Премухино, до котораго считалось 30 верстъ. Я былъ въ первый разъ въ великорусской деревнѣ и въ великорусской семьѣ, притомъ образованной и культурной въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Я былъ принятъ чрезвычайно радушно и просто, съ неподдѣльной добротой, составлявшей одну изъ основныхъ чертъ обоихъ братьевъ — Павла и Алексѣя Александровичей, которыхъ я засталъ въ Премухинѣ. Другихъ братьевъ не было: Александръ Александровичъ жилъ въ дер. Осташковѣ, верстахъ въ 70 отъ Премухина, въ своемъ судебно-мировомъ участкѣ; Николай Александровичъ — въ казанскомъ имѣніи; Илья Александровичъ отдѣльно отъ другихъ братьевъ жилъ въ деревнѣ Дядинѣ, верстахъ въ 20 отъ Премухина; наконецъ, Михаилъ Александровичъ былъ заграницей, послѣ своего бѣгства изъ Сибири, куда былъ сосланъ Александромъ II послѣ нѣмецко-австрійской революціи. Это была дань дружбы молодого императора своему дядюшкѣ, прусскому Вильгельму, и австрійскому императору Францу-Іосифу, а кстати и предостереженіемъ русскимъ революціонерамъ, если таковые имѣлись послѣ Николаевской дисциплины.

Жена старшаго брата, Павла Александровича, Наталья Семеновна, урожденная Корсакова, живая, подвижная, маленькая, кругленькая, съ некрасивымъ лицомъ, но добрымъ выраженіемъ глазъ, завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ этой маленькой республики, въ которой было немало шумной молодежи, — племянниковъ и племянницъ, изъ кото-

рыхъ съ двумя, — Ольгой Николаевной, по мужу Повало-Швейковской, и ея незамужней сестрой Варварой Николаевной, — я познакомился еще въ 1868 г. во Флоренціи у Н. Н. Ге.

За обѣденнымъ столомъ, занимавшимъ почти всю длину залы съ хорами, люди солидные, къ числу которыхъ и я принадлежалъ, вмѣстѣ съ Павломъ и Алексѣемъ Александровичами, занимали одну часть стола, а другую — молодежь, среди которой и мой братъ, по природѣ очень веселый: тамъ смѣхъ и веселье ни на минуту не прерывались.

Я пробылъ въ Премухинѣ нѣсколько дней, пробовалъ ходить на лыжахъ, но угнаться за молодежью, привычной къ этому спорту, не могъ въ такой короткій срокъ.

Разстались мы очень дружески, хотя Бакунины находили, что мы съ братомъ люди не русскаго, а «польскаго» воспитанія, подъ которымъ они разумѣли чисто внѣшнюю манеру учтивости и сдержанности. Можетъ быть они были правы, такъ какъ мы прошли школу кіевскаго кадетскаго корпуса, гдѣ 2/3 воспитанниковъ были поляки, гдѣ товарищество съ поляками не могло не оставить нѣкоторыхъ слѣдовъ. Если это такъ, то это былъ только поверхностный налетъ, не болѣе.

Во время нашего переселенія въ 1883 г. въ Тверь, мы нашли здѣсь только одного Павла Александровича, похоронившаго своего любимаго брата Алексѣя и поселившагося въ Твери съ своей женой и съ семьей покойнаго брата, — его вдовой и двумя маленькими дѣтьми. Александръ Александровичъ оставался въ Премухинѣ, гдѣ былъ мировымъ судьей, будучи въ то же время и предсѣдателемъ Новоторжскаго съѣзда мировыхъ судей. Алексѣй Александровичъ скончался незадолго до нашего переѣзда въ Тверь, въ 1882 г. Онъ былъ отстраненъ отъ общественной дѣятельности съ того самаго времени, когда былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость за подписаніе извѣстнаго протеста мировыхъ посредниковъ во время выработки Положенія объ освобожденіи крестьянъ въ пользу послѣднихъ. Онъ, какъ и его братъ Николай Александровичъ, бывшій членомъ губернскаго комитета, отказались подписать просьбу о помилованіи, вслѣдствіе чего были лишены права вступать на государственную службу и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и въ собраніяхъ, что было предоставлено всѣмъ остальнымъ заключеннымъ въ крѣпости, подписавшимъ просьбу о помилованіи. Такимъ образомъ, оба брата, Алексѣй и Николай, оказались лишенными правъ состоянія и навсегда устраненными отъ общественной дѣятельности. Независимость, обнаруженная братьями Бакуниными въ защитѣ интересовъ крестьянства при проведеніи крестьянской реформы, привела къ потерѣ ими гражданскихъ правъ, что нисколько не смутило другихъ двухъ братьевъ, Павла и Александра Бакуниныхъ, которые съ такой же твердостью всю жизнь свою были готовы принять на себя всякую отвѣтственность и не поступиться тѣмъ, что представлялось имъ правдой и въ чемъ они усматривали насущные интересы населенія.

Павелъ Ал-чъ занялъ мѣсто предсѣдателя уѣздной земской управы, а Александръ Ал-чъ — мирового судьи и предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей. Вліяніе Павла Ал-ча сказалось съ первыхъ же шаговъ земства въ томъ духѣ равенства и солидарности интересовъ всего населенія, безъ различія сословій н классовъ, который составляетъ основную черту истинной демократіи. Все дѣлалось на виду у всѣхъ, все подвергалось общественной критикѣ, все было проникнуто безусловнымъ демократизмомъ, не было привилегированныхъ гласныхъ и гласныхъ отъ крестьянъ или мѣщанъ, было полное равенство. Новоторжскій уѣздъ сразу выдвинулся впередъ, оставляя позади себя всѣ другіе уѣзды по всѣмъ земскимъ вопросамъ: школьному, медицинскому и другимъ, а равно по характеру своего демократическаго бюджета, по системѣ раскладки земскихъ сборовъ, по защитѣ своихъ земскихъ правъ и по своему вліянію въ губернскомъ земскомъ собраніи. Можно смѣло утверждать, что начало этому было положено Бакуниными, Павломъ и Александромъ Александровичами, нѣтъ также сомнѣнія, что они сумѣли найти въ собраніи полное сочувствіе и содѣйствіе гласныхъ всѣхъ сословій и классовъ: такъ создался одинъ общій духъ и смыслъ общественнаго дѣла.

Александръ Александровичъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ и умеръ въ 1908 году весною, когда я былъ прикованъ въ Петербургѣ къ постели, сломавъ себѣ ногу. Я глубоко сожалѣю, что не могъ отдать послѣдній долгъ послѣднему изъ братьевъ Бакуниныхъ, яркому представителю періода борьбы русскаго либерализма и русскаго общества съ самодержавнымъ самоуправствомъ. По характеру своего ума, по дару своего страстнаго краснорѣчія онъ былъ бы во всякой другой странѣ истиннымъ трибуномъ, но отличался отъ своего знаменитаго брата Михаила, — рѣшительнымъ отвращеніемъ къ субверсивнымъ идеямъ вообще и къ анархическимъ ученіямъ въ особенности.

Годомъ старше своего брата Александра и четырьмя годами моложе Михаила, который родился въ 1816 г., былъ Павелъ Александровичъ, не пріобрѣвшій славы своего старшаго брата, однако одаренный отъ природы умомъ и способностями болѣе всѣхъ своихъ братьевъ, не исключая и знаменитаго революціонера. Любопытно сопоставить этихъ двухъ братьевъ, цѣльныхъ какъ монолиты по свойствамъ ума и характера, но у которыхъ общаго было только — необыкновенный діалектическій талантъ и братское влеченіе другъ къ другу. Нужно прочесть одно письмо Михаила Александровича изъ за-границы, въ которомъ онъ проситъ родныхъ отпустить къ нему брата Павла, тогда еще совсѣмъ молодого человѣка, чтобы замѣтить, какъ онъ выдѣлялъ его изъ всей семьи, члены которой поголовно были и безъ того такъ щедро одѣлены природою. Нужно читать письма Павла Александровича къ сестрамъ, когда онъ былъ еще ученикомъ тверской гимназіи, чтобы видѣть, какимъ умомъ и какою душою обладалъ этотъ 14-лѣтній гимназистъ. Я очень жалѣю, что у меня нѣтъ подъ рукой ни писемъ

Павла Александровича, ни книги А. А. Корнилова, чтобы привести здѣсь хотя бы выдержки, жемчужины этого ума и тонкаго юмора, которымъ онъ такъ любилъ пользоваться всегда въ мѣру, не нарушая серьезности бесѣды.

Онъ любилъ бесѣду, какъ любилъ ее Сократъ. Онъ вѣрилъ, что каждый человѣкъ обладаетъ въ своей безсмертной душѣ безпредѣльной возможностью познанія истины, лишь бы только возбудить въ человѣкѣ интересъ къ ея познанію и дать толчекъ мысли въ должномъ направленіи; и для Павла Ал-ча бесѣда была только желаніемъ привлечь вниманіе собесѣдника къ исканію истины. Съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, на какой бы ступени образованности ни былъ его собесѣдникъ, отъ самой высокой просвѣщенности до полной безграмотности, онъ съ удивительнымъ чутьемъ угадывалъ, чѣмъ онъ можетъ привлечь вниманіе даннаго лица и заинтересовать его бесѣдой, т. е. вызвать въ собесѣдникѣ желаніе подвергнуть свои мысли критикѣ и требованію разума и признать истину, какъ бы она ни противорѣчила привычнымъ и ходячимъ мнѣніямъ.

Я припоминаю, какъ однажды, когда Павелъ Александровичъ жилъ уже въ Крыму, въ окрестнотяхъ Ялты, на своей дачѣ, которую онъ назвалъ Горная щель, а я съ А. С. гостили у него, на дачу пріѣхалъ на велосипедѣ прямо изъ Севастополя Павелъ Николаевичъ Милюковъ, чтобы повидаться со мною, но засталъ меня въ день моего отъѣзда изъ Крыма. Павелъ Александровичъ, который не былъ съ нимъ лично знакомъ, очень любезно встрѣтилъ его. Позитивныя воззрѣнія Милюкова были, конечно, извѣстны ему, но это не помѣшало бесѣдѣ, которая при такомъ серьезномъ противникѣ не могла не привлекать нашего философа. Хотя въ виду нашего отъѣзда Павелъ Николаевичъ хотѣлъ въ тотъ же день уѣхать изъ Горной Щели, но Бакунинъ убѣдилъ его остаться и переночевать. Павелъ Александровичъ, будучи послѣдоввтелемъ философскаго идеализма, тотчасъ повелъ атаку на позитивиста, хотѣвшаго, однако, уклониться отъ спора, для котораго не было, казалось, общей почвы. Но идеалистъ былъ настойчивъ и мало по малу, закидывая удочку, почувствовалъ, что рыба клюнула, и споръ загорѣлся. Милюковъ остался на слѣдующій день и еще на слѣдующій, и провелъ у Бакунина три дня, переходя отъ спора къ просмотру архива Бакуниныхъ и обратно; результатомъ этого посѣщенія была интересная статья Милюкова «Любовь людей сороковыхъ годовъ». Послѣ этого Милюковъ писалъ мнѣ, какъ доволенъ онъ знакомствомъ съ Павломъ Александровичемъ и посѣщеніемъ Горной Щели.

Посѣщалъ Павла Александровича въ Горной Щели и священникъ Григорій Петровъ, преподнесшій ему свой портретъ, и какой-то сектантъ съ Урала, фамилію котораго я не помню, но у меня сохранилась фотографія, сдѣланная Натальей Семеновной, запечатлѣвшая собесѣдниковъ въ моментъ ихъ разговора. И гдѣ бы ни былъ Павелъ Ал-чъ, въ какомъ бы обществѣ онъ ни находился, вокругъ него собиралась

группа, жадно его слушавшая и почти безсознательно усваивавшая его мысли и его чувства. Онъ выслушивалъ своихъ противниковъ, даже такихъ, которые органически не могли слѣдовать за нимъ и спорили съ раздраженіемъ, не лишеннымъ иной разъ грубости, и слушалъ съ такимъ спокойствіемъ и снисходительностью, которыя обезоруживали противника, чувствовавшаго себя побѣжденнымъ и свои аргументы разрушенными тончайшей аргументаціей побѣдоноснаго діалектика.

Павелъ Александровичъ былъ гегельянецъ въ томъ слыслѣ, что онъ слѣдовалъ діалектическому методу Гегеля, сохраняя полную свободу и независимость своей мысли и духа и, оставаясь идеалистомъ, онъ признавалъ дѣйствительнымъ то, что разумно, толкуя такимъ образомъ знаменитую формулу Гегеля, что все «дѣйствительное — разумно.» Поэтому онъ никогда не мирился съ той дѣйствительностью, которую представляла Россія въ видѣ самодержавнаго государства. Онъ не могъ ни мириться, ни тѣмъ болѣе одобрять ни государственнаго строя Россіи, ни ея соціальнаго порядка и, по существу, былъ самый послѣдовательный демократъ, осуществлявшій равенство во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми, не различая ихъ ни по сословіямъ, ни по классамъ, ни по положенію, ни по богатству, ни по какимъ либо политическимъ или соціальнымъ признакамъ. По его мнѣнію, всѣ люди дѣлились только на свободныхъ и несвободныхъ по своему духу. Даже глупыми онъ никого не считалъ, такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ заложенъ разумъ и его искра можетъ вспыхнуть для посторонняго наблюдателя неожиданно; гасить ее заранѣе или считать ее навсегда потухшей не слѣдуетъ. Къ такимъ собесѣдникамъ онъ умѣлъ подойти съ надеждой зажечь эту искру, для чего надо умѣло и бережно нащупать ея источникъ. И онъ эту искру зажигалъ: его моральное вліяніе было неотразимо. Его обширныя письма именно къ такимъ, еще не проявившимъ свои духовныя силы, неподражаемо тонки и глубоки по своему духу, по возвышенности мыслей, изложенныхъ съ простотой и ясностью, доступными для совершенно незрѣлаго ума.

Уже раньше я сказалъ, что Павелъ Александровичъ, по свойству своего характера, ума и способа распространенія своихъ философскихъ воззрѣній, былъ истиннымъ Сократомъ нашего времени, къ несчастью, не имѣвшимъ своего Платона, чтобы передать потомству его идеи и сдѣлать его безсмертнымъ. Послѣ него остались только двѣ небольшія книги: «Запоздалый голосъ 40-хъ годовъ» и «Основы Вѣры и Знанія». О послѣдней я приведу отзывъ «великаго писателя земли русской» Л. Н. Толстого въ письмѣ его къ Павлу Александровичу, полученномъ послѣднимъ 17 февраля 1887 г.: ««Павелъ Александровичъ! Третій день ничего не дѣлаю, кромѣ того, что читаю вашу книгу. Смѣюсь и вскрикиваю отъ радости, читая ее. Я не дочелъ еще. Я на 312 страницѣ теперь, и остановился, чтобы написать вамъ мою благодарность и любовь за то, что я нашелъ въ этой книгѣ. Меня теперь будетъ занимать судьба этой книги въ ближайшемъ будущемъ. Вѣроятно не поймутъ и

не оцѣнятъ теперь! Но она останется навсегда. Отъ всей души обнимаю васъ. Левъ Толстой.»

Въ 1888 г. 12 апрѣля скончался мой сынъ Сергѣй, 16-тилѣтній юноша. Похоронивъ его, мы съ А. С. рѣшили на время уѣхать изъ Твери въ Крымъ. Съ нами вмѣстѣ поѣхали, по чувству дружбы къ намъ, Павелъ Александровичъ и Над. Ник. Мордвинова. Но въ Крыму мы оставались недолго и вернулись въ Тверь въ маѣ мѣсяцѣ. Въ слѣдующемъ 1889 году Павелъ Александровичъ навсегда покинулъ Тверь и переѣхалъ въ Крымъ, гдѣ мы навѣстили его по дорогѣ съ Кавказа. Здѣсь мы узнали, что П. А. собирается вмѣстѣ съ Нат. Сем-ной заграницу, гдѣ они предполагаютъ провести всю зиму до лѣта 1890 года. Весной онъ вернулся и прямо изъ заграницы проѣхалъ въ Крымъ, гдѣ и поселился въ имѣніи брата Нат. Сем-ны, «Чукурларѣ», теперь вошедшемъ въ черту города Ялты, а тогда еще обыкновенномъ дачномъ мѣстѣ. Чукурларъ граничилъ съ Ливадіей, что составляло большое неудобство для его жителей во время пріѣздовъ императорской фамиліи, такъ какъ Чукурларъ бывалъ при этомъ набитъ всякой полиціей и шпіонами, слѣдящими за каждымъ появлявшимся лицомъ.

Въ 1893 году мнѣ удалось закончить продажу Крестьянскому банку казанскаго имѣнія Бакуниныхъ, что дало возможность Павлу Александровичу выстроить себѣ на купленномъ имъ мѣстѣ, за Ялтой у границы Масандры, дачу, въ которую онъ съ женой и переѣхали на жительство въ 1895 году.

На этой самой дачѣ, въ его любимой Горной Щели, въ ночь съ 21 на 22 мая 1900 года по старому стилю, (по новому, съ 2-го на 3 іюня) Павелъ Александровичъ Бакунинъ и скончался.

Въ началѣ мая этого года мы получили въ Машукѣ отъ Натальи Семеновны письмо, въ которомъ она извѣщала насъ о болѣзни Павла Александровича и выражала свои опасенія за его жизнь. Мы съ А. С. тотчасъ рѣшили ѣхать въ Крымъ, куда и прибыли недѣли за двѣ до его кончины. Мы нашли его больнымъ, но бодрымъ и, какъ всегда, склоннымъ къ милой, иногда даже трогательной шуткѣ. Необходимъ былъ врачебный консиліумъ; мы пригласили двухъ врачей, С. Я. Елпатьевскаго и д-ра Розанова, пользовавшихъ его и раньше. Когда врачи прибыли, Павелъ Алексндровичъ былъ въ постели. Увидѣвъ ихъ, онъ, съ трудомъ дышавшій отъ эмфиземы легкихъ, вмѣсто привѣтствія запѣлъ высокимъ фальцетомъ старинный романсъ:

Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи,
Твоя наука не поможетъ,
Уже давно въ моей груди
Болѣзнь сосетъ меня и гложетъ!

И, смѣясь, онъ пожалъ руки врачамъ, предоставивъ себя въ ихъ полное распоряженіе. Послѣ осмотра С. Я. Елпатьевскій сказалъ мнѣ, что

только самая малая часть легкаго еще работаетъ и положеніе больного безнадежно...

Однако, спустя нѣсколько дней Павелъ Александровичъ поднялся съ постели, чтобы выйти на балконъ и полюбоваться очаровательнымъ видомъ, открывающимся на окружающія горы и долину рѣчки Дерекоя. Онъ былъ всегда страстнымъ любителемъ природы, умѣлъ цѣнить ея красоту, любилъ растенія, какъ живыя существа, и создалъ своими руками вокругъ своего домика цѣлый ботаническій садъ крымской флоры. Повидимому, ему хотѣлось взглянуть на эту прекрасную природу, быть можетъ, въ послѣдній разъ... Смерти онъ не боялся, не сомнѣваясь въ безсмертіи человѣческой души. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ съ нами, Нат. Сем-ной, А. С. и мною на верандѣ. Часовъ около 4-5 онъ сказалъ, что хочетъ лечь. Я помогъ ему встать и, поддерживая его, провелъ до кровати, на которую онъ сѣлъ; затѣмъ я раздѣлъ его и, когда хотѣлъ уложить его, онъ взялъ мою руку и, пожимая ее, сказалъ мнѣ нѣсколько словъ, которыхъ я никогда не забуду... Я уложилъ его въ постель; онъ видимо утомился, и спустя нѣсколько минутъ уснулъ. Это было вечеромъ 21 мая. Принесли подушку съ кислородомъ, но это едва-ли могло облегчить умирающаго. Чередуясь, мы сидѣли у постели. Приблизительно около часа ночи, мы съ А. С. ушли въ свою комнату наверхъ, а у постели осталась Наталья Семеновна и всю остальную часть ночи читала Евангеліе. Къ утру, не просыпаясь, Павелъ Александровичъ перешелъ въ вѣчность...

Какъ ни были мы готовы къ смерти этого человѣка, но его кончину мы съ А. С. почувствовали, какъ самую тяжкую потерю, оцѣнить которую можно только, испытавъ ее. Для насъ это былъ другъ, учитель, руководитель жизни, словомъ, самый близкій нашей душѣ человѣкъ. Его образъ изгладится изъ нашей памяти только вмѣстѣ съ нашей собственной смертью. Семнадцать лѣтъ мы жили радостью его дружбы, и каждый разъ, когда мы приходили къ нему въ Твери или пріѣзжали къ нему въ Крымъ, проживая у него по цѣлымъ мѣсяцамъ, онъ встрѣчалъ насъ съ неизмѣнной и трогательной нѣжностью и сердечностью. Въ моей душѣ, какъ и въ душѣ А. С., онъ провелъ глубокій, неизгладимый слѣдъ. Онъ сѣялъ въ нашихъ душахъ сѣмена своихъ мыслей и чувствъ съ такой любовью, на какую было способно только его сердце. Все богатство, которое онъ могъ намъ дать, — онъ далъ, и если мы не всѣмъ воспользовались, то это не его вина, а наша...

* *
*

Для лакея нѣтъ великаго человѣка, для клеветника нѣтъ честныхъ людей.

Въ журналѣ «Русская Мысль» за 1914 или 15 годъ появились «Воспоминанія» В. Н. Линда, подѣлившагося съ русскимъ обществомъ сво-

ей оцѣнкой семьи Бакуниныхъ, которую онъ близко зналъ. Онъ съ дѣтства, можно сказать, воспитывался въ этой семьѣ, а затѣмъ много лѣтъ работалъ въ Новоторжскомъ земствѣ рука объ руку съ Бакуниными. Много лѣтъ, съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и до появленія его воспоминаній, т. е. въ теченіе пятидесяти лѣтъ, онъ самъ считалъ себя какъ бы членомъ семьи Бакуниныхъ и послѣдніе тоже относились къ нему, какъ къ родному. При неизмѣнной поддержкѣ Бакуниныхъ, Линдъ былъ членомъ тверской губ. земской управы, затѣмъ почетнымъ мировымъ судьей, наконецъ, предсѣдателемъ новоторжской уѣздной управы. Съ юныхъ лѣтъ онъ считалъ себя соціалистомъ и въ земствѣ всегда представлялъ крайнюю земскую лѣвую.

Обремененный многочисленнымъ семействомъ, онъ, будучи членомъ правленія новоторжскаго общества взаимнаго кредита, запутался въ денежныхъ дѣлахъ и былъ вынужденъ покинуть мѣсто, дававшее ему средства къ жизни. Линдъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ занялся литературной работой, которая, однако, была недостаточна для удовлетворенія потребностей большой семьи. Ему помогли старыя связи и бывшіе друзья, хотѣвшіе поддержать видимо падавшаго стараго товарища. Кто могъ, просто помогалъ деньгами, кто не могъ, помогалъ кредитомъ, ставя свой бланкъ на векселѣ. Но, конечно, и этой помощи оказалось недостаточно. Тогда Линдъ занялся поддѣлкой векселей своихъ старыхъ и наиболѣе добрыхъ друзей — Ольги Николаевны Повало-Швейковской, дочери Николая Александровича Бакунина, и Александра Николаевича Дьякова, сына Варвары Александровны, одной изъ сестеръ Бакуниныхъ. Оба они безпрекословно заплатили банку по подложнымъ векселямъ и пощадили Линда, причемъ Дьяковъ былъ совершенно раззоренъ, ему пришлось уплатить около 30.000 рублей, которыхъ у него не было, и онъ письменно обращался ко мнѣ, не могу-ли я взять на себя взносъ части этихъ денегъ. Доброта и снисходительность членовъ семьи Бакуниныхъ спасала Линда въ нуждѣ и спасла отъ позора и тюрьмы. Какою же монетой заплатилъ онъ тѣмъ людямъ, которые его спасли? Еще болѣе гнусной поддѣлкой, чѣмъ поддѣлка векселей. Онъ сталъ лгать на людей, которые даже не могли сказать ему, что онъ лжетъ, такъ какъ они уже были въ могилахъ. Въ своихъ «воспоминаніяхъ» Линдъ обвиняетъ братьевъ Бакуниныхъ въ тунеядствѣ, крѣпостничествѣ, корыстолюбіи, фразерствѣ, притѣсненіи крестьянъ, прикрываемыхъ громкими фразами либерализма. Онъ писалъ свою ядовитую клевету, чтобы заработать свои тридцать сребренниковъ, когда всѣ его жертвы были мертвы и не могли возразить...

* *
*

Возможность отбывать ссылку, живя совмѣстно съ братомъ, была для меня полной неожиданностью и примиряла меня съ моимъ поло-

женіемъ. Мы съ братомъ съ ранняго дѣтства были связаны дружбой, никогда не нарушавшейся. Будучи еще ребенкомъ, онъ любилъ меня съ какимъ-то самоотверженіемъ, во всемъ мнѣ уступая, всегда готовый сдѣлать для меня, чего бы я ни пожелалъ. Его природа, веселая и жизнерадостная, совершенно лишенная эгоизма, такъ свойственнаго дѣтямъ и побѣждаемаго только правильнымъ воспитаніемъ, требовала лишь любви и ничего больше. Ему былъ всего восьмой годъ, когда меня помѣстили въ пансіонъ при кіевской первой гимназіи. Я былъ старше его ровно на два года. Но, чтобы насъ не разлучать, наши родители, знавшіе нашу взаимную привязанность другъ къ другу, отдали въ пансіонъ и брата, оказавшагося самымъ младшимъ воспитанникомъ. Онъ былъ въ то время очень маленькій, необыкновенно веселый и милый мальчикъ, его всѣ ласкали, а одинъ изъ нашихъ надзирателей, Петръ Григорьевичъ Корнаковскій, очень добрый человѣкъ и прекрасный преподаватель географіи, сажалъ его на свои колѣни и объяснялъ ему то, что преподавалъ въ первомъ классѣ на урокахъ, а за обѣдомъ присылалъ ему свою надзирательскую порцію.

Наше вступленіе въ пансіонъ ознаменовалось маленькимъ проявленіемъ нашей дружбы. Какъ всегда, появленіе новичковъ возбуждало любопытство воспитанниковъ, не всегда безобидное. Такъ случилось и съ нами. Одинъ изъ бойкихъ малышей подошелъ сзади и со всей силы потянулъ волосы на затылкѣ брата кверху, сопровождая этотъ непріятный жестъ мальчишескимъ вопросомъ: далеко видишь? Братъ, неожидавшій такого пріема, отъ боли расплакался. У меня, стоявшаго рядомъ, въ рукахъ была книжка, только что выданная изъ учебной библіотеки. Не долго думая, я со всего размаха ударилъ корешкомъ учебника по носу обидчика и разбилъ ему носъ въ кровь. Поднялась возня, драка, но «силачъ» нашего класса, Макаровъ, принялъ мою сторону, назвалъ молодцомъ и взялъ меня подъ свое покровительство. Тѣмъ не менѣе, надзиратель приказалъ мнѣ стать на колѣни за то, что я такъ энергично расправился за обиду брата. Черезъ нѣсколько минутъ разбитый носъ былъ вымытъ, а я отпущенъ съ миромъ. Это было въ августѣ 1853 года. Черезъ два года, въ 1855 году, насъ обоихъ взяли изъ пансіона и перевели въ кіевскій кадетскій корпусъ. Уже позднѣе мать говорила мнѣ, что она и отецъ получили очень неблагопріятныя свѣдѣнія о гимназическомъ пансіонѣ и распущенности его воспитанниковъ. Въ кадетскомъ корпусѣ нравственная сторона воспитанія была не лучше, можетъ быть, даже хуже, такъ какъ не только среди кадетъ были распространены пороки, вообще свойственные закрытымъ учебнымъ заведеніямъ, но въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ были и ротные офицеры, развращавшіе дѣтей. Мы пробыли въ кадетскомъ корпусѣ до 1861 г., когда, въ виду слабости здоровья моего брата, родители, по его желанію, взяли его изъ корпуса съ цѣлью помѣстить въ гимназію, что представлялось очень удобнымъ вслѣдствіе переѣзда родителей на жительство изъ Плиски въ Черниговъ, гдѣ

отецъ занялъ должность предсѣдателя уголовной палаты. Что касается меня, то въ виду того, что я былъ уже въ первомъ спеціальномъ классѣ и долженъ былъ въ слѣдующемъ году быть выпущеннымъ въ офицеры, — считалось неудобнымъ мѣнять предназначенную мнѣ военную карьеру, и мои родители были рѣшительно противъ перехода моего въ гимназію или къ домашней подготовкѣ для поступленія въ университетъ. Однако, мнѣ было 17 лѣтъ, я былъ уже сильно проникнутъ либеральными идеями, съ которыми впервые познакомился, читая «Колоколъ» Герцена и «Полярную Звѣзду» и бесѣдуя на политико-соціальныя темы съ моимъ учителемъ тактики и военной исторіи, капитаномъ генеральнаго штаба Домонтовичемъ. Получая изрѣдка, на самое короткое время, запрещенную литературу, я не могъ не сообщать ее брату, съ которымъ мы все дѣлили и ничего не скрывали другъ отъ друга. Однажды, въ декабрѣ 1860 г. я передалъ брату листокъ изъ «Колокола» и братъ углубился въ чтеніе его до такой степени, что не замѣтилъ, какъ къ нему съ противоположной стороны стола подошелъ дежурный офицеръ и выхватилъ у него изъ рукъ листокъ. Сидѣвшій рядомъ съ братомъ товарищъ мой, по фамиліи Сваричевскій, посвященный во всѣ наши дѣла, мгновенно перескочилъ черезъ столъ и, прежде чѣмъ офицеръ опомнился, вырвалъ у него изъ рукъ листокъ, только уголокъ котораго оторвался и остался въ рукахъ офицера. Послѣдній крикнулъ на Сваричевскаго и потребовалъ возвращенія листка. Но тотъ былъ юноша рѣшительный, твердый и суровый.

— «Это мое сочиненіе, и вы не имѣете права его читать, если я вамъ его не далъ, а дать вамъ я не хочу,» — спокойно и твердо сказалъ Сваричевскій. И какъ ни требовалъ взбѣшенный офицеръ, стоявшій передъ нимъ юноша продолжалъ повторять, — «вы не получите мою рукопись». Офицеръ, чтобы прекратить довольно неудобную сцену, такъ какъ ихъ окружала толпа кадетъ, приказалъ Сваричевскому слѣдовать за собою къ директору корпуса, генералу фонъ-Вольскому. Вся толпа двинулась по длинному корридору къ квартирѣ директора. По срединѣ корридора находился каминъ, въ которомъ зимой всегда горѣло нѣсколько полѣньевъ. Поровнявшись съ нимъ, Сваричевскій сунулъ листокъ въ огонь, толпа загородила каминъ отъ офицера, и листокъ сгорѣлъ дотла. Какъ ни грозилъ директоръ Сваричевскому строжайшимъ наказаніемъ, послѣдній стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что сожженная «рукопись» была его собственнымъ сочиненіемъ, хотя офицеръ утверждалъ, что то была не рукопись, а печатный листокъ. Однако, директоръ приказалъ посадить упрямаго юношу въ карцеръ на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, и лишить его рождественскаго отпуска, что не имѣло никакого практическаго значенія, такъ какъ на праздники онъ никуда не ѣздилъ. А въ дѣйствительности слабость наказанія зависѣла отъ опасеній директора, что слухъ объ этой исторіи могъ дойти до генерала Ростовцева, главнаго начальника военно-учебныхъ заведе-

ній, и возможность появленія въ кадетскомъ корпусѣ «прокламацій» могла отразиться на всей его карьерѣ.

Кажется, эта исторія была дѣйствительной причиной того, что и наши родители поспѣшили взять брата изъ корпуса подъ предлогомъ болѣзни. Они поспѣшили устранить всякую возможность исключенія или еще чего нибудь болѣе страшнаго, могущаго загубить всю будущность 15-лѣтняго мальчика. Его взяли на рождественскія каникулы и оставили дома, не возвративъ въ корпусъ. Я же долженъ былъ возвратиться въ Кіевъ, хотя мы съ братомъ твердо рѣшили, что я пріѣду на масляницу, не смотря на то, что въ корпусѣ давали только городской отпускъ и только на 4 дня. Мы предвидѣли, что послѣ этого меня исключатъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ подготовимся по латинскому языку и поступимъ въ университетъ. Такіе примѣры у насъ уже бывали: изъ корпуса въ университетъ поступили мои товарищи, — Иконниковъ, впослѣдствіи бывшій профессоромъ исторіи, Чудиновъ, ставшій преподавателемъ русскаго языка, и другіе. Домонтовичъ сочувствовалъ нашему плану и былъ посвященъ въ этотъ заговоръ, исполненіе котораго было назначено на масляницу 1861 года. По обыкновенію, каждый праздникъ я уходилъ къ Домонтовичу; такъ было сдѣлано и на этотъ разъ. Домонтовичъ въ тотъ же вечеръ далъ мнѣ теплое пальто и шапку своего слуги, и, чтобы скрыть слѣды, я выѣхалъ изъ Кіева не на почтовыхъ, а на извозчикѣ до станціи Броваровъ, гдѣ взялъ почтовыхъ лошадей и на слѣдующій день былъ уже въ Черниговѣ, гдѣ отецъ и мать встрѣтили меня не ласково, находя мой поступокъ безразсуднымъ. Въ это время въ Черниговѣ мой отецъ временно исправлялъ должность черниговскаго губернатора. Приближалось объявленіе Манифеста 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ, и въ Черниговъ уже ждали пріѣзда для подготовительныхъ дѣйствій, по высочайшему повелѣнію, адмирала Унковскаго. Въ ожиданіи такого событія и въ увѣренности, что немедленно вспыхнутъ крестьянскіе безпорядки, губернаторъ К. П. Шабельскій подалъ въ отставку и поспѣшилъ уѣхать. Назначенный на его мѣсто князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ не спѣшилъ пріѣхать, вице-губернаторъ Шетохинъ объявилъ себя больнымъ; «заболѣли» и предсѣдатели палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, и на очереди былъ мой отецъ, который всегда сочувственно относился къ освобожденію крестьянъ, и съ радостью вступилъ въ управленіе губерніей въ этотъ величайшій моментъ исторіи русскаго народа.

Сверхъ нашего съ братомъ ожиданія, онъ отнесся къ моему поступку очень строго и, пользуясь своимъ губернаторскимъ положеніемъ, позвалъ полицейскаго чиновника — по фамиліи, кажется, Козачковъ, — далъ ему подорожную, необходимую сумму денегъ и приказалъ отвезти меня въ Кіевъ въ кадетскій корпусъ и сдать вмѣстѣ съ письмомъ директору корпуса. Козачковъ въ точности исполнилъ порученіе и доставилъ меня прямо на квартиру директора, который, прочитавъ поданное ему письмо моего отца, отпустилъ полицейскаго, а мнѣ приказалъ

идти въ роту. На слѣдующій день мнѣ было объявлено, что я лишаюсь унтеръ-офицерскаго званія, въ удостовѣреніе чего съ моихъ погонъ были спороты нашивки, и хотя не исключаюсь изъ корпуса только изъ уваженія къ моему отцу, но увольняюсь по собственному его желанію. Мнѣ было выдано свидѣтельство, въ которомъ и прописано было поведеніе не отличнымъ, а хорошимъ. Послѣ всего этого, къ моему удивленію, меня передали снова на руки того же Козачкова и съ письмомъ директора отправили обратно къ отцу въ Черниговъ. Такъ благополучно окончилось мое первое знакомство съ путешествіемъ въ сопровожденіи полицейскаго.

Вслѣдствіе нашего полнаго незнакомства съ латинскимъ языкомъ, обязательнымъ при вступленіи въ университетъ, мы оба поступили въ черниговскую гимназію въ 6-й классъ, безъ труда прошли гимназическій курсъ и въ 1863 году, окончивъ гимназію, поступили вмѣстѣ студентами въ петербургскій университетъ, я — на юридическій факультетъ, а братъ — на математическій, избранный имъ по совѣту нашего преподавателя математики въ черниговской гимназіи Ильи Петровича Дорошенка, находившаго, что братъ обладаетъ большими математическими способностями. Но, пробывъ на математическомъ факультетѣ годъ, братъ перешелъ на естественный, гдѣ прослушавъ два первыхъ курса, поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую и окончилъ въ 1871 году, посвятивъ своему высшему образованію восемь лѣтъ. Будучи студентомъ медикомъ 4-го курса, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по академіи, Сергѣемъ Павловичемъ Федоровымъ, онъ проводилъ лѣтніе каникулы у меня въ Плискѣ и оба они, со всею энергіей молодости и самопожертвованія, все лѣто отдали борьбѣ съ холерой, уносившей у насъ большое число жертвъ. Оба они работали какъ врачи, фельдшера и санитары, такъ какъ въ то время земская медицина едва зарождалась и все населеніе было лишено всякой врачебной помощи. Они несли этотъ тяжелый трудъ, не зная отдыха, добровольно, какъ люди, готовящіе себя къ подвигу служенія народу.

Окончивъ академію, братъ поступилъ врачемъ въ какой-то флотскій экипажъ, госпиталь котораго находился въ Кронштадтѣ. Не помню, за какую-то провинность флотское начальство посадило его на гауптвахту, по мнѣнію брата безъ всякой вины съ его стороны, и, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній съ начальствомъ, онъ покинулъ свою морскую службу для земской въ Твери. Передъ окончаніемъ академіи, онъ женился на Любови Гавриловнѣ Вульфъ, родной племянницѣ Бакуниныхъ, звавшихъ его въ земство, которое находилось въ то время въ періодѣ организаціи медицинской части и искало врачей, еще не зараженныхъ служебной рутиной. Братъ принялъ предложеніе и получилъ мѣсто старшаго врача въ тверской губернской земской больницѣ, которой онъ отдалъ всѣ свои силы и поставилъ ее на ту высоту, которой земство могло считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Работа брата въ тверской больницѣ создала ему имя среди врачебнаго міра

н вліяніе въ земствѣ, въ которомъ онъ работалъ не только какъ одинъ изъ опытныхъ органнзаторовъ земской медицины, но н какъ гласный уѣзднаго н губернскаго земства, неуклонно отстанвавшій интересы населенія во всѣхъ областяхъ его какъ матеріальной, такъ н духовной жизни. Онъ сумѣлъ создагь въ своей больницѣ такую дружескую атмосферу, которая поддерживала самую строгую дисциплину среди всѣхъ врачей н другихъ служащихъ на почвѣ безусловнаго исполненія обязанностей безъ какой бы то ни было принудительности н безъ малѣйшаго признака чинопочитанія. Все дѣлалось во имя н ради высонаго образованія н воспитанія, разныхъ взглядовъ и хврактеровъ, показнзма, въ которомъ каждая часть одинаково необходима.

Какъ тѣсно была спаяна эта группа людей разнаго положенія, разнаго образованія и воспитанія, разныхъ взглядовъ и характеровъ, показываетъ случай увольненія брата по телеграфному распоряженію министра внутр. дѣлъ гр. Толстого отъ должности старшаго врача, когдв всѣ его сослуживцы, какъ личный составъ губернской земской управы, такъ и служащіе губернской больницы, приняли рѣшеніе никого не назначать на мѣсто старшаго врача до возстановленія правъ брата, и исполнять его обязанности сообща, какъ бы продолжительно ни было время отсутствія Михаила Ильича.

Дѣло это само по себѣ, независимо отъ участія моего брата, представляетъ немалый интересъ. Оно можетъ служить еще однимъ лишнимъ уродливымъ примѣромъ того государственнаго управленія высшей бюрократической власти, на которую опиралось самодержавіе.

Въ Твери существовало «Общество врачей», предсѣдателемъ котораго былъ мой братъ, конечно, давно занесенный жандармеріей въ списки «политически неблагонадежныхъ». Общество врачей, мирное по самой задачѣ своей, преслѣдовало двѣ цѣли: одну — врачебно- научную, другую — врачебно-профессіональную, какъ теперь выражаются, — классовую, т. е. заботу о матеріальномъ положеніи врачебнаго персонала, находившагося вообще въ крайне необезпеченномъ состояніи. Естественно, что врачебная корпорація не могла не обратить вниманія на бѣдственное положеніе врачей, административно сосланныхъ и состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, н тѣмъ болѣе, что число такихъ врачей все болѣе увеличивалось, а ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не могъ сомнѣваться, что административная высылка была мѣрой совершенно произвольной, которая притомъ исходила отъ власти, охранявшей этимъ способомъ свой собственный преступный произволъ. Нельзя не отмѣтить, что въ описываемое время только особенно важные случаи нарушенія профессіональныхъ интересовъ привлекали вниманіе земскихъ врачей, н притомъ только въ случаяхъ, связанныхъ съ интересами общественными. Какъ извѣстно, Пироговское общество врачей, хранитель духа н завѣтовъ учредителей Общества, державшихъ высоко знамя служенія интересамъ народа, только въ послѣднее время обнаружило довольно значительное меньшинство, заговорившее о

томъ, что пора врачамъ обсуждать не только интересы народа, который не обнаруживаетъ особенной заботы о своихъ труженикахъ, но и свои собственные классовые интересы. Прежде земскіе врачи не отдѣляли своихъ интересовъ отъ общественныхъ и потому, когда стали появляться извѣстія о безвыходномъ положеніи административно высланныхъ врачей, которые, въ силу Положенія объ охранѣ, лишались права пользоваться своими знаніями, какъ средствомъ заработка и поддержанія своего существованія, Общество врачей не могло не обратить вниманія на такое положеніе. Но положеніе такихъ врачей было тяжелымъ не только потому, что имъ запрещался трудъ, который могъ бы обезпечить врачу его существованіе, у него отнимали въ то же время и возможность выполнять моральную обязанность оказывать врачебную помощь своему ближнему, т. е. создавалось противорѣчіе недопустимое ни съ какой точки зрѣнія, ибо никакая власть не можетъ освободить человѣка отъ его моральныхъ обязанностей. Констатированъ случай въ Сибири, гдѣ былъ заключенъ въ тюрьму поднадзорный врачъ за то, что вынулъ пулю раненому, требовавшему немедленной операціи для спасенія жизни. Въ виду такого положенія, ординаторъ тверской губернской земской больницы, докторъ Гончаровъ, внесъ на обсужденіе врачей предложеніе ходатайствовать установленнымъ порядкомъ передъ правительствомъ объ исключеніи изъ Положенія объ охранѣ статьи, воспрещающей врачамъ, состоящимъ подъ гласнымъ надзоромъ, всякую медицинскую практику, даже безплатную. Въ засѣданіи, когда разсматривался этотъ вопросъ, мой братъ случайно отсутствовалъ и мѣсто предсѣдателя занималъ его товарищъ. Тѣмъ не менѣе, когда ходатайство Общества было предъявлено по начальству, министръ внутр. дѣлъ гр. Толстой приказалъ немедленно закрыть Общество, а его предсѣдателя, т. е. моего брата, не участвовавшаго въ засѣданіи, безотлагательно уволить отъ должности старшаго врача больницы. Распоряженіе министра было тотчасъ приведено въ исполненіе губернаторомъ Сомовымъ, панически боявшимся своего министра. Предсѣдатель управы С. Д. Квашнинъ-Самаринъ, котораго никто не могъ заподозрить въ нелояльности, обратился, вмѣстѣ съ губ. предводителемъ дворянства Н. П. Олениннымъ, къ губернатору съ просьбой представить министру, что д-ръ Петрункевичъ не былъ въ засѣданіи Общества врачей, когда обсуждалось и было принято ходатайство, и просить министра объ отмѣнѣ этой части его распоряженія. Но губернаторъ Сомовъ простодушно возразилъ: «я самъ знаю, что Петрункевича въ засѣданіи врачей не было, а насчетъ того, чтобы я просилъ министра объ отмѣнѣ его распоряженія, — это уже извините, я еще не сошелъ съ ума, чтобы обратиться къ министру съ такой просьбой!» Сослуживцы брата выполнили свое рѣшеніе. Какъ только гр. Толстой скончался, мой братъ снова вступилъ въ должность старшаго врача больницы по предложенію губернской управы, не встрѣтившей никакого препятствія со стороны мѣстной администраціи.

Проработавъ въ земствѣ въ качествѣ врача болѣе двадцати лѣтъ и вынужденный оставить службу и вмѣстѣ съ нею Тверь, братъ не переставалъ быть гласнымъ уѣзднаго и губернскаго земскаго собранія и принимать въ нихъ дѣятельное участіе. Поселившись въ Петербургѣ, онъ былъ избранъ гласнымъ столичной думы, въ которой продолжвлъ усердно работать, а когда наступили выборы въ первую Государственную Думу, онъ былъ предложенъ конституціонно-демократической партіей въ депутаты отъ г. Петербурга, былъ избранъ однимъ изъ пяти и занялъ мѣсто въ рядахъ своей партіи. Его подпись стоитъ въ числѣ 42 депутатовъ, внесшихъ требованіе приступить къ разрѣшенію аграрнаго вопроса на изложенныхъ въ требованіи основаніяхъ. Онъ много работалъ въ думскихъ комиссіяхъ и, когда Дума была разогнана, подписалъ «Выборгское воззваніе», былъ осужденъ Судебной Палатой и просидѣлъ три мѣсяца въ одиночномъ заключеніи въ Крестахъ, въ С. Петербургѣ (май-августъ 1908 г.).

Здоровье его было расшатано, у него появились признаки склероза, особенно рѣзко выступившіе въ 1911 году. Въ зиму 1911-12 года онъ перенесъ тяжкій приступъ грудной жабы. Въ 1912 г. ранней весной мы выѣхали въ Крымъ, а вслѣдъ за нами выѣхалъ и братъ въ надеждѣ на благотворное вліяніе южнаго климата. Онъ пріѣхалъ въ Ялту и поселился у своего стараго друга Софьи Владиміровны Татариновой, рожденной Всеволожской, которую онъ зналъ съ дѣтства. Но и южный климатъ уже былъ безсиленъ побороть разрушительное дѣйствіе болѣзни. 2-го мая мы съ А. С. были у него; онъ еще сидѣлъ у своего стола и разговаривалъ съ нами. Пришелъ навѣстить его и лѣчившій его д-ръ И. Н. Альтшуллеръ, старый его пріятель и товарищъ по тверской земской больницѣ. По лицу Альтшуллера я замѣтилъ, что онъ встревоженъ, поэтому я пошелъ его проводить. Когда мы вышли, я спросилъ его о положеніи брата. На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ, что не можетъ скрыть отъ меня, что положеніе безнадежно и что смерть можетъ наступить каждую минуту, но при данной болѣзни возможно тоже, что положеніе продержится еще нѣсколько времени. Во всякомъ случаѣ, онъ совѣтовалъ дать знать сыну и дочерямъ. Къ вечеру мы уѣхали къ себѣ въ Гаспру, рѣшивъ вернуться на слѣдующій день. Но прежде чѣмъ мы успѣли даже выѣхать изъ Гаспры, Ольга Мальцова, наша племянница, тоже гостившая у Татариновой, вызвала меня къ телефону и сказала, что братъ только что скончался...

Онъ умеръ 3/16 мая 1912 г., а 6 мая, когда пріѣхали его двѣ дочери и сынъ, братъ былъ погребенъ въ Ялтѣ на кладбищѣ у стараго собора, на высокой горѣ, откуда открывается видъ на безбрежное море...

ГЛАВА IX.

Кружокъ Бакуниныхъ и моего брата. — В. И. Покровскій. — М. П. Литвиновъ. — Прибытіе изъ Сибири и другихъ мѣстъ восточной Россіи ссыльныхъ, которымъ было предоставлено выбрать мѣсто жительства: В. В. Лесевичъ, А. И. Эртель, Г. А. Мачтетъ, М. В. Девель, Б. Ф. Недзялковскій, В. И. Яковенко и другіе. — Пріѣздъ въ Тверь американца Джорджа Кеннана. —

Въ Твери, за исключеніемъ семьи брата и семейства Бакуниныхъ, у меня не было знакомыхъ. Въ Смоленскѣ я избѣгалъ знакомствъ, потому что положеніе ссыльнаго и поднадзорнаго въ глазахъ общества, политически трусливаго, всегда опасающагося скомпрометтировать себя передъ подозрительной властью, — не слишкомъ удобно вообще, а особенно для новыхъ знакомствъ. Еще, такъ называемое, шапочное знакомство, — куда ни шло: оно ни къ чему не обязываетъ, ну, а принимать у себя — для этого уже требуется нѣкоторая смѣлость.

Другое положеніе въ Твери: я не сомнѣвался, что здѣсь политической смѣлости достаточно, и моимъ знакомствомъ стѣсняться никто не будетъ, а друзья Бакуниныхъ и брата встрѣтятъ насъ какъ друзей.

Къ моему сожалѣнію, въ теченіе первой зимы А. С. была вынуждена долгое время проводить въ Петербургѣ, оставалась тамъ по мѣсяцамъ ради свиданій съ дочерью, такъ какъ эти свиданія были строго ограничены опредѣленнымъ временемъ, опредѣленными днями, не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, и притомъ, въ присутствіи назначеннаго институтомъ лица, въ квартирѣ начальницы института. При такихъ условіяхъ, въ теченіе мѣсяца она могла видѣть дочь не болѣе восьми разъ. Ни малѣйшаго отступленія отъ этихъ жестокихъ правилъ не допускалось... Нужно было много энергіи, чтобы преодолѣть такое положеніе и удѣлять долю вниманія другимъ требованіямъ жизни...

Естественно, что первыя наши знакомства въ Твери были сдѣланы въ ближайшемъ обществѣ знакомыхъ и друзей брата, въ средѣ, съ которой его сроднило сотрудничество въ общественной работѣ. Это была среда, къ которой принадлежали люди довольно различныхъ интеллигентныхъ профессій, объединенные духомъ оппозиціи противъ все болѣе растущей реакціи послѣднихъ годовъ царствованія Александра II и первыхъ годовъ царствованія его преемника. Въ этой средѣ были, такъ называемые, земцы, служащіе въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, врачи, адвокаты, одинъ педагогъ и т. п. Они не скрывали своихъ оппозиціонныхъ воззрѣній и въ большинствѣ явно или секретно считались «скомпрометтированными» въ политическомъ отношеніи. Правительство ихъ терпѣло, но лишь до перваго удобнаго случая.

Тверь городъ небольшой и хотя въ немъ насчитывалось до 40 тысячъ жителей, но въ числѣ ихъ болѣе половины принадлежало къ числу служащихъ и рабочихъ трехъ текстильныхъ фабрикъ, большого

вагоностроительнаго завода и станціи Николаевской желѣзной дороги, расположенныхъ внѣ городв и жившихъ своей особой жизнью. Особенно это можно сказать о громадной Морозовской мануфактурѣ, располагавшей разными собственными культурными учрежденіями: больницей, прекрасной школой, бнбліотекой и даже театромъ, на которомъ часто гастролировали московскіе артисты. Если фабрики эти имѣли отношеніе къ городу, то кажется въ томъ лншь, что представляли крупныя еднницы обложенія, но съ другой стороны причиняли городу и серьезное неудобство. Расположенныя по теченію Волги выше города, онѣ спускали всѣ нечистоты въ Волгу и впадающую въ нее р. Тьмаку, отравляя воду на всемъ протяженіи города. Всѣ попытки города устранить такое положеніе разбивались о вліяніе богатаго противника.

Точной цифры населенія фабрикъ, завода и желѣзно-дорожной станціи съ ея служащими и мастерскими я не могу назвать, но во всякомъ случаѣ она составляла болѣе половины всѣхъ тверскихъ обывателей, а населеніе собственно города Твери оказывалось не болѣе второстепеннаго уѣзднаго города, съ небольшимъ торговымъ классомъ, незначительнымъ числомъ мастеровыхъ и ремесленниковъ, т. е. городского мѣщанства. Сравнительно небольшая часть населенія оставалась на долю чиновниковъ правительственныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій, учащнхся, лицъ свободныхъ профессій и войсковыхъ частей. Изъ этого можно вндѣть, что Тверь одинъ изъ самыхъ малолюдныхъ губернскихъ городовъ. А отсутствіе въ немъ театра указывало и на малочнсленность его интеллигентнаго класса, который обыкновенно своими посѣщеніями окупаетъ содержаніе театра.

Кружокъ Бакуниныхъ и моего брата состоялъ изъ земцевъ, врачей, земскихъ служащихъ и вообще лицъ свободныхъ профессій, къ числу которыхъ я прнчисляю служащнхъ по выборамъ или по назначенію въ земствѣ, т. к. эти служащіе не могутъ быть отнесены къ учрежденіямъ бюрократическаго характера.

Къ этой маленькой группѣ прежде всего я отношу Василія Ивановича Покровскаго, съ которымъ познакомнлся тотчасъ по пріѣздѣ въ Тверь, но зналъ его гораздо раньше какъ одного изъ издателей и руководителей гвзеты «Тверской Вѣстннкъ», которая издавалась и редактировалась В. И. Покровскимъ и моимъ братомъ. Маленькая, но бойкая газета смѣло и рѣшительно поддерживала общественное настроеніе — противъ офиціальнаго, земское дѣло — противъ бюрократіи. Борьба шла непрерывно, пока «Тверской Вѣстникъ» не постигла общая судьба такнхъ изданій, т. е. пока онъ не былъ прекращенъ по распоряженію миннстра внутр. дѣлъ. Когда я жилъ въ Смоленскѣ и участвовалъ въ изданіи «Смоленскаго Вѣстника», обѣ газеты находились въ постоянномъ общенін: если статья, относящаяся къ тверскимъ дѣламъ, не могла быть напечатанной въ «Тверскомъ Вѣстникѣ», она появлялась въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» и посылалась въ Тверь въ достаточномъ числѣ экземпляровъ для даровой разсылки. Если же такой

казусъ постигалъ статью, написанную для «Смоленскаго Вѣстника», она печаталась въ тверской газетѣ и присылалась въ Смоленскъ. Такимъ образомъ, какъ Тверь, такъ и Смоленскъ читали въ печати статьи, не пропущенныя мѣстной цензурой.

По своимъ душевнымъ качествамъ, по своей безпредѣльной добротѣ, по своему уму, образованію, трудоспособности Василій Ивановичъ Покровскій былъ совершенно исключительный человѣкъ. Никогда и ни о комъ онъ не отзывался дурно. Самое большее, что онъ рѣшался сказать о завѣдомомъ негодяѣ, было: «да, это не вполнѣ совершенный человѣкъ!» Думаю, что никогда болѣе серьезнаго осужденія онъ не произносилъ и никогда его сердце не отказывало въ помощи человѣку, даже когда послѣдній не заслуживалъ ея. За всѣхъ нуждавшихся онъ, самъ нуждавшійся въ средствахъ, хлопоталъ, не разбирая, какъ будутъ приняты его просьбы, просилъ, убѣждалъ, взывалъ къ справедливости, къ разуму, къ сердцу, къ заповѣдямъ Христа. И ему удавалось многаго достичь, такъ какъ его искренность побѣждала даже черствое сердце. Василій Ивановичъ былъ сынъ тверского протоіерея, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ за его умъ, характеръ, но болѣе всего за его доброту. Сынъ наслѣдовалъ всѣ эти черты своего отца, усиливъ ихъ интенсивность. Будучи студентомъ московскаго университета въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ слушалъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ и жилъ въ домѣ извѣстнаго главы славянофиловъ Алексѣя Степановича Хомякова, давая уроки его сыновьямъ. Но онъ не былъ и тогда склоненъ къ славянофильству и обнаруживалъ симпатіи къ западническому теченію, къ Грановскому, Бѣлинскому. Какъ извѣстно, Хомяковъ, кромѣ широкаго образованія, обладалъ крупнымъ діалектическимъ талантомъ и могъ подавлять превосходствомъ своихъ знаній и таланта воззрѣнія молодого студента. Но воззрѣнія послѣдняго вытекали непосредственно изъ глубины его природы и прокладывали свой путь, не поддаваясь и не уклоняясь въ сторону отъ своего естественнаго направленія, что не мѣшало ему пріобрѣтать обширныя свѣдѣнія и въ тѣхъ областяхъ знанія и въ тѣхъ теченіяхъ, которыя привлекали его своею критикой и провѣркой его собственныхъ воззрѣній. Окончивъ университетъ, онъ совершенно неожиданно для самого себя вынужденъ былъ пройти стажъ, бывшій въ Россіи почти обязательнымъ для каждаго самостоятельно и независимо мыслящаго молодого человѣка: онъ безъ всякихъ основаній попалъ въ Петропавловскую крѣпость, не помню, по какому дѣлу, кажется, по Каракозовскому, и просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи около года, доведенный до крайняго нервнаго сотоянія, сопровождавшагося разными галлюцинаціями. Его перевели въ больницу, а затѣмъ также просто освободили, безъ предъявленія какого-либо обвиненія. Но служебная карьера его была испорчена, и онъ, человѣкъ широкаго образованія и ума, долженъ былъ занять мѣсто завѣдующаго губернскимъ статистическимъ комитетомъ, на которомъ лежала регистрація различныхъ

мѣстныхъ свѣдѣй. Но и на этомъ посту чисто бюрократической канцеляріи онъ принялся за дѣло со всей своей добросовѣстностью и широкимъ взглядомъ. Введеніе въ Тверской губерніи земскихъ учрежденій дало ему возможность расширить свою задачу, т. к. въ его лицѣ губернскій статистическій комитетъ былъ соединенъ съ статистическимъ отдѣломъ губернской земской управы, и его описаніе Тверской губерніи было, кажется, первой работой, изданной тверскимъ земствомъ, и долго служило важнымъ подспорьемъ въ разрѣшеніи мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ. Методъ этой работы Покровскаго не былъ впослѣдствіи принятъ земской статистикой, получившей чрезвычайно важное значеніе въ земской работѣ. Тѣмъ не менѣе, починъ въ этомъ дѣлѣ составляетъ безспорную заслугу В. И. Покровскаго. Онъ зналъ свою губернію, какъ никто ее не зналъ ни до него, ни послѣ. Многіе изучали съ помощью современныхъ научныхъ методовъ отдѣльныя стороны хозяйственной жизни губерніи, но никто не достигъ того знанія цѣлаго, которымъ обладалъ Василій Ивановичъ. Онъ овладѣлъ всею природою своего края, какъ бы его душою, и отвѣчалъ на всякій вопросъ съ такой полнотой и ясностью, которыя были вполнѣ достаточны для своего времени и для тѣхъ цѣлей, которыя составляли задачи того времени.

Чрезвычайно неудовлетворительное состояніе центральной государственной статистики, отсутствіе тщательно разработанной программы у центральнаго статистическаго комитета, отсутствіе періодичности народныхъ переписей всего государства, отсутствіе хорошо поставленныхъ статистическихъ органовъ на мѣстахъ и самая настоятельная необходимость въ разнообразныхъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ вопросмъ экономической и культурной жизни страны, — все это требовало созданія на мѣстахъ правильно устроенныхъ статистическихъ органовъ, регулярно, періодически собирающихъ свѣдѣнія, относящіяся къ движенію населенія, къ промышленности, торгоялѣ и другимъ условіямъ экономической и культурной жизни населенія. Земство взяло эту задачу на себя, такъ какъ правительство не обнаруживало ни малѣйшаго намѣренія превратить губернскіе статистическіе комитеты въ живыя и соотвѣтствующія своему назначенію учрежденія. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ начали учреждаться статистическія отдѣленія при губернскихъ земскихъ управахъ, причемъ каждое земство вырабатывало свою программу; сначала, однако, опредѣлилось два типа, — черниговскій и московскій, а въ концѣ концовъ взялъ верхъ типъ московскій, принявшій за основу своихъ изслѣдованій подворное описаніе, требовавшее значительнаго штата рабочихъ силъ и крупныхъ расходовъ.

Но совмѣстный трудъ съ новыми людьми, а новые люди, ставшіе у дѣла и создавшіе тренія, которыхъ мягкая и благородная душа Василія Ивановича не могла выносить, побудили его покинуть Тверь и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ занялъ, если не ошибаюсь, мѣсто завѣдующаго статистикой таможенныхъ сборовъ. Затѣмъ онъ перешелъ

въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ оставилъ монументальный трудъ по статистикѣ народныхъ школъ во всей имперіи. Незадолго до своей смерти въ Петроградѣ онъ прислалъ мнѣ эту свою послѣднюю многотомную работу въ подарокъ. Онъ умеръ, какъ жилъ, съ перомъ въ рукѣ, съ неизмѣнной любовью къ людямъ, съ неизмѣнной вѣрой въ добро.

Въ это-же время вокругъ моего брата составился кружокъ земскихъ врачей, глубоко преданныхъ не только своему профессіональному дѣлу, но и земскому, въ которомъ они привыкли видѣть важнѣйшую задачу организаціи русской общественности. Тутъ были: молодые ординаторы Н. П. Шуениновъ и д-ръ Гончаровъ; тутъ-же работали и еще болѣе молодые практиканты-врачи: Альтшуллеръ, впослѣдствіи очень извѣстный врачъ въ Ялтѣ, занимавшійся въ это время бактеріологіей, и женщина-врачъ Цымковская. Тутъ-же былъ и товарищъ брата по академіи, д-ръ Михаилъ Павловичъ Литвиновъ, только что приглашенный земствомъ для устройства колоніи душевно-больныхъ, вновь учрежденной по плану самого Литвинова, ставившаго этотъ вопросъ на совершенно новую почву. Всѣ они были объединены однимъ общимъ духомъ общественнаго служенія.

Знакомство съ докторомъ Литвиновымъ въ теченіе многихъ годовъ привело насъ, какъ его, такъ и меня, и А. С. къ самой тѣсной дружбѣ, оставшейся неизмѣнной до самой его кончины, и я не могу не занести въ свою лѣтопись всего, что относится къ его жизни и общественной дѣятельности, прошедшей на моихъ глазахъ съ 1883 г. до 1918 года, т. е. въ теченіе 35 лѣтъ.

Какъ я сказалъ выше, Литвиновъ былъ товарищемъ по академіи моего брата, но окончилъ ее годомъ раньше, такъ какъ братъ пробылъ три года въ университетѣ до поступленія въ академію. Литвиновъ былъ моложе брата на одинъ годъ (род. 12 октября 1846 г.) По окончаніи академіи Литвиновъ избралъ своею спеціальностью психіатрію, наиболѣе отвѣчавшую его пытливому уму и глубокому чувству гуманности, не мирившемуся съ тѣми способами лѣченія и содержанія душевно-больныхъ, какіе господствовали до того времени и образцомъ которыхъ могли служить отдѣленія для этихъ больныхъ при всѣхъ губернскихъ больницахъ, доставшихся земству по наслѣдству отъ «Приказа общественнаго призрѣнія.»

Не смотря на то, что тверская Бурашевская колонія еще только строилась въ 15-ти верстахъ отъ Твери, въ купленномъ для этой цѣли имѣніи, М. П. Литвиновъ былъ приглашенъ наблюдать за исполненіемъ своего плана, что задерживалось безконечными переговорами съ министерствомъ внутр. дѣлъ, участвовавшимъ въ половинѣ расходовъ по постройкѣ, и всегда находившимъ въ планахъ недостатки, требующіе исправленія. Потребовалось немало времени и опыта, чтобы догадаться въ чемъ дѣло; а дѣло было обычное въ нашихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: надо было пригласить одного изъ департамент-

скихъ архитекторовъ якобы строителемъ, но съ соотвѣтственнымъ жалованьемъ, т. е. говоря проще, — дать въ видѣ жалованья взятку за утвержденіе плана, что для земства представлялось зазорнымъ и недопустимымъ. Что было дѣлать? Похоронить дѣло, откладывая изъ года въ годъ? Подумали, побранили неисправимые порядки, унаслѣдованные отъ предковъ и... дали взятку, т. е. пригласили офиціальнаго архитектора, пріѣхавшаго въ Бурашево одинъ разъ — на открытіе колоніи.

Нѣсколько лѣтъ позднѣе мнѣ случилось быть въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ директоромъ земской больницы для душевно-больныхъ былъ прежній ординаторъ бурашевской колоніи при Литвиновѣ. Онъ пригласилъ меня осмотрѣть его больницу, въ то время недавно выстроенную по планамъ строительнаго департамента мин. вн. дѣлъ. При осмотрѣ я не могъ не обратить вниманіе на множество печей и дверей въ палатахъ, совершенно ненужныхъ и потому закрытыхъ. Д-ръ П. П. Кащенко, директоръ больницы, объяснилъ мнѣ, что министерство систематически отвергало всѣ планы, представляемые земствомъ, очевидно домогаясь взятки, и, такъ какъ земство отказалось пустить въ ходъ такое обычное средство, департаментъ утвердилъ свой собственный, никуда негодный планъ, по которому больница и выстроена.

Такова живучесть привычекъ нашихъ министерскихъ канцелярій. Да кому же неизвѣстны такъ называемые двойные счета ихъ? Я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, какъ членъ тверской губ. зем. управы, В. Б. Костылевъ, зашелъ въ Москвѣ вмѣстѣ со мною въ одинъ большой писчебумажный магазинъ, чтобы сдѣлать заказъ для губ. зем. упр. на разные писчіе матеріалы на довольно значительную сумму. Приказчикъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Какъ прикажете — двойной счетъ?» — Нѣтъ, возразилъ Костылевъ, земство не ведетъ двойныхъ счетовъ. — «Такъ точно. На земскіе заказы мы даемъ одинъ счетъ, на настоящую цѣну».

Въ 1885 году всѣ сооруженія въ Бурашевской колоніи были закончены въ такой мѣрѣ, что колонію можно было открыть, т. е. перевести больныхъ изъ «сумасшедшаго дома» въ новыя обширныя помѣщенія, расположенныя въ прекрасной мѣстности, совершенно сухой, среди лѣса и полей, которыя предназначались для обрабатыванья больными. Съ перваго дня открытія колонія стала высоко-культурнымъ центромъ, вліяніе котораго распространилось далеко за ея предѣлами. Она стала школой врачей-психіатровъ, приглашаемыхъ другими земствами въ качествѣ директоровъ въ такихъ-же, вновь возникающихъ, больницахъ. Но новизна такого учрежденія, новые методы примѣняемые въ немъ, еще не приспособленные къ нашимъ привычкамъ и нравамъ, на первыхъ же порахъ вызвали цѣлый рядъ столкновеній и съ мѣстной губернской администраціей, и въ средѣ земства, и даже въ средѣ колоніи.

Эти столкновенія сдѣлали свое дѣло, и, въ концѣ концовъ. М. П. Литвиновъ долженъ былъ послѣ 10-тилѣтней борьбы покинуть

Бурашево. Онъ принялъ такое-же мѣсто въ смоленскомъ губ. земствѣ, гдѣ условія оказались еще менѣе благопріятными для проведенія въ жизнь его воззрѣній и независимой работы (1896-1897). Онъ покинулъ Смоленскъ и переѣхалъ въ 1898 г. въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто простого ординатора въ той самой частной лечебницѣ д-ра Фрея, въ которой онъ начиналъ свою работу въ молодости и гдѣ онъ еще менѣе могъ приложить свои силы, свои знанія и свой опытъ.

Утомленный и измученный своей пятнадцатилѣтней борьбой съ косностью и упорствомъ привычекъ людей, отъ которыхъ зависѣло осуществленіе его плановъ и надеждъ, потерпѣвъ крушеніе и потерявъ здоровье и силы, и очутившись снова въ лечебницѣ д-ра Фрея, занимая мѣсто начинающаго врача послѣ того, какъ юрьевскій медицинскій факультетъ поднесъ ему за организацію Бурашевской колоніи дипломъ доктора honoris causa, — Михаилъ Павловичъ былъ въ очень тяжеломъ настроеніи, не видя ничего впереди. Въ своихъ письмахъ къ намъ онъ не жаловался на свое положеніе, но мы не могли, зная его душевный складъ, не понимать, что онъ переживалъ. Уже много лѣтъ мы знали его и почти столько-же лѣтъ наблюдали его страстное отношеніе къ своему дѣлу. Жена моя и я очень любили и высоко цѣнили его. Цѣнилъ его высоко и Павелъ Александровичъ Бакунинъ, ставшій для Литвинова такимъ же учителемъ и другомъ, какъ и для насъ.

Письма его жены еще болѣе подкрѣпляли наши догадки, и мы съ А. С. рѣшили настойчиво звать его оставить службу у д-ра Фрея и со всей семьей, т. е. съ женой Антонидой Карловной и ихъ воспитанниками — дѣтьми умершей сестры Антониды Карловны, переѣхать къ намъ въ Машукъ на жительство, не стѣсняясь никакимъ временемъ, пока не возстановится здоровье Михаила Павловича и не найдется для него занятіе и мѣсто, которыя могли бы удовлетворить его. Литвиновъ дружески откликнулся на нашъ призывъ и въ 1900 году переселился къ намъ въ Машукъ.

Мы имѣли возможность устроить его съ семьей въ отдѣльномъ, довольно просторномъ домѣ, очень близко отъ нашего дома, на полянѣ среди парка, въ 100 шагахъ отъ р. Тверцы. Въ этомъ домѣ онъ прожилъ до 1906 года, цѣлыхъ шесть лѣтъ, дѣля съ нами всѣ радости и печали, и раздѣлилъ вмѣстѣ со мною мою третью высылку изъ этого нашего послѣдняго собственнаго гнѣзда, такъ какъ мин. внутр. дѣлъ Плеве, высылая меня въ 1904 году изъ Тверской губерніи, выслалъ и Литвинова, какъ земскаго гласнаго и моего друга и сотрудника.

Мы выѣхали изъ своего Машука въ подмосковное имѣніе дочери Анастасіи Сергѣевны, Маренно, а оттуда, съ наступленіемъ весны, переѣхали въ Крымъ, куда пріѣхалъ и Литвиновъ.

15 іюля Плеве былъ убитъ, а, послѣ назначенія на его мѣсто кн. Святополкъ-Мирскаго, Литвиновъ и я получили осенью право вернуться домой, какъ разъ къ выбору уѣздной земской управы на мѣсто выбывшей, назначенной правительствомъ. Предсѣдателемъ управы Ново-

торжское земство избрало Литвинова. До своей высылки онъ уже былъ гласнымъ и съ земскимъ дѣломъ хорошо знакомъ. Поэтому, ставъ предсѣдателемъ, онъ отдался работѣ съ энергіей, которую проявлялъ всегда и во всякой работѣ. Для этого онъ фактически даже переселился изъ Машука въ Торжокъ. Однако, и въ этой новой должности ему пришлось пробыть недолго. Революціонное движеніе 1905 г. подняло на ноги въ Тверской губ. всѣ реакціонныя и черносотенныя силы. Въ Твери, послѣ объявленія манифеста 17 октября, черной сотней былъ устроенъ погромъ главнымъ обрвзомъ служащихъ въ губернскомъ земствѣ. Тверской погромъ возбудилъ черносотенное движеніе и въ уѣздахъ, гдѣ распространялись среди мѣстнаго крестьянства самыя нелѣпыя обвиненія противъ земства. Литвиновъ выдержалъ этотъ натискъ стоически, не покидая своего поста, пока опасность грозила ему лично. Онъ покинулъ мѣсто лишь послѣ того, когда на совѣщаніи группы гласныхъ было рѣшено выбрать земскую управу чисто крестьянскую, что и было исполнено.

Я разскажу подробности этого случая въ другомъ мѣстѣ, гдѣ буду говорить о революціонномъ движеніи 1905 года, охватившемъ многихъ изъ тѣхъ, которые до того шли вмѣстѣ съ нами. Тогда мы признали, что наилучшимъ способомъ разрѣшенія такого положенія будетъ готовность съ нашей стороны предоставить управленіе земскими дѣлами тѣмъ людямъ, которые думали, что мы держимся за власть и что они лучше поведуть дѣла. И, дѣйствительно, спокойствіе было достигнуто, но опытъ показалъ, что для веденія дѣлъ требуется соотвѣтственная подготовка. Когда психологическій кризисъ миновалъ, ошибка обнаружилась сама собою.

Въ 1906 году Михаилъ Павловичъ получилъ мѣсто директора «Коронаціоннаго Убѣжища» для взрослыхъ и дѣтей, страдающихъ какими либо недостатками физическими или душевными. Это было обширное учрежденіе городского управленія Москвы. Въ этомъ учрежденіи Литвиновъ проявилъ всѣ свои таланты организатора и руководителя труднаго дѣла воспитанія дѣтей, страдающихъ природными недостатками. Онъ поставилъ это учрежденіе на высоту, на которой оно никогда не стояло, пребывая раньше самымъ заурядннымъ «пріютомъ» для дѣтей. Ему удалось вызвать у этихъ обиженныхъ природой маленькихъ существъ таланты, которыхъ никто не могъ ожидать; напр. въ рисованьѣ, въ скульптурѣ и т. п. Надо было видѣть его среди этихъ дѣтей, чтобы понять, какую работу онъ совершалъ, какое терпѣніе, какую настойчивость, любовь и пониманіе человѣческой души онъ проявлялъ. Въ своихъ помощникахъ-врачахъ онъ не встрѣчалъ поддержки: они только «служили», какъ служатъ во всѣхъ учрежденіяхъ чиновники, измѣряющіе свои обязанности часами обязательнаго пребыванія въ канцеляріи. Съ низшимъ персоналомъ у Литвинова бывали столкновенія на почвѣ его требовательности, никогда не превышавшей того, что онъ предъявлялъ и къ самому себѣ. Поэтому низшій персоналъ его боялся

и не любилъ. Одинъ, не лишенный общественнаго интереса, случай обнаружилъ это очень ярко. Въ «Убѣжищѣ», кромѣ дѣтей, были и взрослые больные. Одинъ изъ такихъ больныхъ, чувствуя приближеніе смерти, заявилъ Михаилу Павловичу, что имъ выданъ безденежный вексель на 500 р. сидѣлкѣ, по ея настоянію. Такіе случаи практиковались въ городскихъ больницахъ и не всегда было возможно обнаружить такую форму вымогательства низшаго служебнаго персонала у умирающихъ. Услышавъ такое заявленіе больного, Михаилъ Павловичъ немедленно позвалъ сидѣлку и спросилъ ее, получила ли она вексель? Застигнутая врасплохъ сидѣлка созналась и по требованію Литвинова принесла вексель; Литвиновъ взялъ его и тутъ-же разорвалъ на куски. Спустя нѣкоторое время сидѣлка предъявила судебному слѣдователю жалобу за уничтоженіе ея документа, очевидно, по рѣшенію товарищей, для которыхъ представлялся случай упечь своего строгаго начальника подъ судъ и избавиться отъ него. Привлеченный къ суду, Литвиновъ не отрицалъ факта уничтоженія векселя, полученнаго путемъ вымогательства у больного, бывшаго на его попеченіи, какъ директора убѣжища, и утверждалъ, что онъ былъ обязанъ принять такую мѣру, чтобы предупредить въ лѣчебномъ заведеніи преступныя дѣйствія служащихъ. Однако, прокуратура смотрѣла на дѣло иначе и московскій окружной судъ приговорилъ Литвинова къ одному рублю штрафа. Адвокатъ Литвинова, Н. К. Муравьевъ, перенесъ дѣло въ Судебную Палату, требуя признанія Литвинова невиновнымъ и Палата согласилась, что въ поступкѣ Литвинова нѣтъ преступленія, и освободила его отъ всякой отвѣтственности.

Служащими въ убѣжищѣ этотъ случай не былъ забытъ, когда въ 1917 г. революція стала толковаться какъ средство мести для всѣхъ, кто считалъ себя обиженнымъ и кто не терялъ случая поправить свое положеніе. Низшій персоналъ больницы рѣшилъ поэтому выгнать всѣхъ врачей и прежде всего директора, а бразды правленія взять въ свои руки. Литвиновъ былъ выгнанъ изъ своей квартиры, будучи въ это время серьезно больнымъ. Болѣе года онъ бѣдствовалъ въ Москвѣ, пока не былъ принятъ, какъ больной, въ Бахрушинскую больницу, гдѣ и скончался 5 октября 1918 г. Онъ погребенъ на Введенскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ.

Немного людей провожало его на мѣсто его вѣчнаго успокоенія, но между этими немногими была одна простая женщина, пришедшая издалека, не смотря на трудность передвиженія при большевикахъ, съ другого конца города, прослышавъ о его кончинѣ, чтобы принести ему материнскую благодарность за своего ребенка, котораго онъ пріютилъ въ своемъ убѣжищѣ.

Въ первую же зиму нашего пребыванія въ Твери, т. е. въ 1883 г., я возобновилъ наше знакомство съ Ѳедоромъ Измаиловичемъ Родичевымъ, весьегонскимъ гласнымъ, прибывшимъ на губернское земское со-

браніе, происходившее, по тверскому обычаю, всегда въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Въ первый разъ я встрѣтился съ нимъ въ 1877 году на Кіевскомъ вокзалѣ, когда онъ возвращался вмѣстѣ съ Линдомъ изъ Сербіи, гдѣ сражался подъ начальствомъ генерала Черняева, въ качествѣ добровольца, съ турками за освобожденіе балканскихъ славянъ. Тогда онъ показался мнѣ совсѣмъ юнымъ; въ Твери я встрѣтилъ его спустя шесть лѣтъ уже вполнѣ возмужалымъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ прошло 38 лѣтъ. Мы съ нимъ похоронили многихъ друзей, почти никого изъ прежнихъ не осталось въ живыхъ; только мы двое и остались. Отъ всего сердца желаю, чтобы не мнѣ, а ему досталась послѣдняя очередь помянуть послѣдняго стараго и горячо его любящаго вѣрнаго друга. О совмѣстной нашей дѣятельности я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Дѣятельность комиссіи, учрежденной еще при гр. Игнатьевѣ въ 1861 году по разсмотрѣнію дѣлъ административно-сосланныхъ, не была прекращена вмѣстѣ съ отставкою гр. Игнатьева, и на томъ-же основаніи, которое меня привело въ Тверь, привлекла сюда-же въ 1884 году около 20 или 25 человѣкъ ссыльныхъ изъ Западной Сибири, — Тобольской и Томской губерній, а также изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Эти ссыльные избрали г. Тверь, какъ ближайшій городъ къ Москвѣ, о которомъ ходили хорошіе слухи въ Сибири. Одинъ изъ прибывшихъ ссыльныхъ, Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, извѣстный писатель и философъ-позитивистъ, мнѣ говорилъ, что «онъ избралъ Тверь потому, что въ Сибири слыхалъ, что здѣсь люди ссорятся не по поводу личныхъ дрязгъ, а по несходству въ убѣжденіяхъ». Ему разсказывали, что «изъ за разномыслія о воззрѣніяхъ Достоевскаго въ Твери расходились даже пріятели.» Почти одновременно въ Твери появились: писатель А. И. Эртель, авторъ «Степныхъ очерковъ» и романа «Семейство Гардениныхъ»; Григ. Ал. Мачтетъ, тоже писатель; Болеславъ Францевичъ Недзялковскій, полякъ, студентъ Петровской Академіи, съ которымъ впослѣдствіи мы обрабатывали статистику по нѣкоторымъ уѣздамъ Тверской губ.; Валент. Ив. Яковенко, тогда еще очень молодой человѣкъ, женатый и имѣвшій маленькаго сына, бѣгавшаго у насъ на квартирѣ и разбрасывавшаго мои книги, а теперь извѣстнаго философа, Бориса Яковенко; Мих. Влад. Девель, образованный агрономъ, и много другихъ, съ которыми я встрѣчался на такъ называемыхъ въ Твери «средахъ», но мало ихъ зналъ. Появленіе такого числа ссыльныхъ въ такомъ малолюдномъ городѣ, какъ Тверь, сразу поставило вопросъ о матеріальной помощи тѣмъ изъ нихъ, которые, будучи выбиты изъ своей колеи, не имѣли никакихъ средствъ для существованія. Тѣ лица изъ нихъ, которыя я назвалъ по имени, въ помощи не нуждались: Лесевичъ былъ человѣкъ совершенно обезпеченный матеріально, владѣя довольно крупнымъ имѣніемъ въ Полтавской губерніи; Эртель и Мачтетъ, — писатели-беллетристы, получали гонораръ отъ крупныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ; Яковенко и Недзялковскій тоже имѣли ли-

тературный заработокъ; Девель сразу занялъ мѣсто завѣдующзго складомъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и проч. и обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ много таланта, энергіи и практичности, такъ что именно ему Тверская губернія въ значительной мѣрѣ обязана переходомъ отъ сохи къ плугу и къ травосѣянію. Но всѣ остальные поднадзорные были въ очень трудномъ положеніи. Первымъ, пришедшимъ къ нимъ на помощь, былъ все тотъ-же В. И. Покровскій, дававшій имъ работу, какъ въ статистическомъ отдѣлѣ земской управы, такъ и въ губ. статистическомъ комитетѣ, вопреки всѣмъ требованіямъ и угрозамъ губернатора Сомова, находившаго, что политическіе ссыльные, въ силу категорическаго запрещенія имъ всякой службы въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, не могутъ быть допускаемы къ службѣ въ земствѣ, а тѣмъ болѣе въ губ. комитетѣ. Василій Ивановичъ горячо оспаривалъ передъ Сомовымъ это требованіе Положенія объ охранѣ, доказывая, что нельзя допускать, чтобы люди умирали отъ голода, или толкать ихъ на преступленіе. Онъ обращался даже къ сердцу Сомова, убѣждалъ его смотрѣть на эту безвредную для правительства работу сквозь пальцы, и иногда достигалъ своего, пока губернаторомъ оставался Сомовъ. Съ назначеніемъ Ахлестышева положеніе было чрезвычайно затруднено, тѣмъ не менѣе губернская земская управа была, кажется, единственнымъ источникомъ средствъ существованія ссыльныхъ, которые получали работу во всѣхъ отдѣлахъ губ. земск. управы: въ статистическомъ, въ страховомъ, въ санитарномъ, дорожномъ. На этой почвѣ шла непрерывная борьба съ администраціей и приводила къ самымъ замысловатымъ способамъ обхода ея нелѣпыхъ требованій. И не смотря на всѣ старанія убѣдить администрацію, что помогать поднадзорнымъ работою — значитъ бороться съ эксцессами, а не помогать революціи, — никогда земство не могло побѣдить въ администраціи страха — не передъ революціей, а передъ тѣмъ, что скажетъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Появленіе въ небольшомъ губернскомъ городѣ такой сравнительно большой группы политическихъ ссыльныхъ изъ разныхъ концовъ Россіи, прошедшихъ черезъ сибирскую ссылку, сошло довольно благополучно только благодаря тому, что Сомовская администрація держала себя довольно спокойно. Будь это немного позднѣе, при губернаторѣ Ахлестышевѣ, едва-ли можно сомнѣваться, что изъ числа этихъ, въ сущности безобидныхъ людей, было бы немало жертвъ административнаго усердія не по разуму. Пріемъ, оказанный ссыльнымъ въ земской средѣ, создалъ чрезвычайно благопріятныя условія для спокойнаго пребыванія людей, съ своей стороны настроенныхъ весьма мирно. Надо было только не ограничиваться одною матеріальной помощью, а создать почву, на которой эти люди могли бы сходиться, бесѣдовать, обсуждать разные вопросы текущей жизни, не только политическіе, но и литературные, научные, художественные, даже просто житейскіе; надо было принять во вниманіе оторванность этихъ людей отъ

своей семьи, отъ своей среды, отъ своего мѣста, чтобы, поскольку это было возможно, восполнить эти потери, этотъ пробѣлъ въ удовлетвореніи душевныхъ потребностей. Эта мысль стала занимать многихъ, и повела къ тому, что начали сходиться вмѣстѣ и обсуждать этотъ вопросъ какъ земцы, такъ и ссыльные. Толковали очень долго и очень много, предусматривали разныя мелочи и въ концѣ концовъ порѣшили собираться по возможности еженедѣльно по средамъ, не опредѣляя мѣста, а гдѣ будетъ возможно.

Члены этого нелегальнаго, но исключительно мирнаго сообщества, названные «середистами», собирались почти всегда въ небольшомъ числѣ. Собранія эти продолжались недолго, и не потому, что этому препятствовала бы администрація, а потому, что у большинства ссыльныхъ запасъ знаній и идей былъ очень ограниченъ; кругъ ихъ интересовъ былъ ничтоженъ и бесѣда всегда имѣла характеръ слишкомъ односторонній: два-три члена, всегда одни и тѣ же, говорили, остальные молчали и трудно было догадаться — слушали-ли они, или только присутствовали. Только два собранія я могу припомнить такихъ, которыя имѣли особенный характеръ и собрали почти всѣхъ своихъ членовъ. Одно собраніе было посвящено чисто литературному реферату В. В. Лесевича, передавшему необыкновенно подробно и точно, главу за главой, содержаніе книги Макса Нордау «Die konventionellen Lügen,» только что появившейся въ Германіи, на нѣмецкомъ языкѣ. Лесевичъ обнаружилъ огромную память и способность реферировать большую книгу, ни разу не заглядывая въ нее и не имѣя передъ глазами даже конспекта. Его докладъ продолжался очень долго, за полночь, и уже поэтому не могъ вызвать обсужденія. Другое собраніе происходило въ квартирѣ адвоката Рождественскаго, по случаю 19-го февраля, и было посвящено памяти освобожденія крестьянъ и 25-тилѣтію этого величайшаго событія эпохи. Это было бурное собраніе, длившееся всю ночь, такъ какъ присутствовавшіе раздѣлились на двѣ непримиримыя группы: земцы съ Павломъ Александровичемъ Бакунинымъ во главѣ и часть земскаго «третьяго элемента» видѣли въ актѣ освобожденія крестьянъ величайшій праздникъ Россіи, сбросившей съ себя позорное иго рабства; другую группу составляло большинство ссыльныхъ и лѣвыхъ интеллигентовъ, начиная съ хозяина квартиры, тверскихъ радикаловъ, отрицавшихъ все значеніе освобожденія, такъ какъ послѣдствіемъ его было обѣдненіе народа. Спорили до потери голосовъ и, конечно, не пришли къ соглашенію. Послѣ этого собранія «середистовъ» становились все рѣже. Бесѣда поддерживалась только П. А. Бакунинымъ, В. И. Покровскимъ, В. В. Лесевичемъ, В. И. Яковенкомъ, братомъ или мною. Даже такіе члены, какъ Эртель, никогда не выступали. Эртель, почти всегда ходившій на собранія, никогда не принималъ участія въ бесѣдѣ и всегда занималъ позу наблюдателя. Общество быстро таяло и, сколько я могу припомнить, послѣдній разъ собралось въ квартирѣ В. В. Лесевича лѣтомъ 1886 г. по случаю пріѣзда въ Тверь аме-

риканскаго путешественника Джорджа Кеннана. Но и это собраніе не оживило участниковъ и не могло оставить никакого впечатлѣнія ни у него, ни у насъ, такъ какъ и здѣсь не нашлось никого, кто бы могъ привлечь вниманіе путешественника, позднѣе прославившаго и себя и сибирскихъ ссыльныхъ своею книгой, привлекшей къ себѣ вниманіе общества какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ.

Кеннанъ пріѣхалъ въ Тверь прямо къ намъ, заранѣе списавшись съ нами. Онъ былъ не одинъ, а съ своей женой, и провелъ у насъ три дня. Онъ очень много разсказывалъ намъ о своемъ пребываніи въ Сибири, о своихъ встрѣчахъ съ ссыльными, о неудавшейся попыткѣ сибирской администраціи захватить его бумаги. Съ своей стороны, я сообщилъ ему исторію моей ссылки и наши переживанія въ Смоленскѣ, гдѣ мѣстный губернаторъ Тамара готовилъ намъ западню. Кеннанъ, во время пребыванія у насъ, былъ еще молодымъ и энергичнымъ человѣкомъ, катался съ нами въ лодкѣ по Волгѣ и отлично исполнялъ роль гребца; пѣлъ намъ негритянскія пѣсни. Онъ оставилъ въ насъ наилучшее впечатлѣніе и послѣ его отъѣзда мы много лѣтъ переписывались съ нимъ. Послѣ тверского свиданія мы встрѣтились съ нимъ черезъ 34 года, въ 1920 г., въ Америкѣ, въ Нью-Хевенѣ, въ домѣ моего сына Саши. Передъ нами былъ больной старикъ, но по прежнему живой и энергичный. Онъ сообщилъ намъ, что всѣ свои матеріалы, относящіеся къ Россіи, онъ передалъ Нью-Іоркской общественной библіотекѣ въ даръ. Повиднмому, эта коллекція представляетъ большую цѣнность и когда-нибудь, но едва-ли въ близкомъ будущемъ, послужитъ матеріаломъ для историка, интересующагося судьбою нашей несчастной страны. Кеннанъ забылъ русскій языкъ, чтобы пользоваться имъ для разговора, но продолжалъ читать русскія газеты и считался въ Америкѣ лучшимъ знатокомъ Россіи, хотя за 34 года она далеко ушла отъ того пункта, съ котораго ее наблюдалъ Кеннанъ.

Встрѣча съ Кеннаномъ воскресила во мнѣ память о тѣхъ людяхъ, которые относятся къ тому-же времени и съ которыми мы часто встрѣчались и дѣлили частицу нашей тогдашней жизни. Образы этихъ людей встали передо мной какъ живые, хотя многіе изъ нихъ уже въ могилѣ и покончили всѣ счеты съ землею. Другіе еще недавно были живы, но живы-ли они теперь, когда я пишу эти строки — не знаю, такъ какъ теперь никто не имѣетъ достовѣрныхъ свѣдѣній, относящихся къ оставшимся въ Россіи...

Начну съ В. В. Лесевича, съ которымъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ мы очень часто встрѣчались. Это былъ умный, чрезвычайно начитанный въ философіи человѣкъ, обладавшій огромной библіотекой на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ. Это книжный человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ жизнь зналъ по книгамъ, и съ ненасытностью глоталъ ихъ; онѣ замѣняли ему все и заслоняли отъ него жизнь, какъ она есть. Поэтому въ вопросахъ жизни онъ былъ сущій младенецъ и могъ попасть въ разрядъ неблагонадежныхъ и подверг-

нуться ссылкѣ только по глупости нашего бывшаго охраннаго вѣдомства. Онъ былъ другомъ Н. К. Михайловскаго, хотя по характеру они представляли полную противоположность. Правда, лично я очень мало зналъ Михайловскаго и встрѣчалъ его только два-три раза въ жизни, но даже краткаго разговора съ нимъ было достаточно, чтобы замѣтить полную его противоположность своему пріятелю. Ихъ объединяли позитивистскіе взгляды, а жизнь ихъ текла по совершенно разнымъ путямъ. Лесевичъ былъ типичый кабинетный человѣкъ, вѣровавшій только въ науку и только ею интересовавшійся; въ то время, какъ его другъ Михайловскій любилъ блистать въ обществѣ, Лесевичъ былъ лишенъ внѣшняго блеска и вовсе имъ не интересовался. Михайловскій, представитель нашей россійской помѣси народничества и соціализма, былъ не прочь играть политическую роль и завязывать связи съ террористами, Лесевичъ болѣе интересовался буддизмомъ и воевалъ болѣе съ Царемъ небеснымъ, чѣмъ съ земнымъ. Я помню, какъ однажды онъ горячо убѣждалъ меня на основаніи только что полученной имъ изъ Германіи книги, автора которой не помню, что легенда объ Іисусѣ Христѣ сложилась позднѣе того времени, къ которому относятъ его жизнь; а что въ дѣйствительности никакого Іисуса и не было, такъ что все христіанство построено на несуществовавшемъ фактѣ. Видимо этотъ вопросъ его очень занималъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ научное обоснованіе своему отрицательному отношенію къ христіанству, очевидно уже давно сложившемуся.

Собесѣдникъ онъ былъ чрезвычайно интересный, благодаря своей эрудиціи, умѣнью пользоваться ею безъ всякаго педантизма и внесенію въ бесѣду тонкаго юмора, составлявшаго самую милую черту его рѣчи. Онъ былъ человѣкъ очень добрый и наивно-прямой, какъ ребенокъ, такъ что его переѣздъ въ Петербургъ былъ для меня чувствительнымъ лишеніемъ.

Нѣчто совершенно другое представлялъ Александръ Ивановичъ Эртель, извѣстный писатель-беллетристъ. Безспорно человѣкъ умный, одаренный тонкой наблюдательностью и способностью воплощать наблюдаемое въ живые образы, онъ произвелъ первымъ своимъ произведеніемъ «Записки степняка» впечатлѣніе. Появившійся позднѣе романъ «Семейство Гардениныхъ» не оправдалъ надеждъ и показалъ, что ему не по плечу задача романиста. Въ его романѣ талантливо изображенъ только конный заводъ Гардениныхъ, все остальное чрезвычайно слабо, длинно, скучно и лишено жизненности. Тѣмъ не менѣе, Эртель былъ человѣкъ живой, интересный и умѣвшій взять отъ жизни все, что она могла дать ему. Даже ссылка не повредила ему: она дала ему друзей, средства къ жизни и извѣстность, не столько литературную, какъ дѣловую. Онъ бралъ жизнь, какъ она есть. Какъ ссыльный, живя въ Твери, онъ пользовался искреннимъ расположеніемъ семьи Бакуниныхъ, Надежды Николаевны Мордвиновой, занимавшейся съ нимъ русской грамматикой, которой онъ не зналъ; и французскимъ

языкомъ; въ редакціи «Русской Мысли» принимали во вниманіе, что онъ не только авторъ, но и ссыльный. Какъ народникъ, онъ сталъ другомъ В. Г. Черткова и устроителемъ его дѣлъ по обширнымъ имѣніямъ на Дону; отсюда онъ сталъ управляющимъ Александровскаго имѣнія Хлудовыхъ въ Моршанскомъ уѣздѣ, и главноуправляющимъ г.г. Пашковыхъ. Словомъ, онъ выплылъ на просторное море предпринимательства всякихъ «дѣлъ», и изъ нашего общаго пріятеля, скромнаго тверского ссыльнаго, превратился въ настоящаго «буржуя», даже по внѣшности, — въ великолѣпной шубѣ и бобровой боярской шапкѣ, съ массивной, бьющей въ глаза, золотой цѣпью на животѣ. Своихъ двухъ дочерей онъ отвезъ учиться въ Англію, а своихъ старыхъ друзей предалъ забвенію. Я зналъ одного человѣка, не выносившаго даже его имени: это былъ человѣкъ безукоризненной честности, извѣстный художникъ, — Николай Александровичъ Ярошенко.

Противоположностью Эртеля былъ его сотоварищъ по литературѣ и ссылкѣ Григорій Ал. Мачтетъ, безкорыстнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, всегда пребывающій въ состояніи искренняго пафоса, говорящій и пишущій надутымъ языкомъ, но правдивый, всегда готовый къ услугѣ ближнему, даже къ жертвѣ. Онъ и женился, принося жертву, изъ желанія сдѣлать доброе дѣло и спасти бѣдную сосланную дѣвушку отъ смерти. Онъ женился, кажется, совсѣмъ не зная своей жены, жившей въ другомъ мѣстѣ. Но онъ узналъ, что она больна туберкулезомъ, который угрожалъ ея жизни. Получивъ право покинуть Сибирь, онъ рѣшилъ, что, женившись на ней, онъ создастъ для нея, какъ для жены своей, право возвратиться съ мужемъ въ Москву, гдѣ она можетъ пользоваться лѣченіемъ опытныхъ врачей. Первая часть плана, т. е. бракосочетанье было совершено, но администрація отказала ей въ правѣ покинуть мѣсто ссылки. Мачтетъ уѣхалъ одинъ, но сейчасъ-же началъ хлопотать о возвращеніи его жены, и, къ его великому счастью, его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Онъ отправился въ Сибирь за ней и привезъ ее въ Москву, но кажется, она скоро по пріѣздѣ скончалась. Онъ питалъ къ этой молодой женщинѣ какое-то особое поклоненіе и гордился ею: въ разговорѣ, когда онъ упоминалъ о ней, онъ всегда съ благоговѣніемъ говорилъ: «Елена Мачтетъ, моя жена», давая понять, что считаетъ за честь, что такая особа носитъ его имя. Послѣ его отъѣзда изъ Твери, я послѣдній разъ встрѣтилъ его въ Москвѣ, въ Хамовникахъ, у Льва Николаевича Толстого, у котораго мы провели вечеръ съ Александромъ Александровичемъ Бакунинымъ. Этотъ вечеръ остался мнѣ особенно памятнымъ вслѣдствіе чрезвычайно непріятнаго и неожиданнаго инцидента. Левъ Николаевичъ заговорилъ о Н. Н. Ге, художникѣ, своемъ другѣ, и зная, что я давно съ нимъ знакомъ и былъ его сосѣдомъ по имѣнію, сталъ разспрашивать о немъ. Сидѣвшая тутъ-же Софья Андреевна вмѣшалась въ нашъ разговоръ и назвала старика Ге подлецомъ. Всѣ мы были озадачены ея отзывомъ о другѣ Львв Николаевича и грубостью ея выраженія. Левъ Николаевичъ замолчалъ и

опустилъ голову. Замолчали и мы. Неловкое положеніе было нарушено приглашеніемъ въ столовую къ чаю.

Матчетъ скоропостижно скончался въ Ялтѣ, отравившись рыбой, поданной ему за ужиномъ въ городскомъ саду. Я узналъ о его смерти изъ газетъ. Мнѣ было жаль его. Только глупая и грубая русская жандармерія могла причислить этого добряка, совершенно чуждаго какихъ либо революціонныхъ намѣреній, къ опаснымъ врагамъ существующаго порядка и отправить его въ Сибирь. Она не боялась ошибаться въ такихъ случаяхъ и полагала, что «лучше пересолить, чѣмъ не досолить», такъ какъ за пересолъ она не отвѣчала. Она не отвѣчала и за смерть Елены Матчетъ, которая, можетъ быть, была такой-же политической преступницей, какъ и ея супругъ...

Къ такимъ-же преступникамъ, вѣроятно, принадлежало три четверти тѣхъ ссыльныхъ, которые прибыли въ Тверь въ надеждѣ найти какія нибудь средства къ существованію. Во всякомъ случаѣ такихъ было большинство, если не считать каждаго мыслящаго и способнаго человѣка въ Россіи преступникомъ. Въ числѣ такихъ я назвалъ выше трехъ ссыльныхъ, безспорно людей образованныхъ и независимыхъ по своимъ убѣжденіямъ, и никакой судъ не призналъ бы въ нихъ преступниковъ; это были: В. И. Яковенко, Б. Ф. Недзялковскій и М. В. Девель. Съ первыми двумя мы съ женой были довольно близки, а со вторымъ, Б. Ф. Недзялковскимъ, я работалъ по статистическому описанію Бѣжецкаго и Осташковскаго уѣздовъ. Болеславъ Францевичъ былъ родомъ полякъ съ правобережной Украйны, гдѣ его братъ былъ католическимъ прелатомъ, а потомъ епископомъ въ Житомірѣ. Болеславъ Францевичъ прошелъ курсъ Петровской Академіи и былъ очень трудоспособный человѣкъ. Само собою разумѣется, что онъ былъ польскій патріотъ, но не врагъ Россіи и русскихъ, среди которыхъ идея самостоятельной Польши пользовалась признаніемъ въ широкихъ кругахъ, гдѣ понимали, что порабощеніе Россіей Польши не усиливало Россію, а ослабляло ее. Въ политическихъ воззрѣніяхъ мы съ нимъ не расходились вовсе, и принадлежали къ той группѣ, которая позднѣе превратилась въ политическую конституціонно-демократическую партію. Недзялковскій изъ Твери перебрался въ Вильну, гдѣ получилъ мѣсто оцѣнщика въ Виленскомъ земельномъ банкѣ. Его умъ, безусловная добросовѣстность и работоспособность быстро выдвинули его на болѣе широкое поле дѣятельности и сдѣлали его однимъ изъ вліятельнѣйшихъ гражданъ города. Мнѣ кажется, что въ настоящее время, когда я пишу эти строки, Недзялковскій состоитъ членомъ Варшавскаго Сейма отъ города Вильны.

Не могу не помянуть третьяго названнаго мною ссыльнаго, Михаила Владиміровича Девеля, получившаго образованіе въ петербургскомъ лѣсномъ институтѣ. Имя его будетъ неразрывно связано съ прогрессомъ тверского сельскаго хозяйства. Девель не принадлежалъ къ обывателямъ Тверской губерніи, но волею судьбы и заботливостью пра-

вительства попалъ въ Тверь изъ Сибири, гдѣ отбывалъ основной стажъ русскаго интеллигента, т. е. административную ссылку. Но Девель принадлежитъ (говорю въ настоящемъ времени въ надеждѣ, что онъ еще здравствуетъ, ибо такіе люди, какъ Девель, ни при какихъ обстоятельствахъ не падаютъ духомъ и сохраняютъ свой ликъ неизмѣннымъ) къ числу довольно рѣдкихъ оригинальныхъ людей, особенно среди русскихъ. Его пребываніе въ Твери оставило глубокій слѣдъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ тверской губерніи, и только идіотская власть реакціи, послѣдовавшей послѣ разгона первой Думы, изгнала его изъ Твери, которую онъ вынужденъ былъ покинуть и перебрался въ Псковъ. Отъ его товарищей, раздѣлявшихъ съ нимъ сибирскую ссылку, я знаю, что, заброшенный въ какой-то городокъ Сибири, безъ всякихъ средствъ, онъ нисколько не потерялся и принялся за работу, какая попадалась, не отказываясь ни отъ какой. Во всякомъ дѣлѣ онъ былъ умѣлымъ работникомъ: былъ маляромъ, столяромъ, полотеромъ и т. п., и ни въ какой помощи не нуждался, оставаясь чрезвычайно скромнымъ въ своихъ потребностяхъ. Но въ Твери поле его дѣятельности было поистинѣ благотворнымъ, т. к. ему, главнымъ образомъ, тверское мелкое земледѣліе обязано распространеніемъ травосѣянія и плуга взамѣнъ стародавней сохи. Завѣдуя лавкой тверского общества сельскаго хозяйства, онъ не только продавалъ сѣмена, плуги, вѣялки, маслобойки и минеральныя удобренія, но велъ бесѣды съ покупателями, давалъ совѣты, объясненія всего, что требовалось и чего покупатель не зиалъ, но довѣріемъ котораго Девель пользовался безусловно. Губернское земство оказывало ему кредитъ, хотя его дѣятельность была совершенно независимой отъ земства. Тѣмъ не менѣе, эта дѣятельность Девеля можетъ считаться началомъ земской агрономической работы, которую она подготовила и съ которою была тѣсно связана. Такъ, мнѣ кажется, подъ вліяніемъ Девеля Новоторжское земство устроило свой собственный небольшой заводъ сельско-хозяйственныхъ орудій, которыя быстро стали распространяться не только въ своемъ уѣздѣ, но стали вытѣснять въ Клинскомъ уѣздѣ плуги московскаго производства. Къ сожалѣнію, война остановила это производство; а тверская губернская администрація выслала изъ губерніи Девеля, коммунисты же вѣроятно окончательно разрушили и заводъ и хозяйство Тверской губерніи.

ГЛАВА X.

Тверское дворянство и освобожденіе крестьянъ. — А. М. Унковскій. — Алексѣй Александровичъ Бакунинъ и мировые посредники въ Петропавловской крѣпости. — Основные элементы земства: дворянство и крестьянство. — Составъ тверской губ. земской управы въ 1883-85 г.г.: Корсаковъ, Апостоловъ. — 1885 г. Выборы губ. зем. управы: С. Д. Квашнинъ-Самаринъ.

«Въ октябрѣ 1858 г., когда въ офиціальныхъ сферахъ никто еще не смѣлъ и заикнуться о выкупѣ земли и когда запрещено было дворянскимъ комитетамъ касаться этого вопроса, говоритъ Джаншіевъ въ своей всѣмъ извѣстной книгѣ «Эпоха великихъ реформъ», пріѣхали въ Петербургъ тверскіе депутаты А. М. Унковскій, А. Н. Перхуровъ, Н. А. Бакунинъ и П. Кишенскій. Они представились министру внутр. дѣлъ С. С. Ланскому и категорически заявили, что они согласны составить проектъ реформы (освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости) не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя они сами считаютъ полезными; а если такого проекта не нужно, — продолжали депутаты, — пусть назначатъ на мѣсто наше чиновниковъ, которые напишутъ все, что имъ велятъ».

Извѣстно, что значительное большинство дворянства изъявило готовность освободить крестьянъ отъ личной зависимости отъ помѣщика, но только безъ земельнаго надѣла. Въ этомъ случаѣ оно слѣдовало за первоначальнымъ планомъ самого правительства, которое предполагало «сохранить за помѣщиками право собственности на всю землю, крестьянамъ-же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только усадебную осѣдлость, т. е., разъяснялъ циркуляръ министра вн. дѣлъ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и съ землею подъ оными. Остальной же надѣлъ, составляя собственность помѣщика, отдавался лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами, либо произведеніями...» «Уничтоженіе крѣпостного права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, при чемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція». *)

Вопреки всему этому, тверской дворянскій губернскій комитетъ «твердо и убѣдительно настаивалъ (въ составленномъ имъ «Положеніи») на необходимости полнаго освобожденія крестьянъ съ землею и на предоставленіи, при посредствѣ выкупной операціи, въ ихъ собственность не только осѣдлости, но и надѣльной полевой земли. Кромѣ того онъ считалъ крайне опаснымъ сохраненіе вотчинной полиціи и предлагалъ стройную систему мѣстныхъ администра-

*) Отношеніе Министра внутр. дѣлъ Ланскаго къ ген. губ. Назимову, отъ 23 ноября 1857 г. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ», 8-ое изд. стр. 130.

тивныхъ и судебныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ всесословнаго самоуправленія и согласованныхъ съ духомъ освободительной реформы». Это «Положеніе» подписали: губ. предводитель А. М. Унковскій, тверской уѣздный предвод. Арсеній Балкашинъ, члены: кашинскій депутатъ Павелъ Максимовичъ, калязинскій — Михаилъ Нероновъ, весьегонскій — Петръ Измайловъ, вышневолоцкій — Николай Харламовъ, ржевскій — Никита Семеновъ, старицкіе — Алексѣй Вульфъ и Петръ Панафидинъ, новоторжскіе — Павелъ Кишенскій и Константинъ Мягковъ, корчевскіе — Алексѣй Перхуровъ и Алексѣй Головачевъ; депутаты отъ правительства — Николай Бакунинъ и Александръ Вельяшевъ.

«Положеніе» тверского дворянскаго комитета далеко опередило предложенія и планы правительства и представляетъ неопровержимое показаніе, что еще до освобожденія крестьянъ въ дворянской средѣ не было единства крѣпостническихъ воззрѣній, а, напротивъ, существовало два теченія: крѣпостническое, имѣвшее на своей сторонѣ большинство, и освободительное, соединявшее меньшинство, но вполнѣ сознательное, отчетливо понимавшее не только необходимость освобожденія личнаго, но и надѣленія крестьянъ землею. Мало того, оно связывало въ одно нераздѣльное цѣлое освобожденіе крестьянъ съ переустройствомъ мѣстной системы административныхъ и судебныхъ учрежденій въ духѣ освободительной реформы, т. е. дѣйствительнаго самоуправленія. Что выработанное тверскимъ комитетомъ «Положеніе» не было пустою либеральной болтовней, показываетъ дальнѣйшее поведеніе уже не комитета, а всего губернскаго дворянскаго собранія, которое, въ отвѣтъ на запрещеніе правительства обсуждать проектъ комитета, постановило: — признать запрещеніе незаконнымъ и обратиться къ верховной власти съ просьбой отмѣнить распоряженіе, лишающее дворянство его правъ. Верховная власть отвѣтила на это обращеніе къ ея арбитражу отправленіемъ въ ссылку и отдачу подъ надзоръ полиціи губ. предводителя дворянства Алексѣя Михайловича Унковскаго и г. Европеуса.

Однако, и такая мѣра не измѣнила ни воззрѣній, ни настроенія тверскихъ дворянъ, такъ какъ въ 1861 году, послѣ состоявшагося уже освобожденія крестьянъ, группа мировыхъ посредниковъ, съ новоторжскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Алексѣемъ Александровичемъ Бакунинымъ и членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ правительства Николаемъ Александровичемъ Бакунинымъ во главѣ, обратилась къ мин. внутр. дѣлъ съ заявленіемъ, что Положеніемъ о крестьянахъ оброкъ установленъ непосильный, что выкупъ земли долженъ быть обязательнымъ (для помѣщиковъ), что для блага Россіи необходимо уничтоженіе сословій, уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ и созваніе Земскаго Собора. Это постановленіе было подписано, кромѣ двухъ братьевъ Бакуниныхъ, одинадцатью миро-

выми посредниками: Демьяновымъ, Никаноромъ Трубниковымъ, Харламовымъ, Вельяшевымъ и другими.

Всѣ подписавшіе это постановленіе были преданы суду и приговорены къ лишенію особыхъ правъ и заключенію въ крѣпости. Рѣшеніе немедленно приведено въ исполненіе и обвиненные 13 тверскихъ дворянъ были заключены въ Петропавловскую крѣпость. Вскорѣ, однако, имъ было предложено подать просьбы о помилованіи, что всѣ они и сдѣлали, послѣ чего были освобождены и возстановлены въ правахъ, за исключеніемъ двухъ братьевъ Бакуниныхъ, отказавшихся отъ подачи прошенія. Они оба, хотя были освобождены изъ крѣпости, но остались на всю жизнь лишенными правъ участвовать въ какихъ либо собраніяхъ и занимать какія либо должности.

Само правительство понимало всю нелѣпость и суда и произнесеннаго приговора надъ группой лицъ, представлявшихъ общественное теченіе, благодаря которому само правительство могло справиться съ величайшей реформой своего времени, давшей свободу 23 милліонамъ крестьянъ. Всѣ недостатки этой реформы были очевидны и вытекали изъ противоположнаго крѣпостническаго источника, враждебнаго и освобожденію и правительству, которое его предприняло. Поэтому заключенные въ крѣпость были приняты обществомъ не какъ преступники, а почти какъ гости, и въ числѣ многихъ посѣщавшихъ ихъ въ крѣпости лицъ бывалъ весьма часто петербургскій генералъ губернаторъ кн. Суворовъ, который и настаивалъ на подачѣ прошеній о помилованіи, ручаясь за успѣхъ. Въ числѣ ежедневныхъ посѣтительницъ была и Наталья Семеновна Бакунина, жена Павла Ал-ча, откомандированная семьею для оказанія всякой помощи заключеннымъ. Отъ нея непосредственно я слыхалъ разсказы о жизни заключенныхъ въ крѣпости тверитянъ, пользовавшихся такими удобствами, которыя не примѣнялись ни раньше, ни позднѣе въ этой россійской Бастиліи.

Введеніе земскихъ учрежденій въ Тверской губерніи послѣдовало спустя 4-5 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ и, само собою разумѣется, тѣ же самые люди, которые такъ настойчиво и энергично осуществляли крестьянскую реформу, приняли участіе и въ новой земской реформѣ, о которой они говорили и которую требовали, какъ безусловно необходимое слѣдствіе освободительной реформы. Конечно, имъ было желательно нѣчто другое, чѣмъ то, что они получили изъ рукъ такого реакціонера, какъ Валуевъ, и что прекрасно раскрыто въ книгѣ корчевскаго депутата, подписавшаго запрещенное «Положеніе» тверского комитета, Алексѣя Адріановича Головачева, особенной дружбой котораго я пользовался въ послѣдніе годы его жизни, когда мы съ нимъ дѣйствовали вмѣстѣ въ тверскомъ губ. земствѣ.

Исторія земской реформы, отпраздновавшей въ 1914 году свое пятидесятилѣтіе, даетъ богатый матеріалъ для правильнаго сужденія, какъ о первой половинѣ существованія земства, такъ и о второй, когда оно подверглось существенному измѣненію, и затѣмъ объ общей сум-

мѣ того, что земствомъ внесено въ жнзнь своей страны, какъ въ культурномъ, такъ н въ зкономическомъ отношеніи. Подведеніе итога культурной н хозяйственной дѣятельности земства представляетъ въ настоящее время особый интересъ, т. к., по всей вѣрятностн, земство не воскреснетъ въ той формѣ, въ какой оно просуществовало полвѣка. Въ 1869 году кн. А. И. Васильчнковъ прнвѣтствовалъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, какъ наступленіе въ Россіи самоуправленія, н утверждалъ, что мы «со смѣлостью безпримѣрной въ лѣтопнсяхъ міра вступаемъ на поприще общественной жизни», такъ какъ «ни одному современному народу европейскаго континента не предоставлено такого шнрокаго участія во внутреннемъ управленіи, какъ русскому». Полувѣковой тернистый путь, пройденный земствомъ, можетъ быть, удовлетворнлъ бы горячаго сторонннка земскнхъ учрежденій той по нстинѣ гигантской работой, которую онн совершилн, н тѣми результатамн, которыхъ они достнглн, но на ряду съ этнмъ онъ убѣднлся бы, что не только шнрокаго участія во внутреннемъ управленін земство было лншено въ самомъ точномъ смыслѣ зтого слова, но что его шагъ за шагомъ лншалн тѣхъ правъ, безъ которыхъ ндея самоуправленія совершенно нзвращается. Реформа земства 1890 года была полнымъ отрнцаніемъ самоуправленія.

Тѣмъ не менѣе, крушеніе земскихъ учрежденій завнсѣло не только отъ правнтельственныхъ мѣръ, стѣснявшихъ земскую дѣятельность; протнвъ зтнхъ мѣръ земство, путемъ долгаго опыта, выработало разные способы самообороны н вело непрерывную борьбу съ администраціей въ увѣренностн, что рано нли поздно оно побѣднтъ.

Его ахнллесовой пптой было отсутствіе прочнаго фундамента, безъ котораго не могло быть прочнымъ ннкакое зданіе. Такой фундаментъ составляетъ народная масса, а въ земствѣ — крестьянство, безъ соотвѣтственнаго участія котораго земство представляетъ дерево безъ здоровыхъ корней; какъ бы нн былн богаты его листва и его цвѣтеніе, — гнбель его нензбѣжна.

Отчужденность земскихъ учрежденій отъ народной массы уже давно была замѣчена людьми, блнзко стоящимн у дѣла и съ безпокойствомъ предвндѣвшнми всѣ послѣдствія такого ненормальнаго положенія. Замѣчалось, что крестьянство оставалось совершенно чуждо земскнхъ нntересовъ и земскнхъ учрежденій, не внդѣло въ нихъ *своихъ* органовъ, удовлетворяющнхъ его собственныя потребности и нужды и что, напротивъ, въ земствѣ оно видѣло одно нзъ многочисленныхъ казенныхъ учрежденій, требующнхъ отъ него денегъ на содержаніе врачей, учителей, инженеровъ, получающнхъ жалованье. Весь механизмъ самоуправленія оставался неяснымъ населенію, какъ неясна была и роль каждаго служащаго, работающаго для удовлетворенія народной, а не собственной нужды. Поэтому почтн такъ же, какъ полвѣка раньше, земская больнnца, земская школа н вообще все, что носнло земскій штемпель, оставалось чужнмъ для населенія. Правда, оно перестало бояться

больницы и охотно шло туда въ случаѣ нездоровья; оно охотно посылало своихъ дѣтей и въ школу, но и до сихъ поръ эти учрежденія въ его представленіи не были связаны съ тѣми денежными сборами, которые вносятся ими въ земскую управу, притомъ черезъ казенное казначейство. И больница, и школа оставались по прежнему чужими, «земскими», а не его собственными, и поэтому ему не было нужды ихъ беречь и охранять, какъ охраняютъ свое собственное добро. Было не рѣдкостью видѣть, какъ деревенская школа, покинутая учителемъ на лѣтнихъ каникулахъ, стоитъ съ разбитыми окнами, полуразрушенная. Населеніе не чувствовало никакого желанія охранять ее: не наша, земская, молъ, земство и поправитъ! Земство было само по себѣ, а волость и сельское общество сами по себѣ; одному до другого не было никакого дѣла. Таковъ былъ планъ самого правительства. Согласно объяснительной запискѣ, приложенной къ Положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г., земству предоставлено было дѣйствовать въ кругу ввѣренныхъ ему дѣлъ самостоятельно, но зато ему было запрещено «вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій». Правительство старательно поддерживало всѣ перегородки, раздѣляющія населеніе по сословіямъ, придерживаясь стараго лозунга — **divide et impera** — раздѣляй и властвуй, противопоставляя интересы одного сословія другому и считая демократическій принципъ единства опаснѣйшимъ врагомъ самодержавія. Вотъ почему, вопреки коренному смыслу понятія «земство», оно было организовано на принципѣ не внѣсословности или безсословности, а на принципѣ всесословности, представляя изъ себя только агломератъ сословій, не имѣющій никакой прочной спайки и потому уже склонный разрушаться. А между тѣмъ, только организація безсословная, обнимающая в с е населеніе волости безъ различія сословій, должна была бы стать основою и первой ячейкой земствъ въ качествѣ волостного земства, безусловно самоуправляющагося въ предѣлахъ установленныхъ закономъ и независимаго какъ отъ уѣзднаго или губернскаго земствъ, такъ и отъ центральнаго правительства.

Мысль о необходимости превратить волость въ первичную ячейку государственнаго управленія была поставлена въ Кахановской комиссіи, которая осталась на почвѣ самодержавнаго и централистическаго государственнаго управленія. Однако она признавала, что сама природа единаго русскаго государства требуетъ превращенія волости въ первичную территоріальную государственную ячейку. На этомъ основаніи комиссія, которой былъ порученъ пересмотръ губернскихъ учрежденій, предполагала волостное самоуправленіе упразднить, обративъ волость въ территоріальную административную единицу, обнимающую, по образцу стана или мирового участка, все населеніе данной мѣстности; во главѣ волости долженъ былъ быть поставленъ «волостель», назначаемый уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Эти предположенія подверглись рѣзкой критикѣ со стороны «мѣстныхъ дѣятелей», стоявшихъ за со-

храненіе крестьянскаго сельскаго общества и крестьянской волости, но требовавшихъ установленія надъ ними «властной руки». *) «Въ средѣ «мѣстныхъ дѣятелей», продолжаетъ авторъ статьи въ Энц. Словарѣ, «преобладало два теченія — чисто бюрократическое и сословно дворянское. Оба они сходились въ отрицаніи безсословности на низшихъ ступеняхъ управленія, въ недовѣріи къ земству, въ стремленіи къ созданію сильной мѣстной, ближайшей къ населенію власти; расходились они въ способахъ организаціи власти и замѣщенія должностей, ею облеченныхъ». **)

Само собою разумѣется, что «меньшинство мѣстныхъ дѣятелей» не раздѣляло ни бюрократической, ни сословной точки зрѣнія, такъ какъ и та и другая были далеки отъ принципа самоуправленія, построеннаго на демократическомъ началѣ, и находились съ нимъ въ явномъ противорѣчіи. Меньшинство желало не «сильной руки» и управленія населеніемъ лишеннымъ всѣхъ правъ, а политически независимаго самоуправленія, которое только практически могло ознакомиться, усвоить и привыкнуть къ системѣ государственнаго самоуправленія на всѣхъ его ступеняхъ. Не нужно забывать, что коренная реформа осуществлялась въ странѣ, совершенно неподготовленной къ самоуправленію, и что подавляющая числомъ масса народа состояла изъ крестьянъ, только что освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости и почти поголовно неграмотныхъ. Переходъ отъ крѣпостного состоянія къ земскому самоуправленію представлялъ слишкомъ мало подготовленный поворотъ, чтобы можно было ожидать дѣйствительнаго участія крестьянства въ земствѣ, вышедшемъ изъ рукъ Валуева и не приспособленномъ ни къ умственному развитію крестьянства, ни къ его привычкамъ и навыкамъ, ни къ условіямъ его быта.

А между тѣмъ, этотъ фундаментъ былъ безусловно необходимъ и мысль, такъ ярко выраженная тверскимъ губернскимъ дворянскимъ комитетомъ о связи освобожденія крестьянъ съ организаціей мѣстнаго самоуправленія, какъ бы предрѣшала, что освобожденное крестьянство и будетъ тѣмъ фундаментомъ самоуправленія, безъ котораго не можетъ быть и самого самоуправленія. Опасность такого положенія земства никогда не терялась изъ вида и уже въ девяностыхъ годахъ истекшаго вѣка получила свое выраженіе въ признаніи необходимости, такъ называемой «мелкой земской единицы», т. е. самаго подлиннаго демократическаго сельскаго самоуправленія, ограниченнаго въ своихъ функціяхъ, но независимаго отъ чужой воли и представляющаго великую практическую школу, черезъ которую могло бы пройти все населеніе, знакомясь съ общественными дѣлами и усваивая привычки и навыки управленія. Если бы такая мѣра была проведена вмѣсто реакціонной реформы 90-го года, можетъ быть, Россія оказалась бы

*) Энцикл. Словарь Брокгауза. кн. 28, стр. 803-4.
**) Тоже т. IX, стр. 326.

лучше органнзованной и способной бороться съ коммуннзмомъ, въ которомъ она сразу увндѣла бы своего врага, а не свою надежду.

Къ сожалѣнію, даже въ тверскомъ земствѣ идея мелкой земской едииицы не нашла большннства голосовъ и моя защнта встрѣтила непримиримую оппозицію группы, во главѣ которой былъ Кузьминъ-Караваевъ. На этой почвѣ у меня съ нимъ началось расхожденіе: онъ сталъ держать курсъ правѣе.

Естественно, что актнвная роль въ земствѣ сосредоточилась въ рукахъ дворянства, такъ какъ крестьянство было отодвинуто на второй планъ, вопреки его численному перевѣсу и всей важности его участія.

Не смотря на всю ограниченность развитія крестьянства, едва-ли было бы справедливо разсматривать его какъ массу, совершенно однородную и по матеріальнымъ интересамъ и по духовнымъ потребностямъ и отиошеніямъ. И въ этой однообразиой сѣрой массѣ, поглощающей все разнообразіе и многоразличіе индивидуальностей, мы видимъ и зиаемъ крайностн звѣрства н самопожертвованія, корысти и справедливости, земныхъ интересовъ и исканія Бога и истины, неиависти н любви. Было бы еще болѣе несправедлнво говорить и разсматривать дворянство, какъ однородную группу, выдрессированную въ одинаковыхъ привычкахъ, взглядахъ и чувствахъ. Уже одна образованность этого сословія создавала въ немъ безкоиечное разнообразіе индивидуальностей, среди которыхъ встрѣчаются выразители и величайшаго зла и — величайшаго добра. Между Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, искателемъ правды и справедливостн, и извергомъ человѣческаго рода Лениымъ, принадлежащими по рожденію къ одному сословію, — вся безконечиость нравственныхъ воззрѣній и чувствъ, все добро и все зло, свойственныя человѣческой природѣ.

Вотъ почему мы не можемъ говорить о дворянствѣ, какъ о чемъ-то недѣлимомъ, и припомнимъ, что въ то самое время, когда большинство дворянства вообще было противъ освобожденія крестьянъ и соглашалось на освобожденіе только личное безъ всякаго надѣла, да и то подъ угрозой императора Александра II, что лучше совершить освобожденіе сверху, чтобы предотвратить освобожденіе снизу, — въ это самое время меньшинство съ тверскимъ дворянствомъ во главѣ требовало не только освобожденія съ надѣломъ пахатной земли, но и организаціи самоуправленія въ духѣ освобожденія.

Русское дворянство не похоже на дворянство западно-европейское, имѣющее иную исторію. Наше дворянство никогда не обладало ни независимостью, ни самостоятельностью. Оно было только служилымъ сословіемъ, зависѣвшимъ отъ верховной власти, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Не оно было опорою престола, а само искало у престола опоры и милости. Цари награждали его за «государеву службу» землею и крестьянами, или карали плетьми и ссылкою за нерадѣніе. Полное невѣжество, нерѣдко даже безграмотность этихъ царскихъ слугъ не поднимали ихъ понятій вы-

ше понятій народной массы — о долгѣ, о нравственномъ достоинствѣ человѣческой личности. Но ихъ невѣжество не мѣшало имъ усвоить служебные навыки, пріобрѣсти опытъ управленія и стать необходимымъ органомъ государственной власти. Изъ этого ядра постепенно и выросло помѣстное дворянство. Его появленіе было не только историческимъ фактомъ, но и исторической необходимостью, т. е. было въ свое время фактомъ прогрессивнымъ, способствовавшимъ росту и устройству россійскаго государства. Такимъ же прогрессивнымъ оно оказалось и позднѣе, когда противъ своей воли и желанія, по волѣ императора Петра I, пошло учиться за-границу, чтобы удовлетворить новыя потребности государства. Нельзя лучше квалифицировать этотъ фактъ, чѣмъ Герценъ, сказавшій, что на требованіе Петромъ образованности Россія отвѣтила Пушкинымъ. А за Пушкинымъ выступило цѣлое созвѣздіе поэтовъ, писателей, художниковъ, ученыхъ, музыкантовъ, создавшихъ самобытную русскую литературу, искусство, науку, т. е. русскую самобытную культуру.

Само собою разумѣется, что эти творцы русской культуры были выразителями генія русскаго народа, а не дворянскаго сословія, и первымъ по времени между ними былъ геніальный «архангельскій мужикъ» Ломоносовъ; но нельзя отрицать, что единственный образованный классъ сталъ культурнымъ двигателемъ нашего отечества и распространителемъ общечеловѣческихъ идей въ народной массѣ. На зарѣ нашей образованности уже появляются люди, поднимающіе свой голосъ во имя справедливости и человѣчности, противъ крѣпостного права: достаточно назвать имя Радищева, за свой протестъ противъ рабства заплатившаго годами страданій и смертью.

А развѣ можетъ русскій народъ забыть истиннаго просвѣтителя Россіи Н. И. Новикова, не жалѣвшаго ни своихъ личныхъ средствъ, ни своихъ трудовъ ради просвѣщенія своей родины и точно также за свою дѣятельность заплатившаго тюрьмой.

Перебирая весь синодикъ жертвъ борьбы за освобожденіе народа отъ рабства, отъ нищеты, отъ произвола самодержавной власти и произвола ея сателлитовъ, не трудно убѣдиться, что за Радищевымъ и Новиковымъ тянется цѣлая вереница людей, принадлежащихъ къ дворянскому сословію и окончившихъ свою жизнь либо на эшафотѣ, либо въ рудникахъ Сибири, либо въ каменныхъ мѣшкахъ Шлиссельбурга, или Петропавловской крѣпости. И всѣ эти люди, начиная съ декабристовъ, умирали не за свои личные интересы, а за общее благо народа, за обездоленныхъ и угнетенныхъ, безсильныхъ возвысить свой голосъ и побороть неправду. Такое жертвенное настроеніе и глубокое сочувствіе къ народной массѣ не было ни случайнымъ, ни эпизодическимъ. Напротивъ, всѣ самые выдающіеся русскіе писатели въ теченіе всего XIX вѣка непрерывно и неустанно въ своихъ твореніяхъ обращались и къ разуму и къ чувству русскихъ людей, указывали имъ на необходимость разбить цѣпи рабства и невѣжества, въ которыхъ держали огромную

массу крестьянства, и сдѣлать это не во имя тѣхъ или другихъ государственныхъ соображенiй, а во имя человѣчности, во имя свободы, равенства и братства. Отъ «Путешествiя» Радищева, черезъ «Записки Охотника» Тургенева, до «Власти тьмы» Л. Н. Толстого тянется красной нитью все одно и то же неизсякаемое требованiе свободы, равенства и братства; все одинъ и тотъ же призывъ къ отказу отъ личныхъ благъ во имя блага всего народа. Можно-ли удивляться, что такой призывъ не остался гласомъ вопiющаго въ пустынѣ и что въ людяхъ, склонныхъ къ экзальтацiи, онъ вылился въ формѣ, получившей полунасмѣшливую, полупрезрительную кличку «кающагося дворянина»?

Народничество въ литературѣ, какъ и «опрощенiе» и «слiянiе съ народомъ» въ жизни, — были однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленiй русской культуры и одинаково служили отраженiемъ какъ психологической, такъ и политико-соцiальной эволюцiи, пережитой русскимъ образованнымъ классомъ, состоявшимъ не только изъ такъ называемыхъ на офицiальномъ языкѣ разночинцевъ, но и изъ большого числа дворпнъ-землевладѣльцевъ или земцевъ, сыгравшихъ крупную роль во всѣхъ важнѣйшихъ реформахъ — отъ освобожденiя крестьянъ въ 1861 г. до первой Государственной Думы въ 1906 году; отъ тверскихъ дворянъ, требовавшихъ полнаго обезпеченiя крестьянъ землею въ 1858 году, до земцевъ, созвавшихъ въ 1905 году въ Москвѣ аграрный съѣздъ, чтобы снова поднять земельный вопросъ, а въ 1906 г. поставившихъ его въ первой Госуд. Думѣ на очередь дня. Поэтому продолжать повторять старыя фразы о «либеральныхъ помѣщикахъ, старающихся предугадать сюрпризы исторiи» и заслуживающихъ поэтому только просвѣщеннаго презрѣнiя, повторять теперь, когда Россiя переживаетъ пятый годъ послѣдствiя «классовой борьбы», иго «диктатуры пролетарiата», доведшее ее до людоѣдства, — значитъ сознательно извращать смыслъ событiй и исторiю нашей страны.

Государство, исторически сложившееся въ теченiе многихъ вѣковъ, создавшее свою нацiональную культуру, свой умственный и духовный складъ, налагающiй свою особую печать на весь индивидуальный характеръ народа и на его общественный строй, — такое государство не можетъ по щучьему велѣнiю перестраиваться по любому трафарету, по любой теоретической схемѣ. Какъ въ политическомъ, такъ и въ соцiальномъ своемъ развитiи народъ растетъ постепенно изъ духовныхъ сѣмянъ, заложенныхъ въ его прошедшемъ, въ его тысячелѣтней исторiи.

Освобожденiе крестьянъ нанесло дворянству, какъ организованному рабовладѣльческому сословiю, справедливый экономическiй ударъ. Земскiя учрежденiя и законъ о всеобщей воинской повинности нанесли ему не меньшiй ударъ, лишивъ его послѣдней политической роли и послѣдней привилегiи.

Въ 1902 году въ Новоторжскомъ уѣздномъ комитетѣ о «нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» мнѣ приходилось слышать

отъ крестьянъ обвиненія дворянства въ поддержкѣ разныхъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ противъ распространенія образованія въ крестьянской средѣ, «чтобы легче было держать народъ въ господскихъ рукахъ». Какъ въ комитетѣ, такъ и теперь я категорически возражаю и утверждаю, что такое мнѣніе совершенно невѣрно. Тѣ дворяне, которые желали бы сократить образованіе въ крестьянской средѣ, безсильны были это сдѣлать, что видно изъ роста земскихъ бюджетовъ на народное образованіе. Возможно, что убѣжденіе, существующее въ крестьянской средѣ о препятствіяхъ на пути къ образованію, сохраняется благодаря знаменитому циркуляру министра нар. просв. Делянова о недопущеніи дѣтей прачекъ, кухарокъ и вообще прислуги въ среднія учебныя заведенія, изданному тотчасъ послѣ покушенія на жизнь императора Александра III, въ 1887 году, въ которомъ было замѣшано нѣсколько лицъ крестьянскаго сословія. Въ вопросѣ о народной школѣ правительство такъ мало довѣряло дворянству, что въ училищномъ совѣтѣ рядомъ съ предсѣдателемъ его, предводителемъ дворянства, посадило правительственнаго чиновника, — инспектора народныхъ училищъ, — предоставивъ ему дѣйствительную власть и оставивъ предводителю лишь почетное положеніе. Злѣйшими врагами народнаго образованія были именно эти чиновники.

Нельзя, однако, отрицать, что среди дворянства имѣются разныя непримиримыя теченія и въ томъ числѣ реакціонное, одинаково враждебное какъ къ народной массѣ, такъ и къ тѣмъ членамъ своего сословія, которые предпочитаютъ демократическіе принципы и взгляды. Реакціонныя и сословныя идеи сохраняются преимущественно въ средѣ аристократіи (хотя и въ ней не мало отщепенцевъ, ставшихъ искренними демократами) и богатаго дворянства, теперь раззореннаго, но мечтавшаго о возвратѣ къ прошлому и возлагающаго надежды на реставрацію монархіи съ помощью россійскаго Монка, на реакцію народныхъ массъ, на вспышку религіознаго чувства или попросту на появленіе россійскаго Наполеона и военную диктатуру. Къ этой незначительной части дворянства примыкаетъ ничтожная, какъ по своей численности, такъ и по своему вѣсу группа прихвостней, крикливая и безпокойная, разыгрывающая роль вожаковъ монархизма. Все остальное дворянство, принявшее участіе въ земствѣ въ теченіе цѣлаго полувѣка, мало по малу утрачивало свою сословную связь и усваивало демократическія воззрѣнія и чувства; постепенно оно присоединялось къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ и политическимъ теченіямъ, — отъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ, и къ началу XX-го вѣка превратилось въ образованный элементъ демократіи, не однородный по политическимъ воззрѣніямъ, но однородный по своему гражданскому положенію. Поэтому въ настоящее время едва-ли можно указать какую-либо партію или профессію, въ которой не было бы значительнаго числа дворянъ по происхожденію. Вотъ почему, мнѣ кажется, говорить теперь о дворянствѣ какъ о замкнутой сословной группѣ, о дворянскихъ традиці-

яхъ, о дворянскихъ стремленіяхъ, — значитъ прибѣгать къ демагогіи и выраженіямъ, затемняющимъ существо дѣла и рѣшительно ничего точно не опредѣляющимъ.

Дворянство, какъ цѣльная и организованная группа, какъ классъ, объединенный тождественными интересами, какъ дѣйственный соціальный и политическій факторъ, сыграло свою историческую роль и утратило всѣ особенности сословнаго характера и мышленія; оно сходитъ со сцены, продолжая растворяться въ народной массѣ. Этотъ процессъ ускоренъ послѣдней революціей и едва-ли можно сомнѣваться, что всякая попытка остановить его или хотя бы задержать останется безплодной. Но это нисколько не умалитъ той роли, которую сыграло въ организаціи и развитіи мѣстнаго самоуправленія дворянство, въ которомъ одновременно происходилъ двойственный процессъ: разложеніе сословнаго строя и развитіе образованной демократіи.

На ряду съ дворянствомъ въ земствѣ естественно была отведена роль крестьянству, какъ земледѣльческому классу, представляющему около 85% всего населенія Россіи.

Подобно дворянству, крестьянство не составляетъ въ настоящее время сословія совершенно однороднаго. Не было оно однороднымъ и въ моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, такъ какъ эта реформа касалась исключительно помѣщичьихъ крестьянъ. Государственные и удѣльные крестьяне не знали того рабства, въ которомъ находились ихъ помѣщичьи братья. Освобожденіе послѣднихъ изгладило правовое различіе крестьянскихъ разрядовъ, но оно не внесло равенства въ экономическое положеніе крестьянъ разныхъ наименованій, а время и индивидуальныя способности смѣшали всѣ разряды, но раздѣлили ихъ по высотѣ имущественнаго и хозяйственнаго положенія на богатыхъ, «средняковъ» и слабыхъ или «бѣдноту». Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все же предоставляло самому крестьянству избирать своихъ представителей въ земствѣ, число которыхъ могло имѣть перевѣсъ въ земскихъ собраніяхъ, и сверхъ того крестьяне могли избирать представителей не только изъ своей среды, но и изъ цензовиковъ, болѣе образованныхъ и свѣдущихъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ. Я самъ началъ свою земскую карьеру въ качествѣ представителя крестьянскаго избирательнаго собранія и безъ излишней скромности думаю, что въ 1868 году я былъ болѣе полезнымъ крестьянству, чѣмъ всякій крестьянинъ, который былъ бы избранъ на мое мѣсто. Мнѣ кажется, что нѣтъ нужды доказывать это положеніе, въ виду полнаго незнакомства крестьянъ того времени съ техникой общественныхъ собраній.

Двадцатипятилѣтняя практика ознакомила тонкій верхній слой крестьянства съ этой техникой. Можно было ожидать, что правительство пойметъ всю необходимость расширить рамки Земскаго Положенія и путемъ учрежденія волостного земства привлечетъ къ участію въ государственномъ строительствѣ все населеніе страны, безъ различія

сословій, къ самоуправленію въ первичномъ и основномъ ядрѣ, изъ котораго Россія будетъ черпать новыя силы и средства.

Но ни императоръ Александръ III, ни люди, окружавшие его, не стояли на высотѣ той задачи, которую исторія поставила передъ ними. Александръ III не понималъ двухъ положеній: во-первыхъ, что его самодержавный престолъ опирается на крестьянство, а не на дворянство, и, во-вторыхъ, что крестьянство зажиточное, обезпеченное въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, такъ же какъ и въ своихъ интересахъ культурныхъ, будетъ болѣе прочной опорой престола, чѣмъ поставленное въ зависимость отъ произвола чиновниковъ, лишенное свободы, общихъ гражданскихъ правъ, просвѣщенія и стоящее на рубежѣ матеріальной нищеты.

Событія послѣдняго времени съ полной ясностью показали, что безсмысленная коммунистическая пропаганда могла имѣть успѣхъ среди земледѣльческаго населенія только благодаря крайнему его невѣжеству, бѣдности и почти полному равнодушію къ судьбамъ своего государства, которое оно знало только какъ силу, требующую безпрекословнаго повиновенія и уплаты податей.

Фактически все значеніе крестьянства въ земскихъ учрежденіяхъ законами 1889-1890 года было уничтожено и его роль сведена къ роли статистовъ, изображающихъ «народъ». Для примѣра я беру нашъ Новоторжскій уѣздъ Тверской губерніи. Въ немъ имѣлось 18 волостей и каждая волость, черезъ своихъ уполномоченныхъ, избирала к а н д и д а т а въ гласные уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ крестьянству по новому закону было отведено... 8 мѣстъ, слѣдовательно, изъ 18 избранныхъ кандидатовъ только меньше половины могли занять мѣсто въ земствѣ. Можно ожидать, что выборъ этихъ счастливцевъ рѣшитъ жребій? Ничуть не бывало. Списокъ 18 кандидатовъ, избранныхъ волостями, представлялся земскими начальниками съ соотвѣтственными рекомендаціями губернатору, который составлялъ общій списокъ всѣхъ 18 кандидатовъ, располагая ихъ въ порядкѣ своего личнаго предпочтенія и довѣрія, оказываемаго кандидату, и первые 8 назначались губернаторомъ гласными, а остальные, въ той же постепенности, зачислялись кандидатами, на случай выбытія гласныхъ. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что всѣ кандидаты избирались на волостныхъ сходахъ подъ контролемъ земскаго начальника, а затѣмъ, избранные переизбирались губернаторомъ, нельзя не признать, что гласные отъ крестьянъ не избирались населеніемъ, а н а з н а ч а л и с ь администраціей. Благодаря этому, въ теченіе 15 лѣтъ (1890-1905), когда я былъ гласнымъ Новоторжскаго уѣзда, составъ крестьянскихъ гласныхъ оставался неизмѣннымъ: все тѣ же волостные старшины, крупные лѣсопромышленники и торговцы, интересы которыхъ рѣдко совпадали съ интересами рядового крестьянства, а часто находились съ ними въ полномъ противорѣчіи. Глядя на этихъ почтенныхъ представителей демократіи и слушая ихъ рѣчи, ни мы, гласные, ни публика не удивлялись то-

му неизмѣнному явленію, что представители крестьянской демократіи усердно отстаивали не интересы населенія, а приказанія начальства, отъ котораго получали словесныя инструкціи и которому доносили, что требовалось, а гласные-дворяне систематически являлись сторонниками интересовъ населенія.

Революція 17-го года, конечно, многое измѣнила, много внесла новыхъ понятій, многому научила, многое разрушила, не только то, что подлежало разрушенію, но и то, что требовало сохраненія и дальнѣйшаго развитія. Но одиихъ тяжкихъ испытаній, пережитыхъ крестьянствомъ, недостаточно, чтобы оно могло справиться только своими силами въ предстоящей ему борьбѣ съ своимъ вѣроломнымъ союзникомъ, болѣе опаснымъ, чѣмъ ему можетъ казаться.

Коммунизмъ, провозглашая себя выразителемъ рабоче-крестьянской воли, надѣваетъ петлю на крестьянскую шею, ибо всѣ условія быта крестьянства находятся въ полномъ противорѣчіи съ коммунизмомъ и его первоисточникомъ, соціализмомъ. Сельское хозяйство и земледѣліе не имѣютъ никакой аналогіи съ фабричнымъ производствомъ, т. к. первыя два находятся въ неустранимой зависимости отъ космической природы, находящейся не во власти человѣка и допускающей лишь искусство приспособленія къ ней. Поэтому земледѣліе не допускаетъ общей регламентаціи ни времени труда, ни способовъ приспособленія, имѣющихъ всегда индивидуальный характеръ. И сверхъ всего этого принципъ личной, индивидуальной собственности, составляющій безусловную основу успѣшнаго земледѣлія, находится въ полномъ противорѣчіи съ коммунистическимъ отрицаніемъ права личной собственности. Только принципъ личной собственности могъ покрыть голыя скалы Финляндіи слоемъ плодородной земли. Въ противоположность этому, только коммунизмъ могъ плодороднѣйшія степи Приволжья превратить въ пустыню.

Еще долго Россія будетъ страной земледѣльческой по преимуществу, такъ какъ ея городское населеніе не превышаетъ 15% всего населенія, и земледѣліе составляетъ ея важнѣйшую промышленность, оплачивающую нашъ иностранный ввозъ. Пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ Россія поставитъ снова на ноги свою обрабатывающую промышленность, способы и методы возрожденія которой безусловно различны отъ способовъ и методовъ возрожденія земледѣлія. Послѣднее возможно лишь подъ условіемъ твердо установленнаго принципа земледѣльца-собственника. Всѣ попытки соціализаціи или національизаціи земли, грубое ли требованіе коммунизма, или замаскированная система соціалистовъ, одинаково пагубны для земледѣлія и для земледѣльцевъ, одинаково будутъ служить не возрожденію, а окончательной гибели народнаго хозяйства и самого народа.

* *
*

Въ 1883 году мы застали въ Твери губ. зем. управу въ составѣ предсѣдателя Н. П. Оленнна, двухъ членовъ: П. А. Корсакова и А. Б. Враскаго и секретаря А. П. Апостолова.

Если предсѣдатель управы Н. П. Олеиинъ, человѣкъ личио весьма порядочный, не имѣлъ никакого дѣлового зиаченія, то оба члена и секретарь управы отлнчались чрезвычайиой дѣловитостью, каждый въ своей сферѣ.

Павелъ Асигкритовичъ Корсаковъ въ юности, кажется, склоиялся нѣсколько къ славянофильству, имѣвшему въ его родиомъ уѣздѣ такихъ представителей, какъ крупный мѣстиый помѣщнкъ Лука Кнсловской, пожелавшій послѣ освобожденія крестьянъ припнсаться къ крестьянскому сельскому обществу. По зтому поводу въ Твери мнѣ передавали такой аиекдотъ. Когда слухъ о желаніи Кисловского, дошелъ до Ивана Сергѣевича Аксакова послѣдній, встрѣтнвъ Кнсловского, задалъ ему вопросъ:

— Правда-ли зто?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Аксаковъ въ смущеніи спросилъ:

— А какъ же будетъ на счетъ тѣлеснаго наказанія? Вѣдь въ качествѣ крестьянина къ вамъ можетъ быть примѣнено тѣлесное иаказаніе!

Кисловской улыбнулся, отступилъ на шагъ отъ своего собесѣдника н, добродушно глядя на Аксакова, возразнлъ:

— Иванъ Сергѣевичъ! посмотрите на меня: (онъ былъ очень крупный мужчнна) что мнѣ значатъ 25 розогъ, развѣ я ихъ не вынесу?..

И друзья, довольные другъ другомъ, обнялись.

Такой «народнккъ», надо думать, производилъ на молодежь того временн большое впечатлѣніе. Я помню зтого Луку Кисловского, пронзводившаго немалую сенсацію въ Кіевѣ, гдѣ онъ, если не ошибаюсь, былъ въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ членомъ отъ правнтельства. Это было до польскаго возстанія 1863 года, когда Кіевъ по внѣшности болѣе походилъ на польскій городъ, чѣмъ на русскій, и гдѣ Кисловской появлялся въ русской поддевкѣ, косовороткѣ н въ высокихъ сапогахъ, нли въ русской телѣжкѣ, запряженной великолѣпной тройкой въ русской упряжн. Это былъ явный національно-русскій протестъ протнвъ полоиизацiи юго-западнаго края и его столицы, древне-русскаго Кіева.

По окончаніи универснтета, Корсаковъ состоялъ товарнщемъ прокурора кіевскаго окружн. суда при прокурорѣ гр. Капнистѣ н пользовался репутаціей одного изъ лучшихъ и дѣловитыхъ членовъ прокуратуры. — Я не сомнѣваюсь, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣловыхъ членовъ земства не только тверского, но и всероссійского, т. к. это былъ человѣкъ, умѣвшій соедииять твердые политнческіе принципы съ способностью практнческаго ихъ осуществленія, притомъ въ условіяхъ наименѣе благопріятныхъ для общественной работы. Ему, болѣе чѣмъ кому либо другому, тверское земство обязано превосходной организаціей двухъ чрезвычайно важныхъ учрежденій: земскаго страхованія отъ пожара и реорганнзаціей «Школы имени П. П. Максимови-

ча», какъ называлась женская учительская семинарія для подготовки учительницъ въ народныхъ школахъ тверской губерніи. Съ самаго своего основанія и до начала войны (далѣе свѣдѣній у меня не было) эта превосходная школа имѣла руководителей — сначала П. А. Корсакова и Н. П. Дьяконову, а потомъ, въ теченіе 25 лѣтъ, Ѳедора Ѳедоровича Ольденбурга и Елизавету Петровну Свѣшникову. Духъ этой школы оставался все время неизмѣннымъ и составлялъ предметъ преслѣдованія всѣхъ губернаторовъ, кромѣ Сомова и кн. С. Д. Урусова, хотя духъ этотъ, не дававшій покоя администраціи, былъ самый лояльный, самый спокойный, не поддававшійся никакимъ пропагандамъ.

Точно также и другое дѣло рукъ П. А. Корсакова выдержало всѣ испытанія, это — земское страхованіе, фактически превратившееся изъ обязательнаго въ добровольное, дѣйствительно обезпечивавшее крестьянину всѣ убытки отъ пожара. Безъ малѣшаго принужденія, путемъ прекрасной организаціи страховыхъ агентовъ и быстрой оплаты пожарныхъ убытковъ, почти все населеніе Тверской губерніи стало страховать свое имущество не по обязательной нормѣ, а по дѣйствительной стоимости, что составляло чрезвычайно важный шагъ въ обязательномъ страхованіи. Земское добровольное страхованіе сразу понизило цѣну страхованія частныхъ страховыхъ обществъ и тѣмъ не менѣе приносило земству большой доходъ, помогавшій земству въ его финансовыхъ оборотахъ, въ видѣ кратковременныхъ займовъ. П. А. Корсаковъ обладалъ къ тому же умѣньемъ выбирать людей, и при немъ страховой отдѣлъ, находившійся подъ управленіемъ А. С. Юрлова, имѣлъ прекрасный составъ, проникнутый чисто земскимъ духомъ.

Въ 1885 году происходили выборы управы на слѣдующее трехлѣтіе (1886-1888). Оленинъ не могъ долѣе оставаться предсѣдателемъ управы, т. к. при немъ никто изъ дѣловыхъ людей не желалъ служить. Поэтому возникъ вопросъ о выборѣ предсѣдателя. Оба члена управы, Корсаковъ и Враскій, считали такое право за собою, но каждый соглашался баллотироваться лишь въ томъ случаѣ, если другой откажется. Добровольный же отказъ принимался только при условіи, что отказывающійся согласится остаться членомъ управы. Такое условіе, однако, оказалось непріемлемымъ для обоихъ. Несомнѣнно, П. А. Корсаковъ былъ естественнымъ и единственно возможнымъ преемникомъ Оленина; въ управѣ онъ былъ настоящей творческой силой, обладавшей духомъ иниціативы и широкимъ пониманіемъ земскихъ задачъ. Въ концѣ концовъ, соглашеніе не состоялось, оба члена отказались отъ баллотировки и предсѣдателемъ былъ избранъ Степанъ Дмитріевичъ Квашнинъ-Самаринъ. Корсаковъ не покинулъ земской дѣятельности, хотя немедленно послѣ того, какъ оставилъ земскую управу, получилъ мѣсто предсѣдателя казенной палаты въ Петербургѣ, которой и управлялъ до восшествія на престолъ императора Николая II. Участвуя въ земск. собраніи, Корсаковъ подписалъ въ числѣ 36 гласныхъ адресъ царю, получившій широкую извѣстность заявленіемъ Государя, что онъ не до-

пустить «безсмысленныхъ мечтаній». Послѣдствіемъ этого было лишеніе Ѳ. И. Родичева права участія въ какихъ бы то ни было собраніяхъ, и высочайшій выговоръ всѣмъ подписавшимъ адресъ. Министръ финансовъ Витте, въ виду этого, немедленно приказалъ Корсакову подать въ отставку, что онъ и сдѣлалъ, но, какъ человѣкъ дѣловой, былъ тотчасъ приглашенъ на мѣсто директора одного изъ крупныхъ бвнковъ. Интересно вспомнить, что Николаю II пришлось спустя 11 лѣтъ признать, что «мечтанія» не были пустыми, а Витте — осуществлять ихъ въ жизни. Корсаковъ имѣлъ еще разъ случай проявить свои земскія воззрѣнія. Губернаторъ Ахлестышевъ однимъ почеркомъ пера вычеркнулъ изъ представленнаго ему списка избранныхъ по уѣздамъ попечителей народныхъ школъ болѣе ста человѣкъ, издавна состоявшихъ попечителями, а многіе изъ нихъ были и учредителями этихъ школъ; они строили и устраивали ихъ на свой собственный счетъ, или отдаввли школамъ помѣщенія въ своихъ собственныхъ усадьбахъ. Въ числѣ такихъ не утвержденныхъ попечителей были и П. А. Корсаковъ и его супруга, всегда относившіеся къ школѣ съ величайшей заботливостью и бывшіе попечителями устроенныхъ ими школъ нѣсколько лѣтъ. Въ числѣ неутвержденныхъ оказались и мы съ женой, хотя двѣ школы мы сами выстроили и оборудовали, а другія двѣ снабжали библіотеками и учебными пособіями.

Дворянское собраніе 1897 года было многолюдно. На него прибыло изъ Петербурга много тверскихъ дворянъ, въ томъ числѣ кн. Хилковъ, министръ пут. сообщ., Штюрмеръ, графъ С. Д. Шереметевъ и много другихъ. Выборамъ, какъ всегда, предшествовало обсужденіе нуждъ сословія. Какъ только пренія были открыты, Корсаковъ потребовалъ слова и, сильно волнуясь, требовалъ отъ собранія положить предѣлъ произволу администраціи. — «Какой-то господинъ Ахлестышевъ, говорилъ онъ, — котораго я не знаю, да и знать не хочу, осмѣливается выгнать меня изъ школы, которую я много лѣтъ поддерживаю въ моей собственной усадьбѣ и т. д.» Собраніе отвѣчало громомъ апплодисментовъ, а присутствовавшій тутъ гр. Шереметевъ, другъ и покровитель Ахлестышева, перепугался, вообразивъ, что начинается революція, и помчался въ Петербургъ доложить царю о происшедшемъ. Само собою рвзумѣется, что наше выступленіе противъ Ахлестышева не привело къ утвержденію насъ попечителями школъ, но несомнѣнно подорвало положеніе глупаго и безтактнаго губернаторв въ правительствѣ, чему вѣроятно способствовало присутствіе на собраніи многихъ петербуржцевъ, которые могли убѣдиться въ презрѣніи, съ какимъ третировался представитель власти, не нашедшій ни въ комъ ни малѣйшей поддержки.

Это было, кажется, послѣднее выступленіе П. А. Корсаковв въ Твери и не въ земскомъ собраніи, а въ собраніи губернсквго дворянства, среди котораго его голосъ звучалъ, однако, не въ защиту дворянскихъ привилегій, а въ интересахъ каждаго гражданина. Въ своемъ Весьегон-

скомъ уѣздѣ онъ продолжалъ, однако, принимать дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ до самой своей преждевременной кончины.

Товарищъ Корсакова по губернской управѣ и конкуррентъ на мѣсто предсѣдателя управы, Алексѣй Борисовичъ Враскій, былъ дѣятелемъ совсѣмъ другого типа. Онъ былъ просто честный и неглупый человѣкъ, очень исполнительный, трудолюбивый и аккуратный, очень полезный въ земскомъ дѣлѣ. Онъ былъ незамѣнимъ при сооруженіи Бурашевской колоніи, но безполезенъ, а можетъ быть даже вреденъ, если бы вздумали поручить ему завѣдованіе колоніей, духъ которой ему былъ чуждъ, а распорядокъ не соотвѣтствовалъ его представленію. Это былъ человѣкъ прямолинейный. Онъ считалъ себя достаточно компетентнымъ во всемъ, за что брался. И надо отдать ему справедливость: онъ охотно брался лишь за то, что его интересовало, а интересовали его практическія стороны жизни, смыслъ которыхъ ему былъ совершенно ясенъ по своей простотѣ и испытанности. Получивъ въ Петербургѣ мѣсто члена совѣта крестьянскаго банка, Враскій, подобно Корсакову, продолжалъ принимать участіе въ земствѣ, какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ, неизмѣнно голосуя съ лѣвой группой и вмѣстѣ съ нею подписалъ «безсмысленныя мечтанія» въ назиданіе царю.

Витте, такъ старательно охранявшій тогда самодержавіе съ услужливостью выскочки, потребовалъ отставки и Враскаго, но послѣдній уперся и предложилъ удалить его распоряженіемъ министра. Его оставили въ покоѣ, и онъ продолжалъ занимать мѣсто члена совѣта крестьянскаго банка до революціи.

Живъ-ли Алексѣй Борисовичъ въ эту минуту или не перенесъ коммунистическаго режима и сталъ его жертвой — не знаю, т. к. среди эмиграціи его имя не упоминалось.

Говоря о составѣ управы, нельзя обойти молчаніемъ имя человѣка, не только бывшаго многіе годы, если не ошибаюсь около 40 лѣтъ, безсмѣннымъ секретаремъ управы, но и являвшагося носителемъ всей силы ея традицій, которой такъ много обязано тверское губернское земство. Я говорю объ Алексѣѣ Павловичѣ Апостоловѣ. Недюжинный практическій умъ, безусловная честность, умѣренность и дѣловитость доставили ему большое уваженіе въ обществѣ и вліяніе на дѣла. Безъ его участія не рѣшалось ни одно дѣло, его мнѣніе было какъ бы экспертизой, съ которой не всегда соглашались, но которую всегда выслушивали. Необыкновенно уравновѣшенный, ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнявшій внѣшнему спокойствію, никогда не придававшій спору личнаго характерв, не смотря на свою нервность и страстность, онъ всегда владѣлъ собою. Я не знаю, гдѣ онъ получилъ воспитаніе и образованіе, но во всякомъ случаѣ онъ прошелъ хорошую школу и усвоилъ хорошія привычки. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ дворянству Осташковскаго уѣзда, вѣроятно, пройдя кадетскій корпусъ (я высказывю это въ видѣ догадки, т. к. замѣчалъ въ немъ нѣкоторыя черты, свойственныя воспитанникамъ этихъ заведе-

ний), онъ служилъ недолгое время въ военной службѣ и вышелъ въ отставку ко времени «Великихъ реформъ», признавая все ихъ значеніе для возрожденія Россіи, и примкнулъ къ земству, занявъ невидный постъ секретаря губернской управы и ставъ экспертомъ, какъ по хозяйственнымъ вопросамъ, такъ и юрисконсультомъ, по основательному знакомству съ «Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ», и со всѣми распоряженіями правительства по земскимъ дѣламъ, словомъ, человѣкомъ, мнѣніе котораго всегда надо было выслушать прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе.

По своимъ политическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ Апостоловъ былъ далекъ отъ всякихъ крайнихъ мнѣній какъ лѣвыхъ, такъ и правыхъ и, какъ человѣкъ практическаго ума, былъ нѣсколько склоненъ къ оппортунизму, всегда отдавая предпочтеніе компромиссу, даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній былъ въ несогласіи съ принципомъ. Въ общемъ же онъ держался либеральныхъ воззрѣній и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ былъ гораздо ближе къ людямъ либеральныхъ, даже радикальныхъ мнѣній, чѣмъ консервативныхъ. Въ своей личной жизни это былъ человѣкъ очень общительный, добрый, всегда готовый оказать помощь въ дѣйствительной нуждѣ, притомъ онъ былъ большой почитатель музыки, кажется, не пропускалъ ни одного симфоническаго концерта и для этого ѣздилъ въ Москву. Сверхъ того онъ же былъ большой любитель цвѣтовъ, разводилъ у себя великолѣпныя розы и въ своей квартирѣ устроилъ теплицу, въ которой выращивалъ много видовъ тропическихъ орхидей.

Не смотря, однако, на всѣ его достоинства и на умѣренность его либерализма, его судьба была самой неожиданной и жестокой, хотя и довольно обычной судьбой русскаго порядочнаго человѣка въ безпутное время царствованія Николая II.

При губернаторѣ Ахлестышевѣ, полоумномъ и безтолковомъ маніакѣ, Апостоловъ былъ вынужденъ покинуть мѣсто секретаря управы. При слѣдующемъ губернаторѣ — кн. Голицынѣ, послѣднемъ премьерѣ послѣдняго императора, прославившемся въ 1917 году своей глупостью и трусостью, Апостоловъ былъ избранъ губ. земскимъ собраніемъ въ члены губ. управы, но не былъ утвержденъ губернаторомъ, вопреки данному мнѣ лично при переговорахъ слову утвердить двухъ членовъ изъ нашей группы, к о г о б ы м ы н и и з б р а л и, если мы согласимся избрать двухъ другихъ членовъ изъ правой группы. Когда выборы состоялись, кн. Голицынъ изъ нашихъ двухъ членовъ не утвердилъ Апостолова и имѣлъ наглость увѣрять, впрочемъ, не въ моемъ присутствіи, что никакого обѣщанія мнѣ не давалъ. При преемникѣ Голицына, губернаторѣ кн. Ширинскомъ-Шахматовѣ (бывшемъ позднѣе Оберъ-Прокуроромъ Синода) и тоже прославившемся составленіемъ лживыхъ донесеній министру Плеве по дѣлу доктора Алексѣя Ильича Бакунина, яко-бы бросившаго Евангеліе и крестъ въ отхожее мѣсто, — Апостоловъ былъ арестованъ одновременно съ при-

сяжнымъ повѣреннымъ С. А. Балавенскимъ, обвиненъ въ какомъ-то выдуманномъ политическомъ преступленіи, какого онъ, конечно, никогда не совершалъ, и заключенъ въ тверскую тюрьму, не смотря на его уже преклонный возрастъ: — ему было далеко за шестьдесятъ. Все обвиненіе было искусственно вздуто, и его освободили изъ тюрьмы безъ суда. Онъ былъ совершенно раззоренъ, потерявъ послѣднюю службу — предсѣдателя общества взаимнаго кредита, и вынужденъ былъ искать пріюта для себя и своей жены у своего стараго друга, Александра Николаевича Дьякова, родного племянника Бакуниныхъ, въ его имѣніи Лугановѣ, близъ Твери, гдѣ и скончался.

Я остановился на краткой и печальной біографіи А. П. Апостолова, какъ одного изъ типичныхъ земскихъ работниковъ той категоріи, которая, не выдѣляясь внѣшнимъ положеніемъ изъ толпы, строила умѣло и самоотверженно самый фундаментъ мѣстной общественной жизни. Они не выдѣлялись политической дѣятельностью и оставались на второмъ планѣ, но принимали въ ней непрестанное участіе, т. к. для такихъ Апостоловыхъ земское дѣло было ихъ собственнымъ дѣломъ, дѣломъ ихъ жизни, неотложнымъ и несомнѣнно и безусловно общественнымъ дѣломъ.

Такіе люди, какъ Апостоловъ, создаютъ устойчивость общественныхъ силъ и поддерживаютъ въ нихъ духъ независимости и увѣренности въ плодотворности ихъ трудв.

Какъ я уже сказалъ, вслѣдствіе отказа Корсакова отъ баллотировки въ предсѣдатели губ. управы на очередномъ земскомъ собраніи 1885 года, собраніе было поставлено въ довольно затруднительное положеніе, т. к. не находило лицв, на которомъ оно могло соединить большинство голосовъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, значительное большинство голосовъ соединилось на Степанѣ Дмитріевичѣ Квашнинѣ-Самаринѣ, гласномъ Зубцовскаго уѣзда, на человѣкѣ, котораго и справа и слѣва одинаково уважали не столько за какія либо качества, которыми онъ выдѣлялся бы изъ числа многихъ другихъ гласныхъ, а за то, что онъ ничѣмъ особеннымъ не отличался. Земство могло рвзсчитывать на его дѣловитость и пріемлемость его для администраціи. Вообще, всѣ одинаково признавали его человѣкомъ умѣреннымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

С. Д. Квашнинъ-Самаринъ былъ однимъ изъ обломковъ стариннаго дворянскаго рода и московскаго славянофильства. Будучи еще студентомъ московскаго университета, онъ строго держался славянофильскихъ теорій, и, когда на одной изъ товарищескихъ пирушекъ какой-то западникъ и либералъ провозгласилъ тостъ «за конституцію», Квашнинъ-Самаринъ своимъ рѣзкимъ, точно треснувшимъ голосомъ запротестовалъ: «я не пью!» Окончивъ университетъ, онъ сохранилъ во всей неприкосновенности какъ православіе, такъ и самодержавіе; что-же касается народа, то принималъ славянофильскую формулу и предоставлялъ «народу-богоносцу» только мнѣніе, твкъ какъ богоносецъ давно

уступилъ всю власть царю, который и управлялъ народомъ посредствомъ дворянства. Впрочемъ Степанъ Дмитріевичъ хорошо зналъ крестьянство, судилъ о немъ безпристрастно и хотя не считалъ его особенно разумнымъ и не полагался на его мнѣніе, но въ душѣ любилъ его и, будучи крупнымъ помѣщикомъ, не обижалъ, даже заботился о его просвѣщеніи и благосостояніи. Если же послѣднюю заботу онъ проявлялъ не въ должной мѣрѣ, то лишь потому, что берегъ копейку пуще всего и, какъ говорили шутники, онъ даже не женился и остался холостякомъ изъ опасенія лишнихъ расходовъ.

Чтобы закончить его формуляръ, слѣдуетъ отмѣтить, что, окончивъ университетъ, онъ поступилъ, согласно старому обычаю, на государственную службу по министерству юстиціи и, при введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій, былъ назначенъ членомъ окружного суда. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ честный и хорошій судья, и къ тому-же былъ безспорно умный и гуманный человѣкъ. Воздавъ Кесарю, сколько ему по обычаю слѣдовало, Степанъ Дмитріевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ Суховаровѣ, въ Зубцовскомъ уѣздѣ, посвятивъ себя хозяйству и общественной службѣ въ качествѣ предводителя дворянства, почетнаго мирового судьи и земскаго гласнаго. Всѣ эти должности, по общему отзыву, онъ исполнялъ вполнѣ добросовѣстно и никогда не манкировалъ. Что-же касается политическихъ воззрѣній, то онъ, повидимому, довольствовался вышеупомянутой славянофильской формулой, разрѣшавшей всѣ, какъ теоретическія, такъ и практическія сомнѣнія: «народу — мнѣніе, царю — власть», а что думалъ народъ — никто не зналъ, не знали и славянофилы, о чемъ думалъ Сфинксъ, а т. к. власть принадлежитъ царю, то очевидно не слѣдуетъ ему ни въ чемъ перечить. Такая философія очень облегчала жизнь, и можно было спокойно держаться золотой середины: не проявлять особыхъ симпатій къ направленію, ярко обнаружившемуся уже тогда въ Тверской губерніи, гдѣ жила и дѣйствовала семья братьевъ Бакуниныхъ, а равно и не связывать себя съ реакціонерами, которыхъ было въ губерніи не меньше, чѣмъ либераловъ. Онъ не любилъ, не зналъ и боялся широкихъ идей, пугавшихъ его своей отвлеченностью, и предпочиталъ держаться за реальные факты, ограничивавшіе всякія «фантазіи» и «мечтанія», за которыя немного позднѣе онъ получилъ обидный урокъ отъ царя, назвавшаго и его безсмысленнымъ мечтателемъ за то, что подписалъ адресъ тверского земства, не принявъ во вниманіе, что Николай II не былъ славянофиломъ и не сомнѣвался, что исключительно ему принадлежитъ и мнѣніе, если ему принадлежитъ власть.

Въ то время, когда Квашнинъ-Самаринъ давалъ свое согласіе на баллотировку въ предсѣдатели губ. управы, онъ еще оставался въ сферѣ уѣздно-зубцовскихъ идей и интересовъ и не представлялъ себѣ все усложняющагося положенія вещей. Правда, это было въ четвертый годъ царствованія Александра III-го, когда, казалось, все обезпечивало спокойное теченіе общественныхъ дѣлъ и государственнаго порядка,

восторжествовавшаго надъ кучкою террористовъ, частью повѣшенныхъ, частью запертыхъ въ каменныхъ мѣшкахъ Шлиссельбурга или въ сибирскихъ рудникахъ. Къ тому же былъ найденъ выходъ общественному настроенію въ созданіи Кахановской комиссіи, на труды которой возлагались большія надежды «свѣдущихъ» людей, во главѣ съ симбирскимъ предводителемъ Пазухинымъ. Какъ извѣстно, свѣдущіе люди наградили Россію земскими начальниками, уничтоженіемъ мирового суда, направленіемъ Положенія о земствѣ въ смыслѣ замѣны всесословности — ультра-сословностью и преобладаніемъ дворянскаго сословія надъ совокупностью всѣхъ другихъ сословій, сверхъ того усиленіемъ власти губернаторовъ и полной зависимостью земства отъ администраціи. Глава «свѣдущихъ людей», Пазухинъ, былъ сдѣланъ руководителемъ кабинета министра гр. Д. А. Толстого, получившаго въ немъ большую поддержку своимъ дворянскимъ тенденціямъ.

Съ видными дѣятелями Кахановской комиссіи Степанъ Дмитріевичъ былъ связанъ родственными и дружественными отношеніями, а въ его природѣ такія отношенія играли самую значительную роль и господствовали надъ всѣми другими привычками и соображеніями. Можетъ быть, онъ и не раздѣлялъ вполнѣ мнѣній Пазухиныхъ, Хвостовыхъ и имъ подобныхъ, но онъ принималъ ихъ мнѣнія, какъ нѣчто должное, и никогда не оспаривалъ ихъ, хотя ему не разъ приходилось выслушивать въ тверскихъ земскихъ кругахъ рѣзкія порицанія дворянскихъ тенденцій «свѣдущихъ людей» и трудовъ Кахановской комиссіи. Тѣмъ не менѣе, не смотря на такія симпатіи Квашнина-Самарина, которыхъ онъ, впрочемъ, не скрывалъ, лично его всѣ мы цѣнили за его честное отношеніе къ дѣлу, полное уваженіе къ мнѣніямъ противоположнымъ его воззрѣніямъ, личное добродушіе и явное предпочтеніе и симпатіи къ людямъ, не раздѣлявшимъ его убѣжденій, и антипатію къ людямъ противнаго намъ лагеря въ тверской земской средѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ годъ за годомъ работалъ съ нами, онъ привыкалъ къ намъ, своимъ идейнымъ противникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкалъ и къ нашимъ идеямъ, дойдя наконецъ до того, что подписалъ вмѣстѣ съ нами адресъ царю, за который долженъ былъ публично выслушать объявленный намъ выговоръ царя. Въ 1906 году преимущественно лѣвыми голосами онъ былъ избранъ губернскимъ земствомъ членомъ Государственнаго Совѣта противъ Евгенія Валентиновича де-Роберти, который, не смотря на свои псевдо-радикальныя воззрѣнія, остался за флагомъ и не былъ избранъ, не пользуясь ничьимъ довѣріемъ, — ни лѣвыхъ, ни правыхъ. О немъ я поговорю въ другомъ мѣстѣ. Попавъ въ Гос. Совѣтъ, Квашнинъ не оправдалъ нашихъ надеждъ, занявъ мѣсто въ рядахъ правыхъ, т. е. реакціонеровъ и за все время своего пребыванія въ Г. Совѣтѣ не проявилъ ни единымъ словомъ и ни единымъ дѣйствіемъ своего присутствія въ Верхней Палатѣ россійскаго парламента. Конечо, не для такой роли его выбирало тверское земство, и мнѣ остается думать, что, перебравшись въ Петербургъ, онъ попалъ подъ

вліяніе и надзоръ своихъ болѣе активныхъ родственниковъ Хвостовыхъ, которые указали ему мѣсто въ Гос. Совѣтѣ и на уста его наложили свою печать. Такое предположеніе мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ въ виду чрезвычайной пассивности характера Степана Дмитріевича, который всегда плылъ по теченію, поддаваясь средѣ, въ которой находился. Всякая борьба была для него невыносима, передъ ней онъ чувствовалъ себя несчастнымъ и неспособнымъ къ сопротивленію. Я припоминаю одинъ забавный случай изъ нашей общей съ нимъ дѣятельиости. Не помню по какому вопросу, въ губ. зем. собраніи происходили довольно горячія пренія. Когда дѣло дошло до голосованія, я замѣтилъ, что Степанъ Дмитріевичъ отсутствуетъ. Я догадался, что онъ избѣгаетъ спора, и зналъ, что его нелегко будетъ вытащить въ залу для подачи голоса. Поэтому я самъ отправился за нимъ. Въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ его не было, я пошелъ дальше, въ уборную. Степанъ Дмитріевичъ пріотворилъ одну изъ дверей и высунулъ голову, но, увидя меня, мгновенно закрылъ ее. Я сталъ его звать, его голосъ былъ необходимъ. Но онъ рѣшительно уперся и объявилъ, что не можетъ голосовать съ нами, потому что не раздѣляетъ нашего мнѣнія, а голосовать съ нашими противниками не хочетъ, даже когда раздѣляетъ ихъ мнѣнія. Такъ онъ и не вышелъ изъ своего страннаго убѣжища, пока не убѣдился, что голосованіе окончено.

Каждый, прочитавшій эту характеристику Квашнина-Самарина, можетъ задать намъ вопросъ: ради чего-же тверское земство, имѣвшее въ своей средѣ людей болѣе подходящихъ для занятія такихъ отвѣтственныхъ мѣстъ, какъ составъ земскихъ управъ, избирало такихъ ничтожностей, какъ Оленинъ, или такихъ слабыхъ и несамостоятельныхъ людей, какъ Квашнинъ-Самаринъ?

Кто по личному опыту знакомъ съ условіями нашихъ земскихъ выборовъ, тотъ не поставитъ такого вопроса, но для тѣхъ, кто мало знакомъ съ «Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ», я долженъ сказать, что какъ выборы для звмѣщенія земскихъ должностей, такъ и назначеніе служащихъ въ земствѣ проходятъ черезъ крайне подозрительную цензуру губернаторовъ и зависятъ отъ ихъ утвержденія. Утвержденіе же предсѣдателя губ. зем. управы зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Поэтому при выборѣ предсѣдателя губ. зем. управы надо было искать лицо, въ которомъ соединялвсь бы завѣдомая «благонадежность» съ точки зрѣнія администраціи, и личная добросовѣстность и порядочность съ точки зрѣнія избирательной коллегіи, требующей сверхъ того готовности подчинить свои мнѣнія волѣ большинства и принципамъ независимости самоуправленія отъ требованій администраціи. Квашнинъ-Самаринъ удовлетворялъ всѣмъ этимъ требованіямъ, а его личная честность давала всѣ гарантіи, что данныя имъ обѣщанія будутъ исполнены.

ГЛАВА XI.

Тверь. — Освобожденіе, конецъ ссылки. — Поѣздка въ Крымъ. — Крымскія впечатлѣнія. — Посѣщеніе С. И. Мальцева. — Севастополь. — Плиска. — Земскіе выборы. — Я снова избранъ гласнымъ. — Новые люди и новыя теченія. — Вызовъ въ Черниговъ. — Губернаторъ Анастасьевъ и генералъ-губернаторъ Дрентельнъ. — Высылка изъ предѣловъ Кіевскаго генералъ-губернаторства. — Я покидаю свой домъ и Плиску навсегда.

Около 20 августа 1886 года (точной даты не помню, а всѣ записи остались въ распоряженіи большевиковъ) оканчивался срокъ моей ссылки и состоянія подъ гласнымъ надзоромъ полиціи. Гора свалилась съ плечъ, чувство свободы всецѣло охватило насъ. Мы такъ долго были подневольными, прикрѣпленными къ мѣсту, что чувствовалась потребность немедленно использовать право свободнаго передвиженія. Если бы это не было весною или въ началѣ лѣта, мы съ женой выбрали-бы Волгу, поѣхали бы на пароходѣ прямо изъ Твери, мѣняя пароходы въ Рыбинскѣ и въ Нижнемъ, вплоть до Астрахани. Я видѣлъ Волгу мелькомъ, проѣздомъ въ сопровожденіи жандармовъ отъ Ярославля до Костромы и Юрьевца, а при возвращеніи изъ Варнавина — въ Нижнемъ. Волга произвела на меня впечатлѣніе, какое она, вѣроятно, производитъ на большинство русскихъ людей. Въ ея сверкающей широкой дали, въ ея движеніи судовъ всевозможныхъ типовъ и людской суетѣ есть нѣчто притягательное, и не даромъ на Волгѣ чувствуется, что

Здѣсь русскій духъ,
Здѣсь Русью пахнетъ.

Волгой любуются, Волгой хвастаютъ, Волга даетъ настроеніе, на Волгѣ сложилось столько пѣсней и преданій...

Но былъ уже конецъ августа, и мы съ женой рѣшили ѣхать въ Крымъ, гдѣ я никогда не былъ, а оттуда въ Плиску, чтобы тамъ рѣшить вопросъ нашей дальнѣйшей судьбы и сдѣлать выборъ между Плиской и Тверью. А. С. не только бывала въ Крыму раньше, но тамъ въ это время проживалъ на покоѣ ея отецъ, С. И. Мальцевъ, въ своемъ Симеизѣ, покинувъ свои заводы въ Орловской и Калужской губерніяхъ.

Не теряя ни одного дня, мы взяли билеты 3-го класса, т. к. денегъ у насъ было мало, и покатили черезъ Москву, Курскъ, Харьковъ и Лозовую въ Симферополь. Южнѣе Харькова и Полтавы въ Россіи я не бывалъ, но зналъ всю прелесть южной природы въ Италіи, вплоть до Неаполя и Сорренто. Долженъ сказать, что степи Екатеринославской и Таврической губерній произвели на меня плѣнительное впечатлѣніе. Я не могъ оторвать глазъ отъ этой шири, какъ у моря не имѣющей конца, безбрежной, свободной, манящей въ даль. Безпредѣльный просторъ не можетъ не оказать вліянія на характеръ народа, не можетъ не внушить страстную любовь къ свободѣ. Ѣхать въ 3-мъ классѣ было очень интересно. Тутъ можно было наблюдать людей всякаго званія, всякихъ

профессій и даже разиыхъ иародностей и, слушая разговоры, громкіе, ннчѣмъ не стѣсняемые, можио знать, какими интересами здѣсь живутъ люди. Тутъ мы видѣли и иѣмецкихъ колоинстовъ, богатыя поселеиія которыхъ тянулись вдоль дороги, съ постройками сплошь кирпичными и солидными, н нхъ гумна съ громаднымъ количествомъ скирдъ только что собраииаго хлѣба; тутъ же въ вагонѣ попадались н колоиисты-греки и сербы, малороссы и велнкороссы; тутъ-же появлялись и священники въ бѣлыхъ парусниновыхъ подрясникахъ, и татары, рѣзко отличающіеся и своимъ внѣшиимъ вндомъ и своей манерой невозмутимаго спокойствія. По всему вагону слышна одна тема разговора — урожай, цѣна на пшеницу, но за нашей спиной ндетъ разговоръ о постройкѣ артезіанскаго колодца, о необходимости рыть глубже, т. к. получеииая вода солеиая и не годится для употребленія. На лавкѣ противъ насъ сндитъ молодая пара, нѣмецъ и нѣмка, вѣроятно, только что поженившіеся, н тупо молчатъ. Мы пытаемся заговорнть, — молчаиіе. Мы предлагаемъ арбузъ, куплеииый за 5 коп. иа станціи, величииа котораго весьма внушнтельиа. Нѣмцы молча принимаютъ, ѣдятъ и выплевываютъ сѣмена на полъ, гдѣ лежатъ подъ лавкой наши вещи. Въ углу тоже иѣмецъ-колоннстъ вннмательно ухажнваетъ за русскимъ рабочимъ, котораго онъ везетъ въ больницу душевио-больныхъ. Рабочій боленъ религіозной маніей и, виднмо, находнтся въ угнетенномъ состояніи. Быть можетъ, столкиовеиія православія съ протестантизмомъ раздавили душевное равиовѣсіе человѣка, у котораго религія не была только обрядомъ.

Заранѣе мы составили себѣ планъ остановиться въ Снмферополѣ, и черезъ Алушту и Ялту проѣхать въ Симеизъ, иавѣстить отца А. С., а оттуда черезъ Байдарскія ворота въ Севастополь, тамъ осмотрѣть остатки севастопольской осады и раскопки древняго Херсонеса, гдѣ, по преданію, Русь приняла христіанство и пріобщилась къ христіанской цнвилнзаціи.

Опнсывать достопримѣчательиости Крыма не входитъ въ мою задачу. Я отмѣчу только то, что оставило у меня впечатлѣніе не мимолетное, а запечатлѣлось и до сихъ поръ возникаетъ въ воображеніи, когда вспоминается Крымъ, не смотря на то, что съ того времени прошло уже 35 лѣтъ. Я сужу о жнвости этихъ впечатлѣній по сравненію съ тѣмъ, что сохраннлось въ моей памяти отъ впечатлѣній изъ путешествій по Европѣ, Италіи, Франціи, Швейцаріи. Послѣднія впечатлѣнія, т. е. европейскія не поглотили крымскихъ, и я полюбилъ Крымъ такъ, что мнѣ хотѣлось бы сложнть свои старыя кости въ Крыму, гдѣ покоится н мой братъ, ннкогда не думавшій умирать въ Крыму.

Городъ Симферополь, расположенный у предгорья, почти въ степи, не произвелъ на меня впечатлѣнія, какъ мало отлнчающійся отъ другихъ губернскихъ городовъ и многимъ уступающій въ богатствѣ растительностн, красотѣ прнроды и улнцъ. Пробывъ въ немъ однѣ сутки и отдохнувъ послѣ дороги въ 3-мъ классѣ, мы спѣшнли иа юж-

ный берегъ, къ морю. Извозчиковъ въ Симферополѣ сколько угодно, они не дороги и очень удобны, а отъ жаркаго солнца защищаютъ бѣлые полотняные зонты. Парный экипажъ съ очень мягкими рессорами стоилъ въ то время отъ Симферополя до Алушты, т. е. около 50 верстъ, сколько помню, всего 12 рублей съ двухъ пассажировъ. Выѣхали мы изъ Симферополя утромъ, имѣя въ виду остановиться у подножья Чатыръ-Дага, въ деревнѣ Кизилъ-Коба. Здѣсь мы взяли верховыхъ лошадей и проводника-татарина, чтобы осмотрѣть очень интересную пещеру, еще мало, по словамъ проводника, обслѣдованную, т. к. и татары опасаются далеко проникать въ нее. А. С. пришлось ѣхать по мужски на сѣдлѣ, въ которомъ былъ цѣлъ только деревянный остовъ, ничѣмъ не покрытый, а стремена были веревочныя, натиравшія ноги. Но выбора не было, надо было пользоваться и такимъ сѣдломъ: вся хозяйственная утварь татарина была не лучше и свидѣтельствовала о довольно жалкомъ хозяйствѣ. Зато его жена была красавица, по типу — совершенная гречанка древней Греціи. Ѣдучи шагомъ, мы довольно скоро добрались до пещеры, входъ въ которую былъ скрытъ густой растительностью. Съ нами были свѣчи, безъ которыхъ было бы невозможно двигаться по узкимъ, неровнымъ и небезопаснымъ ея ходамъ. Само собою разумѣется, что такой осмотръ имѣлъ крайне поверхностный характеръ и удовлетворялъ только туристическое любопытство. Внутри горы мы добрались до потока очень холодной воды, образующаго быстро текущую рѣку, шириною около двухъ саженей, гдѣ-то близко падающую водопадомъ, шумъ котораго наполнялъ всю пещеру. Дальше нельзя было идти. Изрядно выпачкавшись въ грязи, мѣстами довольно глубокой и жидкой, и изорвавъ платье, мы скоро возвратились къ своему экипажу, ожидавшему насъ на шоссе, и продолжали нашъ путь на Алушту, шедшій сначала по берегу рѣки Салгира; потомъ начался подъемъ на перевалъ въ прекрасномъ лѣсу. Когда мы перевалили гору, открылся видъ на южный берегъ, на море и весь прелестный спускъ на протяженіи 16 верстъ. Картина — воистину великолѣпная, и весь спускъ раскрывалъ только подробности, каждая мелочь которыхъ говорила о южной природѣ, о силѣ ея растительности, о яркости красокъ, а въ то же время о какой-то заброшенности этого прекраснаго края, гдѣ меланхолическій пирамидальный кипарисъ какъ бы говорилъ, что здѣсь хранится застывшій духъ Востока, еще не захваченный безпокойнымъ духомъ Запада.

Еще не наступилъ вечеръ, когда мы были уже въ Алуштѣ. Если и въ настоящее время Алушта, не смотря на свой архаическій титулъ «заштатнаго города», мало похожа на городъ, представленіе о которомъ всегда связано съ большими домами, улицами, магазинами, съ толпою и движеніемъ, то 35 лѣтъ тому назадъ это была настоящая татарская деревня, (хотя и тогда въ ней была уже православная церковь), съ мечетями и земляными плоскими крышами татарскихъ саклей. Въ серединѣ деревни возвышается холмъ, со всѣхъ сторонъ облѣпленный

саклями, а иа вершинѣ его — развалины старой Генуэзской крѣпости, когда-то, во времена владычества генуэзцевъ, охранявшей заливъ, заканчивающійся мысомъ Меганомомъ. Заливъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, очень красивъ. Алушта — двери къ морю склона крымскихъ горъ; однако въ Алуштѣ не было никакихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о производительности крымской промышленности и торговли. Это был сонное царство восточной лѣни и неподвижности. Мы видѣли маленькія лавочки, въ которыхъ продавались предметы невзыскательнаго хозяйства и жизни татаръ, да самихъ татаръ, цѣлый день сидѣвшихъ на корточкахъ и составлявшихъ живописныя группы, фономъ для которыхъ служили развалины башни, напоминавшія съ своей стороны не о будущемъ, а о безвозвратно минувшемъ прошедшемъ. И тѣмъ не менѣе и эти развалины, и эти бѣдныя сакли, и группы татаръ, и рѣчка Улу-Узень съ своими садами по берегамъ, и горы, охраняющія этотъ уголокъ земли, и море, и эта тишина, и этотъ темный небесный куполъ, усѣянный звѣздами, — все вмѣстѣ производило чарующее впечатлѣніе. До поздней ночи мы сидѣли на крылечкѣ гостиницы и слушали непрерывающуюся оглушительную трескотню кузнечиковъ, звонъ которыхъ наполнялъ всю природу.

На утро мы съ вечера заказали себѣ верховыхъ лошадей, чтобы сдѣлать экскурсію на Чатыръ-Дагъ и въ Козьмодемьянскій монастырь, и еще задолго до разсвѣта выѣхали съ проводникомъ татариномъ. Дорога шла по берегу Улу-Узени, маленькой горной рѣчки, и до деревни Корбеклы, верстахъ въ 5 отъ Алушты, мы ѣхали въ совершенной темнотѣ; отъ Корбеклы дорога стала круто подниматься въ гору, т. е. на верхнее плато Чатыръ-Дага. Это плато поразило насъ своею пустынностью и отсутствіемъ растительности; только низкорослая трава заполняла пространство между повсюду выступавшими камнями большой и малой величины, точно разсѣянными на этой пустынѣ. Здѣсь мы осмотрѣли еще двѣ пещеры, изъ коихъ въ одной на потолкѣ, образуемомъ какъ бы сводомъ, прочли надпись — А. С. Пушкинъ, почернѣвшую отъ времени, а можетъ быть и отъ копоти свѣчей, замѣнявшихъ краску или рѣзецъ. Посѣщеніе пещеры было довольно утомительно, приходилось коегдѣ проходить сгибаясь и даже ползать, но все же сама пещера, украшенная сталактитами, представляла большой интересъ. Съ Чатыръ-Дага мы отправились прямо въ Козьмодемьянскій монастырь, расположенный среди горъ на склонѣ Бабугана, обращеннаго къ Черной горѣ. Мы ѣхали горной тропой среди великолѣпнаго лѣса, преимущественно изъ громадныхъ сосенъ и буковъ. Много разъ пришлось переѣзжать въ бродъ черезъ рѣку Альму, текущую на сѣверо-западъ и впадающую въ Черное море сѣвернѣе Севастополя. Тамъ впервые высадились союзники и нанесли первое пораженіе защитникамъ Севастополя въ 1854 г., извѣстное подъ именемъ альминскаго сраженія.

Во время нашего посѣщенія, въ концѣ 80-хъ годовъ, сообщеніе съ монастыремъ возможно было только верхомъ по горнымъ тропамъ.

Все необходимое для монастыря могло доставляться лишь на вьюкахъ, вслѣдствіе чего съ наступленіемъ зимы, когда всѣ тропы были завалены снѣгомъ, всякое сообщеніе, по временамъ даже пѣшеходное, прекращалось: монастырь былъ отрѣзанъ отъ всего міра. Возвращаясь въ Алушту, мы ѣхали другой тропой, такой же крутой и трудной даже для верховой ѣзды, но крымскія лошади привыкли ко всякимъ тропамъ. Теперь монастырь соединенъ съ Алуштой шестнадцативерстнымъ шоссе, не очень хорошимъ, но проѣзднымъ во всякое время года и во всякомъ экипажѣ. Это шоссе было выстроено въ царствованіе Александра III-го, когда оказалось нужнымъ устроить близъ монастыря охотничій домъ въ горахъ для царской охоты. Монастырь этотъ посѣщался не только православными богомольцами, но и татарами, почитавшими источникъ «Савлухъ-Су» священнымъ. Тѣмъ не менѣе, не монастырь, а царская заповѣдная охота была причиной постройки вполнѣ удобной дороги. Нельзя не признать, что требованія и привычки императора Александра III были много скромнѣе привычекъ его преемника, по желанію котораго монастырь въ послѣдніе годы передъ войной былъ соединенъ непосредственно съ Ялтой великолѣпнымъ шоссе въ 40 верстъ длиной, которое было названо въ честь императора Романовскимъ. Оно потребовало огромныхъ расходовъ, т. к. проведено черезъ самую высокую часть горъ, до 5/т. футовъ, а потому и самую трудную въ техническомъ отношеніи. Злополучному царю, кажется, не пришлось ни разу проѣхать по этому шоссе: оно было открыто только въ 1914 г., а царская семья послѣдній разъ проводила лѣто въ Крыму въ 1913 году.

Такимъ образомъ, Крымъ обогатился новой и чрезвычайно дорого стоющей дорогой совершенно никому въ настоящее время не нужной, требующей постояннаго и крупнаго ремонта, безъ котораго она обречена на быстрое разрушеніе. А между тѣмъ, Крымъ обладаетъ единственной южнобережной шоссейной дорогой, соединяющей Алушту съ Байдарскими воротами, тогда какъ въ дѣйствительности онъ нуждается прежде всего въ соединеніи южнаго берега съ общей сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ и въ трамваѣ, проведенномъ по всему южному берегу отъ Алушты, а еще правильнѣе, отъ Ѳеодосіи до Балаклавы и Севастополя. На деньги, брошенныя безъ надобности на постройку Романовскаго шоссе, можно было бы по меньшей мѣрѣ выстроить трамвай отъ Алушты до Ялты, въ чемъ имѣется самая настоятельная нужда, а можетъ быть и до Симеиза. Романовское же шоссе останется памятникомъ холопства русской бюрократіи, равнодушной къ жизненнымъ нуждамъ страны, но ползающей въ своемъ усердіи передъ повелителемъ въ видахъ своего собственнаго благополучія. А въ подтвержденіе того, что это именно такъ, нельзя не отмѣтить маленькую подробность изъ исторіи этого самаго Козьмодемьянскаго монастыря. До постройки царскаго охотничьяго дома близъ монастыря, послѣдній былъ искони монастыремъ мужскимъ. Монаховъ въ монастырѣ было мало и вели жизнь они, едва-ли соотвѣтствующую ихъ званію и не очень при-

влекавшую богомольцевъ. Но ихъ терпѣли, пока въ монастырь не было дороги и высокія особы не посѣщали его, или, говоря точнѣе, пока онѣ не ѣздили на охоту въ окрестностяхъ монастыря. Постройка дороги побудила церковную бюрократію обратить вниманіе на монастырь, какъ только царскія посѣщенія сдѣлались возможны, и мужской монастырь превратили въ женскій: пьяныхъ монаховъ надо было убрать.

Оставаться долѣе въ Алуштѣ не было никакихъ основаній. Покидая Алушту, очарованный первыми впечатлѣніями южной природы, я не думалъ, что спустя 35 лѣтъ это мѣсто сыграетъ въ моей жизни трагическую роль. Въ рождественскую ночь 1921 года въ Алуштѣ были убиты «бандитами,» или попросту большевиками, моя дочь Наталья Ивановна и ея мужъ д-ръ Александръ Александровичъ Коннсскіе съ цѣлью грабежа. Въ 1913 году моя дочь купила у самой границы Алушты 8 десятинъ земли, на которой они выстроили небольшой домъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ создали образцовый фруктовый садъ, работая собственными руками. Мы съ женой много разъ посѣщали ихъ маленькую усадьбу, не имѣвшую никакихъ претензій на роскошь и, напротивъ, на каждомъ шагу говорившую о трудовой жизни ея хозяевъ...

Мы наняли извозчика, который долженъ былъ доставить насъ въ Ялту съ заѣздомъ въ Гурзуфъ, находившійся тогда еще въ томъ состояніи, въ какомъ его зналъ Пушкинъ, посѣщавшій его въ двадцатыхъ годахъ, когда былъ въ Крыму. Мы нашли здѣсь старый и прекрасный кипарисъ, на которомъ была прибита доска съ надписью: «кипарисъ А. С. Пушкина». Гурзуфъ былъ тогда такой-же тихій и меланхолическій, какъ весь южный берегъ, еще не превратившійся въ сплошной курортъ съ татарами въ раззолоченныхъ курткахъ и кавалькадами. Гурзуфъ тогда былъ еще только прелестной усадьбой на берегу моря у подножья Аю-Дага. Мы прошли по парку, полюбовались видами и поэзіей всей мѣстности и направились въ Ялту.

Обыкновенно принято называть въ Крыму южнымъ берегомъ пространство отъ Алушты до мыса Айа, что составляетъ болѣе 100 верстъ. Безъ ошибки сюда слѣдовало бы присоединить пространство до мыса Меганома, не далеко отъ котораго расположенъ Судакъ. Но это безводная мѣстность, едва-ли имѣющая надежду на скорое заселеніе: это — пустыня съ горами, лишенными всякой растительности. Населенная же часть южнаго берега идетъ отъ Алушты до мыса Айа, поэтому и можетъ считать Ялту своимъ центромъ. Географически же Ялта расположена въ бухтѣ почти по срединѣ между Айа и Меганомомъ, — двумя крайними мысами, составляющими оконечности всей этой береговой полосы, изъ которой западная часть обращена на югъ, а восточная на юго-востокъ. Маленькая рыбачья деревушка Ялта — истинный перлъ Россіи, до конца шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія оставалась, какъ и весь южный берегъ, въ рукахъ очень богатыхъ собственниковъ — Удѣловъ и аристократіи, и лишь въ незначительной части небольшія имѣньица принадлежали небогатымъ мѣстнымъ людямъ.

Старая Россія вообще мало заботилась о путяхъ сообщенія. Дойдя, путемъ завоеванія, до границъ Чернаго моря и захвативъ богатѣйшій край — Новороссію и Крымъ, крѣпостная и невѣжественная страна, на противоположномъ концѣ которой пребывала самодержавная власть, Россія не проявляла никакого вниманія къ этой жемчужинѣ, доставшейся ей въ руки. Только украинскіе чумаки ѣздили на волахъ въ Крымъ за солью и какъ-бы поддерживали связь Крыма съ Россіей. Съ начала 19-го вѣка южный берегъ былъ подѣленъ между магнатами: устроителемъ Новороссіи, кн. М. С. Воронцовымъ, гр. Потоцкимъ, Раевскимъ, Шуваловымъ, Юсуповымъ, Долгоруковымъ, Удѣльнымъ вѣдомствомъ, Мальцевымъ и т. д. Земли были скуплены у татаръ за безцѣнокъ, возникли дворцы, въ которыхъ владѣльцы ихъ не жили, и такъ дѣло продолжалось до осады Севастополя, когда вся Россія узнала, что у нея имѣется Крымъ, до котораго, однако, доѣхать очень трудно. Въ 1886 г. Севастополь представлялъ на половину разрушенный городъ, который и чинить не было особой нужды, т. к. по Парижскому трактату 1856 г. Россія была лишена права имѣть военный флотъ въ Черномъ морѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія заболѣвшей туберкулезомъ императрицѣ, супругѣ Александра II, надо было жить въ тепломъ климатѣ. По совѣту знаменитаго врача, С. П. Боткина, выбрали для этого Крымъ. Выстроили въ Удѣльномъ имѣніи, Ливадіи, дворецъ въ видѣ прекрасной итальянской виллы, а потомъ и другой, «Эрикликъ,» для пользованія больной горнымъ воздухомъ. За императрицей потянулся «дворъ»; въ Ялтѣ адмиралъ Чихачевъ, д-ръ Боткинъ и другая знать для своихъ удобствъ выстроили гостиницу «Россія», а затѣмъ потянулась и публика, частью лѣчиться, частью погулять на свободѣ, среди прелестной природы. Ялта стала расти, но медленно, за неимѣніемъ достаточнаго количества воды и территоріи, которая принадлежала бы городу. Когда мы пріѣхали туда въ первый разъ, она была очень маленькимъ городкомъ, но вся въ садахъ и виноградникахъ, жизнь въ ней была дешева, но оживленіе города уже въ то время расло не по днямъ, а по часамъ. Выросталъ новый городъ, послѣ того какъ Севастополь былъ соединенъ съ Москвой жел. дорогой черезъ Харьковъ и Лозовую. Однако, этотъ ростъ далеко не соотвѣтствовалъ тому, чѣмъ онъ могъ бы быть, если бы южный берегъ былъ соединенъ либо съ Севастополемъ, либо съ Симферополемъ желѣзной дорогой, что не представляло никакихъ трудностей техническихъ, да и стоимость ея не была бы слишкомъ велика: она исчислялась передъ послѣдней войной, когда все стало дороже за послѣдніе 25-30 лѣтъ процентовъ на 40, а земля поднялась въ цѣнѣ процентовъ на 100-200, — всего въ 20-25 мил. рублей. Противъ постройки жел. дороги прежде всего была императорская фамилія, имѣвшая обширныя имѣнія какъ на западѣ отъ Ялты (Ливадія, Оріанда, Ай-Тодоръ, Дюльберъ, Хараксъ), такъ и на востокѣ (Масандра, Ай-Даниль и т. д.), сжимая Ялту и не давая ей распространяться, а за царской фамиліей и крупные прибрежные владѣль-

цы выражали свое отрицательное къ ней отношеніе. Всѣ они не желали, чтобы ихъ имѣнія были разрѣзаны жел. дорогой, или чтобы жел. дорога отрѣзала ихъ отъ моря. Выгоды коммерческія ихъ вовсе не интересовали, ихъ парки и дворцы были устроены не для доходовъ и содержались на счетъ другихъ источниковъ. Напротивъ, наплывъ публики ихъ пугалъ, такъ какъ удорожалъ содержаніе и расходы ихъ имѣній. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что только передъ самой войной было получено разрѣшеніе на производство изысканій для сооруженія жел. дороги. Къ сожалѣнію, это было сдѣлано слишкомъ поздно и южный берегъ Крыма нескоро дождется теперь не только жел.-дороги, соединяющей его съ сѣтью русскихъ жел. дорогъ, но не получитъ и еще болѣе необходимаго трамвая, проходящаго по всей длинѣ южнаго берега.

Въ Ялтѣ у насъ не было ни души знакомой, но около Ялты, почти въ неразрывной съ нею связи, а теперь уже и вошедшемъ въ городскую черту, въ Чукурларѣ, имѣніи Корсаковыхъ, былъ знакомый намъ управляющій Ив. Ив. Бочкаревъ, тверской обыватель и большой оригиналъ. Я зналъ его еще въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ, на юридическомъ факультетѣ, онъ былъ вольнослушателемъ, а въ то же время имѣлъ, кажется на Малой Садовой, типографію и литографію; вѣроятно поэтому занимался, между прочимъ, и изданіемъ литографированныхъ профессорскихъ лекцій. Поэтому всѣ студенты юридическаго факультета его знали. Человѣкъ онъ былъ необыкновенно аккуратный, что не помѣшало ему потерять на типографіи все свое состояніе. Кромѣ аккуратности, онъ имѣлъ нѣкоторыя черты характера едва-ли совмѣстныя съ торговлею. Его педантизмъ превращалъ всякое дѣло въ нѣчто мертвое, ничѣмъ не связанное съ жизнью. Такъ онъ управлялъ и имѣніемъ Чукурларъ: былъ педантически честенъ, но совершенно неспособенъ вести живое хозяйственное дѣло. Мы заѣхали къ нему. Онъ хотѣлъ угостить насъ виноградомъ; для этого онъ сорвалъ гроздь, взвѣсилъ ее на вѣсахъ, записалъ стоимость этой виноградной кисти въ книгу прихода имѣнія, затѣмъ выдачу себѣ жалованья 15 коп., и только продѣлавъ всѣ эти манипуляціи, предложилъ намъ виноградъ, ибо, какъ управляющій, онъ получалъ жалованье, но съѣсть виноградную кисть стоимостью въ 15 к. онъ не считалъ себя въ правѣ, не оплативъ ея стоимости. Поэтому служащіе въ имѣніи ѣли виноградъ воруя его, а Бочкарева очень не любили, относились къ этому доброму человѣку крайне недружелюбно и презрительно. Благодаря своимъ убѣжденіямъ, онъ ни на одномъ мѣстѣ долго не могъ оставаться: служилъ въ страховомъ отдѣлѣ твер. губ. управы; служилъ въ страховомъ обществѣ контролеромъ, гдѣ имъ очень дорожили, зная его неподкупную честность, но нигдѣ долго онъ не оставался и, наконецъ, сколотивши изъ остатковъ жалованья маленькій капиталецъ, отправился доживать свой вѣкъ въ Осташковѣ, Тверской губ., гдѣ тоже брался за разныя дѣла. Онъ жилъ принципіально только своимъ трудомъ и нерѣдко бѣдство-

валъ, но выносилъ все съ полнымъ стоицизмомъ. Когда началось въ Россіи политическое движеніе, въ 1905 г. онъ примкнулъ къ партіи к.-д. н былъ выборщикомъ отъ г. Осташкова. Года 3—4 тому назадъ я слыхалъ, что онъ умеръ въ Осташковѣ.

Изъ Ялты мы направились въ Симеизъ къ отцу А. С., но по дорогѣ осмотрѣли паркъ въ Мисхорѣ, затѣмъ паркъ и дворецъ Воронцова въ Алупкѣ. Тогда внутреннее убранство дворца еще не было увезено кн. Воронцовой въ Италію; Алупкинскій паркъ былъ полонъ тишины и порядка; онъ не былъ еще превращенъ въ публичный паркъ, а Алупка еще не была городкомъ и сохраняла свой меланхолическій характеръ.

Кто зиаетъ Симеизъ только теперь, тотъ не можетъ представить себѣ, чѣмъ онъ былъ въ 1886 г. Онъ не былъ похожъ ни на сосѣднюю Алупку, ии на менѣе нарядный Мисхоръ, ни на Гурзуфъ. По красотѣ мѣста и морского берега, оиъ былъ и остается лучше всѣхъ этихъ мѣстъ, хотя Гурзуфъ уступаетъ Симеизу только величиною своего берега. Это былъ запущенный старый паркъ съ большими полянами, лишеный всякой чопорности и необыкновенно симпатичный. Прежній «стеклянный дворецъ» (въ Крыму все «дворцы») сгорѣлъ и только остатки его еще немного сохранились. Кое-гдѣ въ паркѣ сохранились «вагоны», лѣтиее иезатѣйливое жилье изъ остатковъ не сданныхъ въ казну, строившихся вагоновъ на Мальцевскнхъ заводахъ Орловской и Калужской губерній. — С. И. Мальцевъ заиималъ, такъ называемый, домъ Потоцкаго, а иногда переселялся въ домикъ-вагонъ, поставленный у моря около камня Дзивы, окруженный со всѣхъ стороиъ лаврами, магноліями и другими вѣчно зелеными деревьями. Мы направились въ домъ Потоцкаго, гдѣ С. И. принялъ насъ очень радушно и гдѣ я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ; до этого времеии мы ие были знакомы. Жилъ онъ одинъ и велъ жизнь скучную, лишениую всякаго дѣла, что противорѣчило всѣмъ его привычкамъ и его дѣятельному и властному уму и характеру. Эта бездѣятельная и одинокая жизнь въ его пожилые годы быстро наложила на него свою печать опущенности, сказавшейся какъ въ его внѣшности, такъ и въ узкомъ кругѣ идей интересовавшихъ его. Одѣвался онъ очеиь небрежно. Обыкновенно весь день оставался въ генеральскомъ, на красной подкладкѣ пальто, замѣнявшемъ ему халатъ, надѣтомъ сверхъ бѣлья. Въ такомъ костюмѣ онъ гулялъ съ нами и въ паркѣ, относясь безразлично къ встрѣчамъ съ посторонними посѣтителями, которыхъ, впрочемъ, тогда было еще немного. Только фельдмаршалъ гр. Д. А. Милютинъ, жившій рядомъ въ своемъ Симеизѣ, послѣ своей отставки въ 1881 году, ежедневно совершалъ свою прогулку по берегу моря до камня «Дзивы».

Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, обыкновенно именуемый «генералъ Мальцевъ», былъ по своей природѣ выдающійся человѣкъ. Уже тотъ фактъ, что онъ выбралъ себѣ не обычный проторенный путь, сулившій ему, какъ очень богатому человѣку со связями, всѣ иаслажденія жизни,

все, что такъ высоко цѣнится кругомъ людей, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію, — уже тотъ фактъ, что онъ посвятилъ себя промышленности, свидѣтельствуетъ, что его умъ привлекали предметы болѣе важные и серьезные, чѣмъ праздная жизнь свѣтскаго человѣка. Будучи еще совсѣмъ молодымъ во время осады Севастополя въ 1855 году, онъ предлагалъ правительству взять на себя сооруженіе подъѣздной жел. дороги для доставки въ Крымъ продовольствія и военнаго снаряженія. Предложеніе это не было принято правительствомъ, предпочитавшимъ гужевую доставку. А между тѣмъ, планъ С. И. могъ бы спасти немало человѣческихъ жизней и казенныхъ денегъ эвакуаціей въ центральную Россію больныхъ и раненыхъ, и своевременной доставкой предметовъ питанія и снаряженія защитникамъ Севастополя. Записка о сооруженіи подъѣздного пути въ Крымъ была издана особой брошюрой, и я имѣлъ ее въ своихъ рукахъ.

Правда, С. И. не былъ иниціаторомъ и создателемъ громаднаго промышленнаго предпріятія, обнимавшаго самые разнообразные заводы, — отъ локомотивнаго до стекляннаго и фарфороваго. Онъ принялъ это дѣло по наслѣдству отъ отца, но онъ не только продолжалъ то, что принялъ, но создавалъ новые заводы, увеличивая ихъ размѣры и число. Однако, скажутъ многіе, онъ же и погубилъ свое дѣло, доведя его до финансовой катастрофы? Фактъ этотъ подлежитъ изслѣдованію и требуетъ выясненія причинъ и тѣхъ факторовъ, которые, можно думать, значительно смягчатъ отвѣтственность Сергѣя Ивановича въ этой катастрофѣ, первой жертвой которой онъ былъ самъ. Конечно, самъ С. И. объяснялъ катастрофу обстоятельствами, едва-ли имѣвшими серьезное значеніе для крушенія такого большого дѣла, если бы въ этомъ дѣлѣ было здоровое нутро. А этого именно ему и недоставало. С. И. думалъ, что дѣло пошатнулось благодаря министру путей сообщенія, Мельникову, давшему большой заказъ на локомотивы и товарные вагоны, и отказавшему въ принятіи ихъ, когда заказъ былъ исполненъ. Конечно, ему былъ нанесенъ большой убытокъ, но приписывать разрушеніе всего дѣла только этой причинѣ невозможно, ибо убытокъ былъ понесенъ только въ части предпріятія и не могъ остановить всѣхъ остальныхъ производствъ, число которыхъ было очень велико. И вообще, ни одно крупное и твердо поставленное предпріятіе не застраховано отъ частичныхъ убытковъ, не отражающихся на цѣломъ. Дѣло въ томъ, что все обширное предпріятіе Мальцевскихъ заводовъ было основано на *крѣпостномъ правѣ* т. е. на *даровомъ и принудительномъ трудѣ*, замѣнявшемъ значительную часть оборотнаго капитала, необходимаго при свободномъ трудѣ. Это вело къ расширенію предпріятій безъ всякаго соотношенія съ рынкомъ. С. И. видѣлъ въ этомъ даже свою особую заслугу, такъ какъ такимъ способомъ онъ «кормилъ *своихъ* крестьянъ», давая имъ работу и хлѣбъ. Онъ поддерживалъ заводы, приносившіе ему крупные убытки, даже послѣ освобожденія крестьянъ только потому, что работали на

этихъ заводахъ «е г о» крестьяне, т. е. его бывшіе крестьяне, и этимъ способомъ онъ сохранялъ въ своихъ владѣніяхъ тотъ крѣпостной духъ, который внѣ этихъ границъ уже исчезалъ, благодаря паденію рабства. С. И. былъ и принципіальный и фактическій крѣпостникъ, крѣпостникъ по своимъ убѣжденіямъ и по своему характеру, суровому, иногда склонному къ жестокости, но не забывающему, что на немъ лежитъ забота о людяхъ, бывшихъ его крѣпостныхъ. Вотъ этотъ духъ онъ и оберегалъ въ своихъ владѣніяхъ отъ новыхъ вѣяній свободы и новыхъ порядковъ. Когда, уже послѣ объявленія Манифеста 19-го февраля, духъ свободы прорвался въ его владѣнія, онъ не остановился передъ крутой мѣрой: «бунтовщиковъ» онъ заковалъ въ кандалы и отправилъ въ тюрьму. Этотъ случай надѣлалъ въ свое время много шума и вызвалъ энергическое вмѣшательство калужскаго губернатора Арцымовича. Было назначено слѣдствіе, возложенное на гр. Игнатьева, женатаго на сестрѣ С. И. Само собою разумѣется, что освобожденные Арцымовичемъ крестьяне остались свободными, а въ остальномъ дѣло было замято. Съ тѣхъ поръ имя Арцымовича не произносилось въ присутствіи С. И-ча, и когда черезъ 25 лѣтъ въ разговорѣ, въ Симеизѣ, А. С. съ большимъ уваженіемъ произнесла это имя, С. И. очень взволновался. Точно также всякій разъ, когда разговоръ касался правительства, С. И. приходилъ въ ярость и его лицо искажалось; онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое негодованіе противъ него. Я даже приписываю его неизмѣнную любезность ко мнѣ, не смотря на противуположность нашихъ взглядовъ, именно тому обстоятельству, что во мнѣ онъ видѣлъ непримиримаго противника существующаго правительства. Ему самому не разъ приходилось испытывать на себѣ произволъ самой царской власти. Для министровъ онъ былъ слишкомъ крупной величиной и ихъ власть на него не распространялась. Всякій разъ требовалось вмѣшательство самого царя, и С. И., привыкшій повелѣвать у себя, не прощалъ царямъ, когда ему приходилось имъ повиноваться.

Катастрофа становилась неизбѣжной, какъ только крѣпостной трудъ пришлось замѣнить вольнонаемнымъ, требовавшимъ огромнаго оборотнаго капитала или немедленнаго сокращенія производства и закрытія болѣе половины заводовъ. Государственный кредитъ оказался не помощью, а бременемъ, т. к. все предпріятіе было неприспособлено къ новому порядку и новымъ экономическимъ требованіямъ. Требовались новые люди, а не стародавніе дешевенькіе и невѣжественные прикащики, получившіе домашнее образованіе на заводахъ; требовались спеціалисты съ высшимъ образованіемъ, а не рутина. Словомъ, катастрофа была неизбѣжна, что С. И. не понялъ или не хотѣлъ понять, такъ же какъ и признать безповоротность крестьянскаго освобожденія, и допускалъ, что этотъ великій переворотъ можно было ослабить компромиссами.

Въ Симеизѣ мы прогостили у С. И. нѣсколько дней и спѣшили въ Плиску, гдѣ должны были разрѣшить нѣкоторыя неотложныя дѣла и побывать въ Кіевѣ, чтобы навѣстить тамъ дѣтей. Старикъ Сергѣй Ивановичъ очень любезно простился съ нами, и мы тронулись въ дальнѣйшій путь черезъ Байдары въ Севастополь. Подъемъ изъ Симеиза на шоссе очень крутъ и дорога плохо содержалась; ѣзда тутъ почти исключительно мѣстная, деревенская. Имѣніе Симеизъ Мальцева тяиется до самаго подножья отвѣсныхъ скалъ Яйлы. Надъ шоссе, т. е. въ сторону горъ, идетъ лѣсъ, въ которомъ имѣется нѣчто вродѣ фермы. Затѣмъ до Байдаръ подиимается все выше шоссе, мѣстами довольно крутое. Проѣзжаемъ нѣсколько деревень, а внизу у моря нѣсколько имѣній, изъ коихъ Форосъ подъ самими Байдарскими воротами. Проѣхавъ ворота, — начинается сѣверный спускъ и, минуя деревню Байдары, оставляя въ сторонѣ Балаклаву, дорога подходитъ къ Севастополю.

Въ 1886 г. на Севастополѣ лежала печать разрушенія. Пустынныя улицы; даже на главныхъ изъ нихъ — полуразрушенныя стѣны домовъ, разбитыхъ при осадѣ ядрами, а отчасти временемъ. Съ утра на слѣдующій день мы взяли извозчика и поѣхали по линіи бывшихъ укрѣпленій. Начали съ 4-го бастіона, у подножья котораго желѣзнодорожная станція. На этомъ бастіонѣ Александръ Александровичъ Бакунинъ провелъ, сначала юнкеромъ (послѣ профессуры въ одесскомъ лицеѣ), потомъ офицеромъ, все время осады. Теперь это — Историческій бульваръ. Побывали на Малаховомъ Курганѣ, у подножья котораго виднѣлись остатки французскихъ траншей. Тутъ отмѣчено мѣсто, гдѣ былъ убитъ Нахимовъ. Посѣтили кладбище на Сѣверной сторонѣ. Повсюду слѣды смерти, но Севастополь уже началъ возрождаться изъ пепла.

Осмотрѣли мы и раскопки древняго Херсонеса и познакомились съ г. Костюшко, производящимъ ихъ. Повидимому, оставалось еще много сдѣлать, чтобы открыть всѣ остатки. Съ тѣхъ поръ мы не посѣщали Херсонеса и не знаемъ, въ какомъ состояніи раскопки находятся теперь, но, кажется, все тотъ-же г. Костюшко неутомимо представляетъ нашимъ глазамъ, что было скрыто отъ нихъ цѣлое тысячелѣтіе.

Полюбовавшись еще видами Севастополя, мы покинули его въ убѣжденіи, что ему придется въ будущемъ снова возродиться и оживить весь прилегающій къ нему богатый край.

* *
*

Мы пріѣхали въ Плиску, найдя домъ обитаемымъ, но пустымъ, дѣти переѣхали на зиму въ Кіевъ. Кое-какъ мы устроились, чтобы оглядѣться и принять дальнѣйшія рѣшенія. Въ уѣздѣ многое измѣнилось за это время. Во главѣ дѣлъ появились новые люди. Предсѣдателемъ земской управы оказался Петръ Николаевичъ Ге, второй сынъ художника, проникнутый направленіемъ, если не совершенно противополож-

нымъ прежнему, которое мы проводнли, то во всякомъ случаѣ очень далекнмъ отъ иего. Въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица оказался г. Котляревскій, земскій иачальннкъ, еще молодой человѣкъ, получнвшій образованіе въ технологическомъ институтѣ, сынъ купившаго имѣніе въ В. Загоровкѣ бывшаго интендаитскаго чниовинка, не забывавшаго иа службѣ объ обезпеченіи средствами своей семьи. Это былъ бойкій малый, воображающій себя безспориымъ авторитетомъ. Я познакомнлся съ инмъ. Будучи инженеромъ-технологомъ, онъ принялся мнѣ доказывать, что только иижеиеры и врачи могутъ почитаться умными и образованными людьми, всѣ же остальные людн иичего не стоятъ. Кажется одиого этого достаточно, чтобы составить поиятіе объ умѣ и развитін этого новаго руководителя мѣстныхъ дѣлъ. Мой пріѣздъ былъ неожидаинымъ для всѣхъ зтихъ господъ и, кажется, смутнлъ ихъ, въ внду того что приблнжалнсь выборы земскихъ гласиыхъ и я нмѣлъ право быть нзбраннымъ. И дѣйствительио, я былъ нзбраиъ, хотя самъ не прнннмалъ участія въ выборахъ. Пользуясь пребываиіемъ въ Плнскѣ, мы побывали въ Кіевѣ, гдѣ провелн болѣе иедѣли съ дѣтьми.

Въ ожиданін земскаго собранія, въ которомъ я долженъ былъ прннять участіе, жилн мы мирно и спокойно, когда неожиданно ко мнѣ явился помощннкъ исправннка, долговязый человѣкъ, и вручнлъ мнѣ бумагу, получеиную отъ губериатора, приглашающаго меия пріѣхать въ Чернnговъ для объясиеній «по дѣламъ службы». Никакнхъ служебныхъ отношеній съ властью у меия ие было, такъ что я долженъ былъ заключнть, что дѣло идетъ ие объ «объясненіяхъ», а о какнхъ-то иовыхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ меня. Былъ уже сеитябрь на исходѣ, ѣхать приходнлось ие по желѣзиой дорогѣ, которой тогда въ Черниговъ еще не было, а по скверной и грязной груитовой дорогѣ. Мы выѣхалн съ А. С. вмѣстѣ, добрались до Чернигова благополучно н остановилнсь въ «Царьградской» гостиинцѣ, иапоминавшей гостинницу, въ которой прожнвалъ въ губернскомъ городѣ Чнчиковъ. Въ Черннговѣ у меня было иемало знакомыхъ, съ которыми раньше мы вмѣстѣ дѣйствовалн въ губ. земствѣ. Въ чнслѣ ихъ былъ н пользовавшійся извѣстностью общественный дѣятель н въ то время черниговскій городской голова, Васнлій Михайловичъ Хижняковъ. Вечеромъ я отправнлся къ нему. Мы встрѣтились очеиь дружески и я разсказалъ ему о вызовѣ меня губериаторомъ. Онъ, какъ н я, поинмалъ, что такой вызовъ не къ добру и что надо ожидать довольно непріятиой встрѣчи съ губернаторомъ Анастасьевымъ, грубымъ н глупымъ человѣкомъ, отъ котораго можно было всего ожидать и поэтому надо быть готовымъ дать соотвѣтствующій отпоръ. Эти соображенія иевольио сдѣлали предметомъ нашей бесѣды губернатора и его управленіе, представлявшихъ сплошное беззакоиіе н безчинство. При этомъ В. М. Хнжняковъ разсказалъ мнѣ иѣсколько типичныхъ случаевъ изъ управленія этого градоправнтеля, точно выхваченнаго изъ «Исторін одного города», дающей безсмертные тнпы самодержавной Россіи. Аиастасьевъ, вѣроятно, также

случайно попалъ изъ исправниковъ въ губернаторы, какъ позднѣе изъ губернаторовъ прямо въ члены Гос. Совѣта, т. е. совершилъ карьеру, не снившуюся ни одному губернатору, не только отличившемуся по службѣ, но и имѣвшему при «дворѣ» бабушку и нѣсколько тетушекъ, заботящихся о своемъ любимцѣ. Разсказываютъ, что его представили къ назначенію въ «совѣтъ при министрѣ внутр. дѣлъ», а царь Александръ III, не разобравъ, или невнимательно прочитавъ, надписалъ собственноручно: «на назначеніе губернатора Анастасьева членомъ Госуд. Совѣта согласенъ.» А можетъ быть князь Вл. Петр. Мещерскій, покровитель Анастасьева, напомнилъ царю всеподданѣйшій его докладъ, въ которомъ тотъ сообщалъ о подавленіи крестьянскаго волненія въ с. Гоголевѣ, Остерскаго уѣзда, гдѣ подвергъ всѣхъ «бунтовщиковъ» тѣлесному наказанію, и вынужденъ былъ воздержаться отъ такого-же наказанія женщинъ, не менѣе виновныхъ, только потому, что послѣднія были освобождены закономъ отъ тѣлеснаго наказанія. Какъ истинный «русакъ», царь Александръ III чувствовалъ къ тѣлесному наказанію большую симпатію, а потому на докладѣ Анастасьева написалъ: «и напрасно не высѣкли.» Можетъ быть, царь не забылъ этого случая и въ самомъ дѣлѣ считалъ Анастасьева достойнымъ засѣдать въ Госуд. Совѣтѣ. Но Анастасьевъ этой царской резолюціи не забылъ, и сталъ сѣчь не только мужчинъ, но и женщинъ. Во время нашей бесѣды съ Хижняковымъ, ни самъ Анастасьевъ, да и никто другой не зналъ, какая блестящая карьера ожидаетъ этого представителя царской власти, и Хижняковъ разсказывалъ мнѣ о Гоголевскомъ бунтѣ и царской резолюціи, не подозрѣвая, чѣмъ чреватъ этотъ анекдотъ. А анекдотами былъ, повидимому, переполненъ Анастасьевскій режимъ. Каждая губернаторша, какъ извѣстно, имѣетъ дамскій комитетъ, въ которомъ она предсѣдательствуетъ. Madame Анастасьева также имѣла дамскій комитетъ, въ который всѣ дамы, имѣющія по положенію своихъ мужей право, спѣшили записаться, но не всѣ аккуратно посѣщали комитетскія засѣданія и этимъ какъ бы выражали неполное уваженіе своей предсѣдательницѣ. Одной изъ дамъ, чаще другихъ манкировавшихъ своею обязанностью, Анастасьевъ сдѣлалъ замѣчаніе. Дама отвѣтила, что она не можетъ отлучаться по вечерамъ изъ дома, т. к. имѣетъ прислугу, которая «по нынѣшнимъ временамъ» очень распущена, и чуть хозяйка со двора, и прислуга бросаетъ домъ и дѣтей. «Хорошо, сказалъ мудрый начальникъ, можете смѣло пріѣзжать: у вашихъ дверей будетъ дежурить полиція и не позволитъ прислугѣ покидать дома». Дама поѣхала въ комитетъ, а въ это самое время ея единственную прислугу, выбѣжавшую изъ квартиры за хлѣбомъ къ чаю для дѣтей, полиція схватила и потащила въ участокъ, гдѣ ее высѣкли розгами. Въ городѣ это произвело сенсацію. Прокуратура получила жалобу и требованіе привлечь полицію къ отвѣту. Тов. прокурора отправился къ губернатору доложить ему о томъ, что онъ вынужденъ будетъ начать дѣло. Анастасьевъ презрительно посмотрѣлъ на прокурора. — «Начинайте, сказалъ онъ, а я васъ въ 24

часа вышлю изъ предѣловъ моей губерніи». Прокуроръ растерялся, ибо зналъ, что угроза Анастасьева куда реальнѣе, чѣмъ его угроза начать дѣло. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Второй анекдотъ. Лѣтомъ, у открытаго окна, въ субботу, сидитъ губернаторъ. Въ Черниговѣ губернаторскій домъ одноэтажный и окнами съ двухъ сторонъ выходитъ на улицу. Мимо окна проходитъ молодой еврейчикъ и куритъ папиросу. Анастасьевъ его останавливаетъ. «Развѣ евреямъ разрѣшается курить по субботамъ?» спрашиваетъ губернаторъ. Еврейчикъ улыбается, вѣроятно думаетъ, что начальство съ иимъ шутитъ. «Что же ты молчишь? Поди-ка сюда!» Еврейчикъ оторопѣлъ и прежде, чѣмъ сообразилъ въ чемъ дѣло, полицейскій схватилъ его, а затѣмъ его высѣкли. На слѣдующій день отецъ пострадавшаго приходилъ къ губернатору благодарить за урокъ данный сыну.

Третій случай. Бывшій черниговскій губернскій предводитель дворянства, перешедшій на постъ екатеринославскаго губернатора, а затѣмъ, при Александрѣ III, бывшій въ то время товарищемъ мин. внутр. дѣлъ гр. Толстого, И. Н. Дурново, оставался черниговскимъ помѣщикомъ и, кромѣ имѣнія въ с. Жукоткахъ, имѣлъ лѣсъ на берегу Днѣпра, зачисленный въ разрядъ защитныхъ лѣсовъ въ виду необходимой охраны отъ заносовъ пескомъ столь важной рѣки какъ Днѣпръ. Само собою разумѣется, что такой губернаторъ какъ Анастасьевъ, сдѣлался фактическимъ повѣреннымъ своего начальника, который составлялъ ему «протекцію» въ министерствѣ. Губернаторъ-управляющій, чего же лучше? — рука руку моетъ. И губернаторъ обдѣлывалъ частныя дѣла своего начальства какъ нельзя лучше. Дурново пожелалъ продать свой защитный лѣсъ. Онъ привыкъ хорошо жить и ему, вѣроятно, не хватало денегъ. При такихъ обстоятельствахъ можно нѣсколько обойти стѣснительный законъ. Надо сдѣлать это такъ, чтобы самъ законъ былъ на его сторонѣ. Такъ и сдѣлали. Губернаторъ-управляющій пригласилъ къ себѣ одного изъ евреевъ-лѣсопромышленниковъ, поговорилъ съ нимъ и предложилъ купить лѣсъ, назначивъ цѣну, показавшуюся лѣсоторговцу чрезмѣрной. Отказаться — невозможно, послѣдствія онъ знаетъ. Проситъ разрѣшенія осмотрѣть лѣсъ. Разрѣшеніе дано. Еврей обращается къ своему еврейскому обществу, объясняетъ свое положеніе, размѣръ убытка, который окончательно разоритъ его. Еврейское общество съ своей стороны, предвидя послѣдствія, рѣшило убытокъ раздѣлить пополамъ: половину принимаетъ на себя еврейское общество. Но какъ быть съ закономъ, запрещающимъ вырубку защитныхъ лѣсовъ? Губернаторъ собираетъ лѣсоохранительный комитетъ, въ которомъ присутствуетъ и Хижняковъ, и въ комитетѣ заслушивается докладъ о появленіи въ лѣсу Дурново короѣда и о необходимости сплошной вырубки лѣса въ видахъ предотвращенія зараженія сосѣднихъ лѣсовъ... Самъ неумолимый законъ предписывалъ вырубку зараженнаго лѣса.

Если бы В. М. Хижняковъ былъ еще живъ, онъ могъ бы въ настоящее время поразсказать множество подобныхъ анекдотовъ о губерна-

торѣ, къ которому на слѣдующій день я долженъ былъ явиться и съ которымъ ожидалъ схваткн, надъ послѣдствіями которой не хотѣлъ задумываться. *)

Въ пріемный часъ я былъ въ губернаторскомъ домѣ и былъ принятъ губернаторомъ, какъ только я назвалъ дежурному свою фамилію. Губернаторъ встрѣтилъ меня, стоя и очень прнвѣтливо протягивая руку. Указавъ мнѣ кресло противъ себя по другую сторону пнсьменнаго стола, за которымъ онъ сндѣлъ, онъ объявилъ, что очень сожалѣетъ, что былъ вынужденъ обезпокоить меня и вызвать въ Чернкговъ, но сдѣлалъ это ие по своей волѣ, а по распоряженію кіевскаго геиералъ-губернатора, которому подчинена и Черниговская губернія. Съ этнми словами онъ передалъ мнѣ бумагу, чтобы я самъ прочиталъ ее. Генералъ Дрентельнъ въ этой бумагѣ поручалъ ему объявить мнѣ о запрещеніи въѣзда и пребыванія въ предѣлахъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, Подольской и Волынской губерній, причемъ послѣднія трн губерніи были приписаны рукою Дрентельна сверху надъ строкой. Я прочиталъ эту бумагу, возвратилъ ему и, полагая, что задача его исполнена, спроснлъ сколько дней я могу остаться у себя въ Плискѣ, чтобы закончить свои дѣла. Не отвѣчая прямо на мой вопросъ, Анастасьевъ принялся увѣрять меня, что эта мѣра принята не только безъ его участія, но и безъ его вѣдома; онъ лично рѣшительно ничего ие имѣетъ противъ моего возвращенія въ Черниговскую губерію и съ своей стороны готовъ сдѣлать всякіе шаги, чтобы мѣра, принятая Дрентельномъ, была отмѣнена, расчитывая, что я съ своей стороны помогу ему въ этомъ. Онъ можетъ увѣрить меня, продолжалъ Анастасьевъ, что очень цѣнитъ и уважаетъ умныхъ и образованныхъ людей и всегда готовъ оказывать имъ всяческое содѣйствіе. «Это можетъ подтвердить вамъ такой образованный и достойный человѣкъ, какъ Константинъ Александровнчъ Рачинскій». Поэтому ему очень хотѣлось бы оказать и мнѣ свое содѣйствіе и онъ надѣется, что ему удастся убѣдить генерала Дрентельна отмѣнить свое распоряженіе. Для этого мнѣ стоитъ только отказаться отъ званія гласнаго, и онъ ручается, что мнѣ будетъ предоставлена полная свобода.

Мнѣ стало совершенио ясио, что, узнавъ о моемъ избраніи въ гласные, Анастасьевъ тотчасъ представилъ Дрентельну о необходнмости немедленно удалить меня изъ Черниговской и Полтавской губерній. Дрентельнъ приказалъ составить утвердительный отвѣтъ и отъ себя прибавилъ своеручно три юго-западныя губерніи. Анастасьевъ явно лгалъ, но понималъ, что если я теперь откажусь отъ званія гласнаго, то совершу свое общественное и политическое самоубійство и тогда можно будетъ предоставить меня самому себѣ. Въ виду этого, я совершенно спокойно отвѣчалъ ему, что не считаю возможнымъ сдѣлать ему пріятное, т. к.

*) Ср. Хвжняковъ. — Воспомнванія.

согласившись на избраніе, я считаю недопустимымъ спустя нѣсколько дней отказываться, послѣ того какъ избраніе мое состоялось.

Анастасьевъ сдѣлалъ видъ, что этого онъ не ожидалъ, и немного подумавъ, еще болѣе любезнымъ тономъ сказалъ:

— Конечно, я понимаю трудность вашего положенія, но мнѣ такъ хочется добиться отмѣны вашей высылки, что я сдѣлаю вамъ большую уступку и, хотя не могу быть увѣреннымъ въ согласіи ген. Дрентельна, но все же я попытаюсь его убѣдить, если вы дадите мнѣ слово, что не будете посѣщать земское собраніе.

Меня начало раздражать это желаніе соблазнить меня, чтобы я капитулировалъ.

— Я нахожу, что это предложеніе еще менѣе для меня пріемлемо, т. к. я считалъ бы недостойнымъ дѣйствовать такъ относительно моихъ избирателей, только что оказавшихъ мнѣ свое довѣріе послѣ болѣе чѣмъ семилѣтней моей ссылки.

Анастасьевъ былъ недоволенъ, но сдерживалъ себя, и снова немного подумавъ, обратился ко мнѣ:

— Вы очень упрямы, но я хочу васъ переупрямить и доказать вамъ мое искреннее желаніе дать вамъ свободу и возможность пребыванія въ своемъ имѣніи. Я сдѣлаю вамъ послѣднее предложеніе и буду просить ген .Дрентельна отмѣнить свое распоряженіе подъ моею личной отвѣтственностью. Мое предложеніе уже потому не посягаетъ на ваше личное достоинство, что нашъ съ вами договоръ останется никому неизвѣстенъ, его буду знать только я; а вамъ онъ ничего не стоитъ. Вотъ вамъ листокъ бумаги, садитесь на мое мѣсто и напишите въ формѣ письма ко мнѣ, что, пробывъ нѣсколько лѣтъ внѣ родины и вернувшись теперь домой послѣ перемѣны царствованія, вы измѣнили ваши убѣжденія и доводите до моего свѣдѣнія, что будете придерживаться направленія сообразно духу нынѣ царствующаго Государя. Это письмо я спрячу, какъ оправданіе своего собственнаго поведенія относительно васъ и, кромѣ меня, этого письма никто не увидитъ.

Сознавалъ-ли этотъ человѣкъ всю гнусность этого предложенія или оно казалось ему верхомъ административной ловкости, но я, слушая его рѣчь, произносимую въ чрезвычайно сладкомъ тонѣ, рѣшилъ покончить съ этой игрой кошки съ мышкой.

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, сказать вамъ, что мы съ вами совершенно различно смотримъ на наши обязанности. Вы, въ качествѣ главы мѣстной власти, подчинены власти министра и потому вынуждены мѣнять свое направленіе сообразно направленію министровъ. Вы изволили служить при гр. Лорисъ-Меликовѣ, затѣмъ при гр. Игнатьевѣ, теперь вы служите при гр. Толстомъ. Всѣ они не похожи другъ на друга и каждый велъ свою политику, и вслѣдъ за каждымъ изъ нихъ вамъ приходилось вести ихъ политику. Я не служащій человѣкъ, а простой обыватель. Первая моя обязанность имѣть свое собственное мнѣніе и имѣть честность, безъ утайки моихъ мыслей, поступать согласно

съ тѣмъ, что думаю. Поэтому, не только написать вамъ, но и сказать, что я перемѣнилъ свои понятія и раздѣляю направленіе графа Толстого, было бы чистой ложью. Поэтому, ваше послѣднее предложеніе я считаю еще болѣе непріемлемымъ, чѣмъ два предыдущія. Я не буду болѣе затруднять ваше превосходительство.

— Ну, что же дѣлать, я все сдѣлалъ, что могъ, сказалъ мнѣ уже сухимъ тономъ Анастасьевъ, вы не согласны помочь мнѣ и потому я даю вамъ 24 часа съ момента вашего возвращенія въ Плиску, для устройства вашихъ дѣлъ, послѣ чего вы должны покинуть мою губернію.

Я всталъ, мы раскланялись безъ рукопожатій и я уѣхалъ. Въ тотъ же день мы выѣхали въ Плиску. Дорога была скверная, ѣхали мы на почтовыхъ въ нашемъ собственномъ экипажѣ, рискуя его поломать или завязнуть въ грязи, но къ вечеру слѣдующаго дня все же добрались домой. Уже утромъ на слѣдующій день появился тотъ-же долговязый помощникъ исправника предупредить меня, что до вечера мы должны уѣхать изъ Плиски, о чемъ полиція получила распоряженіе отъ губернатора. Я отвѣчалъ, что ѣду съ поѣздомъ послѣ обѣда. Онъ пожелалъ получить мой паспортъ и узнать, куда я ѣду. Я кратко отвѣтилъ ,что никакихъ бумагъ у меня нѣтъ, а ѣду, можетъ быть на Кавказъ, а можетъ быть и въ какое нибудь другое мѣсто. Онъ видѣлъ, что я не желаю входить ни въ какія объясненія, а потому удалился, не сказавъ мнѣ ничего болѣе. Въ моментъ нашего отъѣзда, я снова увидѣлъ на вокзалѣ эту долговязую фигуру: она слѣдила за моимъ отъѣздомъ до послѣдняго момента отходв поѣзда.

Такимъ образомъ, отбывъ 7 лѣтъ и 4 мѣсяца ссылку и безъ суда и даже безъ предъявленія мнѣ обвиненія, я былъ послѣ свободы, длившейся полтора мѣсяца, снова высланъ изъ предѣловъ пяти малороссійскихъ губерній (Черниговской, Полтавской, Кіевской, Подольской и Волынской), т. е. изъ сатрапіи, подчиненной генералу Дрентельну, бывшему шефу жандармовъ, снова безъ опредѣленія срока и безъ предъявленія какого либо обвиненія, а лишь только потому, что генералу Дрентельну и губернатору Анастасьеву не хотѣлось видѣть меня земскимъ гласнымъ. И эта вторая высылка продолжалась до конца октября 1904 года, т. е. 18 лѣтъ, а обѣ вмѣстѣ болѣе 25 лѣтъ, когда я былъ освобожденъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ и получилъ право жить, гдѣ хочу.

Ни одно европейское государство не знаетъ въ должной мѣрѣ той системы административной ссылки и полицейскаго надзора, которая составляла одно изъ прочныхъ звеньевъ русскаго государственнаго управленія. Ни одно европейское государство, за исключеніемъ Россіи, не знало въ концѣ 19-го вѣка легализованнаго произвола администраціи, имѣвшей право въ любой моментъ арестовать и, не производя ни слѣдствія, ни суда, не объясняя причины и сущности обвиненія, сослать въ любое мѣсто Имперіи, даже въ такое мѣсто, которое, по своему положенію, представлялось уже истязаніемъ, какъ напр. ссылка въ самыя

отдаленныя мѣста Снбнри, гдѣ перебывалн такіе людн какъ В. Г. Короленко и многіе другіе. Такой произволъ примѣнялся даже къ такимъ лнцамъ, нммунитетъ которыхъ былъ гарантированъ закоиомъ. Я самъ, какъ разсказано мною выше, будучи несмѣняемымъ безъ суда мнровымъ судьей и предсѣдателемъ съѣзда, былъ арестованъ н высланъ адмнннстратнвымъ порядкомъ, безъ всякаго предъявленія миѣ какого либо обвииенія въ теченіе всей моей ссылки, и высланъ былъ безсрочно. Въ 1890 году, т. е. спустя четыре года послѣ прекращенія моей ссылкн, когда я былъ еще лишенъ права пребыванія въ обѣнхъ столнцахъ, министръ внутренинхъ дѣлъ И. Н. Дуриово увѣрялъ, что меия ие обвиияютъ въ какомъ-лнбо опредѣлениомъ дѣйствіи, ио иаходятъ, что вокругъ меня группнруются людн неблагонадежные въ политнческомъ отношенін. Другими словами, я былъ непріятный и неудобный человѣкъ въ глазахъ мѣстной администраціи, и этого было достаточно, чтобы нарушнть законъ о несмѣняемостн судьи безъ суда надъ нимъ, лншнть гражданнна его правъ, его дома, держать въ ссылкѣ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи болѣе семн лѣтъ и навсегда воспретить ему пребываніе въ столицахъ и возвращеніе на родину, въ его собственное родовое гнѣздо. Развѣ это недостаточное объясненіе террористическнхъ актовъ, отвѣчающихъ на правнтельственный терроръ? Что можио сказать въ защнту этой снстемы управленія, не считающейся ни съ законами, ни съ положеніемъ человѣка, нн съ интересами семьи, когда ломается вся жнзнь человѣка, разрушается все его будущее и человѣкъ выбрасывается за бортъ не за содѣянное преступленіе, а по волѣ сатраповъ, облеченныхъ безконтрольной властью. Въ чемъ состоитъ вина такихъ людей, какъ Лесевнчъ, Мачтетъ, Эртель, Недзялковскій, Девель, Яковенко н всѣхъ другихъ, о которыхъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, попавшнхъ изъ Сибири въ Тверь, не видя для себя иичего впередн? Я называю десятка два такихъ людей, но вѣдь ихъ не два десятка, а десятки тысячъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ отъ Волгн до Тихаго и Ледовитаго океановъ. Даже при созывѣ первой Гос. Думы, первое слово, обращенное къ правительству, н требовавшее амнистіи и возвращенія свободы безчисленнымъ политическимъ ссыльнымъ, — не было услышано: все осталось по старому. Когда затѣмъ премьеръ Столыпииъ провозглашалъ съ той же трибуны свой тупой афоризмъ: «сиачала порядокъ, потомъ реформы», онъ не догадывался, что, усиливая власть свою, губернаторовъ, жандармовъ и всякой полиціи, онъ перегружаетъ государственную машнну и ведетъ ее къ разрушенію, и подготовляетъ свое собственное убійство провокаторомъ и жандармскимъ полковнн-комъ Кулябко. Столыпинъ шелъ по стопамъ своихъ предшествеиниковъ, искавшихъ опоры не въ законѣ, а въ собственномъ произволѣ. Только Лорнсъ-Мелнковъ, повидимому, понималъ, что государственная власть, не опнрающаяся на незыблемый законъ, въ концѣ концовъ становится безсильной, и добился упраздненія должности шефа жандармовъ н подчнненія этого прнвнлегированнаго корпуса полнтической

полиціи министру внутреннихъ дѣлъ. Увы, это было только усиленіемъ власти министра внутр. дѣлъ и ничего больше. Гдѣ оказались жандармы послѣ большевистскаго переворота? Конечно, не на сторонѣ Временнаго Правительства и порядка, а на сторонѣ большевиковъ, образъ дѣйствій которыхъ они чуяли и заранѣе учитывали всѣ выгоды содѣйствія коммунистамъ. Они немедленно отправились на поклонъ въ Смольный институтъ и въ армію, стали во главѣ комитетовъ, растрѣливавшихъ ее, убѣждавшихъ бросить оружіе и расходиться по домамъ, чтобы вносить смуту, развратъ, грабежъ и убійство въ городахъ и деревняхъ. Они отправлялись въ знакомыя по прежней службѣ мѣста, становились членами мѣстиыхъ Совѣтовъ, «Совнаркомовъ», «Ревкомовъ», предсѣдателями «Совѣтовъ бѣдноты» и комиссарами, устраивали «Чрезвычайки», разстрѣливали, обогащались. Еще на дняхъ газеты сообщаютъ съ Балканскаго полуострова, что тамъ появился организаторъ коммунизма, извѣстный жандармскій генералъ Комиссаровъ, тотъ самый членъ петербургской охраны, который выпускалъ изъ «тайной», помѣщавшейся въ охранномъ отдѣленіи типографіи, революціонныя прокламаціи и устраивалъ погромъ по желанію на 1000 или 10.000 человѣкъ, тотъ самый жандармъ, котораго дѣятельность была такъ подробно разоблачена въ первой Госуд. Думѣ депутатомъ кн. С. Д. Урусовымъ, бывшимъ раньше товарищемъ министра внутр. дѣлъ. Это тотъ самый генералъ Комиссаровъ, который замѣшанъ теперь въ покушеніи на жизнь принца-регента, нынѣ короля Югославіи, Александра. Это та самая язва, которая такъ долго служила однимъ изъ наиболѣе употребляемыхъ средствъ государственнаго управленія Великой Россійской Имперіи. Это то самое средство, которое сгубило Россію и предало ее въ руки той шайки убійцъ, которые окончательно разрушили нашу страну.

Если мое освобожденіе отъ ссылки и гласнаго полицейскаго надзора въ августѣ 1886 года могло вызвать въ нашихъ планахъ нѣкоторое колебаніе, то съ помощью черниговскаго губернатора Анастасьева и кіевскаго генералъ-губернатора Дрентельна всякія колебанія были устранены, т. к. мнѣ было вновь воспрещено пребываніе въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. Намъ съ женой ничего другого не оставалось, какъ возвратиться въ Тверь. Точно также и освобожденіе отъ полицейскаго надзора не было дѣйствительнымъ освобожденіемъ, а лишь подчиненіемъ вмѣсто гласнаго надзора тайному на словахъ и слишкомъ чувствительному на дѣлѣ, особенно при передвиженіяхъ, когда мнѣ не одинъ разъ приходилось имѣть столкновеніе съ полиціей, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественной дѣятельности. Директоръ тверской гимназіи не дозволилъ брату моей невѣстки, т. е. нашему родственнику, впослѣдствіи извѣстному въ Москвѣ врачу Алексѣю Ильичу Бакунину, жить вмѣстѣ съ моими сыновьями, учениками той-же гимназіи, въ виду моей политической неблагонадежности.

Перспектива такихъ постоянныхъ столкновеній съ разнымъ начальствомъ и помѣхъ на всѣхъ путяхъ моей общественной дѣятельности

не очень улыбалась мнѣ, но капитулировать передъ такими препятствіями я не хотѣлъ. Я считалъ, что въ 43 года уходить въ частную жизнь, отказаться отъ всѣхъ плановъ и надеждъ, — слишкомъ рано. Я понималъ, что это была бы измѣна общественному дѣлу, измѣна родинѣ, когда каждый мыслящій человѣкъ обязанъ отдать всѣ силы для освобожденія ея отъ политическаго гнета, въ которомъ она задыхалась.

Въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ я выносилъ и ссылку, и гласный надзоръ, и полное бездѣйствіе. Могъ-ли я, однако, признать себя побѣжденнымъ? Могъ-ли я, имѣлъ-ли я право признать, что всѣ средства борьбы у меня отняты? Нѣтъ, я не терялъ вѣры, что самодержавіе должно быть побѣждено и будетъ побѣждено, такъ какъ это законъ исторіи: народы проходили черезъ эту борьбу за свободу и въ концѣ концовъ побѣждали. И я долженъ сознаться, что въ ту минуту, 27-го апрѣля 1906 года, когда я поднимался первымъ на трибуну Государ. Думы, чтобы обратиться отъ лица Россіи къ ея побѣжденному правительству, я чувствовалъ себя побѣдителемъ и вознагражденнымъ свыше всякой мѣры за всѣ невзгоды, испытанныя мною. Открывалась широкая дорога конституціонной борьбы...

Не бѣда, что черезъ 72 дня насъ разогнали, не бѣда, что пришлось отсидѣть потомъ 3 мѣсяца въ тюрьмѣ и потерять политическія права: возврата къ прошлому не могло быть, путь къ прошлому закрытъ навсегда.

ГЛАВА XII.

Мы окончательно устраиваемся въ Твери. — Цензовая земля. — Губернаторъ П. Д. Ахлестышевъ. — Кахановская комиссія. — Гр. Д. А. Толстой и Пазухинъ. — Земская реформа 1890 года. — Упраздненіе мировыхъ судей. — Земскіе начальники. —

Когда въ 1883 году мы переѣзжали изъ Смоленска въ Тверь, я испытывалъ чувство радости, такъ какъ къ чувству соединенія съ братомъ примѣшивалась опредѣленность положенія: я зналъ, что черезъ три года получу свободу и вернусь къ той дѣятельности, которую я поставилъ себѣ цѣлью жизни.

Теперь, въ 1886 году, мы ѣхали въ Тверь прямо изъ Черниговской губерніи, откуда меня снова выслали изъ моего собственнаго дома, единственно потому, что мой выборъ въ гласные борзенскаго земства и вѣроятность моего появленія въ губернскомъ земскомъ собраніи были нежелательны для мѣстной администраціи. Господа Анастасьевы и Дрентельны считали свою волю достаточнымъ основаніемъ, чтобы лишить меня и семью самыхъ элементарныхъ, гарантированныхъ закономъ гражданскихъ правъ: права избирать себѣ мѣсто жительства и участія въ мѣстномъ самоуправленіи, наконецъ, права жить въ общественной средѣ, съ которой я связанъ узами рожденія, родства и различными дѣловыми отношеніями.

Таковъ самодержавный режимъ, постепенно терявшій чувство мѣры власти, переходившій въ чистый произволъ, грубый и нелѣпый и закончившійся полнымъ безуміемъ, остроумно названнымъ «чехардою». Такой именно конецъ самодержавія и произошелъ въ Россіи, похоронивъ подъ своими развалинами не только династію, но и монархію.

Возвратясь въ Тверь при благосклонномъ содѣйствіи черниговскаго губернатора Анастасьева и кіевскаго генералъ-губернатора Дрентельна, я не могъ не понимать, что возвращеніе мое на родину отодвинуто, если не навсегда, то на долгое время, зависящее отъ срока существованія режима, измѣненія котораго ожидать не было никакого разумнаго основанія. Съ другой стороны, отказываться отъ общественной дѣятельности и отъ тѣхъ плановъ, которые я считалъ не утратившими своей разумности и силы, мнѣ казалось невозможнымъ.

Мои отношенія къ разнымъ лицамъ въ Твери уже настолько установились и опредѣлились, что я безъ всякихъ колебаній принялъ рѣшеніе остаться въ Тверской губерніи и продолжать свое дѣло тѣмъ болѣе, что условія борьбы мнѣ представлялись здѣсь не только не труднѣе, но даже болѣе благопріятными.

Отнынѣ Тверь становится нашей колокольней, которая, однако, должна служить намъ не препятствіемъ, чтобы видѣть Россію, а сторожевой вышкой, съ которой горизонтъ будетъ шире и виднѣе.

Наше рѣшеніе было встрѣчено нашими тверскими друзьями съ такими дружескими чувствами, на какія мы еще не имѣли никакихъ или

очень мало правъ. Мы сразу почувствовали себя въ средѣ друзей, готовыхъ оказать намъ всякое содѣйствіе. Губернская земская управа стала приглашать меня для обсужденія всѣхъ возникающихъ вновь вопросовъ и даже предложила мнѣ взять на себя разработку статистическихъ матеріаловъ и описаніе Новоторжскаго уѣзда, что дало мнѣ возможность очень близко ознакомиться съ Тверской губерніей, велнкорусскій строй которой очень отлнчался отъ губерній малороссійскихъ, знакомыхъ мнѣ съ дѣтства. Получивъ такую интересную для менп работу отъ губернской управы, я съ помощью агронома, получившаго образованіе въ Петровской земледѣльческой Академіи, Б. Ф. Недзялковскаго, составнлъ описаиіе ие одного Новоторжскаго, ио еще двухъ уѣздовъ, сверхъ названнаго выше, — уѣздовъ Бѣжецкаго (самаго крупнаго изъ уѣздовъ Тверской губерніи) и Осташковскаго. На этомъ новомъ для меня поприщѣ мой сотрудникъ Б. Ф. Недзялковскій, о которомъ я упомииалъ раньше, оказать мнѣ большую помощь.

Какъ я уже сказалъ въ предыдущей главѣ, земскіе выборы въ Тверской губерніи происходнлн въ 1885 году, когда я еще состоялъ въ ссылкѣ и подъ полицейскимъ надзоромъ. Слѣдующіе выборы должны были происходнть въ декабрѣ 1888 г. Но для участія въ выборахъ я долженъ былъ нмѣть самостоятельный цензъ, т. е. пріобрѣсти покупкою участокъ земли, прнтомъ непремѣнно въ Новоторжскомъ уѣздѣ, т. к. только тамъ я могъ разсчитывать пройти въ гласные. Это было не такъ легко: въ силу закона я долженъ былъ владѣть цензомъ въ теченіе года до составленія спнсковъ выборщиковъ. Это мнѣ не удалось для выборовъ 1888 г. и пришлось отложить надежды до слѣдующихъ выборовъ въ 1891 г.

Съ помощью брата я купилъ 225 дес. землн въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Вся покупка обошлась около 800 рублей, т. е. по 3 рубля за десятниу, плюсъ расходы по совершенію купчей крѣпости. Какъ ни дешевы были земли въ Новоторжскомъ уѣздѣ, но стонмость купленной мною землн свндѣтельствовала, что это была такъ называемая *цензовая* земля. Въ первый разъ мнѣ пришлось пользоваться тѣмъ, что называлось «фиктивнымъ цензомъ» и мнѣ предстояло рѣшить для самого себя, что разумѣетъ законъ подъ понятіемъ земельнаго ценза, н ие находится-ли «фиктивный» цензъ въ противорѣчіи съ закономъ, т. е. не представляетъ ли оиъ нарушеиія закона путемъ его обхода? По закоиу отъ земельиаго ценза требуется установленное для каждой мѣстности въ Имперіи колнчество десятииъ земли, *числящейся по окладнымъ кингамъ удобной и обложенной какъ земскимъ сборомъ, такъ и государственнымъ поземельнымъ налогомъ.* Таково требованіе закоиа. Земской управѣ, ведущей окладныя книги, а равно и податному ннспектору не трудно провѣрить существованіе каждаго участка земли, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ въ Тверской губерніи, происходнло спеціальное размежеваніе, гдѣ имѣются плаиы и описи и даже

подробныя карты всей территоріи губерніи. Такая карта Менде имѣется и для Тверской губерніи. Но законъ никому не предоставляетъ права разслѣдованія, ведется-ли на данномъ участкѣ интенсивное хозяйство, или произростаетъ на немъ морошка, или другая ягода, или онъ запущенъ для ружейной охоты и т. д. Закономъ установлено, что облагается налогомъ не доходъ, приносимый землею, а самая земля, независимо отъ того, какъ пользуется ею собственникъ. Земля, не приносящая дохода сегодня, можетъ приносить доходъ завтра. Пески Сахары обращаются въ цвѣтущіе оазисы. Такую же вырубку изъ подъ лѣса купилъ раньше мой братъ, позднѣе продавшій ее эстонскому или латышскому колонисту въ томъ же Новоторжскомъ уѣздѣ подъ усадьбу и распашку полей, т. е. цѣнность такого участка оказалась несомнѣнной. На основаніи этихъ соображеній можно очень отрицательно относиться къ такому хозяйству, какое я имѣлъ, но считать его фикціей нельзя, ибо оно представляетъ реальную цѣнность и съ юридической точки зрѣнія неуязвимо.

Я опасался не юридической непрочности моего ценза, но трудности установить правильныя отношенія съ представителями населенія въ уѣздномъ земствѣ, для котораго я являлся человѣкомъ не мѣстнымъ, а случайнымъ, словомъ — чужакомъ, который долженъ много поработать, чтобы сначала побѣдить обычное недовѣріе, а потомъ уже заслужить и довѣріе и уваженіе. Въ этомъ трудномъ положеніи я располагалъ только однимъ, но за то крупнымъ шансомъ: на моей сторонѣ была дружба съ братьями Бакуниными и положеніе въ земствѣ моего брата, пользовавшагося полнымъ уваженіемъ.

Однако, моя увѣренность, что пріобрѣтенный мою цензъ не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій, оказалась ошибочной. Въ 1890 г. я былъ избранъ гласнымъ Новоторжскаго уѣзднаго земства. Немедленно послѣ этого я получилъ отъ новаго тверского губернатора Ахлестышева, замѣнившаго Сомова, приглашеніе явиться къ нему «по дѣламъ службы». Оказалось, что ему пришла счастливая мысль не допустить меня вступить въ составъ тверского земства подобно тому, какъ я былъ выброшенъ изъ Черниговскаго. Но онъ не обладалъ ни властью генералъ-губернатора Дрентельна, для котораго его воля замѣняла всякій законъ, ни опытомъ губернатора Анастасьева, умѣвшаго обойти всякій законъ. Ахлестышевъ былъ только что испеченный губернаторъ, новичекъ въ своемъ дѣлѣ.

— Вы избраны въ гласные неправильно, — такъ встрѣтилъ меня губернаторъ, т. к. обладаете не настоящимъ, а фиктивнымъ цензомъ.

— Вы ошибаетесь: я обладаю указаннымъ количествомъ земли, дающимъ право на самостоятельный цензъ. Моя земля не только по окладнымъ книгамъ земской управы числится и числилась раньше землею удобной и облагалась какъ земскимъ, такъ и государственнымъ налогомъ, но числится удбной и по каталогу государственнаго размежеванія и по картѣ Менде, т. е. задолго до моей покупки. Если вы имѣете

свѣдѣнія, что эта земля не приноситъ дохода, то законъ никому не предоставляетъ права вмѣшиваться въ этотъ вопросъ и довольствуется тѣмъ, что съ земли поступаетъ налогъ, требуемый государствомъ и земствомъ. Государство вмѣшивается въ этотъ вопросъ лишь въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ отказывается платить налогъ подъ тѣмъ предлогомъ, что земля принадлежитъ къ разряду неудобной. Если же признать ваше толкованіе закона, то придется очень большую часть земель тверской губерніи признать неудобными и такимъ образомъ лишить государственную казну и земство земельнаго сбора.

Повидимому Ахлестышевъ ничего не могъ возразить противъ моихъ соображеній, т. к., вѣроятно, ему пришлось впервые столкнуться съ такимъ вопросомъ. Онъ еще не зналъ, что у губернаторовъ имѣлось въ рукахъ болѣе простое средство не допустить любое лицо, избранное въ составъ гласныхъ. Достаточно было опротестовать, подъ какимъ угодно предлогомъ, избраніе и дѣло переходило въ Сенатъ, гдѣ и покоилось, если требовалось, всѣ три года, до новыхъ выборовъ. Черниговскій губернаторъ Анастасьевъ такъ бы и поступилъ, если бы у него не было за спиною генералъ-губернатора Дрентельна, распоряжавшагося закономъ по своему усмотрѣнію.

П. Д. Ахлестышевъ, бывшій уѣзднымъ предводителемъ дворянства одного изъ уѣздовъ Московской губерніи, былъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ, если я не ошибаюсь, въ 1890 году въ связи, повидимому, во-первыхъ, съ назначеніемъ мин. внутр. дѣлъ И. Н. Дурново, полагавшаго по собственному примѣру, что для губернаторовъ нѣтъ лучшаго стажа, какъ предводительскій, и во-вторыхъ, съ введеніемъ земскихъ начальниковъ и перестройкой земства въ направленіи усиленія въ немъ вліянія дворянства. Хотя прежній тверской губернаторъ, Сомовъ, также прошелъ предводительскій стажъ, но новое вино самодержавнаго режима требовало новыхъ мѣховъ. На старика Сомова не надѣялись, и его сдали въ сенатскій архивъ по департаменту герольдіи.

Эта смѣна старыхъ мѣховъ на новые произошла лѣтомъ, когда мы жили на дачѣ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, нанявъ полуразрушенный домъ въ давно заброшенной, но очень привлекательной старинной усадьбѣ Олениныхъ, носившей названіе «Машукъ», на высокомъ берегу р. Тверцы, среди стараго запущеннаго парка. Спустя семь лѣтъ мы пріобрѣли Машукъ въ собственность и устроили тамъ, по утвержденію Штюрмера, ревизовавшаго тверское земство по порученію Плеве, конституціонное гнѣздо. Но въ тотъ годъ, когда гнѣзда еще не было и мы скромно ютились въ разрушенномъ домѣ, наша кухарка получила изъ Твери письмо, увѣдомлявшее ее объ арестѣ ея мужа, рабочаго, за недостаточное наблюденіе за ихъ малыми дѣтьми, въ чемъ-то провинившимися на улицѣ при проѣздѣ губернатора. Перепуганная кухарка, дѣти которой остались совсѣмъ безпризорными, бросилась стремглавъ въ Тверь спасать дѣтей отъ заботливости начальства, переходящей предѣлы разум-

ности. Такимъ образомъ и мы узнали, что начинается новый курсъ губернаторскаго управленія.

Программа новаго губернатора была очень проста: онъ, губернаторъ, единственный «хозяинъ» губерніи, въ которой имѣется два его врага: земство и городское управленіе, которыхъ онъ долженъ искоренить. И онъ «искоренялъ» безъ устали и безъ всякаго смысла. Я не знаю ни одной отрасли земскаго дѣла, которую онъ не старался бы парализовать всегда глупо, всегда что-то подозрѣвая. Начиная съ постановленій уѣздныхъ и губернскаго собраній и ихъ бюджетовъ и кончая назначеніемъ земскихъ служащихъ, повсюду чувствовался тормазъ, часто совершенно недопустимый и притомъ безусловно незаконный, именно въ области приглашенія служащихъ. Законъ требуетъ согласія губернатора на назначеніе служащаго и согласіе это должно быть дано въ теченіе мѣсячнаго срока. Неполученіе его въ назначенный срокъ принимается за согласіе. Но губернаторы прибѣгали къ уловкѣ, т. е. къ обходу закона, увѣдомляя управу, что ими не получены еще справки о данномъ лицѣ. Такія справки затѣмъ ожидаются по нѣсколько мѣсяцевъ и мѣсто остается незамѣщеннымъ, т. е. работа, для которой то или друге лицо приглашено, останавливается. Легко понять, какъ трудно при такихъ условіяхъ приглашеніе служащихъ для замѣщенія мѣстъ, т. к. устанавливается презумпція, что каждое приглашаемое на земскую службу лицо политически неблагонадежно, и справки о его благонадежности собираются послѣдовательно со всѣхъ мѣстъ, гдѣ это лицо имѣло службу или пребываніе.

Можетъ быть болѣе разумные и менѣе подозрительные губернаторы ограничивались какимъ-нибудь срокомъ, но Ахлестышевъ добирался до крайнихъ предѣловъ, когда теряется всякій слѣдъ о жертвѣ полицейскаго или служебнаго надзора. Это былъ настоящій маніакъ подозрительности. Такъ, напримѣръ, онъ производилъ разслѣдованіе о будто скрывающихся подъ видомъ душевно-больныхъ въ Бурашевской лѣчебницѣ политическихъ преступникахъ.

Требовались огромное терпѣніе и преданность дѣлу, чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ выдерживать такую мелочную придирчивость и такую упорную помѣху въ каждомъ дѣлѣ, часто срочномъ, всегда необходимомъ.

Почва для такихъ губернаторовъ, какъ Ахлестышевъ и его преемники, была основательно подготовлена въ теченіе 80-хъ годовъ Кахановской комиссіей, а затѣмъ, послѣ ея закрытія 1 мая 1885 г., министромъ внутр. дѣлъ гр. Д. А. Толстымъ, искусно использовавшимъ воззрѣнія и настроеніе императора Александра III, ограниченнаго автократа и тупого приверженца давно отжившей старины.

Кахановская комиссія возникла при министрѣ вн. дѣлъ, гр. Игнатьевѣ, взамѣнъ существовавшей раньше при министерствѣ вн. дѣлъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. С. Каханова. Учрежденіе комиссіи было мо-

тивироваио необходимостью совокупнаго разсмотрѣиія сеиаторскихъ ревизій (М. Е. Ковалевскаго, С. А. Мордвннова, А. А. Половцева и И. И. Шамшина), произведенныхъ по порученію гр. Лорисъ-Меликова, и по поводу земскихъ отвѣтовъ, затрогивавшихъ всю систему мѣстнаго управленія н самоуправленія. Комиссія должна была выработать законопроекты о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учреждеиій, а также о соотвѣтственномъ измѣнеиіи учрежденій земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ. Планъ работъ комиссіи былъ составленъ очень широко и высоч. утверждеиъ 16 апрѣля 1882 г., но съ устраиеиіемъ изъ числа ея задачъ, во-первыхъ, порядка производства дѣлъ о государствеииыхъ преступленіяхъ и участія въ иихъ чиновъ жандармскаго корпуса, а во-вторыхъ, измѣнеиія функцій сословиыхъ учрежденій и съ указаніемъ на необходимость сохраненія сельской общины, какъ самостоятельной хозяйственной едииицы.

Къ веснѣ 1884 г. работа комиссіи была исполиена: выводы ея были облечены въ форму отдѣльныхъ статей, къ которымъ составлеиы объясиительиыя записки. Одиако комиссія ие считала свою работу законченной и находила нужиымъ провѣрить свои заключеиія со стороны «практической примѣиимости». Въ виду зтого въ иоябрѣ 1884 г. засѣданія комиссіи открылись въ усиленномъ составѣ. Въ качествѣ «свѣдущихъ людей» было приглашено «15 лицъ изъ числа губериаторовъ, губернскихъ н уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ». Въ числѣ приглашениыхъ были предводители дворядства Пазухииъ и Бехтѣевъ, представители «властной руки», говоря проще — ежевыхъ рукавицъ для крестьяиъ. Господинъ Пазухинъ особенно понравился графу Д. А. Толстому, который пригласилъ его въ правители своей каицеляріи; послѣ чего гр. Толстой и Пазухинъ сочли своевремеинымъ комиссію закрыть, какъ совершенно излишнее учрежденіе, (съ чѣмъ нельзя не согласиться) и составить обратную «реформу» земскихъ учрежденій, мирового суда и крестьяискаго управленія — въ министерской канцеляріи подъ руководствомъ такого опытнаго реформатора, какъ бывшій предводитель дворянства Пазухинъ.

Было бы, однако, несправедливо думать, что попыткѣ разрушить мѣстиое самоуправленіе, главнымъ образомъ — земство, лишить судъ независимости и взять крестьянство подъ властную руку администраціи, — Россія обязана исключительно гр. Д. А. Толстому и его сателлитамъ — Пазухинымъ и Бехтѣевымъ.

Недолгое царствованіе императора Алексаидра III даетъ достаточно обильиый матеріалъ для суждеиія какъ объ умѣ, такъ и о характерѣ предпослѣдняго русскаго царя, неиавистника всѣхъ реформъ своего предшественника и отца. Извѣстно, что Александръ III сталъ наслѣдникомъ престола послѣ смерти своего старшаго брата. Въ зто время ему было уже 20 лѣтъ и его образоваиіе и воспитаиіе было уже закончено. Поэтому онъ былъ вовсе не подготовлеиъ къ той роли, которую судь-

ба ему предоставила, и его воззрѣнія выросли самобытно изъ его тяжеловѣсной природы, какъ выростаетъ посѣвъ на невоздѣланной почвѣ. Отъ природы онъ былъ ограниченный, но не дурной человѣкъ, имѣвшій въ своемъ характерѣ хорошія стороны, но его некультурный умъ былъ совершенно лишенъ способности понимать ходъ исторіи человѣчества. Онъ кое-что зналъ о прошломъ, о золотомъ вѣкѣ, о добродѣтеляхъ старины и едва-ли понималъ что нибудь въ томъ, что происходитъ теперь и что вызывало въ немъ чувство ужаса и отвращенія. Его умственный взоръ былъ всегда обращенъ назадъ, въ глубь старины, гдѣ онъ искалъ образцовъ и примѣровъ. Западъ ему внушалъ недружелюбное чувство: оттуда шли всевозможныя либеральныя, соціалистическія и революціонныя идеи, которыя все болѣе распространялись въ Россіи и въ послѣдніе годы царствованія Александра II-го вызвали открытую борьбу съ самодержавной властью, закончившуюся убійствомъ царя. Это убійство произвело на него неизгладимое впечатлѣніе, державшее его въ плѣну до конца жизни. Онъ заперся въ Гатчинскомъ дворцѣ и въ обществѣ упорно ходили слухи, что опасенія за свою жизнь дошли у Александра III до такого напряженія, что будто-бы онъ убилъ слугу, имѣвшаго несчастье испугать царя неожиданной встрѣчей. Возможно, что такой слухъ былъ невѣренъ, но въ обществѣ онъ держался очень упорно и мнѣ не разъ приходилось слышать этотъ разсказъ. Изъ этого мрачнаго дворца своего прадѣда, злополучной памяти Павла I-го, онъ велъ самъ свою политику какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю, между которыми не было внутренняго противорѣчія. Какъ извѣстно, онъ не терпѣлъ одинаково какъ «внутреннихъ» русскихъ нѣмцевъ, такъ и нѣмцевъ внѣшнихъ и ихъ олицетвореніе въ императорѣ Вильгельмѣ II, котораго онъ презиралъ, какъ презиралъ басурманскую вѣру балтійцевъ, которыхъ не хотѣлъ признавать русскими. Только нелюбовь его къ нѣмцамъ и Вильгельму заставили его заключить союзъ съ французской республикой, и онъ приказалъ открыто исполнять марсельезу въ отместку нѣмецкой «Deutschland über alles». Никакой министръ не посмѣлъ бы предложить Александру II такой coup de grace самодержавію. Къ счастью, въ данномъ случаѣ союзъ съ Франціей отвѣчалъ не только чувству императора, но и интересъ Россіи, поэтому внѣшняя политика Рссіи осталась неизмѣнной до коммунистическаго переворота.

Что же касается до политики внутренней, то, благодаря безумію преемника Александра III, нельзя не признать ея конечнымъ послѣдствіемъ коммунистическій переворотъ и раззореніе всей страны. Политическій его горизонтъ былъ такъ узокъ, что онъ, встрѣчаясь съ земскимъ либерализмомъ, съ народничествомъ и съ революціонными эксцессами, не различалъ ихъ и не видѣлъ въ этихъ явленіяхъ ничего, кромѣ нарушенія собственной его самодержавной воли и необходимости обузданія непокорныхъ. Соображеній о развитіи новыхъ формъ и требованій общественной жизни онъ не зналъ и не понималъ. Отсюда его увѣренность въ возможность сокращенія правъ земства, когда оно добивается

расширенія ихъ, и вѣра въ ежевыя рукавицы для крестьянъ, обнаруживающихъ неповиновеніе и предъявляющихъ притязанія «не соотвѣтствующія ихъ званію и состоянію». Рѣчь императора Александра III во время коронаціи, обращенная къ волостнымъ старшинамъ съ требованіемъ повиновенія ихъ предводителямъ дворянства, прозвучала въ крестьянской средѣ какъ угроза возвращенія къ новому закрѣпощенію ихъ и вызвала въ ихъ воображеніи это страшное привидѣніе. Эта самая угроза почти въ тѣхъ же выраженіяхъ была повторена и Николаемъ II, также на коронаціи, и еще болѣе расположила крестьянъ къ тѣмъ голосамъ изъ другого лагеря, которые обѣщали имъ не только полную свободу, но и всю землю, что принесетъ имъ богатство и счастье.

Въ какой степени мысль Александра III была прямолинейна, можно видѣть, напримѣръ, изъ эпизода разсказаннаго въ книгѣ Леливы «Русско-Польскія отношенія». Въ Вильнѣ графиня Зубова, супруга мѣстнаго губернскаго предводителя (по назначенію правительства), состояла попечительницей гимназіи. Она обратилась къ императору Александру III съ письмомъ и просьбой о разрѣшеніи дѣтямъ католическаго вѣроисповѣданія не посѣщать православнаго богослуженія въ царскіе дни, какъ это требовалось мѣстнымъ начальствомъ, а ограничиться церковною службою по католическому обряду въ католической церкви. Гр. Зубова чрезвычайно убѣдительно доказывала, что дѣти католиковъ и ихъ родители переживаютъ жестокое испытаніе, когда они вынуждены посѣщать православный храмъ вопреки запрещенію католической церкви и какъ-бы присоединяться къ православному обряду. Графиня Зубова сообщаетъ далѣе, какъ много она получаетъ писемъ въ высшей степени трогательныхъ и патріотическихъ, умоляющихъ ее завѣрить, что дѣти католиковъ будутъ такъ же молиться за Царя въ своемъ храмѣ, какъ молятся православные въ своемъ. Она выражаетъ надежду, что царь, какъ глубоко вѣрующій христіанинъ, снизойдетъ къ просьбѣ вѣрноподданныхъ католиковъ и удовлетворитъ ея ходатайство.

Какъ отвѣтилъ царь на это глубоко прочувствованное письмо? Онъ написалъ на письмѣ: «Дѣти католическаго вѣроисповѣданія могутъ, отстоявъ службу въ православной церкви, отправиться въ католическую церковь...»

Императоръ Александръ III не сомнѣвался, что всѣ его подданные, безъ различія вѣроисповѣданія, обязаны участвовать въ православномъ богослуженіи и молиться за православнаго царя православному, а не иному Богу, котораго онъ, православный царь, не признавалъ своимъ покровителемъ. Лозунгъ — вѣра православная, царь самодержавный, народъ, самодержцемъ безпрекословно управляемый — былъ принятъ имъ какъ даръ свыше, а всякія либеральныя, конституціонныя и тѣмъ паче — революціонныя идеи были признаны имъ противорѣчащими русскому духу и подлежащими безпощадному искорененію.

Графъ Д. А. Толстой оказался самымъ подходящимъ министромъ для осуществленія такой упрощенной программы. Въ теченіе 15 лѣтъ

онъ состоялъ министромъ народнаго просвѣщенія при Александрѣ II и изъ всѣхъ министровъ сталъ самымъ ненавистнымъ въ странѣ. Но эти же воззрѣнія раздѣлялъ и Александръ III. Словомъ, у царя и его новаго министра были очень сходные воззрѣнія и вкусы. Одно время былъ очень распространенъ слухъ, что гр. Толстой, отдыхая въ своемъ имѣніи, кажется въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, будучи недоволенъ однимъ изъ своихъ слугъ, отправилъ его съ письмомъ къ мировому посреднику съ просьбой подвергнуть его тѣлесному наказанію. Мировой посредникъ отказался исполнить такое требованіе, не находя соотвѣтствующаго для этого закона. Недовольный графъ отвѣтилъ, что каждый хорошій мировой посредникъ найдетъ такой законъ и выполнить требованіе министра. Мировому посреднику пришлось подать въ отставку.

Съ замѣною на посту мин. внутр. дѣлъ графа Игнатьева графомъ Толстымъ, наступаетъ открытая правительственная реакція, составлявшая несомнѣнную черту этого тупого и злобнаго бюрократа, видѣвшаго въ борьбѣ съ обществомъ свою задачу. Получивъ снова власть, Толстой повелъ открытую борьбу съ общественнымъ мнѣиіемъ и, конечно, въ первую голову съ печатью, самой крупной жертвой которой онъ избралъ журналъ «Отечественныя Записки», издававшійся М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ и представлявшій авангардъ русской общественной мысли. 20 апрѣля 1884 г. «Отечественныя Записки», старый журналъ, пережившій всякія цензуры, по распоряженію правительства былъ закрытъ «навсегда». Этотъ ударъ былъ почувствованъ всей мыслящей Россіей, какъ вызовъ, брошенный новымъ царствованіемъ общественному мнѣнію, съ которымъ считаться не будутъ. Это была первая побѣда реакціи въ открывающейся борьбѣ съ общественностью, которая, однако, не считала свое дѣло проиграннымъ и не имѣла намѣренія сложить оружіе.

По поводу запрещенія «Отечественныхъ Записокъ» въ Твери произошелъ довольно характерный случай, удивительно наглядно обнаружившій всю низменность той части русскаго общества, которую Щедринъ, со свойственнымъ ему остроуміемъ и проницательностью, называлъ «гражданами ретирадныхъ мѣстъ», и которая составляла опору русскаго самодержавія.

Въ Твери существовалъ тогда, а можетъ быть существуетъ и теперь, если большевики его не раскрали, музей, въ которомъ собирались всякаго рода предметы, относящіеся къ Тверской губерніи, къ ея природѣ, ея естественнымъ богатствамъ, ея старинѣ и ея современности. Группы тверитянъ, почитателей Щедрина, заказали его бюстъ и предложили его музею въ виду того, что Щедринъ уроженецъ Калязинскаго уѣзда Тверской губерніи, и составляетъ неотъемлемую славу края. Бюстъ былъ принятъ музеемъ съ благодарностью и поставленъ на отведенное для него мѣсто, которое онъ и занималъ до.... появленія въ газетахъ сообщенія о запрещеніи «Отечественныхъ Записокъ», когда

бюстъ былъ подкинутъ, какъ подкидываютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, моему брату, какъ одному изъ отцовъ этого бюста. Поздно вечеромъ мы съ братомъ сидѣли вдвоемъ въ его кабинетѣ и бесѣдовали, когда услыхали съ улицы звонокъ. Ночные звонки были нерѣдки у брата, какъ врача, и онъ самъ вышелъ отпереть дверь, у которой никого не оказалось, но стоялъ какой-то ящикъ, притомъ довольно тяжелый. Братъ позвалъ меня, и мы вмѣстѣ внесли ящикъ въ домъ. Откупоривъ его, мы увидѣли бюстъ Щедрина... Музей изгналъ украшавшій его бюстъ, чтобы показать свою солидарность съ графомъ Толстымъ и все хамство своей собственной природы. Во главѣ музея стоялъ нѣкій господинъ Жизневскій, предсѣдатель тверской казенной палаты, представитель мѣстныхъ научныхъ учрежденій: архивной комиссіи, тверского губернскаго музея и т. п.; онъ почитался представителемъ мѣстной учености. Сверхъ того онъ былъ приватнымъ совѣтникомъ губернатора Сомова и нерѣдко формально замѣщалъ его должность въ случаяхъ отсутствія губернатора. Жизневскій былъ полякъ по происхожденію и довольно близкая копія своего соотечественника Ѳаддея Булгарина. Свое польское происхожденіе онъ обнаруживалъ только по ночамъ, когда посѣщалъ католическую церковь, замаливая свой грѣхъ посѣщенія днемъ православной церкви, когда это требовалось его служебнымъ положеніемъ. Таковъ былъ этотъ представитель науки и глава тверского музея, выбросившій изъ него бюстъ Щедрина. М. Е. Салтыковъ, узнавъ всю эту исторію, былъ очень огорченъ и выразилъ свое сожалѣніе своимъ почитателямъ.

Не смотря на чрезвычайно обширную программу, охватившую всѣ важнѣйшіе вопросы мѣстнаго управленія и самоуправленія, предоставленную разсмотрѣнію Кахановской комиссіи, въ обществѣ на нее возлагали очень мало надежды. Повидимому, и сама комиссія работала не спѣша: только спустя два года послѣ утвержденія программы, она пригласила «свѣдущихъ людей» для разсмотрѣнія своихъ проектовъ, притомъ ограничивъ ихъ такимъ составомъ, который не предвѣщалъ благопріятныхъ результатовъ. Пятнадцать экспертовъ изъ числа не примирившихся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ земствомъ губернаторовъ и помѣщиковъ, кричавшихъ, что въ деревнѣ нѣтъ житья помѣщику отъ крестьянъ, а въ земствѣ хозяйничаетъ революція: можно-ли было придумать экспертизу менѣе способную внушить довѣріе обществу? Кахановская комиссія, очевидно, пожелала угодить гр. Толстому и удостоиться его довѣрія, но гр. Толстой отказалъ ей въ этомъ. Онъ закрылъ ее, отобралъ ея матеріалы, показанія ея экспертовъ, «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей», и самаго достовѣрнаго изъ нихъ, симбирскаго предводителя Пазухина, пригласилъ себѣ въ помощники. Затѣмъ, отложивъ въ сторону Кахановскую программу, онъ просто упразднилъ въ деревнѣ мировой судъ, замѣнилъ «волостелей» участковыми земскими начальниками и, во вниманіе къ экспертизѣ губернаторовъ, изъ кре-

стьянскихъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ образовалъ штабъ, состоящій въ полномъ ихъ распоряженіи.

Какъ ни были велики опасенія общества, «реформы» превзошли всякія ожиданія. Никто не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть, кромѣ посвященныхъ, упраздненія мировыхъ судей и соединенія судебныхъ и административныхъ функцій въ одномъ лицѣ земскаго начальника. Но министръ внутр. дѣлъ усматривалъ въ этой мѣрѣ «главное средство», какъ онъ сообщилъ симбирскимъ «свѣдущимъ людямъ», «возстановить дисциплину среди крестьянъ, а землевладѣльцамъ доставить ту спеціальную охрану, которой они не находили въ прежнихъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ».

Мировые судьи избирались земскими собраніями, находившимися подъ контролемъ всего населенія, и переизбирались каждое трехлѣтіе. Они избирались сверхъ того не изъ дворянской среды и не только по имущественному цензу, а изъ лицъ, имѣвшихъ либо образовательный, либо служебный цензъ, и утверждались Сенатомъ. Земскіе же начальники назначались по соглашенію губернатора съ предводителемъ дворянства изъ среды мѣстнаго дворянства или изъ числа лицъ, не имѣющихъ никакихъ связей съ мѣстнымъ населеніемъ. Мировые судьи дѣйствовали въ самыхъ строгихъ рамкахъ закона, подъ контролемъ кассаціоннаго Сената. Земскіе начальники освобождались отъ всякихъ стѣснительныхъ законовъ и даже могли подвергать крестьянъ аресту до провѣрки обвиненія. Каждое постановленіе крестьянскаго схода или рѣшеніе волостного суда должно было проходить черезъ руки земскаго начальника.

Отъ земскихъ начальниковъ требовалось не правосудіе, а «спеціальная» охрана землевладѣльцевъ; не охрана самоуправленія, дарованнаго и крестьянамъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, а «дисциплинированіе» крестьянъ произвольнымъ усмотрѣніемъ чиновника.

Такимъ образомъ, крестьяне были лишены своего сословнаго самоуправленія и всецѣло предоставлены новому начальству изъ дворянъ. Это былъ актъ насилія, совершенный надъ 85% населенія Россіи, рѣшительно ничѣмъ не вызванный и подготовившій ту крестьянскую расправу надъ помѣщиками, которая совершена въ теченіе годовъ революціи, наступившей въ 1917 году. Я очень хорошо помню рѣчь не пропагандиста, а крестьянина, представителя Пречисто-Каменской волости, въ 1902 году на засѣданіи «Комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», въ г. Торжкѣ. Съ неподдѣльной страстью и истиннымъ краснорѣчіемъ онъ говорилъ, что еще не успѣли изгладиться рубцы на тѣхъ язвахъ, которыя причинило крестьянству крѣпостное право, еще не успѣло крестьянство привыкнуть къ свободѣ отъ цѣпей, которыми оно было приковано къ помѣщику, какъ снова оно чувствуетъ себя въ цѣпяхъ крѣпостного права, во власти земскаго начальника, свободнаго распоряжаться народомъ, какъ ему заблагоразсу-

дится. «Теперь, говорилъ этотъ крестьянскій ораторъ, мы снова требуемъ свободы. Мы готовы, какъ и при освобожденіи отъ помѣщичьей власти, отказаться отъ всего, даже отъ земли, которая насъ кормитъ, только бы быть свободными; мы не хотимъ болѣе быть рабами». Я цитирую эту рѣчь на память, какъ она была изложена въ протоколѣ засѣданія, но ея смыслъ, почти ея выраженія переданы точно, т. к. рѣчь эта произвела на меня глубокое впечатлѣніе своей правдой и искренностью. И не одинъ новоторжскій крестьянинъ такъ думалъ. Тутъ же его очень поддержалъ волостной старшина той-же Пречисто-Каменской волости и тотъ гулъ крестьянскихъ голосовъ, который выражалъ сочувствіе своему оратору. Протоколы новоторжскаго Комитета были не допущены губернаторомъ кн. Н. Д. Голицынымъ къ докладу въ губернскомъ Комитетѣ и не были напечатаны въ собраніи всѣхъ постановленій «Комитетовъ о нуждахъ с. хоз. промышленности». Я не знаю, гдѣ эти протоколы: исчезли-ли они, или сохраняются, — въ архивѣ-ли тверского губернатора или въ архивѣ мин. финансовъ, или, наконецъ, въ личномъ архивѣ графа Витте. Но мысль, такъ сильно выраженная новоторжскимъ крестьяниномъ, двумя годами позднѣе вспыхнула въ формѣ крестьянскаго волненія, охватившаго Полтавскую и Харьковскую губерніи въ 1904 году и ставшаго предвѣстникомъ наступающей революціи.

Въ своихъ Воспоминаніяхъ (т. I стр. 454-5) гр. Витте утверждаетъ, что «еще въ первый годъ царствованія императора Николая онъ говорилъ съ И. Н. Дурново (министромъ внутр. дѣлъ), стараясь убѣдить его, что необходимо поставить земскихъ начальниковъ въ болѣе опредѣленныя рамки, отобравъ отъ нихъ функціи судебныя, но И. Н. Дурново ему категорически отвѣтилъ, что «скорѣе его руки отсохнутъ, нежели онъ подпишетъ какое либо измѣненіе въ положеніи земскихъ начальниковъ». Далѣе гр. Витте утверждаетъ, что преемникъ Дурново, И. Л. Горемыкинъ, въ бытность свою оберъ-прокуроромъ Сената и товарищемъ министра юстиціи, «категорически высказывался противъ положенія о земскихъ начальникахъ». Но тотъ же самый Горемыкинъ, назначенный министромъ внутр. дѣлъ, въ совѣщаніи по крестьянскому вопросу на замѣчаніе члена совѣта мин. финансовъ Рихтера, что прежде всего нужно измѣнить положеніе о земскихъ начальникахъ, заявилъ, «что, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ никогда не допуститъ, чтобы былъ тронутъ институтъ земскихъ начальниковъ».

«Положеніе объ усиленной охранѣ» и «Институтъ земскихъ начальниковъ» стали краеугольными камнями русскаго государства и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно рухнуло, не обладая ни однимъ устоемъ, способнымъ выдержать натискъ революціи, превратившейся въ анархію.

Гр. Д. А. Толстой не ограничился упраздненіемъ въ деревнѣ института мировыхъ судей и крестьянскаго сословнаго самоуправленія, замѣнивъ и то и другое земскими начальниками. Онъ наложилъ свою

мертвящую руку и на Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Однако, ему не досталась вся слава реформатора: онъ умеръ, не успѣвъ выполнить свою задачу до конца. Продолжалъ дѣло достойный его преемникъ И. Н. Дурново, болѣе похожій на метръ д'отеля, чѣмъ на министра не только своей великолѣпной внѣшностью, но и своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Онъ кое-что уступилъ изъ непримиримаго проекта гр. Толстого и провелъ «реформу» въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, и въ такомъ измѣненномъ видѣ «реформа» въ цѣломъ была проведена съ слѣпымъ фанатизмомъ человѣка, одержимаго навязчивой идеей, внѣ ея не различающаго ничего. Двадцатипятилѣтній опытъ показалъ, что роль крестьянства въ странѣ съ каждымъ годомъ становилась значительнѣе, какъ въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи, такъ и въ общественномъ, и здравый смыслъ требовалъ бы все большаго освобожденія личности крестьянина и расширенія участія крестьянства въ мѣстномъ самоуправленіи. Правительство поступило какъ разъ наоборотъ, вопреки требованіямъ здравой политики: у крестьянъ отняли право самоуправленія и отдали личность въ полный произволъ земскаго начальника.

Для того, чтобы ослабить роль крестьянства въ земствѣ и усилить роль дворянства, прежде всего уменьшили число гласныхъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ. Въ 34 губерніяхъ было гласныхъ:

по Положенію	1864 г.	уѣздныхъ	13329,	губерн.	2274
»	1890 г.	»	10229,	»	1576

Причемъ изъ 13329 уѣздн. гласныхъ въ 1864 г. крестьянамъ принадлежало 5357 мѣстъ, или 40%, «реформа» 1890 г. уменьшила число крестьянскихъ мѣстъ до 3167 изъ 10229, т. е. до 31%, лишая такимъ образомъ крестьянскій элементъ въ земствѣ почти всякаго вліянія, такъ какъ даже въ соединеніи съ гласными городскими крестьянство оставалось въ меньшинствѣ. Если такая тенденція была парализована, то только благодаря тому, что дворянство болѣе не представляло однородной массы и реакціонная его часть составляла меньшинство, что доказывается двумя очевидными фактами: 1. Введеніе новаго земскаго Положенія 1890 г. не только не затормазило прогрессивной дѣятельности земства, но значительно ее двинуло впередъ и 2. Первая Государственная Дума въ своемъ составѣ имѣла среди депутатовъ дворянскаго происхожденія большинство, принадлежащее къ партіи конституціонно-демократической, и лишь ничтожное число — къ партіямъ правымъ.

Предпринимая «реформу» земства въ 1890 году, правительство обнаружило только свою слѣпоту, полное непониманіе того процесса развитія русскаго населенія вообще и особенно его болѣе образованной части, которое было очевидно для всѣхъ, кромѣ слѣпыхъ, стоящихъ во главѣ управленія русскимъ государствомъ. Оно все еще, по старой привычкѣ дѣлило людей по сословіямъ, которыя жизнь перемѣшала безвозвратно, и вмѣсто прежнихъ избирательныхъ собраній, построенныхъ на основѣ имущественнаго ценза, ввело еще другой признакъ — сосло-

ніе, которое даетъ иовую привилегію: въ составъ губ. зем. собраиій были введены безъ выбора, но со всѣми правами гласиыхъ предводители дворянства; эта мѣра сдѣлала то, что продводителн дворянства составляли 22% всего чнсла губернскихъ гласныхъ.

Но правнтельство ие ограиичило этимъ свою реформаторскую предпрінмчивость въ областн избирательиой системы: въ извѣстныхъ случаяхъ оно присвоило себѣ право продлить полиомочія гласныхъ иа слѣдующее трехлѣтіе, или иазиачать иа тотъ-же срокъ предсѣдателя и членовъ управы.

Подъ прикрытіемъ громкаго титула присоединеиія земскихъ учреждеиій къ снстемѣ мѣстиаго государственнаго управлеиія, сдѣлаиа была весьма серьезная попытка подчиинить земство усилеииой опекѣ администраціи. Во-первыхъ, провѣрка правъ избранныхъ гласныхъ отнята отъ земскихъ собраиій и возложеиа иа губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе; во-вторыхъ, не только предсѣдатели, ио и члеиы управъ утверждаются, причемъ предсѣдатели могутъ избираться только изъ лицъ, имѣющнхъ право государствеииой службы; въ-третьнхъ, увеличеио число предметовъ, по которымъ постаиовлеиія собраиій подлежатъ утвержденію губериатора или министра; въ-четвертыхъ, губернатору предоставлеио право разсматривать земскія постановлеиія ие только съ точки зрѣнія законности, ио и съ точки зрѣиія иуждъ и пользы мѣстиаго иаселенія и остаиавливать тѣ постаиовлеиія, которыя, по мнѣнію губериатора, нарушаютъ иитересы населеиія; въ-пятыхъ, отиято право собраній разсматривать постаиовлеиія, опротестованныя губернаторомъ, взамѣиъ чего опротестоваиныя постаиовлеиія, подлежащія утвержденію губериатора, разсматриваются вновь образованиымъ губерискимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, откуда губериаторъ можетъ апеллировать къ миииcтру ви. дѣлъ. Постаиовлеиія земства опротестоваииыя губериаторомъ, ие подлежащія его утвержденію, ио признаваемыя нмъ противорѣчащими закону, иаправляются въ то же губ. по зем. дѣламъ присутствіе, рѣшеиіе котораго земство можетъ обжаловать въ Сенатъ; постаиовлеиія, иарушающія пользы и иужды государственныя или мѣстиыя, направляются къ миииcтру внутр. дѣлъ, а въ случаѣ отмѣны имъ или измѣиеиія имъ постаиовлеиія, разрѣшаются Гос. Совѣтомъ, когда имѣется въ виду возвышеиіе земскаго обложеиія, н комитетомъ мииистровъ — во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Я иарочито подробио прнвожу всѣ эти измѣиенія, чтобы убѣдить тѣхъ, кто ие имѣетъ времеии и охоты зиакомиться съ текстомъ закона, какъ былъ усложиеиъ имъ земскій аппаратъ, какъ увеличеио вмѣшательство админиcтраціи въ земскую дѣятельность, предоставляющее ей право оспаривать миѣиіе представителей иаселеиія о его собствеиныхъ пользахъ и нуждахъ и пріостаиовить всякое постаиовленіе, котораго адмииистрація не желаетъ. Ко всему этому надо прибавить учрежденіе губерискаго по земскимъ дѣламъ присутствія, которое находится

въ полномъ распоряжеиіи губериатора и прикрываетъ весь его произволъ.

Первое впечатлѣиіе отъ такой «реформы» у многихъ вызвало рѣшеніе отказаться отъ земской дѣятельности, у нѣкоторыхъ — озлобленіе и даже желаніе бойкотировать земство, но такое настроеніе продолжалось недолго. Всѣмъ было ясно, что покинуть дѣло, имѣющее за собою двадцатипятилѣтнюю давность, достигшее такихъ важныхъ культурныхъ результатовъ, покрывшее всю Россію громадной сѣтью народныхъ школъ, больницъ или пріемныхъ покоевъ, поддерживавшее въ теченіе четверти вѣка во всѣхъ слояхъ населенія идею самоуправленія, создавшее уже нѣкоторые привычки и навыки въ трудной и отвѣтственной общественной работѣ, и обречь эти драгоцѣнныя пріобрѣтенія на разрушеніе и гибель, значило бы совершить непоправимую ошибку. Пусть будетъ работа болѣе трудной, но тѣмъ болѣе она требуетъ энергіи и рѣшенія ничего не потерять изъ того, что уже сдѣлано, и отдать всѣ силы, чтобы достигнуть новыхъ успѣховъ на поприщѣ духовной и матеріальной культуры.

Мнѣ кажется, что земство, къ концу второго двадцатипятилѣтія своей дѣятельности, могло съ увѣренностью считать свою задачу выполненною, хотя и не закоиченною по причинѣ революціи и коммунистическаго переворота, предупредить которые было не въ его силахъ. Впрочемъ, роль мѣстнаго самоуправленія никогда не можетъ считаться законченной, т. к. мѣстное самоуправленіе всегда будетъ основою государства. Оно можетъ измѣнять свои формы, но всегда эти формы будутъ внѣшнимъ выраженіемъ общественности, т. е. отраженіемъ общественной жизни страны.

* *
*

Обстоятельства нашей личной жизни складывались такъ, что оставаться въ Твери было для насъ очень затруднительно. Въ 1886 году, когда я былъ сначала освобожденъ отъ ссылки и отъ гласнаго надзора полиціи, а вслѣдъ затѣмъ снова высланъ безсрочно изъ Черниговской и изъ другихъ малороссійскихъ губерній, мы рѣшили взять къ себѣ въ Тверь трехъ моихъ сыновей, изъ коихъ старшему было 13 лѣтъ, второму 11, а младшему 9, чтобы помѣстить ихъ въ гимназію и слѣдить за ихъ воспитаніемъ. Весной 1887 года они пріѣхали въ Тверь и два старшихъ были помѣщены въ гимназію. Спустя годъ, старшій изъ трехъ 12 апрѣля 1888 г. скончался, а въ слѣдующемъ учебномъ году со вторымъ мальчикомъ, всегда отличавшимся серьезнымъ характеромъ и точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, въ гимназіи на урокѣ произошло столкновеніе съ учителемъ Березовскимъ, позволившимъ себѣ сказать ученику, что онъ лжетъ, на что получилъ рѣзкій и совершенно справедливый отвѣтъ, что онъ никогда не лжетъ и будетъ по-

ступать, какъ требуетъ его совѣсть. Взбѣшенный преподаватель не нашелъ ничего лучшаго, какъ объявить ученику, что онъ обязанъ поступать не по своей совѣсти, а какъ приказываетъ учитель, который и распоряжается его совѣстью. Послѣ этого, кажется, мальчикъ былъ имъ наказанъ оставленіемъ въ гимназіи на нѣсколько часовъ. Вернулся онъ изъ гимназіи очень взволнованный тѣмъ, что учитель требуетъ, чтобы онъ поступалъ не по своей совѣсти, а по совѣсти его, учителя.

Я не счелъ возможнымъ оставить безъ послѣдствій такой воспитательный пріемъ, тѣмъ болѣе, что Березовскій былъ воспитателемъ того класса, въ которомъ былъ мой сынъ, и обратился къ директору гимназіи съ письмомъ, въ которомъ изложилъ дѣло и квалифицировалъ требованіе воспитателя, какъ совершенно безнравственное, недопустимое въ учебномъ заведеніи и требующее устраненія такого воспитателя отъ исполненія обязанностей, которыя онъ такъ дурно и вредно для дѣтей исполняетъ. При этомъ я заявилъ, что если директоромъ не будутъ приняты соотвѣственныя мѣры, то я обращусь къ попечителю учебнаго округа. Директоръ гимназіи, г. Овсянниковъ, отвѣчалъ мнѣ длиннымъ письмомъ, въ которомъ доказывалъ, что мой сынъ невѣрно передалъ мнѣ все происшедшее, что онъ готовъ, однако, уладить это недоразумѣніе и считаетъ, что «выносить соръ изъ избы» не слѣдуетъ, чтобы не подрывать и безъ того трудное въ настоящее время веденіе учебнаго заведенія, въ которомъ ученическій составъ такъ разнообразенъ по своему домашнему воспитанію.

На это письмо я кратко и опредѣленно отвѣтилъ, что считаю поведеніе воспитателя настолько недопустимымъ и затрогивающимъ интересы всѣхъ родителей, дѣти которыхъ находятся въ гимназіи, что считаю себя не въ правѣ замять дѣло и обращусь къ попечителю округа. Директоръ, видимо, этого не ожидалъ и на слѣдующій день лично посѣтилъ меня, чтобы просить о прекращеніи дѣла, но письмо къ попечителю было уже послано и я могъ лишь предложить г. Овсянникову подать въ судъ жалобу за клевету въ моихъ офиціальныхъ письмахъ къ нему и къ попечителю округа. Дѣло заварилось: попечитель поручилъ окружному инспектору произвести разслѣдованіе, закончившееся переводомъ г. Березовскаго, кажется, во Владиміръ, гдѣ онъ могъ продолжать свою вредную педагогическую дѣятельность.

Но для меня лично вопросъ воспитанія моихъ сыновей не могъ разрѣшиться удаленіемъ одного воспитателя, когда вся гимназія была дѣтищемъ гр. Д. А. Толстого и его преемника Делянова, прославившаго себя безсмертнымъ циркуляромъ о «кухаркиныхъ дѣтяхъ». Какъ отнесутся къ виновнику (кстати сказать, теперь профессору Yale'скаго Университета въ Нью-Гэвенѣ, въ С. Штатахъ) всей этой исторіи другіе преподаватели и воспитатели, и не доведутъ ли его до какого нибудь отчаяннаго поступка въ отместку за своего «пострадавшаго» товарища? Что будетъ съ младшимъ сыномъ, еще не бывшимъ въ учебномъ заведеніи и подготовлявшимся дома? Обсудивъ этотъ вопросъ, мы съ же-

иой рѣшилн старшаго сыиа взять изъ гимназін и обоикъ братьевъ помѣстнть въ частную гнмназію Поливаиова въ Москвѣ, о которой мы имѣлн свѣдѣиія вполнѣ удовлетворительныя. Но для этого иадо было переселиться въ Москву, жнтельство въ которой мнѣ было воспрещено при объявленін въ 1886 г. моего освобождеиія. Положеиіе было довольно затруднительное; однако, случай помогъ дѣлу. А. С., посѣщая свою мать въ Царскомъ Селѣ, встрѣтила у иея одну нзъ прндворныхъ дамъ, фрейлину императрицы, г-жу Озерову. Разговоръ между прочимъ, коснулся вопроса о желательности иашего переселеиія въ Москву н о препятствіякъ, которыя мы встрѣчаемъ со стороны адмнннистраціи. Г-жа Озерова вызвалась узнать у мнн. внутр. дѣлъ И. Н. Дурново объ основаиіяхъ, ие допускающнкъ нашего пребыванія въ Москвѣ и если можио, попытаться помочь иамъ. Она исполинла свое обѣщаніе н обратилась къ Дурново съ вопросомъ: въ чемъ меня обвиняютъ? Дурново отвѣчалъ, что ннкакого опредѣленнаго обвинеиія ие имѣется, но «около него собнраются людн» н онъ несомнѣнио имѣетъ вредное вліяніе на окружающнхъ. Получивъ такой неопредѣленный отвѣтъ, который привелъ ее въ полное негодованіе, г-жа Озерова обратнлась къ императрицѣ, н мнѣ было предоставлено право жительства въ Москвѣ, ио не въ Петербургѣ, въѣздъ въ который остался для меня воспрещеннымъ.

Какъ нн грустно было миѣ покинуть братв н Тверь, гдѣ мы нвшлн нскреиникъ друзей и гдѣ сложнлись новыя, ио прочныя связи, мы приняли рѣшеиіе: переѣхать въ Москву, радн воспитанія дѣтей, но связь съ Тверью сокранить во всей неприкосновениости. Имѣя земельиый цензъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, я намѣревался баллотнроваться въ гласиые и Тверь такнмъ образомъ должна была отнынѣ стать мѣстомъ моей общественной дѣятельиости.

Мое нзбраніе въ гласные Новоторжскаго уѣзда совершнлось ранѣе, чѣмъ окончнлось нзбнрательное треклѣтіе, т. к. въ 1890 году было обнародоваио новое Положеніе о зем. учрежденіяхъ, причемъ въ губерніяхъ, ие пользовавшнкся особымъ довѣріемъ правительства, новое «Положеніе» было введено съ 1891 г., т. е. до нстеченія трехлѣтія; Тверская губ. попала въ чнсло губерній, ие пользующикся довѣріемъ, и въ внду этого получнла ранѣе срока — выборы и новаго губернатора, г. Ахлестышева.

Въ внду принятаго рѣшенія помѣстить сыновей въ частную гимназію Поливаиова въ Москвѣ н предстоящнхъ экзаменовъ въ концѣ августа, надо было заранѣе найти квартнру и устронться. 16 августа 1890 г. мы покннули Тверь н переѣкали въ Москву.

ГЛАВА XIII.

Переселеніе въ Москву. — Московскія знакомства. — Избраніе меня въ Торжкѣ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. — Ѳ. И. Родичевъ. — Его избраніе предсѣдателемъ губ. зем. управы и неутвержденіе министромъ. — Назначается Штюрмеръ. — Штюрмеръ и Гурляндъ. — Голодъ 1891-92 г. — Московскій комитетъ грамотности. — Гоненіе евреевъ въ Москвѣ. — Смерть Александра III-го. —

Не безъ искренняго сожалѣнія мы покинули Тверь, гдѣ нашли такъ много друзей, раздѣлявшихъ съ нами всѣ наши планы и помыслы. Но, уѣзжая въ Москву, мы не порывали связи съ Тверью и тверской губерніей, которая должна была, напротивъ, стать базой моей дальнѣйшей дѣятельности, обезпеченной сотрудничествомъ большого круга умныхъ, образованныхъ, талантливыхъ и дѣятельныхъ людей, уже въ теченіе многихъ лѣтъ ведшихъ борьбу со старымъ порядкомъ и готовыхъ удвоить свою энергію въ борьбѣ съ возрожденіемъ дворянской эры, получившимъ сильное подкрѣпленіе въ «реформированномъ» земствѣ. Въ томъ, что я буду выбранъ въ гласные, я не сомнѣвался и считалъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ.

Квартиру мы нашли очень скоро на Смоленскомъ бульварѣ въ старомодномъ особнякѣ, какихъ тогда еще оставалось въ Москвѣ довольно много. Теперь, вѣроятно, они исчезли безъ остатка и разобраны на дрова, благодаря мудрому хозяйству большевиковъ. Особняки эти не отвѣчали требованіямъ современнаго комфорта, но, какъ извѣстно, «на всемъ московскомъ есть особый отпечатокъ», который всему придаетъ своеобразный характеръ. Къ числу такихъ достопримѣчательностей принадлежали и особняки, весьма любимые москвичами. Раньше я очень мало зналъ Москву, и только проживъ въ ней семь лѣтъ, почувствовалъ всю ея оригинальность и привлекательность, ея дѣйствительно своеобразную красоту и рѣзко выраженный національный характеръ, благодаря ея церквамъ, улицамъ, ихъ названіямъ, демократической толпѣ, народной массѣ, такъ мало замѣтной въ Петербургѣ, гдѣ преобладали холодная современность, чиновникъ и интеллигентъ.

Никакихъ знакомствъ въ Москвѣ у насъ не было, за исключеніемъ В. А. Гольцева, съ которымъ мы сблизились въ Твери, когда онъ былъ высланъ туда и жилъ у моего брата. Въ его маленькомъ домѣ, кажется по субботамъ, собиралось множество людей, принадлежащихъ къ московской интеллигенціи, писателей, профессоровъ, артистовъ и т. п. сходившихся, чтобы провести вечеръ вмѣстѣ, въ самой непринужденной бесѣдѣ, подогрѣваемой краснымъ виномъ и пивомъ, потреблявшимися въ весьма значительномъ количествѣ. Вечеръ заканчивался, по московскому обычаю, непритязательнымъ ужиномъ. Гольцевы, какъ мужъ, такъ и жена его, Наталья Алексѣевна, очень радушно приглашали насъ посѣщать эти вечера, и благодаря имъ, у насъ очень скоро образовался довольно широкій кругъ знакомыхъ, изъ которыхъ большин-

ство теперь уже покойникн. Однимъ изъ первыхъ нашихъ знакомыхъ былъ В. И. Вернадскій, въ этомъ же году занявшій каѳедру мннералогіи въ московскомъ университетѣ. Съ нимъ и его женой Натальей Егоровной, съ каждымъ годомъ наше знакомство становилось все тѣснѣе и превратнлось въ глубокую искреннюю дружбу, не прекратившуюся до настоящаго временн. Послѣ большевистскаго переворота мы не вндалнсь другъ съ другомъ, а пнсьмамн могли обмѣняться только въ 1919 г., когда онъ проживалъ въ Крыму, а мы съ женой были уже заграницей. Я не знаю никого съ душою н сердцемъ болѣе чистыми и благороднымн, чѣмъ Владиміръ Ивановичъ. Черезъ него мы сразу сблизились и съ кружкомъ его студенческихъ товарищей н друзей: съ Ал. Ал. Корннловымъ, Д. И. Шаховскнмъ и братьями Ольденбургами. Онъ же познакомнлъ насъ съ П. И. Новгородцевымъ, Вл. Э. Грабаремъ и проф. В. М. Хвостовымъ, покончнвшнмъ самоубійствомъ, не вынесши большевистскаго гнета.

На вечерахъ у Гольцева мы познакомились также съ М. Я. Герценштейномъ, А. И. Чупровымъ, И. И. Янжуломъ, С. А. Дрилемъ, Н. А. Каблуковымъ, статистнкомъ московскаго земства и приватъ доцентомъ уннверситета. У профессора Дрнля былн свон вечера, которые мы по временамъ посѣщалн, а у проф. Янжула — свои, которыя я посѣтилъ за все время не болѣе 3-4-хъ разъ. Гольцевскія собранія были самыя многолюдныя, благодаря нхъ непринужденности и добродушію хозяевъ. На этихъ «журфнксахъ» мы сразу пріобрѣли такое колнчество знакомствъ, что поддерживать нхъ не было ннкакой возможности. Мы присматривались... Здѣсь-же мы познакомились съ С. А. Муромцевымъ н П. Н. Мнлюковымъ, о которыхъ я буду говорнть позднѣе.

Осенью 1890 года я былъ избраиъ гласнымъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, а затѣмъ уѣздное собраніе избрало меня въ число губерискихъ гласныхъ. Я занялъ опустѣвшее мѣсто Пввлв Александровнча Бакуннна, который, какъ я уже говорилъ раньше, по состоянію своего здоровья переселнлся въ Крымъ. Предсѣдателемъ уѣздной управы былъ безсмѣнный Александръ Петровичъ Балавинскій, а членами управы Дмнтрій Дмнтріевнчъ Романовъ н крестьянинъ Нилъ Ѳомнчъ Курбатовъ. Губернскнми же гласными былн нзбраны Александръ Алексвндровичъ Бакунннъ, Дм. Дм. Романовъ, В. Н. Линдъ, я и, кажется, мой братъ, который впослѣдствін обыкновенно избнрался въ губ. гласные по Тверскому уѣзду. Сверхъ того, согласно новому земскому Положенію, отъ Новоторжскаго уѣзда въ губ. зем. собранін участвовалн: предводнтель дворянства и предсѣдатель управы А. П. Балавннскій. Находясь въ первый разъ въ Новоторжскомъ уѣздномъ собраніи, я воздержнвался выступать съ какимъ ннбудь заявленіемъ, будучн еще мало знакомъ съ текущнмн дѣламн земства, хотя въ общемъ зналъ уѣздъ довольно обстоятельно, т. к. обрабатывать статистическіе матеріалы, относящіеся къ нему. На этотъ разъ меня больше интересовали люди, т. е. гласные и, такъ называемый, третій элементъ, и ихъ взаимоотношенія. Съ этой

стороны я былъ вполнѣ удовлетворенъ: тутъ не было и слѣда сословныхъ различій, равенство здѣсь было уже привычнымъ. Подборъ врачей былъ отличный; что же касается учительскаго персонала, то о немъ я не могъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія по тому незначительному числу лицъ, которыхъ видѣлъ въ комиссіи. Собраніе продолжалось недолго, и послѣ его окончанія я вернулся въ Москву.

Въ декабрѣ 1890 г. было назначено губернское собраніе. Во всей Россіи начинался новый періодъ земства, обобраннаго и урѣзаннаго даже въ тѣхъ малыхъ правахъ, какія ему были предоставлены Положеніемъ 1864 г. Его наградили титуломъ органа мѣстнаго государственнаго управленія и отняли послѣднюю долю самостоятельности, которой оно пользовалось въ качествѣ «частнаго общества».

Губернское земское собраніе хотя не очень значительно, но все же измѣнилось, преимущественно на правомъ крылѣ, гдѣ размѣстился штабъ губернатора Ахлестышева, представленный главнымъ образомъ Вышневолоцкимъ, Кашинскимъ и Тверскимъ уѣздами. Повидимому, ораторомъ штаба состоялъ московскій адвокатъ Способинъ, его оруженосцемъ — князь Путятинъ, родной братъ флигель-адъютанта Путянина, котораго гр. Витте въ своихъ «Воспоминаніяхъ» называетъ флягель-адъютантомъ «отъ котлетъ», т. к. онъ завѣдовалъ царской кухней. Земскій Путятинъ также былъ склоненъ къ буфету и отличался усердіемъ къ своему патрону. Кашинъ представленъ былъ монументальнымъ Дубасовымъ, маленькой фигуркой съ видомъ гимназиста, кн. Оболенскимъ, и представительной фигурой церемоніймейстера Б. В. Штюрмера, котораго я въ первый разъ увидѣлъ въ земскомъ собраніи. Этотъ господинъ имѣлъ особые виды, которые онъ быстро и осуществилъ, обладая единственнымъ талантомъ — интригой. Рядомъ съ нимъ помѣщался бѣжецкій предводитель Паскинъ, умственно совершенно ограниченный, «безъ лести преданный» губернатору, какъ представителю самодержавія, въ будущемъ — членъ Гос. Совѣта. Наконецъ темная группа Трубникова, Карякина и Отта. Среди этой правой группы меня заинтересовалъ одинъ новый гласный, впервые появившійся въ собраніи: по внѣшнему виду — дикобразъ, по рѣчи — иностранецъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ, по воззрѣніямъ — реакціонеръ. Это былъ вышневолоцкій гласный Сназинъ, человѣкъ проведшій очевидно долгое время за границей и очень мало знающій свое собственное отечество, но человѣкъ образованный, начитанный, какъ бываютъ иные люди, самой природой и болѣзненностью обреченные на одиночество, и обладающіе единственной радостью — книгой. Вопросы политики и общественности его мало интересовали и онъ обнаруживалъ полное невѣдѣніе той среды, въ которую попалъ. Во всякомъ случаѣ, онъ производилъ впечатлѣніе странной смѣси идей философскихъ, религіозныхъ и политическихъ. Не смотря на всю противоположность нашихъ идей, мы съ нимъ нерѣдко очень дружелюбно бесѣдовали во время перерывовъ.

Лѣвое крыло собранія было представлено полностью Новоторжскимъ и Весьегонскимъ уѣздами и сверхъ того нѣкоторыми отдѣльными представителями Корчевского, Старицкаго и другихъ уѣздовъ. Лѣвое крыло не имѣло уже въ своихъ рядахъ Павла Александровича Бакунина, но его мѣсто было занято однимъ изъ самыхъ видныхъ земскихъ дѣятелей и публицистовъ, Корчевскимъ гласнымъ, Алексѣемъ Адріановичемъ Головачевымъ. Весьегонскій уѣздъ былъ представленъ такими земскими силами, какъ Ѳ. И Родичевъ, П. А. Корсаковъ и молодымъ Александромъ Семеновичемъ Медвѣдевымъ, однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ земскихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ среды крестьянства.

Центръ, не принадлежащій ни къ правому, ни къ лѣвому крылу, былъ самой слабой частью собранія, какъ по своему незначительному числу гласныхъ, такъ и по отсутствію среди нихъ всякой организаціи, но при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ онъ подавалъ голосъ вмѣстѣ съ лѣвой.

Можетъ быть, моему старому другу Ѳедору Измаиловичу Родичеву когда нибудь попадутъ въ руки мои воспоминанія и ему покажется страннымъ, что я только привожу нѣчто въ родѣ краткаго формуляра о его службѣ, но да проститъ онъ мнѣ это, принявъ во вниманіе, что я пользуюсь его формуляромъ какъ уликой, устанавливающей тотъ фактъ, что Родичевъ былъ первой жертвой интриги Штюрмера въ видахъ карьеры, которую этотъ негодяй себѣ намѣтилъ.

Ѳ. И. Родичевъ родился 9/21 февраля 1854 года въ Петербургѣ; въ 1875 году окончилъ петербургскій университетъ по естественному факультету, и въ томъ же году, въ теченіе лѣта, отбылъ воинскую повинность въ артиллеріи, а осенью поступилъ на юридическій факультетъ и въ слѣдующемъ, 1876 г. весною выдержалъ окончательный экзаменъ, послѣ чего отправился въ Сербію добровольцемъ въ армію генерала Черняева, боровшагося съ турками за освобожденіе сербовъ. Въ его отсутствіи, въ 1876 г. онъ былъ единогласно избранъ почетнымъ мировымъ судьей (ему шелъ только 22-й годъ и его избраніе могло быть только единогласнымъ), а, по возвращеніи изъ Сербіи, онъ былъ назначенъ исполнять должность участковаго судьи, что онъ и дѣлалъ до весны 1878 года, будучи избранъ Весьегонскимъ предводителемъ дворянства, которымъ и состоялъ безпрерывно до 1891 года, когда вышелъ въ отставку, отказавшись какъ отъ предводительства, такъ и отъ должности предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, которую занималъ съ 1885 г. Онъ не пожелалъ занимать этихъ должностей въ виду реформированія земства и замѣны мировыхъ судей земскими начальниками.

Такой кандидатъ былъ предложенъ и избранъ въ Твери огромнымъ большинствомъ на должность предсѣдателя губернской управы и . . . не былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, И. Н. Дурново. Что могъ имѣть мин. внутр. дѣлъ противъ выбора предсѣдателемъ губ. зем. управы лица, бывшаго до этого 12 лѣтъ уѣзднымъ предводи-

телемъ дворяиства и 15 лѣтъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей? Никвкнхъ лнчныхъ счетовъ между миннстромъ н земскимъ избраиннкомъ ие было: ясио, что кому-то это избраніе мѣшало. Чтобы выяснить это, иадо было ждать дальиѣйшихъ событій, которыя и ие замедлилн разъяснить дѣло. Неутвержденіе предсѣдателя влекло за собою иовые выборы н иазиаченіе экстреннаго зем. собранія, иа которомъ появился Штюрмеръ, иикогда прежде ие иитересовавшійся земскими дѣламн. Онъ лебезнлъ направо н налѣво и давалъ поиять, что готовъ подвергнуться баллотировкѣ, чтобы избавить отъ иазначеиія какого нибудь чиовника нежелательнаго и чуждаго тверскому земству, ио опасается, что будетъ забаллотнрованъ, такъ какъ очень мало зиакомъ члеиамъ собранія. Бесѣдуя такнмъ образомъ, онъ считалъ голоса, которые могутъ быть подаиы за иего, и когда убѣдился, что большинство будетъ въ его пользу, хотя только потому, что инкто не желалъ послѣ иеутверждеиія Родичева баллотнроваться, оиъ заявилъ, что готовъ подвергиуться баллотнровкѣ н былъ избранъ слабымъ большиинствомъ. Какъ только нзбраиіе его было провозглашеио, Штюрмеръ совершеино неожидаиио заявнлъ, что не можетъ принять нзбраиія, заннмая по службѣ постъ, который оиъ не можетъ покниуть. Очевидно, ему нужно было показать мнннистру, что собраніе п о ч т и л о его избраніемъ, т. е. что онъ пользуется въ земствѣ иеобходимымъ вліяиіемъ, ибо послѣ своего отказа онъ явнлся въ Тверь въ качествѣ предсѣдателя по и а з и а ч е н і ю. Стало для всѣхъ яснымъ, что Родичевъ былъ ие утверждеиъ, чтобы дать дорогу Штюрмеру, продѣлавшему весь зтотъ ие столько глупый, сколько гнусный фарсъ съ тою иаглостью и ловкостью иитрнгаиа, которыя составляли осиовиую черту его характера. Наблюдая затѣмъ Штюрмера въ теченіе двухъ лѣтъ, когда оиъ заиималъ мѣсто въ Тверн, иетрудио было выяснить и причииы какъ его перехода съ мѣста завѣдующаго церемоиіймейстерской частью иа скромиую должиость въ земствѣ, такъ н смыслъ фарса, продѣлаиинаго нмъ. Штюрмеръ перезрѣлъ для должности церемоиіймейстера, отъ которой оиъ взялъ все, что оиа могла ему дать: оиъ имѣлъ ордена всѣхъ государствъ, представнтели которыхъ бывали въ Петербургѣ. Это была богатая коллекція, которая не могла помѣститься иа груди одного человѣка. Но это были только цвѣты, а Штюрмеръ, подобио Колхасу, поющему въ «Прекрасиой Еленѣ», желалъ получать ие только цвѣты, ио и барвновъ; онъ желалъ карьеры болѣе выгодной, рѣшилъ покииуть свою церемоніймейстерскую службу и перешелъ въ мин. внутр. дѣлъ, разсчитывая получить мѣсто губериатора, которое ему и было обѣщаио миниистромъ Дурново, еслн ему удастся привести тверское земство въ «спокойное» состояніе. Типичиый спекуляторъ, оиъ разсчитывалъ освободить себя отъ всякой зависимости отъ земскаго собраиія въ качествѣ неземскаго избранника, а назначеииаго правительствомъ, и связать миинистра, обѣщавшаго назиачить его губериаторомъ, если ему удастся поладить съ земствомъ.

Получивъ назначеніе, Штюрмеръ пріѣхалъ въ Тверь и поселился у губернатора въ качествѣ его друга, конечно, временно, но ровно настолько времени, чтобы подчеркнуть свое официіальное положеніе представителя правительства. Такъ это и было всѣми понято, а особенно губернаторомъ, почувствовавшимъ въ Штюрмерѣ большую поддержку въ своихъ намѣреніяхъ «сократить земскія притязанія». Само собою разумѣется, что и въ земскихъ кругахъ назначеніе Штюрмера и его афишированная близость съ Ахлестышевымъ возбуждали опасенія начинающагося похода противъ земства и противъ направленія, котораго оно держалось въ теченіе предшествовавшихъ 25-ти лѣтъ.

Добиваясь назначенія, Штюрмеръ не принялъ въ соображеніе, что онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ дѣлѣ, на которомъ строилъ свою карьеру. Съ первыхъ-же дней своего появленія въ губ. управѣ онъ почувствовалъ свое безпомощное положеніе и необходимость найти помощь, чтобы не скомпрометтировать себя окончательно. Можно думать, что именно это обстоятельство побудило его обратиться къ нашей группѣ, такъ какъ въ самомъ составѣ управы ему приходилось быть одинокимъ и встрѣчать противодѣйствіе въ членахъ управы, И. Н. Ладыженскомъ и А. А. Демьяновѣ, принадлежащихъ къ нашей группѣ. Въ виду этого онъ попытался переговорить съ нами и дать неопредѣленныя обѣщанія, исполненіе которыхъ, какъ ему казалось, всегда можно обойти, дѣлая уступки въ неважныхъ вопросахъ. Онъ не думалъ въ это время, что его интрига противъ Родичева была вполнѣ понята и оцѣнена по достоинству. Поэтому, онъ былъ нѣсколько удивленъ, когда мы категорически объявили, что тверское земство можетъ поддерживать управу только въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, ни одинъ изъ служащихъ въ земствѣ не будетъ ни удаленъ со службы, ни переведенъ на другое мѣсто; во-вторыхъ, если всѣ учрежденія и предпріятія земства не будутъ встрѣчать ни прямыхъ, ни косвенныхъ препятствій съ его стороны и будутъ продолжать свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи и, въ-третьихъ, если въ каждомъ случаѣ, когда будетъ требоваться принятіе какого либо новаго рѣшенія, управа будетъ принимать его не иначе, какъ съ согласія съ небольшимъ комитетомъ, въ составѣ котораго будутъ участвовать руководители лѣвой группы земскаго собранія. Выслушавъ наши условія, Штюрмеръ заявилъ, что принимаетъ ихъ въ увѣренности, что мы окажемъ ему довѣріе и поддержку. Однако, очень скоро послѣ этихъ переговоровъ онъ сдѣлалъ попытку обойти принятыя обязательства. Губернаторъ, видимо, избралъ первой жертвой своихъ подозрѣній директора Бурашевской колоніи душевнобольныхъ, д-ра М. П. Литвинова, и Штюрмеръ сдѣлалъ попытку удовлетворить желаніе губернатора, прикрываясь требованіемъ министерства. Онъ пригласилъ д-ра Литвинова, чтобы сообщить ему, что «въ министерствѣ» очень настроены противъ него, и если онъ не выйдетъ въ отставку, то будетъ удаленъ отъ службы. Въ виду этого онъ, Штюрмеръ, рѣшился предупредить Литвинова, чтобы онъ могъ избѣжать та-

кой нежелательной мѣры. Въ отвѣтъ на такое предупрежденіе д-ръ Литвиновъ объявилъ, что въ виду важности вопроса онъ долженъ посвѣтоваться съ своими друзьями, и тотчасъ сообщилъ мнѣ въ Москву содержаніе всей бесѣды съ Штюрмеромъ. Само собою разумѣется, я посовѣтовалъ Литвинову въ отставку ни въ какомъ случаѣ не подавать, а Штюрмеру написалъ, что такъ какъ имъ нарушенъ первый пунктъ нашего уговора, то мы, съ своей стороны, считаемъ себя совершенно свободными отъ всякихъ обязательствъ и не остановимся передъ тѣми мѣрами, которыя сочтемъ полезными, чтобы показать, что въ тверскомъ земствѣ не можетъ происходить спокойное теченіе дѣлъ въ виду аггрессивныхъ и совершенно ничѣмъ не вызванныхъ дѣйствій администраціи. Но если онъ, Штюрмеръ, желаетъ избѣжать такого положенія, то долженъ взять подъ свою защиту д-ра Литвинова, что, надо думать, не представляетъ для него, какъ предсѣдателя назначеннаго правительствомъ, особенной трудности.

Прошло нѣсколько дней, мой ультиматумъ оставался безъ отвѣта, но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, Штюрмеръ посѣтилъ меня въ Москвѣ съ цѣлью лично переговорить со мной, какъ онъ объяснилъ, по дѣлу д-ра Литвинова. По словамъ Штюрмера, получивъ это письмо, онъ тотчасъ выѣхалъ въ Петербургъ и доложилъ министру, что проситъ освободить его отъ слишкомъ аггрессивнаго вмѣшательства губернатора въ земскія дѣла, отвѣтственность за которыя передъ министромъ онъ, Штюрмеръ, принялъ на себя и вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на себя ручательство и за д-ра Литвинова. Министръ изъявилъ свое согласіе на просьбу Штюрмера, и отнынѣ д-ръ Литвиновъ можетъ считать свое положеніе обезпеченнымъ.

Конечно, Штюрмеръ могъ бы все это изложить въ письмѣ, но онъ видимо не желалъ оставить въ моихъ рукахъ письменнаго документа, уличающаго его въ компрометтирующей его сдѣлкѣ съ нами. Съ этого дня онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы освободиться отъ назойливыхъ требованій Ахлестышева, и ихъ отношенія до такой степени испортились, что губернаторъ потребовалъ отъ него объясненій по поводу двукратной записи суммы въ 100 т. рублей въ страховомъ капиталѣ. Перепуганный и ничего не понимающій Штюрмеръ обратился за помощью къ намъ, Квашнину-Самарину, Апостолову и ко мнѣ, съ просьбой разъяснить Ахлестышеву правильность записи. Вопросъ оказался чисто бухгалтерскимъ, но намъ стоило немалаго труда разсѣять подозрительность губернатора, подобно Штюрмеру очень мало освѣдомленнаго въ системѣ двойной бухгалтеріи.

Но Штюрмеръ убѣдился на этомъ незначительномъ примѣрѣ, что покинутый нами онъ провалится и въ земствѣ, и въ министерствѣ, и безпрекословно подчинился условіямъ нашего уговора. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшительно былъ неспособенъ усвоить то дѣло, за которое взялся, т. к. не проявлялъ къ нему ни малѣйшаго интереса. Какъ извѣстно, 1892 годъ былъ голодный годъ, и въ Тверской губерніи неурожай от-

разился большимъ вздорожаніемъ хлѣба, причемъ болѣе другихъ пострадалъ Осташковскій уѣздъ, вслѣдствіе совпавшаго съ этимъ сильнаго паденія главнаго мѣстнаго крестьянскаго промысла — сѣтнаго. Въ виду этого, губернское собраніе поручило избранной комиссіи обслѣдовать положеніе уѣзда. Въ составъ комиссіи былъ избранъ и я, и мнѣ пришлось вмѣстѣ съ Штюрмеромъ объѣхать наиболѣе пострадавшія въ уѣздѣ волости. Если нужно было убѣдиться въ полномъ равнодушіи этого человѣка къ положенію пострадавшихъ крестьянъ, то нашъ объѣздъ доставлялъ вполнѣ достаточный для этого матеріалъ. У него съ крестьянами не было общаго языка и поставленная ему задача была для него китайской грамотой, смысла которой онъ не считалъ нужнымъ добиваться. Его помыслы были въ другой сферѣ. Онъ былъ увѣренъ, что получитъ обѣщанное назначеніе и, дѣйствительно, къ концу второго года его знакомство съ мѣстнымъ управленіемъ было признано въ министерствѣ законченнымъ и успѣшнымъ, и его назначили губернаторомъ небогатой губерніи, Новгородской, а потомъ и болѣе богатой — Ярославской. Но опытный бюрократъ на этомъ не успокоился. Онъ зналъ, что завершеніе карьеры требуетъ нахожденія въ правительственномъ центрѣ, и этотъ невѣжественный, рѣшительно неспособный ни къ какой работѣ человѣкъ получилъ въ управленіе департаментъ общихъ дѣлъ, главный центральный органъ управленія въ министерствѣ внутр. дѣлъ, откуда онъ могъ уже разсчитывать и на министерскій постъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ; онъ понималъ, что такой министръ, какъ И. Н. Дурново, обладалъ не большими достоинствами, чѣмъ онъ самъ, и что онъ можетъ быть его преемникомъ.

Для того, чтобы покончить съ этимъ интриганомъ, въ которомъ олицетворялись всѣ самыя дурныя и порочныя стороны русской бюрократіи, я здѣсь же, забѣжавъ на десять лѣтъ впередъ, разскажу о нашей послѣдней встрѣчѣ.

Въ 1903 году, послѣ закрытія комитетовъ о сельско-хозяйственной промышленности, созданныхъ Витте, мин. внутр. дѣлъ Плеве назначилъ ревизіи земствъ Московской и Тверской губерній, гдѣ земства болѣе другихъ не ладили съ администраціей. Ревизоромъ Тверского земства явился директоръ департамента общихъ дѣлъ, Штюрмеръ, въ качествѣ знатока Тверской губерніи. Однако, Штюрмеръ не очень разсчитывалъ на свои силы, а потому пригласилъ себѣ въ помощники бывшаго профессора Ярославскаго лицея, Гурлянда, способности котораго онъ оцѣнилъ въ бытность свою ярославскимъ губернаторомъ. Безспорно, проф. Гурляндъ былъ много умнѣе и образованнѣе Штюрмера, но ихъ складъ ума и моральные принципы были чрезвычайно близки и сходны, такъ что, не смотря на полное различіе своихъ профессій, они чувствовали взаимное влеченіе. Задача же, возложенная на нихъ, вполнѣ соотвѣтствовала ихъ склонностямъ, тѣмъ болѣе, что и жертвы были намѣчены заранѣе.

Въ это время мы жили у себя въ имѣніи въ Новоторжскомъ уѣздѣ, куда мало доходили извѣстія о ревизіи, пока она касалась губернской управы и другихъ уѣздовъ, но, когда ревизія пожаловала въ нашъ уѣздъ, мы могли убѣдиться, что дѣло ведется чрезвычайно поверхностно и скорѣе имѣетъ характеръ сыска, чѣмъ ревизіи хозяйственнаго учрежденія, которое и безъ того, на законномъ основаніи, ежегодно само себя ревизуетъ съ полнымъ обезпеченіемъ публичности.

Въ концѣ осени или въ началѣ зимы 1903 г., по окончаніи ревизіи, я получилъ отъ предсѣдателя нашей уѣздной управы, кстати сказать beau-frère'а Штюрмера, Н. А. Балавинскаго, женатаго на его сестрѣ, приглашеніе на обѣдъ и бесѣду съ ревизорами. Вмѣстѣ съ моимъ старшимъ сыномъ, Михаиломъ Ив-чемъ, въ то время занимавшимъ мѣсто уѣзднаго предводителя дворянства, мы отправились на обѣдъ въ надеждѣ узнать о результатахъ ревизіи. За обѣдомъ присутствовали только оба ревизора, я съ сыномъ и наши хозяева, Балавинскій и его супруга, сестра Штюрмера. На мой вопросъ относительно результатовъ ревизіи, оба ревизора въ одинъ голосъ стали порицать земскую систему чрезмѣрнаго довѣрія къ земскимъ служащимъ и ихъ независимость отъ управы, яко-бы совершенно устраняющую гласныхъ и членовъ управы отъ непосредственнаго участія въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства. Такимъ образомъ, по мнѣнію ревизоровъ, дѣйствительными хозяевами въ земствѣ является, такъ называемый, третій элементъ, не несущій никакой отвѣтственности, а гласные, управа и собраніе остаются внѣ всякаго вліянія на ходъ дѣлъ.

Это общее замѣчаніе представляло любопытный примѣръ полнаго непониманія ревизорами той системы, которой земство обязано всѣми успѣхами своей дѣятельности, такъ какъ только благодаря этой системѣ ему удалось получить исполнителей, проникнутыхъ интересами дѣла, вмѣсто чиновниковъ, равнодушныхъ исполнителей приказаній своего начальства или своихъ наннмателей. Тщетно я пытался объяснить, что исполнитель, которому въ извѣстныхъ предѣлахъ, вовсе не исключающихъ ни правъ, ни фактическаго участія земскихъ представителей, предоставлена свобода и примѣненіе творческихъ силъ, производитъ работу не механически, а съ интересомъ и сознаніемъ отвѣтственности за каждую ошибку; что въ порученномъ дѣлѣ онъ чувствуетъ не чужое ему, а свое дѣло, и что нельзя найти болѣе самоотверженныхъ, преданныхъ и безкорыстныхъ служащихъ и работниковъ, какъ служащіе и работники земскіе. Пріученные къ системѣ бюрократическаго, т. е. формальнаго исполненія задачъ управленія, мои оппоненты не понимали меня, т. к. никогда не интересовались живымъ дѣломъ и достиженіемъ дѣйствительнаго успѣха.

Когда эта тема была исчерпана, проф. Гурляндъ перевелъ бесѣду на другую, которая его, повидимому, болѣе интересовала: какія цѣли преслѣдуетъ земство въ своей систематической оппозиціи правительству и, не ожидая моего отвѣта, выразилъ увѣренность, что земство

въ скрытой формѣ добивается констнтуціи, т. е. государственнаго порядка, котораго самодержавіе никогда добровольно не признаетъ, не считая нужнымъ уступать притязаніямъ, не нмѣющимъ никакихъ корней ни въ странѣ, ни въ обществѣ, т. е. въ образованныхъ кругахъ.

Такъ какъ вопросъ былъ поставленъ мнѣ Гурляндомъ прямо, не безъ умысла прижать меня къ стѣнѣ, я рѣшилъ отвѣчать также прямо и принялъ вызовъ; я сказалъ, что безспорно мы считаемъ переходъ отъ самодержавія къ конституціоннымъ формамъ не только желательнымъ, но и неизбѣжнымъ, притомъ въ ближайшемъ будущемъ, и что споръ о томъ, на чьей сторонѣ окажется русское общество и народная масса, совершенно напрасенъ, т. к. за насъ, конституціоналистовъ, исторія всѣхъ народовъ, и рано или поздно наше желаніе будетъ осуществлено.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны знать, категорически сказалъ Гурляндъ, что мы, т. е. всѣ, кто на сторонѣ правительства, будемъ со всей энергіей бороться съ вами.

— Мы въ этомъ не сомнѣваемся, отвѣчалъ я, и будемъ продолжать борьбу въ полномъ убѣжденін, что въ концѣ концовъ побѣда будетъ на нашей сторонѣ.

Эта бесѣда происходила въ ноябрѣ нли въ декабрѣ 1903 года, а 17 января 1904 г. былъ изданъ манифестъ по поводу ревизіи тверского земства и его вреднаго направленія, а затѣмъ 21 января было объявлено распоряженіе о закрытіи Тверского губернскаго и Новоторжскаго уѣзднаго земствъ, о передачѣ земскихъ дѣлъ правительственнымъ комиссіямъ, объ устраненіи отъ дѣлъ предсѣдателя губ. зем. управы В. Д. фонъ-Дервиза, членовъ управы Н. К. Милюкова, Тица и Вревскаго, и о высылкѣ гласныхъ Новоторжскаго земства М. П. Литвинова, А. И. Бакунина н меня, — нзъ предѣловъ Тверской губерніи. Послѣ этого я немедленно получнлъ черезъ мѣстную полицію требованіе о выѣздѣ. Это была третья моя высылка изъ мѣста моего жительства.

Только въ 1906 году, послѣ роспуска первой Гос. Думы, мнѣ въ руки попалъ докладъ Штюрмера своему шефу Плеве. Въ этомъ произведеніи Штюрмера н Гурлянда опнсывалось, что въ Новоторжскомъ уѣздѣ давно существуетъ конституціонное гнѣздо въ имѣніи братьевъ Бакуннныхъ, Премухинѣ, а съ недавняго времени и въ другомъ имѣніи — Машукѣ, — принадлежащемъ мнѣ; что я пользуюсь большимъ вліяніемъ и веду открытую пропаганду конституціонализма, но дѣлаю это весьма искусно, всегда въ легальной и неподдающейся судебному преслѣдованію формѣ, въ отличіе отъ молодежи, болѣе горячей и менѣе искусной и т. д. Словомъ, доносъ былъ составленъ согласно желанію н указаніямъ Плеве, не предвидѣвшаго, что черезъ полгода онъ станетъ жертвой не констнтуціоналистовъ, а террористовъ.

Желаніе закончнть портретъ Штюрмера во время подговотовки его къ выступленію въ первыхъ рядахъ императорской бюрократіи побудило меня сдѣлать скачекъ на десять лѣтъ впередъ, и я вынужденъ те-

перь возвратиться назадъ къ началу послѣдняго десятилѣтія 19-го вѣка, когда въ странѣ стало обнаруживаться стремленіе выйти изъ того оцѣпенѣнія, въ которое Россія впала послѣ событія 1-го марта и въ которомъ оставалась въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ.

Буря, пронесшаяся надъ Россіей въ 1881 году, унесла съ собою не только императора Александра II-го, но и почти всю группу террористовъ, состоявшую изъ сравнительно небольшого числа лицъ, но по характеру рѣшительныхъ, смѣлыхъ, обладавшихъ громадной энергіей и относившихся къ смерти съ полнымъ презрѣніемъ. Восьмидесятые годы были годами ликвидаціи того событія, которое подготовлялось сложнымъ характеромъ предшествовавшаго царствованія. Гатчинскій плѣнникъ могъ думать въ своей отчужденности отъ Россіи, что ликвидація выполнена въ совершенствѣ, такъ какъ революціонное движеніе надолго раздавлено. Такъ думалъ не одинъ царь, но и вся та многочисленная часть русскаго общества, которая считала себя обиженной и обобранной, и разсчитывала возстановить, какъ свое вліяніе, такъ и благосостояніе, пользуясь настроеніемъ и взглядами Александра III, видѣвшаго въ дворянствѣ прочную опору престола. Правительство не стѣснялось никакими мѣрами репрессіи: безпощадно казнило, какъ за раскрытый заговоръ на жизнь царя (Ульяновъ), такъ и за пощечину, данную учителемъ гимназіи Неустроевымъ генералъ-губернатору Анучину въ Иркутскѣ; грозило провинившихся въ безпорядкахъ студентовъ сдавать въ дисциплинарные батальоны, устраняло изъ публичныхъ библіотекъ неблагонадежные журналы и неблагонадежныхъ авторовъ, запрещало навсегда изданіе журналовъ, вліяніе которыхъ было признано имъ тлетворнымъ, и готовило «реформу» земскихъ учрежденій, превращая ихъ въ органъ государственнаго управленія, чтобы устранить изъ нихъ всякую мысль о самоуправленіи и дать дворянству снова преобладающее вліяніе.

Девяностые годы начинались при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: въ 1891 и 1892 г.г. въ центральной и юго-восточной, приволжской, Россіи былъ полный неурожай, послѣдствіемъ чего, какъ всегда въ Россіи, сказался голодъ, сначала отрицаемый администраціей, которая затѣмъ, когда голодъ становился фактомъ безспорнымъ, оказывалась рѣшительно неспособной справиться съ нимъ. Вѣсти изъ голодающихъ мѣстъ стали появляться въ газетахъ и получали подтвержденія со всѣхъ сторонъ, а правительство продолжало категорически отрицать существованіе голода и толковало о «недородѣ», не считая нужнымъ принимать какія либо экстренныя мѣры и предоставляя это мѣстной администраціи, которая отрицала ихъ необходимость. Само собою разумѣется, что отъ этого положеніе вещей только ухудшалось. Всѣмъ было ясно, что только вмѣшательство общества, въ видѣ оказанія помощи голодающимъ, могло поправить дѣло, для чего необходима агитація при участіи газетъ и собраній, хотя бы не публичныхъ, для которыхъ требовалось разрѣшеніе администраціи, той самой администра-

ціи, которая смотрѣла на вмѣшательство общества, какъ на вторженіе въ ея прерогативы.

Тѣмъ не менѣе, въ виду голода въ нашемъ небольшомъ дружескомъ кружкѣ, зерно котораго состояло изъ Вл. Ив. Вернадскаго, Нат. Ег. Вернадской, Дм. Ив. Шаховскаго, А. А. Корнилова и къ которому въ 1890 г. примкнули и мы съ женой, а также и нѣкоторыя другія лица, было рѣшено устроить собраніе изъ лицъ, пользующихся въ Москвѣ большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, чтобы при нихъ содѣйствіи привлечь жертвователей, а также людей, готовыхъ взять на себя самую работу помощи голодающимъ на мѣстахъ. Въ нашей квартирѣ состоялось такое собраніе, въ которомъ приняли участіе: Левъ Николаевичъ Толстой, Влад. Серг. Соловьевъ, Д. И. Шаховской, Вернадскіе, А. А. Корниловъ, Мих. Як. Герценштейнъ, С. А. Дриль, Н. И. Миклашевскій, Н. А. Каблуковъ, В. А. Гольцевъ, И. И. Иванюковъ и другіе, приблизительно человѣкъ около 30-ти. Когда въ собраніи стали раздаваться голоса сомнѣнія въ успѣхѣ предполагаемаго предпріятія, Д. И. Шаховской вскочилъ и крикнулъ голосомъ полнымъ негодованія, что «мы не должны и допускать мысли, что можно отказаться отъ такого дѣла, какъ помощь голодающимъ, кто чѣмъ можетъ: сборомъ пожертвованій или личнымъ трудомъ; что отказъ отъ такого дѣла былъ бы позоромъ для русскаго общества». Этотъ страстный призывъ такъ повліялъ на собравшихся, что всѣ единогласно присоединились къ нему.

Какъ извѣстно, движеніе въ пользу общественнаго участія въ помощи голодающимъ обнаружилось повсемѣстно и во всѣхъ слояхъ населенія и побороло всѣ препятствія, какія ставило ему правительство, пытаясь подчинить общественную помощь Красному Кресту, рѣшительно не пользовавшемуся ничьимъ довѣріемъ. Красный Крестъ былъ въ рукахъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ; съ его помощью дѣлались карьеры, устраивались мѣста для покровительствуемыхъ паразитовъ, и онъ до такой степени не пользовался общественнымъ довѣріемъ, что даже великій князь Николай Михайловичъ, желая пожертвовать въ пользу голодающихъ 40 тысячъ рублей, не пожелалъ вручить ихъ Красному Кресту, а передалъ въ полное распоряженіе Вл. Ив. Вернадскому, какъ одному изъ представителей общественной инициативы. Подробности этого въ высшей степени интереснаго общественнаго движенія нашли своихъ бытописателей: В. Г. Короленко, А. А. Корнилова, лично работавшихъ на мѣстахъ, и Льва Николаевича Толстого, разсказъ котораго объ его работѣ на голодѣ былъ, конечно, прочитанъ съ необыкновеннымъ интересомъ всей грамотной Россіей, какъ все, что выходило изъ подъ пера великаго русскаго писателя и учителя жизни.

Участіе такихъ популярныхъ и вліятельныхъ людей, а также и газетъ и журналовъ, естественно, привлекло къ дѣлу очень большое число лицъ, всецѣло отдававшихъ ему и свой трудъ, и свои денежныя пожертвованія. Неутомимый Д. И. Шаховской придумалъ попытаться

привлечь къ дѣлу Московскій комитетъ грамотности и съ этой цѣлью войти въ составъ его членовъ. Комитетъ грамотности составлялъ автономный отдѣлъ «Московскаго общества сельскаго хозяйства», пользовавшагося старинымъ уставомъ, сходнымъ съ уставомъ Вольно-Экономическаго Общества. Въ теченіе самаго непродолжительнаго времени въ комитетъ вступило много новыхъ членовъ, чтобы принять участіе въ помощи голодающимъ учащимся въ народныхъ школахъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Вспоминая эти возбужденныя собранія комитета, безкорыстный трудъ его членовъ на пользу народа, нельзя не помянуть всѣхъ тѣхъ, которые особенно выдѣлялись своей энергіей. Конечно, я не могу вспомнить всѣхъ, такъ какъ съ того времени прошло 30 лѣтъ, но всеже помню нѣкоторыхъ наиболѣе дѣятельныхъ и руководящихъ лицъ: товарища предсѣдателя комитета, В. П. Вахтерова, особенно много поработавшаго, членовъ комитета, — С. Г. Смирнова, Д. И. Шаховского, Ел. Ник. Орлову, Грузинскаго, А. А. Кизеветтера, Вл. Ив. и Нат. Ег. Вернадскихъ, В. А. и Н. А. Гольцевыхъ, супруговъ Алферовыхъ, такъ трагически погибшихъ отъ рукъ большевиковъ, и много другихъ.

Это случайное вмѣшательство жизни, ворвавшейся въ затхлую атмосферу стараго комитета, необыкновенно оживило его, внесло страсть, бросило яркій лучъ свѣта на задачи, которыя ставила сама жизнь, предъявляя свои требованія, казалось, столь далекія просвѣтительнымъ цѣлямъ, а въ дѣйствительности безусловно связанныя съ ними. Вслѣдствіе непониманія этой связи, по удаленности отъ самой жизни, и по склонности къ рутинѣ нашлись и такіе члены комитета, которымъ была не по душѣ эта новая кипучая работа, эти горячія рѣчи, не всегда сдержанныя выраженія по адресу власти, возбуждавшія опасенія вызвать неодобреніе правительства. Пока вся работа была посвящена питанію учащихся въ народныхъ школахъ, рознь въ комитетѣ почти не замѣчалась, но съ окончаніемъ этой работы сразу почувствовалось, что «благонамѣренность» комитета уже безповоротно скомпрометтирована и его дѣятельность обратила на себя вниманіе правительства, вдругъ пожелавшаго внести измѣненія въ уставъ, который, повидимому, такъ долго обезпечивалъ прочность россійской Державы, а теперь грозившій ей «революціей». Кажется, можно установить съ большой точностью, что вниманіе правительства къ дѣятельности того или другого общества всегда влекло за собою превращеніе мирнаго и полезнаго труда въ состояніе раздраженія и рѣшительную оппозицію власти, отъ которой всегда ожидалась не помощь, а исключительно примѣненіе лозунга «сократить». На этой почвѣ въ комитетѣ грамотности началась среди его членовъ борьба. Часть членовъ рѣшительно выступила противъ какого либо измѣненія устава въ смыслѣ ограниченія правъ комитета, которыми онъ пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ. Другая часть членовъ, изъ опасенія суровыхъ мѣръ со стороны правительства и даже закрытія комитета, пустилась на поиски соглашенія какъ съ протестантами, такъ

и съ правительствомъ. Для этого было устроено собраніе членовъ комитета въ домѣ Варвары Алексѣевны Морозовой, одной изъ самыхъ не только популярныхъ, но и дѣйствительно прекрасныхъ женщинъ Москвы, обладавшихъ умнымъ сердцемъ. Въ ея особнякѣ собрался чуть-ли не весь комитетъ грамотности. Я пришелъ туда вмѣстѣ съ Д. И. Шаховскимъ и къ нашему удивленію былъ встрѣченъ громкимъ и недружелюбнымъ замѣчаніемъ В. А. Гольцева: — «Пришли наши протестанты»!

До глубокой ночи продолжался споръ двухъ неравныхъ частей комитета, въ которомъ мы, «протестанты», были меньшинствомъ. Мы съ полнымъ убѣжденіемъ доказывали, что правительство ни на какой компромиссъ не пойдетъ и что выборъ можетъ быть только между рѣшительнымъ протестомъ противъ всякаго измѣненія устава, либо согласіемъ на всѣ требованія правительства. При голосованіи мы остались въ меньшинствѣ. Большинство сознательно или безсознательно шло на лишеніе комитета тѣхъ правъ, которыя давали ему возможность оживить свою дѣятельность.

Членъ комитета, Елизавета Николаевна Орлова, очень образованная и много поработавшая для образованія народа, говорила мнѣ:

«Наше время не время великихъ задачъ; мы плаваемъ не въ открытомъ морѣ, а близъ берега, и я сижу въ маленькой лодочкѣ съ моими друзьями и мы дѣлаемъ свое маленькое дѣло; такъ мы будемъ плыть дальше, я довольна своей лодочкой».

Спорить съ этимъ было трудно: каждый знаетъ свои силы и каждый опредѣляетъ предѣлъ своихъ желаній, а спорить съ человѣкомъ, безспорно много сдѣлавшимъ для населенія, даже не справляясь раньше съ предѣлами своихъ правъ, — очень трудно. Мы говорили на разныхъ языкахъ: она была лично удовлетворена своимъ трудомъ и не искала опоры въ тѣхъ правахъ, которыя уполномачивали комитетъ на болѣе широкое поле дѣятельности и которыя были гарантированы уставомъ. Мы защищали права комитета, она довольствовалась тѣмъ, что можно было дѣлать безъ помѣхи при всякихъ условіяхъ.

Дѣло этимъ не кончилось. Комитетъ грамотности въ одномъ изъ своихъ засѣданій, обсудивъ споры за и противъ измѣненія устава, принялъ рѣшеніе, вопреки его смысла и буквы, что отнынѣ членами комитета будутъ признаваться лишь тѣ лица, которыя запишутся въ члены вновь; всѣ же не желающіе вновь записаться не будутъ считаться членами комитета. Само собою разумѣется, что это постановленіе было безусловнымъ нарушеніемъ какъ устава комитета, такъ и правъ его членовъ, не желающихъ подчиняться такому незаконному рѣшенію. Къ сожалѣнію, какъ въ этомъ рѣшеніи, такъ и въ приведеніи его въ исполненіе принялъ очень активное участіе В. А. Гольцевъ, проповѣдникъ конституціонализма и незыблемости гражданскихъ правъ. Александръ Александровичъ Кизеветтеръ, раздѣлявшій съ Шаховскимъ и мною положеніе протестантовъ, не пожелавшихъ подчиниться незаконному рѣ-

шенію, отправился въ засѣданіе комитета, чтобы протестовать противъ него и отстаивать свое право. Дверь въ залу была заперта и у двери стоялъ стражъ. А. А. Кизеветтеръ былъ остановленъ вопросомъ, — что ему угодно?

— Я иду въ засѣданіе.

— Безъ доклада пускать не велѣно.

— Доложите: Кизеветтеръ.

Черезъ минуту появляется въ передней В. А. Гольцевъ. Начинается діалогъ.

— Такъ какъ вы не пожелали записаться въ члены комитета, вы не можете и присутствовать: въ засѣданіи присутствуютъ только члены комитета.

— Я членъ комитета по праву и желаю присутствовать въ засѣданіи.

— Для чего?

— Прежде всего, конечно, буду протестовать противъ нарушенія моихъ правъ.

— А... протестовать! Въ такомъ случаѣ я не могу допустить васъ въ засѣданіе. И съ этими словами Викторъ Александровичъ исчезъ за дверью.

Послѣ смерти Гольцева, Кизеветтеръ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ участвовать въ составленіи сборника въ память Гольцева, издаваемаго подъ его редакціей вдовой покойнаго. Конечно, я немедленно согласился и сборникъ былъ составленъ людьми, которые охотно забыли мимолетное увлеченіе Гольцева надеждою спасти комитетъ грамотности съ помощью правительства. Это была только маленькая оплошность человѣка, который всю жизнь, по мѣрѣ силъ, работалъ въ пользу освобожденія Россіи отъ самодержавія.

Кажется, въ 1891-мъ или въ девяностомъ году императоръ Александръ III рѣшилъ осчастливить первопрестольную Москву назначеніемъ своего брата в. к. Сергѣя Александровича ея генералъ-губернаторомъ. Какъ извѣстно, этотъ представитель дома Романовыхъ не отличался ни умомъ, ни пріятнымъ характеромъ, зато былъ однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ членовъ Романовской семьи, и въ Москвѣ онъ не пользовался ни малѣйшимъ расположеніемъ, такъ что убійство его въ 1905 году Каляевымъ вызвало лишь оффиціальное сожалѣніе оффиціальнаго міра.

Вообще, даже реакціонеры не станутъ отрицать, что назначеніе великихъ князей на разныя отвѣтственныя должности государственной службы составляло большое злоупотребленіе императорскаго режима. Царская фамилія разрослась чрезвычайно и достигла передъ революціей 1905 года тридцати лицъ мужескаго пола разнаго возраста, но всѣ достигшіе совершеннолѣтія назначались на отвѣтственныя должности съ огромными окладами жалованья, при полной фактической безотвѣтственности, т. к. отвѣтственность перелагалась на ихъ помощниковъ и

въ большинствѣ случаевъ оказывалась не существующей. По этому случаю, я вспомннаю исторію производства въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, дававшаго потомственное дворянское званіе, купца Гавріила Солодовникова, пожертвовавшаго полмилліона рублей на постройку зданія московской консерваторіи. Солодовниковъ долго торговался съ миннстромъ финансовъ Вышнеградскимъ, на дочери котораго былъ женатъ директоръ консерваторіи Сафоновъ, соглашаясь на пожертвованіе такой суммы подъ непремѣннымъ условіемъ полученія генеральскаго чнна, который могъ, однако, быть пожалованъ не иначе, какъ по представленію в. к. генералъ-губернатора, ручавшагося за его личную репутацію. На бѣду репутація будущаго генерала была совершенно скомпрометтирована не только въ общественномъ мнѣніи Москвы, но и во мнѣніи московскаго окружного суда. Думали — гадали, какъ обойти этотъ щекотлнвый вопросъ, и рѣшилн, что отзывъ подпишетъ не ген.-губернаторъ, а его канцелярія, а такая замѣна требуемой подпнси не будетъ поставлена ему въ вину. Солодовнnковъ получилъ, такимъ образомъ, чинъ генерала н сталъ украшеніемъ потомственнаго дворянства.

Конечно, это былъ только едва замѣтный цвѣтокъ, украшвющій грудь августѣйшаго ген.-губернатора. Плоды его управленія были болѣе ядовиты и поражали ни въ чемъ неповинныхъ людей тяжкими страданіями.

Великій князь былъ «истинно-православный» человѣкъ, а потому онъ считалъ дѣломъ своей совѣсти поднять гоненія на евреевъ, такъ или иначе поселившнхся въ Москвѣ или временно въ ней пребывавшнхъ, пользуясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ не совсѣмъ правильнымъ покровнтельствомъ администраціи и полиціи.

Началось невѣроятное гоненіе на евреевъ. Ни одинъ еврей не могъ счнтать себя обезпеченнымъ. По ночамъ полиція врывалась въ дома н обыскивала — не скрываются-лн тутъ пріѣзжіе евреи, причемъ заставляла спящихъ вставать съ постелей и предъявлять документы на право жительства. Покойный Михаилъ Яковлевичъ Герценштейнъ, по пронсхожденію еврей, но имѣвшій право жительства въ Москвѣ какъ потому, что окончилъ высшее учебное заведеніе, такъ и потому, что при женитьбѣ на православной принялъ христіанскую религію, былъ очень взволнованъ положеніемъ вдовы своего сослуживца въ Московскомъ земельномъ банкѣ, окончнвшаго университетъ и имѣвшаго всѣ права на повсемѣстное жительство въ Россіи. Это былъ молодой, очень способный человѣкъ. Онъ получилъ назначеніе директора банка въ Тегеранѣ, въ Персіи, и былъ вызванъ въ Петербургъ для полученія инструкцій. Нв обратномъ пути онъ заразился черной оспой и по пріѣздѣ въ Москву, спустя нѣсколько дней, умеръ. Послѣ него остались вдова н маленькій ребенокъ. Она не успѣла похоронить мужа, какъ къ ней нагрянула полнція съ требованіемъ немедленно покинуть Москву нв томъ основаніи, что со смертью мужа она не имѣетъ права жительства въ

Москвѣ. Бѣдная женщина бросилась къ Герценштейну съ просьбой защитить ее, дать ей возможность похоронить мужа. Михаилъ Яковлевичъ разсказывалъ мнѣ о безрезультатности его хлопотъ со слезами на глазахъ. Администрація была безпощадна. Московскій обыватель въ этомъ случаѣ былъ не на сторонѣ августѣйшаго гонителя, но чувствовалъ свое полное безсиліе и молчалъ, даже въ тѣхъ кругахъ, вліяніе которыхъ, вѣроятно, могло бы хотя нѣсколько смягчить жестокость гоненія. Заговорили только тогда, когда полиція признала, что художникъ Левитанъ, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ большой талантъ, служащій украшеніемъ русскаго искусства, не имѣетъ права жительства въ Москвѣ и подлежитъ высылкѣ на родину этапнымъ порядкомъ. Кажется, Левитанъ не имѣлъ диплома объ окончаніи академіи художествъ, а съ точки зрѣнія полиціи его картины и его слава не могли замѣнить диплома. Это было уже слишкомъ, и, сколько могу припомнить, хлопоты были направлены къ великой княгинѣ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ, супругѣ генералъ-губернатора. Ея заступничество, какъ говорили, устранило высылку художника и избавило его отъ знакомства со странствованіемъ этапнымъ порядкомъ — отъ тюрьмы къ тюрьмѣ.

Въ 1894 году стали распространяться въ обществѣ слухи, что императоръ Александръ III боленъ безнадежно и что его жизни угрожаетъ серьезная опасность. Говорили, что въ Бѣловѣжской пущѣ, куда дворъ выѣхалъ изъ Гатчины, царю не только не стало лучше, а напротивъ, — болѣзнь усилилась. Царь осенью переѣхалъ въ Крымъ, въ Ливадію, гдѣ и поселился не въ большомъ и прекрасномъ старомъ дворцѣ, а въ маломъ, который онъ занималъ, когда былъ наслѣдникомъ. Увѣряли, что старый дворецъ отличается сыростью и можетъ быть вреденъ больному царю.

Пріѣздъ двора въ Ялту былъ всегда для населенія въ тягость, потому что для охраны царя появлялось огромное число разнообразной полиціи: во-первыхъ, жандармеріи; во-вторыхъ, дворцовой охраны; въ-третьихъ, охраны департамента полиціи; въ-четвертыхъ, губернской явной полиціи; въ-пятыхъ, губернской тайной полиціи и въ-шестыхъ, мѣстной полиціи. При такомъ изобиліи полиціи, явной и тайной, легко представить себѣ положеніе обывателей маленькаго городка и его окрестностей, гдѣ каждая отдѣльная полиція постоянно появляется въ домахъ для провѣрки всѣхъ жителей, ибо каждая полиція ведетъ свою работу отдѣльно, не только потому, что одна не довѣряетъ другой, а потому, что надо оправдать свою необходимость для царской безопасности.

Но если положеніе обывателей Ялты во время царскихъ пріѣздовъ было довольно тягостно, то положеніе имѣній, пограничныхъ съ Ливадіей, было и невыносимо и убыточно, такъ какъ дворцовая полиція и сыщики охраны, безъ всякихъ церемоній, требовали у сосѣднихъ владѣльцевъ отвода для себя квартиръ, притомъ безплатно. Имѣніе Чу-

курларъ, расположенное бокъ о бокъ съ Ливадіей отъ шоссе вплоть до морского берега, было биткомъ набито шпіонами. Шпики слѣдовали за каждымъ входящимъ и выходящимъ и каждый явно подвергался подробному изученію. Это было отвратительно и заставляло либо сидѣть цѣлый день въ домѣ, либо уходить на весь день изъ дому.

Что-же касается меня лично, такъ какъ я продолжалъ состоять подъ негласнымъ надзоромъ полиціи, то надзоръ за мной былъ сугубо непріятенъ. Мѣстная полиція лѣзла ко мнѣ въ домъ, гдѣ я жилъ, и предъявляла желтую карту съ просьбой заполнить вопросы, означенные въ картѣ, своими отвѣтами. Не разъ мнѣ приходилось вести такіе діалоги:

— Мой паспортъ прописанъ въ полиціи и въ немъ имѣются всѣ отвѣты, которые обязательны для меня, а потому я не обязанъ давать свѣдѣній, которыя требуются въ этой картѣ.

— Видите-ли, городская управа производитъ статистическую перепись, для которой свѣдѣнія эти нужны.

— Какая же это статистика, когда на карточкѣ напечатано «Свѣдѣнія о поднадзорныхъ?» Я не состою подъ надзоромъ, а потому и не обязанъ отвѣчать вамъ, — говорю я рѣшительнымъ тономъ.

— Мы обязаны, возражаетъ очень мягко околодочный надзиратель, секретно собирать свѣдѣнія о лицахъ, состоявшихъ подъ негласнымъ надзоромъ.

— Такъ вы и собирайте свѣдѣнія секретно, т. е. такъ, чтобы я и не зналъ объ этомъ, а вы прямо обращаетесь ко мнѣ.

Околодочный совершенно измѣняетъ тонъ и убѣдительно проситъ дать свѣдѣнія, такъ какъ отъ него ихъ требуютъ, а какъ же иначе онъ можетъ получить свѣдѣнія, если не отъ самого состоящаго подъ секретнымъ надзоромъ?

Дѣлать нечего, я начинаю диктовать ему «секретныя» свѣдѣнія: сколько у меня дѣтей, какихъ лѣтъ, гдѣ воспитываются и т. д. Одна изъ тѣхъ многочисленныхъ бюрократическихъ нелѣпостей, какихъ у насъ въ Россіи слишкомъ много.

Въ годъ смерти Александра III-го мы возвратились изъ Крыма въ Москву довольно рано, избѣгая жизни въ Чукурларѣ, рядомъ съ Ливадіей, куда ждали императорскую фамилію.

20 октября 1894 года императоръ Александръ III скончался. Трагическая смерть Александра II-го приковала къ себѣ всеобщее вниманіе: у однихъ она вызвала неподдѣльныя слезы, у другихъ чувство удовлетворенной ненависти, а у громадной народной массы — искреннюю печаль и несомнѣнное чувство благодарности и сожалѣнія о насильственной смерти «Освободителя» рабовъ. Такая смерть заставляла забыть всѣ ошибки и всѣ недостатки и слабость характера скончавшагося императора, и сохранить въ памяти его Эпоху Великихъ Реформъ, которыя Россію сдвинули съ мертвой точки и открыли ей пути къ великому будущему.

Смерть же его преемника, императора Александра III-го, умершаго въ цвѣтущемъ возрастѣ, не произвела никакого впечатлѣнія. Царь, мнившій себя носителемъ русской національной идеи, въ дѣйствительности сдѣлалъ все, чтобы разрушить то, что было сдѣлано его отцомъ, что было оцѣнено Россіей, какъ величайшее благо страны. Тупой и ограниченный Александръ III считалъ своей единственной и священной задачей «утвержденіе самодержавія», что и выразилъ въ своемъ первомъ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г., и не сомнѣвался, что для достиженія этой цѣли необходимо Россію повернуть назадъ, укрѣпить сословное начало, вернуть дворянству значеніе правящаго класса, поставить крестьянство на свое мѣсто и подчинить его дворянской администраціи.

Если мы просмотримъ дѣятельность правительства за время 1881-1894 годы и всѣ законодательныя мѣры, относящіяся къ этой эпохѣ, нельзя не убѣдиться, что его главнѣйшей задачей было именно то, что оно разумѣло подъ «утвержденіемъ самодержавія». Исключеніемъ изъ этого общаго правила представляются экономическія мѣры, проведенныя единственнымъ министромъ, сохранившимъ свой министерскій постъ послѣ манифеста 29 апрѣля, когда ушли въ отставку либеральные министры Александра II-го. Н. Х. Бунге, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и понимающій все значеніе экономическихъ реформъ, успѣлъ провести нѣкоторыя изъ нихъ, очень важныя, облегчвющія положеніе крестьянъ и рабочихъ, а именно: обязательность выкупа крестьянскихъ надѣловъ, учрежденіе крестьянскаго банка, сокращеніе выкупныхъ платежей, отмѣну подушной подати, фабричное законодательство, учрежденіе фабричныхъ инспекторовъ и ограниченіе на фабрикахъ работъ малолѣтнихъ. Въ 1886 г. онъ вышелъ въ отставку, и съ его уходомъ экономическія реформы прекратились. Преемники Бунге, Вышнеградскій, а потомъ Витте, были только финансистами, а не экономистами.

Совершенно исключительную энергію проявляло министерство внутреннихъ дѣлъ, руководившее внутренней политикой. Оно начало съ проведенія «Положенія объ усиленной охранѣ», изданнаго въ первый же годъ царствованія Александра III-го, и съ помощью этой «временной мѣры» открыло преслѣдованіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ категорій, заподозрѣнныхъ въ «неблагонамѣренности». Жандармерія снова получаетъ самостоятельное положеніе, и пользуется имъ въ полную мѣру своей безотвѣтственности. Снова ограничивается кругъ дѣйствія суда присяжныхъ и гласность судебнаго разбирательства политическихъ процессовъ, публичное разсмотрѣніе которыхъ поставлено въ зависимость отъ генералъ-губернаторовъ и ихъ усмотрѣнія, въ видахъ предупрежденія возбужденія ими умовъ; чрезвычайно увеличивается административная ссылка и вмѣстѣ съ тѣмъ удлиняется максимальный пятилѣтній срокъ ея, установленный Положеніемъ, до 10 и 15 лѣтъ; наконецъ, отмѣняется несмѣняемость мировыхъ судей.

Наряду съ этимъ принимаются все болѣе рѣшительныя мѣры противъ школы — высшей, средней и низшей, а также противъ свободы слова, печати и существующихъ изданій какъ повременныхъ, такъ и сочиненій разныхъ авторовъ. Совѣщанію четырехъ министровъ было предоставлено право пріостановки всякаго изданія, а затѣмъ изъяты изъ публичныхъ библіотекъ нѣкоторыя сочиненія 125 авторовъ и въ томъ числѣ Короленка и Л. Н. Толстого, и нѣсколько наиболѣе распространенныхъ журналовъ, а «Отечественныя Записки» закрыты навсегда.

Типичнѣйшимъ выразителемъ отношенія къ школѣ въ царствованіе Александра III былъ министръ народн. просвѣщенія Деляновъ, оставившій потомству свой характерный циркуляръ директорамъ гимназій, изданный послѣ не удавшагося покушенія на жизнь Государя въ 1887 г., такъ называемаго, второго 1-го марта, т. е. покушенія, повтореннаго въ то же число мѣсяца, когда былъ убитъ Александръ II-й. Графъ Деляновъ обратился, какъ тогда говорили, — по приказанію царя, къ директорамъ среднихъ учебныхъ заведеній съ требованіемъ не допускать въ гимназіи дѣтей прачекъ, кухарокъ, а также всякой прислуги и вообще дѣтей низшихъ сословій, которымъ предназначена самымъ ихъ общественнымъ положеніемъ болѣе скромная карьера и для которыхъ имѣются низшія учебныя заведенія, вполнѣ удовлетворяющія ихъ потребности. Очевидно, если бы Ломоносовъ учился грамотѣ при гр. Деляновѣ, усердный не по разуму графъ не допустилъ бы его въ высшую школу. Этотъ глупый циркуляръ долго былъ предметомъ справедливыхъ насмѣшекъ надъ не отличавшимся умомъ министромъ.

О характерѣ реформъ средняго и высшаго образованія я не буду распространяться, т. к. онѣ всѣмъ извѣстны, и находили похвалы и поддержку въ кругу лишь заядлыхъ обскурантовъ, мечтавшихъ дисциплинировать молодежь возвращеніемъ къ схоластическимъ пріемамъ обученія.

Мнѣ остается очень немного прибавить къ сказанному выше, но я не могу не повторить, что передѣлка Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. была предпринята, какъ и введеніе института земскихъ начальниковъ, съ очевидной цѣлью вернуть дворянству, какъ признанной опорѣ самодержавія, положеніе господствующаго сословія и въ то же время затормозить гражданское и культурное развитіе крестьянства, за которымъ разсчитывали сохранить лишь роль рабочей силы. Поэтому, изданный въ 1886 г. законъ о семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ, оказался связаннымъ съ усмотрѣніемъ земскихъ начальниковъ, новыхъ опекуновъ крестьянства, наблюдавшихъ за исполненіемъ податныхъ обязанностей опекаемыхъ.

Что-же касается дворянства, то оно получило новую привилегію: въ 1885 году было торжественно отпраздновано столѣтіе жалованной дворянской грамоты и, во вниманіе къ разстройству дворянскаго хозяйства, высочайшимъ рескриптомъ былъ учрежденъ спеціально-дворянскій земельный банкъ, взимавшій за ссуды своимъ кліентамъ процентъ мень-

шій, чѣмъ платилъ по своимъ собственнымъ облигаціямъ. Разницу уплачнвало государство, т. е. въ сирытой фóрмѣ ее поирывало ирестьянство, какъ самый ирупный плательщикъ налоговъ и государственный кредитъ, оиазываемый дворянству, былъ болѣе дешевый, чѣмъ кредитъ, предоставленный крестьянамъ.

Нельзя отрицать, что въ балансѣ царствоваиія Александра III-го имѣется одинъ крупный фаитъ, свидѣтельствующій въ пользу широты государственной мысли своего творца: это — соединеніе Тихаго океана и Владивостоиа рельсовымъ путемъ съ Мосивою. При обзорѣ дѣяній императора этотъ фактъ представляется настольио исилючительиымъ, что иайтн ему мѣсто въ ряду другихъ фаитовъ совершенно иевозможно. Даже союзъ съ Франціей, не шедшій далѣе публичнаго исполнеиія марсельезы, ие смотря иа его огромную важиость для европейскаго равиовѣсія, былъ плодомъ не глубокихъ политическихъ соображеній, а вытеиалъ у Александра III-го нзъ чувства отвращенія иъ нмператору Германіи, — Вильгельму II-му. Миѣ иажется, что идея великаго сибирскаго пути, по всей вѣроятности, принадлежитъ кому ибудь изъ оиружавшихъ царя, напр. Вышнеградсиому или Витте, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой въ сущиости были ие политнии и ие эиоиомисты, а желѣзнодорожиики и легко могли расшевелить неповоротливый умъ царя перспеитивой мирной славы н оправданія тнтула «миротворца», который придворные льстецы и холопы уже предпоиеслн ему. Скорѣе всего это была идея Витте, который виртуозно льстнлъ царю въ своихъ объясненіяхъ къ бюджетиымъ докладамъ и продолжалъ льстить въ своихъ «Воспоминаиіяхъ», рисуя Александра III, какъ чисто русскаго генія, который одииъ могъ бы спасти Россію, приведенную на край паденія его сыномъ. Онъ разсиазываетъ, что на просьбу гр. Фредерикса, министра двора, открыть секретъ спасеиія государства отъ гибели, оиъ отвѣчалъ: «Воскресите императора Александра III!» Очевидно, такой отвѣтъ могъ быть даиъ собесѣдиику, иакъ выражеиіе чрезмѣрио высокой оцѣнки умершаго императора, а въ то же время и ирайией сиудости государственной мысли самого Витте, т. и. едва ли можно спорить противъ того, что поскольиу императоръ Алеисандръ II понималъ духъ времеии и старался нзбѣжать революціи посредствомъ иеобходимыхъ реформъ, постольиу Алеисаидръ III былъ чуждъ поиимаиія нуждъ Россіи и безсознательио сѣялъ и возбуждалъ всѣ элементы революціонной стихіи, иоторая и взяла верхъ иадъ естественной мирной эволюціей страны. Вообще иельзя не признать, что гр. Витте не представлялъ изъ себя крупнаго государственнаго человѣка, въ противность его собственному мнѣиію. Оиъ былъ совершенно лишенъ широкихъ государственныхъ идей, что и обнаружилъ въ 1905-6 году во время первой революціи. Къ тому-же, въ иачествѣ министра фииансовъ, онъ стоялъ много ниже Бунге, будучи чуждъ высшихъ экономическихъ идей и знаній. Витте и иа посту миинстра, и иа посту предсѣдателя совѣта министровъ оставался только «дѣльцомъ», и ничего больше. Его льстивые отзывы

объ императорѣ Александрѣ III представляются не болѣе, какъ желаніемъ противопоставить его Николаю II-му, которому онъ курилъ бы такой-же ѳиміамъ, какъ и его отцу, если бы Николай не удалилъ его съ поста министра финансовъ, не лишилъ его затѣмъ портфеля премьера въ первомъ конституціонномъ министерствѣ и не отдалъ предпочтенія его врагу, Горемыкину. Императоръ Николай слишкомъ рѣзко обнаружилъ свое нерасположеніе къ Витте и обращался съ нимъ, очевидно, съ увѣренностью, что какъ бы его ни третировать, онъ не откажется отъ своего почетнаго положенія. Царь зналъ, что съ льстецами и придворной челядью можно не церемониться, и онъ не церемонился, доходя до грубости.

Не отъ царедворцевъ можно получить правдивую оцѣнку царей. Поэтому, я хочу закончить эту главу оцѣнкой Александра III художникомъ, свободнымъ въ своемъ творчествѣ.

Кто изъ видѣвшихъ не восхищался памятникомъ тому, кто на рубежѣ двухъ вѣковъ — XVII и XVIII-го

На берегахъ пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ....

Въ псевдо-классическихъ формахъ, чуждыхъ русскому духу и вкусу, Фальконетъ, подчиняясь только своему свободному творческому чутью, въ одномъ движеніи коня, послушномъ волѣ всадника, нашелъ все содержаніе думъ Петра, всю энергію его воли къ пробужденію своего полуварварскаго народа отъ многовѣкового сна и пріобщенію его къ европейской культурѣ и цивилизаціи.

Тутъ все побѣда духа и воли надъ матерьяльностью и застоемъ, красоты надъ искусственностью формы.

На рубежѣ XIX и XX вѣковъ русскій художникъ, повинуясь бѣдному реалистическому вкусу нашего времени, сумѣлъ, однако, силою своего творчества проникнуть въ душу отдаленнаго потомка и преемника наслѣдства Петра, и съ неменьшей силой увѣковѣчилъ образъ Александра III-го, подавляющій своей массивностью и неодухотворенностью. Тяжелой рукой онъ осаживаетъ своего такого-же массивнаго коня, отъ боли раскрывшаго свою пасть и остановленнаго натянутой уздой. Здѣсь порывъ къ жизни подавленъ физической силой, матерьяльность беретъ верхъ надъ свободнымъ духомъ, безобразіе замѣняетъ красоту.

Таковъ отвѣтъ данный намъ свободнымъ творчествомъ художниковъ.

ГЛАВА XIV.

Императоръ Николай II. — «Безсмысленныя мечтанія». — «Ходынка». — Неудачная попытка проникнуть въ московскую думу. — Неудавшаяся попытка основать съ Герценштейномъ и Іоллосомъ новую демократическую газету. — Покупка тверского имѣнія «Машукъ». —

Императоръ Александръ III-й скончался 20 октября 1894 г., передавъ престолъ своему старшему сыну и наслѣднику Николаю II-му, молодому человѣку 26 лѣтъ, воспитанному подъ ближайшимъ руководствомъ бывшаго профессора московскаго университета, К. П. Побѣдоносцева, пользовавшагося репутаціей очень умнаго и образованнаго человѣка, но безпощаднаго гонителя всего, что представлялось ему явнымъ или тайнымъ теченіемъ, соотвѣтствующимъ духу либеральныхъ ученій второй половины XIX-го вѣка. Побѣдоносцевъ, конечно, хорошо зналъ своего воспитанника и степень своего вліянія на новаго императора, слабость характера котораго не могла укрыться отъ его проницательности. Но Россія, даже наиболѣе образованное русское общество, не знали новаго царя и самодержца, который былъ для нея полной неизвѣстностью. Вскорѣ по вступленіи Николая II-го на престолъ, мы съ женой ѣхали изъ Москвы въ Крымъ и оказались въ одномъ вагонѣ съ графомъ В. А. Бобринскимъ, однимъ изъ сослуживцевъ новаго императора по гусарскому полку. Графъ раньше былъ знакомъ съ моей женой. Онъ оставилъ свой полкъ и превратился въ предсѣдателя Богородицкой, Тульской губ., уѣздной земской управы. Въ завязавшемся разговорѣ я обратился къ своему собесѣднику съ вопросомъ: что представляетъ изъ себя новый государь въ смыслѣ ума, образованія и характера? Подумавъ, гр. Бобринскій, повидимому, искренно отвѣтилъ, что по тѣмъ наблюденіямъ, которыя онъ могъ дѣлать, состоя на службѣ въ полку, теперешній государь, а тогдашній наслѣдникъ престола былъ очень хорошій товарищъ, отличавшійся привѣтливостью, скромностью и правдивостью; къ этому ничего больше прибавить онъ не можетъ, такъ какъ самыя рамки его наблюденій были очень ограничены. Изъ этого отвѣта можно было заключить, что, достигнувъ 25-ти лѣтняго возраста, наслѣдникъ престола не выдѣлялся изъ общаго офицерскаго состава ни умомъ, ни характеромъ, ни интересами, т. е. былъ не выше общества молодыхъ офицеровъ аристократическихъ полковъ гвардіи.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Витте характеризуетъ Николая II-го, какъ милаго и самаго благовоспитаннаго человѣка, какого онъ когда-либо встрѣчалъ. Но тотъ-же Витте, отмѣчая единственное положительное качество государя, — его необыкновенную благовоспитанность, — подъ этимъ, очевидно, разумѣетъ свѣтскость и умѣнье съ одинаковымъ успѣхомъ скрывать самыя низкія черты своего характера и недостатки своего ума и образованія, ибо въ тѣхъ-же «Воспоминаніяхъ» ав-

торъ говоритъ объ императорѣ съ величайшимъ презрѣніемъ и не находитъ достаточно рѣзкихъ выраженій относительно его лживости, двуличія, слабости характера и жестокости. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Витте приводитъ свидѣтельство бывшаго въ моментъ вступленія Николая II-го на престолъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, отвѣтившаго на чрезмѣрныя похвалы благовоспитанности новаго императора: «Ошибаетесь Вы, Сергѣй Юльевичъ, вспомните меня, — это будетъ нѣчто въ родѣ копіи Павла Петровича, но въ настоящей современности» (Восп. ч. I, стр. 8). — Но какъ бы ни судили люди близкіе ко двору, для Россіи новый императоръ былъ незнакомцемъ въ такой же мѣрѣ, въ какой ему самому была невѣдома страна, которою онъ былъ призванъ управлять. По обычаю, члены царской фамиліи, и въ томъ числѣ наслѣдники престола, получали образованіе, не смѣшиваясь съ населеніемъ; они не проходили ни среднихъ, ни высшихъ учебныхъ заведеній и получали «домашнее» воспитаніе, которое заканчивалось въ казармахъ привилегированныхъ гвардейскихъ полковъ, гдѣ они пріобрѣтали не знакомство съ своей страной, а привычки, духъ и характеръ привилегированнаго военнаго сословія. Конечно, наслѣдники престола получали большее образованіе, слушали лекціи наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ по опредѣленной программѣ, утвержденной царствующимъ императоромъ. Однако, воспитатель будущаго преобразователя Россіи, упразднившаго крѣпостное право, В. А. Жуковскій, жалуется въ своихъ мемуарахъ, что не могъ добиться простого вниманія къ своимъ лекціямъ отъ своего воспитанника, валявшагося во время его лекцій на диванѣ и думавшаго совсѣмъ не о томъ, что преподавалъ ему бѣдный поэтъ-воспитатель.

Въ составъ воспитанія наслѣдника престола входило спеціальное путешествіе для ознакомленія со своей страной и ея бытомъ. Извѣстно, что путешествіе Александра Николаевича, наслѣдника Николая I-го, въ сопровожденіи Жуковскаго и другихъ лицъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ увольненіе губернатора Тюфяева, облегченіе положенія ссыльнаго Герцена и проч. Во всякомъ случаѣ, Александръ Николаевичъ увидѣлъ часть Россіи, въ которую рѣдко заглядывали русскіе самодержцы. Но трудно объяснить первое путешествіе Николая II-го, въ бытность его наслѣдникомъ престола, — морскую прогулку на Востокъ, въ Индію и Японію, окончившуюся весьма плачевно въ Японіи, гдѣ какой-то фанатикъ-полицейскій ударилъ гостя своей страны саблей по головѣ, къ счастью защищенной войлочной каской, спасшей жизнь будущаго русскаго императора. Казалось бы, что прежде, чѣмъ показать наслѣднику престола красоты Индіи и вообще восточныхъ странъ, чуждыхъ европейской цивилизаціи, слѣдовало бы ознакомить его съ Россіей, съ ея народами, съ состояніемъ ея культуры, ея бытомъ и ея нуждами, т. е. со всѣмъ тѣмъ, что впослѣдствіи ему придется узнавать отъ губернаторовъ, отъ современныхъ Тюфяевыхъ, отъ министровъ и далеко не всегда въ краскахъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Быть можетъ,

въ такомъ случаѣ, онъ не началъ бы своего царствованія такой нелѣпой выходкой, какую онъ совершилъ на первомъ своемъ пріемѣ депутацій дворянства, земства и городовъ, явнвшихся съ поздравленіемъ со вступленіемъ на престолъ.

Тверское губернское земское собраніе въ 1894 году открыло свои засѣданія въ обычное время, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и въ порядкѣ дня первое мѣсто занималъ вопросъ о выраженіи вѣрноподданическнхъ чувствъ воцаривщемусп монарху и поднесеніи ему адреса особой депутаціей. Надо прнзнать, что по этому вопросу черта, раздѣлявшая собраніе на двѣ частн, перемѣщалась въ пользу «правой» части, такъ какъ значительное большнство желало не только за страхъ, но и за совѣсть выразнть молодому государю свои лояльныя и монархическія чувства. Начало новаго царствованія не у всѣхъ сторонниковъ адреса вызывало однчаковыя чувства. «Правые» опасались измѣненія дворянской политики Александра III-го и уклоненія ея въ сторону либерализма; «лѣвые» опасалнсь адреса въ редакціи «правой» группы и счнтали необходимымъ выразить надежду на возстановленіе нѣкоторыхъ реформъ въ смыслѣ возвращенія Земскаго Положенія къ Положенію 1864-го года н возстановленія учрежденія мнровыхъ судей. Обѣ стороны видѣлн что обычное раздѣленіе группъ нарушено, но ни та, нн другая не моглн опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно разсчнтывать на голоса за то или другое мнѣніе.

Въ виду такой путаницы нѣсколько гласныхъ лѣвой группы: А. А. Бакунинъ, А. А. Головачевъ, оба брата Корсаковы, Ѳ. И. Родичевъ и нѣсколько другихъ, въ числѣ которыхъ и я съ братомъ Михаиломъ Ильичемъ, собралнсь въ квартирѣ послѣдняго, чтобы выработать проектъ адреса, при этомъ имѣя въ виду, что нашн личныя мнѣнія не будутъ приняты собраніемъ и что это можетъ повести къ принятію адреса «правыхъ»; что послѣдній ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ и что поэтому необходимо привлечь на нашу сторону гласныхъ, принадлежащнхъ къ центру, и составить адресъ въ выраженіяхъ пріемлемыхъ для значительнаго большинства. Послѣ этого всѣ присутствовавшіе нзложили свои мнѣнія и поручнли Ѳ. И. Родичеву редактировать адресъ. Вмѣстѣ съ этимъ, было рѣшено предложить въ составъ трехчленной депутаціи къ царю, — А. А. Головачева, Ѳ. И. Родичева и осташковскаго уѣзднаго предводителя Уткнна, человѣка, отъ котораго нельзя было ожидать какой-ибудь выходки въ дворянскомъ вкусѣ.

На слѣдующій день, послѣ довольно горячихъ преній, нашъ адресъ былъ подписанъ, если не ошибаюсь, 34-мя или 35-ью гласными, составлявшнми большннство, т. е. формально былъ принятъ собраніемъ, хотя значительное меньшинство собранія отказалось его подписать и не принимало участія въ выборѣ депутаціи. Весьма сожалѣю, что у меня подъ рукамн нѣтъ текста этого чрезвычайно скромнаго адреса, въ которомъ поставлено было намъ въ вину (впрочемъ не формальио, нбо вина не была названа, но по слухамъ) два мѣста: во-первыхъ, гдѣ государь былъ

названъ первымъ слугою государства нлн народа, не помню; а во-вторыхъ, гдѣ говорилось о средостѣніи, отдѣляющемъ государя отъ народа.

Прежде чѣмъ депутація выѣхала въ Петербургъ, было получено извѣстіе отъ миннстра внутреннихъ дѣлъ, Дурново, что ни Родичевъ, ни Головачевъ не будутъ допущены къ участью въ депутацін н что будетъ прннятъ только предводитель дворянства, Уткннъ.

Какъ извѣстно, пріемъ всѣхъ депутацій состоялся 17-го январп 1895 года въ Знмнемъ дворцѣ. Молодой государь, только что вступившій на престолъ, имѣлъ въ своей фуражкѣ, которую держалъ въ рукѣ, записку, еслн не продиктованную ему его менторомъ, извѣстнымъ профессоромъ и оберъ-прокуроромъ Синода, Побѣдоносцевымъ, то нмъ внушенную, съ рѣчью такого содержанія: «Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшнхся для заявленія вѣрноподданическнхъ чувствъ. Вѣрю нскренности этихъ чувствъ, нскони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ нзвѣстно, что въ недавнее время слышались въ нѣкоторыхъ земскнхъ собраніяхъ голоса людей, увлекающнхся безсмысленными мечтаніями, объ участіи представнтелей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный, покойный родитель».

Изъ этой рѣчи можно видѣть, что все ея краткое содержаніе было, въ сущности, отвѣтомъ на тверской адресъ и предупрежденіемъ всѣмъ другимъ, чтобы они не якшались съ тверякамн. Одинокій нашъ депутатъ встрѣтилъ весьма недружелюбное отношеніе къ себѣ другнхъ депутацій и такъ былъ взволнованъ, что, поднося хлѣбъ-соль, уроннлъ ихъ и поднесъ пустое деревянное блюдо. За то всѣ другія депутацін, желая показать свои вѣрноподданическія чувства, не только отвѣчалн на рѣчь царя крнками ура, но многія отправнлнсь изъ дворца въ Казанскій соборъ, чтобы торжественно отслужить молебенъ о здравіи самодержца.

Что же касается «безсмысленныхъ мечтаній», то онн не были забыты. Ѳ. И. Родичевъ, какъ редакторъ адреса, (откуда это было извѣстно, — не отъ Штюрмера-ли, тверского дворянина, чутьемъ угадавшаго?) по высочайшему повелѣнію, былъ лишенъ права участія въ какнхъ лнбо общественныхъ собраніяхъ, земскихъ нлн сословныхъ. Всѣмъ же остальнымъ подписавшимъ былъ объявленъ высочайшій выговоръ.

Такъ показательно началось новое царствованіе, нсторія котораго не имѣетъ нн одной свѣтлой страницы. Все, къ чему прикасалась рука этого человѣка, не знало удачи и носило печать эгоизма, неискренности, обмана, жестокости и равнодушія къ судьбамъ Россін.

Всѣ европейскія монархіи придавалн особую пышность празднованію коронацій своихъ королей. Празднованіе коронацій въ Россіи не уступало ни богатствомъ, ни своимъ велнколѣпіемъ западнымъ старымъ монархіямъ велнкнхъ державъ. Но едва лн нмъ удавалось уст-

раивать такія жертвопрнношенія на этикъ празднествакъ, какія были прннесены во время коронацін Николая II, которыя сокраннлись въ народной памятн подъ упрощеннымъ именемъ «Ходынкн». Во время коронацін императора Александра III-го я пребывалъ подъ надзоромъ полнціи въ Смоленскѣ н могъ наблюдать коронаціонныя торжества въ провинцін, гдѣ администрація объявила по губернін трекдневную всеобщую забастовку, уволнвъ рабочнкъ отъ работъ н разославъ по частнымъ нмѣніямъ распоряженіе, воспрещавшее во время празднествъ какую лнбо работу, не исключая доенія коровъ. По полученін такого распоряженія, нзвѣстный сельскій козяинъ, профессоръ н публицистъ, Александръ Николаевнчъ Энгельгардтъ, проживавшій въ своемъ смоленскомъ нмѣніи, обратился къ губернатору съ телеграммой, прося отмѣннть такое распоряженіе, прннявъ во вннманіе, что иначе его большое стадо будетъ совершенно испорчено. Не получнвъ отвѣта, онъ послалъ въ Смоленскъ свою дочь, которая должна была убѣднть губернатора, что полиція очевидно превыснла свои полномочія, благодаря чему весь его скотъ будетъ прннесенъ въ жертву празднованію коронацін. Не помню, чѣмъ кончилось это жертвоприношеніе монаркнческому порядку, но очевидно это былъ плодъ не по разуму патріотнческаго усердія.

Коронація Нниколая II-го происходила въ маѣ 1896 года, когда мы жилн въ Москвѣ, но оставаться въ ней мы съ женой не котѣли, нбо по опыту знали, что такія торжества н празднества сопровождаются весьма непріятнымн столкновеніямн съ админнстраціей н полнціей, предпрннмавшнмн походъ противъ всѣхъ неблагонадежныкъ, по ея мнѣнію, жнтелей. Задолго до начала празднествъ начнналась «чнстка» города, т. е. высылка нежелательныхъ людей, нерѣдко сопровождавшаяся ннтернированіемъ въ опредѣленномъ, болѣе или менѣе отдаленномъ мѣстѣ. А я былъ достаточно скомпрометтнрованъ въ мнѣнін полнціи н давно состоялъ въ ея спнскакъ то подъ явнымъ, то подъ тайнымъ ея надзоромъ. Нашн соображенія не былн пустымн; прежде чѣмъ мы выѣкалн нзъ Москвы, ко мнѣ зашелъ очень встревоженный и разстроенный С. Н. Булгаковъ, н разсказалъ, что его блнзкой знакомой, очень молодой барышнѣ, Еленѣ Ивановнѣ Токмаковой, только что предъявлено полнціей требованіе выѣхать въ Вологду. С. Н. Булгаковъ клопоталъ объ отмѣнѣ этого распоряженія, но безполезно. Надо замѣтнть, что Елена Ивановна Токмакова жнла въ Москвѣ не одна, а въ своей семьѣ, съ отцемъ, матерью, сестрамн н братьями. Это была богатая семья, переселившаяся изъ Сибнрн въ Москву ради воспитанія дѣтей, семья крѣпко связанная н пользующаяся уваженіемъ всѣкъ знавшнхъ ее. Естественно, что высылка старшей дочерн, впослѣдствіи ставшей женой С. Н. Булгакова, всполошнла не одного его своей безпрнчнниностью. Этотъ случай былъ не еднственный, н списокъ «нежелательныкъ» былъ конечно не малъ: это былъ для полнцін случай проявнть усердіе н показать, что полнцейское вннманіе не дремлетъ. Ждать своей очере-

ди мы ие пожелали и отправились въ Крымъ къ нашему иензмѣиному другу Павлу Александровичу Бакунину, въ его уедииеиную «Горную Щель», въ которую онъ переѣхалъ на жительство въ коицѣ 1895 года изъ Чукурлара.

Туда дошло до насъ извѣстіе о «Ходынкѣ», о иародномъ праздникѣ, устроенномъ такъ умѣло, что умудрились ие въ тѣсномъ зданіи, а среди широкаго Ходынскаго поля задавить, по ходившимъ тогда слухамъ, болѣе четырехъ тысячъ людей! Возможно, что слухи преувеличнли размѣры катастрофы, ио во всякомъ случаѣ, сколько бы ни уменьшать эту цнфру, сущность факта все та же. Картина давки, которая произошла отъ полной нераспорядительности какъ устроителей празднпка — чиновъ миинстерства двора, такъ и полиціи, иа которой лежала организація охраиы порядка, была конечио ужасна, и никакое воображеніе не можетъ дать представлеиія о томъ, что было въ дѣйствнтельностн. Вся Россія въ полномъ смыслѣ ахнула н почувствовала глубокое иегодованіе, когда узнала, что страшная катастрофа не остановила ни празднествъ на Ходынкѣ, гдѣ лежали горы труповъ, свалеиныхъ въ кучн и прикрытыхъ кое-какъ отъ взоровъ пирующихъ, ни бала у французскаго посла, на которомъ танцовали царь, царица, весь дворъ, всѣ съѣхавшіеся иностранцы въ тотъ самый день, когда столько слезъ было пролито въ Москвѣ. . .

Съ того времени прошло уже четверть вѣка, но и теперь, читая страиицы, посвященныя этой катастрофѣ въ «Воспоминаніяхъ» гр. Витте, переживаешь это полузабытое прошлое съ иемеиьшимъ иегодованіемъ. Витте увѣряетъ, что всѣ факты этой катастрофы точно установлеиы министромъ юстиціи того времеии Н. В. Муравьевымъ, производившимъ слѣдствіе по высочайшему повелѣнію; не устаиовлена только отвѣтственность главиыхъ лицъ, иа которыхъ она естествеино падала и безъ слѣдствія: иа миинстра двора, графа Воронцова-Дашкова, и московскаго генералъ-губернатора, в. к. Сергѣя Александровичв. Министръ юстицін, генералъ-прокуроръ, представитель правосудія, не смѣлъ прикосиуться къ обоимъ; за однимъ стояла императрица-мать, за другимъ, — императрнца-жена.

«Несмотря на то, что рѣшеио было случнвшуюся ужасиую катастрофу какъ бы не признавать, съ иею ие считвться, пишетъ Витте въ своихъ «Воспоминаиіяхъ», тѣмъ ие менѣе, весьма сстествеиио, катастрофа эта вызвала совершенно особое иастроеніе во всей Москвѣ, и, по обыкновеиію, породила наверху борьбу придворныхъ партій и цѣлую массу интригъ». Стали искать лицо, иа которое можио было въ виду его незначительиости возложить отвѣтственность, и указали иа оберъполнціймейстера полковиика Власовскаго, распутнаго иегодяя, съ лицомъ, по словамъ Витте, «держиморды». Оправдаиія Власовскаго былн признаны заслуживающими уваженія, и хотя онъ былъ уволеиъ отъ службы, ио во вниманіе къ его заслугамъ ему было выдаио «пособіе» въ 200 тысячъ рублей». Но «въ Москвѣ разсквзывали, что когда проис-

ходила на Ходынкѣ катастрофа, дали немедленно знать великому князю, какъ генералъ-губернатору Москвы, но въ это время онъ былъ занятъ фотографированіемъ офицерской группы преображенскаго полка, которымъ онъ раньше командовалъ; ему было въ ту минуту не до «хамовъ», которые, конечно, сами себя душили, чтобы воспользоваться царской милостью»...

Таковы были первые шаги начинающагося царствованія послѣдняго русскаго императора Романовской, или говоря точнѣе, Голштинской династіи, полоумный основатель которой, Петръ III, процарствовавъ всего шесть мѣсяцевъ, былъ убитъ, чтобы открыть дорогу къ трону своей женѣ, принцессѣ ангальтъ-цербстской, не имѣвшей никакихъ родственныхъ связей съ Россіей. По остроумному замѣчанію моего друга, Ѳ. И. Родичева, русско-голштинская династія имѣла одну странную особенность: ея основатель былъ убитъ его преемницей Екатериной, послѣ 35 лѣтняго царствованія умершей естественной смертью. Ея законный наслѣдникъ Павелъ былъ убитъ. Его наслѣдникъ и преемникъ Александръ I-ый, вступивъ на престолъ послѣ катастрофы, умеръ естественной смертью. Его преемникъ, Николай I-й, вступилъ на престолъ, минуя брата-наслѣдника, послѣ возстанія декабристовъ. Александръ II, принявшій престолъ послѣ естественной кончины отца, былъ убитъ взрывомъ бомбы, брошенной террористами. Александръ III-й, принявшій престолъ послѣ катастрофы, умеръ естественной смертью, оставивъ своему наслѣднику, Николаю II-му, тронъ, которому грозила катастрофа, и Ѳ. И. Родичевъ уже въ дни коронаціонныхъ торжествъ предсказывалъ катастрофическій конецъ новому царствованію.

Остроумное заключеніе Ѳ. И. Родичева ничего не прибавляетъ къ исторической смѣнѣ царствованій въ Россіи, начиная со второй половины XVIII-го столѣтія. Онъ подмѣтилъ въ этой смѣнѣ нерушимую періодичность и пришелъ къ заключенію, что царствованіе Николая II-го закончится катастрофой. Мы смѣялись надъ этимъ предсказаніемъ, но затѣмъ съ каждымъ годомъ все болѣе убѣждались, что катастрофа неизбѣжна, хотя, кажется, никто не предвидѣлъ ея размѣровъ даже въ тотъ моментъ, когда императоръ подписалъ актъ отреченія, послѣ чего государственная власть такъ скоро попала въ руки шайки авантюристовъ, соединившей въ себѣ утопистовъ по теоріи и бандитовъ по дѣйствіямъ.

* *
*

Когда я проживалъ въ Москвѣ, мнѣ не разъ приходила мысль проникнуть въ городское управленіе Москвы, имѣвшее много данныхъ для того, чтобы занять руководящее мѣсто въ политическомъ движеніи. Москва составляетъ настоящій центръ не государственной власти, а народной души. Не смотря на свою большую культурность, Петербургъ все же остается городомъ чиновничества, налагающаго свою печать на

всѣ стороны жизни, придающую ему въ нѣкоторой степеин международный характеръ. Москва гораздо болѣе мужицкій городъ, сохраняющій свой колорнтъ во всемъ, и уже по этому одному въ провинціи она пользуется гораздо большими симпатіями.

Мысль проннкнуть въ городскую думу тѣмъ болѣе стаиовилась настойчнвой, что я, хотя уже приннмалъ участіе въ земской дѣятельности въ Тверской губерніи, но чувствовалъ себя тамъ гостемъ, а не хозяиномъ по той простой причинѣ, что мы жилн внѣ Тверской губерніи н не имѣли тамъ своего собствениаго гнѣзда, которое создаетъ свои интересы, свою психологію, свои отношенія къ окружающему, свои связн и взаимоотношенія. Тверь предоставляла мнѣ права, но не могла дать реальныхъ условій и отношеній въ мѣстномъ обществѣ. Въ Москвѣ положеніе было обратное; я жилъ въ Москвѣ, ио она не предоставляла мнѣ иикакихъ правъ: я не торговалъ, не имѣлъ промысла, не имѣлъ и никакой собственности, т. е. ничего, что давало бы мнѣ нзбирательиое право при выборѣ въ муннципальное управленіе.

Однако, весною 1895 года обстоятельства сложились такъ, что намъ представлялась возможиость купнть въ Москвѣ небольшой особнякъ въ Пречистенской части, въ Мертвомъ переулкѣ, и такимъ образомъ получнть нзбирательиое право, подъ условіемъ владѣть этимъ недвнжимымъ имуществомъ не менѣе одного года до составленія избирательныхъ списковъ въ 1896 году, когда должно было произойтн обиовленіе муниципалитета. Я своевременно былъ занесенъ въ избирательный списокъ, а затѣмъ и въ кандидатскій списокъ либеральной группы интеллигенціи.

Нашъ избирательный округъ имѣлъ наиболѣе миогочисленную группу интеллигентныхъ избирателей Арбатской и Пречистенской части; ио къ нему присоединилн Хамовнническую часть съ огромнымъ числомъ избнрателей торговаго и мелкопромышленнаго классовъ. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ нашего округа оказалось предмѣстье Дорогомилово, состоявшее нзъ элементовъ тѣсно связанныхъ своими матеріальными интересами не съ интеллигенціей, а съ заправилами городского управленія, награждающими ихъ поставкамн и подрядами. Лично я имѣлъ въ Москвѣ слишкомъ мало связей, чтобы разсчнтывать на избраніе. Я убѣдился въ этомъ, побывавъ раза два на избирательныхъ сходкахъ у д-ра Михайлова, вліятельнаго въ своемъ кругу, однако недостаточио обшнрномъ, чтобы оказать вліяніе на мое избраніе. По свѣдѣніямъ же, которыя шли съ разныхъ сторонъ, мы знали, что въ Дорогомиловѣ идетъ усиленная агитація въ пользу прежняго состава думы и управы, обѣщавшей Дорогомиловскнмъ подрядчикамъ и поставщнкамъ всевозможныя выгоды. Какъ бы то ии было, на выборахъ я получилъ менѣе половины голосовъ н могъ себя утѣшать тѣмъ, что все же въ мою пользу было подано больше голосовъ, чѣмъ я могъ ожидать. Къ сожалѣнію, не могу вспомнить число голосовъ, поданныхъ за и противъ; баллотировка производилась шарамн; голоса счнталнсь

только избирательные, а неизбирательные определялись вычетомъ изъ общаго числа явившихся къ выборамъ избирателей. Побѣда досталась Дорогомилову, т. е. той толпѣ, частью своекорыстной, но еще болѣе невѣжественной, которой играли, какъ на биржѣ, стародумцы, люди опытные, не желавшіе утратить свою власть въ городѣ. Москва не разъ пыталась вентилировать свой муниципалитетъ, избирая своихъ головъ изъ числа наиболѣе просвѣщенныхъ гражданъ, въ надеждѣ, что они своимъ вліяніемъ внесутъ въ управленіе города пріемы болѣе культурные. Однако, на этомъ пути городъ встрѣчалъ въ правительствѣ не всегда сочувствіе. Послѣ изданія новвго «Городового Положенія», Москва выбрала своимъ городскимъ головою кн. Щербатова, пользовавшагося репутаціей независимаго и либеральнаго человѣка, а впослѣдствіи Б. Н. Чичерина. Во время коронаціи императора Александра III-го, 28 мая 1883 г. на собраніи городскихъ головъ Чичеринъ произнесъ рѣчь, послѣ которой былъ вынужденъ подать въ отставку. Очевидно, какъ только представитель столицы пытался связать ея интересы съ интересами страны и поднимался выше элементарныхъ городскихъ нуждъ, онъ встрѣчалъ противодѣйствіе правительства и не находилъ поддержки въ городѣ, который въ лицѣ своего муниципалитета оствался равнодушнымъ къ ампутаціи его головы; его мысль не поднималась еще до интересовъ національныхъ, общественныхъ и политическихъ. Нв смѣну своихъ донъ-Кихотовъ онъ выдвинулъ Алексѣева, настоящаго замоскворѣцкаго Китъ Китыча, властнаго самодура, до тонкости поинмавшаго нутряныя мысли и чувства своей братіи и потрафлявшаго ей со всей грубостью человѣка, состоящаго «при большомъ капиталѣ». Смѣлость и рѣшительность его самодурства создали ему множество сторонниковъ, признавшихъ за нимъ энергію, «пониманіе дѣла» и умъ. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при спорахъ о его достоинствахъ, какъ московскаго городского головы, причемъ за него раздавалось немало голосовъ среди интеллигенціи, признававшихъ, что это «человѣкъ дѣла». Споры эти прекратились лишь послѣ того, какъ квкой-то душевно-больной пришелъ въ городскую думу на пріемъ головы и вмѣсто всякаго объясненія убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Надо призиать, что этотъ душевно-больной убилъ не только Алексѣева, ио и типъ Китъ Китыча, такъ какъ природа не часто собираетъ въ одномъ лицѣ столько положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ ума и характера. Тѣмъ не менѣе, уже одинъ фактъ, что Алексѣевъ находилъ столько поклонниковъ ие только въ своемъ купеческомъ кругѣ, но и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ, заставлялъ думать, что въ самомъ важномъ центрѣ русской общественности, какимъ, несомнѣнно, была Москва, духъ общественности и политической мысли, за исключеніемъ небольшого круга лицъ, стоялъ еще на довольно низкомъ уровнѣ. Не смотри на то, что въ Москвѣ издавалась такая превосходная газета, какъ «Русскія Вѣдомости», или «Профессорская газета», какъ ее называли, которая пользовалась вполнѣ заслуженнымъ

авторитетомъ, она имѣла только тѣсный кругъ читателей, составлявшихъ самый верхній слой образованности и культуры. Мнѣ казалось, что требовалась газета болѣе популярная, которая могла бы захватить болѣе широкій слой, либо вовсе не читающій газетъ, либо читающій газеты, какъ у насъ ихъ называютъ, бульварныя, неразборчивыя въ томъ, что онѣ даютъ своимъ читателямъ, предоставляя имъ самимъ и ихъ вкусамъ разбираться, что идетъ къ дѣлу и что бьетъ на сенсацію, которую обыкновенный читатель не отличаетъ отъ истины и даже отдаетъ предпочтеніе первой. Мнѣ казалось возможнымъ и необходимымъ создать газету, которая привлекала бы къ себѣ читателя, ищущаго правды, но не умѣющаго ее найти и разобраться самостоятельно въ хаосѣ преподносимыхъ ему извѣстій и сужденій.

Всѣ эти соображенія я сообщилъ Михаилу Яковлевичу Герценштейну, съ которымъ познакомился въ 1890 году и очень скоро сблизился. Михаилъ Яковлевичъ принималъ большое участіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ качествѣ сотрудника по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, помѣщая въ нихъ свои превосходныя статьи, всегда отличавшіяся прозрачной ясностью и глубиною знанія. Хотя онъ не былъ уроженцемъ Москвы и образованіе свое получилъ въ одесскомъ университетѣ, но поселившись въ Москвѣ послѣ окончанія университета, онъ ознакомился съ нею сверху до низу, пользуясь своимъ необычнымъ даромъ наблюдательности и проницательности, открывавшимъ ему многое, что скрыто отъ поверхностнаго наблюденія. Его очень заинтересовала моя мысль о газетѣ и мы много разъ обсуждали ее съ разныхъ сторонъ, — и въ Москвѣ, когда я заходилъ къ нему, въ его маленькомъ особнячкѣ въ Гранатномъ переулкѣ и въ Симушкахъ, на его подмосковной дачѣ, расположенной въ четырехъ верстахъ отъ Троицко-Сергіевской Лавры, на линіи Ярославской жел. дороги. Герценштейнъ привлекъ къ обсужденію вопроса о газетѣ своего ближайшаго друга, Григорія Борисовича Іоллоса, также извѣстнаго сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей», жившаго постоянно въ Берлинѣ и писавшаго оттуда свои образцовыя корреспонденціи, и такъ же, какъ Герценштейнъ, послѣ разгона первой Госуд. Думы трагически погибшаго отъ руки убійцы. Іоллосъ, въ свою очередь, очень заинтересовался моимъ проектомъ, даже пріѣхалъ изъ Берлина въ Москву и все это предпріятіе было вновь пересмотрѣно до мелочей. Іоллосъ взялъ на себя хлопоты о полученіи разрѣшенія на изданіе газеты и отправился для этого въ Петербургъ. Концессіонная система въ газетномъ издательствѣ была одной изъ типичныхъ чертъ самодержавно-бюрократической системы государственнаго управленія. Прежде всего, это была система взяточничества, проходившая черезъ всѣ ступени власти, сосредоточенной въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ. Полиція могла удостовѣрить, или отказать въ удостовѣреніи вашей благонадежности. Губернаторъ могъ признать, что «населеніе его губерніи» не нуждается въ печатномъ органѣ, имѣя его въ губернскихъ вѣдомостяхъ, или что онъ ничего не имѣетъ про-

тивъ новой газеты, издаваемой такимъ-то, вполнѣ благонадежнымъ человѣкомъ. Главное цензурное управленіе могло руководствоваться всевозможными «высшими интересами» государства и степенью пользы или опасности, связанныхъ съ появленіемъ новаго органа печати. Никто не спѣшилъ съ разрѣшеніемъ такихъ сложныхъ вопросовъ и дѣло могло тянуться безконечное время или разрѣшиться очень быстро, глядя по человѣку. Нѣкоторые умѣлые люди имѣли въ запасѣ не одну концессію и продавали ихъ, но и переходъ концессіи при продажѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія не былъ свободенъ надо было начинать все съ самаго начала, оплачивая каждую ступеньку, по которой надо было подняться до самаго верха бюрократической лѣстницы. Бѣдный Григорій Борисовичъ обилъ всѣ пороги, подавалъ прошенія, лично обращался куда слѣдуетъ, разсчитывая на свою литературную репутацію талантливаго журналиста, но онъ былъ еврей, мое же соучастіе не только не помогало, но о немъ нельзя было упоминать, такъ какъ моя репутація въ глазахъ правительства имѣла отрицательный характеръ. Какъ и слѣдовало ожидать, мы не могли преодолѣть систему, еще крѣпко державшуюся и побѣжденную лишь «буржуазной» революціей, но въ небывалыхъ и ранѣе размѣрахъ воскрешенную революціей пролетарской, уничтожившей всю свободную печать и признавшей печатное слово неотъемлемой монополіей государственной власти.

Долженъ сознаться, что эта неудача очень огорчила меня. Изданіе газеты въ Москвѣ представляло возможность сгруппировать очень значительныя политическія силы, вліяніе которыхъ могло распространиться не только на мѣстныя городскія или земскія дѣла, но и завладѣть болѣе широкимъ кругомъ, включая и государственныя сферы. Неудача разрушала всѣ эти планы и обрекала меня на бездѣйствіе, которое для меня было нестерпимо.

Случайное обстоятельство помогло мнѣ выйти изъ этого положенія не только раньше, чѣмъ можно было ожидать, но и лучше всякихъ ожиданій.

Нѣкто г. Тепляковъ обратился черезъ моего брата къ намъ съ предложеніемъ купить его имѣніе въ Новоторжскомъ уѣздѣ, «Машукъ», въ которомъ въ 1890 году мы провели лѣто и которое, благодаря этому, мы знали. Несмотря на его полуразвалившійся домъ, «Машукъ», старинная усадьба Львовыхъ, намъ и тогда уже очень нравился своимъ мѣстоположеніемъ на высокомъ правомъ берегу рѣки Тверцы. Въ былое время, до проведенія Николаевской жел. дор., по рѣкѣ тянулись караваны барокъ и по Вышневолоцкой системѣ перевозили грузы съ Волги въ Петербургъ. Теперь этотъ путь заброшенъ и лишь изрѣдка проходятъ барки, да еще рѣже пробѣжитъ маленькій пароходъ министерства путей сообщенія, поддерживая никому ненужный обрядъ осмотра рѣки, такъ какъ вышневолоцкіе шлюзы были разрушены и судоходство зависѣло теперь исключительно отъ милости Божьей, ниспосылающей дожди, отъ которыхъ поднимается уровень воды. Усадь-

бв «Машука» окружеиа старымъ запущеннымъ паркомъ и лѣсомъ и въ общемъ имѣетъ нѣсколько задумчивый, меланколическій и чрезвычайно симпатичиый характеръ. Уже въ 1890 году мы воскищались дачей, н потому съ восторгомъ согласились купить это нмѣніе, тѣмъ болѣе, что въ пяти верстакъ отъ «Машука» находилась дача моего брата въ с. Константиновѣ, также на Тверцѣ, ниже «Машука». Въ дореформенное время это была стариниая усадьба Казиаковыхъ, такъ же развалившаяся, какъ и усадьба въ «Машукѣ», и сокранившая старый садъ и нѣсколько полуразрушенныкъ службъ, очеиь удачно использованныкъ братомъ и приспособленныкъ для иовыкъ своикъ жильцовъ. Квждое лѣто семья брата проводила въ этой дачѣ, получнвшей очеиь привѣтливый видъ.

Но для иасъ пріобрѣтеніе Машука имѣло совершенио особенное зиачеиіе. Цеизъ, раиьше предоставлявшій мнѣ формальиое право участія въ земствѣ Тверской губерніи, всеже не могъ придать моему участію того виутреиняго содержанія, которое вытекаетъ изъ иепосредствеииыхъ отиошеиій къ населенію. Располагая только формальнымъ цеизомъ, я оставался, въ сущиости, только адвокатомъ населеиія, представителемъ не общикъ и а ш и х ъ иитересовъ, а интересовъ моикъ довѣрителей, тѣсно связаииыкъ съ мѣстиыми условіями. Для того, чтобы имѣть право говорить за н а ш н о б щ і е мѣстиые интересы, я долженъ былъ получить право говорнть отъ собствеинаго своего имени, для чего, по меиьшей мѣрѣ, миѣ надо было жить въ даиномъ мѣстѣ, такъ какъ самое пребываиіе уже создаетъ общность территоріальныхъ интересовъ, не только матеріальныкъ, но и дуковныкъ. Покупка «Машука» и иашъ переѣздъ туда на жительство снова объединили меня съ деревией, съ народиой массой. Это не фраза. Все мое дѣтство прошло въ деревнѣ, среди тяжелыкъ впечатлѣній крѣпостного права; школа не оторвала меня отъ деревни и не дала новыкъ впечатлѣній городской жизни, такъ какъ я былъ помѣщеиъ въ закрытое учебное заведеніе и каждые каннкулы возвращался домой въ деревню. Накоиецъ, всѣ молодые годы моей самостоятельной жизни, вплоть до ссылки, я прожилъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ народомъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и исполняя обязаиности мирового судьи и земскаго гласнаго. Но я не могъ разсчнтывать на скорое возвращеиіе къ себѣ на родиму, въ свое черниговское имѣніе, откуда я былъ двукрвтно высланъ: сиачала петербургскимъ правительствомъ, а потомъ, когда срокъ ссылки окончился и я вернулся домой, былъ вторично высланъ кіевскимъ генералъ-губериаторомъ, какъ только меня снова избрали въ земскіе гласиые, — и былъ выслаиъ безъ срока. — Я не могъ разсчитывать, что политическій порядокъ скоро измѣнится. Чтобы вернуться къ земскому дѣлу, надо было устраиваться не на Украйнѣ, путь къ которой мнѣ былъ закрытъ, а въ другомъ мѣстѣ; въ Твери у меня былъ братъ и близкіе друзья, такъ что предложеніе Теплякова было болѣе чѣмъ кстати. Къ тому же въ городѣ я всегда чувствовалъ себя «въ гостякъ» и го-

родская психологія представлялась мнѣ всегда лежащей въ нѣсколько иной плоскости, чѣмъ психологія деревни. По существу, я всегда принадлежалъ къ деревенщинѣ, чувства, привычки и вкусы которой мнѣ были и родственнѣе и понятнѣе чувствъ, привычекъ и вкусовъ «пролетаріата», всегда составляющаго городское большинство.

Предложеніе Теплякова отвѣчало всѣмъ нашимъ желаніямъ, и мы были озабочены лишь тѣмъ, чтобы поскорѣе совершить купчую крѣпость и переѣхать въ Машукъ. Однако, осмотръ имѣнія показалъ, что для приведенія дома и службъ въ состояніе обитаемости потребуется громадный ремонтъ. Старый деревянный домъ оказался полусгнившимъ, съ провалившимися полами и печами, съ оконными рамами и дверьми поломанными и безъ задвижекъ и замковъ, съ обрушившимися балконами, вообще въ такомъ состояніи, что поселиться въ немъ раньше осени слѣдующаго года не было никакой возможности. Службы просто отсутствовали, такъ что сѣно мы нашли сложеннымъ въ домѣ.

Несмотря на все это, мы не были обезкуражены и рѣшили остаться въ Москвѣ на зиму, приступить съ ранней весны къ ремонту дома и сооруженію необходимыхъ построекъ, а къ осени 1897 года переселиться въ Машукъ, московскій же домъ продать.

Послѣдняя зима нашего пребыванія въ Москвѣ была занята главнымъ образомъ подготовкой переселенія въ деревню. Съ приближеніемъ весны я нѣсколько разъ вынужденъ былъ ѣздить въ Торжокъ для найма разныхъ рабочихъ: каменьщиковъ, плотниковъ, столяровъ, печниковъ и проч., что не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ все мужеское населеніе Новоторжскаго уѣзда состоитъ изъ всевозможныхъ профессіональныхъ рабочихъ, уходящихъ въ Петербургъ на весь строительный періодъ. Но кромѣ рабочихъ строительныхъ имѣются и рабочіе другихъ профессій, начиная съ каменотесовъ и кончая поварами, швейцарами и всякаго рода прислугой. Вообще все населеніе, какъ Тверской губерніи вообще, такъ и въ частности Новоторжскаго уѣзда, чисто промышленное, живущее не земледѣліемъ, а отхожимъ промысломъ, что не мѣшаетъ ему крѣпко держаться за землю, считая ее необходимой опорой, чтобы содержать семью, остающуюся круглый годъ въ деревнѣ и занимающуюся земледѣліемъ, а сверхъ того и самого хозяина, занятаго своимъ промысломъ не круглый годъ, а лишь въ строительный періодъ. Не возвращаются къ землѣ только прислуга, повара и всѣ тѣ люди, занятія которыхъ не имѣютъ сезоннаго характера. Большая часть не воздѣлываемыхъ и запущенныхъ надѣловъ принадлежали именно этимъ общинникамъ, воспользовавшимся хуторской реформой Столыпина, чтобы продать свои права болѣе зажиточнымъ членамъ общины и тѣмъ усилить значеніе «сильныхъ» крестьянъ, на которыхъ Столыпинъ дѣлалъ свою «ставку», помогая естественному разрушенію общины.

Въ связи съ устройствомъ нашего переселенія въ деревню, мнѣ пришлось въ коицѣ зимы побывать въ Тамбовской губ., гдѣ я никогда не былъ. А. И. Эртель, о которомъ я уже говорилъ раньше, въ это время уже покниулъ свон литературныя заиятія и устроился управляющнмъ крупиаго тамбовскаго нмѣнія извѣстныхъ московскихъ купцовъ Хлудовыхъ, въ Моршаискомъ уѣздѣ. Мнѣ нужно было купнть лошадей, а, какъ извѣстио, такая покупка иа ярмаркахъ представляла большой рнскъ, и нужно было быть большнмъ знатокомъ, чтобы не быть обманутымъ. Въ внду этого, я списался съ Эртелемъ и поѣхалъ къ нему въ с. Александровское для покупки нѣсколькихъ лошадей на Хлудовскомъ заводѣ. Съ Эртелемъ мы не встрѣчалнсь со временн совмѣстнаго нашего пребыванія въ Твери. Тогда онъ былъ въ положенін ссыльнаго н подиадзорнаго, умѣвшаго держать себя съ полнымъ достоинствомъ, но скромио, и мы были съ иимъ въ пріятельскнхъ отиошеніяхъ. Теперь онъ стоялъ во главѣ крупнаго нмѣнія съ большнмъ коннымъ заводомъ н съ многочнсленнымъ штатомъ служащнхъ и рабочихъ. Не безъ любопытства я наблюдалъ перемѣну во внѣшней манерѣ его обращенія съ людьмн разнаго положенія. Еще разъ я могъ убѣдиться въ гнбкостн его природы, умѣвшей обнаруживать самые тонкіе оттѣнкн въ отношеніяхъ съ людьми н въ его искусствѣ ие переходнть, на ряду съ большой требовательностью къ подчниеннымъ, нн къ фамильярностн въ одну сторону, нн къ грубости въ другую. Само собою разумѣется, что мы встрѣтилнсь какъ старые пріятелн. Оиъ показалъ мнѣ весь коиный заводъ, заиимавшій обширныя помѣщеиія н содержимый, по скольку я могъ судить, въ образцовомъ порядкѣ. Моя покупка пяти лошадей была сдѣлана въ теченіе получаса и притомъ по весьма сходной цѣиѣ. Но миѣ хотѣлось взглянуть иа большое великорусское село, раскинувшееся иа очень большомъ пространствѣ. Для этого я остался на слѣдующій деиь, чтобы посмотрѣть школу во время учебныхъ занятій. Школа ие имѣла собственнаго помѣщенія, приспособленнаго для этой цѣлн, а помѣщалась въ самой обыкиовеиной крестьянской избѣ, темной н ннзкой, отапливаемой по «черному», набнтой дѣтьми, которыхъ не сразу можно было разлнчнть, — въ спертомъ и сизомъ воздухѣ, не нмѣвшемъ никакой другой вентиляціи, кромѣ дверей въ сѣин. Въ такомъ помѣщеиіи вести школу было весьма затруднительио, и даже въ количествениомъ отиошеиін она не могла удовлетворить н 10% дѣтей школьнаго возраста такого огромиаго села. Я былъ иѣсколько озадачеиъ такой школой, ио Эртель поспѣшилъ миѣ сказать, что уже составлеио предположеиіе выстроить новое помѣщеніе, отвѣчающее современнымъ требоваиіямъ отъ школы. Не зиаю, осуществилось-ли это предположеиіе, нли далѣе плаиа ие пошло, съ предоставлеиіемъ будущему разрѣшить этотъ вопросъ.

Ранней весной 1897 г., когда снѣгъ еще ие успѣлъ стаять, мы приступилн къ ремоиту Машука, гдѣ застали въ качествѣ едннствениаго живого существа дикую лнсицу, устроившую свое убѣжище подъ чер-

нымъ поломъ дома, куда она проникала черезъ отверстіе въ фундаментѣ, устроенное для провѣтриванья подпольнаго пространства. Отъ двадцати до тридцати рабочихъ были заняты самыми разнообразными работами. Работа начиналась съ 6 ч. утра и продолжалась до 8 ч. вечера съ перерывами отъ 7½ до 8 ч. утра, отъ 12-ти до 2-хъ для обѣда и отъ 4 до 4½ дня для чая. Такимъ образомъ, изъ 14-ти часового рабочаго дня работа производилась около 11 часовъ. Вся оплата производилась сдѣльно, а потому продолжительность рабочаго дня не зависѣла отъ меня. Я не вмѣшивался въ распорядокъ, отъ меня независящій, да и позднѣе въ Машукѣ ни разу вопросъ о длинѣ рабочаго дня не возникалъ, и я до сихъ поръ остаюсь убѣжденнымъ противникомъ регламентаціи рабочаго дня въ сельскомъ хозяйствѣ, происходящемъ, въ большинствѣ случаевъ, подъ открытымъ небомъ, въ зависимости отъ погоды, — солнца или дождя, или отъ другихъ условій, а не отъ воли хозяина. Сельское хозяйство, въ этомъ отношеніи, совершенно противоположно фабрикѣ или заводу, гдѣ никакія перемѣны погоды, временъ года, дня и ночи не измѣняютъ условій работы. И, какъ я уже говорилъ, всякія попытки установить общія правила въ регламентаціи рабочаго времени для сельскаго хозяйства мнѣ представляются лишенными всякаго разумнаго основанія и никогда не войдутъ въ жизнь. Достаточно вспомнить цѣлый рядъ разнообразныхъ работъ, срочность которыхъ не допускаетъ ни отсрочекъ, ни перерывовъ, чтобы признать отсутствіе всякой аналогіи фабрично-заводскаго труда съ сельско-хозяйственнымъ. Въ Россіи періодъ полевыхъ работъ такъ кратокъ, что по всей справедливостиноситъ названіе «страды», когда посѣвъ и уборка жатвы требуютъ чрезвычайной быстроты и большого напряженія труда. Въ предѣлахъ восьмичасового дня культуры, требующія поливки, непримѣнимы и раздѣленіе дня по частямъ представляетъ какъ для хозяина, такъ и для рабочаго наиболѣе невыгодное и нецѣлесообразное использованіе труда и времени.

Въ концѣ іюня 1897 года ремонтныя работы подвинулись настолько, что мы могли уже занять въ домѣ нѣсколько комнатъ, въ виду чего мы рѣшили, не ожидая осени, переселиться въ Машукъ.

ГЛАВА XV.

Переселеніе въ Машукъ (Новоторжскій у. Твер. губ.). — Первыя впечатлѣнія. — Пьнство. — Духовеяство и вннная монополія. — Прогрессирующее исчезновеніе мѣстнаго дворянства. — Возрожденіе жеяскихъ кустарныхъ промысловъ. — Земскія школы и учнтельскій персоналъ. — Революціонная провокація. — Потребительное О-во. — Учрежденіе кредятнаго товарищества. — «Кающійся дворннинъ». —

Въ іюнѣ 1897 года мы навсегда покниули Москву н переселнлнсь въ только-что пріобрѣтенный нами Машукъ. Мой старшій сынъ, Мнхаилъ Иваиовичъ, и его жена, Елизавета Ильииишиа, рожденная Бакуннна, приняли рѣшеніе прнсоедннніться къ намъ и поселнться вмѣстѣ съ нами въ Машукѣ. Мнхаилъ Ивановнчъ ожндался изъ заграиицы, гдѣ онъ, послѣ московскаго униврснтета, заканчивалъ свое образованіе въ университетахъ, сиачала Фрейбургскомъ (въ Баденѣ), потомъ Берлинскомъ. Онъ уѣхалъ во Фрейбургъ въ 1895 году съ женой и маленькой дочерью, которой мииулъ только годъ. Въ Берлииѣ у иихъ роднлась вторая дѣвочка. Такимъ образомъ, у насъ сразу образовалась семья нзъ шести душъ, а въ томъ-же 1897 году, 29 декабря, прнбавился еще седьмой члеиъ семьи, — третій ребенокъ, сынъ Иваиъ, появленіе котораго на свѣтъ мы рвдостио привѣтствовалн, какъ будущаго продолжателя семейныхъ траднцій.

Спустя два съ половииою года, въ 1900 году, къ намъ въ Машукъ присоединилась еще семья иашего друга д-ра Литвииова, переселившагося нзъ Петербурга. Онъ прожилъ все время съ намн, пока вихрь перной революцін 1905 года не опрокннулъ всѣхъ нашнхъ деревенскихъ плановъ н не заставнлъ иасъ, мою жеиу н меия, переселнться въ Петербургъ, Литвннова-же вернуться къ своей блистательной органнзаторской дѣятельности пснхіатра н врача-воспитателя дѣтей съ природными иедостатками въ Москвѣ, городское управлеиіе которой возложило на иего завѣдованіе, такъ называемымъ, Короиаціоииымъ Убѣжищемъ.

Періодъ иашей жизни въ Машукѣ, отъ 1897 до 1905 г.г. включнтельно, составляетъ особое звеио въ цѣпи событій моей лнчио н общественной жнзнн, когда я могъ думать, что здѣсь окончится наша кочевая жизнь и что задачи, поставленныя мною свмому себѣ въ самомъ иачалѣ моей общественной дѣятельиостн, не смотря на перемѣну мѣста, если и ие будутъ вполиѣ осуществлеиы, то все же достигнутъ результатовъ нанболѣе важныхъ н желательныхъ: разъедннённыя н даже взанмно враждебныя общественныя силы прочно будутъ связаны въ мѣстномъ самоуправлеиіи и черезъ иего достнгиутъ коренной русской реформы, — замѣны самодержавія конституціей. Въ самомъ началѣ XX-го вѣка показалнсь прнзнакн грядущаго переворота, н не прошло пятн лѣтъ, какъ самодержавіе капнтулнровало, н 17-го октября 1905 года была провозглашеиа коиституція, хотя безъ упомннанія этого

слова и съ явнымъ намѣреніемъ Николая II-го отказаться отъ своихъ обѣщаній при благопріятномъ случаѣ.

Тѣмъ не менѣе, мы привѣтствовали переворотъ 1905 г., какъ весну, какъ пробужденье народной массы, и не сомнѣвались, что въ борьбѣ противоположныхъ теченій — освободительнаго, реформаціоннаго и стараго, самодержавнаго, — побѣда будетъ принадлежать свободѣ, а не угнетенію. Но прошелъ еще годъ и появились уже зловѣщіе признаки, что борьба не кончится, какъ мы надѣялись, и что Россію ожидаетъ кровавая революція, безъ которой свобода не будетъ завоевана...

Переживая въ настоящее время катастрофу большевистскаго переворота 1917 г. и оглядываясь назадъ на пройденный путь, я не могу не сказать, что нашъ этапъ въ Машукѣ, закончившійся первой Государственной Думой, былъ самымъ плодотворнымъ въ моей общественной дѣятельности и самымъ счастливымъ въ моей личной жизни. Этотъ десятилѣтній періодъ (съ 1897 до 1906 г. включительно) былъ періодомъ напряженной общественной работы и моего личнаго участія въ борьбѣ, цѣль которой опредѣлилась съ полной ясностью и завершилась первой революціей, нанесшей смертельный ударъ самодержавію, хотя послѣ того оно еще продолжало 10 лѣтъ свою безнадежную борьбу. Я вспоминаю всѣ перипетіи этого счастливаго времени и людей, съ которыми мы шли рука объ руку, съ чувствомъ благодарности за тѣ минуты, которыя мы вмѣстѣ посвящали трудному вопросу — освобожденія нашей родины отъ режима исключительныхъ положеній, насилій и беззаконія...

Итакъ, я, уроженецъ Украйны, переселился въ Великороссію. Какъ ни близко то время къ настоящему времени, но тогда Россія была еще едина, не состояла изъ 27-ми автономныхъ республикъ и не выдѣлила изъ своей территоріи восемь самостоятельныхъ государствъ: Польшу, Литву, Латвію, Эстонію, Финляндію, Грузію, Арменію и Азербейджанъ. То было время, когда между Черниговской и Тверской губерніями существовало не болѣе различія, чѣмъ между французскими департаментами, Нормандіей и Провансомъ; когда профессоръ Грушевскій не былъ конкуррентомъ кукольнаго гетмана Павла Скоропадскаго и не мечталъ о «самостійной» Урайнѣ, словомъ, когда Черинговская и Тверская губерніи считались одинаково губерніями русскими, не подозрѣвавшими, что онѣ населены иноплеменными народами, счастіе и интересы которыхъ требуютъ яко бы независимости одного отъ другого.

Я признаю, что крайняя централизація Россіи составила одну изъ причинъ ея бѣдствій и тягости условій ея мѣстной жизни, и съ давняго времени мечталъ о федераціи Россіи, но по областямъ, объединеннымъ по экономическимъ признакамъ, а не по признаку національностей, чтобы предотвратить давленіе крупныхъ національностей на мелкія и ослабить національную нетерпимость, доходящую до отрицанія братской связи между Велико- и Мало-русскими вѣтвями одного славяно-русска-

го ствола, занимающаго великую Восточную равнину Европы отъ Сѣвернаго Океана до Чернаго моря. Конечно, между этими вѣтвями имѣются нѣкоторые оттѣнки, есть различія въ языкѣ, особенно въ простонародныхъ мѣстныхъ говорахъ, но языкъ Пушкина, Гоголя и Тургенева, русскій языкъ, одинаково понятенъ крестьянину Архангельской, Московской, Екатеринославской и Херсонской губерній. Есть различія въ темпераментѣ, въ складѣ ума, въ характерѣ народа, но различія эти не только не достигаютъ предѣловъ различій народовъ западно-европейскихъ, но и славянскихъ, — Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и Болгаръ. Живя въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, я видѣлъ различія говоровъ въ предѣлахъ одного уѣзда, а также различія въ характерахъ южныхъ и сѣверныхъ волостей, различія въ одеждѣ и въ преобладаніи цвѣтовъ ея, — бѣлаго на сѣверѣ и синяго на югѣ. Въ образованныхъ классахъ всѣ эти различія сглаживаются, въ крестьянствѣ они выступютъ яснѣе и ярче, но я чувствую въ Черниговскомъ крестьянинѣ и въ Тверскомъ одинаково родныхъ мнѣ братьевъ по крови и по духу. Поэтому, наше поселеніе въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи ни на минуту не вызвало во мнѣ чувство чужестранца въ инородной средѣ. И любопытно, что крайне интенсивное и рѣзкое проявленіе ненависти въ украинцахъ относительно всего великорусскаго наблюдается не въ крестьянствѣ, а въ средѣ полу-интеллигенціи и политическихъ авантюристовъ: оно является продуктомъ измышленій, утратившихъ въ настоящее время всякій смыслъ, такъ какъ всѣ бывшія формальныя національныя ограниченія болѣе не существуютъ.

Долженъ сознаться, что первыя впечатлѣнія мои были не въ пользу нашихъ сосѣдей, грубость которыхъ въ пьянствѣ имѣла чрезвычайно отталкивающій характеръ, но они очень скоро разсѣялись при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Чудовищное пьянство, къ сожалѣнію, являлось порокомъ слишкомъ распространеннымъ въ Россіи подъ вліяніемъ невѣжества, бѣдности и поощренія со стороны системы государственнаго бюджета.

Съ давнихъ поръ русское правительство считало водку самымъ вѣрнымъ и самымъ значительнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. И не смотря на то, что съ этимъ доходомъ было связано поощреніе народнаго пьянства, государство, обладавшее едва зарождавшейся промышленностью и нуждавшееся въ средствахъ, не умѣло отказаться отъ своего главнаго источника, не поставивъ себя въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Раньше оно сдавало продажу водки на откупъ, злоупотребленія котораго укрывались взяточничествомъ чиновничества, не доставляя въ то же время выгодъ казнѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія правительство замѣнило систему откуповъ акцизной, и, въ надеждѣ устранить возможныя въ ней злоупотребленія, въ управленіе акцизныхъ сборовъ стало назначать чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ и повышеннымъ окладомъ жалованья. Это была система акциза съ промышленнаго производства. Однако, ростъ госу-

дарственнаго бюджета далеко опережалъ развитіе промышленнаго производства, и, въ видахъ равновѣсія государственнаго бюджета, послѣдній реформаторъ русскихъ финансовъ, Витте, подъ видомъ охраненія народнаго здравія и сокращенія пьянства, ввелъ винную монополію государства, какъ производства спирта, такъ и продажи его, т. е. къ акцизу съ производства присоединилъ въ пользу государства и доходъ отъ торговли водкой, поощряя ея потребленіе въ интересахъ государственной казны. Такимъ образомъ, онъ улучшилъ качество спирта, но едва-ли оказалъ поддержку народной нравственности и народному здравію.

Духовенство съ своей стороны способствовало старому пороку. Оно само никогда не отличалось трезвостью, и, будучи необезпечено въ матеріальномъ отношеніи, было очень озабочено увеличеніемъ престольныхъ праздниковъ и тому подобными средствами собиранія доходовъ. Въ Тверской губерніи, гдѣ населеніе разселилось мелкими деревнями, каждая деревня имѣетъ въ церкви свою икону и свой престольный праздникъ, во время котораго икона шествуетъ въ свою деревню, посѣщая каждый дворъ въ сопровожденіи причта, собирающаго даянія. Этотъ обычай и привелъ къ трехдневному празднованію, сопровождаемому неудержимымъ пьянствомъ. Въ Малороссіи населеніе живетъ большими селами, и иконы не путешествуютъ; духовенство болѣе обезпечено и хотя всячески тоже поддерживаетъ многочисленные праздники, но, за исключеніемъ Рождества и Пасхи, всѣ другіе празднуются одинъ день и не сопровождаются такимъ поголовнымъ пьянствомъ, какъ то, которое мы увидѣли по сосѣдству съ нашей усадьбой очень скоро по переѣздѣ на жительство въ Машукъ.

Ближайшая деревушка къ Машуку, въ разстояніи около версты, расположена за рощей. Ея деревенскій престольный праздникъ — Преображеніе, 6-го августа, празднуется три дня. Родственники и пріятели съѣзжаются на эти дни съ ближнихъ и дальнихъ деревень. Икона странствуетъ изъ дома въ домъ, и въ каждомъ причтъ читаетъ молитву и получаетъ угощеніе и соотвѣтственное приношеніе, укладываемое въ слѣдующую за иконою телѣгу. Первый день проходитъ благополучно, но въ слѣдующіе два дня настроеніе повышается пропорціонально выпитой водкѣ и переходитъ въ неистовые крики, шумъ, брань и драку, иногда заканчивающуюся серьезными послѣдствіями. Но я долженъ сказать, что, благодаря добродушію населенія, кровавые случаи при праздничныхъ столкновеніяхъ бываютъ рѣдко.

Въ Черниговской губ. съ ея малорусскимъ населеніемъ мнѣ ни разу не случалось видѣть такого пьянства всей деревней. Въ нашемъ селеніи, Плискѣ, съ его пятьюстами дворами и 3½ тысячами жителей, престольный праздникъ (8 ноября) праздновался одинъ день; слѣдующій день, 9 ноября, былъ уже день будній. Вообще, по моимъ наблюденіямъ, малороссы менѣе склонны къ пьянству, чѣмъ это думаютъ. Среди

населенія большого села въ 3½ тысячи душъ я могъ бы поименно назвать не болѣе десяти человѣкъ, завѣдомыхъ пьяницъ. Мнѣ кажется, что и новоторжское населеніе не заслуживаетъ упрека въ склонности къ пьянству, и если тѣмъ не менѣе этотъ порокъ развитъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ на югѣ Россіи, то лишь благодаря отхожимъ промысламъ и «столичной жизни» съ ея развлеченіями и соблазнами. Малороссійское духовенство едва-ли можетъ похвастать своей воздержанностью и трезвостью. Во время моей жизни въ Плискѣ, однажды я посѣтилъ нашего священника, отца Николая, человѣка совершенно трезваго, въ храмовой праздникъ послѣ обѣдни. Я засталъ у него отъ 10 до 15-ти батюшекъ уже въ значительномъ подпитіи и самъ отецъ Николай, къ моему удивленію, былъ красенъ какъ ракъ. На столѣ стояла всякая закуска, вино и ромъ. Послѣдній пользовался наибольшимъ вниманіемъ: его пили въ видѣ пунша, подливая въ стаканъ немного горячей воды съ сахаромъ. Во время самой оживленной бесѣды, къ отцу Николаю принесли крестить ребенка, имѣвшаго неосторожность родиться въ храмовой день. Отецъ Николай былъ видимо сконфуженъ и не рѣшался крестить, вѣроятно, не чувствуя себя въ обладаніи своихъ силъ, и отказался. Бабка и кумовья стояли въ недоумѣніи. На выручку положенія явился одинъ изъ гостей, духовныхъ отцовъ, священникъ почтенныхъ лѣтъ и сильно выпившій. Я зналъ его по нѣкоторымъ не особенно благовиднымъ дѣламъ, разбиравшимся въ мировомъ судѣ. Онъ объявилъ, что готовъ окрестить ребенка. Въ сосѣднюю комнату внесли купель, батюшка надѣлъ эпитрахиль и окрестилъ новорожденнаго. Признаться, я боялся, что онъ утопитъ младенца въ купели, но все сошло благополучно и дары Святого Духа новорожденный получилъ изъ пьяныхъ устъ кощунствовавшаго священнослужителя. Кумовья, повидимому, мало интересовались состояніемъ священника и были очень довольны, когда обрядъ былъ совершенъ. Тѣмъ не менѣе, едва-ли народъ на Украйнѣ былъ доволенъ своими руководителями, ибо уходилъ въ штунду, чтобы удовлетворить свое религіозное чувство. Въ Тверской губ. и даже въ Новоторжскомъ уѣздѣ появились секты сютаевцевъ, пашковцевъ, свидѣтельствующія о неудовлетворенномъ религіозномъ чувствѣ народной массы, ищущей правды не въ государственномъ православіи, а въ сектанствѣ. Можно думать, съ другой стороны, что равнодушіе, нежеланіе или неспособность народа взять въ настоящее время подъ свою защиту отъ коммунистовъ не только разстрѣливаемыхъ священниковъ и епископовъ, но и религіозныя святыни, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ народъ охранялъ, жертвуя за нихъ своей жизнью, свидѣтельствуетъ, что народъ не находитъ болѣе въ православіи той живительной вѣры, которую служители церкви не сумѣли сберечь, служа не столько Царю небесному, сколько царю земному. Церковь, въ лицѣ своего Синода, отлучившая Льва Толстого и преклонившаяся передъ проходимцемъ Гришкой Распутинымъ, не является достойнымъ и нравственнымъ руководителемъ народа.

Но можетъ-ли народъ сохранить свое бытіе внѣ всякой религіи? Можетъ-ли народная масса остаться внѣ абсолютныхъ моральныхъ требованій, поддерживаемыхъ волей, стоящей выше человѣческой? Мнѣ кажется, что россійскій большевизмъ даетъ на эти вопросы самый категорическій отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, не можетъ! Само собою разумѣется, что какъ вопросы, такъ и отвѣтъ на нихъ остается въ области не философскаго разсужденія, а религіознаго сознанія народа.

Я покинулъ малороссійскую деревню въ началѣ 1879 года, когда уже стала замѣтной перемѣна деревенской жизни, произведенная освобожденіемъ крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ концу XIX вѣка эта перемѣна стала болѣе глубокой и деревенская жизнь совершенно измѣнилась на всемъ протяженіи Россіи, на югѣ, какъ и на сѣверѣ, повсюду, гдѣ существовало крѣпостное право. Послѣднія черты патріархальнаго быта исчезали по мѣрѣ смѣны поколѣнія рабовъ и рабовладѣльцевъ поколѣніемъ, не испытавшимъ ни рабства, ни рабовладѣнія. Одинъ этотъ фактъ былъ великимъ факторомъ въ замѣнѣ рабской психологіи свободною. И реформа измѣнила не только психологію, но и всѣ условія жизни.

Въ Тверской губерніи вообще и въ частности въ Новоторжскомъ уѣздѣ реформа произвела среди помѣщичьяго класса гораздо большее опустошеніе, чѣмъ въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ, за надѣломъ крестьянамъ, у помѣщиковъ осталось достаточно культурной земли, чтобы вести собственное хозяйство. Въ половинѣ Тверской губ., и въ томъ числѣ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, въ рукахъ бывшихъ помѣщиковъ и ихъ наслѣдниковъ осталось очень мало имѣній, которыя можно было бы считать обезпечивающими жизнь собственника, независимо отъ продажи лѣса на срубъ. Сохранилось зато немало раззоренныхъ усадебъ, нѣмыхъ свидѣтелей былой широкой жизни. Постепенно онѣ переходили въ другія руки, преимущественно купцовъ или крестьянъ, и не играли никакой хозяйственной или экономической роли.

Число дворянъ, сохранившихъ самостоятельный земельный цензъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, было такъ незначительно, что на уѣздныхъ дворянскихъ выборахъ съ трудомъ набиралось двѣнадцать голосовъ, требуемыхъ законнымъ кворумомъ. Столь же незначительна была роль дворянства и въ экономическомъ отношеніи. Только въ одномъ крупномъ имѣніи существовалъ винокуренный заводъ изъ двухъ, имѣвшихся въ уѣздѣ, поставлявшихъ спиртъ въ казну, но заводъ этотъ имѣлъ очень слабое значеніе для уѣзднаго сельскаго хозяйства. Только немногія имѣнія еще не закончили своего лѣсоистребленія, но всѣ уже были близки къ окончанію такой операціи. Фактически дворянство сохранило въ уѣздѣ только свою культурную роль, необходимость которой было бы безполезно отрицать въ странѣ, стоящей на такомъ невысокомъ уровнѣ образованности. Однако, было бы много разумнѣе, если бы правительство не пыталось ставить болѣе культурный классъ въ привилегированное положеніе, поддерживая этимъ способомъ не сближеніе

классовъ и сословій, а обостреніе ихъ взаимно-враждебныхъ отношеній.

Вмѣсто постепеннаго смягчеиія сословиыхъ и классовыхъ различій, земская реформа 1890 года, какъ уже было сказано, углубила ихъ, установивъ привилегію н давъ всѣ преимущества происхождеиію. Въ свое время многія преимущественныя права и привилегіи являлнсь логическимъ слѣдствіемъ рабовладѣиія, но, съ его паденіемъ, единственный случай, когда могла быть допущена привилегія, это — образованіе, и единственный цензъ — цензъ образованія, какъ премія тому, что такъ иеобходимо для иарода, большинство котораго даже вовсе неграмотно. И особенио это необходимо въ земствѣ, какъ въ органѣ мѣстнаго самоуправленія. Между тѣмъ, по закону 1890 года число гласныхъ, составлявшихъ земское собраиіе, не превышало 30 человѣкъ и распредѣлялось между потомственными дворяиами, избиравшимн 16 гласныхъ, горожанами — 6 гласиыхъ и крестьянами — 8 гласныхъ. Такимъ образомъ, самая малочнсленная группа гражданъ, едва набнравшая 12—20 избнрателей, посылала большинство члеиовъ уѣзднаго земскаго собранія, придавая ему окраску и опредѣляя нужды и потребности населенія по своему усмотрѣиію. Наоборотъ, крестьяиство, чнсло котораго въ уѣздѣ превышало сто тысячъ душъ, имѣло всего 8 представителей, притомъ самое избраніе которыхъ фактическн замѣнялось назначеніемъ губернатора.

Въ теченіе всѣхъ 15 лѣтъ, что я былъ гласиымъ Новоторжскаго земства, можно было наблюдать странное явленіе: гласные дворяне вели неустанную борьбу за демократическія реформы, за свободу самоуправленія и за независнмость отъ администрацін, за развнтіе народнаго образованія, за медицинскую помощь, за всякіе интересы народной массы и за подъемъ ея экономическаго благосостоянія, тогда какъ гласные отъ крестьянъ, ставлеиникн администраціи, всегда голосовали во всѣхъ случаяхъ, повинуясь указаніямъ своихъ земскихъ начальниковъ.

Такой фактъ не представлялъ исключенія въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Вся Тверская губерния дѣлилась на либеральные и реакціонные уѣзды, въ зависимостн отъ дворянскихъ гласныхъ: уѣзды — Новоторжскій и Весьегонскій составляли крайнюю лѣвую (въ земскихъ предѣлахъ), уѣзды — Бѣжецкій, Корчевской, Старнцкій, Ржевскій н Зубцовскій составляли среднее направленіе, наконецъ уѣзды — Тверской, Калязинскій, Кашинскій, Осташковскій и Вышневолоцкій — реакціонные.

Нѣтъ ннкакого сомнѣнія, что съ уннчтоженіемъ безобразиой привилегін дворянства, съ устаиовленіемъ равенства избнрательныхъ правъ, хотя бы и ограиииченныхъ, но не по сословному и не по имущественному прнзнаку, съ нзбавленіемъ крестьянства отъ назначенія губернаторамн его представнтелей въ земствѣ, съ ограниченіемъ вмѣшательства адмнннистрацін въ рѣшенія мѣстнаго самоуправленія лншь наблюденіемъ за выполиеніемъ формальныхъ требованій закона, харак-

теръ земскихъ собраній будетъ иосить печать не сословій, а культурной высоты большинства населенія.

Что же касается уже прошедшаго времени, обнимавшаго пять трехлѣтій, съ 1890 по 1905 годъ, когда я былъ гласнымъ и еще не былъ лишенъ политическихъ правъ, то личный составъ гласныхъ всѣхъ трехъ категорій (дворянства, крестьянства и горожанъ) оставался почти неизмѣинымъ. Поэтому, и характеръ или направленіе земства оставалось также неизмѣннымъ. Его лидеромъ оставался Александръ Александровичъ Бакунинъ, и не смотря на свои годы (отъ 71 до 86 лѣтъ), былъ имъ не по имени только, а самымъ исправнымъ работникомъ, не пропускавшимъ ни одной комиссіи, и который строго поддерживалъ идеи и направленіе, усвоенныя тверскимъ земствомъ съ давнихъ поръ, и не допускалъ никакихъ компромиссовъ.

Оставался неизмѣнимъ гласнымъ и Дмитрій Дмитріевичъ Романовъ, завѣдовавшій очень долго школьнымъ дѣломъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, а затѣмъ организаціей кустарной промышленности среди женщинъ. Почти окончательно забытый старинный мѣстный промыселъ, — кружевной, золотошвейный и вышиванья по цвѣтной кожѣ, онъ не только возродилъ, но сдѣлалъ его художественнымъ и весьма прибыльнымъ, что привлекло къ нему большое число работницъ. Въ старое время на вокзалѣ въ Торжкѣ можно было видѣть маленькую витрину съ издѣліями новоторжскихъ кустарей въ видѣ подушекъ, туфель, спальныхъ сапоговъ, — изъ разноцвѣтной кожи, — и поясковъ. Сбытъ этихъ издѣлій былъ чисто мѣстный, очень ограниченный; характеръ вещей не обнаруживалъ никакого прогресса и повторялъ все одни и тѣ же мотивы. Работницы получали жалкое вознагражденіе за трудъ отъ сбытчиковъ, не болѣе 5 коп. за свой рабочій день. Дмитрій Дмитріевичъ взялся за организацію этого труда и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ достигъ удивительныхъ результатовъ. Онъ началъ съ вещей стараго промысла и превратилъ ихъ въ изящныя издѣлія изъ кожи, причемъ самъ лично составлялъ рисунки красками, по которымъ исполнялись вышиванья шелками на кожѣ, суконѣ или бархатѣ, и для этого устроилъ школу для дѣвочекъ и взрослыхъ женщинъ. Наряду съ этимъ, онъ организовалъ кружевницъ, привлекая къ этой работѣ не только городскихъ кружевницъ, но и распространяя это издѣліе въ деревняхъ. Оплата труда кружевницъ также быстро возросла отъ 5 коп. въ день до рубля, и издѣлія земской мастерской распространились не только во всей Россіи, но перешли за ея границы и достигли даже Америки, гдѣ имѣли постоянный сбытъ, наравнѣ съ кожаными издѣліями той-же мастерской. Отъ министерства двора стали поступать заказы на архіерейскія митры, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, присылаемыми для этой цѣли отъ дворцового вѣдомства. Морское министерство, съ своей стороны, начало ежегодно сдавать земству подрядъ на поставку нѣсколькихъ тысячъ вышитыхъ на суконѣ красными нитками особыхъ значковъ, пришиваемыхъ на рукавѣ матросской куртки. Заказъ

морского министерства былъ особенно выгоденъ и для мастерицъ, и для всего кустарнаго отдѣла, такъ какъ онъ оплачивался очень высокой цѣной и давалъ значительный остатокъ, поступавшій въ кассу кустарнаго отдѣла, и предназначавшійся на развитіе и распространеніе кустарнаго промысла среди женщинъ. Касса кустарнаго отдѣла составляла особую часть, не связанную съ общимъ земскимъ бюджетомъ, хотя и находилась въ завѣдованіи земства. Не лишено интереса, что, когда кустарное производство стало на собственныя ноги, т. е. было обезпечено цѣною и сбытомъ, земство встрѣтило въ морскомъ министерствѣ довольно холодный пріемъ и иамѣреніе прекратить заказъ. Очевидно, появилась какая-то частная конкуренція, болѣе выгодная для пріемщнка, хотя и не болѣе дешевая. Только вмѣшательство самого морского министра оставило заказъ за земствомъ. Все это дѣло было всецѣло обязано таланту Дмитрія Дмитріевича и его безустанному труду, и можно очень пожалѣть, что съ его смертью кустарная органнзація погибнетъ, а съ нею погибнетъ и промыселъ, доставлявшій женщинамъ хорошій заработокъ и освобождавшій ихъ отъ необходимости идти на фабрику.

Немало поработалъ Романовъ и по организаціи и устройству школъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ.

Кажется, не можетъ быть никакого сомнѣиія въ томъ, что каждая профессія требуетъ спеціальныхъ знаній: ихъ мы требуемъ отъ ярачей, инженеровъ, агрономовъ, юристовъ и т. д. Спеціальная подготовка была бы желательна и для учителей народной школы, но школьная программа такъ ограничеиа, что пока она не будетъ расширена, спеціализація представляется ненужной роскошью, удовлетворить которой было бы и невозможно въ виду громаднаго числа народныхъ школъ, необходимыхъ Россіи. Вина такой ограниченности требованій отъ народной школы всецѣло лежала на правительствѣ, которое установило не минимумъ, а максимумъ знаній, допускаемыхъ въ народныхъ школахъ. Поэтому, счнтается возможнымъ удовлетворяться учебной подготовкой учителя даже ниже средней школы. Правительственныя учительскія семинаріи принадлежали къ третьему разряду, т. е. къ разряду низшнхъ учебныхъ заведеній. Земская учительская школа Максимовича въ Твери также ниже средней школы, — женской гимназіи мин. нар. просвѣщенія или Маріинскихъ женскихъ гимназій, не дававшихъ никакой подготовки для такой спеціальной профессіи, какъ веденіе народной школы. Для исполненія такой важной функціи считалось достаточнымъ ограничиться губернскимъ женскнмъ епархіальнымъ училищемъ, которое и являлось поставщикомъ учительницъ народной школы. Единственное подходящее учебное заведеніе изъ всѣхъ существующихъ, которое могло бы претендовать на занятіе учительскихъ мѣстъ, была бы духовная семинарія, дававшая своимъ воспитанникамъ болѣе или менѣе основательное образованіе. Но такъ какъ она усвоила взглядъ на учительское мѣсто, какъ на кратковременный стажъ для занятія мѣста

священника, то учительскія мѣста занимались семинаристами по окончаніи курса, какъ исполненіе формальнаго требованія, которое и выполнять можно было формально. Бывали, конечно, исключенія. Среди семинаристовъ нерѣдко встрѣчались люди, не мечтавшіе о духовной карьерѣ, искавшіе иного призванія. Но призваніе это не всегда совпадало съ цѣлями и задачами школы... Такіе просвѣтители были и въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Одного изъ нихъ я зналъ и даже присутствовалъ на крестьянскомъ митингѣ, кажется, въ 1903 году, гдѣ онъ произнесъ зажигательную рѣчь на тему, сдѣлавшуюся позднѣе столь популярной: «грабь награбленное». Въ то время такая рѣчь еще не производила дѣйственнаго впечатлѣнія, но почва для такихъ сѣмянъ подготовлялась. Это былъ способный и неразборчивый на средства учитель и озлобленный человѣкъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди учителей. Онъ держался, такъ сказать, катехизическаго метода обученія. Его ученики должны были заучить на память отвѣты на вопросы, съ которыми онъ къ нимъ обращался. Всѣ эти вопросы и отвѣты относились къ преподаванію закона Божьяго и къ соціалистическимъ темамъ и отличались специфическимъ вкусомъ къ повторенію школьниками затверженныхъ фразъ. Такой методъ нравился и нѣкоторымъ другимъ учителямъ, которые пилигримствовали въ школу образцоваго, по ихъ мнѣнію, учителя, для усвоенія его метода. Надо, однако, признать, что пропаганда Пухлимскаго не всегда сходила ему съ рукъ. Разстоянія его не стѣсняли, и разъѣзжалъ онъ по всему уѣзду. Въ 1906 году онъ появился въ с. Раменьѣ, верстахъ въ 60 или 70 отъ его школы. На крестьянскомъ митингѣ его рѣчь вызвала рѣшительный отпоръ со стороны крестьянъ: Пухлимскій былъ избитъ и даже раненъ, но его удалось спасти и увезти въ Таложенскую земскую больницу, гдѣ онъ оставался, пока не поправился, а затѣмъ скрылся изъ уѣзда.

Не нужно забывать, что въ самомъ обществѣ еще до сихъ поръ не сложилось убѣжденіе, что народная школа требуетъ такихъ же спеціалистовъ, какими являлись врачи въ лѣчебномъ дѣлѣ или инженеры — въ устройствѣ дорогъ и всякихъ сооруженій. Только недавно стали понимать, что самое сельское хозяйство требуетъ агрономическихъ знаній, показательныхъ станцій, разъѣздныхъ агрономовъ и т. п. Однако, всѣхъ такихъ спеціалистовъ, непосредственно соприкасающихся съ народомъ, правительство всегда боялось потому, что еще больше боялось проникновенія въ народную массу знаній, а съ ними вмѣстѣ и критики архаическихъ и патріархальныхъ порядковъ управленія, которыми поддерживалось самодержавіе.

Народнаго же учителя боялось оно пуще всего, а потому рѣшительно противодѣйствовало образованію учительскаго персонала, стоящаго на высотѣ какъ спеціальнаго знанія, такъ и общаго образованія. Еще въ самомъ началѣ введенія земства въ Тверской губерніи, оно учредило въ г. Торжкѣ учительскій институтъ съ широкой программой, просуществовавшій очень короткій срокъ и закрытый по высочайшему по-

велѣнію. Если земство, по необходимости, вынуждено было набирать учителей для вновь учреждаемыхъ школъ изъ элементовъ далеко не соотвѣтствующихъ задачѣ, то значительиой поправкой къ такому положенію могло бы быть учрежденіе періодическихъ, даже ежегодныхъ учительскихъ курсовъ, подъ руководствомъ настоящихъ спеціалистовъ. Многія земства дѣлали попытки устройства такихъ курсовъ, но послѣ первыхъ-же опытовъ полученіе разрѣшеній на продолженіе ихъ встрѣтило непреодолимыя препятствія со стороны правительства. Пришлось отказаться и отъ этого средства и довольствоваться тѣмъ, что можно было получить отъ учительскихъ семинарій, такъ мало дававшихъ требуемыхъ знаній своимъ питомцамъ; словомъ, удовлетворить-ся для обученія народа грамотѣ гимназистками и епархіалками, ищущими себѣ занятій. Результаты были, конечно, не блестящи, хотя и среди нихъ были отдѣльныя лица способныя, талантливыя, преданныя дѣлу и заслуживавшія всякой поддержки. Но въ общемъ уровень былъ, къ сожалѣнію, очень невысокъ. Я вспомннаю, между прочимъ, одну исторію, показавшую предѣлъ этого средняго уровня. Ревизіонная комиссія уѣзднаго земства, производя годовую ревизію, между прочимъ наткнулась на столкновеніе двухъ учителей въ одной изъ школъ, имѣвшихъ двойной комплектъ, т. е. четырехклассной; одинъ изъ нихъ считался старшимъ и на немъ лежало завѣдованіе хозяйственной частью школы, въ томъ числѣ наблюденіе за ея ремонтомъ. По заведенному порядку, утвержденному земскимъ собраніемъ, расходъ на ремонтъ школы передавался завѣдующему хозяйственной частью учителю, который нанималъ отдѣльныхъ рабочихъ или подрядчика для производства ремонта. Въ школѣ, — назовемъ ее буквою М., — учителя не ладили между собою, и одной изъ причинъ этихъ неладовъ было обвиненіе младшимъ старшаго въ томъ, что, вмѣсто передачи ремонта рабочимъ, онъ производилъ его кое-какъ своими собственными руками, до чистки отхожихъ мѣстъ включительно, а въ управу представлялъ оправдательные документы отъ имени рабочихъ, которыхъ не нанималъ. Ревизіонная комиссія сочла необходимымъ пригласить обвиняемаго своимъ товарищемъ учителя для объясненій по этому поводу. Въ присутствіи всей комиссіи онъ призналъ, что дѣйствительно производилъ ремонтъ собственноручно и посылалъ въ управу лживые оправдательные документы, считая это пустой формальностью. Исполнялъ же работу собственноручно потому, что нуждается въ средствахъ и не считвлъ позорнымъ для себя такую работу, равно не считалъ неправильнымъ и составленіе оправдательныхъ документовъ, въ виду ихъ исключительно формальнаго значенія. Нв мой вопросъ, — не думалъ-ли онъ, что такой документъ имѣетъ характеръ обмана управы и подлога? — онъ простодушно отвѣчалъ, что онъ не думалъ этого, и хотя я, въ квчествѣ предсѣдателя ревизіонной комиссіи, пытался разъяснить ему, что комиссія не ставитъ ему въ вину то, что онъ своими руквми производилъ ремонтъ, а обвиняетъ его въ томъ, что онъ соствблялъ и предствблялъ въ

управу лживые оправдательные документы, онъ, *народный учитель*, этого не могъ понять. Ему казалось, что мы находимъ неприличнымъ для учителя самолично исполнять ремонтъ школы. Его тупое непониманіе обезоруживало комиссію и она рѣшила просить управу не увольнять его, а перевести въ другую школу на мѣсто младшаго учителя. Учительскій персоналъ былъ крайне возбужденъ этой исторіей и во время разсмотрѣнія этого дѣла въ комиссіи, послѣ того, когда я громко прочиталъ ея постановленіе, группа учителей и учительницъ, составлявшихъ наиболѣе вліятельную и развитую часть всего учительскаго персонала, мнѣ подала письменный протестъ въ защиту своего товарища, поведеніе котораго она одобряла. Комиссія настояла на своемъ рѣшеніи, но ея авторитетъ, конечно, жестоко пострадалъ въ мнѣніи просвѣтителей темной народной массы.

Послѣ этого можно ли удивляться, что противъ Д. Д. Романова, члена уѣздной управы, завѣдовавшаго школьной частью, возникли въ учительской средѣ обвиненія въ лицепріятіи относительно нѣкоторыхъ учительницъ, которыя издавна были въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, не пользуясь отъ этого никакими привилегіями. Членъ управы Романовъ не былъ соціалистомъ, большинство же вліятельныхъ учителей были соціалисты и соціалистическое credo не допускало дружескихъ отношеній съ буржуазнымъ «начальствомъ». Романовъ былъ очень огорченъ обвиненіемъ, которое было ему предъявлено, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ особенныя симпатіи къ народнымъ учителямъ и съ большой заботливостью относился къ ихъ нуждамъ. Но времена мѣняются, а время, о которомъ идетъ рѣчь, уже приближалось къ первой русской революціи, когда умственное броженіе проникало во всѣ слои населенія, и становилось тѣмъ нетерпѣливѣе и требовательнѣе, чѣмъ оно было поверхностнѣе, чѣмъ менѣе было продумано и освѣщено сознаніемъ. Радикальнѣе всѣхъ, поэтому, была полуинтеллигенція, ни въ чемъ не сомнѣвающаяся и преисполненная увѣренностью, что жизнь можно кроить и перекраивать по законамъ, точно установленнымъ Марксомъ и его толковниками.

Не смотря, однако, на указанные выше недостатки учительскаго персонала, нельзя не отмѣтить и чрезвычайно важное достоинство корпораціи, отличавшейся необыкновенной преданностью своему дѣлу, готовностью выносить самую тяжелую обстановку, нищенское вознагражденіе труда и вообще всѣ условія учительства, подвергавшія его недоброжелательству и придирчивости правительственной инспекціи, подозрительности полиціи, а, главное, отсутствію сознательнаго отношенія, т. е. уваженія со стороны самого населенія, которое нерѣдко видѣло въ учителѣ не миссіонера, какимъ, въ сущности, онъ до сихъ поръ являлся въ глубоко невѣжественномъ народѣ, а только «наймита», — позорная кличка, которую нерѣзъ мнѣ приходилось слышать изъ устъ крестьянъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы могли наблюдать многихъ учителей средняго типа, не выше и не ниже своихъ товарищей. Мы непосред-

ственно видѣли ихъ отношеніе къ дѣлу и должны признать, что ихъ недостатки, вытекавшіе изъ недостаточнаго общаго образованія и неподготовленности въ спеціальныхъ знаніяхъ, могли бы въ значительной степени быть устраненными, еслибы школьная инспекція носила характеръ болѣе педагогическій, а не полицейскій; если бы она занялась устройствомъ во время долгихъ лѣтнихъ каникулъ учительскихъ курсовъ, уѣздныхъ и губернскихъ, свободныхъ отъ всякой полицейской цензуры. Я не сомнѣваюсь, что такіе публичные періодическіе лѣтніе курсы для учителей внесли бы въ школу здоровую атмосферу, не смотря даже на возможные эксцессы, обыкновенно сопровождающіе первыя проявленія освобожденной отъ оковъ мысли. Во вскомъ случаѣ, такіе курсы и съѣзды служили бы расширеніемъ умственнаго кругозора преподавателей и наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ тайной пропагандой субверсивныхъ идей. Къ сожалѣнію, у насъ въ уѣздѣ былъ случай, закончившійся весьма печально для нѣсколькихъ учителей, притомъ наилучшихъ, ставшихъ жертвой «охранки», улавливавшей молодыхъ и неискушенныхъ жизнью людей въ свои предательскія сѣти. Въ 1901 или 1902 году поступилъ въ число учителей въ одну изъ нашихъ земскихъ школъ молодой человѣкъ очень симпатичной наружности, г. Френкель, умный, образованный, талантливый ораторъ. Онъ былъ утвержденъ въ своей учительской должности и губернаторомъ, и училищнымъ совѣтомъ, т. е. инспекторомъ народныхъ училищъ, безпрепятственно, и тотчасъ принялъ свою школу въ Премухинской волости, одной изъ отдаленныхъ отъ города волостей. Но пробылъ онъ въ своей школѣ недолго и, не покидая ее окончательно, сталъ очень часто отлучаться въ Торжокъ, гдѣ скоро образовалъ кружокъ учителей, фактическимъ руководителемъ котораго онъ и сдѣлался. Я встрѣтилъ его въ первый разъ въ 1902 г. лѣтомъ въ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, гдѣ я читалъ свой докладъ и гдѣ онъ выступилъ въ качествѣ горячаго защитника крестьянскихъ интересовъ, если не вполнѣ освѣдомленнаго въ нихъ, то сумѣвшаго обычными въ такихъ случаяхъ фразами произвести большое впечатлѣніе на крестьянъ, присутствовавшихъ въ комитетѣ, частью въ качествѣ его членовъ, а частью въ публикѣ, весьма многочисленной и видимо очень заинтересованной преніями. Спустя нѣкоторое время Френкель посѣтилъ меня въ Машукѣ, выразивъ желаніе побесѣдовать со мною, въ виду, какъ онъ заявилъ, значительнаго сходства его идей съ идеями, изложеными мною въ докладѣ. Слушая его разсужденія по этому поводу, мнѣ не трудно было убѣдиться, что мой собесѣдникъ горячій сторонникъ революціоннаго крыла партіи эсеровъ, теоріи которыхъ я не раздѣлялъ, а потому наша бесѣда очень скоро утратила интересъ, какъ для него, такъ и для меня; но, долженъ сознаться, я не разглядѣлъ въ немъ провокатора и принялъ его за одного изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ болѣе всего привлекаютъ крайнія идеи переустройства человѣческаго общества, безъ вниманія къ его исторіи. Не могу точно

вспомнить время, когда среди нашихъ учителей были произведены обыски, въ томъ числѣ и у Френкеля, у котораго взяты были бумаги, повидимому, не имѣвшія серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько учителей въ связи съ этимъ были инспекціей уволены отъ службы. Что же касается Френкеля, то онъ также былъ уволенъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ безпрепятственно принятъ на мѣсто учителя въ земской школѣ Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, и утвержденъ какъ губернаторомъ, такъ и инспекціей. Если вспомнить, что такое утвержденіе дѣлалось не иначе, какъ послѣ собранія всѣхъ справокъ о жизни и дѣятельности кандидата, то фактъ безпрепятственнаго утвержденія Френкеля подтвердилъ его предательство, въ чемъ, даже раньше обысковъ, уже возникли подозрѣнія въ средѣ его товарищей-учителей.

Безъ подготовки соотвѣтственнаго персонала нельзя и думать о повышеніи народнаго образованія и переходѣ отъ трехъ и четырехгодичной школы къ шестилѣтней, основной, служащей первой ступенью къ средней и высшей школѣ, и достаточной для всеобщаго образованія. Нашъ Новоторжскій уѣздъ наканунѣ второй революціи уже располагалъ почти полнымъ комплектомъ четырехгодичныхъ школъ и сверхъ того имѣлъ около 25 школъ съ 5-мъ и 6-мъ классами для желающихъ продолжать образованіе выше первоначальнаго. Однако, едва-ли можно признать, что всѣ эти школы могли выполнить задачу, о которой я только что говорилъ; ихъ программы не допускали развитія первоначальной школы до того предѣла, который требуется системой единой школы. Поэтому, хотя наши школы стали шестигодичными, но не стали шестиклассными; онѣ давали гарантію отъ рецидива безграмотности, но нисколько не расширяли кругъ знаній, и подборъ преподавателей въ нихъ оставался прежній, т. е. безъ высшаго и спеціальнаго образованія.

Малограмотная Россія оставалась страной, лишенной необходимаго элементарнаго образованія, которое было бы обезпечено всему ея населенію.

Поселившись въ Машукѣ въ 1897 г., мы нашли въ Новоторжскомъ уѣздѣ уже довольно значительное число школъ, но все же школьная сѣть еще не была закончена даже въ предѣлахъ того трехверстнаго радіуса, который былъ принятъ уѣзднымъ земствомъ. Въ виду этого мы предложили земской управѣ выстроить за нашъ собственный счетъ двѣ школы по ея выбору, но съ возложеніемъ на насъ попеченія объ этихъ школахъ, т. е. дальнѣйшей поддержки ихъ всякаго рода школьными принадлежностями: библіотекой, учебными пособіями и т. п. По соглашенію съ управой были избраны — деревня Боровая, Василевской волости, на берегу Тверцы, въ одной верстѣ отъ Машука, для однокомплектной школы, и деревня Быльцино, въ 5 верстахъ отъ Машука, для двухкомплектной школы. Сверхъ того, мы приняли на свое попеченіе еще три ближайшія къ намъ школы: въ дд. Святцовѣ, Осуйскомъ

и въ Раменьѣ. Избраніе земскимъ собраніемъ моей жены попечительницей Быльцинской школы, а меня — Боровской не удостоилось утвержденія губернаторомъ, и повело къ горячему протесту многихъ неутвержденныхъ попечителей на губернскомъ дворянскомъ собраніи, о чемъ я уже говорилъ раньше; тѣмъ не менѣе, протесты ни къ какому результату не привели. Но жизнь не заботится о томъ, что думаетъ начальство, и фактически никто и ничто не препятствовало намъ принимать участіе въ поддержкѣ этихъ пяти школъ, благодаря наилучшимъ отношеніямъ, установившимся между учительскимъ персоналомъ этихъ школъ и нами. Мы снабжали школы книгами и учебными пособіями, а также устраивали въ школахъ на рождественскихъ святкахъ елки для учащихся, причемъ ни разу не встрѣтили ничего, что было бы похоже на вмѣшательство школьной инспекціи или полиціи. Неожиданно для насъ, столкновенія происходили иногда съ другой стороны. Бывали случаи, когда деревенская толпа, смотрѣвшая съ завистью на угощеніе и особенно на маленькіе подарки, которые получали дѣти, отнимала у нихъ полученныя вещи при выходѣ изъ школы: приходилось увѣщевать толпу. Впрочемъ, и толпа ни разу не переходила въ насиліе, но видимо недоумѣвала, почему такое предпочтеніе оказывается школьникамъ, а не всѣмъ: «поравненіе» представлялось толпѣ правиломъ ненарушимымъ и не допускающимъ никакихъ исключеній.

Среди нѣкоторыхъ земскихъ служащихъ, а также мѣстной интеллигенціи въ Торжкѣ возникла мысль объ устройствѣ потребительнаго товарищества, въ составъ котораго мнѣ было предложено вступить. Иниціаторами предпріятія были земскій агрономъ и одинъ изъ директоровъ мѣстнаго общества взаимнаго кредита, обѣщавшіе всевозможное содѣйствіе и даже участіе въ ближайшемъ завѣдованіи лавкой.

Еще въ 1868 году, по почину покойнаго М. А. Имшенецкаго, о которомъ я уже говорилъ, въ Борзнѣ было устроено потребительное товарищество, въ которое вступило довольно много членовъ. Сначала дѣло пошло недурно, благодаря тому, что оно было новинкой и очень многіе интересовались имъ. Лавка товарищества стала чѣмъ-то въ родѣ клуба, въ которомъ всегда можно было застать нѣсколько членовъ и поболтать о перспективахъ новаго предпріятія. Но очень скоро интересъ сталъ остывать, долги членовъ по забору товара стали расти, оборотныя средства уменьшаться и цѣны въ лавкахъ старыхъ купцовъ становиться ниже и выгоднѣе для покупателей. Дѣлв лавки товарищества стали быстро клониться къ упадку. Пригласили опытнаго приказчика, дѣло пошло еще хуже, начались «недоразумѣнія» въ счетахъ и товарищество вынуждено было ликвидировать свое предпріятіе, убѣдившись, что диллетантизмъ въ торговлѣ такъ же безплоденъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Но со времени этого неудачнаго опыта протекло тридцать лѣтъ и успѣхъ потребительныхъ обществъ въ Россіи свидѣтельствовалъ, что уроки не прошли дромъ. Принимая это во вниманіе, я согласился на предложеніе, взялъ паи и даже внесъ нѣкоторую сум-

му въ оборотныя средства потребительнаго общества. Увы, безплодіе диллетантизма, какъ законъ природы, не смотря на время, осталось незыблемымъ и новоторжское потребительное общество прошло черезъ всѣ фазы борзенскаго товарищества, напомнивъ, что пироги долженъ печь пирожникъ, а не сапожникъ. Но повтореніе такой неудачи нисколько не подорвало моего убѣжденія въ полезности кооперацiи подъ условіемъ правильной организаціи ея состава и ея функцій.

Въ моихъ довольно частыхъ бесѣдахъ съ моими сосѣдями-крестьянами по поводу разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, мнѣ часто приходилось касаться кредита, къ которому они прибѣгали у своихъ богатѣевъ на довольно тяжелыхъ условіяхъ, лишавшихъ возможности болѣе выгоднаго пріобрѣтенія предметовъ крестьянскаго хозяйства и сбыта его произведеній. Эти бесѣды привели меня къ мысли устроить кредитное товарищество, которое могло бы выполнить три задачи: 1. Оказывать своимъ членамъ недорогой краткосрочный кредитъ вообще; 2. Оказывать кредитъ для покупки всякихъ предметовъ хозяйства: лошадей, скота, с.-хозяйственныхъ орудій, удобреній и т. д.; 3. Брать на себя посредничество въ продажѣ предметовъ хозяйства и оказывать кредитъ подъ залогъ продаваемыхъ предметовъ.

По этому поводу я совѣщался съ покойнымъ М. Я. Герценштейномъ, который очень сочувственно отнесся къ моему намѣренію, но предупреждалъ меня о трудности такой задачи, въ виду чрезвычайно ограниченной кредитоспособности крестьянства, находящагося, подъ видомъ защиты, въ опекѣ земскихъ начальниковъ, которые рѣшали, какіе предметы изъ имущества должника могутъ служить обезпеченіемъ долга и на какіе вовсе не можетъ быть обращено взысканіе долга. Сверхъ того, нормальный уставъ кредитныхъ товариществъ вовсе не имѣлъ въ виду кредитныхъ операцій, означенныхъ во второмъ и третьемъ пунктахъ моихъ предположеній, о разрѣшеніи которыхъ надо было возбуждать особое ходатайство, и до разрѣшенія этого ходатайства приходилось ограничиться операціями, указанными въ пунктѣ первомъ.

Смущала насъ и мысль, что крестьяне совершенно не подготовлены къ веденію такихъ дѣлъ, требующихъ большой аккуратности и точности. Но, принимая во вниманіе, что уставъ допускаетъ контролирующую роль попечителя, мы полагали, что если я буду въ силахъ отдать достаточно времени и труда товариществу, то, быть можетъ, удастся вести дѣло въ порядкѣ; если же такая задача окажется мнѣ не по силамъ, то возможно допустить второго попечителя — моего сына Михаила Ивановича, который и будетъ замѣнять меня. Послѣ того, какъ всѣ эти вопросы были выяснены, я и Михаилъ Ивановичъ рѣшили подать въ министерство финансовъ просьбу о разрѣшеніи намъ, въ качествѣ учредителей, открыть на основаніи нормальнаго устава кредитное товарищество въ раіонѣ, предѣлы котораго будутъ указаны нами, причемъ я и Михаилъ Ивановичъ обязались внести безвозвратно по 500 руб. каждый въ основной капиталъ товарищества, подъ условіемъ

признанія за нами права состоять попечителями товарищества, предусмотрѣнными въ уставѣ. Но для того, чтобы представить просьбу о разрѣшеніи, требовались подписи тридцати учредителей товарищества. Собрать такое число подписей казалось бы нетрудно, но крестьянство, охотно слушающее демагогическія обѣщанія, относится съ большимъ недовѣріемъ ко всякой подписи офиціальнаго документа, смыслъ котораго ему представляется подозрительнымъ. Въ данномъ же случаѣ представлялось весьма подозрительнымъ то обстоятельство, что я хлопоталъ о разрѣшеніи открытія «банка», для котораго давалъ свои деньги, значитъ дѣло не спроста: своихъ денегъ никто даромъ не даетъ; долго-ли, взявъ деньги изъ банка, запутаться? Слушая такіе разговоры, я предполагалъ, что одинъ изъ школьныхъ учителей, по своему происхожденію изъ мѣстныхъ крестьянъ, можетъ убѣдить ихъ, что нхъ опасенія и подозрѣнія неосновательны. Учитель охотно взялся убѣждать, но собралъ только нѣсколько голосовъ. Ничего болѣе не оставалось, какъ собрать недостающее число голосовъ среди своихъ домашнихъ. Только такимъ образомъ 30 подписей было собрано, и прошеніе послано въ министерство. Но, если потребовалось много времени, чтобы собрать подписи, то еще болѣе требовалось времени, чтобы придти къ соглашенію съ комитетомъ, завѣдующимъ дѣлами учрежденій мелкаго кредита. Комитетъ сдѣлалъ, въ отвѣтъ на мое прошеніе, два возраженія: во-первыхъ, раіонъ дѣятельности учреждаемаго Раменскаго кредитнаго товарищества, по мнѣнію комитета, долженъ совпадать съ границами волости, а мною включено нѣсколько деревень двухъ другихъ волостей, а во-вторыхъ, уставъ предусматриваетъ только одного попечителя, я же ввожу въ свой уставъ двухъ. На почвѣ этихъ возраженій завязалась, столь любимая бюрократіей, переписка. Какъ ни пытался я доказать, что включеніе въ раіонъ товарищества нѣсколькихъ деревень другихъ волостей не нарушаетъ ничьихъ интересовъ, т. к. всѣ эти деревни расположены у самой границы Раменской волости и въ хозяйственномъ отношеніи болѣе тяготѣютъ къ Раменью; что интересъ именно этихъ деревень побудилъ меня устроить кредитное товарищество, соединивъ ихъ въ одинъ раіонъ съ ближайшими деревнями Раменской волости; что кредитное товарищество имѣетъ свой собственный раіонъ, вовсе не совпадающій съ границами волостей, имѣющихъ значеніе только административное, и, наконецъ, если раіонъ товарищества будетъ измѣненъ, то я не вижу никакихъ причинъ поддерживать мое прошеніе, содержаніе котораго, вмѣстѣ со мною, поддерживаютъ и всѣ подписавшіе его. Что же касается вопроса о двухъ попечителяхъ, то я настаиваю на этомъ моемъ желаніи въ виду моего преклоннаго возраста и трудности для меня отдавать дѣлу слишкомъ много времени, ибо я предвижу, что незнакомство населенія съ правилами веденія кредитныхъ операцій и желательность, чтобы все дѣло находилось въ рукахъ крестьянъ и велось исключительно ими, безъ участія всякихъ дѣльцовъ, побуждаютъ меня контролировать дѣятельность товарищества возмож-

но тщательнѣе, чтобы предупреждать возможность ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, комитетъ не признавалъ моихъ соображенiй и продолжалъ настаивать на своемъ, не смотря на то, что не только въ Новоторжскомъ уѣздѣ не было ни одного кредитнаго товарищества, но и во всей Тверской губернiи въ то время было, кажется, единственное кредитное товарищество въ с. Кимрахъ, Корчевского уѣзда, гдѣ существовалъ огромный мѣстный сапожный промыселъ; сельско-хозяйственнаго-же не было ни одного, такъ что Раменское товарищество являлось первымъ опытомъ въ губернiи. Дѣло о разрѣшенiи тянулось цѣлый годъ. Наконецъ, я поручилъ моему брату лично переговорить по этому поводу съ завѣдующимъ дѣлами комитета, г. Беретти, который, наконецъ, согласился утвердить предложенный мною уставъ. Такимъ образомъ, легализацiя Раменскаго кредитнаго товарищества совершилась. Назначено было общее собранiе членовъ т-ва въ Раменьѣ и выборъ правленiя, въ составъ котораго были выбраны три крестьянина и дѣлопроизводитель — учитель мѣстной школы, тоже крестьянинъ, временно, впредь до ознакомленiя членовъ съ дѣлопроизводствомъ. Тутъ-же были внесены мною и моимъ сыномъ, Михаиломъ Ивановичемъ, тысяча рублей. Къ этой суммѣ, согласно уставу, государственный банкъ внесъ въ основной капиталъ съ своей стороны тысячу рублей. Товарищеетво тутъ же приняло рѣшенiе собираться для операцiй по воскреснымъ днямъ, когда населенiе наиболѣе свободно.

Я не могу сказать, чтобы населенiе приняло новое учрежденiе очень радушно. Оказались даже явные противники, въ томъ числѣ волостной старшина, имѣвшiй свою деревенскую лавку и занимавшiйся также кредитными операцiями. Были и другiе, — всѣ кредитующiе и ясно видѣвшiе, что въ лицѣ товарищества они имѣютъ опаснаго конкурента. Тѣмъ не менѣе, недовѣрiе стало падать и особенно съ того времени, когда я поднесъ товариществу несгораемый шкапъ для храненiя денегъ, счетовъ и вообще всего дѣлопроизводства. Я же счелъ необходимымъ сдѣлать этотъ подарокъ послѣ разговора съ однимъ зажиточнымъ крестьяниномъ, который могъ внести нѣкоторую сумму для оборотовъ т-ва, но отказывался сдѣлать это въ виду того, что «правленiе носитъ деньги въ своихъ карманахъ», т. е. что цѣлость денегъ т-ва совершенно не обезпечена. Конечно, говорилъ онъ, было бы выгоднѣе помѣстить деньги въ кассѣ товарищества, чѣмъ въ казенной ссудо-сберегательной кассѣ; въ послѣдней-же, хотя процентъ маленькiй, но деньги не пропадутъ, а въ товариществѣ «всякое бываетъ». Послѣ торжественной установки несгораемой кассы, этотъ скептикъ внесъ въ кассу въ тотъ-же день 500 руб. въ оборотный капиталъ.

Какъ только дѣло стало налаживаться, я сообщилъ М. Я. Герценштейну объ этомъ и пригласилъ его прiѣхать и посмотрѣть на наше новое учрежденiе. Онъ откликнулся немедленно и прiѣхалъ изъ Москвы. Почти весь воскресный день мы провели съ нимъ въ засѣданiи товарищества, внимательно слѣдя за обсужденiемъ членами правленiя каж-

дой ссуды, за обстоятельными разспросами заемщика о цѣляхъ займа, о способахъ его погашенія и т. п. Когда операціи были закончены, Михаилъ Яковлевичъ, въ то время главный дѣятель московскаго земельнаго банка, поздравилъ товарищество и выразилъ увѣренность, что дѣло стоитъ на твердыхъ ногахъ. Онъ очень одобрилъ мое личное отношеніе къ т-ву, въ дѣятельность котораго я безусловно не вмѣшивался, предоставляя ему полную свободу дѣйствій, и только въ самомъ началѣ, когда т-во, принимая во вниманіе существующій въ деревняхъ процентъ, взимаемый съ населенія при займахъ, хотѣло назначить не менѣе 12 годовыхъ, или по 1% въ мѣсяцъ, я убѣдилъ товарищество не поднимать его выше 9-ти или 3/4% въ мѣсяцъ, но въ данномъ случаѣ я дѣйствовалъ, какъ рядовой членъ т-ва, а не какъ попечитель. Позднѣе т-во все таки повысило %, взимаемый за ссуды, но это произошло уже безъ меня, когда я переѣхалъ въ Петербургъ, будучи избранъ въ первую Гос. Думу.

При учрежденіи Московскаго Народнаго Банка, въ спискѣ коопераций, принявшихъ участіе въ подпискѣ на образованіе капитала Банка, значилось и Раменское кредитное товарищество. Значитъ, въ то время оно еще существовало и если погибло, то лишь трудами большевиковъ, разрушившихъ все, что поддерживало жизнь Россіи, что такъ или иначе служило народу школою самоуправленія, рамки котораго гораздо шире земскихъ учрежденій и которое проявляется въ самыхъ разнообразныхъ организаціяхъ и формахъ народной жизни.

Я всегда думалъ, что при поселеніи въ деревнѣ сближеніе съ мѣстнымъ населеніемъ становится необходимымъ и неизбѣжнымъ. Надо быть совершенно лишеннымъ соціальныхъ чувствъ, чтобы оставаться равнодушнымъ къ жизни живущихъ съ вами бокъ-о-бокъ, притомъ гораздо болѣе страдающихъ, чѣмъ радующихся, терпящихъ лишенія и часто не умѣющихъ выйти изъ своего труднаго положенія. Сближеніе съ населеніемъ, въ сущности, заключается въ томъ, чтобы достигнуть взаимнаго пониманія и довѣрія. Правда, и то и другое достигается нелегко и нескоро. Опытъ многихъ поколѣній научилъ народную массу не довѣрять ни чиновнику, ни барину, отъ которыхъ онъ терпѣлъ столько притѣсненій и обидъ. Каждому проходимцу онъ вѣрилъ только потому, что тотъ также принадлежалъ къ числу обманутыхъ и обиженныхъ. Общее страданіе соединило ихъ въ ненависти къ притѣснителю. Поэтому, нигдѣ успѣхъ всякой демагогіи не былъ такъ обезпеченъ, какъ у насъ въ Россіи; нигдѣ соціализмъ и коммунизмъ не могли такъ беззаботно быть приняты крестьянствомъ, интересы котораго безусловно непримиримы съ коммуной, какъ въ Россіи, гдѣ всякая фантазія представляется лучше дѣйствительности.

Для дѣйствительнаго сближенія съ населеніемъ нѣтъ никакой надобности ни опрощаться и принимать обликъ «кающагося дворянина», ни разыгрывать роли «благодѣтеля», воображающаго, что деньгами можно купить чье бы то ни было довѣріе или расположеніе. Перваго

будутъ считать въ лучшемъ случаѣ чудакомъ или блаженнымъ, а второго — дуракомъ, котораго не обманываетъ только такой-же дуракъ. Когда мы переѣхали въ Машукъ, въ одной верстѣ отъ насъ въ деревушкѣ Телицыно, на берегу Тверцы, жилъ нѣкто Ярцевъ, самый подлинный типъ «кающагося дворянина»: бывшій артиллерійскій офицеръ, сѣвшій на землю. Женился онъ, кажется, на крестьянкѣ, обзавелся 15-ью десятинами земли и семьею, и въ потѣ лица своего ковырялъ землю, добывая кусокъ хлѣба. Онъ былъ очень неглупый человѣкъ, безусловно порядочный, и въ полномъ смыслѣ неудачникъ. У него былъ и видъ не крестьянина, а какой-то особый — выцвѣтшій и жалкій. Большая семья требовала гораздо больше средствъ, чѣмъ давало ему хозяйство, поэтому его давила постоянная нужда, но она не вызывала у сосѣдей крестьянъ ни жалости, ни сочувствія, ни уваженія: чего ради онъ сѣлъ на землю, взялся за крестьянскій трудъ, бросивъ свое настоящее дѣло, для котораго столько лѣтъ учился? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, глядя на Ярцева и на его нужду, задавали такой вопросъ его сосѣди. И въ самомъ дѣлѣ, думаютъ они, кому нужно это подвижничество? Для спасенія собственной души имѣется монастырь, а коли хочешь спасать душу на міру, то дѣлай свою жизнь примѣромъ, который воистину показалъ-бы, какъ надо жить; будь полезенъ народу, среди котораго цѣлое море горя и страданій отъ его невѣжества, а ты — ученый, и народъ отвѣтитъ сторицей на твою жертву. А что изъ того, что ты ковыряешь землю, голодаешь самъ и голодаетъ вся твоя семья, кому какая польза отъ того?

Въ своихъ сужденіяхъ о «спасеніи души» крестьянство вовсе не стоитъ на безразличной или на отрицательной точкѣ зрѣнія. Простой народъ относится съ сочувствіемъ и съ уваженіемъ ко всякому подвижничеству, даже къ юродивымъ и нищенствующимъ Христа ради. Но онъ считаетъ, что между цѣлью и средствомъ ея достиженія должно быть соотвѣтствіе, разумная цѣлесообразность, которой онъ не видитъ ни въ опрощеніи, ни въ сельскомъ хозяйствѣ, утилитарныя цѣли котораго для него не подлежатъ сомнѣнію.

Однажды Ярцевъ пришелъ ко мнѣ, объяснилъ свое тяжелое положеніе и спросилъ, не могу-ли я купить его землю, такъ какъ онъ нашелъ себѣ другую работу, болѣе выгодную, которая дастъ ему возможность содержать свою семью. Но, не продавъ земли, онъ не можетъ двинуться съ мѣста, а мѣстные крестьяне предлагаютъ за землю не подходящую плату. Я слушалъ Ярцева и вспомнилъ А. А. Русова, двадцать лѣтъ тому назадъ продѣлавшаго на югѣ такой-же опытъ, но скоро почувствовавшаго свою ошибку и вернувшагося къ своему дѣлу, полезному и нужному для родины, — и я согласился освободить Ярцева отъ его неволи. Года два спустя, я встрѣтилъ его случайно. У него былъ совсѣмъ другой видъ, болѣе естественный, независимый и не выцвѣтшій: онъ устроился на какой-то частной службѣ.

ГЛАВА XVI.

Политическое наслѣдство, полученное императоромъ Николаемъ II. — Самодержавный Олимпъ. — Горемыкинъ и Витте. — Убійство министровъ Боголѣпова и Сипягина. — Витте и ограниченія бюджетныхъ правъ земства. — Комитеты о сельскохозяйственной промышленности. — Изданіе заграницей свободнаго печатнаго органа «Освобожденіе». — Поѣздка въ Шварцвальдъ и организація «Союза Освобожденія». — Ревизія тверского и московскаго земствъ. — Японская война. — Разгромъ тверского губ. земства и замѣна новоторжскаго уѣзднаго правительственной комиссіей. — Высылка тверскихъ и новоторжскихъ земскихъ гласныхъ изъ предѣловъ губерніи. — Мы съ А. С. покидаемъ Машукъ. — Убійство министра вн. дѣлъ Плеве. — Назначеніе министромъ вн. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго. — Телеграмма, призывающая меня въ Петербургъ. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Почитатели императора Александра III-го присвоили ему титулъ «миротворца» въ убѣжденіи, что его дѣятельность упрочила миръ, какъ внѣ Россіи, такъ и внутри ея. Конечно, такое утвержденіе о состояніи международнаго мира было явнымъ преувеличеніемъ, ибо европейскій миръ зависѣлъ не отъ одной Россіи и даже менѣе всего отъ нея. Въ Европѣ господиномъ положенія до 1890 года былъ Бисмаркъ, сошедшій съ политической сцены за 4 года до смерти русскаго царя. Соглашеніе съ Франціей было логической необходимостью и послѣдовало въ концѣ царствованія. Иначе стоитъ дѣло съ внутренней политикой, гдѣ Александръ III былъ полнымъ хозяиномъ. Безспорно, послѣдовательно проводимыми суровыми полицейскими мѣрами власть достигла внѣшняго спокойствія, но не примиренія тѣхъ теченій, которыя также логически вытекали изъ природы историческаго развитія общественнаго самосознанія. Такое теченіе можетъ быть временно задержано, но не уничтожено, и рано или поздно прорветъ задерживающую его плотину. Укрѣпленіе или уничтоженіе такой плотины и было наслѣдствомъ, которое Николай II получилъ отъ своего отца. Рѣшеніе такой задачи было нелегкое для человѣка, обладавшаго посредственнымъ умомъ, очень незначительнымъ образованіемъ и чрезвычайно слабымъ характеромъ, человѣка, склоннаго подчиняться всякимъ вліяніямъ и лишеннаго всякаго опыта.

Шумное выступленіе Николая II во время перваго пріема имъ депутацій дворянства, земства и городовъ, явившихся для принесенія поздравленій со вступленіемъ на царство; его грубый отвѣтъ тверскому земству, рѣшившемуся въ своемъ адресѣ напомнить молодому царю о нуждахъ страны, свидѣтельствовали, что государь уже находится подъ вліяніемъ старыхъ совѣтниковъ умершаго императора, которые успѣли внушить ему увѣренность, что самодержавіе остается незыблемымъ устоемъ русской государственности; что всякая попытка ввести въ Россіи конституціонный строй — представляетъ не болѣе какъ «безсмысленныя мечтанія», которыя будутъ раздавлены твердостью и силою власти.

Такимъ образомъ, вопросъ о политическомъ наслѣдствѣ Николая II конкретно состоялъ въ выборѣ либо курса, котораго держался Александръ III, т. е. безусловно реакціоннаго, не допускающаго никакихъ компромиссовъ, опирающагося на сословный строй и господство дворянства, либо иного курса, состоящаго въ попыткѣ исправить ошибку своего предшественника и, признавъ историческую необходимость, допустить насильственно задержанное развитіе реформъ Александра II.

Какъ извѣстно, ни одна реформа Александра II не была доведена до конца, и всѣ его начинанія, великія по основнымъ идеямъ, носили въ себѣ внутреннее противорѣчіе, мѣшавшее ихъ свободному развитію и тѣмъ достиженіямъ, которыхъ можно было отъ нихъ ожидать. Основная ошибка заключалась въ томъ, что, исходя изъ идеи равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, считали нужнымъ въ то же время сохранить обособленность, такъ называемыхъ, податныхъ сословій, т. е. сохранить сословный строй, покоющійся именно на неравенствѣ сословій. Сословное начало проведено какъ въ крестьянской реформѣ, не давшей крестьянамъ всѣхъ гражданскихъ правъ и сохранившей за ними значеніе «податного» сословія, — такъ и въ земской реформѣ, обособившей всѣ сословія одно отъ другого, не поставивъ крестьянство, неизмѣримо болѣе многочисленное, въ равныя условія съ другими сословіями.

Что же касается судебной реформы, то волостной судъ просто былъ выдѣленъ изъ Судебныхъ Уставовъ, причемъ 85—90% крестьянскаго населенія фактически лишено судебной защиты во имя сохраненія обычнаго права, которымъ крестьянство якобы очень дорожитъ. Такимъ образомъ, идея равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, для всѣхъ единымъ, принесена въ жертву идеѣ сословности, раздѣляющей народъ по разнымъ клѣткамъ, съ разными правами и разными обязанностями: права предоставлялись однимъ, обязанности возлагались на другихъ.

Если въ давнія времена идея равенства передъ закономъ представлялась утопіей, то въ серединѣ XIX-го вѣка это былъ уже фактъ довольно широко распространенный въ Западной Европѣ, и если, тѣмъ не менѣе, этотъ принципъ былъ отвергнутъ въ реформахъ 60-хъ годовъ, то это надо приписать тому, что императоръ Александръ II считалъ необходимымъ проводить либеральныя реформы съ помощью консервативныхъ и даже реакціонныхъ дѣятелей. Достаточно вспомнить, что крестьянскую реформу заканчивалъ графъ В. Н. Панинъ, а земскую — Валуевъ, отъ которыхъ Царь-Освободитель не могъ ожидать либеральныхъ совѣтовъ.

Какъ ни существенны были ограниченія идеи свободы и равенства, внесенныя въ реформы императора Александра II-го, тѣмъ не менѣе, эти реформы стали исторической гранью двухъ эпохъ Россіи: дореформенной и пореформенной; онѣ дали огромный толчокъ развитію на-

роднаго сознанія и создали базу для тѣхъ самыхъ идей, которыя онѣ были вынуждены поставить, хотя и въ скрытой формѣ. Раскрытіе ихъ стало задачей интеллигенціи, и надо признать, что никто не оказалъ ей большей поддержки, какъ упорный противникъ всякихъ реформъ, императоръ Александръ III, своей попыткой повернуть Россію назадъ. Та небольшая доля правъ, которыя крестьянство получило на основаніи реформъ крестьянской и земской въ 1861 и 1864 г.г., была до послѣдней степени ограничена реформами 1889-1890 г.г., подчинившими крестьянъ власти земскихъ начальниковъ какъ административной, такъ и судебной съ одной стороны, а съ другой, лишившими ихъ всякой самостоятельной роли въ земствѣ.

Если эта новая «реформа» была проведена сравнительно спокойно и не вызвала никакихъ эксцессовъ, то это объясняется тѣмъ, что вступленіе Александра III-го на престолъ сопровождалось такими трагическими событіями, которыя оставили глубокое впечатлѣніе какъ въ обществѣ, такъ и въ крестьянствѣ, пробуждая въ нихъ реакціонныя чувства. Къ тому-же революціонные элементы на довольно продолжительное время были обезоружены, что дало власти возможность укрѣпить свои силы.

Императоръ Александръ III скончался около четырехъ лѣтъ послѣ проведенія своихъ реформъ и не ему досталось увидѣть ихъ результаты. Это опасное политическое наслѣдство онъ оставилъ своему сыну. Можно было заранѣе предвидѣть, что при сколько нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ вокругъ этого наслѣдства возникнетъ борьба двухъ теченій: самодержавно-крѣпостническаго, отживающаго во всемъ мірѣ, и освободительнаго, заступающаго его мѣсто. Логика вещей была на сторонѣ послѣдняго, а выборъ принадлежалъ царю. Фактически-же этотъ роковой вопросъ рѣшала та среда, на которую опирался умершій государь, а теперь вынужденъ былъ опираться Николай II.

Личный составъ самодержавнаго Олимпа намъ, провинціальнымъ дѣятелямъ, былъ мало знакомъ, но въ общемъ мы не сомнѣвались, что это гнѣздо связано не національными, не народными, даже не классовыми интересами, а исключительно личными. Конечно, мы знали, что даже въ Содомѣ были праведники, и не сомнѣвались, что и въ россійскомъ Олимпѣ имѣются люди достойные всякаго уваженія, но, къ сожалѣнію, ихъ вліяніе на общій характеръ дѣлъ было наименѣе замѣтно. Чтобы не быть голословнымъ, я могу сослаться на «Воспоминанія» Витте, на свидѣтельство человѣка, принадлежавшаго въ теченіе двухъ послѣднихъ царствованій къ высшей бюрократіи, человѣка несомнѣнно наиболѣе даровитаго, но въ сферѣ нравственныхъ требованій и чувства человѣческаго достоинства стоящаго не выше той среды, которую онъ описываетъ.

Въ общемъ, это — картина такой моральной распущенности и такихъ низкихъ интересовъ, такой взаимной ненависти, такой жажды бо-

гатства и высокаго положенія, что ннчему другому тамъ не оставалось мѣста кромѣ интриги, не останавливающейся ни передъ какими средствами.

Съ удивительной откровенностью, доходящей до наивности или цинизма, Витте разсказываетъ о своихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ кн. Влад. Петр. Мещерскимъ, избравшимъ карьеру не служебную, а журналиста, пользовавшимся среди двора, аристократіи и высшей бюрократіи всеобщнмъ презрѣніемъ и въ то же время занимавшимъ роль посредника, совѣтника царей Александра III и Николая II-го. Его совѣты оплачивались крупными суммами изъ государственнаго казначейства для поддержанія его газеты, носившей названіе «Гражданинъ» вѣроятно для того, чтобы загрязнить этотъ титулъ. Свое сблнженіе съ кн. Мещерскимъ Витте объясняетъ тѣмъ, что въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра III, при которомъ онъ занималъ мѣсто министра финансовъ, на него была возложена обязанность выдавать непосредственно кн. Мещерскому по 80 тысячъ рублей ежегодно на изданіе его газеты. Деньги эти выдавались, однако, директоромъ государственнаго казначейства, а не самимъ Витте, а потому можно думать, что знакомство съ Мещерскимъ его заинтересовало не само по себѣ, а близостью этого человѣка къ государю, который даже велъ съ нимъ переписку и очевидно съ интересомъ читалъ его газету. Интересъ Витте становится понятнымъ... Сближеніе Александра съ княземъ Мещерскимъ относится къ юнымъ годамъ Александра, когда Мещерскій былъ постояннымъ товарищемъ игръ и общенія съ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ, скончавшнмся въ ранней молодости и своей смертью открывшимъ Александру III-му путь къ престолу. По словамъ Витте все, что было близко умершему брату, стало близко и Александру III-му н сдѣлалось предметомъ заботъ всей его жизни, поэтому кн. Мещерскій и попалъ въ число людей, которыхъ царь прнннмалъ у себя «съ задняго крыльца», т. к. императрица Марія Өеодоровна считала его «негодяемъ». Близкіе люди къ императору, какъ гр. Воронцовъ-Дашковъ и Побѣдоносцевъ, отзывалнсь о немъ съ презрѣніемъ. Первый на вопросъ Витте сказалъ, что «Мещерскій это такой господинъ, съ которымъ онъ не желаетъ знаться и которому онъ руки не подастъ», а второй объявилъ, что «Мещерскій просто негодяй, такой грязный человѣкъ, съ которымъ онъ также не желаетъ знаться», а что «знаетъ его съ молодости». Но Витте зналъ, что «Мещерскій аккуратно дѣлалъ государю разныя сообщенія, т. е. посылалъ ему нѣчто въ родѣ своего дневника, въ которомъ пнсалъ обо всѣхъ выдающихся политическихъ событіяхъ. Съ своей стороны, императоръ иногда тоже писалъ Мещерскому.» Кажется, этихъ свѣдѣній достаточно, чтобы имѣть ясное представленіе объ этомъ публицистѣ, но Витте идетъ дальше и сообщаетъ о немъ столь скандальныя свѣдѣнія, что всѣ эти достаточно извѣстные чуть ли не всей Россіи факты онъ вынужденъ обозначать многоточіемъ. Любопытно въ этихъ фактахъ лишь то, что друзья Мещерскаго,

офицеры Колышко и Бурдуковъ, бросили свою военную службу, заняли видныя мѣста въ министерствахъ внутр. дѣлъ и земледѣлія и за служебныя командировки получали по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а Бурдуковъ еще, кромѣ того, превратился даже въ камергеры двора Его Величества. Витте дѣлаетъ видъ, что всѣ эти мерзости приводятъ его въ иегодованіе, что, одиако, ие мѣшаетъ ему бывать у Мещерскаго, принимать его приглашенія на обѣды и обсуждать съ нимъ кандндатуру разныхъ претендентовъ на открывающійся постъ министра, даже удивляться, что Мещерскій, въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ и Сипягинымъ, выражалъ увѣренность, что назначеніе министромъ Плеве, въ случаѣ отставки Сипягина, было бы истнннымъ несчастьемъ для Россіи. Спустя же нѣсколько недѣль былъ убитъ Сипягннъ, и тотъ-же Мещерскій немедленно «видѣлся съ Плеве и иаписалъ Его Величеству письмо о томъ, что единственный кандидатъ на постъ министра внутр. дѣлъ есть Плеве. Дѣйствительно, черезъ два дня послѣ смерти Сипягина Плеве былъ назначенъ». Вптте приходитъ въ негодоваиіе отъ такого предательства Мещерскаго, съ которымъ онъ самъ поддерживзлъ дружескія отношенія и столь же дружески въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ о иемъ самыя позорныя свѣдѣнія.

Я остановился на этомъ разсказѣ Витте въ виду того, что онъ служитъ достаточно полнымъ изображеніемъ той среды, которая окружала россійскаго самодержца. Мещерскій не заслуживалъ бы, самъ по себѣ, никакого вниманія, если бы этотъ гнусный негодяй не игралъ такой роли при царѣ и не пользовался такимъ вліяніемъ, что даже принималъ участіе въ назначеніи министровъ, камергеровъ и т. п.

Такова была среда, составлявшая опору императора Николая II-го, при томъ среда, вполнѣ соотвѣтствующая уровню его собствеиныхъ понятій, воззрѣній, привычекъ и унаслѣдованныхъ имъ традицій. Но, благодаря своему слабому характеру, своей неустойчивости и склонности подчиняться постороннему вліянію, онъ мѣнялъ своихъ министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ такъ часто, что едва-ли могъ имѣть хотп бы немногихъ искреннихъ друзей. Достаточно вспомнить, что въ течеиіе его 23-лѣтняго царствованія смѣннлось 14 мннистровъ, представнтелей его внутренней политики (Дурново И. Н., Горемыкинъ, Сипягинъ, Плеве, кн. Святополкъ-Мирскій, Булыгинъ, Витте, вновь Горемыкинъ, Столыпинъ, Коковцевъ, вновь Горемыкинъ, Штюрмеръ, Треповъ, кн. Голицынъ). Къ нимъ слѣдуетъ прибавить, такъ сказать, параллельныхъ руководителей внутренней политики: другого Трепова, другого Дурново П. Н. и Протопопова. Правда, изъ всѣхъ этихъ министровъ трое было убито: Сипягинъ, Плеве и Столыпинъ, тѣмъ не менѣе, для самодержавнаго порядка такая смѣна министровъ внутр. дѣлъ уже сама по себѣ представляетъ въ скрытомъ состоянін революцію. Но такую же «чехарду», по выраженію бывшаго депутата крайней правой Гос. Думы Пуришкевича, представляла смѣна и министровъ народнаго просвѣщенія (Деляновъ, Боголѣповъ, Ванновскій, Зенгеръ, Глазовъ, гр. И. И.

Толстой, Кауфманъ, Шварцъ, Кассо, гр. Игнатьевъ и Кульчицкій, всего — 11).

Старый самодержавный строй видимо разрушался не только работой снизу, но и сверху, и императоръ Николай II, провозглашая свое пріятіе отцовскаго наслѣдства, былъ гораздо болѣе «безсмысленнымъ мечтателемъ», чѣмъ мы, напоминавшіе о невѣдомыхъ ему нуждахъ Россіи.

Въ началѣ 1895 г. Дурново былъ замѣненъ на посту мин. вн. дѣлъ Горемыкинымъ. Назначеніе Горемыкина на постъ министра внутр. дѣлъ было принято въ общественныхъ кругахъ спокойно, именно въ виду тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ рекомендовалъ его Побѣдоносцевъ: его продолжительной службы въ судебномъ вѣдомствѣ, гдѣ создается привычка къ повиновенію только закону. Но, какъ извѣстно, министерство внутр. дѣлъ никогда не отличалось такой добродѣтелью, и произволъ власти здѣсь признавался какъ бы закономъ природы этого учрежденія. Вѣроятно, подъ вліяніемъ еще старыхъ привычекъ судебнаго вѣдомства, Горемыкинъ задумалъ ввести земскія учрежденія въ Западномъ краѣ Европейской Россіи, который былъ лишенъ этихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. На почвѣ этого проекта Горемыкинъ встрѣтилъ противника въ лицѣ министра финансовъ — С. Ю. Витте, но въ плоскости не спеціально финансовой, а политической: опасности распространенія мѣстнаго самоуправленія для самодержавнаго строя Россіи. Другими словами, Витте бралъ на себя защиту русской системы самодержавнаго строя, которому, по его мнѣнію, грозилъ проектъ министра внутр. дѣлъ распорстраненіемъ учрежденій, «не соотвѣтствующихъ самодержавному строю государства», потому что «послѣдовательное развитіе началъ его (самоуправленія) неизбѣжно приведетъ къ властному участію выборныхъ представителей населенія въ законодательствѣ и въ верховномъ управленіи». Въ подтвержденіе своего взгляда Витте ссылался на исторію Западной Европы.

Министръ внутр. дѣлъ Горемыкинъ, съ своей стороны, не могъ оставить довода Витте безъ возраженій, сущность которыхъ приведена въ той же книгѣ, изъ которой я цитирую и соображенія Витте («Самодержавіе и земство». 2-ое изд. П. Струве. Stuttgart, 1903), а именно:

«1. Система мѣстнаго управленія не зависитъ отъ политическаго строя государства; 2. органы самоуправленія ни по существу своему, ни по своимъ отношеніямъ къ верховной власти не рознятся отъ органовъ бюрократическихъ и потому въ той-же мѣрѣ, какъ эти послѣдніе, отвѣчаютъ самодержавному строю государства; 3. наука права и исторія конституціонныхъ партій не подтверждаютъ связи мѣстнаго самоуправленія съ конституціоннымъ режимомъ; 4. исторія Запада не можетъ служить примѣромъ для сравненія, ибо всѣ германо-романскія государства развивались на исторической и бытовой почвѣ, совершенно отличной отъ славяно-русскаго міра и 5. Россія — по преимуществу страна мѣстнаго самоуправленія; такова она въ ея настоящемъ, таковой была

всегда, останется и въ будущемъ: самоуправленіе (мѣстиое), говоритъ записка, предуказано всѣмъ ходомъ нашей исторіи, особенностями общественнаго уклада Россіи и даже географическимъ ея расположеніемъ».

Эта полемика двухъ миинстровъ стала извѣстной широкимъ общественнымъ кругамъ, благодаря появленію книги, напечатанной П. Б. Струве въ Штуттгартѣ въ 1901 году подъ заглавіемъ «Самодержавіе и земство», и представляющей, повидимому, трудъ одного или двухъ лицъ (какъ утверждали, профессора демидовскаго лицея М. А. Липинскаго и чиновника, состоявшаго при Витте, г. Путилова), составленный по порученію Витте и имъ одобренный, но предназначенный не для печати.

Разборъ этой книги не входитъ въ планъ моихъ воспоминаній, но я хочу лишь отмѣтить, что она вызвала въ обществѣ большой интересъ къ роли, которую сыгралъ Витте въ качествѣ опаснаго врага земства и вообще мѣстнаго самоуправленія. Тайна, составляющая одинъ изъ догматовъ самодержавнаго государственнаго управленія, укрывала подъ своимъ покровомъ всевозможныя дѣянія самодержавнаго Олимпа, и раскрытіе тайнъ, относящихся къ людямъ, не чувствующимъ себя достаточно твердо въ своемъ положеніи и ищущимъ популярности, было особенно чувствительно. Поэтому, Витте рѣшительно отрицалъ авторство этой книги, въ чемъ формально онъ былъ правъ. Но онъ не могъ отрицать существа своего спора съ Горемыкинымъ, т. е. своего мнѣнія о томъ, что самоуправленіе несовмѣстимо съ самодержавіемъ и что, въ концѣ концовъ, одно изъ нихъ уннчтожитъ другое: самодержавіе вытѣснитъ земство, иначе само будетъ вытѣснено земствомъ. Поэтому, если хотятъ сохранить самодержавіе, не слѣдуетъ мѣшать ему дѣлать свое дѣло, не слѣдуетъ поддерживать заговоры противъ него, мѣшая его дѣятельности. Однако, ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ Витте мы не встрѣчаемъ даже слѣдовъ такой дилеммы. По моему убѣжденію, онъ совершенно правъ, что самодержавіе и мѣстное самоуправленіе несовмѣстимы, но никогда онъ не становился на сторону самоуправленія и не бралъ его подъ свою защиту. Онъ былъ и всегда оставался покорнымъ слугой самодержавія въ стилѣ и во вкусѣ Александра III-го, но подъ условіемъ, что ему лично будетъ предоставлена первенствующая роль. Всю свою неспособность стать на иную позицію онъ обнаружилъ въ то недолгое время, когда онъ очутился въ несвойственной ему роли — премьера перваго конституціоннаго министерства.

Защитннкъ мѣстнаго самоуправленія, предполагавшій распространить его на всѣ западныя губерніи, Горемыкинъ, вѣроятно, былъ испуганъ протестомъ Витте и съ тѣхъ поръ сдѣлался, можно думать, и противникомъ земства, если судить по его отношенію къ земству и къ земскимъ начальникамъ, которыхъ онъ взялъ подъ свое покровительство. А какъ онъ смотрѣлъ на самодѣятельность мѣстныхъ людей, я узналъ изъ собственнаго опыта. Когда я былъ уже освобожденъ отъ ссылкн,

но оставался лишеннымъ права жительства въ Петербургѣ, мнѣ оказалось нужнымъ побывать въ Петербургѣ по своимъ личнымъ дѣламъ и притомъ на самое короткое время. Я обратился съ просьбой о разрѣшеніи къ директору департамента полиціи. Директоръ отвѣтилъ мнѣ словесно черезъ знакомое лицо, что я принадлежу къ числу немногихъ лицъ, которымъ онъ не можетъ дать разрѣшеніе своею властью, и предложилъ обратиться къ министру Горемыкину непосредственно. Моя жена отправилась къ Горемыкину лично, но онъ категорически отказалъ ей и объяснилъ, что пока я буду вмѣшиваться въ общественныя дѣла и въ дѣла правительства, я не получу разрѣшенія на въѣздъ въ Петербургъ. «Пусть вашъ мужъ, объявилъ Горемыкинъ моей женѣ, занимается своими личными дѣлами и не мѣшается въ наше дѣло, тогда мы освободимъ его отъ всякихъ ограниченій, а пока онъ не перестанетъ вмѣшиваться не въ свои дѣла, онъ не получитъ просимаго разрѣшенія». Надо замѣтить, что я вмѣшивался только въ земскія дѣла, т. е. въ дѣла мѣстнаго самоуправленія въ качествѣ мѣстнаго обывателя, но Горемыкинъ находилъ, что такое вмѣшательство только тогда допустимо, когда земство послушно правительству. Къ сожалѣнію, я не могъ исполнить такого требованія. Мнѣ оставалось еще разъ убѣдиться, что самодержавіе и самоуправленіе несовмѣстимы.

Горемыкинъ оставался у власти до 1899 года, когда, совершенно неожиданно, 20 октября онъ былъ уволенъ отъ должности. Витте разсказываетъ объ увольненіи Горемыкина, своего врага, можетъ быть не достаточно вѣрно, но его разсказъ интересенъ съ точки зрѣнія ознакомленія съ тѣми интригами, сѣть которыхъ сплетается вокругъ пошатнувшихся людей, чтобы занять мѣсто, на которое всегда находится нѣсколько претендентовъ.

Организація высшей исполнительной власти въ самодержавномъ государствѣ представляетъ едва-ли не самую слабую сторону такой системы управленія. И въ этомъ отношеніи послѣднее царствованіе даетъ совершенно неопровержимый матеріалъ. Назначеніе и увольненіе не только Горемыкина, но и другихъ министровъ, не исключая самого Витте, представляетъ яркую иллюстрацію заключительной эпохи русскаго самодержавія.

Горемыкинъ былъ уволенъ 20 октября 1899 г. такъ, какъ увольняютъ неугодную прислугу: его даже не предупредили о предстоящей отставкѣ, а просто объявили въ приказѣ, напечатанномъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ, когда Горемыкинъ, ничего не подозрѣвая, путешествовалъ заграницей. На его мѣсто былъ назначенъ въ тотъ-же день Сипягинъ, аттестованный Побѣдоносцевымъ, оберъ-прокуроромъ Синода, — дуракомъ. Повидимому, интрига противъ Горемыкина исходила отъ в. кн. Сергѣя Александровича, желавшаго провести на его мѣсто своего кандидата — министра юстиціи Н. В. Муравьева. Противъ Горемыкина в. кн. выдвинулъ обвиненіе въ либерализмѣ! Нелѣпость такого обвиненія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, но, повидимо-

му, легкость такихъ обвиненій въ придворно-бюрократическихъ кругахъ чрезвычайно распространена. Самъ Витте, передавая исторію увольненія Горемыкина, обосновывается на донесеніи своего финансоваго агента, Татищева, пользовавшагося небезупречной репутаціей, о томъ, что Горемыкинъ, путешествуя за-границей, если самъ лично не участвовалъ въ полученіи отъ промышленныхъ фирмъ промесъ, то зналъ о полученіи ихъ его спутниками.

Другой случай отставки министра, еще болѣе странный, я слышалъ непосредственно отъ гр. И. И. Толстого, бывшаго министромъ народнаго просвѣщенія въ первомъ министерствѣ послѣ Манифеста 17-го октября. Еженедѣльный докладъ министра царь слушалъ, сидя спиною къ докладчику и ничего не говоря. Недружелюбное отношеніе къ докладчику становилось все болѣе явнымъ, въ виду чего министръ счелъ своей обязанностью спросить, приказываетъ ли государь ему явиться въ слѣдующій разъ? Государь отвѣчалъ: «да, я выслушаю вашъ докладъ». Но наканунѣ дня доклада къ Толстому пріѣхалъ г. Кауфманъ и заявилъ, что онъ назначенъ министромъ народн. просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе, приказа ни о назначеніи Кауфмана, ни объ отставкѣ Толстого не было. Передъ собесѣдниками сталъ вопросъ: которому же изъ нихъ слѣдуетъ ѣхать съ докладомъ? Толстой рѣшилъ написать государю письмо съ просьбой сообщить ему свое рѣшеніе. Въ тотъ же день онъ получилъ отвѣтъ въ видѣ надписи на своемъ письмѣ, что онъ можетъ считать себя освобожденнымъ отъ своихъ обязанностей. Этотъ удивительный по своей грубости фактъ имѣлъ мѣсто незадолго до открытія первой Госуд. Думы.

Назначеніе Сипягина министромъ внутр. дѣлъ знаменовало возвращеніе ультра — дворянской эры, не столько аггрессивной, сколько нелѣпой, совершенно не соотвѣтствующей настроенію общественнаго мнѣнія и все растущей волнѣ недовольства среди интеллигенціи, рабочаго класса и даже крестьянской массы, особенно въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ признаки революціоннаго броженія обнаруживались съ достаточной ясностью и гдѣ въ 1904 г. броженіе приняло конкретныя формы въ видѣ поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ, уничтоженія инвентаря и т. п. Такое же настроеніе интеллигенціи обнаружилось и въ извѣстной манифестаціи въ Петербургѣ на Казанской площади. Правительство Сипягиныхъ и Боголѣповыхъ не знало иныхъ средствъ противъ фактовъ, предвѣщавшихъ гораздо болѣе серьезныя столкновенія государственной власти съ растущимъ сознаніемъ народа, какъ нагайки, приклады, штыки, пули и розги для простого народа. Отвѣтомъ на эти мѣры было убійство въ февралѣ 1901 г. министра народн. просвѣщенія, Боголѣпова, студентомъ московскаго университета Карповичемъ, а 2 апрѣля 1902 г. Сипягина, убитаго студентомъ Балмашевымъ.

Я былъ въ Москвѣ въ губернской земской управѣ, по ея приглашенію, для обсужденія вопросовъ, если не ошибаюсь, связанныхъ съ

учрежденіемъ правительственнаго Комитета «о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». Московская губернская управа желала обсудить и, по возможности, объединить отношеніе земства къ этому вопросу. Какъ разъ во время его обсужденія было получено въ управѣ извѣстіе изъ Петербурга объ убійствѣ Сипягина. Ничтожность этого человѣка была общеизвѣстна, особенно въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а потомъ губернаторомъ. Сипягинъ былъ убитъ Балмашевымъ въ вестибюлѣ подъѣзда Маріинскаго дворца, куда министръ прибылъ въ засѣданіе комитета министровъ. Не знаю, многіе-ли въ Москвѣ пожалѣли его при полученіи извѣстія о его убійствѣ, но въ засѣданіи губ. земской управы никто изъ присуствовавшихъ не выразилъ сожалѣнія, а всѣ заинтересовались вопросомъ, кто будетъ преемникомъ Сипягина? У насъ, въ Россіи, министерство вн. дѣлъ дѣлало внутреннюю политику правительства и фактически замѣняло премьера западно-европейскаго министерства. Въ нашемъ самодержавно-полицейскомъ государствѣ министръ, въ рукахъ котораго сосредоточена вся полицейская власть, и былъ фактическимъ представителемъ полицейскаго государства. Сипягинъ былъ у власти около 2½ лѣтъ, (съ октября 1899 до апрѣля 1902 г.), но проявилъ собственную иниціативу только въ отдѣлкѣ министерской квартиры на Фонтанкѣ, не жалѣя казенныхъ денегъ. «Политика» его министерства была продолженіемъ политики его предшественника Горемыкина, не смотря на все усиливающееся недовольство въ странѣ, о которомъ онъ едва-ли могъ имѣть ясное представленіе, пока оно не приняло формы открытаго террора и убійства Боголѣпова.

Назначеніе Плеве, послѣ убійства Сипягина, министромъ вн. дѣлъ никого не удивило, никого не испугало и не остановило того общественнаго движенія, которое развивалось, такъ сказать, органически и закономѣрно, предоставляя иниціативу и руководящую роль существующимъ общественнымъ организаціямъ земства и городовъ.

Выше я уже упомянулъ о правительственномъ Комитетѣ «о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». Слухи о такомъ Комитетѣ уже давно ходили въ земствѣ, но послѣ Кахановской комиссіи, — затѣянной во здравіе и законченной за упокой Россіи, — правительственные комиссіи и комитеты утратили въ обществѣ всякій кредитъ и ими никто болѣе не интересовался. Не нтересовались и новымъ комитетомъ въ виду того, что во главѣ его стоялъ Витте, министръ финансовъ, который только что провелъ въ Государственномъ Совѣтѣ законъ о предѣльности земскаго обложенія, еще тѣснѣе сузившій источники средствъ, и безъ того недостаточныхъ, для удовлетворенія нуждъ земствъ, т. е. главнымъ образомъ, крестьянства. Этотъ продуктъ творчества Витте не столько умалялъ средства земства, сколько увеличивалъ власть губернаторовъ и состоящихъ при нихъ, послушныхъ ихъ волѣ «губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій», отъ кото-

рыхъ зависѣло утвердить или отвергнуть земскій бюджетъ, превысившій трехпроцентное увеличеніе обложенія предшествующаго года. Безспорно, земское обложеніе земли достигло весьма тяжелаго положенія, но не слѣдуетъ забывать, что кругъ предметовъ, обложеніе которыхъ было предоставлено земству, былъ стѣсненъ до послѣдней возможности. Въ промышленности обложенію могли подлежать зданія и машины, но не ея доходы; въ торговлѣ — только патенты, но не доходы; земля же облагалась не только земствомъ, но и государственнымъ налогомъ. Если министръ финансовъ находилъ обложеніе слишкомъ тяжелымъ, то, казалось бы, прежде всего слѣдовало бы освободить землю отъ государственнаго налога. По даннымъ, относящимся къ тому времени (1901 г.), имѣющимся у меня подъ рукой, земскій сборъ съ земли и лѣсовъ составлялъ 53% всего обложенія по всѣмъ земскимъ губерніямъ; сборъ съ фабрикъ, заводовъ и торгов. помѣщеній 10,5%, съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ 6,3%, и весь доходъ земствъ 34 губерній не превышалъ 88.891.500 руб., изъ коихъ около 6 милліоновъ земство должно было выдавать правительству на содержаніе нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій, тогда какъ на содержаніе всего собственнаго управленія оно тратило не болѣе девяти милліоновъ. Всѣ же остальные расходы шли на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ: на устройство дорогъ и т. д., т. е. на удовлетвореніе такихъ нуждъ населенія, безъ которыхъ никакое культурное развитіе страны невозможно. Стѣсняя до крайнихъ предѣловъ расходы земства на культурныя потребности массы населенія, министръ финансовъ въ то же время не стѣснялся собирать съ населенія доходы, далеко превышавшіе бюджетные расходы, такъ какъ находилъ, что самодержавное государство не можетъ обходиться безъ большой наличности свободныхъ остатковъ, достигавшихъ огромныхъ суммъ и составлявшихъ свободный остатокъ въ полмилліарда рублей. И это дѣлалось въ то время, когда у земства не было средствъ строить школы, платить жалованье учителямъ и дѣлать пути сообщенія проѣздными. Стѣсняя земство, онъ не безъ зависти смотрѣлъ на бюджеты Франціи и Англіи, которыя при населеніи въ три раза меньше населенія Россіи имѣли бюджетъ вдвое или втрое больше русскаго бюджета.

Теперь мы можемъ безошибочно разобраться въ мотивахъ, руководившихъ его планами и дѣйствіями, благодаря появленію въ печати его «Воспоминаній». Въ этихъ «Воспоминаніяхъ» (т. I, стр. 465) Витте излагаетъ письмо, представленное имъ Николаю II въ октябрѣ 1898 г., о необходимости довершить крестьянскую реформу, даровавъ крестьянамъ недостающія имъ права и защитивъ ихъ отъ произвола земства, «которое устанавливаетъ сборы безъ всякаго вліянія правительства».

Повидимому, Горемыкину удалось на нѣкоторое время парализовать выдвигаемый Витте планъ организаціи комитета по крестьянскому вопросу, такъ какъ «Особое Совѣщаніе» по плану Витте было учреждено только въ 1902 году по представленію Сипягина, который устро-

илъ и назначеніе Витте предсѣдателемъ его. Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ ограниченіи правъ земства въ увеличеніи обложенія былъ проведенъ въ Госуд. Совѣтѣ отдѣльно и поставилъ земство въ еще большую зависимость отъ администраціи.

«Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» было открыто 22 января 1902 года въ составѣ слѣдующихъ лицъ: гр. Воронцова-Дашкова, генерала Чихачева, Герарда, оберъ-гофмаршала кн. Долгорукова, гр. Шереметева и другихъ столь же свѣдущихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ царедворцевъ, и также министровъ внутр. дѣлъ (сначала Сипягина, потомъ Плеве) и финансовъ. Само собою разумѣется, что такой бюрократическій составъ оправдывалъ вполнѣ то недовѣріе, которое онъ всѣмъ внушалъ, но тѣмъ не менѣе, общество видѣло въ губернскихъ и уѣздныхъ Комитетахъ почву, предоставлявшую ему возможность выступить съ критикой существующаго положенія при участіи самихъ крестьянъ, представители которыхъ могли быть допущены въ Комитеты, открытые и для посторонней публики.

Несмотря на то, что въ Россіи главнѣйшій экономическій рессурсъ есть сельское хозяйство, оно никогда не пользовалось особеннымъ вниманіемъ русскаго государства. До освобожденія крестьянъ сельское хозяйство оставалось внѣ заботъ правительства, будучи всецѣло предоставлено помѣщикамъ. Поэтому, отечественное сельское хозяйство вплоть до освобожденія крестьянъ, за рѣдкими исключеніями, оставалось въ первобытномъ состояніи. Сыновья сельскихъ хозяевъ предпочитали образованіе, которое давали кадетскіе корпуса и манежи, образованію въ сельско-хозяйственныхъ академіяхъ, которыхъ поэтому и не учреждали, тогда какъ на учрежденіе кадетскихъ корпусовъ жертвовали большія средства. Такъ были учреждены кадетскіе корпуса: Неплюевымъ въ Оренбургѣ, Бахтинымъ — въ Орлѣ, дворянствомъ Юго-Западнаго края — въ Кіевѣ. Освобожденіе крестьянъ съ землею, хотя и въ недостаточной мѣрѣ, и развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ къ границамъ морскимъ и сухопутнымъ дало огромный толчокъ сбыту сырья и въ томъ числѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, ставшихъ опорою государственнаго торговаго баланса и устойчивости денежнаго курса. Послѣ своего участія въ заключеніи перваго торговаго договора съ Германіей, Витте считалъ себя достаточно сильнымъ авторитетомъ въ то время, когда срокъ договора истекалъ и когда возникало въ Германіи движеніе аграріевъ въ пользу пересмотра торговаго договора и повышенія тарифа на русское зерно. Кажется, именно это обстоятельство дало Витте мысль, въ отвѣтъ на германскую агитацію, устроить свою русскую агитацію, на которую онъ могъ бы въ будущемъ, когда дѣло дойдетъ до пересмотра торговаго договора, опираться въ свою очередь. Въ этихъ видахъ Витте, въ качествѣ министра финансовъ, создалъ въ 1902 г. комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Однако, во время пересмотра германскаго договора обстоятельства очень измѣнились: во-первыхъ, руководящимъ мотивомъ съ русской стороны оказались не интересы сельскаго хозяйства и государственнаго баланса, а необходимость устроить денежный заемъ на германскомъ рынкѣ и получить, по случаю неудачъ въ войнѣ съ Японіей, обезпеченіе западной границы Россіи со стороны Германіи, а во-вторыхъ, Витте уже не былъ министромъ финансовъ, а занималъ маловліятельное мѣсто предсѣдателя комитета министровъ и, хотя былъ представителемъ Россіи при заключеніи второго торговаго договора, но уже не пользовался тѣмъ авторитетомъ у императора Николая II, какимъ пользовался у Александра III-го. Поэтому, мнѣнія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ не получили никакого значенія при пересмотрѣ договора. Нельзя, однако, отрицать, что они имѣли другое, исключительно общественное значеніе, давъ возможность высказаться всему населенію, безъ различія сословій и общественнаго положенія, по цѣлому ряду вопросовъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ.

Хотя эти комитеты были организованы бюрократически (уѣздные — подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей, а губернскіе — (губернаторовъ), но въ уѣздные комитеты, если не повсемѣстно, то во многихъ мѣстахъ, допускались представители разныхъ круговъ и интересовъ, съ возможностью почти полной свободы мнѣній. Лично я участвовалъ, какъ земскій гласный и какъ мѣстный землевладѣлецъ, въ Новоторжскомъ комитетѣ, которому я представилъ обширный письменный докладъ, послужившій базой для всѣхъ дальнѣйшихъ преній и рѣшеній. Въ комитетѣ принимали участіе не только землевладѣльцы, но и много крестьянъ, представителей волостей, а также горожанъ-купцовъ и промышленниковъ. Въ другомъ мѣстѣ я уже приводилъ мнѣніе крестьянъ, что для нихъ, какъ главныхъ производителей сельско-хозяйственной промышленности, прежде всего и болѣе всего необходимо освобожденіе крестьянства отъ «опеки земскихъ начальниковъ», этого «новаго вида крѣпостного права», «цѣпи, отъ которой оно было освобождено только для того, чтобы быть снова прикованнымъ къ землѣ подъ надзоромъ чиновниковъ» и т. д. Страстная рѣчь, не лишенная своеобразнаго краснорѣчія, представителя Пречисто-Каменской волости встрѣтила горячую поддержку волостного старшины и многихъ крестьянъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи комитета, нѣкоторыхъ въ качествѣ делегатовъ волостей и многихъ въ качествѣ публики. Трудно было бы ожидать отъ крестьянъ, вовсе не знакомыхъ съ тѣми задачами, которыя возлагались на комитеты въ видахъ государственной экономической и финансовой международной политики, отвѣта который былъ желателенъ министерству финансовъ. Но нельзя не признать, что наболѣвшія нужды главныхъ производителей сельскаго хозяйства имѣли свои основанія быть принятыми во вниманіе правительствомъ, и тѣмъ болѣе, что въ самомъ наименованіи комитетовъ заключалась вся

программа вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе. Если у правительства были свои цѣли при образованіи комитетовъ, то у сельскихъ производителей были свои нужды, и между тѣми и другими должно было установить соотвѣтствіе.

Мой докладъ былъ принятъ уѣзднымъ и переданъ въ губернскій комитетъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ губернатора, кн. Голицына, впослѣдствіи послѣдняго премьера послѣдняго императора. Я былъ избранъ въ числѣ делегатовъ отъ Новоторжскаго уѣзда въ губернскій комитетъ и отправился въ Тверь. При открытіи засѣданія намъ были розданы матеріалы, подлежащіе обсужденію, но въ числѣ ихъ не было моего доклада. По этому поводу я обратился къ кн. Голицыну съ вопросомъ, полагая, что губернскій комитетъ, а тѣмъ болѣе его предсѣдатель своею собственной властью не вправѣ устранить отъ обсужденія докладъ, поступившій не отъ меня, а отъ уѣзднаго комитета. Голицынъ вилялъ н уклонялся отъ прямого отвѣта. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбой зайти къ нему вечеромъ, чтобы поговорить, не соглашусь ли я измѣнить нѣкоторыя мѣста доклада или совсѣмъ вычеркнуть. Я отправился къ нему въ сопровожденіи своихъ товарищей по новоторжской делегаціи. Голицынъ настаивалъ на исключеніи нѣкоторыхъ мѣстъ; мы находили, что докладъ выражаетъ не только мое мнѣніе, но мнѣніе новоторжскаго комитета и мы не считали себя въ правѣ его измѣнять по своему произволу. Нашъ споръ продолжался очень долго; мы вмѣстѣ снова перечитали весь обширный докладъ и не пришли ни къ какому соглашенію. Голицынъ объявилъ намъ, что, какъ губернаторъ, онъ не можетъ допустить къ обсужденію докладъ и представитъ его на усмотрѣніе министерства. Послѣ этого мы покинули губернскій комитетъ и уѣхали изъ Твери.

Впослѣдствіи В. И. Покровскій, пересматривавшій всѣ томы мнѣній губернскихъ комитетовъ въ печатномъ изданіи министерства, въ Трудахъ тверскихъ комитетовъ доклада новоторжскаго не нашелъ. Очевидно, либо кн. Голицынъ не представилъ въ министерство новоторжскаго доклада, либо министерство не пожелало ознакомить публику съ этимъ докладомъ.

Какъ извѣстно, черезъ два мѣсяца послѣ открытія Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Витте, Сипягинъ былъ убитъ и его мѣсто занялъ Плеве, одно имя котораго предвѣщало полное крушеніе плана Витте, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніе самого автора, совершенно неожиданно получившаго отставку отъ должности министра финансовъ и, въ видѣ компенсаціи, переведеннаго на мѣсто предсѣдателя комитета министровъ, должность, которую самъ Витте называлъ почетной ссылкой, но отъ которой отказаться не имѣлъ ни мужества, ни достоинства. Правда, увольненіе Витте далось его врагу не сразу и потребовало полтора года, но дѣло Витте было заранѣе проиграно, и онъ самъ понималъ это, драпируясь въ плащъ Бисмарка, безкорыстнаго защитника своей родины, въ строительствѣ которой участвовали и его «благорож-

денные предки». Въ дѣлѣ интриги и всякой подлости Плеве былъ искуснѣе и смѣлѣе, хотя размахъ его не отличался честолюбіемъ россійскаго Бисмарка. Витте удовлетворяется чваиствомъ, что его посылаютъ заключать торговый договоръ съ Германіей въ 1904 году, во время войны съ Японіей, и подписываетъ замѣну перваго договора, уступая Германіи всѣ достоинства и выгоды покровительства отечественному земледѣлію ради полученія займа для продолженія войны. Плеве выбираетъ болѣе практическій путь: онъ всѣми способами устраиваетъ открытіе мощей Серафима Саровскаго и вступаетъ въ кругъ тѣхъ лицъ, которыя являлись ближайшими исполнителями воли и желаній царя и царицы. Плеве зналъ, что для личнаго успѣха въ то время вѣрнѣйшимъ средствомъ было прибѣгнуть къ покровительству святыхъ. И, получивъ назначеніе, онъ немедленно отправился въ Троицко-Сергіевскую Лавру для поклоненія мощамъ Св. Сергія Радонежскаго, къ тому-же патрона в. к. Сергѣя Александровича, женатаго на сестрѣ императрицы. Полякъ по происхожденію, Плеве сталъ теперь «истинно» — русскимъ; католикъ по рожденію, теперь онъ «истинно» — православный; вчера — правая рука Лорисъ-Меликова, сторонникъ реформъ и удаленія гр. Д. А. Толстого изъ мин. нар. просвѣщенія, сегодня онъ вмѣстѣ съ гр. Д. А. Толстымъ — сторонникъ ежовыхъ рукавицъ, а завтра будетъ устраивать погромы, пороть крестьянъ и служить молебны Серафиму Саровскому. Его будущее было также ясно, какъ извѣстно и его прошедшее.

Въ 1902 году я отправился въ Тверь на очередное губернское земское собраніе. Здѣсь я встрѣтился с П. Б. Струве, высланнымъ изъ Петербурга по поводу демонстраціи на Казанской площади. Онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему выѣхать заграницу. Положеніе поднадзорнаго въ Твери ему вовсе не улыбалось, и онъ рѣшилъ, если не получитъ разрѣшенія, уѣхать самовольно, т. е. бѣжать и превратиться въ эмигранта. Каждый день, когда я бывалъ свободенъ отъ занятій въ собраніи или въ комиссіи, онъ заходилъ ко мнѣ въ гостинницу; нерѣдко въ это же время приходилъ Александръ Александровичъ Бакунинъ, и мы толковали о томъ-же, что составляло тему нашихъ бесѣдъ въ Москвѣ, въ кружкѣ Вернадскаго, Шаховского, Корнилова, Новгородцева и другихъ, все о томъ-же, о политическомъ положеніи Россіи, о необходимости создать свободную прессу за границей для борьбы съ правительствомъ, внутренняя политика котораго становилась все болѣе произвольной, вызывающей и поддерживающей невыносимое положеніе, которому долженъ быть положенъ конецъ введеніемъ представительнаго государственнаго порядка. По этому поводу въ нашемъ московскомъ кружкѣ происходило немало споровъ, и въ то время, какъ я защищалъ необходимость ставить вопросъ о конституціи и парламентѣ, Шаховской поддерживалъ идею земскаго собора, впрочемъ, недолго, — и всѣ мы сошлись на конституціи и парламентѣ, что и имѣлось въ виду поставить въ основу программы предполагаемой газеты. Естественно, что вслѣдъ

за этимъ возникъ вопросъ о редакторѣ этого заграничнаго органа и сразу были названы два имени: Милюкова и Струве. Павелъ Николаевичъ Милюковъ, изгнанный изъ московскаго университета, гдѣ онъ читалъ лекціи по кафедрѣ русской исторіи, якобы за возбужденіе студентовъ, и интернированный въ Рязани, затѣмъ отпущенный въ Болгарію читать лекціи по всеобщей исторіи въ Софійскомъ университетѣ, и удаленный изъ этого университета по интригѣ русскаго посланника, — недавно возвратился въ Россію и занялъ по праву положеніе блестящаго публициста и историка. Какъ ни желательна была его редакція газеты, которой предназначалась роль «Колокола», мы рѣшительно были противъ того, чтобы обречь Милюкова на судьбу Герцена, т. е. обречь на пожизненную эмиграцію и лишить самихъ себя такого огромнаго таланта, которому можетъ предстоять крупная роль въ борьбѣ съ правительствомъ за свободу Россіи.

Что-же касается П. Б. Струве, вопросъ оставался открытымъ до личныхъ переговоровъ съ нимъ, когда всѣ другія стороны вопроса объ изданіи газеты, какъ образованіе необходимаго капитала, выбора мѣста изданія, времени и т. п., будутъ обсуждены и рѣшены. Встрѣча съ П. Б. Струве въ Твери выяснила то обстоятельство, что, не получивъ паспорта, онъ рѣшилъ, тѣмъ не менѣе, уѣхать безъ него, несмотря на то, что самовольное оставленіе Россіи отрѣзало ему возвратъ и превращало его въ эмигранта. При такихъ условіяхъ вопросъ о редакторѣ разрѣшался какъ бы автоматически. И дѣйствительно, Струве уѣхалъ изъ Твери заграницу въ Штуттгартъ. Дальнѣйшіе переговоры съ нимъ вели, если не ошибаюсь, Д. И. Шаховской и Н. Н. Львовъ уже въ Штуттгартѣ, гдѣ рѣшено было издавать газету. Туда же были доставлены и денежныя средства въ размѣрѣ около 100 тысячъ рублей, собранныхъ въ средѣ друзей, проникнутыхъ общей мыслью о необходимости борьбы за конституцію.

Ранней весной 1903 года къ намъ въ Машукъ пріѣхалъ П. Н. Милюковъ съ женой Анной Сергѣевной, и здѣсь написалъ программную статью, которая должна была выяснить задачи и направленіе какъ газеты «Освобожденіе», такъ и той группы, которая ее основала съ цѣлью борьбы съ самодержавіемъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукою этой газеты и я не могу записать въ мои воспоминанія выдержки изъ этой статьи, несмотря на все мое желаніе. Весною же было рѣшено со Струве устроить въ теченіе лѣта съѣздъ группы, поддерживающей «Освобожденіе» деньгами или статьями. Выборъ мѣста и времени для съѣзда былъ предоставленъ Петру Бернгардовичу, который и избралъ Шварцвальдъ и іюль; болѣе-же точныя подробности были оставлены до сбора членовъ.

Мы съ женой покинули Машукъ въ самомъ началѣ іюля и направились черезъ Берлинъ и Франкфуртъ н/М. во Фрейбургъ-Брезгау, гдѣ мой сынъ Александръ Ивановичъ состоялъ ассистентомъ у извѣстнаго

профессора зоологіи Вейсмана. Сына я не видалъ со времени его отъѣзда изъ Москвы, которую онъ покинулъ поневолѣ. Окончивъ университетъ, онъ былъ оставленъ профессоромъ Тихоміровымъ при университетѣ въ качествѣ ассистента для подготовки къ профессурѣ. Во время студенческихъ безпорядковъ, очень обычныхъ въ нашихъ университетахъ, ректоръ, тотъ-же проф. Тихоміровъ, позволилъ себѣ такое отношеніе къ студентамъ, что мой сынъ не выдержалъ и написалъ ректору письмо съ осужденіемъ его поведенія, послѣ чего ему ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться отъ чести быть ассистентомъ проф. Тихомірова. Александръ Ивановичъ уѣхалъ заграницу, въ Баденскій Фрейбургъ къ проф. Вейсману, выдержалъ тамъ докторскій экзаменъ и былъ принятъ въ число его ассистентовъ. Какъ разъ въ 1903 году весной онъ женился на студенткѣ фрейбургскаго университета, американкѣ, Вандѣ Hartshorn, и мы были очень рады познакомиться съ новымъ членомъ нашей семьи, тѣмъ болѣе, что въ ихъ планахъ была мысль отправиться на родину молодой жены, въ Америку, такъ какъ въ Германіи получить профессуру, несмотря на содѣйствіе Вейсмана, было едва-ли возможно. Нашъ пріѣздъ во Фрейбургъ ознаменовался очень непріятнымъ приключеніемъ. Когда поѣздъ подходилъ къ перрону, мы увидѣли на немъ сына съ женой, ожидавшихъ насъ. Мы поспѣшили выйти изъ вагона, но при выходѣ были стиснуты толпой пассажировъ. Пока мы были заняты радостью встрѣчи, поѣздъ ушелъ, а вмѣстѣ съ нимъ уѣхали и карманники, вытащившіе у меня изъ кармана портфель съ деньгами, паспортомъ и разными бумагами; къ счастью въ портфелѣ денегъ было не много, около 300 марокъ, но потеря паспорта и нѣкоторыхъ бумагъ были очень непріятны. Вмѣстѣ съ сыномъ мы отправились въ полицію и заявили о происшествіи, но намъ объяснили, что воры уже въ Швейцаріи и мало надежды, что дѣло можно поправить.

Во Фрейбургѣ мы пробыли, сколько помнится, дней 10 и получили сообщеніе, что сборъ участниковъ съѣзда назначенъ въ Шафгаузенѣ, гдѣ мы найдемъ Дмитрія Евгеньевича Жуковскаго, распорядителя съѣзда, у котораго мы узнаемъ всѣ дальнѣйшія подробности. Здѣсь былъ установленъ составъ съѣзда. Прибыли отъ земцевъ: кн. Д. И. Шаховской, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, Ѳ. И. Родичевъ, В. И. Вернадскій, Н. Н. Львовъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Ковалевскій, Д. Е. Жуковскій, А. С. и И. И. Петрункевичи, всего — 10 лицъ; отъ неземцевъ: П. Б. Струве, П. И. Новгородцевъ, С. Н. Булгаковъ, И. М. Гревсъ, В. В. Водовозовъ, Б. А. Кистяковскій, Н. А. Бердяевъ, С. Л. Франкъ, С. Н. Прокоповичъ, Е. Д. Кускова, всего также — 10. Такимъ образомъ, собралось 20 лицъ, если я не пропустилъ кого-нибудь, запамятовавъ, что весьма возможно, такъ какъ съ того времени прошло уже 19 лѣтъ. По сообщенію Жуковскаго и Струве, съѣздъ долженъ былъ продолжаться, если ничего не измѣнится, три дня и произойти въ первый день — въ Singen'ѣ, второй день — въ Radolfzell'ѣ, и третій — въ Hohentwyl'ѣ недалеко отъ Constanz'а, гдѣ взяты были помѣщенія въ демократическихъ

трактирчикахъ съ платою не за помѣщеніе, а за все, что будетъ съѣдено и выпито.

Несмотря на то, что все это происходило такъ давно, я не могу, вспоминая эти дни, не испытывать чувства, пережитаго тогда и оставившаго въ моей душѣ глубокій слѣдъ надежды и вѣры въ будущее. Тутъ сошлись далеко не сходные ни по своимъ убѣжденіямъ, ни по своему прошлому люди, которыхъ объединяли, именно, надежда и вѣра, и въ нашихъ несогласіяхъ и спорахъ не звучали ноты вражды и непримиримости.

Самый важный вопросъ, который раздѣлялъ насъ, былъ вопросъ объ организаціи партіи или союза, и большинствомъ голосовъ при томъ довольно значительнымъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу союза, т. е. образованія отдѣльныхъ группъ, сохраняющихъ свою программу, но связанныхъ основной задачей и основнымъ методомъ борьбы, которые устанавливаются собраніемъ всѣхъ группъ, входящихъ въ составъ союза черезъ своихъ делегатовъ. Всѣ земцы и сверхъ того всѣ неземцы, ставшіе спустя два года членами конституціонно-демократической партіи (к. д.) голосовали за образованіе союза, а не партіи, полагая, что только при сохраненіи самостоятельности группъ, имѣющихъ болѣе или менѣе существенное различіе, можно сохранить единство дѣйствій въ наиболѣе важные и отвѣтственные моменты. Событія оправдали организацію союза, который, превратившись въ Союзъ Союзовъ, сдѣлалъ возможной, такъ называемую, всеобщую забастовку и манифестъ 17-го октября.

Какъ и было предположено, съѣздъ закончился въ Констанцѣ, на берегу Боденскаго озера. Но нѣсколько участниковъ съѣзда: Струве, Долгоруковъ, Львовъ, Шаховской, Родичевъ и я съ женой изъ Констанца на пароходѣ отправились на слѣдующій день въ Линдау, гдѣ должны были встрѣтиться съ Панкѣевымъ, однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ и овцеводовъ Херсонской губ., обещавшимъ внести на изданіе газеты «Освобожденіе» значительную сумму денегъ. Панкѣева мы встрѣтили, но его переговоры съ Струве, сколько я помню, не дали никакихъ существенныхъ результатовъ, и мы снова на пароходѣ переѣхали Боденское озеро поперекъ въ Роршахъ, на швейцарскомъ берегу, гдѣ и разстались: одни направились въ разныя мѣста Швейцаріи, а мы съ женой прямо черезъ Шварцвальдъ во Фрейбургъ, чтобы забрать сына съ его женой, которые должны были ликвидировать свои дѣла въ Германіи и вмѣстѣ съ нами ѣхать въ Россію, а оттуда въ Америку.

Собираясь возвратиться въ Россію, мы вспомнили, что у насъ украденъ паспортъ и что, если онъ вовсе не нуженъ въ Западной Европѣ, то въ Россію насъ не впустятъ безъ паспорта. Мы обратились поэтому къ русскому посланнику въ В. Герцогствѣ Баденскомъ, отдыхавшему отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ въ лѣтніе мѣсяцы въ Баденъ-Баденѣ, съ просьбой выдать намъ какое-нибудь удостовѣреніе, которое давало бы

намъ пропускъ въ Россію. Къ своей просьбѣ мы приложили удостовѣреніе фрейбургской полиціи. Какъ извѣстно, однако, царская дипломатія заграницей никогда не благоволила къ своимъ соотечественникамъ. Баденскій посланникъ не былъ исключеніемъ изъ общаго правила, и я получилъ категорическій отказъ, мотивированный соображеніемъ, что я долженъ обратиться къ тверскому губернатору, отъ котораго былъ выданъ украденный паспортъ. Споръ былъ безполезенъ: русскіе посланники считали себя выше такихъ мелочей, какъ защита интересовъ подданныхъ русскаго государства, пребывающихъ за его границей. Я послалъ телеграмму тверскому губернатору съ уплаченнымъ отвѣтомъ: отвѣта никакого. Что оставалось дѣлать? Очевидно, положиться на русское «авось» и ѣхать безъ всякаго вида. Изъ Фрейбурга мы выѣхали вчетверомъ на Vorarlberg, т. е. черезъ Bregenz, Innsbruck, Salzburg, имѣя въ виду заѣхать на Königsee. Для того, чтобы видѣть всю эту дорогу, одну изъ красивѣйшихъ альпійскихъ дорогъ, мы заночевали въ Иннсбрукѣ и пріѣхали днемъ въ Зальцбургъ. Тутъ мы провели нѣсколько дней, и я рѣшился еще разъ попробовать телеграфировать тверскому губернатору. Результатъ тотъ-же, никакого отвѣта. Въ Зальцбургѣ нашъ путь съ сыномъ раздѣлился: онъ съ женой взяли курсъ на Волочискъ и Кіевъ, а мы съ женой на Александрово, Варшаву, Вязьму и Торжокъ, куда я долженъ былъ поспѣть на земскіе выборы. Подъѣзжая къ Александрову, мы шли, какъ говорятъ «науру». Вотъ и граница, переѣхали ее, остановились у станціи, ждемъ появленія жандарма, отбирающаго паспорта.

— Пожалуйте вашъ паспортъ, — обращается ко мнѣ жандармъ.

— У меня нѣтъ никакого паспорта; я его потерялъ.

— Вы — господинъ Петрункевичъ и это ваша супруга?

— Да.

— Получена телеграмма отъ тверского губернатора о вашемъ пропускѣ. Пожалуйте въ таможню съ вещами.

Все устроилось лучше, чѣмъ мы могли ожидать, и тверской губернаторъ оказался любезнѣе баденскаго посланника.

Полицейскій характеръ Плеве, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ общественному движенію, которое проявлялось въ разныхъ мѣстахъ въ Россіи, преимущественно въ земствѣ. Онъ понималъ, что мѣстныя самоуправленія, являющіяся единственными организованными учрежденіями, располагающими значительными средствами для борьбы съ правительственной системой управленія, представляютъ для послѣдняго несомнѣнную опасность, которую надо было, во что-бы то ни стало, раздавить. Въ этихъ видахъ, онъ обратилъ свое вниманіе на двѣ губерніи, которыя, какъ онъ полагалъ не безъ основанія, играли роль запѣвалъ: губерніи московскую и тверскую, особенно послѣднюю, съ давнихъ поръ пользовавшуюся репутаціей неблагонамѣренной и безпокойной. Закрывъ дѣятельность комитетовъ о нуждахъ сельскаго хо-

зяйства, онъ убралъ изъ Твери бездарнаго губернатора, кн. Голицына, и посадилъ на его мѣсто начальника московской синодальной конторы, кн. Ширинскаго-Шихматова, ничтожность котораго была, какъ видно, наслѣдственной фамильной чертой. Сверхъ этой мѣры, была по высочайшему повелѣнію назначена ревизія московскаго и тверского земствъ. Ревизія московскаго земства была поручена товарищу министра Н. А. Зиновьеву, а тверского возложена на директора департамента общихъ дѣлъ Б. В. Штюрмера, въ 1891-2 годахъ бывшаго по назначенію правительства предсѣдателемъ тверской губернской земской управы, а затѣмъ губернаторомъ послѣдовательно въ Новгородѣ и въ Ярославлѣ; сверхъ того Штюрмеръ былъ землевладѣльцемъ Кашинскаго и Бѣжецкаго уѣздовъ Тверской губерніи, словомъ, — человѣкъ хорошо извѣстный въ губерніи.

Ревизія производилась въ 1903 году, при чемъ Штюрмеръ не рѣшился производить ее собственными силами и пригласилъ себѣ въ помощники бывшаго профессора ярославскаго юридическаго лицея (по свидѣтельству Витте, — сынъ еврейскаго одесскаго раввина), Гурлянда, обнаружившаго свои таланты не только въ ревизіи тверского земства, но и позднѣе, когда онъ занималъ видное положеніе въ министерствѣ внутр. дѣлъ. Въ главѣ XIII-й я уже разсказывалъ въ общихъ чертахъ о тверской миссіи этихъ двухъ сіамскихъ близнецовъ, связанныхъ духовными и душевными свойствами ихъ природы. Штюрмеръ уступалъ своему товарищу по силѣ ума, но по душевной подлости ни тотъ ни другой не могли ни уступить другъ другу, ни превзойти одинъ другого.

Послѣдствія обѣихъ ревизій извѣстны: избраніе московскимъ земствомъ Дмитрія Николаевича Шипова, много лѣтъ бывшаго предсѣдателемъ губернской земской управы, вновь на ту же должность, не было утверждено министромъ внутр. дѣлъ, несмотря на все уваженіе, которымъ пользовался Шиповъ не только во всей Москвѣ и всей московской губерніи, но и во всей земской Россіи, цѣнившей его знанія, его умъ, прямодушіе и благородство характера. Въ Тверской губерніи ревизія закончилась болѣе крутыми мѣрами: губернская земская управа и ея предсѣдатель В. Д. фонъ-Дервизъ и члены: Н. К. Милюковъ, г. Тицъ и баронъ Вревскій были отставлены и на ихъ мѣсто были назначены правительствомъ: предсѣдателемъ управы г. Засядко, (предсѣдатель Плоцкой казенной палаты) и два члена, по указанію губернатора, изъ состава губернскаго земства. Г. Засядко, никогда раньше не принадлежавшій къ земству и не работавшій въ немъ, начавшій свою службу по министерству финансовъ въ должности податного инспектора по протекціи всесильнаго кн. В. П. Мещерскаго и по той-же протекціи назначенный г. Витте предсѣдателемъ казенной палаты въ Плоцкѣ («Воспоминанія» т. X, стр. 523), по желанію того-же кн. Мещерскаго былъ назначенъ министромъ внутр. дѣлъ Плеве предсѣдателемъ тверской губ. управы. Въ 1905 г., по свидѣтельству Витте, г. Засядко былъ уже самар-

скимъ губернаторомъ, и хотя Витте уволилъ его отъ этой должности, но какъ только Витте былъ замѣненъ Горемыкинымъ, г. Засядко былъ назначенъ, по ходатайству кн. Мещерскаго, губернаторомъ въ одну изъ губерній Ц. Польскаго.

Еще болѣе строгія мѣры были приняты относительно новоторжскаго земства, которое было упразднено, а уѣздная земская управа — отставлена. Для веденія текущихъ земскихъ дѣлъ была назначена особая комиссія въ составѣ предсѣдателя Д. Н. Дубасова и двухъ членовъ, кн. Оболенскаго и, если не ошибаюсь, г. Карякина. А сверхъ всего этого, земскіе гласные Михаилъ Павловичъ Литвиновъ, Александръ Ильичъ Бакунинъ и я были высланы изъ предѣловъ Тверской губерніи.

27-го января 1904 г. Японія объявила намъ войну, къ которой Россія совершенно не была подготовлена, несмотря на вызывающее пренебреженіе къ настойчивымъ требованіямъ Японіи. Не было подготовлено къ войнѣ и русское общественное мнѣніе, хотя слухи о какихъ-то русскихъ концессіяхъ на р. Ялу въ Кореѣ уже раньше ходили и связывались съ именами великихъ князей и другихъ лицъ изъ придворнаго круга: камергера Безобразова, адмирала Абазы и проч. Захватъ Портъ-Артура, въ подражаніе захвату Германіей Кіао-Чао, тѣмъ менѣе могъ вызвать патріотическіе восторги, что германская дружба и сотрудничество въ задорной и вызывающей политикѣ вмѣстѣ съ Германіей не пользовались популярностью ни въ «сферахъ» (какъ называли придворные круги), ни въ печати, ни въ общественныхъ кругахъ, мало вообще интересовавшихся внѣшней политикой, но послѣ боксерской экспедиціи въ Китай и постройки желѣзной дороги въ Портъ-Артуръ, начинавшихъ понимать, что этотъ отдаленный Портъ можетъ оказаться нашей ахиллесовой пятой. Къ тому-же газетныя сообщенія очень скоро выяснили истинный смыслъ концессій на Ялу, пріобрѣтенныхъ высокопоставленными авантюристами, ведущими свою личную азартную игру за счетъ русскихъ государственныхъ интересовъ, рискуя, въ случаѣ проигрыша, уплатить японцамъ русской кровью. Имена великаго князя Александра Михайловича, камергера Безобразова, адмираловъ Алексѣева и Абазы стали повторяться изъ устъ въ уста, и нельзя сказать, чтобы эти имена сопровождались лестными эпитетами, какъ только война стала фактомъ и когда она день за днемъ стала обнаруживать все легкомысліе правительства и всю неподготовленность войны, которую надо было вести за девять тысячъ верстъ, куда вела одноколейная дорога, не приспособленная для переброски военныхъ силъ, снаряженія и продовольствія.

Къ числу подстрекателей войны въ общественныхъ кругахъ причисляли и мин. вн. дѣлъ Плеве, типичнаго русскаго бонапартиста, находившаго нужнымъ гасить внѣшней войной недовольство общества внутренней политикой. Общество оказалось правымъ, т. к. Витте приводитъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разговоръ Плеве съ генераломъ Ку-

ропаткинымъ, бывшимъ противъ войны: «вы внутреннее положеніе Россіи не знаете, говорилъ Плеве; чтобы удержать революцію, намъ нужна маленькая побѣдоносная война». И война была признана необходимой.

Встревоженное общественное мнѣніе не только интеллигентныхъ круговъ, но и народной массы пытались успокоить разсказами о «макакахъ», маленькихъ человѣчкахъ съ внѣшностью обезьянъ, неспособныхъ ни къ какой самостоятельной творческой работѣ и безсильныхъ устоять передъ такой могущественной державой, какъ Россія, съ ея солдатами-героями, съ ея образованнымъ командымъ составомъ, съ арміей, еще недавно завоевавшей весь Туркестанъ, освободившей славянъ отъ турокъ, показавшей всю свою силу, усмиряя китайскихъ боксеровъ. Мы съ женой, находясь послѣ высылки изъ Тверской губерніи временно въ Крыму, наслушались не мало на эту тему убѣдительныхъ разсужденій русскаго генерала, служившаго въ гвардіи, а теперь живущаго на покоѣ въ своемъ имѣніи на южномъ берегу Крыма. *) Онъ очень не любилъ «макакъ». Въ его полку было два, прикомандированныхъ для изученія службы, японскихъ офицера. Оба они были очень исполнительны и точны въ исполненіи порученій своихъ начальниковъ, но, по словамъ генерала, совершенно лишены способностей самостоятельно мыслить. Свое наблюденіе надъ двумя офицерами онъ обобщалъ и распространялъ на всю японскую армію, и ни минуты не сомнѣвался, что «макаки» получатъ хорошій урокъ отъ Россіи, которой принадлежитъ и будетъ принадлежать, какъ могущественнѣйшей восточной державѣ, неоспоримое господство на азіатскомъ Востокѣ. Парадный генералъ, смотрѣвшій на событія черезъ придворныя очки, повидимому не сомнѣвался въ побѣдѣ. Но самообольщеніе отъ ожидаемыхъ легкихъ побѣдъ разсѣялось какъ дымъ, когда было получено извѣстіе, что броненосецъ «Петропавловскъ», съ главнымъ командиромъ флота въ Портъ-Артурѣ, адмираломъ Макаровымъ, 31 марта 1904 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ начала войны, японцами былъ пущенъ ко дну. Я живо помню, какое впечатлѣніе произвела на насъ эта вѣсть, доставленная намъ въ Гаспру одной нашей знакомой, нарочито для этого пріѣхавшей къ намъ. За этой вѣстью слѣдовали новыя: потопленіе другихъ кораблей портартурскаго флота и начавшаяся осада Портъ-Артура, отрѣзаннаго со всѣхъ сторонъ отъ Россіи. Сразу война приняла грозный характеръ и военная подготовленность Японіи обнаружилась съ полной ясностью. Началась спѣшная отправка войскъ со всѣхъ концовъ Россіи, сопровождавшаяся благословеніемъ отправляемыхъ иконами самимъ императоромъ, который появлялся для этого во всѣхъ пунктахъ отправленія. Этотъ необычный способъ снаряженія войскъ иконами вызвалъ разныя шутки и между прочимъ остроту стараго генерала Драгомирова: «Японцы насъ бьютъ пушками, а мы ихъ будемъ бить иконами». Повидимому, это оружіе въ борьбѣ съ язычниками счи-

---

*) Онъ былъ убитъ въ Крыму большевиками въ 19 г.

талось въ «сферахъ» самымъ дѣйствительнымъ. Тѣмъ не менѣе, генералъ Куропаткинъ, главнокомандующій нашими тремя арміями, послѣ не удавшейся подъ Тюренченомъ попытки освободить Портъ-Артуръ, потерпѣлъ тяжкое пораженіе при Лаоянѣ и вынужденъ былъ начать отступленіе на сѣверъ, къ Мукдену. Портъ-Артуръ былъ предоставленъ своей судьбѣ, хотя на его выручку рѣшили отправить балтійскую эскадру подъ начальствомъ адмирала Рождественскаго, а въ догонку ему — другую эскадру балтійскаго же флота подъ начальствомъ адмирала Небогатова, состоявшую, какъ тогда повсюду говорили, не изъ боевыхъ судовъ, а изъ калошъ, въ которыхъ можно ходить только по «Маркизовой лужѣ». Путь этихъ обреченныхъ эскадръ былъ очень длиненъ... Мы съ женой были въ Парижѣ осенью 1904 года, когда въ газетахъ появилось извѣстіе о прохожденіи эскадры адмирала Рождественскаго около мелей въ Нѣмецкомъ морѣ на высотѣ англійскаго города Hull, гдѣ эскадра, принявъ ночью лодки англійскихъ рыбаковъ за японскія миноноски, потопила рыбачью лодку. Въ Англіи, стоявшей за спиной Японіи, этотъ случай произвелъ большое волненіе, раздутое газетами до размѣровъ важнаго событія. Французскія газеты, напротивъ, старались объяснить ошибку оплошностью рыбаковъ, не отвѣтившихъ на сигнализацію военнаго судна. Въ концѣ концовъ, случай этотъ закончился благополучно, но остановка эскадры близъ о-ва Мадагаскара въ ожиданіи тихоходной эскадры Небогатова, заранѣе обрекала Портъ-Артуръ на капитуляцію. Странствованіе этихъ эскадръ, бой у Цусимы 15 мая 1905 г. и гибель почти всѣхъ нашихъ кораблей, потопленныхъ эскадрой японцевъ, обладавшихъ всѣми преимуществами боеспособности, превосходно описана однимъ изъ участниковъ боя, взятымъ японцами въ плѣнъ вмѣстѣ съ адмираломъ Рождественскимъ, капитаномъ Семеновымъ. Изъ этого описанія было ясно, что это былъ не только проигранный морской бой, но полная утрата русскаго военнаго могущества, которое было уже разгромлено при Мукденѣ, гдѣ встрѣтились арміи — наша и японская и гдѣ мы потерпѣли полное пораженіе. По поводу этого пораженія Витте разсказываетъ, что «Государь по свойственному ему оптимизму ожидалъ, что Рождественскій перевернетъ всѣ карты войны. Вѣдь Серафимъ Саровскій предсказалъ, что миръ будетъ заключенъ въ Токіо, значитъ только одни жиды и интеллигенты могутъ думать противное». (т. I, стр. 345).

Въ объясненіе этого замѣчанія Витте я вспоминаю, что въ 1906 г., во время засѣданій первой Гос. Думы, бывшій при Плеве директоръ департамента полиціи А. А. Лопухинъ мнѣ разсказывалъ курьезную исторію, повидимому, относящуюся къ «предсказанію» Серафима Саровскаго. По словамъ Лопухина, однажды, во время пребыванія царской семьи въ Москвѣ, гдѣ она говѣла и встрѣчала Пасху, къ нему прибылъ курьеръ изъ Москвы съ требованіемъ отъ министра двора немедленно разыскать въ дѣлахъ департамента предсказаніе о войнѣ съ Японіей Серафима, открытіе мощей котораго послѣдовало въ 1903 году. Пере-

смотрѣвъ все, что могло относиться къ этому событію, Лопухинъ ничего похожаго не нашелъ, о чемъ немедленно имъ было сообщено министру двора. Вслѣдъ затѣмъ, былъ присланъ второй курьеръ съ указаніемъ, что предсказаніе надо искать въ архивѣ департамента, въ дѣлѣ тамбовскаго помѣщика, если не ошибаюсь, Мотовилова, записавшаго это предсказаніе со словъ еще здравствовавшаго Серафима. По этому указанію въ архивѣ, дѣйствительно, было найдено дѣло Мотовилова и въ немъ на особомъ листѣ запись предсказанія. Лопухинъ, какъ онъ говорилъ мнѣ, не могъ обстоятельно познакомиться съ найденнымъ документомъ и только бѣгло просмотрѣлъ его и передалъ пакетъ курьеру, которому было приказано возвратиться съ первымъ отходящимъ поѣздомъ. Признаться, я усумнился тогда въ томъ, что Лопухинъ не успѣлъ прочесть какъ слѣдуетъ этотъ любопытный документъ, поддѣлка котораго была слишкомъ ясна и разсчитана на суевѣріе царя и царицы. При томъ документъ, вѣроятно, былъ не слишкомъ длиненъ, чтобы не успѣть его прочитать. Возможно, что Лопухинъ боялся моей нескромности и что я могу воспользоваться своимъ свѣдѣніемъ въ Г. Думѣ. Можно думать, что Витте былъ освѣдомленъ и о подробностяхъ предсказаній, о которыхъ самъ Серафимъ и помѣщикъ Мотовиловъ и понятія не имѣли, ибо не могли предвидѣть войны Японіи съ Россіей. Грубость поддѣлки была такъ очевидна, что можно только удивляться смѣлости этой аферы и непроходимому невѣжеству царя и царицы, которыхъ было такъ легко поймать на эту удочку.

А пока правители Россіи возлагали свои надежды на Серафима Саровскаго, развалъ въ арміи достигъ такой степени, что командиръ, кажется, второй арміи, генералъ Гриппенбергъ, бросилъ свою армію и безъ разрѣшенія главнокомандующаго уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его приняли не какъ дезертира и не разстрѣляли, а обласкали и успокоили. Также первоначально обласкали генерела Стесселя, сдавшаго японцамъ въ декабрѣ 1904 г. Портъ-Артуръ, который еще могъ защищаться. Также помиловали адмирала Небогатова, сдавшаго свою эскадру японцамъ и приговореннаго судомъ къ справедливому наказанію.

Извѣстный генералъ М. И. Драгомировъ, очень скептически относившійся къ японской войнѣ, говорилъ со свойственной ему искусственной грубостью, но и мѣткостью: «какъ извѣстно, рыба всегда начинаетъ вонять съ головы; что-же удивительнаго, что армія стала неспособна бороться съ японцами!» Развалъ арміи, начавшійся въ средѣ ея высшаго командного состава, естественно сталъ распространяться въ ея низшихъ рядахъ, а послѣ мукденскаго пораженія и гибели всего флота въ Цусимскомъ проливѣ охватилъ всю армію, ставшую неспособной оказывать сопротивленіе врагу. Такимъ образомъ, вся отвѣтственность за разложеніе арміи падаетъ на ея военачальниковъ: Куропаткиныхъ, Гриппенберговъ, Стесселей, Небогатовыхъ и имъ подобныхъ, находившихъ поддержку въ Петербургѣ у всѣхъ Сухомлиновыхъ и покровительство у самого царя.

Да, какъ ни грубо сравненіе генерала Драгомирова, но оно опредѣляетъ самую сущность того состоянія, которое переживала Россія въ царствованіе Николая II, отъ самаго его начала до страшнаго его конца. Можно ли отрицать связь развала арміи въ японскую войну съ еще болѣе катастрофическимъ развaломъ арміи во время міровой войны въ 1917 году, когда молодые солдаты уже были перебиты и когда для пополненія рядовъ были призваны запасные старшихъ возрастовъ, уцѣлѣвшихъ участниковъ войны 1904-5 годовъ? Едва ли послѣдніе могли забыть пережитое всего двѣнадцать лѣтъ раньше, и старое воспоминаніе сыграло свою роль.

Обращаясь къ этому недавнему прошлому, но уже старому времени, я живо вспоминаю, съ какой тревогой народная масса во время японской войны слѣдила за событіями, возникшими такъ неожиданно, безъ всякихъ явныхъ основаній, ради неизвѣстныхъ цѣлей, гдѣ-то на краю свѣта. Я помню войну съ Турціей въ 1877 году въ защиту единовѣрныхъ славянъ — Сербовъ и Болгаръ; народная масса очевидно сочувствовала этой борьбѣ и конкретно выражала свое сочувствіе. Ничего подобнаго не было во время японской войны, но зато интересъ къ тому, что происходило на Востокѣ, возросъ до небывалыхъ размѣровъ и выражался той тревогой, которая охватила все населеніе, безпокойно слѣдившее за извѣстіями, приходившими съ театра военныхъ дѣйствій, изъ далекой Манчжуріи. Лѣтомъ 1904 года мы съ женой возвращались изъ Крыма въ Москву, и на всемъ этомъ длинномъ пространствѣ могли наблюдать на каждой станціи и между станціями, среди поля, кучки крестьянъ взрослыхъ и подростковъ, ожидавшихъ прохода поѣздовъ. Каждый проходъ поѣзда сопровождался криками: газетъ-газетъ-газетъ! На станціяхъ — просители газетъ у каждаго открытаго окна вагоновъ. Станціонные жандармы гоняли этихъ «нарушителей порядка», но послѣдніе перебѣгали на самый путь съ другой стороны вагоновъ и снова просили только газетъ и ничего больше. Само собою разумѣется, что въ отвѣтъ на эти крики вороха газетъ летѣли изъ оконъ. Получившіе мгновенно бросались въ свои деревни, гдѣ толпа уже ждала и жадно набрасывалась читать ихъ. Какъ только война прекратилась и армія двинулась обратно, деревня перестала интересоваться газетами, но она не забыла пережитого. Народная масса не такъ забывчива, какъ думали вершители ея судебъ.

Портсмутскій миръ, закончившій японскую войну, вплелъ блестящую страницу въ личную біографію Витте, получившаго въ награду за миръ изъ рукъ Николая II титулъ графа. Задача, возложенная на него, была нелегкая. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (т. I, стр. 369) гр. Витте утверждаетъ, что «всѣ правительства (европейскихъ державъ) единогласно выражали мнѣніе, что если кто либо сумѣетъ заключить миръ, то это только Витте». Такое лестное обобщеніе остается на совѣсти графа, и я не буду его оспаривать, въ виду безспорнаго безлюдья среди ближайшихъ совѣтниковъ императора. Но свѣжесть его лавровъ завя-

ла и блескъ его титула потускнѣлъ тотчасъ по заключеніи мирнаго трактата, когда онъ добровольно взялся за еще болѣе трудную задачу, чѣмъ заключеніе мирнаго трактата съ Японіей, стать посредникомъ между русскимъ царемъ и русскимъ народомъ въ ихъ внутренней борьбѣ за власть.

Для разрѣшенія этой задачи у него не хватило ни знаній, ни характера, и его государственная мудрость ни на вершокъ не поднялась выше того уровня, который окружалъ царя.

21-го января 1904 г., наканунѣ объявленія войны Японіи, ко мнѣ въ Машукъ прибылъ становой приставъ и предъявилъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Плеве о воспрещеніи мнѣ пребыванія въ Тверской губерніи. Такое же требованіе было предъявлено Михаилу Павловичу Литвинову. Я въ третій разъ вынужденъ былъ по распоряженію центральной власти покинуть свой домъ, свою семью и свои дѣла и обрекался на кочевую жизнь безъ срока. 29-го января мы съ женой выѣхали въ Москву, чтобы тамъ установить сношенія съ нашими друзьями; послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія мы выѣхали въ Крымъ.

Само собою разумѣется, ни я, ни мои друзья какъ въ Москвѣ, такъ и въ Твери, не думали складывать оружія и считали совершенно необходимымъ усилить агитацію, поскольку это было въ нашихъ силахъ. Съ этой цѣлью было создано бюро съѣздовъ земцевъ подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, неутвержденнаго предсѣдателя московской губ. земской управы. Хотя я лично не раздѣлялъ нѣкоторыхъ воззрѣній Дмитрія Николаевича, отрицавшаго не свойственную, по его мнѣнію, характеру русскаго народа западно-европейскую систему конституціоннаго государства, которую я и мои друзья проводили, но характеръ Шипова былъ намъ порукою, что онъ никогда не нарушитъ свободы мнѣній, и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы придать голосу бюро и съѣздамъ весь авторитетъ твердаго и безповоротнаго рѣшенія представителей земства добиться отъ правительства мѣръ, способныхъ положить конецъ произволу самодержавной бюрократіи.

Дѣятельность бюро подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова очень обстоятельно изложена въ статьѣ кн. Д. И. Шаховского, помѣщенной въ сборникѣ «Зарница», и я ничего не имѣю прибавить къ разсказу Дмитрія Ивановича. Къ сожалѣнію, сидя въ Женевѣ, я не могу взять изъ нея нѣсколько цитатъ, чтобы ими пополнить мой разсказъ.

Мы съ женой, покинувъ Москву, уѣхали въ Крымъ, гдѣ пробыли до конца мая и гдѣ встрѣтились съ Петромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ и вмѣстѣ съ нимъ устроили въ Гаспрѣ, гдѣ мы жили, небольшое совѣщаніе въ составѣ мѣстныхъ членовъ Союза Освобожденія, а также изъ членовъ южныхъ губерній, случайно находившихся въ это время въ Ялтѣ. Петръ Дмитріевичъ и я познакомили членовъ этого совѣщанія со всѣмъ, что происходило въ Москвѣ, и вынесли изъ совѣщанія увѣренность, что наши планы встрѣчаютъ единодушное сочувствіе

въ земской средѣ и что мы можемъ разсчитывать на поддержку почти всѣхъ земскихъ собраній въ проведеніи систематической оппозиціи правительственнымъ планамъ.

Однако, событія развивались быстрѣе, чѣмъ мы могли ожидать. 15-го іюля, часа въ 4 дня, изъ Москвы возвратилась въ Марѳино, куда мы вернулись изъ Крыма въ концѣ мая, одна изъ служащихъ и привезла появившуюся въ Москвѣ телеграмму объ убійствѣ Плеве близъ Варшавскаго вокзала, куда онъ ѣхалъ, направляясь въ Петергофъ съ докладами императору.

Система произвола, доведенная до крайнихъ предѣловъ, получила свое возмездіе. Правительство очутилось въ тупикѣ, такъ какъ въ его средѣ не находилось ни одного смѣльчака, ни одного готоваго диктатора, чтобы продолжать политику Плеве и его предшественниковъ. Но никто, даже Витте, считавшій себя единственнымъ проницательнымъ государственнымъ человѣкомъ, не подозрѣвалъ, что приближается революція и что историческій ходъ Россіи сворачиваетъ со стараго на новый путь.

Безвольный и ограниченный царь, какъ свидѣтельствуетъ Витте, долго колебался въ назначеніи преемника убитому Плеве, останавливался даже на Штюрмера, воплощенной бездарности, и, наконецъ, по совѣту госпожи Милашевичъ, рожденной Строгановой, внучки императора Николая І-го, остановилъ свой выборъ на кн. Святополкъ-Мирскомъ.

Прежде чѣмъ выяснились намѣренія вновь назначеннаго руководителя внутренней политики, мы съ женой уѣхали въ Парижъ, куда П. Б. Струве перенесъ изданіе газеты «Освобожденіе» изъ Штуттгарта. Мнѣ нужно было видѣться съ Петромъ Бернгардовичемъ, чтобы переговорить по поводу предполагаемаго земскаго съѣзда, разрѣшеніе на который испросить было поручено бюро. Сверхъ того, я долженъ былъ передать Струве нѣкоторую сумму денегъ на расходы по изданію «Освобожденія». Когда мы уже были въ Парижѣ, туда пріѣхали Петръ Дмитріевичъ Долгоруковъ и Павелъ Николаевичъ Милюковъ для участія въ совѣщаніи членовъ Союза Освобожденія. Долгоруковъ остановился въ одномъ съ нами Hôtel du Louvre, и мы имѣли возможность съ нимъ видѣться ежедневно. Онъ значился въ отелѣ подъ фамиліей Долгова. Подъ этимъ же псевдонимомъ онъ участвовалъ и въ особомъ совѣщаніи представителей нѣкоторыхъ революціонныхъ партій, которое предполагалось ультра-секретнымъ, но, какъ оказалось, было известно департаменту полиціи отъ слова до слова и съ точнымъ указаніемъ участвовавшихъ въ совѣщаніи лицъ, причемъ были названы какъ Долгоруковъ, такъ и Милюковъ. Вмѣстѣ съ ними участвовалъ делегатъ партіи эсеровъ... Азефъ, представившій въ департаментъ полиціи полный отчетъ.

П. Д. Долгоруковъ послѣ совѣщанія уѣхалъ лѣчиться въ Виши, куда и мы съ женой поѣхали спустя нѣкоторое время, чтобы навѣстить его. Это было уже въ октябрѣ мѣсяцѣ и сезонъ Виши уже закон-

чился, такъ что и Долгорукову приходило время возвращаться домой. Мы же съ женой думали еще остаться въ Парижѣ, такъ какъ съѣздъ предполагался въ Петербургѣ, куда я былъ лишенъ права въѣзда. Но вдругъ, совершенно неожиданно, я получилъ телеграмму отъ брата, зовущаго меня въ Петербургъ. Братъ при этомъ сообщалъ, что его посѣтилъ директоръ департамента полиціи Лопухинъ, и просилъ передать мнѣ, что ограниченія моихъ правъ отмѣнены и что кн. Мирскій, новый министръ внутр. дѣлъ, желаетъ меня видѣть. Прочитавъ телеграмму, я въ тотъ-же день взялъ мѣсто въ Nord-Express и на слѣдующій день мы выѣхали въ Петербургъ, въ который я не имѣлъ права въѣзда въ теченіе 25 лѣтъ и куда меня только разъ впустили на нѣсколько дней съ цѣлью навѣстить больного сына. Черезъ два дня мы были уже въ Петербургѣ, едва не сгорѣвъ около Двинска въ вагонѣ, на которомъ загорѣлась крыша.

ГЛАВА XVII.

Возвращеніе изъ Парижа въ Петербургъ. — А. А. Лопухинъ, директоръ деп. полиціи. — Кн. Святополкъ-Мирскій, мин. внутр. дѣлъ. — С. Ю. Витте, предсѣд. комитета министровъ. — Съѣздъ земцевъ въ Москвѣ у Ю. А. Новосильцева. — Д. Н. Шиповъ. — Переговоры съ кн. Мирскимъ делегаціи съѣзда: Д. Н. Шипова, кн. Львова и И. И. Петрункевича. — Земскій съѣздъ въ Петербургѣ, 6—9 ноября 1904 года. — Передача той-же делегаціей кн. Мирскому постановленій съѣзда. — Возвращеніе послѣ ссылки въ Машукъ. — Указъ 12-го декабря. — Крещенскій салютъ. — 9 января 1905 года. — Отставка кн. Мирскаго и назначеніе Булыгина министромъ внутр. дѣлъ. — Убійство в. к. Сергѣя Александровича. — Мукденская катастрофа 15—20 февр. — Опубликованіе 18 февр. трехъ противорѣчивыхъ актовъ: манифеста, указа Сената и рескрипта Булыгину. — Земскіе съѣзды въ Москвѣ и московская администрація. —

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ я увѣдомилъ директора департамента полиціи А. А. Лопухина о своемъ прибытіи и просилъ его сообщить мнѣ, когда я могу видѣть его и получить формальное подтвержденіе заявленій, сдѣланныхъ имъ моему брату. Въ тотъ же день я получилъ отвѣтъ и приглашеніе быть у него не въ департаментѣ, а на его частной квартирѣ, на Сергіевской улицѣ.

Съ Лопухинымъ я не былъ знакомъ, но зналъ его въ лицо въ Твери, гдѣ онъ былъ прокуроромъ окружного суда и пользовался не слишкомъ хорошей славой, именно въ политическомъ отношеніи, какъ реакціонеръ, весьма склонный къ сыску, вслѣдствіе своего подозрительнаго характера. Тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что мой братъ, живя въ той же Твери, считался въ политическомъ отношеніи крайне неблагонадежнымъ, это обстоятельство не помѣшало Лопухинымъ приглашать его въ качествѣ врача, когда требовалась врачебная помощь. Это до нѣкоторой степени сближало брата съ Лопухиными, хотя исключительно на врачебной почвѣ. Лопухинъ считалъ нужнымъ посѣщать иногда брата, но всегда очень поздно вечеромъ, когда онъ не рисковалъ быть замѣченнымъ на довольно пустынной улицѣ, гдѣ былъ домъ брата, а также не могъ встрѣтить постороннихъ лицъ. Можетъ быть это подозрѣніе и невѣрно, но оно сложилось еще въ Твери, и насъ удивляли его исключительно ночные визиты. Тѣмъ страннѣе было для меня порученіе, данное Лопухину кн. Мирскимъ пригласить меня пріѣхать въ Петербургъ.

Утромъ, въ назначенный часъ мы съ братомъ поднялись на самый верхній этажъ дома, гдѣ была его квартира. Въ передней насъ встрѣтилъ дежурный жандармъ и тотчасъ проводилъ въ квартиру человѣка, въ рукахъ котораго находилась свобода и судьба русскихъ подданныхъ, имѣвшихъ несчастье быть причисленными къ подозрѣваемымъ въ недостаточной благонадежности.

Лопухинъ принялъ насъ съ чрезвычайной учтивостью, свойственной скорѣе свѣтскому человѣку, чѣмъ чиновнику болѣе или менѣе вы-

сокаго ранга. Старое знакомство съ моимъ братомъ и предварительные переговоры съ нимъ еще болѣе помогали взятому тону. Лопухинъ выразилъ мнѣ свою радость по поводу снятія съ меня кн. Мирскимъ ограниченій и возстановленія моихъ правъ безъ всякихъ оговорокъ, а затѣмъ сталъ увѣрять меня, что послѣдняя моя высылка изъ Тверской губерніи состоялась помимо его, непосредственнымъ распоряженіемъ мин. вн. дѣлъ Плеве, по представленію тверского губернатора кн. Ширинскаго Шихматова и въ виду доклада Штюрмера о его ревизіи тверского земства. Лопухинъ увѣрялъ, что былъ рѣшительнымъ противникомъ принятыхъ мѣръ противъ земства и, какъ только кн. Мирскій занялъ мѣсто мин. вн. дѣлъ, онъ представилъ ему о необходимости пересмотрѣть мѣры, принятыя противъ земства послѣ ревизіи.

Признаюсь, не смотря на всю любезность Лопухина, явно старавшагося убѣдить меня въ непричастности его къ разгрому тверского земства и моей высылкѣ, мнѣ казалось, что безъ участія директора департамента полиціи такія мѣры не могли быть приняты. Притомъ неспокойные, бѣгающіе глаза Лопухина невольно говорили другое. Но я молча принималъ всѣ эти объясненія и, когда они окончились, я спросилъ, желаетъ-ли меня видѣть кн. Мирскій. Лопухинъ отвѣчалъ, что онъ сегодня же узнаетъ это и немедленно сообщитъ, въ какой день и часъ министръ меня приметъ. Послѣ этого, мы еще поговорили нѣсколько минутъ на тему, возможна-ли въ Россіи конституція, причемъ онъ выражалъ сомнѣніе, впрочемъ очень скромное, и признавалъ, что всѣ народы проходятъ черезъ эту фазу политическаго развитія, но вопросъ въ томъ, готова ли Россія перешагнуть эту грань. На этомъ мы разстались и встрѣтились лишь во время первой Госуд. Думы, когда я былъ депутатомъ, а онъ уволеннымъ отъ должности ревельскаго губернатора и рѣшительнымъ противникомъ политики министерства Горемыкина вообще, и въ особенности министра внутр. дѣлъ Столыпина. Мы стали ближе въ своихъ личныхъ отношеніяхъ, благодаря кн. Сергѣю Дмитріевичу Урусову, моему товарищу по Госуд. Думѣ и близкому родственнику Лопухина, женатаго на сестрѣ Урусова. Не смотря на это, однако, я не могъ побѣдить въ себѣ чувства недовѣрія къ человѣку, бывшему, хотя бы краткое время, правой рукой Плеве. Послѣ разгона первой Гос. Думы я не встрѣчался съ Лопухинымъ, но однажды получилъ отъ него письмо изъ Красноярска, гдѣ онъ, какъ поселенецъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, отбывалъ извѣстный приговоръ «Варваринскаго суда», обвинившаго Лопухина въ выдачѣ государственной тайны, порученной ему по службѣ, и приговорившаго его за это къ каторжнымъ работамъ. Жестокое, по свойству дѣла, наказаніе, по аппелляціи было смягчено и замѣнено ссылкой на поселеніе.

Преступленіе Лопухина состояло въ разоблаченіи шпіона Азефа, состоявшаго на службѣ охраны и бывшаго членомъ партіи эсеровъ, одного изъ самыхъ ловкихъ шпіоновъ, который служилъ одновременно правительству Столыпина и участвовалъ въ убійствѣ в. к. Сергѣя

Александровича, Плеве и другихъ. Такого разоблаченія Столыпинъ не могъ простить Лопухину и предалъ его суду, составленному ad hoc изъ такихъ продажныхъ сенаторовъ, какъ Варварннъ, за собственную карьеру платившихъ искаженіемъ правосудія. О дальнѣйшей судьбѣ Лопухина я ничего не знаю, но всѣмъ извѣстно, что Столыпинъ, защитникъ и покровитель своихъ «сотрудниковъ», — такъ называлъ онъ своихъ шпіоновъ, — погибъ отъ руки одного изъ иихъ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Черезъ день или два послѣ свиданія съ Лопухинымъ я получилъ отъ кн. Мирскаго приглашеніе посѣтить его вечеромъ въ его квартирѣ на Фонтанкѣ. Это было въ самыхъ послѣднихъ числахъ октября, между 28 и 30 числомъ. Раньше я никогда не встрѣчалъ Мирскаго. Какъ только я назвалъ свою фамилію дежурному, меня тотчасъ провелн въ кабинетъ министра, находившійся въ первомъ этажѣ. Передо мною стоялъ еще не старый генералъ, совсѣмъ не воинственнаго вида, привѣтливый, съ добрыми глазами, простой и симпатичный. Онъ стоялъ за письменнымъ столомъ, раздѣлявшимъ насъ, и протянувъ руку черезъ столъ, онъ пригласилъ меня занять кресло, стоявшее противъ стола. Онъ повторилъ мнѣ все, уже переданное мнѣ Лопухинымъ, и вновь подтвердилъ, что всѣ, безъ нсключенія, ограниченія моей свободы и моихъ правъ сняты; а затѣмъ прямо перешелъ къ положенію Тверской губерніи и не прекращающимся столкновеніямъ земства съ тверской администраціей. Онъ говорилъ, что освѣдомленъ о моемъ вліяніи въ земской средѣ и надѣется, что, возвратясь въ Тверскую губернію, я сдѣлаю все завнсящее отъ меня, чтобы умиротворить взаимныя отношенія губернатора и земства.

На этихъ словахъ я остановнлъ его и заявилъ, что, пока будутъ существовать такіе губернаторы, какъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, никакое успокоеніе въ губерніи невозможно. Въ рукахъ власти слишкомъ много средствъ, чтобы поддержнвать полное спокойствіе въ губерніи, не возбуждая столкновеній, уклониться отъ которыхъ не могутъ ни отдѣльныя лица, ни такіе органы, какъ земскія собранія или управы. При этомъ я разсказалъ ему случай передѣлки губернаторомъ Ширинскимъ-Шихматовымъ протокола, составленнаго по его порученію мѣстнымъ исправникомъ, о случаѣ яко-бы кощунства земскаго врача Бакуннна въ Премухинской больницѣ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Полиція удостовѣрила, что, по случаю ремонта больницы, изъ ея покойницкой комнаты были вынесены аналой, Евангеліе и крестъ въ другую комнату, а ие въ отхожее мѣсто, какъ было кѣмъ-то донесено губернатору, причемъ все это происходило въ то время, когда врачемъ больницы состоялъ не Бакунинъ, а другой врачъ. Тѣмъ не менѣе, губернаторъ Ширинскій-Шихматовъ донесъ министру Плеве объ этомъ происшествіи въ редакціи не уѣздной полиціи, а вопреки ея разслѣдованію, подтверждая содержаніе ложнаго доноса. По этому поводу новоторжскій предводитель дворянства, мой сынъ, ѣзднлъ объясняться къ Плеве, который, вы-

слушавъ разсказъ, смѣясь спросилъ его: «такъ вы обвиняете губернатора въ подлогѣ?» На что тотъ отвѣчалъ: «во всякомъ случаѣ, въ ложномъ донесеніи».

Выслушавъ мой разсказъ, кн. Мирскій добродушно мнѣ сказалъ: — «Ну, теперь, вамъ не придется встрѣчаться съ такимъ губернаторомъ, какъ кн. Ширинскій-Шихматовъ. На его мѣсто назначенъ кн. Урусовъ, и я могу поручиться, такъ какъ я его хорошо знаю, что имъ будетъ все сдѣлано, чтобы идти рука объ руку съ земствомъ, а не противъ него, и не только въ силу инструкціи министра, но и согласно собственному характеру и собственнымъ взглядамъ. Надѣюсь, что онъ встрѣтитъ въ васъ полную поддержку».

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, онъ перешелъ къ предположенному земскому съѣзду, противъ котораго онъ лично ничего не имѣетъ, но не считаетъ себя въ правѣ дать разрѣшеніе безъ предварительнаго доклада государю и его согласія. Онъ уже докладывалъ государю о съѣздѣ предсѣдателей управъ, теперь же выяснилось, что предполагается съѣздъ не предсѣдателей, а земскихъ гласныхъ, на что согласія ему не было дано.

По вопросу о съѣздѣ, я, находясь за границей, не былъ подробно освѣдомленъ, поэтому могъ только сказать, что дня черезъ 2-3 уѣзжаю въ Москву, чтобы принять участіе въ окончательномъ рѣшеніи этого вопроса. На этомъ наша бесѣда закончилась, и я откланялся, унося очень хорошее впечатлѣніе отъ нашей бесѣды, обнаружившей въ высшей степени примирительное настроеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Въ первый разъ за все время моей общественной дѣятельности бесѣда съ лицомъ, стоящимъ во главѣ правительства, велась, повидимому, совершенно искренно, безъ камня за пазухой съ обѣихъ сторонъ.

Витте, разсыпаясь въ своихъ «Воспоминаніяхъ» во всевозможныхъ похвалахъ по адресу кн. Мирскаго, говоритъ: «Мирскій былъ назначенъ очень поздно, когда уже Россія была такъ революціонизирована внутренними событіями, а ранѣе неудачами на войнѣ, что перемѣнить положеніе дѣлъ было для него непосильно, тѣмъ болѣе, что государь, назначивъ его, все-таки продолжалъ слушать совѣты крайнихъ реакціонеровъ, которые мѣшали Мирскому принять новый курсъ внутренней политики».

Я имѣю основаніе думать, что въ октябрѣ 1904 года, т. е. скоро послѣ назначенія Мирскаго, Витте думалъ иначе и что мысли его, приведенныя выше, относятся къ болѣе позднему времени. Въ тѣ самые дни, когда я находился въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Парижа, І. В. Гессенъ сообщилъ мнѣ о желаніи Витте встрѣтиться со мною и поговорить по вопросамъ дня. Я ничего не имѣлъ противъ этого, и вмѣстѣ съ Іосифомъ Владиміровичемъ въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ отправился къ Витте, въ его домъ на Каменно-островскомъ проспектѣ. Витте принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ запросто, какъ

частный человѣкъ, а не предсѣдатель комитета министровъ, роль котораго онъ самъ опредѣлилъ, какъ министра «не у дѣлъ». Вся бесѣда наша касалась исключительно общественнаго движенія и отношенія къ нему, и я старался доказать, что правительство будетъ вынуждено уступить и принять конституціонный строй взамѣнъ самодержавнаго. Витте возражалъ категорическимъ тономъ, какъ авторитетъ и какъ человѣкъ, убѣжденный въ непреложности своихъ мнѣній.

— Въ своемъ сужденіи, говорилъ онъ, вы не принимаете въ разсчетъ, во-первыхъ, что государь относится къ самодержавію, какъ къ догмату вѣры, какъ къ своему долгу, котораго ни въ цѣломъ, ни въ части онъ уступить кому бы то ни было не можетъ. Это — его вѣра, и вы безсильны ее измѣнить; во-вторыхъ, общество русское не настолько сильно, чтобы вступать въ борьбу съ самодержавіемъ, которое опирается на тысячелѣтнюю исторію, на вѣру въ его жизненность и силу и на привычку видѣть въ немъ свою защиту и опору. Крестьянство будетъ на сторонѣ самодержавія, а не на сторонѣ, такъ называемаго общества, которое будируетъ, не учитывая своихъ силъ. Онъ не вѣритъ въ силу идей и знаетъ, что человѣчествомъ двигаютъ не идеи, а матеріальные интересы. Интересы-же народа тѣсно связаны съ интересами самодержавія, которое одно могло дать народу въ 1861 году свободу и землю вопреки желанію дворянства, и тогда будировавшаго противъ самодержавія, какъ теперь будируетъ общественность, интересы которой лежатъ не въ одной плоскости съ интересами народа. Принимая все это во вниманіе, онъ не опасается за самодержавіе, которому онъ преданъ не за страхъ, а за совѣсть.

На тему своей преданности самодержавію и самодержцу онъ распространялся такъ долго, что невольно чувствовалось желаніе выгородить себя отъ всякой надежды на его помощь или участіе въ общественномъ движеніи, которое, надо сказать, никогда на него и не разсчитывало, и я самъ явился къ нему не по собственному желанію, а по его приглашенію, переданному мнѣ І. В. Гессеномъ. Но если бы я имѣлъ глупость расчитывать на привлеченіе Витте къ общественному движенію, то послѣ первыхъ же его заявленій с безсиліи нашей русской общественности и столь же бессильной роли идей въ исторіи народовъ, я, конечно, убѣдился бы, что Витте, въ качествѣ министра «не у дѣлъ», самъ только «будируетъ» противъ правительства, въ которомъ занимаетъ такое невліятельное мѣсто. Еще не была забыта нами его полемика съ Горемыкинымъ по поводу противорѣчія между земствомъ и самодержавіемъ, которое такъ старательно отстаивалъ Витте. Помнили мы и то, въ какіе тиски онъ ставилъ земство, стѣсняя его бюджетныя права, которыми оно къ тому же никогда не злоупотребляло. Теперь, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», изданныхъ послѣ его смерти и во время революціи, опрокинувшей самодержавный тронъ, мы читаемъ его оцѣнку самодержавнаго правительства и самого самодержца, оцѣнку, которая является неопровержимой оцѣнкой и самого автора, его непони-

манія ни людей, ни событій, въ которыхъ ему пришлось играть такую исключительную роль, и въ которыхъ онъ обнаружилъ всѣ свои недостатки, и не проявилъ ни силы ума, ни проницательности и дальновидности, ни даже честности характера. Онъ оставался все время дѣльцомъ и тщеславнымъ выскочкой, безъ авторитета, безъ признанія его силой, съ которой надо считаться.

Наша съ нимъ бесѣда происходила за недѣлю до земскаго съѣзда 6-9 ноября 1904 года, давшаго большой толчекъ общественному движенію и, въ сущности, ставшаго началомъ первой русской революціи 1905 г., точно такъ же, какъ ноябрьская рѣчь Милюкова въ 1916 г. въ Государственной Думѣ была началомъ второй революціи 1917-го года. И за недѣлю до нашего съѣзда Витте не понималъ, что революція уже у порога, что она движется тѣми самыми идеями, которыя онъ отрицалъ, забывая или не умѣя понять, что идея свободы всегда была могучимъ рычагомъ, поднимавшимъ народы противъ своихъ угнетателей, что идея свободы была двигателемъ революцій въ Англіи въ 17-мъ, во Франціи въ 18-мъ и во всей Европѣ въ 19-мъ вѣкахъ; что идея свободы привела въ Америку основателей великой республики; что идея свободы духа была причиной реформаціи, и, наконецъ, что христіанская и д е я покорила весь міръ, продолжаетъ своею силою потрясать его до сихъ поръ и что съ силою идеи не могутъ сравняться никакіе матеріальные интересы.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Витте говоритъ о ноябрьскомъ съѣздѣ съ оттѣнкомъ презрѣнія: «Тогда долженъ былъ собраться такъ называемый съѣздъ общественныхъ дѣятелей, составленный изъ земцевъ, городскихъ дѣятелей и нѣкоторыхъ политикановъ, сдѣлавшихся затѣмъ коноводами такъ называемыхъ кадетовъ (Милюковъ, Гессенъ, Набоковъ и проч.)». Замѣчательно, продолжаетъ Витте, что многіе изъ дѣятелей этого съѣзда нынѣ бросились совсѣмъ вправо, но тогда всѣ образованные и, такъ называемые, интеллигентные люди, за самыми малыми исключеніями, требовали переворота, т. е., разъясняетъ Витте, объявили войну бюрократіи... «Въ виду этого, въ бесѣдѣ съ кн. Мирскимъ онъ сказалъ ему, что «у него выйдетъ недоразумѣніе (съ Государемъ) и что съѣздъ въ той или другой формѣ постановитъ желаніе конституціи, а это, конечно, будетъ отвергнуто и что, слѣдовательно, вмѣсто начала примиренія правительства съ общественнымъ мнѣніемъ произойдетъ еще большее обостреніе». Такимъ образомъ, очевидно, Витте думалъ, что запрещеніемъ съѣзда можно остановить движеніе, коренившееся въ историческомъ развитіи общественнаго самосознанія, противъ чего самодержавіе безсильно. Въ бесѣдѣ съ кн. Мирскимъ, какъ въ бесѣдѣ со мною, онъ обнаружилъ одинаковую близорукость: Мирскому выражалъ опасеніе неудовольствія царя, а мнѣ толковалъ о политиканахъ, сующихъ свой носъ не въ свое дѣло. Дальнѣйшія событія показали, что Витте никогда не поднимался до высоты и широты государственныхъ воззрѣній, до прозрѣнія будущаго Россіи, до обез-

печенія ей того пути, на которомъ она могла бы развивать свою государственность и избѣжать той разрухи, которую она переживаетъ теперь. Все время, когда Витте былъ господиномъ положенія, онъ не проявилъ ни силы убѣжденій, ни твердости характера и оставался чиновникомъ, озабоченнымъ своей карьерой.

Пробывъ въ Петербургѣ всего три-четыре дня, мы выѣхали не въ Машукъ, а въ Москву, чтобы принять участіе въ обсужденіи программы предстоящаго съѣзда и познакомиться съ положеніемъ всего этого вопроса въ виду свѣдѣній, полученныхъ мною непосредственно отъ кн. Мирскаго, считавшаго, что безъ согласія государя онъ не въ правѣ дать разрѣшенія на съѣздъ въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ я узналъ, что бюро уже давно разослало приглашеніе на съѣздъ во всѣ земскія губерніи, не смотря на то, что Мирскій, получивъ отъ бюро свѣдѣніе, что съѣздъ будетъ состоять не изъ предсѣдателей губернскихъ управъ, а изъ земскихъ гласныхъ, присылалъ въ Москву директора департамента Гербеля съ цѣлью убѣдить бюро устроить съѣздъ не въ Петербургѣ, а въ провинціи, напр. въ Нижнемъ-Новгородѣ, противъ чего министерство ничего не будетъ имѣть. Миссія Гербеля не имѣла успѣха, и бюро съѣзда рѣшило назначеннаго срока и мѣста не мѣнять. Для окончательнаго же обсужденія и установленія редакціи предполагаемыхъ постановленій было рѣшено собраться въ составѣ не только бюро, но и всѣхъ земцевъ, уже прибывшихъ въ Москву для участія въ съѣздѣ.

3-го ноября 1904 года мы собрались въ домѣ нынѣ уже покойнаго Юрія Александровича Новосильцева, принимавшаго горячее участіе въ общественномъ движеніи во всѣ его моменты. Онъ открывалъ свои двери для всѣхъ собраній, не опасаясь никакихъ полицейскихъ запрещеній, и много разъ мы пользовались его обширнымъ помѣщеніемъ для многолюдныхъ собраній въ теченіе всего времени до открытія Госуд. Думы.

Совѣщаніе прошло очень дружно, но окончательная редакція резолюцій была возложена на особую комиссію, тутъ же избранную. Комиссія немедленно принялась за работу, но ея редакція чуть было не вызвала раскола, въ виду положенія 10-го пункта, въ которомъ было выражено убѣжденіе, что только конституціонный строй, ограничивающій самодержавную власть, можетъ удовлетворить общественное мнѣніе и дать Россіи то спокойное развитіе государственной жизни, въ которомъ она такъ нуждается. Такая редакція встрѣтила рѣшительное несогласіе со стороны Д. Н. Шипова, по своему вліянію въ земской средѣ справедливо занимавшаго первое мѣсто. Онъ категорически заявилъ, что не раздѣляетъ конституціонныхъ воззрѣній, но не желаетъ мѣшать съѣзду проводить идеи, къ которымъ онъ не примыкаетъ, и потому предпочитаетъ не быть на съѣздѣ. Глубокое уваженіе, которое всѣ мы питали къ Д. Н. Шипову, убѣжденіе, что его отсутствіе на съѣздѣ было бы тяжелымъ ударомъ не только для съѣзда, но и для того дѣла, которое

онъ призванъ былъ защищать, заставило комиссію идти на всѣ возможныя уступки. Послѣ долгихъ переговоровъ мы пришли къ соглашенію съ Дмитріемъ Николаевичемъ на томъ, что статья 10-я будетъ изложена въ менѣе опредѣленной формѣ и въ двухъ редакціяхъ, причемъ оба текста будутъ помѣщены рядомъ и подвергнутся голосованію отдѣльно каждый. Послѣ принятія этого рѣшенія, бюро съѣзда возложило веденіе переговоровъ о разрѣшеніи съѣзда съ министромъ вн. дѣлъ на трехъ лицъ: Д. Н. Шипова, кн. Георгія Евгеньевича Львова и меня, и въ тотъ же вечеръ мы трое выѣхали въ Петербургъ. Утромъ на слѣдующій день мы были уже въ Петербургѣ и немедленно обратились съ письмомъ, подписаннымъ нами тремя, къ кн. Мирскому. Указавъ на всю неустойчивость внутренняго состоянія Россіи, на всю опасность длительности такого положенія, на безпокойство, царящее во всѣхъ слояхъ общества, мы просили разрѣшить съѣздъ земскихъ гласныхъ, которые уже въ пути и съѣдутся въ Петербургѣ въ ближайшіе дни. Въ отвѣтъ на это письмо, мы получили на имя Д. Н. Шипова приглашеніе быть у министра въ тотъ-же день вечеромъ, въ такомъ-то часу. Какъ только мы всѣ трое одновременно прибыли на квартиру Мирскаго, мы были тотчасъ приняты въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ за нѣсколько дней до того онъ принималъ меня. Добродушіе, искренность и мягкость тона Мирскаго очень облегчали нашу бесѣду, дѣлая ее непринужденной и откровенной. Онъ разсказалъ намъ о всѣхъ препятствіяхъ, поставленныхъ на пути нашихъ желаній, на недовѣріе государя къ такого рода обсужденію особенно публичному, некомпетентными людьми, важныхъ государственныхъ вопросовъ, и на всю трудность и даже невозможность для него удовлетворить наше желаніе. Тѣмъ не менѣе, послѣ продолжительнаго обсужденія, мы пришли къ слѣдующему соглашенію: вопервыхъ, съѣздъ признается частнымъ собраніемъ земцевъ, не будетъ публичнымъ и не считается разрѣшеннымъ; во-вторыхъ, правительство не будетъ препятствовать нашимъ собраніямъ въ частныхъ квартирахъ и въ-третьихъ, правительство будетъ, по окончаніи занятій съѣзда, поставлено въ извѣстность о принятыхъ резолюціяхъ. Такое соглашеніе мы признали достаточнымъ и удовлетворяющимъ наши желанія, имѣя увѣренность, что не только резолюціи, принятыя съѣздомъ, но и сущность преній получатъ широкое распространеніе.

6-го ноября, съѣздъ собрался въ квартирѣ тверского губернскаго земскаго гласнаго и петербургскаго адвоката, Ивана Ассигкритовича Корсакова, на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, и былъ открытъ Д. Н. Шиповымъ, предложившимъ избрать президіумъ, который и былъ избранъ въ составѣ предсѣдателя Д. Н. Шипова и его двухъ товарищей, кн. Г. Е. Львова и меня; секретарями были избраны: Ф. Ф. Кокошкинъ, Ф. А. Головинъ и Л. Д. Брюхатовъ, гласный тамбовскаго земства. Послѣ этого было приступлено къ обсужденію программы по пунктамъ. Я не помню числа лицъ, участвовавшихъ въ каждомъ изъ четырехъ засѣданій, но въ протоколѣ третьяго засѣданія было 104 под-

писи, которыми и опредѣляется число лицъ, принявшихъ участіе въ этомъ, несомнѣнно имѣющемъ историческое значеніе, съѣздѣ.

Хотя на набережной Фонтанки отъ Аничкова моста до дома, въ которомъ собрался съѣздъ, было видно довольно много полиціи, но очевидно ея задача заключалась въ недопущеніи посторонней публики на съѣздъ. Внутри дома ея не было видно. Невмѣшательство полиціи было полное, и городовые, разставленные по улицѣ, обнаруживали свое вниманіе къ съѣзду лишь тѣмъ, что указывали членамъ съѣзда мѣсто его засѣданія. Это повторялось всѣ четыре дня, такъ какъ помѣщеніе съѣзда мѣнялось каждый день, чтобы не слишкомъ обременять хозяевъ квартиръ.

Второе засѣданіе, 7-го ноября, происходило, въ квартирѣ предоставленной съѣзду г. Брянчаниновымъ, на Кирочной ул., въ огромномъ домѣ и въ квартирѣ, въ которой имѣлось помѣщеніе, вѣроятно, для домашняго театра. Это помѣщеніе и было намъ предоставлено. При открытіи этого засѣданія, произошелъ маленькій инцидентъ: гласный, кажется, Херсонской губ., г. Стенбокъ-Ферморъ обратился съ протестомъ противъ устройства съѣзда лицами неуполномоченными земскими собраніями. Въ отвѣтъ ему было объяснено предсѣдателемъ, что протестующій ошибся, что это съѣздъ не земскихъ собраній, а земскихъ гласныхъ, пожелавшихъ собраться для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ настоящимъ положеніемъ вещей въ нашемъ отечествѣ, и если графъ Стенбокъ-Ферморъ считаетъ этотъ съѣздъ некомпетентнымъ, то онъ можетъ въ немъ не участвовать. Эта попытка внести въ собраніе замѣшательство и отвлечь его отъ предположенной цѣли совершенно не удалась: протестъ не былъ поддержанъ ни единымъ голосомъ и не вызвалъ ни малѣйшаго сочувствія. Собраніе перешло къ обсужденію заготовленныхъ резолюцій по пунктамъ и безъ особенныхъ споровъ приняло первыхъ девять пунктовъ. Когда-же очередь дошла до пункта десятаго, съ пространной рѣчью выступилъ Д. Н. Шиповъ, изложившій свой взглядъ на положеніе верховной власти въ Россіи, созданной исторіей нашей страны и имѣющей за себя тысячелѣтнюю давность. Онъ горячо отстаивалъ тезисъ славянофильства тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка: «народу мнѣніе, царю власть» и не допускалъ никакихъ бумажныхъ договоровъ и гарантій между царемъ и народомъ, отношенія которыхъ основываются на законахъ нравственныхъ, а не на юридическихъ и формальныхъ, всегда временныхъ, взглядахъ. Онъ вѣритъ въ силу и незыблемость только нравственныхъ началъ, единственно прочныхъ и не требующихъ никакихъ гарантій, однимъ своимъ существованіемъ подрывающихъ вѣру въ то, что лежитъ въ самой природѣ взаимныхъ отношеній народа и царя.

Я передаю только самую сущность рѣчи Дмитрія Николаевича, въ которой онъ защищалъ всю основу своихъ воззрѣній, вытекавшихъ исключительно изъ нравственныхъ законовъ, которыми онъ руково-

дился во всѣхъ сторонахъ жизни: личной, общественной, политической, никогда не отступая, никогда не нарушая того, что требовала его совѣсть, всегда согласная съ его разумомъ. Теперь, этотъ умный и благороднѣйшій человѣкъ и гражданинъ уже покоится въ могилѣ, и я, во многомъ расходившійся съ нимъ, возражавшій ему и на земскомъ съѣздѣ, вспоминаю о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ теченіе моей долгой жизни. Дмитрій Николаевичъ Шиповъ и умеръ такъ, какъ жилъ, не измѣняя ни своему разуму, ни своей неподкупной совѣсти.

Рѣчь Д. Н. Шипова встрѣтила много возраженій. Я тоже былъ въ числѣ возражавшихъ. Я высказалъ, что если въ исторіи нашего народа можно найти много въ пользу самодержавія, то въ той же исторіи и притомъ ближайшей къ нашему времени, мы встрѣчаемъ доказательства тому, что старыя отношенія власти царя къ народу утратили свое оправданіе. Русскій народъ выросъ изъ своего младенческаго состоянія, онъ ищетъ новыхъ формъ, отвѣчающихъ той сложности народной жизни, которая смѣнила патріархальный бытъ. Народъ желаетъ быть господиномъ своей судьбы, убѣждаясь, что имъ правитъ не единая воля монарха, руководимая нравственнымъ закономъ, а толпа царедворцевъ, огромная армія чиновниковъ, несчитающихся съ интересами народа. Интересы народа и нашей страны требуютъ новыхъ формъ взаимоотношеній власти и народа, и эти формы должны быть выражены въ новомъ законѣ, незыблемость котораго должна быть гарантирована верховной властью.

Кромѣ меня говорили противъ рѣчи Шипова нѣсколько ораторовъ, какъ и въ пользу мнѣнія Дмитрія Николаевича. Пренія эти были приведены не совсѣмъ точно въ газетахъ того времени и потомъ въ книгѣ г. Бѣлоконскаго «Земское движеніе». Но подъ рукою у меня нѣтъ ни газетъ того времени, ни книги г. Бѣлоконскаго и я не берусь по памяти передавать ихъ.

Голосованіе десятаго пункта не было закончено въ этотъ день и было перенесено на слѣдующее засѣданіе, происходившее на другой день въ домѣ Вл. Дм. Набокова, предложившаго свое помѣщеніе, но къ сожалѣнію, не принимавшаго участія въ засѣданіи, такъ какъ онъ не былъ земскимъ гласнымъ. Пренія по пункту десятому продолжались и здѣсь и закончились вечеромъ голосованіемъ, давшимъ результатъ, который можно было предвидѣть заранѣе: три четверти голосовъ было подано за конституцію, говоря кратко, и одна четверть голосовъ противъ, что можетъ служить подтвержденіемъ того, что съѣздъ не былъ искусственно подобранъ изъ однихъ сторонниковъ конституціи, а былъ выраженіемъ сознанія необходимости реформы того положенія, выносить которое было нестерпимо. Протоколъ этого засѣданія былъ подписанъ 104-мя гласными, считая въ томъ числѣ и президіумъ, и переданъ послѣднимъ , т. е. Шиповымъ, Львовымъ и мною, министру внутр.

дѣлъ кн. Мирскому съ просьбой представить этотъ документъ государю, что онъ и обѣщалъ намъ.

Естественно возникаетъ вопросъ: какіе-же результаты далъ этотъ земскій съѣздъ, который я считаю отправной точкой движенія, приведшаго Россію къ первой Государственной Думѣ?

Въ широкихъ общественныхъ кругахъ, впечатлѣніе отъ съѣзда было очень велико и несомнѣнно послужило сильнымъ толчкомъ развитію политическаго движенія. Весь 1905 годъ прошелъ подъ знакомъ рѣшеній этого съѣзда. Всѣ собранія, происходившія послѣ этого, — праздновалась-ли годовщина судебныхъ уставовъ, собиралось-ли какое либо общество въ очередное засѣданіе — откликались на постановленіе съѣзда или сочувственно или выражая недовольство умѣренностью рѣшеній съѣзда, тѣмъ не менѣе основная мысль послѣдняго, — необходимость добиваться конституцій — стала все громче раздаваться въ рѣчахъ членовъ такихъ собраній.

Что касается правительства, то вліяніе рѣшеній съѣзда несомнѣнно получило свое отраженіе въ указѣ 12 декабря «О предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка». Но то, что было извѣстно по поводу этого указа, далеко не соотвѣтствовало тому, что теперь мы узнаемъ изъ «Воспоминаній» Витте (т. I. стр. 294 и слѣдующіи), и что заслуживаетъ широкой извѣстности, тѣмъ болѣе, что и въ данномъ случаѣ, Витте остался вѣренъ своей двуличной игрѣ, все болѣе выясняющей непривлекательную его личность и ея роль въ развитіи нашей государственной жизни. «Князь Мирскій, разсказываетъ Витте, подалъ Государю докладъ съ приложеніемъ проекта указа о различныхъ вольностяхъ, въ томъ числѣ о привлеченіи въ Госуд. Совѣтъ выборныхъ и о дарованіи полной свободы вѣроисповѣданія старообрядцамъ». «В ъ ноябрѣ 1904 года, (курсивъ мой) продолжаетъ Витте, Государь собралъ совѣщаніе по вопросу о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры по поводу сказаннаго доклада Мирскаго. Въ совѣщаніе это были приглашены всѣ министры — Коковцовъ, Лобко, Ермоловъ, Муравьевъ, Ламсдорфъ, Сахаровъ, в. к. Александръ Михайловичъ, Мирскій, Побѣдоносцевъ, Авеланъ, затѣмъ Будбергъ (главноуправляющій комиссіей прошеній), Танѣевъ (главноуправляющій канцеляріей), генералъ адмиралъ Рихтеръ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, графъ Сольскій, Э. В. Фришъ и я», заключаетъ Витте, добавляя, что государь не хотѣлъ его пригласить, но Мирскій уговорилъ царя. Это послѣднее, будто-бы, было сообщено ему «неврастеникомъ» и «Добчинскимъ» кн. Оболенскимъ, будущимъ оберъ-прокуроромъ Синода въ его министерствѣ.

«Самый вопросъ, поставленный въ совѣщаніи, продолжаетъ Витте, для меня былъ признакомъ того, что Государь далеко ушелъ въ своемъ политическомъ міровоззрѣніи, ибо раньше, когда мнѣ приходилось при докладѣ говорить: таково общественное мнѣніе, — Государь иногда съ сердцемъ говорилъ:

— А мнѣ какое дѣло до общественнаго мнѣнія».

Затѣмъ Витте переходитъ къ передачѣ того, что происходило на совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ царя.

«Наибольшій разговоръ возбудилъ вопросъ о привлеченіи выборныхъ къ участію въ законодательствѣ. Большинство говорило за, противъ говорилъ К. Н. Побѣдоносцевъ. Вообще, какъ и всегда, его критическія замѣчанія были весьма сильны, но заключенія неопредѣленны. Я ничего не говорилъ, но когда Государь обратился ко мнѣ, чтобы я высказался по вопросу о выборахъ, я сказалъ, что, по моему убѣжденію, существующій порядокъ управленія государствомъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ его и находится въ противорѣчіи съ самосознаніемъ почти всѣхъ интеллигентныхъ классовъ и что поэтому я раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ за необходимость этой мѣры, но нахожу, что выставляемый ими доводъ, будто бы это не поколеблетъ существующій государственный строй, невѣренъ. Я, конечно, не думаю, чтобы они представляли этотъ доводъ, сознавая его вѣрность, дабы достигнуть того, къ чему они стремятся, но по моему глубокому убѣжденію, всякое правильное организованное и постоянное участіе выборныхъ въ законодательствѣ неминуемо приводитъ къ тому, что называется конституціей».

«Въ концѣ концовъ, Его Величество согласился съ мнѣніемъ большинства, при чемъ Государю благоугодно было поручить мнѣ, какъ предсѣдателю комитета министровъ, и управляющему канцеляріей комитета министровъ барону Нольде составить проектъ Указа... Это совѣщаніе окрылило духъ присутствующихъ; всѣ, повидимому, были взволнованы мыслью о новомъ направленіи государственнаго строительства и государственной жизни, которую Его Величеству благоугодно дать Великой Россіи».

«Проектъ этого Указа подъ заглавіемъ: «О предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка» — былъ представленъ Его Величеству».

Спустя нѣсколько дней, 11 декабря, Витте получилъ приглашеніе прибыть въ Царское Село. Вечеромъ онъ былъ принятъ государемъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ находился уже в. к. Сергѣй Александровичъ. — «Я указъ этотъ одобряю, но у меня есть сомнѣнія только по отношенію одного пункта». Такими словами встрѣтилъ государь вошедшаго Витте, который прибавляетъ: «Это былъ именно тотъ пунктъ, въ которомъ говорилось о необходимости привлеченія общественныхъ дѣятелей въ законодательное учрежденіе того времени, а именно въ Государственный Совѣтъ».

По разсказу Витте, государь обратился къ нему съ просьбой, совершенно откровенно высказать ему свое мнѣніе по поводу этого пункта и дать ему совѣтъ: оставить этотъ пунктъ или не оставить.

И вотъ какой совѣтъ далъ Витте царю, всѣ недостатки котораго онъ прекрасно зналъ и въ которыхъ, въ своихъ мемуарахъ, постоянно безпощадно обвиняетъ этого безвольнаго, слабодушнаго и ненавиди-

маго имъ самодержца, просящаго совѣта. «По совѣсти я долженъ сказать слѣдующее: привлеченіе представителей общества, особливо въ выборной формѣ, въ законодательныя учрежденія есть первый шагъ къ тому, къ чему стихійно стремятся всѣ культурныя страны свѣта, т. е. къ представительному образу правленія, къ конституціи; несомнѣнно, то будетъ первый весьма умѣренный и ограниченный шагъ по этому пути — но со временемъ онъ можетъ повести и къ слѣдующимъ шагамъ, а поэтому мой совѣтъ таковъ: если Его Величество искренно, безповоротно пришелъ къ заключенію, что невозможно идти противъ всемірнаго историческаго теченія, то этотъ пунктъ въ указѣ долженъ оставаться; но если Его Величество, взвѣсивъ значеніе этого пункта и имѣя въ виду, — какъ я ему докладываю, — что этотъ пунктъ есть первый шагъ къ представительному образу правленія, — съ своей стороны находитъ, что такой образъ правленія недопустимъ, то, конечно, съ этой точки зрѣнія осторожнѣе было бы пунктъ этотъ не помѣщать». (Разрядка моя).

«Когда я высказалъ свое мнѣніе, прибавляетъ Витте, Его Величество посмотрѣлъ на В. Князя, который видимо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ и одобрилъ его. Послѣ этого Государь сказалъ мнѣ:

— Да, я никогда, ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на представительный образъ правленія, ибо я его считаю вреднымъ для ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа, и поэтому я послѣдую вашему совѣту и пунктъ этотъ вычеркну. Затѣмъ онъ всталъ, очень меня поблагодарилъ».

Въ тотъ же вечеръ Витте сообщилъ Мирскому, что статья о представителяхъ вычеркнута государемъ. Это сообщеніе, говоритъ Витте, повидимому очень огорчило кн. Мирскаго.

Попытка кн. Мирскаго направить царя на единственно правильный путь государственнаго управленія такимъ образомъ не удалась, благодаря въ значительной мѣрѣ Витте; послѣдній, вѣроятно, считалъ себя мудрымъ дипломатомъ, но потомство не признаетъ, надо думать, за нимъ таланта и искусства Талейрана, служившаго всякому правительству, измѣняя каждому предшествующему. Для репутаціи россійскаго виртуоза его умъ былъ недостаточно тонокъ, недостаточно гибокъ, недостаточно проницателенъ и слишкомъ мелоченъ. На просьбу царя дать ему совѣтъ въ очень трудную минуту, онъ поступилъ, какъ предатель одновременно и злополучнаго царя и своей родины, которая напрягала всѣ силы разрѣшить мирнымъ путемъ явно приближающійся кризисъ, грозившій катастрофой. Онъ не безъ удовольствія сообщилъ о своемъ успѣхѣ кн. Мирскому, искренно желавшему сдѣлать хотя бы одинъ

шагъ, но въ противоположномъ направленіи, которое подавало надежду избѣжать катастрофы.

Закончивъ всѣ свои дѣла въ Петербургѣ, мы съ женой возвратились только 15-го ноября въ Машукъ, гдѣ насъ уже давно ждали послѣ десятимѣсячнаго отсутствія и гдѣ мы чувствовали себя совершенно счастливыми.

Наступленіе новаго 1905 года не обѣщало спокойнаго теченія жизни. 6-го января произошло, въ Петербургѣ, таинственное событіе, оставшееся невыясненнымъ, а говоря правильнѣе — замятымъ. Во время обычнаго водосвятія на Невѣ, противъ Зимняго дворца, на которомъ всегда присутствовалъ царь со всею своей свитой великихъ князей, министровъ и всего двора, съ батареи, расположенной напротивъ, у Биржи на Васильевскомъ о-вѣ, одно изъ орудій салютовало не холостымъ зарядомъ, а картечью. Если бы орудіе было наведено немножко ниже, весь зарядъ попалъ бы въ толпу молящихся и могъ бы дать массу жертвъ убитыми и ранеными. Мнѣ кажется, что допустить случайность въ такомъ происшествіи совершенно невозможно, иначе надо признать, что въ арміи царила такая халатность, которая свидѣтельствовала бы о полномъ упадкѣ въ командномъ составѣ чувства служебнаго долга. Во всякомъ случаѣ, это событіе не прошло незамѣченнымъ во всей странѣ, вызывая толки и въ деревняхъ, среди крестьянства. И тѣмъ болѣе, что не прошло и трехъ дней, какъ 9-го января, произошла манифестація петербургскихъ рабочихъ, во главѣ со священникомъ Гапономъ отправившихся къ Зимнему дворцу съ портретомъ царя, иконами и хоругвями, т. е. со всѣми внѣшними признаками самыхъ мирныхъ намѣреній, заявить царю о своей преданности. Послѣ изданія указа 12-го декабря, возбудившаго въ самомъ правительствѣ столько надеждъ на новые пути государственной жизни, что, по словамъ Витте, побудило Сольскаго выступить съ благодарственной рѣчью къ царю, а министровъ Ермолова и кн. Хилкова прослезиться, казалось бы, нельзя было, послѣ всего этого, ожидать того, что случилось: многотысячная толпа была встрѣчена войсками, которыя «не жалѣли патроновъ» и разстрѣливали безоружныхъ манифестантовъ, даже тѣхъ, которые разбѣгались, спасаясь отъ выстрѣловъ. Извѣстіе объ этомъ событіи произвело потрясающее впечатлѣніе во всей Россіи. Я помню то впечатлѣніе, которое оно произвело у насъ въ уѣздѣ и на уѣздномъ земскомъ собраніи, происходившемъ въ это время. Слухи по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга доводили число жертвъ этой катастрофы до чудовищныхъ размѣровъ. Но и въ дѣйствительности число убитыхъ и раненыхъ было велико. Я слышалъ отъ Набоковыхъ, домъ которыхъ былъ на Морской, что мимо ихъ оконъ провозили въ телѣгахъ много труповъ, прикрытыхъ рогожами, но видныхъ изъ подъ нихъ. Пули летали отъ Адмиралтейской площади во всю длину Невскаго проспекта. Наше взволнованное земское собраніе пріостановило засѣданіе, такъ какъ никто не могъ спо-

койно заниматься дѣлами. Только гласный отъ крестьянъ, Евстратовъ, номеръ первый въ губернаторскомъ спискѣ кандидатовъ, произнесъ во всеуслышаніе:

— Всѣхъ бы этихъ манифестантовъ слѣдовало перевѣшать!

Это заявленіе еще болѣе взволновало и гласныхъ и публику, и собраніе не могло успокоиться и приступить къ занятіямъ.

Таково было первое примѣненіе указа 12 декабря о водвореніи законности, расширеніи свободы слова и устраненіи всякихъ исключительныхъ законовъ. Общественное мнѣніе еще разъ могло убѣдиться, что ожидать отъ правительства исполненія какихъ-либо обѣщаній совершенно безнадежно, и что только конституціонными гарантіями можно достигнуть нормальнаго теченія государственной жизни. Отставка кн. Мирскаго, послѣдовавшая спустя недѣлю послѣ 9 января, — 18 января, и назначеніе въ тотъ же день Булыгина, полной и абсолютной ничтожности, еще болѣе укрѣпило общественное мнѣніе въ убѣжденіи, что революція становится неизбѣжной и скорой. Событія надвигались съ необыкновенной быстротой. 4-го февраля былъ убитъ Каляевымъ в. к. Сергѣй Александровичъ. Около 20 февраля наша армія была разгромлена въ пятидневномъ бою при Мукденѣ японцами. Наше военное могущество было окончательно сломлено, и стало очевиднымъ, что Россія вынуждена пройти черезъ униженіе — просить мира у противника, которому она выказывала раньше столько пренебреженія. Правительство совершенно растерялось. Оставалась слабая надежда на флотъ, но всѣ понимали, что сдача Портъ-Артура и Мукденскій разгромъ не могутъ быть исправлены флотомъ, притомъ болѣе слабымъ, чѣмъ флотъ японскій.

Полная неизвѣстность о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ правительства въ такомъ серьезномъ положеніи, какое переживала въ то время страна, порождала массу противорѣчивыхъ слуховъ и поддерживала въ обществѣ крайне напряженное настроеніе, измѣнить которое не могъ указъ 12-го декабря. Хотя этотъ указъ былъ очевиднымъ отвѣтомъ на требованіе земскаго съѣзда 6-8 ноября, но онъ не могъ удовлетворить насъ, т. к. было ясно, что коренное требованіе, — ограниченіе самодержавія народнымъ представительствомъ, было оставлено безъ отвѣта и замѣнено разнообразными административными заплатами. Составитель этого указа, Витте, поклонникъ внутренней политики Александра III, повидимому, не сомнѣвался въ томъ, что ему удастся удовлетворить Россію обѣщаніемъ: вѣротерпимости, школъ въ западныхъ губерніяхъ, льготами старообрядчеству и сектантству и даже «водворенія законности», съ помощью такого законника, какъ Петръ Николаевичъ Дурново, который всю свою бюрократическую карьеру продѣлалъ, нарушая всѣ законы. Для достиженія своей задачи, Витте даже рѣшился обратиться къ содѣйствію редакторовъ журнала «Право». Но В. Д. Набоковъ «прямо объявилъ, что существующему режиму онъ ни въ чемъ и никакого содѣйствія оказывать не будетъ». Отказался отъ сотрудничества съ

Витте также и Гессенъ, что оставило въ «Воспоминаніяхъ» Витте желчный слѣдъ: «оба эти лица, пишетъ Витте, (стр. 336), были во главѣ, такъ называемыхъ, кадетовъ, которые послѣ 17 октября пошли на меня войной, желая вырвать власть у Государя. Собственно говоря, если 17 октября, — (дѣлаетъ вылазку г. Витте противъ ка-детовъ вообще), вмѣсто установленія нормально дѣйствующей конституціи, до сихъ поръ дало только революцію, то главная вина падаетъ на кадетовъ и ихъ вождей. Въ сущности они хотѣли не конституціонную монархію, а республику съ наслѣдственнымъ президентомъ, да и то до поры до времени, пока существуетъ «монархическій предразсудокъ» въ народѣ». Однако, двумя страницами дальше самому Витте приходится записать, что «въ это время смута и революціонное движеніе колыхались во всѣ стороны, одновременно наверху явился полный хаосъ, или вѣрнѣе полнѣйшая растерянность». И вотъ въ такое время онъ думалъ вернуть Россіи «нормальный» порядокъ, т. е. именно тотъ, который и привелъ всю страну въ революціонное броженіе.

Чтобы составить себѣ представленіе о той растерянности, въ какой находилось правительство, достаточно привести содержаніе трехъ актовъ, изданныхъ въ одинъ и тотъ-же день — 18 февраля 1905 года: 1. Высочайшій манифестъ, призывающій «людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ содѣйствовать къ одолѣнію врага внѣшняго и искорененію внутренней крамолы». 2 Именной высочайшій указъ Сенату о возложеніи на Совѣтъ министровъ разсмотрѣнія мнѣній отдѣльныхъ лицъ и обществъ по вопросу объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства; и 3. Высочайшій рескриптъ мин. внутр. дѣлъ о высочайшемъ намѣреніи «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній».

Нетрудно замѣтить полное противорѣчіе между первымъ актомъ, изданнымъ утромъ, и двумя послѣдними, появившимися вечеромъ. Въ манифестѣ заключался призывъ «людей всѣхъ сословій и состояній искоренить внѣшняго и внутренняго врага, т. е. призывъ къ доносу, къ насилію, и междоусобію. И безъ правительственнаго подстрекательства уже нашлись господа, распространявшіе пущенный какимъ-то Черепъ-Спиридовичемъ слухъ о подкупѣ японцами и печати и разныхъ лицъ, о милліонахъ, которые тратятъ японцы на это. Пока эту провокацію продѣлывали любители, она не имѣла успѣха, но когда ею пользуется правительство, когда манифестъ по этому поводу провозглашается въ церквахъ, вопросъ принимаетъ другой характеръ. А между тѣмъ, все легкомысліе этого подстрекательства признается въ тотъ-же день двумя другими актами: указомъ Сенату, предоставляющимъ каждому обывателю обращаться въ Совѣтъ министровъ съ петиціями, а на министра внутр. дѣлъ возлагается составленіе проекта закона о призывѣ народныхъ представителей для совмѣстной съ правительствомъ работы!

Развѣ можно удивляться, что авторитетъ власти, которая сама не знаетъ утромъ, что она предприметъ вечеромъ, падаетъ въ глазахъ населенія до полнаго ея отрицанія? И нѣтъ ничего удивительнаго, что Москва стала своеобразнымъ центромъ общественной мысли, самостоятельно вырабатывающей выходъ изъ тупика, въ которомъ очутилась Россія со всѣмъ своимъ растерявшимся бюрократическимъ аппаратомъ.

Не смотря на выходъ изъ состава бюро земскихъ съѣздовъ Д. Н. Шипова, не считавшаго для себя возможнымъ принимать участіе въ организаціи, на знамени которой стояла «Конституція», бюро сохранило свою организацію при московской губернской земской управѣ и избрало своимъ предсѣдателемъ предсѣдателя управы — Ѳедора Александровича Головина, человѣка съ опредѣленными убѣжденіями и непоколебимо твердымъ и дѣятельнымъ характеромъ. Головинъ исполнялъ на ноябрьскомъ съѣздѣ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Кокошкинымъ, секретарскія обязанности и оба продолжали принимать дѣятельнѣйшее участіе во всей работѣ съѣздовъ, въ теченіе всего 1905 года открыто и безъ всякихъ разрѣшеній собиравшихся въ Москвѣ въ домахъ Ю. А. Новосильцева иа М. Никитской, И. А. Морозова на Смоленскомъ бульварѣ, М. А. Морозова на Воздвиженкѣ и П. Д. Долгорукова, около музея искусствъ. Бюро же постоянно собиралось либо въ домѣ Долгоруковыхъ, либо на квартирѣ Головина, на Покровкѣ.

Если память мнѣ не измѣняетъ, первое совѣщаніе бюро происходило въ квартирѣ Ю. А. Новосильцева въ послѣднихъ числахъ февраля 1905 г., гдѣ было поставлено два вопроса: 1. аграрный вопросъ во всей его полнотѣ и 2. чисто политическій: преобразованіе Россіи въ конституціонное государство. Послѣ довольно длительнаго обсужденія и спора было признано возможнымъ соединить оба вопроса въ одномъ съѣздѣ и назначить этотъ съѣздъ на 20 число апрѣля, не раньше, въ виду дальнихъ разстояній, бездорожья и переписки съ приглашенными лицами, черезъ посредство уѣздныхъ управъ. Въ собраніяхъ бюро участвовали: Ѳ. А. Головинъ, Кн. Пав. Д. Долгоруковъ, В. И. Вернадскій, Ѳ. Ѳ. Кокошикинъ, П. И. Новгородцевъ, С. А. Котляревскій, А. А. Корнnловъ, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Львовъ, Ю. А. Новосильцевъ, В. Е. Якушкинъ, Т. И. Полнеръ и я.

Въ то время генералъ-губернаторомъ Москвы былъ назначенъ А. А. Козловъ, человѣкъ очень порядочный и мягкій, повидимому принявшій систему управленія противоположную системѣ своихъ предшествеиниковъ. Онъ видимо избѣгалъ, по сколько могъ, старыхъ пріемовъ «тащить и не пущать» и охотно вступалъ въ переговоры съ распорядителями съѣздовъ, становившихся очень многолюдными, ио ни разу не нарушавшими внѣшняго порядка и сохранявшими весьма миролюбивый характеръ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція вмѣшивалась и требовала закрытія собранія, дѣло заканчивалось благополучно отобраніемъ карточекъ всѣхъ участниковъ и удаленіемъ полиціи. Но и та-

кое вмѣшательство довольно скоро прекратилось. Такъ я вспоминаю случай, когда постоянное бюро съѣздовъ засѣдало у Головина въ домѣ, расположенномъ внутри большого открытаго двора, мы увидѣли входившій нарядъ городовыхъ во дворъ, а затѣмъ услыхали и звонокъ въ квартирѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, гдѣ мы засѣдали въ составѣ около 20 человѣкъ, вошелъ полиціймейстеръ Носковъ, — который потомъ не разъ появлялся на съѣздахъ, — и потребовалъ, чтобы мы разошлись. Само собою разумѣется, что мы рѣшительно и категорически отказались исполнить его требованіе, объявивъ ему, что мы находимся въ частной квартирѣ, гдѣ никому не возбраняется бывать когда угодно и заниматься чѣмъ угодно; что мы считаемъ такое вторженіе полиціи и такое требованіе его незаконнымъ, нарушающимъ наши права и что поэтому подчиняться ему не будемъ и не разойдемся, а если ему угодно, пусть онъ производитъ надъ каждымъ изъ насъ насиліе. Полиціймейстеръ былъ озадаченъ и видимо не зналъ, что ему дѣлать. Помолчавъ немного, онъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не уйдетъ, пока мы не разойдемся.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Ѳ. А. Головинъ, вамъ придется долго просидѣть; берите стулъ и садитесь, а мы будемъ продолжать свое дѣло.

Полиціймейстеръ еще болѣе растерялся и заявилъ, что онъ требуетъ отъ всѣхъ насъ карточки, такъ какъ возбудитъ противъ насъ обвиненіе въ судѣ. Всѣ мы подали ему наши карточки, и, получивъ ихъ, онъ удалился. Само собою, что къ суду мы не были привлечены. Такія попытки московской полиціи повторялись не разъ, но всякій разъ онѣ были болѣе похожи на дѣланіе вида, что полиція не дремлетъ, что она исполняетъ свои обязанности, но не желаетъ дѣлать это въ серьезъ, что она сомнѣвается, кто будетъ хозяиномъ положенія завтрашній день: существующее правительство, или другое, изъ участниковъ съѣзда. Иногда, появленіе полиціи, какъ всегда, съ полиціймейстеромъ Носковымъ во главѣ, принимало даже забавный характеръ, Такъ, во время многолюднаго собранія въ домѣ кн. Долгорукова, въ то самое время, когда Носковъ обращался къ предсѣдательствующему графу Петру Александровичу Гейдену съ требованіемъ разойтись, а Гейденъ, не двигаясь съ мѣста, возражалъ, что собраніе не разойдется добровольно, пока не разсмотритъ очередныя дѣла, въ залѣ появился фотографъ съ большимъ аппаратомъ и, соорудивъ какую-то башню изъ столовъ позади стоявшихъ членовъ собранія, снялъ черезъ ихъ головы фотографію пререкавшихся полиціймейстера съ предсѣдателемъ. Носковъ обернулся лицемъ къ фотографу и моментально былъ зафиксированъ, что привело его въ бѣшенство. Онъ бросился къ фотографу, но толпа загородила ему дорогу и пока онъ пытался прорваться сквозь нее, фотографъ исчезъ безслѣдно. Инцидентъ закончился, по обыкновенію, передачей карточекъ всѣхъ присутствующихъ. Былъ даже случай, но уже послѣ 17 октября, во время министерства Витте, когда на засѣданіи

съѣзда мнѣ, какъ предсѣдательствовавшему, была передана телеграмма премьера съ просьбой держаться почвы законности и выраженіемъ увѣренности, что собраніе не выйдетъ изъ предѣловъ порядка и спокойнаго обсужденія вопросовъ, одинаково интересующихъ какъ общество, такъ и правительство. Другими словами, такія собранія завоевали фактически свою независимость, хотя и не были узаконены, и во всякое время, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могли быть разгоняемы съ примѣненіемъ силы.

Всѣ собранія назначало заранѣе бюро съѣздовъ и сообщенія о времени разсылались въ земскія управы всей земской Россіи, что и дѣлало ихъ не мѣстными, московскими, а россійскими, притомъ не исключительно земскими, такъ какъ на нихъ допускались въ качествѣ дѣйствительныхъ участниковъ съ правомъ голоса всѣ лица, которыя могли быть полезны дѣлу. На этомъ основаніи были признаны членами съѣздовъ многіе видные дѣятели науки, печати и другихъ профессій. Засѣданія продолжались два-три дня, смотря по надобности, и занимали почти весь день съ перерывомъ на обѣдъ. Были случаи, когда засѣданія продолжались далеко за полночь. Предсѣдатель собранія избирался ежедневно, секретари — на всѣ дни. Протоколы велись довольно подробно и хранились въ бюро съѣздовъ. Но послѣ первой революціи, они находились на храненіи сначала у Тихона Ивановича Полнера, а затѣмъ у М. В. Сабашникова. Мы предполагали напечатать ихъ, въ виду ихъ важности для исторіи общественнаго движенія съ начала XX-го вѣка до первой революціи, и для этого была устроена подписка, обезпечившая печатаніе протоколовъ. Собранный капиталъ былъ внесенъ въ одинъ изъ московскихъ банковъ. Послѣ третьей Думы, я хлопоталъ объ изданіи протоколовъ и просилъ Д. И. Шаховского переговорить съ московскимъ отдѣленіемъ центральнаго комитета к. д. партіи и съ другими лицами, принимавшими участіе, какъ въ сеѣздахъ, такъ и въ подпискѣ на изданіе протоколовъ, и, если возможно, приступить къ печатанію ихъ немедленно. Шаховской встрѣтилъ въ Москвѣ со стороны нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ съѣздовъ, если не противодѣйствіе, то нежеланіе и просьбу отложить изданіе до конца выборовъ въ третью Думу... Вторая революція все перевернула вверхъ дномъ, и мнѣ неизвѣстно, сохранились ли протоколы съѣздовъ или безслѣдно погибли, какъ погибли и деньги, собранныя для ихъ изданія. Во всякомъ случаѣ, попытка розыскать и сохранить эти протоколы заслуживаетъ того, чтобы ее сдѣлать. Не безразлично для исторіи нашей родины имѣть или не имѣть матеріалы, относящіеся къ происхожденію первой революціи и къ характеристикѣ ея дѣятелей, ихъ плановъ, ихъ мнѣній, ихъ характеровъ и положенія... *) Передать по памяти все, что и

*) Изъ всѣхъ земскихъ съѣздовъ только аграрный съѣздъ, происходившій въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1905 г., сохранилъ въ печатномъ видѣ читавшіеся на немъ доклады и происходившія по нимъ пренія. На этомъ съѣздѣ участвовали земцы, агрономы и экономисты. Предсѣдателемъ избранъ былъ я, докладчиками — М. Я. Герцен-

какъ обсуждалось на этихъ съѣздахъ, конечно, невзможно за давностью времени. Поэтому, я могу отмѣтить лишь очень немногое изъ всего, что болѣе или менѣе твердо сохранилось въ моей памяти, или что мнѣ напомнятъ сохранившіеся печатные матеріалы, которые я могу найти въ мѣстахъ моего заграничнаго пребыванія.

Поскольку я могу припомнить, первый съѣздъ 1905 года происходилъ послѣ ноябрьскаго съѣзда 1904 года, въ февралѣ, и былъ вызванъ двумя крупными событіями: разгромомъ нашей арміи при Мукденѣ и тѣмъ, что было сдѣлано правительствомъ въ отвѣтъ на рѣшенія ноябрьскаго съѣзда. Между нами не было никого, кто бы возлагалъ какія либо надежды на указъ 12 декабря и на реформаторскія склонности и таланты предсѣдателя комитета министровъ Витте и его сотрудниковъ, между которыми не было ни одного лица, способнаго отрѣшиться отъ бюрократическихъ интересовъ и стать на широкую точку зрѣнія коренной реформы, которая замѣнила бы самодержавное управленіе конституціоннымъ, при участіи народнаго представительства, обладающаго какъ законодательной, такъ и исполнительной властью. Витте былъ достаточно хорошо извѣстенъ въ земскихъ кругахъ, чтобы кто нибудь изъ насъ могъ разсчитывать на широту его политическихъ взглядовъ. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ очень старается убѣдить потомство въ независимости своихъ взглядовъ и своего характера, но всѣ ф а к т ы, которые онъ самъ приводитъ, вопіютъ противъ его автопортретовъ, написанныхъ передъ кривымъ зеркаломъ. Никакимъ довѣріемъ общества онъ никогда не пользовался, и нельзя было обнаружиться такому отношенію лучше, чѣмъ это произошло, когда ему пришлось составлять первое министерство; и никогда онъ не обнаружилъ свою политическую бездарность больше, чѣмъ въ ту минуту, когда вся власть попала въ его руки и когда онъ не зналъ, что съ нею дѣлать.

Крушеніе его затѣи 12 декабря было неизбѣжно и никого не удивило за исключеніемъ его самого, такъ какъ онъ продолжалъ думать, что неудача всѣхъ его реформъ зависѣла исключительно отъ недоброжелательства къ нему Николая II-го и интригъ его враговъ. Онъ не понималъ тогда, не понималъ и позднѣе, когда писалъ свои «Воспоминанія», что успѣхъ реформъ зависитъ не отъ интригъ сотрудниковъ, а отъ соотвѣтствія ихъ духу даннаго времени и положенію вещей. Проекты же Витте слишкомъ запоздали и нуждались не въ приспособленіи ихъ къ самодержавію и самоуправству бюрократіи, а должны были основываться на принципахъ, соотвѣтствующихъ духу времени, т. е. на томъ, что Витте органически не признавалъ и понять не могъ, связанный другимъ порядкомъ идей.

Точно такое же крушеніе потерпѣла и такъ называемая комиссія Шидловскаго, на которую было возложено разрѣшеніе рабочаго во-

---

штейнъ и А. А. Мануиловъ. Доклады этого съѣзда вошли въ книгу «Аграрный вопросъ», изданную въ двухъ томахъ въ 1906 г. (Изданіе кн. П. Д. Долгорукова). См. тамъ статьи М. Я. Герценштейна и А. А. Мануилова.

проса. Она ровно ничего не сдѣлала, да и не могла сдѣлать: бюрократическій строй тѣмъ и отличается, что прививаетъ людямъ особый взглядъ, отдѣляющій непроницаемой стѣной управляющихъ отъ управляемыхъ. Непосредственное общеніе тѣхъ и другихъ немыслимо, такъ какъ ни та, ни другая сторона не вѣрятъ одна другой. Онѣ не могутъ работать для одной цѣли совмѣстно, и комиссія Шидловскаго только подтвердила этотъ фактъ.

Что же касается трехъ противорѣчивыхъ актовъ, изданныхъ въ одинъ и тотъ же день, 18 февраля, то съѣздъ могъ убѣдиться лишь въ полной растерянности правительства подъ впечатлѣніемъ Мукденской военной катастрофы и внутренняго состоянія страны. И тѣмъ болѣе важной представлялась задача, намѣченная ноябрьскимъ съѣздомъ, и тѣмъ настоятельнѣе необходимость безотлагательно приступить къ детальной разработѣ вопросовъ съ нею связанныхъ. Было поручено бюро выполнить эту задачу къ слѣдующему съѣзду.

Бюро съѣздовъ въ это время состояло частью изъ членовъ постоянныхъ, т. е. принимавшихъ непосредственное участіе во всѣхъ его засѣданіяхъ; частью же изъ болѣе или менѣе часто посѣщавшихъ засѣданія. Къ первой группѣ принадлежали Петръ и Павелъ Дмитріевичи Долгоруковы, въ домѣ которыхъ и происходили засѣданія; затѣмъ, предсѣдатель моск. губ. зем. управы Ѳ. А. Головинъ, членъ той-же управы Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, проф. моск. университета В. И. Вернадскій, П. И. Новгородцевъ и С. А. Котляревскій; затѣмъ, Д. И. Шаховской, А. А. Корниловъ и я. Хотя я жилъ у себя въ Машукѣ, въ 220 верстахъ отъ Москвы, но постоянно ѣздилъ въ Москву, и, кажется, не пропустилъ ни одного засѣданія. Позднѣе присоединился къ числу постоянныхъ членовъ представитель городскихъ гласныхъ, примкнувшихъ къ земскимъ съѣздамъ, Ник. Ив. Гучковъ, по временамъ вносившій нѣкоторый диссонансъ своимъ противуположеніемъ интересовъ города и земства, политическіе интересы которыхъ, безспорно, вполнѣ совпадали. Во всякомъ случаѣ, въ бюро онъ держалъ себя очень сдержанно, не входя въ болѣе дружескія отношенія, связывавшія всѣхъ другихъ.

ГЛАВА XVIII.

Подозрительныя демонстраціи рабочихъ въ Машукѣ и крестьянъ въ Премухинѣ у Бакуниныхъ. — Земскій съѣздъ 23-24 апрѣля въ Москвѣ. — Петергофскій пріемъ земскихъ дѣятелей 6-го іюня. — Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого. — Отвѣтъ царя. — Кн. С. Н. Трубецкой и газета «Московскій Еженедѣльникъ». — Кончина кн. С. Н. Трубецкого и всенародныя похороны его. — Петербургскій пріемъ Курской и Орловской дворянскихъ депутацій. — Земскій съѣздъ 6-8 іюля въ Москвѣ. — Петергофскія совѣщанія правительства по поводу Булыгинской конституціи. — Разслѣдованіе о земскихъ съѣздахъ сенатора Постовскаго и прокурора Камышанскаго. — Опубликованіе 6 августа учрежденія Государственной Думы (Булыгинской). — Земскій съѣздъ 12-14 сентября. — Врублевскій и А. И. Гучковъ. — Проектъ русской конституціи напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». —

14-го мая 1905 года, въ субботу утромъ, мнѣ сказали, что рабочіе, занятые работой при усадьбѣ, подъ предводительствомъ садовника, ходятъ пьяные по усадьбѣ, и бьютъ въ окнахъ стекла, что въ рабочемъ баракѣ и въ рабочей кухнѣ всѣ стекла уже разбиты. Я тотчасъ отправился, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Какъ рабочій баракъ, такъ и рабочая кухня находились на самомъ краю усадьбы, но выйдя изъ дома, не смотря на значительное разстояніе, я увидѣлъ небольшую группу рабочихъ что-то выкрикивавшую, но за дальностью разстоянія, разобрать что именно, я не могъ. Какъ только рабочіе замѣтили, что я направляюсь къ нимъ, они разошлись и только два или три человѣка остались на мѣстѣ. Подойдя къ нимъ, я сразу замѣтилъ, что они сильно выпивши, тѣмъ не менѣе я сказалъ:

— Вмѣсто того, чтобы бить стекла въ окнахъ, если вы чѣмъ нибудь недовольны, вы лучше бы сдѣлали, если бы пришли ко мнѣ и объяснили, чего вы хотите. Ступайте и соберите всѣхъ вашихъ товарищей и приходите въ контору, гдѣ я буду васъ ждать.

Спустя нѣкоторое время, вся группа подъ видимымъ предводительствомъ молодого садовника Нила, явно выпившаго, чего я никогда раньше за нимъ не замѣчалъ, и вообще очень толковаго и порядочнаго человѣка, явилась къ конторѣ, поголовно пьяная, но сконфуженная.

— Не стыдно-ли вамъ, столько лѣтъ живущимъ въ усадьбѣ и никогда не слыхавшимъ отъ меня дурного слова; вмѣсто того, чтобы придти ко мнѣ и разсказать въ чемъ дѣло, вы безчинствуете, бьете стекла. Въ чемъ дѣло? Говорите.

Никто изъ демонстрантовъ ничего толкомъ объяснить не умѣлъ или не могъ, скрывая истинную причину и сворачивая всю вину на кухарку рабочихъ. Но мнѣ было ясно, что не ради кухарки они съ утра оказались пьяны, а ихъ кто-то угощалъ «для храбрости», встрѣтивъ несогласіе на демонстрацію противъ меня, съ которымъ у нихъ были всегда безусловно добрыя отношенія.

Ничего не добившись отъ пьяныхъ, я обратился, когда они ушли, къ завѣдовавшему въ это время конторою имѣнія, Ѳедору Ивановичу

Шмелеву, бывшему раньше учителемъ въ раменской земской школѣ, уволенному училищнымъ совѣтомъ по требованію инспектора народныхъ училищъ. Шмелевъ, сынъ мѣстнаго раменскаго крестьянина, окончилъ новоторжскую учительскую семинарію и былъ весьма толковымъ и добросовѣстнымъ учителемъ въ своемъ родномъ селѣ. Никогда не занимавшійся никакой «пропагандой», а революціонной менѣе всего, онъ былъ, однако, замѣшанъ въ дѣло провокатора Френкеля и вмѣстѣ съ другими учителями лишенъ своего мѣста. Онъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ жену и ребенка и былъ выброшенъ на улицу безъ вины и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Я зналъ его со времени покупки Машука, мы помогали его школѣ, вмѣстѣ съ нимъ устраивали въ его же селѣ первое кредитное товарищество, въ которомъ онъ велъ письмоводство и бухгалтерію, словомъ, это былъ человѣкъ, которому я вполнѣ довѣрялъ и потому предложилъ временно принять въ завѣдываніе контору въ нашемъ имѣніи, обѣщая похлопотать для него въ губернскомъ земствѣ о мѣстѣ одного изъ страховыхъ агентовъ.

Къ моему удивленію, Шмелевъ также уклонился отъ объясненій, хотя я видѣлъ, что онъ знаетъ въ чемъ дѣло, но не хочетъ сказать мнѣ. Я не желалъ его допрашивать и ушелъ домой. Въ этотъ же день вечеромъ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ изложилъ все, чего не могъ сказать прямо въ глаза: это былъ своего рода обвинительный актъ относительно всей моей общественной дѣятельности. Все, что я дѣлалъ въ земствѣ, мои рѣчи въ пользу школъ, больницъ и вообще всякихъ культурныхъ предпріятій земства и въ защиту его независимости, постройка школъ на мои личныя средства и снабженіе ихъ необходимыми принадлежностями, устройство кредитнаго товарищества и забота объ устройствѣ жизни рабочихъ въ Машукѣ, словомъ, все, что я говорилъ и дѣлалъ, я дѣлалъ для удовлетворенія своего тщеславія, дѣлалъ для самого себя, а не для дѣла, и потому неудивительно, что болѣе сознательные рабочіе протестуютъ и отвергаютъ мои заботы.

Получивъ это письмо, я былъ огорченъ не столько тѣмъ, что «сознательные» рабочіе для того, чтобы выразить свой протестъ, напились пьяными и били стекла въ своемъ собственномъ помѣщеніи и въ кухнѣ, гдѣ они также были полными хозяевами. Все это было въ порядкѣ вещей, измѣнить который не только было не въ моей власти, но и не во власти рабочихъ, для умственнаго и нравственнаго воспитанія которыхъ дѣлалось также мало, какъ мало было сдѣлано для измѣненія всѣхъ условій ихъ жизни. Но меня огорчило то, что я такъ ошибся въ пониманіи Шмелева, человѣка безспорно добраго, честнаго и вообще хорошаго, но достигшаго далеко не той степени умственнаго развитія, которую я въ немъ предполагалъ и неспособнаго, поэтому, понять ловкаго провокатора. Меня занимала мысль: откуда шла провокація, слѣва или справа? Въ то время черная сотня еще не выступала на авансцену политической борьбы, но въ провинціи уже были признаки выдѣленія этой разновидности, еще не сплоченной, какъ позднѣе, но все же

дѣйствующей въ одиночку. Въ виду этого, я былъ склоненъ думать, что провокація велась слѣва, гдѣ она была уже давно организована и видѣла въ «буржуяхъ» болѣе опасныхъ для себя враговъ, чѣмъ въ черной сотнѣ.

Размышляя на эту тему, я вспомнилъ, что два-три года раньше, въ засѣданіи медицинской комиссіи, членомъ которой я состоялъ, учрежденной при уѣздной земской управѣ, разрѣшался вопросъ объ устройствѣ новаго врачебнаго пункта въ сѣверномъ участкѣ уѣзда, въ мѣстности, гдѣ было расположено наше имѣніе и гдѣ мы жили. Въ верстѣ отъ насъ былъ у меня хуторъ въ лѣсу, близъ Тверцы и въ довольно населенномъ раіонѣ. Въ хуторѣ былъ старый домъ, требующій ремонта, но по отремонтированіи — вполнѣ годный для квартиры врача. Я предложилъ этотъ хуторъ съ необходимымъ участкомъ земли и лѣса передать безвозмездно въ полную собственность земства, если оно признаетъ пунктъ этотъ подходящимъ для устройства врачебнаго участка.

При обсужденіи этого вопроса, одинъ изъ врачей, возражая противъ врачебнаго пункта именно въ этомъ мѣстѣ, бросилъ мнѣ упрекъ, что я хочу сдѣлать изъ Машука особый культурный пунктъ, выдѣляющійся изъ всего уѣзда. Выслушавъ такое возраженіе, я тотчасъ заявилъ, что свое предложеніе, сдѣланное мною въ интересахъ земства, не располагающаго достаточными средствами, беру назадъ.

Міровоззрѣнія этого доктора и бывшаго учителя были очень сходны. Оба они вышли изъ крестьянской среды и, хотя по своему образованію и положенію были люди разныхъ категорій, но оба одинаково разсуждали какъ раменскіе крестьяне, встрѣтившіе подозрительно мое предложеніе устроить кредитное товарищество, въ основной капиталъ котораго я предлагалъ положить безвозвратно необходимую сумму денегъ. Имъ казалось, что тутъ дѣло не спроста и что я что-то затѣваю, чтобы извлечь свои выгоды. Требуется много времени, чтобы народное сознаніе убѣдилось, что не всегда люди въ своихъ поступкахъ руководствуются матеріальными интересами, и что все значеніе культуры состоитъ въ томъ, чтобы интересы матеріальные подчинить моральнымъ и духовнымъ требованіямъ, внѣ которыхъ жизнь имѣетъ звѣриный образъ борьбы за существованіе.

На письмо Шмелева я не отвѣчалъ и былъ радъ, получивъ увѣдомленіе страхового отдѣла при губернской земской управѣ о назначеніи его страховымъ агентомъ въ одномъ изъ участковъ Бѣжецкаго уѣзда, ибо не сомнѣвался, что онъ будетъ прекраснымъ агентомъ: дѣятельнымъ, честнымъ и аккуратнымъ. Спустя два года, послѣ выборгскаго процесса, я получилъ въ Петербургѣ отъ Шмелева покаянное письмо. Онъ просилъ простить ему его невольное заблужденіе и обиду, которую онъ безсознательно нанесъ мнѣ, будучи въ чаду революціоннаго настроенія, которое въ то время неудержимо овладѣвало всѣми, въ томъ числѣ и имъ. Только жизнь и послѣдующія событія раскрыли передъ нимъ всю его вину и онъ проситъ забыть ее. — Лично противъ не-

го я и рвньше ничего ие нмѣлъ и видѣлъ въ немъ безсознательную жертву своего времени и своего положенія.

Мнѣ остается въ добавленіе къ моему разсказу отмѣтнть одно обстоятельство, не лишенное интереса. Почтн одновременно съ демонстраціей въ Машукѣ, произошла своеобразная демонстрація въ Премухннѣ у Бакуниныхъ. Премухинскіе крестьяне объявили, что лѣсъ Бакуниныхъ долженъ принадлежать имъ, а потому нарядили подводы, вырубили деревья, сколько кто могъ, и прнвезли въ свои дворы. Этотъ инцидентъ революціоннаго характера разрѣшился, однако, чрезвычайно мирно, благодаря вмѣшательству новаго губернатора кн. С. Д. Урусова, назначеннаго кн. Мнрскимъ. Урусовъ совершенно устранилъ всякое вмѣшательство полиціи н земскаго начальника и пріѣхавъ въ Премухино, самъ лично собралъ сельскій сходъ и, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдилъ крестьянъ признать неправильность своего поступка и доставнть срубленныя деревья въ усадьбу Бакунннымъ. Тѣмъ дѣло и кончилось, но интересно въ немъ то обстоятельство, что только въ двухъ новоторжскихъ имѣніяхъ, у насъ въ Машукѣ и въ Премухинѣ у Бакунныхъ, въ гнѣздахъ, по выраженію Штюрмера, конституціонныхъ идей и борьбы съ правнтельствомъ, произошли демонстраціи, тогда какъ въ другихъ имѣніяхъ, у завѣдомыхъ крѣпостннковъ н сторонннковъ существующаго порядка, царило полное спокойствіе. Не свндѣтельствовало-ли зто о томъ, что тутъ былъ плодъ провокацін, исходившей изъ мутнаго источника, еще нерѣшительнаго и пробующаго свои силы? Не странно-ли, что все зто закончнлось такъ же быстро, какъ и возникло, и позднѣе спокойствіе не нарушалось ни у Бакунныхъ, ни у насъ, ни у кого другого.

Двѣнадцатаго апрѣля, въ виду предположеннаго земскаго съѣзда, московской администраціей было объявлено нашему бюро, что съѣздъ не будетъ допущенъ нн въ какомъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе 23 апрѣля съѣздъ собрался, и попытки разогнать его остались безплодными. Сдача Портъ-Артура, разгромъ арміи прн Мукденѣ, убійство в. князя н безконечный рядъ всевозможныхъ фактовъ, нарушившнхъ нормальное теченіе жизнн, гарантировали неприкосновенность съѣзда. Чувство безпокойства и желаніе найтн выходъ изъ такого положенія господствовалн во всѣхъ кругахъ. Съѣздъ былъ необходимъ, какъ клапанъ, предохранявшій отъ взрыва; адмннистрація-же не чувствовала въ себѣ снлы вступать въ открытую борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Очень ошнбочно мнѣніе, что броженіе внутри страны возникло и приняло угрожающіе размѣры благодаря неудачамъ въ японской войнѣ, ослабнвшей, будто бы, правительственную власть внутри государства. Правнтельство оказалось одинаково безснльнымъ, какъ въ своихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ, такъ и во внутреннихъ, благодаря своей собственной бездарности н неспособности ни понять назрѣвшія нужны народа, нн оцѣнить снлы своего внѣшняго противннка. Оба положенія возннк-

ли независимо одно отъ другого, притомъ внутреннее состояніе возникло многими годами ранѣе столкновенія внѣшняго и развивалось медленно, накопляя свои отрицательныя силы не искусственно, а при дѣятельной помощи правительства, вступившаго съ самаго начала въ борьбу съ естественнымъ развитіемъ народнаго самосознанія. Въ русскомъ народѣ и въ той его части, которую называютъ обществомъ, достаточно патріотизма, чтобы не пользоваться въ борьбѣ съ правительствомъ его затрудненіями во внѣшней войнѣ. Народъ знаетъ, что расплачиваться за неудачи приходится не правительству, а ему самому. Но никакое правительство не можетъ злоупотреблять этимъ чувствомъ и взывать къ патріотизму для того, чтобы обратить его противъ самого народа. Японская война не была ошибкой: она была преступленіемъ, попыткой шайки придворныхъ авантюристовъ и членовъ династіи, цѣною русской крови, добыть богатство въ чужомъ краѣ. Она была преступленіемъ и потому еще, что правительство желало ее въ видахъ борьбы съ самимъ русскимъ народомъ. Вспомнимъ убитаго Плеве, требовавшаго маленькой побѣдоносной войны для отвлеченія вниманія народа отъ внутренней неурядицы. Погромовъ ему казалось мало, нужна была война, и погромщики втянули въ нее Россію.

Никто не вѣрилъ въ Булыгинскую конституцію и задача апрѣльскаго съѣзда заключалась въ томъ, чтобы добиться ясности въ намѣреніяхъ правительства и самого государя. Въ виду этого, съѣздъ принялъ рѣшеніе избрать депутацію, которой поручить добиться аудіенціи у царя и узнать отъ него непосредственно о его намѣреніяхъ относительно ближайшаго будущаго. Съѣздъ принялъ это рѣшеніе и избралъ депутацію въ составѣ: Д. Н. Шипова, П. А. Гейдена, Ѳ. А. Головина, Павла Д. Долгорукова, Ю. А. Новосильцева, С. Н. Трубецкого, Д. И. Шаховского, Ѳ. И. Родичева, Н. Н. Львова, Г. Е. Львова, Н. Н. Ковалевскаго и меня, — всего 12 человѣкъ, изъ коихъ Д. Н. Шиповъ отказался, такъ что въ составъ депутаціи вошло только одиннадцать человѣкъ, на которыхъ было возложено безотлагательно выполнить данное порученіе.

Въ послѣднихъ числахъ мая или въ самомъ началѣ іюня, точно не помню, вся депутація уже собралась въ Петербургѣ. Къ нашей депутаціи присоединились три депутата, избранные петербургской городской думой: тов. гор. головы А. Н. Никитинъ, М. П. Федоровъ и баронъ П. Л. Корфъ. Такимъ образомъ, депутація увеличилась до 14-ти человѣкъ.

Начались хлопоты о полученіи аудіенціи у государя, черезъ министра двора, барона Фредерикса, который на первомъ свиданіи заявилъ, что государь можетъ принять депутацію въ составѣ не болѣе трехъ лицъ. Ему было заявлено, что депутація должна быть принята вся и не можетъ выдѣлять изъ себя никого; если это невозможно, то депутація откажется отъ своей миссіи, что едва ли послужитъ къ успокоенію общественнаго мнѣнія, которому уже извѣстно о прибытіи де-

путаціи въ Петербургъ. На слѣдующій день, было получено приглашеніе отъ Фредерикса для новыхъ переговоровъ. Начался торгъ. Фредериксъ готовъ былъ согласиться на половину. Представители депутаціи объявили, что не считаютъ себя въ правѣ принять такое предложеніе. Послѣ долгихъ переговоровъ, Фредериксъ согласился на принятіе всей депутаціи, но за однимъ исключеніемъ, — меня. Делегаты остались непреклонны, и можно было думать, что переговоры окончены, но на слѣдующій день было получено отъ министра двора полное согласіе и просьба, обращенная ко всѣмъ членамъ депутаціи, прибыть къ нему для личныхъ переговоровъ о порядкѣ пріема и времени.

Все это было выполнено; Фредериксъ насъ встрѣтилъ очень вѣжливо, какъ человѣкъ, который понялъ, что лучше всего быть любезнымъ, на равной ногѣ. Тутъ-же было установлено, что 6-го іюня утромъ, мы всѣ прибудемъ поѣздомъ въ Петергофъ, гдѣ будутъ ожидать насъ экипажи отъ двора, которые доставятъ насъ въ такъ называемый Фермерскій дворецъ, гдѣ мы будемъ приняты государемъ; С. Н. Трубецкой обратится къ нему съ рѣчью, на которую государь дастъ отвѣтъ, послѣ чего, если государь выразитъ желаніе, быть можетъ онъ обратится къ кому нибудь изъ депутатовъ отдѣльно. На все это мы согласились и вернулись къ себѣ, въ гостиницу Франція, на Б. Морской, близъ арки главнаго Штаба, гдѣ большинство изъ насъ имѣли пребываніе. На слѣдующій день, всѣ собрались у меня въ номерѣ для обсужденія рѣчи, которую кн. С. Н. Трубецкой произнесетъ царю. Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу депутаціи, въ нашемъ помѣщеніи, находились только моя жена Ан. С-на и братъ, М. И. Едва Трубецкой произнесъ нѣсколько словъ, какъ я замѣтилъ, что среди насъ находится совершенно неизвѣстное мнѣ лицо. Я остановилъ чтеніе и, подойдя къ незнакомцу, спросилъ, кто онъ такой и какъ онъ попалъ въ нашу среду.

— Я знакомъ съ вашимъ братомъ, — моя фамилія Львовъ, я — корреспондентъ.

— Развѣ вы не знаете, что это — частная квартира, въ которую никто не можетъ входить безъ приглашенія хозяина и не будучи знакомымъ? Прошу васъ немедленно выйти и не мѣшать намъ заниматься своимъ дѣломъ.

Послѣ минутнаго колебанія, Львовъ вышелъ. Оказалось, что это былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ газетныхъ корреспондентовъ, — по фамиліи Клячко. Впослѣдствіи, онъ былъ корреспондентомъ «Рѣчи» и я зналъ его, какъ одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ корреспондентовъ, способныхъ пролѣзть черезъ всякія препятствія.

Послѣ его ухода, С. Н. Трубецкой прочелъ намъ свою рѣчь, вызвавшую наше общее одобреніе и удовлетвореніе, какъ своимъ содержаніемъ, такъ и силой и красотой формы.

На слѣдующій день утромъ, всѣ мы отправились въ Петергофъ, гдѣ насъ ожидало семь придворныхъ экипажей, съ кучерами и лакеями

въ красныхъ ливреяхъ. Мнѣ пришлось ѣхать съ Н. Н. Львовымъ. Дорога къ Фермерскому дворцу шла черезъ паркъ, въ которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы миновали стражу, и остановились у воротъ маленькаго дворика, въ которомъ расположенъ дворецъ, небольшой, кажется, одноэтажный домъ, съ виду очень симпатичный. Въ большой передней стоялъ швейцаръ въ какой-то раззолоченной ливреѣ и принималъ наши пальто. Изъ передней мы вошли въ залъ, расположенный поперекъ всего дома. Тутъ ко мнѣ подлетѣлъ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ кн. Путятинъ, съ которымъ я встрѣчался въ Твери на дворянскихъ собраніяхъ, гдѣ мы состояли въ противуположныхъ лагеряхъ. Здѣсь онъ вертѣлся между нами, пока мы оставались въ залѣ. Это — типъ одного изъ тѣхъ прислужниковъ двора, которые первыми, какъ крысы съ тонущаго корабля, спасались во время переворота, когда императоръ былъ свергнутъ съ престола. По увѣренію Витте, кн. Путятинъ завѣдовалъ при дворѣ кухней. Что-жъ, если бы монархія продержалась и Николай II не покинулъ трона, Путятинъ могъ бы занять мѣсто даже премьера; онъ былъ не глупѣе и не хуже Штюрмера, съ которымъ самъ Витте считался бы, если бы Богъ продилъ его дни.

Черезъ нѣсколько минутъ, насъ пригласили въ кабинетъ, дверь въ который была изъ залы налѣво. Кабинетъ былъ довольно просторный, очень просто меблированный, безъ всякихъ признаковъ рабочей комнаты. Его окна съ правой стороны отъ входа выходили въ паркъ, а прямо отъ входа была стеклянная дверь, также выходившая въ паркъ. Насъ поставили полукругомъ отъ одной стѣны до другой, а впереди насъ, въ ожиданіи государя, остались только Фредериксъ, министръ двора, и флигель-адъютантъ, морякъ, графъ Гейденъ, cousin П. А. Гейдена, находившагося въ составѣ депутаціи. Очень скоро черезъ стеклянную дверь вошелъ государь въ лѣтнемъ бѣломъ кителѣ, и сдѣлалъ общій поклонъ. Онъ былъ видимо взволнованъ, остановился передъ нами и не сказалъ ни слова. Чтобы прекратить такое неловкое положеніе, князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, стоявшій какъ разъ въ серединѣ полукруга, выступилъ впередъ и, ставъ въ полоборота, чтобы не стоять спиной къ депутаціи, произнесъ свою знаменитую рѣчь, которую ждала вся Россія.

Этотъ эпизодъ глубоко врѣзался въ моей памяти; это былъ отвѣтъ данный царю страной на его «безсмысленныя мечтанія». Не знаю, вспомнилъ-ли Николай II объ этомъ, слушая рѣчь и глядя на людей, пришедшихъ къ нему, чтобы сказать ему правду и напомнить ему объ его долгѣ. По мѣрѣ того, какъ Трубецкой задушевнымъ, отеческимъ тономъ убѣждалъ его подумать о Россіи и исполнить свои обѣщанія и обязательства, царь постепенно успокаивался и въ концѣ овладѣлъ собою. Вѣроятно, онъ ожидалъ болѣе рѣзкой рѣчи и болѣе жесткихъ, если не прямыхъ упрековъ, то намековъ. Выслушавъ Трубецкого до конца, онъ собрался съ духомъ и произнесъ рѣчь, которую хорошо выучилъ. Онъ просто обходилъ все, что требовало ясности и опредѣлен-

ности и давалъ снова обѣщаніе призвать народныхъ представителей, не объясняя, какую роль онъ считаетъ нужнымъ имъ предоставить.

Хотя рѣчь, сказанная С. Н. Трубецкимъ, была напечатана во всѣхъ газетахъ, и вѣроятно, многіе ее еще помнятъ, но я знаю, какъ коротка память о прошломъ; въ поколѣніяхъ болѣе молодыхъ она останется неизвѣстной, забытой, хотя она сыграла не малую роль въ развитіи движенія, вырвавшаго изъ рукъ царя первую «конституцію», или по меньшей мѣрѣ первую Государственную Думу. Въ виду этого, я привожу полный текстъ какъ рѣчи Трубецкого, такъ и отвѣтъ царя.

«Ваше Императорское Величество! Позвольте выразить В. В. нашу глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ, — общественныхъ и земскихъ дѣятелей, — чуть ли не измѣнниками престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство — любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами. Мы знаемъ, государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ В. В. теперь въ такой формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ царя. И когда народъ видитъ, что царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія В. В. вызываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ, — и въ генералахъ, и совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемыхъ нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ облекается въ патріотическія формы, — тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой

мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія В. В-ва. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій — это путь, указанный Вами, государь, — созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано В. В-мъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, государь, мы можетъ сказать только то, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути. Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные равно и безъ различія — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, въ Васъ — своего государя: чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій царь — не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, — а царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе. Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу «преобразованія государственнаго». Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, — она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами. Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призывемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться

къ нимъ равнодушны. По сему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго обсужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь. Государь, на довѣріи должно создаться обновленіе Россіи».

Этимъ призывомъ была закончена превосходная рѣчь С. Н. Трубецкого, сказанная яснымъ и твердымъ тономъ. И сейчасъ, спустя 17 лѣтъ, я перечитываю ее съ душевнымъ волненіемъ.

Когда Трубецкой окончилъ свою рѣчь, выступилъ представитель Петербурга М. П. Федоровъ съ рѣчью, которая не была заранѣе сообщена намъ и которая для насъ была полной неожиданностью. Она не содержала ничего, противорѣчившаго рѣчи Трубецкого, которая не нуждалась, однако, ни въ дополненіи, ни въ разъясненіи. Къ тому же это выступленіе было нарушеніемъ принятаго заранѣе всѣми рѣшенія: ограничиться одной рѣчью Сергѣя Николаевича.

Послѣ Федорова, на рѣчь Трубецкого отвѣчалъ государь.

«Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ Родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко мнѣ.

Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля царская созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выплонено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленной изъ постигшаго ее испытанія.

Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ».

«Послѣ этого, добавляетъ офиціальный отчетъ, — государь императоръ удостоилъ всѣхъ представлявшихся милостивыми разговорами».

Въ первый и въ послѣдній разъ я «представлялся» императору и въ числѣ всѣхъ моихъ товарищей «удостоился» разговора. Но при этомъ, вышелъ маленькій инцидентъ, который я не могу не отмѣтить.

Окончивъ свою рѣчь, государь сталъ обходить всѣхъ, начавъ съ стоявшаго на краю у окна, кажется, Новосильцева. Каждый называлъ самъ свою фамилію, царь протягивалъ свою руку и обращался съ словами, ровно ничего незначащими, вродѣ: гдѣ служили и т. п. Почти рядомъ съ Новосильцевымъ стоялъ Родичевъ, лишенный, по высоч. повелѣнію правъ участвовать въ какихъ либо общественныхъ собраніяхъ за «безсмысленныя мечтанія». Ему вернули права только по представленію кн. Мирскаго, т. е. черезъ 10 лѣтъ, и Өедоръ Измаиловичъ поблагодарилъ царя за возстановленіе его правъ. Въ этой благодарности звучалъ и упрекъ, который долженъ былъ почувствовать царь, если даже у Родичева не было такого умысла, но царь улыбался ему также, какъ и всѣмъ другимъ. Я стоялъ въ серединѣ полукруга и когда назвалъ свою фамилію, царь вмѣсто того, чтобы протянуть мнѣ руку, сдѣлалъ шагъ назадъ, минуту колебался и... протянулъ руку. Эта минута колебанія произвела на стоявшаго рядомъ со мною Н. Н. Львова впечатлѣніе болѣе длительное и, послѣ аудіенціи, онъ спросилъ меня: зачѣмъ я такъ упорно смотрѣлъ въ глаза государю? Въ дѣйствительности же, я этого не дѣлалъ, но съ моей фамиліей, очевидно, у царя соединялось что-то непріятное, и его шагъ назадъ выразилъ это. Повидимому, царь хорошо запомнилъ мою фамилію и назвалъ ее въ другомъ случаѣ, о которомъ я разскажу ниже, но здѣсь, протягивая мнѣ руку, онъ спросилъ меня:

— Вы, кажется, уроженецъ юга, давно-ли вы покинули его?

— Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, В. В-во, я вынужденъ былъ покинуть мою родину.

Пожавъ руку послѣднему, заканчивавшему нашъ полукругъ, кажется, Федорову, царь сдѣлалъ общій поклонъ и удалился.

По просьбѣ Фредерикса, Трубецкой и Федоровъ предоставили ему сдѣлать копіи ихъ рѣчей, и мы всѣ покинули дворецъ, съ чувствомъ очень большого сомнѣнія и малой надежды. При выходѣ изъ воротъ парка, насъ ожидалъ фотографъ и упросилъ разрѣшить ему снять нашу группу. На нашъ вопросъ, какимъ образомъ ему удалось пробраться съ фотографическимъ аппаратомъ до самаго дворца, онъ улыбался и отвѣчалъ, что за деньги можно пройти куда угодно. И мы могли убѣдиться, что съ такой жадной и назойливой прислугой, какая служитъ при дворѣ, можно пробраться куда угодно, хотя бы и въ самый дворецъ. Всѣ кучера и лакеи, привозившие и отвозившие насъ на вокзалъ, такъ нагло ждали подачки «на чай», какъ едва ли можно встрѣтить въ частныхъ домахъ. Я забылъ сказать, что послѣ пріема намъ былъ предложенъ завтракъ въ другомъ, кажется, въ большомъ дворцѣ. Хозяиномъ завтрака былъ тотъ-же кн. Путятинъ, который вертѣлся между нами передъ пріемомъ во дворцѣ, хотя на пріемѣ кромѣ насъ были только баронъ Фредериксъ и флигель-адъютантъ гр. Гейденъ.

Благодаря нашимъ дружескимъ отношеніямъ съ В. И. Вернадскимъ, у котораго мы бывали очень часто, мы имѣли счастливый случай познакомиться съ Сергѣемъ Николаевичемъ Трубецкимъ, также часто бывавшимъ у Вернадскихъ. Глубокая духовная природа обоихъ очевидно влекла ихъ другъ къ другу. Трубецкой въ это время былъ ректоромъ университета, а Вернадскій имѣлъ квартиру въ одномъ изъ флигелей университета, что еще болѣе сближало ихъ, такъ сказать, топографически. Сергѣй Николаевичъ былъ одинъ изъ самыхъ обаятельныхъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ въ своей жизни. Профессоръ философіи и философъ по природѣ въ самомъ возвышенномъ значеніи этого понятія, онъ былъ въ то же время воистину общественнымъ дѣятелемъ и несомнѣннымъ демократомъ по убѣжденіямъ. Естественно, что онъ примкнулъ къ общественному движенію, и именно къ тому кружку, къ которому принадлежалъ Вернадскій и его друзья, въ чистоту и серьезность намѣреній которыхъ онъ вѣрилъ. А разъ онъ былъ съ нами, мы не могли найти болѣе вѣрнаго, глубокаго и краснорѣчиваго выразителя идей и желаній депутаціи земскаго съѣзда, представленной въ Петергофѣ. И С. Н. Трубецкой принялъ безъ колебаній эту нелегкую миссію. Приводя полностью его рѣчь въ своихъ «Воспоминаніяхъ», я хотѣлъ, чтобы тотъ, кто прочтетъ ихъ, убѣдился въ истинности демократическихъ воззрѣній Трубецкого и нашихъ, и сравнилъ бы ихъ съ «демократіей», не говоря уже о коммунистахъ, которые ее прямо отрицаютъ, но съ «демократіей» соціалистовъ-революціонеровъ, которые подъ нею разумѣютъ не всю массу народа безъ различія классовъ, религіи и всякихъ политическихъ и соціальныхъ воззрѣній, а исключительно соціалистовъ и пролетаріатъ, исповѣдующій соціалистическое ученіе. Все, что не исповѣдуетъ этого всеспасающаго ученія, въ соціалистическомъ государствѣ не пользуется никакой свободой, никакими правами, ни гражданскими, ни политическими. Никакіе примѣры и уроки исторіи и современнаго состоянія Россіи не убѣждаютъ доктринеровъ и сектантовъ соціализма въ ошибочности ихъ теорій и въ дикости ихъ методовъ.

С. Н. Трубецкой рѣшилъ принять болѣе активное участіе въ общественномъ движеніи и съ этой цѣлью остановился на мысли изданія еженедѣльной газеты «Московскаго Еженедѣльника». Наша группа съ восторгомъ приняла эту мысль, предлагая себя въ полное распоряженіе газеты. Въ редакціонный составъ вошли: Сергѣй Николаевичъ и его братъ, профессоръ Евгеній Николаевичъ Трубецкой, В. И. Вернадскій, П. И. Новгородцевъ, Д. И. Шаховской, А. А. Корниловъ и я.

Сергѣй Николаевичъ началъ хлопотать о разрѣшеніи. Казалось бы, одно имя Трубецкого и положеніе его въ университетѣ были болѣе чѣмъ достаточны для правительства, чтобы безпрепятственно выдать разрѣшеніе на изданіе газеты. Но и въ данномъ случаѣ, только благодаря тому, что были пущены въ ходъ всѣ связи Трубецкого, онъ получилъ разрѣшеніе на изданіе, подлежащее цензурѣ. Какъ только разрѣ-

шеніе было дано, тотчасъ было приступлено къ выпуску перваго номера «Еженедѣльника», который... былъ задержанъ цензурой и изъ типографіи не выпущенъ. Тоже самое повторилось со вторымъ и третьимъ номерами газеты. Стало очевиднымъ, что хотя разрѣшеніе было дано, но тогда-же было рѣшено задушить изданіе прежде, чѣмъ оно появится въ свѣтъ. Булыгинская цензура дала свой отвѣтъ на петергофскую рѣчь Трубецкого и показала, чего слѣдуетъ ожидать и дальше. Газета была убита, а вмѣстѣ съ нею были убиты и надежды С. Н. Трубецкого на способность правительства понять всю глубину и важность переживаемаго страною кризиса, охватившаго не только общественные верхи, но и самую толщу народную. Булыгинская конституція, объявленная 6-го августа, раскрыла, какъ глубоко завязла Россія въ старыхъ формахъ своей государственности и сколько еще усилій потребуется, чтобы сдвинуть съ мѣста этотъ уже наполовину мертвый грузъ.

Недавно избранный ректоромъ послѣ долгаго промежутка, въ теченіе котораго ректоры назначались министерствомъ, С. Н. Трубецкой былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ обсужденіи въ Совѣтѣ министровъ дѣлъ, относящихся къ университетамъ. Встрѣтивъ въ Совѣтѣ все тѣ-же старые бюрократическіе взгляды, Сергѣй Николаевичъ горячо возсталъ противъ нихъ, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ горячаго спора, 29-го сентября, его поразилъ ударъ, прервавшій эту, столь нужную въ это время для Россіи, жизнь. Онъ умеръ въ буквальномъ смыслѣ на своемъ посту, защищая ввѣренную ему крѣпость и цитадель народнаго просвѣщенія.

Тѣло Сергѣя Николаевича было перевезено въ Москву. Какъ только дошло до насъ въ Машукѣ извѣстіе о его смерти, мы съ А. С-ой немедленно выѣхали въ Москву, чтобы отдать послѣдній долгъ человѣку, котораго искренно не только уважали и горячо любили, но и возлагали на него такъ много надеждъ. Его похороны носили грандіозный характеръ, и многотысячная толпа, растянувшаяся на необозримое пространство, свидѣтельствовала болѣе всякихъ словъ, какъ глубоко она почувствовала потерю этого человѣка и гражданина.

Послѣ пріема депутаціи въ Петергофѣ, естественно она желала представить съѣзду отчетъ и обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствій. Съѣздъ былъ назначенъ на 6-ое іюля и происходилъ, если не ошибаюсь, въ домѣ Долгоруковыхъ. Не смотря на то, что было дано прямое разрѣшеніе самого царя на передачу того, что произошло на пріемѣ, и что выражено было въ его словахъ: «вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ», неизмѣнный полиціймейстеръ Носковъ сдѣлалъ попытку разогнать съѣздъ; послѣдній выдержалъ атаку побѣдоносно и Носковъ со своей арміей городовыхъ вынужденъ былъ отступить. Можно думать, что эта попытка разогнать съѣздъ была сдѣлана благодаря тому, что спустя нѣсколько дней послѣ пріема нашей депутаціи, царь принялъ

20 іюня депутацію курскаго дворякства, а 21 іюкя депутацію дворянства орловскаго. Первое просило, чтобы въ «законосовѣщателькое» собракіе были призваны представители только двухъ сословій: дворякства и крестьянства. Орловское дворякство, прихватившее съ собою нѣсколькихъ горожанъ и. крестьянъ, говорило отъ имени «собравшихся въ древней Москвѣ людей всѣхъ званій и состояній, духовенства, дворякства, крестьянъ, торговцевъ, промышленниковъ и людей науки». Орловскіе ораторы: графъ Шереметевъ, графъ Бобринскій и Нарышкинъ не согласились съ мкѣкіемъ, выраженнымъ нашей депутаціей, по заявленію этихъ ораторовъ — «вовсе не выражающей мнѣкія всей русской земли», ибо «Русскому государственному строю, издавна сложнвшемуся, не свойственно «представительство», въ смыслѣ органа народнаго самодержавства, ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лнцѣ царя».

Нниколаю II-му зти рѣчи пришлись болѣе по душѣ и Курскимъ «зубрамъ» онъ откровекно выразилъ свои мысли: «Я вполнѣ сознаю, сказалъ царь, ту пользу, которую можетъ принести въ будущемъ законосовѣщательномъ учрежденіи присутствіе двухъ основныхъ земельныхъ сословій — дворякства и крестьянства, которые искони дѣлилк радость и горе со своими царями».

Эта рѣчь заключала въ себѣ два опредѣленныя положенія: вмѣсто конституціи намъ обѣщаютъ з а к о н о с о в ѣ щ а т е л ь н о е собракіе, имѣющее с о с л о в к ы й характеръ. Для касъ не было иикакого сомнѣнія, что ни съ тѣмъ, ни съ другимъ страна ке помирится, и то брожеціе, которое на всемъ протяженіи Россіи проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, бороться съ которыми правительство совершекко безсильно, неизбѣжно превратится въ революцію.

Такое положеніе вещей и было предметомъ обсужденія съѣзда, гдѣ рѣчи все болѣе принимали рѣзкій характеръ, приведшій къ мысли объ обращеніи къ населекію съ макифестомъ, въ которомъ было бы, какъ изложеко со всею ясностью положеніе страны, такъ и указано на выходъ изъ тупика, въ которомъ ока находится. Долженъ сознаться, что я былъ сторокникомъ зтой мѣры и до глубокой кочи спорилъ съ С. Н. Трубецкимъ, доказывавшимъ мкѣ всю рисковакность зтого выступленія, въ виду возможкыхъ послѣдствій, кежелательныхъ уже потому, что ихъ нельзя предвидѣть съ полной увѣреккостью. Въ концѣ концовъ окъ оказался правъ и московское декабрьское возстакіе доказало это. Съѣздъ, однако, прикялъ чрезвычайно важное рѣшеніе: онъ избралъ комиссію изъ юристовъ и поручилъ ей разсмотрѣть, составленный С. А. Муромцевымъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкикымъ и другими, проектъ констктуціонной хартіи, напечатанкый въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и роздакный члекамъ съѣзда. Это сообщекіе члекамъ съѣзда проекта конституціи, въ номерѣ «Русскихъ Вѣдомостей», по словамъ С. А. Муромцева, — представляло собой какъ бы первое чтеніе закокопроекта, послѣ котораго могло бы послѣдовать обсужденіе его по статьямъ.

Въ іюльскомъ съѣздѣ принимали участіе не только земскіе гласные, но и представители городскихъ управленій Москвы, Петербурга и другихъ городовъ. Это усиливало, авторитетъ съѣздовъ, способствовало чрезвычайному сближенію членовъ и подъему общаго настроенія, увѣренности въ достиженіи поставленной задачи, такъ какъ численный составъ съѣздовъ все болѣе увеличивался.

Спустя недѣли двѣ послѣ іюльскаго съѣзда мы узнали, что въ Петергофѣ обсуждался Булыгинскій проектъ, извѣстный подъ именемъ Булыгинской конституціи. Позднѣе мы узнали, что засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ государя іюля 19, 21, 23, 25 и 26, т. е. въ теченіе пяти дней. Въ засѣданіяхъ принимали участіе нѣкоторые изъ великихъ князей, — Михаилъ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Николай Николаевичъ; всѣ министры, всѣ высшіе государственные сановники, за исключеніемъ Витте, на котораго было возложено порученіе заключить съ Японіей мирный договоръ. Вмѣсто него, присутствовалъ новый «сановникъ» генералъ Д. Ф. Треповъ, «вахмистръ по воспитанію и погромщикъ по убѣжденію», какъ опредѣлилъ его С. Д. Урусовъ въ блестящей рѣчи своей, произнесенной въ первой Госуд. Думѣ, но тѣмъ не менѣе, ближайшій и вліятельнѣйшій совѣтникъ Николая II.

Изъ числа государствовѣдовъ, профессоровъ государственнаго права, никто не удостоился приглашенія, вѣроятно страха ради, что такіе спеціалисты, пожалуй, будутъ настаивать на настоящей, а не на поддѣльной конституціи. Однако, все же изъ числа настоящихъ ученыхъ, былъ приглашенъ знаменитый историкъ, глубокій знатокъ Россіи В. О. Ключевскій, къ которому обратился государь, вѣроятно, по примѣру своего отца, мнившаго себя любителемъ русской старины и пользовавшагося знаніями Ключевскаго въ области русской иконографіи. Изъ «общественныхъ дѣятелей» былъ приглашенъ единственный безспорный «дворянинъ Павловъ», саратовскій дворянскій публицистъ, прославившійся своими выступленіями яркаго полемическаго характера въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», первой жертвой котораго былъ я. Правда, кромѣ «дворянина Павлова» въ совѣщаніе были приглашены люди, которыхъ причислить можно по праву какъ къ сановникамъ, такъ и къ общественнымъ дѣятелямъ, ибо никто не усумнится, что гр. С. Д. Шереметевъ, гр. А. А. Бобринскій и г. Нарышкинъ — сановники, если не государственные, то придворные. Никто не усумнится и въ томъ, что они и общественные дѣятели, такъ какъ они съ нашего примѣра набрали тоже общественныхъ дѣятелей и устроили депутацію къ царю, принявшему ихъ такъ же ласково, какъ и насъ, и обѣщавшаго имъ не менѣе, чѣмъ намъ.

Русское общество довольно хорошо освѣдомлено о петергофскихъ іюльскихъ совѣщаніяхъ, благодаря тому, что протоколы этихъ совѣщаній были напечатаны полностью въ Берлинѣ и вышли двумя изданіями въ теченіе самаго короткаго времени. Въ моей домашней библіо-

текѣ это изданіе имѣлось, но, къ сожалѣнію, теперь я могу его цитировать только по памяти. Вся моя библіотека осталась въ рукахъ большевиковъ. Поэтому, дѣлая ссылки на протоколы совѣщаній, я могу только ручаться за безусловную точность смысла цитатъ, которыя я привожу въ очень ограниченномъ числѣ. Не лишена интереса исторія этихъ протоколовъ, печатаніе которыхъ было допущено, какъ утверждаютъ, только въ трехъ экземплярахъ, недоступныхъ для общаго пользованія. Однако, одинъ экземпляръ удалось добыть на самое короткое время редакціи газеты «Рѣчь». Этотъ экземпляръ былъ тщательно переписанъ и отправленъ въ Берлинъ для напечатанія. Такимъ образомъ, берлинское изданіе представляетъ точную копію секретныхъ протоколовъ.

Вопросъ о совѣщательномъ характерѣ «Государственной Думы», какъ предполагалось назвать новое учрежденіе, былъ предрѣшенъ и не обсуждался. Поэтому и всѣ вопросы, связанные съ компетенціей «Думы», вовсе не ставились. Наибольшее оживленіе и даже пренія возбудилъ вопросъ о представительствѣ, поднятый тѣми самыми лицами, которые 21 іюля входили въ составъ орловской депутаціи и настаивали на сословности представительства вообще и дворянства, какъ испытанной опоры самодержавія, въ особенности. О заслугахъ дворянства заговорили, если не ошибаюсь, графъ Алексѣй Бобринскій и Нарышкинъ — точно не помню. Они находили, что дворянство искони было опорою трона и династіи и потому оно заслужило право на особую роль и въ Гос. Думѣ. Противъ такихъ притязаній, повидимому, неожиданно выступилъ в. к. Владиміръ Александровичъ, конечно, не въ защиту равенства всѣхъ гражданъ и не во имя либеральныхъ идей, а обвиняя дворянство въ притязаніяхъ, на которыя оно не имѣетъ никакихъ правъ, ибо въ его средѣ обнаружились крайнія революціонныя идеи, притомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. Это возраженіе было высказано самымъ категорическимъ тономъ; на это г. Нарышкинъ возразилъ, что революціонныя идеи не раздѣляются дворянствомъ.

— Я спрашиваю васъ, возражаетъ ему великій князь раздраженнымъ тономъ, Петрункевичъ дворянинъ или нѣтъ?

— Да, онъ дворянинъ, отвѣчаетъ Нарышкинъ, но дворянство не раздѣляетъ идей и мнѣній Петрункевича.

— А что сдѣлало дворянство, перебиваетъ его великій князь, чтобы помѣшать такимъ дворянамъ какъ Петрункевичъ дѣйствовать противъ правительства? Исключили вы его изъ своей среды? Нѣтъ! А князья Шаховскіе, Долгоруковы, Муромцевы, Якушкины, Кокошкины, развѣ не дворяне? Исключили ли ихъ? Нѣтъ!

Нельзя отказать великому князю Владиміру въ значительности урока, даннаго имъ защитникамъ дворянскихъ привилегій и правъ, претендовавшимъ на особую благодарность правительства. Онъ весьма искусно упрекнулъ дворянство, что оно не сумѣло воспользоваться сво-

имъ правомъ исключать изъ своего сословія лицъ, вступающихъ въ борьбу съ самодержавіемъ, и тѣмъ самымъ лишать ихъ политическихъ правъ, которыя эти лица, въ силу закона, въ такомъ случаѣ автоматически утрачивали. Какъ извѣстно, урокъ не прошелъ безслѣдно.

Бытовая исторія дворянства преисполнена лицами, преступность которыхъ внѣ всякихъ сомнѣній, но преслѣдованіе которыхъ судомъ никогда не начиналось по требованію сословія. Никогда дворянство не исключало такихъ лицъ изъ своей среды; напротивъ, нерѣдко осужденные судомъ дворяне за безнравственность, за жестокость, за растраты н т. п. вызывали сочувствіе сословія и ходатайства о помилованіи. Я помню такой случай, который я имѣлъ возможность наблюдать въ Смоленскѣ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда дворянство радушно встрѣчало возвращеннаго по его ходатайству изъ Сибири ссыльнаго, осужденнаго н е за политическое преступленіе. Ни Куроѣдовы, ни Ноздревы, ни Карамазовы, ни множество другихъ подобныхъ дворянскихъ типовъ, нарушавшнхъ н государственные и нравственные законы, не считались оскорбляющими честь и достоинство дворянства; только за такія преступленія и было предоставлено благородному сословію нсключать его членовъ изъ своей среды, что и влекло за собою потерю права участія въ какихъ либо общественныхъ собраніяхъ и организаціяхъ.

Великокняжескій упрекъ немедленно далъ свои плоды. Подписаніе выборгскаго протеста депутатами первой Государственной Думы курское дворянство, по почину своего губ. предводителя дворянства графа Доррера, признало дѣйствіемъ, нарушающимъ честь и достоинство дворянства и большинствомъ голосовъ дворянскаго собранія исключило нзъ своего сословія кн. Петра Дмитріевича Долгорукова, Вячеслава Евгеньевича Якушкина, Александра Николаевича Рутцена, кажется, и Ширкова. За Курской губ. послѣдовала губернія Тульская, исключившая изъ своей среды Сергѣя Андреевича Муромцева, перваго предсѣдателя первой Государственной Думы, человѣка который былъ бы украшенемъ любого парламента Европы, но не соотвѣтствовалъ достоннству тульскаго дворянства. За Тулой послѣдовала Москва, исключившая изъ своей среди Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина, самаго крупнаго парламентарія первой Думы, идеально чистаго человѣка, такъ трагическн погибшаго отъ рукъ большевиковъ въ ночь съ 6-го на 7-ое января 1918 года въ больницѣ, гдѣ онъ былъ арестованъ, какъ членъ Учредительнаго Собранія. Вслѣдъ за Москвой, Петербургъ исключилъ изъ своей среды Владнміра Дмитріевича Набокова и Евгенія Ивановнча Кедрина. Я не имѣю подъ руками свѣдѣній о всѣхъ исключенныхъ нзъ дворянской среды, но знаю и обратные случаи, гдѣ попытки исключенія не удались. Такъ, калужское дворянство отказалось исключить за подписаніе выборгскаго протеста кн. Сергѣя Дмитріевича Урусова, а тверское — меня и моего брата Михаила Ильича, нашедшихъ въ лицѣ нашего друга и товарища по партіи Геннадія Дмитріевича Скарятина,

краснорѣчиваго защитника выборгскаго протеста. Во всей исторіи этихъ исключеній курьезно то, что всѣ исключенія имѣли характеръ только сословно-дворянской рекламы, лишенной всякаго дѣйствительнаго значенія. Осужденные судомъ за выборгскій протестъ, мы у ж е были лишены права участія въ собраніяхъ и всякихъ избирательныхъ правъ, и исключеніе насъ изъ сословія не прибавляло ни одного скрупула къ вѣсу судебнаго рѣшенія. Такимъ образомъ, дворянство только обнаружило свою хамскую угодливость и ничего болѣе.

Къ курьезамъ обсужденія въ Петергофѣ Булыгинской конституціи я не могу не отнести еще одного факта, имѣющаго личное отношеніе царя ко мнѣ.

Возникъ вопросъ о выборѣ предсѣдателя Гос. Думы. Подлежитъ-ли его избраніе утвержденію государя, или избраніе не требуетъ утвержденія?

Почтенные сановники выразили мнѣніе, что утвержденіе государремъ избраннаго предсѣдателя придастъ послѣднему большее значеніе, подобно всѣмъ другимъ высшимъ должностямъ, которыя подлежатъ высочайшему утвержденію. Они не понимали, что утвержденіе предсѣдателя избраннаго Думою, превращало избраніе въ назначеніе, а самого предсѣдателя въ чиновника, лишая его той независимости, которая даетъ гарантію свободѣ мнѣній и рѣшеній народнаго представительства.

Противъ такого мнѣнія группа, состоящая изъ четырехъ лицъ съ Треповымъ во главѣ, высказала соображеніе, что Госуд. Дума можетъ избрать лицо нежелательное государю, который можетъ быть поставленъ такимъ избраніемъ въ затруднительное положеніе.

— Напримѣръ, заявилъ императоръ, изберутъ Петрункевича. Нѣтъ, я присоединяюсь къ мнѣнію четырехъ и не считаю необходимымъ мое утвержденіе предсѣдателя.

Такимъ образомъ, мое имя сослужило хорошую службу Думѣ, поставивъ выборъ предсѣдателя въ совершенно независимое положеніе отъ царя и его правительства.

Протоколы петергофскихъ совѣщаній представляютъ чрезвычайно интересный памятникъ отсутствія сознанія какъ въ самомъ царѣ, такъ и въ его совѣтникахъ чрезвычайной важности этого момента въ жизни страны и желанія удовлетворить насущные интересы народа, охваченнаго безпокойствомъ и чувствомъ стѣсненія отъ устарѣвшихъ формъ жизни, и мятущагося въ исканіи новыхъ формъ. Единственная рѣчь, въ которой чувствовалась жизнь и сознаніе важности задачи, была рѣчь профессора В. О. Ключевскаго, по своей основной мысли совпадавшая съ мыслью, выраженной въ рѣчи С. Н. Трубецкого. Ключевскій былъ слишкомъ вдумчивый и живой человѣкъ, чтобы не почувствовать, что Булыгинскій проектъ носитъ печать не жизни, а канцеляріи и мертвечины. Опубликованіе 6-го августа этой «конституціи» было и днемъ ея смерти. Она не встрѣтила нигдѣ и ни въ комъ ни малѣйшаго одобренія

й была заранѣе обречена на помѣщеніе въ архивы безполезнѣйшихъ трудовъ россійской бюрократіи.

Въ связи съ пріемами въ Петергофѣ разныхъ депутацій, совѣщаніями и обсужденіями Булыгинской Думы, а также, вѣроятно, и ожидаемой общественной критики, былъ придуманъ способъ пріостановить земскіе съѣзды привлеченіемъ нѣкоторыхъ членовъ ихъ къ разслѣдованію ихъ дѣйствій, съ приданіемъ послѣднему внушительнаго вида сенаторскаго слѣдствія. Для этого были назначены сенаторъ Постовскій и прокуроръ петербургской судебной палаты Камышанскій. Сенаторъ Постовскій вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Камышанскимъ прибыли въ Москву, остановились въ «Національной» гостиницѣ и приступили къ разслѣдованію, вызывая къ себѣ разныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ съѣздахъ. Въ это время я находился у себя въ деревнѣ, гдѣ и получилъ приглашеніе сенатора Постовскаго явиться къ нему во исполненіе возложеннаго на него высочайшаго повелѣнія. Я немедленно выѣхалъ въ Москву, гдѣ узналъ, что нѣкоторыя лица, жившія въ Москвѣ, уже допрошены: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Ѳ. А. Головинъ и другіе. Отъ нихъ я узналъ въ чемъ состоитъ миссія Постовскаго.

Въ назначенный часъ, я отправился къ нему, гдѣ засталъ и Камышанскаго. Постовскій принялъ меня очень просто, безъ всякой офиціальности и между нами завязалась скорѣе бесѣда по вопросу о нашихъ желаніяхъ, намѣреніяхъ и планахъ, чѣмъ допросъ по опредѣленному обвиненію. Постовскій держалъ себя какъ внимательный собесѣдникъ, Камышанскій, напротивъ, вѣроятно, по привычкѣ, все время вставлялъ ехидные вопросы, на которые я отвѣчалъ безъ всякихъ обиняковъ, что заставляло Постовскаго останавливать Камышанскаго. Я не скрывалъ ни цѣли, которую мы преслѣдовали, ни причинъ, которыя насъ побуждали добиваться ея, ни нашей увѣренности въ ея достиженіи, такъ какъ все общественное мнѣніе нашей страны на нашей сторонѣ. Закончилась наша бесѣда не протоколомъ, какъ можно было ожидать, а просьбой Постовскаго изложить все, что я говорилъ, въ письмѣ на его имя и прислать ему. Въ тотъ же вечеръ я засѣлъ за это письмо и подробно изложилъ, т. е. повторилъ то, что говорилъ утромъ. *)

Этимъ все разслѣдованіе сенатора Постовскаго и закончилось. Никакихъ послѣдствій оно не имѣло.

Съ каждымъ новымъ съѣздомъ число участниковъ возростало. Стали появляться лица не только сочувствующія задачамъ съѣздовъ, но и противники ихъ, очевидно начавшіе понимать, что авторитетъ съѣздовъ растетъ и его идеи и рѣчи, раздающіяся въ этомъ самочинномъ собраніи, пріобрѣтаютъ все больше сторонниковъ. Уже на іюльскомъ съѣздѣ появились, какъ ихъ потомъ называли, курскіе зубры, показавшіе свои рога нѣсколько позже, когда изгонялись изъ дворянской среды такіе люди, какъ П. Д. Долгоруковъ, Якушкинъ, Рутценъ, Шир-

*) Текстъ этого письма см. въ Приложеніи.

ковъ за подписаніе выборгскаго воззваиія. На земскомъ съѣздѣ оин не могли еще бодаться и только произноснли всеподдаииѣйшія рѣчи. Киязь Касаткииъ-Ростовскій торжествеиио заявилъ, что оиъ вѣрноподдаииый государя Николая II-го и ие желаетъ быть подданиымъ господниа Петруикевича, хотя я и ие объявлялъ своихъ претеизій иа всероссійскій престолъ. Увлекающагося своимъ краснорѣчіемъ курскаго киязя поддерживалъ такой же вѣриоподдаииый курянинъ г. Говоруха-Отрокъ, человѣкъ болѣе осторожный, ио въ ретроградиости котораго иикто ие могъ сомиѣваться.

На сеитябрьскомъ съѣздѣ куряиъ уже ие было: они оказали свое вѣриоподдаииичество и прочиость своихъ привилегироваииыхъ воззрѣиій и ие иитересовались другими миѣиіями. Между тѣмъ, иа сеитябрьскомъ съѣздѣ былъ поставлеиъ одинъ изъ самыхъ злободневиыхъ вопросовъ, ие впервые безпокоившихъ русскую совѣсть: вопросъ о Польшѣ, о ея автономіи. На съѣздѣ появился изъ Вильиы полякъ Врублевскій, произиесшій великолѣпиую, красиорѣчивую по формѣ, глубокую по содержаиію, рѣчь. Оиа произвела огромное впечатлѣиіе на собраніе, и когда оиъ спросилъ, должиа ли Польша ожидать своего освобождеиія только тогда, когда памятиикъ Муравьеву потоиетъ въ потокѣ польской крови?!... собраиіе разразилось бурными рукоплескаиіями и отвѣчало резолюціей, требующей включеиія въ свою ближайшую программу автономіи Польшѣ. Это постаиовленіе вызвало появленіе иа слѣдующій деиь въ собраніи А. И. Гучкова, до того времеии ие посѣщавшаго съѣзда. Въ своей рѣчи, возражая противъ вчерашияго постановлеиія, касающагося Польши, онъ обвииялъ съѣздъ въ попыткѣ расчлеиеиія Россіи, которая иикогда этого не допуститъ. Его рѣчь, построеииая иа патріотическихъ чувствахъ, можетъ быть, могла бы произвести впечатлѣніе на нѣкоторыхъ члеиовъ съѣзда, если бы ея патріотическій пафосъ иосилъ меиѣе вызывающій характеръ. Попытка приписать освободительиому движенію аитипатріотическій духъ и даже преступныя цѣли, — была ие иова и явио нелѣпа. Извѣстио, что какъ только русская армія стала терпѣть иеудачи въ борьбѣ съ Япоиіей, прислужинками правительства тотчасъ былъ пущеиъ слухъ о подкупѣ япоицами русскихъ общественныхъ дѣятелей и печати, въ разсчетѣ переиести отвѣтствеииость воеииой и граждаиской власти за поражеиіе на общество и его дѣятелей. Коиечио, этому слуху иикто ие вѣрилъ, и истиииый смыслъ его былъ всѣмъ понятенъ. Новая попытка г. Гучкова обвинить общественныхъ дѣятелей и ихъ съѣздъ въ аитипатріотизмѣ была ие болѣе умиа, тѣмъ болѣе, что упрекъ косиулся вопроса, составлявшаго одиу изъ самыхъ темиыхъ страницъ исторіи Россіи, участвовавшей вмѣстѣ съ двумя германскими государствами въ раздѣлѣ братскаго иарода. Русская совѣсть никогда ие мирилась съ такимъ варварскимъ и гнусимъ дѣломъ и если требуются доказательства этому, то онѣ даны въ послѣдией войнѣ всей Россіей и всѣмъ міромъ, вернувшимъ полякамъ ихъ государствеииое едииство и полиую иезависимость.

Въ 1905 году польскій вопросъ не ставился такъ широко по той простой причинѣ, что сами поляки вынуждены были ставить его уже, не выходя за предѣлы Царства Польскаго, связаннаго съ Россіей. Ни Врублевскимъ на земскомъ съѣздѣ, ни позднѣе, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, въ собесѣдованіи съ делегатами Польши, пріѣзжавшими послѣ Манифеста 17-го октября въ Петербургъ, вопросъ о независимости русской Польши не ставился, какъ мнѣ кажется, въ виду опасеній, которыя внушали полякамъ Германія и Австрія. Польскій вопросъ ограничивался тогда только автономіей Царства Польскаго, съ особымъ польскимъ правительствомъ и своимъ особымъ парлементомъ, но съ сохраненіемъ уніи съ Россіей.

На рѣчь г. Гучкова отвѣчало на съѣздѣ нѣсколько ораторовъ, но наиболѣе обстоятельный отвѣтъ далъ П. Н. Милюковъ. Къ сожалѣнію, я не могу по памяти возстановить его рѣчь, но помню впечатлѣніе, произведенное ею на съѣздѣ, который выразилъ свое одобреніе оратору горячими апплодисментами.

Что же касается самого г. Гучкова, то мнѣ помнится, онъ покинулъ собраніе тотчасъ послѣ произнесенія своей рѣчи, не ожидая отвѣтныхъ рѣчей. Когда, по обнародованіи манифеста 17-го октября графу Витте было поручено образовать первое конституціонное министерство, и возникъ вопросъ о необходимости врученія нѣсколькихъ портфелей общественнымъ дѣятелямъ, одинъ изъ четырехъ портфелей былъ предложенъ г. Гучкову, о которомъ Витте, по его собственнымъ словамъ, раньше не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, тогда какъ три другихъ портфеля были предложены: Д. Н. Шипову, М. А. Стаховичу и кн. Е. Н. Трубецкому пользовавшимся широкой извѣстностью какъ въ правительственныхъ, такъ и въ общественныхъ кругахъ.

Съѣздъ закончился разсмотрѣніемъ доклада комиссіи, которой было поручено на предыдущемъ съѣздѣ составить проектъ русской конституціи или конституціонной хартіи, которая должна была бы служить отвѣтомъ на Булыгинскую конституцію, непріемлемую съ точки зрѣнія государственныхъ и народныхъ интересовъ Россіи. Этотъ законопроектъ былъ разсмотрѣнъ съѣздомъ въ общихъ чертахъ, не входя въ детали, причемъ рѣшено было дать ему возможно широкое распространеніе въ обществѣ съ выраженіемъ пожеланія получить замѣчанія, которыя могутъ быть сдѣланы читателями. Всѣ такія замѣчанія бюро съѣздовъ съ своимъ заключеніемъ должно было представить слѣдующему Съѣзду.

ГЛАВА XIX.

Образованіе конституціонно-демократической партіи. — Признаки революціоннаго настроенія въ очередномъ новоторжскомъ земскомъ собраніи. — Всеобщая забастовка. — Манифестъ 17-го октября 1905 г. — Слухи о погромахъ «Черной Сотни». — Тверской погромъ. — Отъѣздъ въ Петербургъ. —

Уже на первомъ земскомъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1904 года ярко обнаружилось расхожденіе его участниковъ по двумъ основнымъ направленіямъ: три четверти голосовъ было подано за конституцію и только одна четверть за сохраненіе самодержавія при введеніи совѣщательнаго представительства. Съѣзды, происходившіе въ 1905 году были все многолюднѣе и многолюднѣе, превосходя ноябрьскій съѣздъ предшествующаго года въ четыре-пять и болѣе разъ, при чемъ и составъ ихъ постепенно измѣнялся: чисто земскій ихъ составъ сталъ пополняться представителями городскихъ управленій и различныхъ интеллигентныхъ профессій.

Пока вопросъ о сущности земскаго движенія закутывался въ туманное понятіе борьбы со «средостѣніемъ», подъ которымъ подразумѣвалась бюрократія, пока дѣйствительная цѣль — замѣна самодержавія конституціоннымъ строемъ не стала открытымъ лозунгомъ съѣздовъ, объединеніе приверженцевъ двухъ непримиримыхъ системъ — самодержавія и народоправства, — было не только возможно, но и не встрѣчало никакихъ трудностей. Напротивъ, обоимъ направленіямъ казалось, что еще не насталъ моментъ, когда пути раздѣлятся, но каждая группа понимала, что ей по пути со съѣздомъ въ его цѣломъ лишь часть дороги и что рано или поздно наступитъ моментъ расхожденія по разнымъ путямъ, на которыхъ бывшіе союзники встрѣтятся какъ противники. Тутъ не было ничего неожиданнаго, и земскіе съѣзды шли тѣмъ же путемъ, который былъ установленъ при организаціи, двумя годами ранѣе (въ 1903 году), «Союза Освобожденія», въ коемъ принимали участіе будущіе кадеты, республиканцы и монархисты, соціалисты разныхъ оттѣнковъ — эсдеки, эсеры и народные соціалисты, т. е. всѣ ставящіе своей цѣлью освобожденіе Россіи отъ устарѣвшихъ формъ государственнаго управленія. Силою самого положенія вещей, всѣ недовольные режимомъ примыкали къ земскимъ съѣздамъ, на которыхъ выяснялись и цѣли борьбы и ея способы, въ зависимости отъ чего каждый рѣшалъ и предѣлы своего участія. Именно такой способъ организаціи съѣздовъ открылъ ихъ двери не только членамъ земскихъ учрежденій, но и лицамъ разныхъ профессій и превратилъ земскіе съѣзды въ дѣйственные центры общественной оппозиціи, размѣстившейся въ разныхъ профессіональныхъ интеллигентскихъ союзахъ «Освобожденія».

Нельзя отрицать, что привлеченіе въ съѣзды элементовъ не земскихъ значительно увеличило силу и авторитетъ оппозиціи, но съ другой стороны, также вѣрно, что вмѣстѣ съ распространеніемъ въ обще-

ствѣ оппозиціоннаго духа, въ широкихъ его кругахъ и особенно въ кругахъ, по своему соціальному положенію, образованію и политическому воспитанію стоящихъ на меньшей высотѣ, распространялись идеи революціонныя мало продуманныя, упрощенныя, представлявшіяся многимъ такими ясными и легко достижимыми. Ни земскіе дѣятели, ни «Союзы Освобожденія», не только въ столицахъ — Петербургѣ и Москвѣ, но и въ провиціи, не могли помѣшать распространенію революціоннаго духа, уже по той простой причинѣ, что правительство преслѣдовало одинаково какъ конституціоналистовъ-эволюціонистовъ, такъ и проповѣдниковъ и сторонниковъ соціальной и политической революціи, объединяя своими гоненіями какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Такое объединеніе отчасти проявилось въ 1905 году въ видѣ стремленія «Союзовъ Освобожденія», представляющихъ организаціи политико-профессіональныя, соединиться въ одинъ общій «Союзъ-Союзовъ» въ видахъ единства дѣйствій всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ и подчиненія нетерпѣливыхъ дисциплинѣ «Союза-Союзовъ». Въ виду этого представители земства не сочли возможнымъ остаться въ сторонѣ отъ такой организаціи, которая могла оказать самое нежелательное вліяніе на рѣшеніе задачъ, поставленныхъ земскими съѣздами и уже давшихъ положительные результаты. Такимъ путемъ, образовалась земская группа, примкнувшая къ «Союзу Союзовъ», и получившая наименованіе группы «А». Выборъ меня предсѣдателемъ «Союза-Союзовъ» свидѣтельствовалъ, что земская группа, представляющая земскіе съѣзды, обладала въ «Союзѣ-Союзовъ» достаточнымъ авторитетомъ и довѣріемъ его членовъ. Позднѣйшія событія — московскій вооруженный мятежъ и петербургскій самочинный рабочій парламентъ съ Носаремъ и Троцкимъ во главѣ свидѣтельствовали, что опасенія нелѣпыхъ и вредныхъ выступленій революціонеровъ были не напрасны. Уже одно то обстоятельство, что московскій мятежъ былъ раздавленъ однимъ гвардейскимъ полкомъ (Семеновскимъ), присланнымъ изъ Петербурга, а петербургскій рабочій парламентъ (совѣтъ рабочихъ депутатовъ) былъ разогнанъ самыми обыкновенными полицейскими мѣрами, показало, что такія революціонныя вспышки обнаруживали лишь слабость общественныхъ силъ и негодность революціонныхъ способовъ дѣйствія противъ правительства, первоначально испуганнаго общественнымъ движеніемъ и растерявшагося, но скоро оправившагося и оказавшагося еще достаточно сильнымъ, чтобы подавить, какъ московское возстаніе, такъ и петербургское выступленіе «совѣта рабочихъ депутатовъ».

Организація «Союза-Союзовъ», созданная въ виду необходимости объединенія многихъ профессіональныхъ союзовъ, представляла слишкомъ недостаточную гарантію того, что кооперація союзовъ устоитъ передъ напоромъ революціонныхъ дѣйствій; авторитетъ земской группы — «А» — оказался безсильнымъ въ средѣ союзныхъ организацій противодѣйствовать чрезвычайно быстро растущему въ обществѣ революціонному настроенію, опасному не столько для правительства,

сколько для дѣла свободы и осуществленія нашихъ надеждъ. Авторитетъ одной группы былъ недостаточенъ: требовалась органнзація болѣе авторнтетная, болѣе обшнрная, не профессіональная, а широко-общественная, объединенная общиостью принциповъ и интересовъ не классовыхъ н ие сословныхъ, а общеиародныхъ, словомъ, естественно создалась необходимость органнзаціи полнтической партіи, ие подпольной, а открытой, провозглашающей не утопіи перестройки всего человѣческаго быта по схемѣ, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющей, а партіи, предъявляющей свои требованія въ полномъ согласіи съ исторіей развитія европейской культуры и цивилизаціи и со всѣми чаяніями русскихъ людей, составляющихъ гордость Россіи, начиная съ Радищева и Новикова, продолжая Декабристами, великими поэтами и пнсателями, лнберальными публицнстами и общественными дѣятелями, борцамн и создателями великихъ реформъ, испорченныхъ н загубленныхъ темными силами стараго порядка. Земскіе съѣзды приняли великое наслѣдіе русскаго либерализма и основное ихъ ядро, превращаясь въ политнческую партію, естественно принимало на себя задачу осуществлеія приициповъ, идей, политическихъ и соціальныхъ реформъ, отвѣчающнхъ духу нашего времени и настоятельнымъ иуждамъ нашей страны, которая не могла далѣе оставаться подъ режимомъ давно отжившаго стараго порядка, и равно не могла удовлетвориться такимн «реформами», которыя были только что обнародованы въ видѣ такъ называемой «Булыгинской конституціи».

Таково было мнѣніе огромнаго большинства послѣдняго земскаго съѣзда, закончившагося избраніемъ комиссіи, на которую было возложено составленіе программы и устава партіи, наименованной «конституціонно-демократической». Въ составъ комиссіи было избрано около двадцати членовъ, посколько я помню: С. А. Муромцевъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкннъ, князь Петръ Д. Долгоруковъ, кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, В. И. Вернадскій, князь Д. И. Шаховской, А. А. Корниловъ, Ѳ. И. Родичевъ, М. Я. Герценштейнъ, П. Н. Милюковъ, М. М. Винаверъ, П. И. Новгородцевъ, Ѳ. А. Головинъ, С. А. Котляревскій, — остальныхъ не помню. Въ числѣ избранныхъ былъ и я, но къ моему большому огорченію, я принялъ участіе только въ собраніи комиссіи, происходившемъ послѣ того, какъ разъѣхались члены съѣзда, кажется, на другой день. Я не могъ оставаться долѣе въ виду новоторжскаго уѣзднаго земскаго собранія, на которомъ я долженъ былъ присутствовать по причннамъ, о которыхъ я разскажу ниже. Выработанный этой комиссіей проектъ программы партіи былъ обсужденъ на съѣздѣ, собравшемся въ октябрѣ 1905 г. въ Москвѣ. Съѣздъ былъ неполный ввиду общей забастовки. Программа была принята 18 октября, въ тотъ самый день, когда былъ объявленъ въ Москвѣ Манифестъ 17 октября.

Не смотря на то, что уставъ партіи еще не былъ составленъ, а программа была распубликована тотчасъ лишь въ Москвѣ, организація партіи была какъ бы санкціонирована огромной частью русской интеллн-

генціи и самыхъ разнообразныхъ круговъ русскаго общества, что выражалось массовымъ вступленіемъ въ ряды партіи. Безъ малѣйшихъ затрудненій и задержекъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи, даже въ самыхъ отдаленныхъ, стали организовываться конституціонно-демократическія группы, принимавшія программу безъ всякихъ оговорокъ, и въ нѣсколько дней образовалась широкая сѣть партіи, сыгравшей въ освободительномъ движеніи (въ первой революціи) и въ первой Государственной Думѣ руководящую роль.

Быстрота, съ которой организовалась самая крупная партія, и ея удѣльный вѣсъ превосходно характеризованы однимъ изъ самыхъ безпристрастныхъ судей, никогда не бывшимъ ея членомъ, писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ Владиміромъ Галактіоновичемъ Короленко, который такъ отозвался о конституціонно-демократической партіи: «Она составилась изъ той части свободолюбивой и благожелательной къ народу интеллигенціи, которая слагалась давно изъ тѣхъ слоевъ просвѣщеннаго общества, которое было недовольно остановкой реформъ со второй половины царствованія Александра II-го. Цѣлыми десятилѣтіями слагались ея идеи, получившія выраженіе въ передовой журналистикѣ, въ ученыхъ трудахъ, на университетскихъ кафедрахъ и въ ученыхъ обществахъ». (См. «Современныя Записки», кн. — XIII-я, ст. «Земли, земли!» стр. 135). Что я могу прибавить къ этимъ словамъ истиннаго народолюбца и демократа? Пусть тѣ, которые въ настоящее время отрекаются отъ партіи, въ составѣ которой они дѣлали свою политическую карьеру, называя ея программу «помѣщичьей», прочтутъ безпристрастный приговоръ В. Г. Короленки, котораго они не могутъ заподозрить въ потворствѣ помѣщичьему міровоззрѣнію.

Въ приложеніи къ этой главѣ, я помѣщаю программу партіи въ томъ текстѣ, въ какомъ она появилась 18-го октября 1905 года, и затѣмъ въ другомъ видѣ, какой она имѣетъ теперь, послѣ внесенныхъ поправокъ и дополненій на седьмомъ, восьмомъ и девятомъ съѣздахъ въ 1917 году 25 марта, 9-го мая и 24-28 іюля.

Сравненіе этихъ двухъ текстовъ свидѣтельствуетъ, что въ теченіе первыхъ одиннадцати лѣтъ (1905-1916) программа оставалась почти безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ на второмъ съѣздѣ, — 5 января 1906 г., — была принята только одна поправка къ ст. 14-й по вопросу о немедленномъ распространеніи избирательнаго права на женщинъ. Поправка состояла въ отмѣнѣ п р и м ѣ ч а н і я къ этой статьѣ, допускавшей свободу голосованія по этому вопросу. Это примѣчаніе было уступкою незначительному меньшинству, представившему на учредительномъ собраніи партіи особое мнѣніе, которое вслѣдъ затѣмъ было рѣшительно отвергнуто на второмъ съѣздѣ огромнымъ большинствомъ и вычеркнуто изъ программы.

Если память мнѣ не измѣняетъ, на третьемъ съѣздѣ партіи, въ апрѣлѣ 1906 года, передъ открытіемъ Государственной Думы, было принято рѣшеніе, сохраняя за партіей наименованіе «конституціонно-демо-

кратической», присвоить ей и другое — «партіи Народной Свободы», какъ болѣе понятное и близкое народной массѣ. Но это было первымъ дополненіемъ не программы, а устава партіи, принятымъ при утвержденіи его на третьемъ съѣздѣ.

Всѣ поправки и дополненія программы приняты на трехъ послѣднихъ съѣздахъ въ 1917 году послѣ февральской революціи, когда партія Народной Свободы изъ оппозиціонной, нелегальной и гонимой превратилась въ партію правительственную, принявшую дѣятельное участіе въ образованіи «Временнаго Правительства»; она составляла главный его элементъ и могла разсчитывать на осуществленіе политическихъ и соціальныхъ реформъ, соотвѣтствующихъ тому новому порядку вещей, который долженъ былъ смѣнить порядокъ старый, разрушенный революціей.

Государственный переворотъ и перемѣна положенія партіи въ ряду новыхъ дѣйственныхъ факторовъ въ преобразованіи Россіи не измѣнили ни воззрѣній партіи, ни ея принциповъ, а потому не требовалось бы и составленія новой программы, если бы ея программа 1905 года не была изложена въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, вполнѣ достаточныхъ для партіи, занимавшей исключительно положеніе оппозиціонное, но недостаточныхъ въ ея новомъ положеніи, особенно по вопросамъ, требующимъ болѣе детальнаго изложенія во избѣжаніе толкованій, не соотвѣтствующихъ духу и принципамъ партіи.

Только на послѣднемъ IX-мъ съѣздѣ были включены въ программу два вопроса, совершенно новые, не входившіе въ прежнюю программу, выдвинутые на очередь революціей: вопросъ о положеніи церквей различныхъ національностей и вопросы арміи и флота.

Противники нашей партіи какъ слѣва, такъ и особенно справа упрекаютъ насъ въ перемѣнѣ основного принципа партіи, превратившейся яко-бы изъ партіи конституціонно-монархической въ республиканскую и провозгласившей на первомъ-же съѣздѣ, послѣдовавшемъ послѣ отреченія императора Николая II-го, Россію демократической-парламентарной республикой. Однако, если мы обратимся къ нашей старой программѣ (1905 г.), то мы увидимъ, что въ статьяхъ, опредѣляющихъ государственный строй (13-19) говорится (ст. 13), что «конституціонное устройство Россійскаго государства опредѣляется основнымъ закономъ».

Выраженіе принятое въ старой программѣ: «конституціонное устройство» вовсе не равнозначуще выраженію «монархическое устройство», хотя бы съ прибавленіемъ слова «конституціонное». Съ точки зрѣнія партіи «Народной свободы», какъ монархическая, такъ и республиканская форма государственнаго устройства есть вопросъ не принципа, а факта, соотвѣтствующаго историческому моменту. Въ 1905 году въ Россіи царила самодержавная форма, и партія, стремившаяся къ измѣненію самодержавія въ болѣе совершенную форму, не предполагала возможнымъ достигнуть этого революціоннымъ путемъ, путемъ насиль-

ственнаго переворота. Она полагала, что болѣе разумно избѣгать рискованныхъ скачковъ и считала большимъ шагомъ впередъ переходъ отъ самодержавія къ конституціонному ограниченію верховной власти. Въ 1917 году положеніе вещей было совершенно иное. Императоръ отрекся отъ престола въ пользу своего брата, отказавшагося принять престолъ иначе, какъ путемъ избранія его Учредительнымъ Собраніемъ, признавая такимъ образомъ суверенитетъ народа. Опытъ царствованія Николая II-го представлялъ достаточное свидѣтельство полнаго разложенія не только самодержавной формы правительства, но и неспособность развращенной династіи честно выполнить тѣ обязательства, которыя налагаетъ конституція на конституціоннаго монарха. Если въ этомъ можно было сомнѣваться въ 1917 г., то теперь, въ 1923 г., послѣ появленія въ печати писемъ императрицы Александры Ѳедоровны къ своему супругу императору Николаю II-му, всякое сомнѣніе, по меньшей мѣрѣ, — не можетъ быть оправдано никакими соображеніями, кромѣ личныхъ. Для партіи-же Народной Свободы замѣна конституціонной формы государственнаго строя республиканскимъ — есть только естественная перемѣна самоупразднившей себя формы — формою соотвѣтствующей духу времени и интересамъ Россіи.

Выборы депутатовъ въ первую Государственную Думу дали партіи Народной Свободы блестящую побѣду, такъ какъ число ея членовъ, хотя и не достигло абсолютнаго большинства въ Думѣ, но все-же партія располагала въ ней около 190 голосами своихъ членовъ и имѣла въ Думѣ господствующее вліяніе, не только благодаря своему численному перевѣсу, но еще болѣе благодаря своей дисциплинѣ, своему образовательному и моральному авторитету.

* *
*

Во второй половинѣ 1905 года развернулась довольно полная картина общаго броженія умовъ по всей Россіи. Признаки приближающейся революціи или какого нибудь взрыва были очевидны для всѣхъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто не хотѣлъ ничего видѣть. И не только броженіе было замѣтно среди интеллигенціи или полуинтеллигенціи, но тоже можно было наблюдать и среди народной массы, еще недавно казавшейся равнодушной, по крайней мѣрѣ въ Тверской губерніи, гдѣ я могъ лично наблюдать настроеніе крестьянъ, съ которыми у меня были отношенія простыя и доброжелательныя. Въ концѣ лѣта, случайно, я узналъ въ земской управѣ, что туда приходили крестьяне изъ сосѣднихъ съ Машукомъ деревень и просили сообщить имъ, обложены ли мои земли налогомъ или вовсе не обложены; а если обложены, то уплачиваю ли я налоги, или на мнѣ числятся недоимки. Членъ управы, завѣдующій окладными книгами, отвѣчалъ что моя земля обложена такъ-же какъ и земля всѣхъ частновладѣльцевъ и что за мною не числится ни-

какой недоимки, такъ какъ окладъ внесенъ своевременно въ кассу управы. Крестьяне отнеслись къ этому показанію члена управы съ недовѣріемъ и попросили показать имъ окладную книгу. Просьба эта была немедленно удовлетворена, н крестьяне убѣдились, что моя земля обложена по 1-му разряду, т. е. самому высокому, и что недоимки за мною не имѣется. Такія же справки дѣлали крестьяне о другихъ землевладѣльцахъ, своихъ сосѣдяхъ. Было очевидно, что революціонная пропаганда дѣлаетъ свое дѣло неутомимо и обращена не противъ правительства, а противъ частныхъ землевладѣльцевъ и при томъ не противъ завѣдомыхъ черносотенцевъ, а именно противъ тѣхъ, которые пользовались въ крестьянской массѣ очевиднымъ довѣріемъ; его-то и нужно было подорвать во что бы то ни стало. Меня это нисколько не удивило, такъ какъ я хорошо зналъ крестьянскую массу и ея легковѣріе. Мнѣ приходилось не разъ наблюдать, какъ демагогическую пропаганду эсеровъ, такъ и на себѣ испытывать доносы благонамѣренныхъ «патріотовъ», до деревенскихъ «батюшекъ» включительно.

Приближалось осеннее очередное земское собраніе въ Торжкѣ, и я нмѣлъ основаніе ожидать, что оно пройдетъ не совсѣмъ спокойно, такъ какъ въ нашей собственной маленькой группѣ, державшейся единогласія по всѣмъ важнымъ вопросамъ, произошелъ разладъ по поводу выбора предсѣдателя управы въ прошломъ году, послѣ возстановленія земства въ его правахъ и отозванія правительственной комиссін, назначенной министромъ Плеве для веденія земскихъ дѣлъ.

Недоразумѣніе заключалось въ томъ, что до упраздненія земства предсѣдателемъ управы былъ Н. А. Балавинскій, послѣ ревизіи Штюрмера, уволенный отъ должности вмѣстѣ съ членами управы. По возстановленіи земства, личный составъ управы былъ подвергнутъ переизбранію, при чемъ вмѣсто Балавннскаго предсѣдателемъ управы былъ избранъ д-ръ М. П. Литвиновъ. Балавинскій счелъ себя лично обиженнымъ. По его мнѣнію земское собраніе было морально обязано переизбрать его, потому что онъ былъ уволенъ правительствомъ безъ всякаго законнаго основанія, и только переизбраніе давало ему полное удовлетвореніе. Съ формальной точки зрѣнія протестъ Балавинскаго имѣлъ нѣкоторое основаніе, но земство не могло не считаться съ реальнымъ положеніемъ вещей, совершенно измѣнившимся съ перемѣною министерства послѣ убійства Плеве, и не только съ новымъ направленіемъ новой политики, но и съ настроеніями въ обществѣ и въ населеніи вообще. Н. А. Балавинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ называютъ «добрымъ малымъ». Безспорно, онъ былъ честнымъ человѣкомъ, не ниже средняго уровня общества въ умственномъ отношеніи, но и не выше его. Онъ объявилъ себя соціалистомъ, вѣроятно эсеромъ, но его принадлежность къ соціалистической партіи, по своему существу враждебной основамъ современнаго соціальнаго строя, ничѣмъ пока не проявлялась и не грозила никакими дѣйствіями со стороны предсѣдателя управы, которыя могли бы внести въ земство полный безпорядокъ, такъ

какъ соціалисты занимались только подпольной пропагандой и не дѣйствовали открыто. Въ иормальное время, такіе люди какъ Балавннскій бываютъ даже полезны, оставаясь исполнителями текущихъ дѣлъ. Но время было другое, чувствовалось приблнженіе революціонной грозы. Выступалн иа авансцену люди разиыхъ воззрѣиій, разныхъ направленій, отъ крайннхъ правыхъ до крайннхъ лѣвыхъ. Къ какой группѣ примкнетъ Балавннскій — мы не знали н не могли допустить, чтобы нашъ представитель въ земствѣ не былъ связаиъ съ нами едннствомъ дѣйствій. Мы опасались его связи съ той партіей, членомъ которой оиъ себя объявлялъ и передъ требованіями которой оиъ не могъ устоять по слабости своего характера. Въ такихъ условіяхъ мы счнтали иужнымъ имѣть предсѣдателя болѣе твердаго въ своихъ принципахъ, человѣка, бывшаго головой выше Балавинскаго и характера болѣе сильнаго, ни при какихъ условіяхъ ие способнаго превратиться въ орудіе партіи, противъ которой мы вели борьбу. Такимъ человѣкомъ н былъ д-ръ М. П. Литвиновъ.

Въ виду этнхъ соображеиій я горячо поддержнвалъ кандидатуру на должность предсѣдателя д-ра Литвинова противъ каидидатуры Балавннскаго и добился избраиія перваго. Я очень хорошо поннмалъ, что друзья и почитатели Балавинскаго, средн земскихъ служащихъ, направятъ всѣ свон стрѣлы противъ Литвниова и меня и что, принимая во вниманіе приподнятое настроеніе общества и особенно земскихъ круговъ, можно ожидать выступленій, какихъ раньше инкогда не бывало, тѣмъ болѣе, что съ замѣной миииистерства Плеве министерствомъ кн. Святополкъ-Мирскаго, произошла перемѣна и на посту тверского губернатора: князя Ширинскаго-Шихматова замѣнилъ кн. Урусовъ, человѣкъ лнберальиыхъ воззрѣиій, допускавшій большую свободу мнѣній, чему всѣ мы весьма сочувствовали.

Земскія собранія въ Торжкѣ давно стали прнвлекать публику, что заставнло перенести засѣданія изъ тѣснаго помѣщенія земской управы въ гостиницу Федухина, нѣкогда прииадлежавшую Пожарскому, пользовавшуюся, можно сказать, всероссійской извѣстностью не только знаменнтыми «пожарскими» котлетамн, но и тѣмъ, что о ией осталнсь воспомннанія на страннцахъ сочиненій Пушкина и Гоголя, отдыхавшихъ въ ней при своихъ поѣздкахъ нзъ Петербурга въ Москву и обратно. Вотъ въ этихъ самыхъ просторныхъ комиатахъ и въ залѣ, гдѣ устроена была, уже въ иаше время, сцена для театральныхъ представленій, собирались и мы. Размѣры помѣщенія давали возможиость и публикѣ собнраться въ большомъ для уѣзднаго города количествѣ.

Въ описываемое время, публики собралось очеиь много. Появнлись люди прежде не посѣщавшіе земскнхъ собраній. Обычно половина публнкн состояла изъ земскихъ служащихъ, теперь же посторониіе сильно преобладали. Въ общемъ, публнка держала себя, какъ всегда, спокойно и настроеніе ея стало приподнято и даже перешло въ возбужденное состояніе лишь при обсужденіи двухъ вопросовъ: школьнаго н медицннскаго.

По принятому въ новоторжскомъ земствѣ обычаю, при обсужденіи почти всѣхъ вопросовъ, принимали участіе съ совѣщательнымъ голосомъ земскіе служащіе: по школьному вопросу, въ виду многочисленности учительскаго персонала — его делегаты по его выбору; по медицинскому вопросу — всѣ безъ исключенія врачи. Когда собраніе перешло къ школьному вопросу, делегація учителей обратилась къ собранію съ заявленіемъ, — что учительскій персоналъ не признаетъ компетенціи собранія, въ которомъ гласные избраны не всѣмъ населеніемъ, а сословно, на основаніи цензовъ; что поэтому земское собраніе не соблюдаетъ интересовъ населенія и не можетъ почитаться уполномоченнымъ на какія либо рѣшенія или дѣйствія; что оно поэтому не можетъ и распоряжаться народными деньгами, собираемыми съ населенія. Въ виду этихъ соображеній, учительскій персоналъ считаетъ наиболѣе правильнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія — передачу ассигнуемыхъ по смѣтѣ суммъ на народное образованіе въ распоряженіе учительскаго персонала, который и представитъ отчетъ о расходованіи денегъ не цензовому земскому собранію, а непосредственно населенію, какъ настоящему хозяину уѣзда.

Я привожу это заявленіе по памяти, но за передачу дѣйствительнаго смысла этого удивительнаго «требованія» я беру на себя всю отвѣтственность. Нелѣпость этого заявленія меня нисколько не удивила, потому что для всѣхъ было ясно, что устами учителей къ земству обращается партія эсеровъ, преслѣдующая свои партійныя цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что она сама понимала, что такое требованіе нелѣпо, ибо никакое земское собраніе согласиться на него не могло, но надо было бросить зажигательную ракету въ осаждаемую крѣпость, и ракета была брошена. Но я былъ очень удивленъ, когда къ учительскому заявленію присоединились врачи, среди которыхъ были люди совершенно самостоятельные по своимъ воззрѣніямъ, знающіе и любящіе земское дѣло, понимающіе всю трудность той борьбы, которую оно вело съ самодержавнымъ режимомъ, и всю слабость той поддержки, на которую оно могло разсчитывать. Я былъ убѣжденъ, что врачи, какъ бы ни относились они къ революціонному соціализму, даже если они были его идейными сторонниками, ни въ какомъ случаѣ не поддадутся демагогіи, а тѣмъ болѣе такой безсмысленной. Врачебное дѣло въ Новоторжскомъ уѣздѣ было поставлено превосходно. Оно велось особой врачебной комиссіей, состоявшей изъ всѣхъ врачей, предсѣдателя и двухъ членовъ управы, двухъ делегатовъ отъ земскаго собранія и одного отъ города. Большинство голосовъ принадлежало врачамъ, но я не помню ни одного случая, чтобы голоса раздѣлились на голоса врачей и голоса членовъ земства и города. Врачи составляли смѣты своихъ больницъ, смѣты обсуждались въ комиссіи и утверждались ею, а затѣмъ каждый врачъ въ своей больницѣ былъ полнымъ хозяиномъ и давалъ отчетъ черезъ земство всему населенію о своей дѣятельности, благодаря безусловной гласности всей земской работы. Мы съ полнымъ убѣжденіемъ могли

разсчитывать на поддержку врачей, которые, не только въ нашемъ земствѣ, были за рѣдкими исключеніями, драгоцѣннѣйшимъ элементомъ земства, однимъ изъ самыхъ твердыхъ устоевъ мѣстнаго самоуправленія, которому они служили не изъ корысти и не за страхъ, а за совѣсть, по любви къ своей родинѣ, угнетенной и невѣжественной. Я не знаю и не берусь поэтому судить, какія соображенія заставили врачей поддерживать заявленіе учительскаго персонала, хотя они и не поддерживали ультиматнвнаго тона учителей.

Но я не считалъ возможнымъ оставить безъ отвѣта, безъ возраженія, слишкомъ явную демагогію, которая могла бы воспользоваться нашимъ молчаніемъ для повторенія такихъ выступленій. Въ своей рѣчи, я отмѣтилъ, что мы не сторонники закона, установившаго въ земствѣ несправедливую и вредную избирательную систему, по сословіямъ, предоставляя огромное преимущество дворянству. Мы не сторонники и того закона, который превратилъ выборъ отъ крестьянъ въ назначеніе ихъ гласныхъ губернаторомъ. Мы не только стоимъ за равенство правъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, но и боремся за такое равенство. Но мы знаемъ, что не такимъ средствомъ, какое намъ только-что предложили, можно достигнуть того, чего всѣ мы желаемъ, и потому не можемъ допустить, чтобы земство дало свое согласіе на передачу части своихъ обязанностей, возложенныхъ на насъ закономъ, учительской корпораціи. Что представляетъ изъ себя эта корпорація? Прежде всего она не представляетъ никакой самостоятельной группы, такъ какъ ея составъ зависитъ отъ земства и училищнаго совѣта, который утверждаетъ ищущихъ такой службы; земство содержитъ школу и приглашаетъ учителя, положеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ правительственной инспекціи и земства. Другими словами, этотъ составъ можетъ измѣняться волей не группы, а земства или инспекціи. Можетъ ли такая группа брать на себя какія нибудь отвѣтственныя полномочія? Конечно нѣтъ, ибо отвѣтственность можетъ быть дѣйствительной, только когда она гарантирована закономъ. Мы, земскіе гласные, избраны на основаніи хотя и далеко несовершеннаго закона, но все-же закона дѣйствующаго и не только предоставляющаго намъ право облагать населеніе налогомъ для общественныхъ цѣлей, но и возлагающаго на насъ всю отвѣтственность за правильное употребленіе народныхъ средствъ. Обладаніе такимъ правомъ и несеніе такой обязанности связаны и разрывать ихъ мы не можемъ даже въ томъ случаѣ, если бы учительская группа обладала большей самостоятельностью, чѣмъ въ настоящее время. Земскіе-же служащіе не суть представители народа и не могутъ говорить отъ имени населенія; они люди назначенные земской управой и могутъ быть уволены ею во всякое время; они не могутъ, не имѣютъ права предъявлять земскому собранію требованій отъ имени населенія точно такъ-же, какъ не имѣютъ ни юридическаго права, ни моральнаго брать на себя отвѣтственность передъ населеніемъ, отвѣтственность, которую они не могутъ ничѣмъ гарантировать.

Такова была сущность моего возраженія, на которое никто не отвѣтилъ и даже публика, явно настроенная противъ собранія, воздержалась отъ выраженія своего неодобренія, быть можетъ, потому что въ планъ ея вождей не входило продолженіе наступленія на земское собраніе. Послѣднее, если не ошибаюсь, единогласно отклонило требованіе учителей и инцидентъ былъ исчерпанъ. Такимъ образомъ, вопреки ожиданіямъ, очередное земское собраніе 1905 г. закончилось мирно. *)

* *
*

Въ послѣднихъ числахъ сентября, стали ходить слухи о всеобщей забастовкѣ. Долженъ признаться, что я мало довѣрялъ такому слуху. Мнѣ казалось, что къ этой панацеѣ нашего времени прибѣгаютъ не столько какъ къ реальному способу борьбы, сколько какъ къ угрозѣ и словесному разрѣшенію возникающаго конфликта за неимѣніемъ конкретныхъ средствъ, столь же убѣдительныхъ. Безспорно, революціоннымъ электричествомъ была пропитана вся атмосфера, и то здѣсь, то тамъ уже сверкала молнія и гремѣлъ громъ, но я продолжалъ думать, что для устройства всеобщей политической стачки, которая могла бы заставить правительство капитулировать, требуется рычагъ такой силы, какого у насъ нѣтъ, какъ нѣтъ общаго политическаго языка съ соціалистами, нѣтъ общаго чувства ненависти къ врагу и общаго довѣрія къ союзнику. Я понималъ стачку желѣзнодорожниковъ и фабричныхъ рабочихъ на экономической почвѣ, но всеобщую стачку ихъ на почвѣ политической, вмѣстѣ со стачкой несоціалистической я не считалъ вѣроятной. Однако, слухи продолжали расти, и въ одинъ прекрасный день мы, сидя у себя въ Машукѣ, въ 18-ти верстахъ отъ г. Торжка и отъ желѣзной дороги, остались безъ московской почты. Говорили, что въ Москвѣ уже началась общая забастовка. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что слухъ имѣлъ основаніе. Спустя день-другой точно также не было получено петербургской почты и забастовала Новоторжская жел. дорога, связывающая насъ какъ съ Москвой, такъ и съ Петербургомъ. Мы оказались отрѣзанными отъ всего міра и вмѣсто точныхъ свѣдѣній о событіяхъ дня могли питаться только слухами, какими-то путями проникавшими въ Торжокъ, куда поэтому мы ежедневно посылали «добывать языка» въ земской управѣ. Въ большинствѣ случаевъ, получаемыя свѣдѣнія не имѣли, или казались неимѣющими даже подо-

---

*) Впечатлѣніе отъ внѣшне спокойной, но страстно убѣжденной рѣчи Ивана Ильича было огромное; во время ея произнесенія все затихло, все замолкло. Эта рѣчь несомнѣнно произвела переломъ въ настроеніи присутствующихъ. И надо думать, что «вожди» отказались отъ дальнѣйшаго проведенія своего плана не потому, что оно не входило въ ихъ намѣренія, а потому, что они поняли, что послѣ рѣчи Ивана Ильича и произведеннаго ею сильнаго впечатлѣнія, они уже не могли расчитывать на успѣхъ своего замысла.

Прим. А. С. Петрункевичъ.

бія истины или вѣроятія. Въ числѣ такихъ казавшихся невѣроятными слуховъ, появилось извѣстіе о «черной сотнѣ», устраивающей погромы. По установившимся примѣрамъ первое объясненіе, пришедшее на умъ, говорило о еврейскомъ погромѣ. Но въ Тверской губерніи проживало такъ мало евреевъ, что юдофобія была распространена главнымъ образомъ среди чиновничества, дворянства и отчасти купечества, а потому едва ли могла превратиться въ погромъ, даже при поощреніи полиціи, послѣ воспоминаній о Кишнневской банѣ, устроенной Плеве, и изданія маиифеста 6-го августа. Вспомнились и недавніе погромы помѣщичьихъ усадебъ въ малоземельныхъ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, гдѣ крестьянство жгло и разоряло помѣщичьи усадьбы, добиваясь перехода частновладѣльческой землн въ рукн крестьянъ. Въ Тверской н въ ближайшихъ къ ней губерніяхъ аграрныхъ движеній не было, и едва-ли они могли возникнуть такъ неожнданно. Эти соображенія, казалось, совершенно разрушали слухъ о погромахъ и особенно подтвердилась вся невозможность ихъ 18 октября 1905 г., когда мы получили около двухъ часовъ дня изъ Москвы отъ нашего близкаго друга В. И. Вернадскаго, профессора Московскаго университета, срочную телеграмму, кратко извѣщающую, что «въ Петербургѣ провозглашена царскимъ манифестомъ конституція». Извѣстіе это произвело на насъ потрясающее впечатлѣніе. Если бы телеграмма не была подписана В. И. Вернадскимъ, нашимъ единомышленникомъ, каждому слову котораго я безусловно довѣрялъ, я принялъ бы это извѣстіе за утку; до такой степени оно было иеожиданно для меня. Вечеромъ въ тотъ-же день, мы получили отъ С. В. Паниной такую-же телеграмму изъ Петербурга, подтверждающую величайшее событіе: паденіе автократіи и рожденіе конституціоннаго строя въ Россіи. Мечта нѣсколькихъ поколѣній превратилась въ дѣйствительность. Россія отнынѣ будетъ конституціоннымъ, т. е. правовымъ и свободнымъ государствомъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія завершены въ 1905 году не свободнымъ рѣшеніемъ царя, а настойчивой борьбой народа. Всего-лн народа, и гарантируетъ-ли такое происхожденіе конституціи ея прочность? Такой вопросъ невольно возникалъ въ сознаніи, но мнѣ не хотѣлось давать мѣста никакому скептицизму и хотѣлось вѣрить, что исторія совершила великій шагъ впередъ и свое движеніе не можетъ обратить наэадъ. Я хотѣлъ вѣрить, что то, что сдѣлано, — уже не можетъ быть ни вэято назадъ, ни разрушено безъ остатка.

Мнѣ хотѣлось немедленно подѣлиться этой радостью со всѣми служащими въ нашей усадьбѣ, которые такъ или иначе, сознательно или беэсознательно, будутъ отнынѣ пользоваться всѣми благами конституціи, и поздравить ихъ, какъ русскихъ гражданъ, съ наступленіемъ новаго государственнаго порядка, основаннаго на равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Всѣ служащіе и прислуга собрались въ нашемъ домѣ и я старался разъяснить имъ, что случилось въ нашемъ государствѣ, что такое конституція и какія послѣдствія для каждаго изъ насъ

и для всѣхъ насъ вмѣстѣ она приноситъ. Глядя на лица моихъ слушателей, мнѣ казалось, что они ожидали выгодъ болѣе осязаемыхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ можно ожидать отъ конституціи и новаго порядка. Среди служащихъ былъ, однако, одинъ монтеръ, завѣдывавшій паровымъ водоснабженіемъ всей усадьбы и небольшимъ маслобойнымъ заводомъ, знавшій, что такое конституція, но въ томъ нѣсколько извращенномъ видѣ, который ему былъ извѣстенъ изъ изложенія ученія соціалистовъ-демократовъ. Онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я ему отвѣчалъ, и мнѣ показалось, что онъ былъ удовлетворенъ моими отвѣтами, такъ какъ, уходя, онъ пожалъ мнѣ руку такъ привѣтливо, какъ годомъ раньше, въ ноябрѣ 1904 г., онъ привѣтствовалъ меня, по возвращеніи моемъ въ Машукъ, послѣ изгнанія, которому подвергъ меня Плеве. Повидимому, благодаря нашимъ дѣловымъ отношеніямъ, различіе нашихъ воззрѣній не мѣшало намъ въ общемъ довѣрять другъ другу, хотя въ глубинѣ души, можетъ быть, въ его пролетарскихъ глазахъ я былъ все же «капиталистъ» и слѣдовательно, «эксплуататоръ». Это было его данью партіи эсдековъ, если онъ къ ней принадлежалъ. *)

* * *

Не прошло, однако, и двухъ дней послѣ провозглашенія конституціи и моей бесѣды о ея гарантіяхъ съ русскими гражданами, какъ слухъ о погромѣ въ Твери получилъ полное подтвержденіе. Изъ Твери возвратились въ Торжокъ земскіе врачи и другіе земскіе служащіе Новоторжскаго уѣзда, бывшіе не только свидѣтелями этого погрома, но и его жертвами. Старшій врачъ новоторжской земской больницы Авадій Давыдовичъ Бирштейнъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, умный и талантливый хирургъ, добросовѣстнѣйшій общественный дѣятель — вернулся изъ Твери съ забинтованной головой, и едва спасся отъ смерти, получивъ нѣсколько ударовъ по головѣ. Членъ губернской земской управы, Александръ Семеновичъ Медвѣдевъ, спасая одну изъ служащихъ въ земствѣ, былъ подвергнутъ избіенію палками до потери сознанія и если не былъ убитъ, то лишь благодаря солдатамъ, выбѣжавшимъ изъ своихъ казармъ, передъ окнами которыхъ былъ настигнутъ погромщиками Медвѣдевъ. Спустя много дней я видѣлъ А. С. тоже съ забинтованной головой. Можно думать, что и его скоропостижная смерть была послѣдствіемъ полученныхъ имъ побоевъ во время погрома. Вообще пострадавшихъ было много, но этотъ погромъ

*) Рѣдко кто, въ такой мѣрѣ, какъ Иванъ Ильичъ, умѣлъ привлекать къ себѣ симпатіи и довѣріе людей, даже не близкихъ, даже враговъ. Онъ умѣлъ добрыми и умными глазами въ каждомъ разглядѣть, понять и оцѣнить человѣка. Это-то и привлекало къ нему людей. Думается, что именно этимъ свойствомъ Ивана Ильича, а не формальнымъ сближеніемъ на почвѣ дѣловыхъ отношеній объясняется и доброе чувство монтера по отношенію къ Ивану Ильичу, поборовшее классовыя предубѣжденія. Примѣч. А. С. Петрункевичъ.

нмѣлъ своимъ послѣдствіемъ убійство, если не устроителя его, то во всякомъ случаѣ его покровителя. Спустя пять месѣцевъ, былъ убитъ ручной бомбой тверской губернаторъ Слѣпцовъ, не только не принявшій никакихъ мѣръ противъ погрома, но своимъ появленіемъ среди погромщиковъ и пассивнымъ отношеніемъ къ тому, что происходило на его глазахъ, поощрившій преступное дѣло.

Само собою разумѣется, что никакого слѣдствія по этому дѣлу произведено не было, не смотря на то, что я вмѣстѣ съ предсѣдателемъ тверской губернской управы, В. Д. фонъ-Деринзомъ, и членомъ управы, Н. К. Милюковымъ, посѣтилъ графа Витте, въ то время премьера перваго «конституціоннаго» министерства, и разсказалъ ему все дѣло какъ было и обратилъ его вниманіе на роль, сыгранную въ этомъ дѣлѣ губернаторомъ Слѣпцовымъ. Въ заключеніе, я просилъ его немедленно уволить губернатора, допустившаго погромъ, который былъ угрозой для жизни многихъ людей, не совершившихъ никакого преступленія или даже проступка. Витте выслушалъ нашъ разсказъ и согласился, что губернаторъ дѣйствительно скомпрометтированъ въ глазахъ какъ общества, такъ и правительства, которое въ настоящее время преслѣдуетъ цѣли, совершенно противоположныя политикѣ Плеве и его послѣдователей. Въ виду этого, онъ тутъ-же написалъ письмо къ Петру Николаевичу Дурново, занимавшему мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, и просилъ его немедленно устранить отъ дѣлъ губернатора Слѣпцова. Письмо это вручилъ мнѣ незапечатаннымъ и поручилъ передать его безотлагательно Дурново. Если не ошибаюсь, всѣ мы трое отправились къ Дурново прямо съ квартиры Витте и тотчасъ были приняты. Мы снова изложили все дѣло и я передалъ Дурново письмо Витте. Дурново прочиталъ письмо и сказалъ, видимо недовольный: «дѣло будетъ разсмотрѣно». Тѣмъ не менѣе, ничего не было измѣнено и Слѣпцовъ продолжалъ управлять губерніей до того дня, когда въ мартѣ 1906 года, открывъ экстренное губернское земское собраніе, покинулъ его и пѣшкомъ направился изъ дома дворянства въ губернаторскій домъ. На этомъ очень близкомъ разстояніи онъ и былъ убитъ ручной гранатой, разрывъ которой былъ слышенъ въ залѣ, гдѣ происходило засѣданіе земства. Министръ П. Н. Дурново, аттестованный раньше императоромъ Александромъ III-мъ титуломъ мерзавца, заставилъ, такимъ образомъ, Слѣпцова заплатить своей жизнью за то преступленіе, которое было совершено имъ въ защиту стараго режима.

Такимъ образомъ, вся исторія тверского погрома едва-ли сохранила слѣды какого-бы то ни было офиціальнаго разслѣдованія, такъ какъ центральная власть въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ покрыла, какъ организаторовъ, такъ и исполнителей погрома своимъ непроницаемымъ покровомъ. Остается надѣяться, что кто-нибудь изъ пострадавшихъ запишетъ свои воспоминанія объ этомъ событіи и передастъ ихъ потомству. Однако, возможно, что непосредственнаго свидѣтельства отъ жертвъ погрома не окажется, поэтому я считаю нужнымъ за-

нести въ свою лѣтопись со всевозможной точностью только то, что я слыхалъ отъ нѣсколькихъ пострадавшихъ лицъ: предсѣдателя тверской губ. земской управы В. Д. фонъ-Дервиза, членовъ управы Н. К. Милюкова и А. С. Медвѣдева, доктора А. Д. Бирштейна и другихъ.

Какъ я уже раньше сказалъ, ноябрьскій съѣздъ 1904 года далъ сильный толчекъ начавшемуся общественному движенію, и съ самаго начала 1905 года съ каждымъ мѣсяцемъ это движеніе видимо росло, какъ въ ширину, такъ и въ глубину, захватывая самые разнообразные общественные круги. Усиленный и быстрый темпъ освободительнаго движенія вызвалъ въ средѣ бюрократіи, какъ центральной, такъ и мѣстной, а также въ реакціонныхъ кругахъ чиновничества, дворянства, земства, духовенства и горожанъ опасенія за свое привилегированное положеніе въ виду все болѣе очевидной слабости правительственной власти, неспособной подавить роковое для нихъ движеніе. На этой почвѣ, начала возникать во всѣхъ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ организація «черной сотни», опиравшейся повсемѣстно на самые темные и даже преступные отбросы населенія. Въ Твери, во главѣ «черной сотни», по общему мнѣнію, стоялъ мѣстный вице-губернаторъ, кажется по фамиліи Хитрово, около котораго сгруппировались всѣ цѣплявшіеся за разлагавшійся старый режимъ. Къ ихъ услугамъ была явная и тайная полиція, сыщики, шпіоны и провокаторы, повсюду нюхавшіе, собиравшіе все отребье по кабакамъ и всякимъ притонамъ, всѣмъ все обѣщавшіе и кому нужно платившіе. Такимъ образомъ, «черной сотнѣ» сдѣлалось извѣстно, что 18 октября вечеромъ, если не ошибаюсь, было назначено собраніе всѣхъ служащихъ въ мѣстномъ земствѣ, губернскомъ и уѣздномъ, въ помѣщеніи губернской земской управы, въ ея собственномъ домѣ, въ центрѣ города на Почтовой площади. Едва ли какое либо учрежденіе въ Твери пользовалось среди реакціонныхъ элементовъ большей ненавистью, чѣмъ земство. Оно вело самую упорную войну со старымъ режимомъ, гдѣ бы и въ чемъ бы онъ ни проявлялся. Поэтому, противники земства рѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ и сокрушить земство со всѣми его сотрудниками однимъ ударомъ и тѣмъ уничтожить окончательно гнѣздо наиболѣе опасныхъ враговъ. Только такимъ планомъ можно объяснить тотъ способъ дѣйствій, который былъ употребленъ противъ собравшихся въ губернской земской управѣ. По данному сигналу, когда собраніе было уже въ полномъ составѣ, къ зданію съ разныхъ концовъ города собрались въ большомъ числѣ всякаго рода хулиганы, полиція и отрядъ конныхъ драгуновъ, занявшихъ площадь такъ, чтобы не допускать къ дому управы никакой посторонней помощи. Двухэтажный каменный домъ управы имѣлъ только два выхода: парадный — на площадь и черный — въ маленькій дворъ. Послѣдній выходъ былъ немедленно занятъ погромщиками и такимъ образомъ оставался только одинъ выходъ — на площадь. Собраніе служащихъ происходило въ верхнемъ этажѣ, откуда было видно все, что дѣлалось на площади. Поэтому, какъ появ-

леніе хулигановъ, поддерживаемыхъ полиціей, такъ и появленіе драгуновъ было тотчасъ замѣчено. Кто-то изъ присутствующихъ спустился по другой лѣстницѣ къ черному выходу, но убѣдился, что выходъ уже занятъ. Между тѣмъ погромщики открыли парадную дверь и, вѣроятно, опасаясь встрѣтить отчаянное сопротивленіе въ верхнемъ этажѣ, стали вносить въ обширныя сѣни дрова, и подожгли ихъ, т. е. рѣшили сжечь живьемъ всѣхъ собравшихся въ домѣ. Ни полиція, ни драгуны не мѣшали погромщикамъ не только сжечь въ центрѣ города домъ, но и нѣсколько десятковъ людей, находившихся въ иемъ. Они охраняли преступниковъ, чтобы никто не помѣшалъ имъ совершить свое варварское преступленіе. На площади стали появляться публика, зрители, нѣкоторые обращались къ полиціи и къ войскамъ, убѣждая нхъ остановить преступленіе, но и полнція и войска приглашали зрителей уходить и не мѣшаться не въ свое дѣло. Появился на площади и губернаторъ Слѣпцовъ, но ие счелъ иужнымъ проявить свою власть и скрылся. Между тѣмъ, собравшіеся земцы обсуждали, что дѣлать, гдѣ нскать спасенія. Всѣ они понимали, что они обречены на самую ужасную смерть, такъ какъ дымъ отъ разгоравшихся дровъ въ вестибюлѣ уже достигалъ верхняго этажа. Тогда было предложено выходить, пока лѣстница сопротивляется огню, въ которомъ погибнутъ всѣ, тогда какъ, вырвавшіеся изъ горящаго зданія, могутъ еще надѣяться избѣжать гибели. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ольденбургъ, воспитатель въ женской учительской семинаріи имени Максимовича, предложилъ выйти первымъ; толпа остальныхъ осажденныхъ бросилась за нимъ къ выходу. Ольденбургъ, первый открывшій наружныя двери, былъ встрѣченъ ударами палокъ погромщиковъ, но иеожиданность появленія осажденныхъ и быстрота, съ которой былъ сдѣланъ прорывъ сквозь толпу погромщиковъ, спасли ихъ отъ гнбелн, хотя многіе изъ нихъ были жестоко избиты, а нѣкоторые изъ пострадавшнхъ не избѣжали преждевременной смерти, какъ напр. А. С. Медвѣдевъ, умершій скоропостижно, спустя нѣкоторое время, въ цвѣтущемъ возрастѣ и полный силъ.

Волна такихъ погромовъ пронеслась по всей Россіи, но въ Тверской губерніи, кажется, только въ одномъ г. Калязинѣ приняла серьезный характеръ и была предметомъ запроса въ первой Государственной Думѣ. Погромное движеиіе перевалило и за Уралъ, въ Сибирь, гдѣ Томскій губернаторъ Всев. Ник. АзанчеевъАзанчевскій, другъ и соратннкъ Штюрмера, бывшій корчевскій уѣздный предводитель дворянства н гласный тверского губ. земства, повторилъ погромъ по тверскому способу, но еще болѣе жестоко. Въ Томскѣ толпа погромщиковъ также подожгла зданіе, въ которомъ происходило собраніе, а губернаторъ Азанчевскій запретилъ водокачкѣ подавать воду пожарнымъ, гасившимъ пожаръ. Въ огнѣ погибло много жертвъ этого варварства.

Тверской погромъ не могъ не вызвать въ населеніи появленія множества слуховъ и опасеній, болѣе или менѣе иеосновательныхъ. Наша

усадьба — Машукъ, расположенная не ближе версты отъ деревни, могла рисковать только поджогомъ со стороны «черной сотни». Поэтому, мы ограничились единственной мѣрой предосторожности: усилили ночной надзоръ за отдаленными хозяйственными постройками. Притомъ, мы не сомнѣвались, что со стороны крестьянъ сосѣднихъ деревень мы не могли ожидать никакихъ аггрессивныхъ дѣйствій. Но оставаться въ Машукѣ послѣ объявленія манифеста мы не могли, такъ какъ событія въ Петербургѣ были слишкомъ важны, чтобы выждать въ своемъ захолустьѣ послѣдствій такого акта, какъ провозглашеніе конституции и, слѣдовательно, измѣненія всего строя Россіи, т. е. того, чего всѣ мы добивались съ такой настойчивостью. Словомъ, мы съ женой, рѣшили немедленно ѣхать въ Петербургъ. Но какъ ѣхать, когда Николаевская дорога и подъѣздной къ ней путь — Новоторжская ж. дорога, не перевозятъ ни пассажировъ, ни товаровъ вслѣдствіе всеобщей забастовки? Мы знали, что, не смотря на забастовку, по временамъ проходятъ поѣзда. Но какъ попасть на нихъ? Послѣ разныхъ соображеній, мы пришли къ заключенію, что наиболѣе шансовъ попасть въ Петербургъ представляетъ путь черезъ Вышній-Волочекъ, находящійся въ 50 верстахъ отъ Машука, притомъ, за исключеніемъ переправы черезъ Тверцу и трехъ верстъ скверной проселочной дороги, весь остальной путь по шоссе не представлялъ никакихъ препятствій, принимая во вниманіе, что мы выѣзжали 21 или 23 октября, когда дороги почти не проѣздны. Добравшись до Вышняго-Волочка, мы могли тамъ выждать поѣзда съ увѣренностью, что такъ или иначе мы проберемся. Покидая Машукъ, мы не думали, что покидаемъ его, въ сущности, навсегда, ибо возвратились мы въ него въ мартѣ слѣдующаго года на самое короткое время, только на выборы выборщиковъ въ Государственную Думу. Еслибы мы съ женой предполагали возможность совсѣмъ покинуть Машукъ, мы уѣзжали бы съ горькимъ чувствомъ разрыва съ цѣлымъ періодомъ нашей счастливой жизни въ Машукѣ, созданномъ нами заново на пустырѣ такой разрушенной усадьбы, которую мы полюбили, какъ только можно любить свое собственное созданіе; гдѣ завязали связи съ окружавшими насъ людьми самаго разнообразнаго положенія и искренно полюбили ихъ и сроднились съ ними...

Захвативъ съ собой самый необходимый дорожный багажъ, мы переправились на маленькомъ и небезопасномъ паромѣ у сосѣдней мельницы черезъ Тверцу и скоро выѣхали на Петербургское шоссе, идущее черезъ Выдропужскъ, послѣднее селеніе Новоторжскаго уѣзда, гдѣ снова переѣхали по хорошему мосту черезъ Тверцу. Въ Вышній-Волочекъ мы прибыли, когда было уже совершенно темно и проѣхали прямо на вокзалъ Никол. ж. дороги, чтобы немедленно навести справки о случайныхъ поѣздахъ и установить связь съ дорогой, послѣ чего возвратиться въ городъ, въ гостиницу, гдѣ ождать «случая». Жел. дорожный вокзалъ, прежде всегда шумный и ярко освѣщенный, теперь тонулъ въ темнотѣ и тишинѣ. Кое-гдѣ мерцали керосиновыя лампы на

большомъ разстояніи одна отъ другой. Не видно было ни одной души. Побродивъ по станціи, я, наконецъ, наткнулся на какого-то человѣка, въ которомъ призналъ желѣзнодорожника и просилъ указать мнѣ помѣщеніе начальника станціи. По его указанію, я постучался въ дверь. Голосъ изнутри что-то отвѣтилъ, и я вошелъ въ комнату начальника. Я разсказалъ ему, что въ виду обнародованнаго манифеста, я спѣшу въ Петербургъ вмѣстѣ съ моей женой и надѣюсь, что онъ не откажетъ устроить насъ въ какой-нибудь случайный или служебный поѣздъ, идущій на Петербургъ. Мы разговорились; онъ охотно согласился помочь намъ, но тутъ-же добавилъ, что можетъ посадить насъ въ поѣздъ, но поручиться, что мы доѣдемъ до Петербурга, онъ не можетъ, т. к. поѣзда идутъ неправильно, и можетъ случиться, что на какой нибудь станціи насъ высадятъ. Пока мы такъ разговаривали, издали донесся грохотъ поѣзда, идущаго со стороны Москвы. Начальникъ предупредилъ меня, что идетъ служебный поѣздъ и, если намъ угодно, онъ насъ въ него посадитъ. Поѣздъ уже подходилъ къ станціи. Ни минуты не задумываясь, я принялъ его предложеніе и мы съ женой заняли мѣста въ пустомъ и неосвѣщенномъ вагонѣ 3-го класса. Вагонъ былъ холодный, но мы были ему очень рады, надѣясь, что доберемся до Петербурга. Поѣздъ долго не двигался, но, наконецъ, тронулся. Жена и я очень устали отъ дороги, и закутавшись въ пледы, уснули. Проснулись мы, когда уже былъ день. Ночью насъ никто не безпокоилъ, поѣздъ шелъ обычнымъ ходомъ, останавливаясь на короткое время на станціяхъ; еще засвѣтло мы пріѣхали въ Петербургъ. Болѣе удачнаго переѣзда мы не могли и представить себѣ. Въ Петербургѣ мы временно устроились у Софьи Владиміровны въ ея домѣ, въ которомъ она тогда жила, на Фонтанкѣ. Началась новая жизнь въ вихрѣ событій, предшествовавшихъ открытію Первой Государственной Думы.

ГЛАВА XX.

Нашъ переѣздъ въ Петербургъ послѣ Манифеста. — Значеніе Манифеста 17 октября. — Волненіе крестьянъ. — Японская война. — С. Ю. Витте. — Его карьера. — Революція въ Россіи. — Исторія Манифеста 17 октября 1905 г. — Неисполненіе 3-го пункта Манифеста. — Полная неудача образованія мнимаго «конституціоннаго» министерства. — Бесѣда съ Витте.

Общественное настроеніе, найденное нами въ Петербургѣ спустя 5-6 дней послѣ обнародованія Манифеста 17-го октября, было совсѣмъ непохоже на настроеніе, какое мы видѣли въ іюнѣ того-же 1905-го года, когда прибыли въ составѣ земской делегаціи настаивать непосредственно передъ царемъ на необходимости реформы россійскаго государственнаго порядка, говоря точнѣе, дарованія Россіи конституціи въ замѣну стародавняго царскаго самодержавія. Въ іюнѣ только немногіе общественные круги интересовались нашей миссіей и результатами петергофскаго пріема. Только въ редакціяхъ газетъ происходило нѣкоторое возбужденіе, но въ лѣтніе мѣсяцы и редакціи газетъ наполовину пусты и весьма умѣренно проявляютъ свою энергію.

Теперь же, въ концѣ октября, столица имперіи гудѣла какъ огромный пчельникъ въ знойный лѣтній день, и вся атмосфера города была пропитана революціоннымъ броженіемъ. Всевозможныя собранія, засѣданія, митинги утромъ и вечеромъ, биткомъ набитые залы, страстныя рѣчи ораторовъ, самочинно возникающія газеты, печатные листки, брошюры, иллюстрированные и каррикатурные журнальчики, выкрашенные въ яркіе красные цвѣта. Цензура печати бездѣйствуетъ, полиція необыкновенно предупредительна и вѣжлива, точно англійскіе «bobby». Ничего подобнаго раньше Россія никогда не переживала, не смотря на смуты и перевороты предшествовавшихъ вѣковъ. Двадцатый вѣкъ и европейская культура наложили свою печать на русскую жизнь и подчинили ее своему вліянію.

Временно мы устроились на Фонтанкѣ въ домѣ гр. С. В. Паниной, и каждое утро прислуга, по собственному почину, доставляла намъ пачку новыхъ газетъ и иллюстрированныхъ журналовъ, въ которыхъ главное мѣсто занимали каррикатуры, изображавшія политическихъ и общественныхъ дѣятелей. Газеты давали отчеты о собраніяхъ и митингахъ, происходившихъ наканунѣ, сообщали о назначенныхъ на сегодня и были переполнены статьями преимущественно радикальнаго и революціоннаго содержанія. Россія, какъ могучая рѣка, скованная крѣпкимъ льдомъ, теперь подъ лучами весенняго солнца сломала ледъ, и освобожденная масса разлилась во всѣ стороны, не встрѣчая нигдѣ и ни въ чемъ препятствія.

Манифестъ 17-го октября означалъ капитуляцію царскаго самодержавія, побѣду надъ рабствомъ, права надъ произволомъ т. е. всего того, о чемъ пять поколѣній русскихъ чуткихъ людей не только мечтало,

но ради чего приносило столько жертвъ, наполняя собою тюрьмы, идя въ ссылку, умирая на каторгѣ или на висѣлицѣ, и своими жертвами передавало грядущимъ поколѣніямъ завѣтъ, рано или поздно, осуществить ихъ вѣру и превратить Россію въ страну свободы, права и европейской культуры.

Всѣ чувствовали, что этотъ часъ насталъ, когда испуганное и растерянное правительство, если не «ушло совсѣмъ», то замерло и всѣ органы власти не проявляли никакихъ признаковъ своего существованія. Произошелъ почти полный параличъ въ управленіи государственнымъ кораблемъ. Царь со всей своей семьей покинулъ свою обычную резиденцію и переселился въ Петергофъ, какъ единственный открытый путь сношенія съ министрами, такъ какъ всѣ другіе пути были отрѣзаны всеобщей забастовкой. Въ обществѣ открыто говорили, что царь переселился въ Петергофъ въ виду возможности такого положенія, когда придется искать спасенія въ бѣгствѣ заграницу. Ходили слухи, что между Петергофомъ и Берлиномъ установлены сношенія моремъ, для чего служатъ германскія миноноски, поддерживающія непрерывную связь по линіи Петергофъ — Киль. Повидимому, слухъ этотъ былъ неоснователенъ, но онъ возникъ вѣроятно изъ того, что Манифестъ 17-го октября явился не актомъ доброй воли, а вынужденной капитуляціей власти, оказавшейся безсильной даже передъ безоружной и почти неорганизованной интеллигенціей и желѣзно-дорожной забастовкой.

Изъ всѣхъ государствъ Европы одна Россія удержала до XX-го вѣка свой отжившій государственный строй, сохранявшій наружную силу и прочность, но въ дѣйствительности внутренно прогнившій сверху до низу и обнаруживавшій свою неизлѣчимую болѣзнь въ моменты внѣшнихъ столкновеній, которыя заканчивались не только военными пораженіями, какъ въ Крыму и въ Японіи, но и дипломатическими, какъ берлинскій трактатъ. Даже въ періодъ великихъ реформъ, слѣдовавшихъ за крымскимъ пораженіемъ, реформы не коснулись самаго корня россійскаго неустройства — царскаго самодержавія, которое продолжало ревниво охранять свою ничѣмъ несдерживаемую и безотвѣтственную волю. Только въ зависимости отъ этого, реформы шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія не дали тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нихъ можно было ожидать. Самодержавіе, какъ безсмѣнная диктатура, не допускало никакихъ уступокъ и противорѣчій верховной волѣ и потому лишено было необходимой гибкости и приспособленія къ измѣняющимся условіямъ и духу времени. По существу оно оставалось въ XX-мъ вѣкѣ тѣмъ-же, чѣмъ оно было въ XVI или въ XVII вѣкахъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка оно управляло Россіей, — по выраженію императора Павла, — съ помощью «ста тысячъ даровыхъ полиціймейстеровъ», а во второй половинѣ того же вѣка, когда даровые полиціймейстеры исчезли послѣ освобожденья крестьянъ, стало управлять съ помощью министровъ, которые почитали за великую честь быть ничѣмъ инымъ, какъ «прикащиками» своего государя. Такъ поучалъ са-

мый умиый изъ министровъ, гр. С. Ю. Витте, одиого изъ своихъ просвѣщеиныхъ подчииеиныхъ. *) Очевидно, положеніе исполиителей царской воли вовсе ие повысилось сообразио съ духомъ времеии, а поиизилось до того, что, въ 1905 году, самымъ вліятельиымъ и приближеиымъ къ императору лицомъ былъ генералъ Д. Ф. Треповъ, «вахмистръ по воспитаиію и погромщикъ по убѣждеиіямъ», какъ характеризовалъ его съ парламеитской трибуиы депутатъ первой Государствеиной Думы, ки. С. Д. Урусовъ. Десять лѣтъ поздиѣе иравствеииый и умствеииый уровеиь дворцовыхъ «прикащиковъ» палъ такъ иизко, что политическая и соціальиая катастрофа стаиовилась иеизбѣжиой.

Въ самомъ началѣ XX-го вѣка иеожнданио вспыхиуло въ южиыхъ и юго-восточиыхъ губериіяхъ крестьяиское движеиіе, озиамеиовавшееся сожжеиіемъ помѣщичьихъ усадебъ и истреблеиіемъ чистокровиыхъ коииыхъ и скотиыхъ заводовъ, а также тоикоруииыхъ овечьихъ стадъ. Движеиіе это было подавлеио съ безпощадиой жестокостью, ио по существу оио было, такъ сказать, загиаио виутрь, тлѣющій подъ развалииами огоиь ие былъ погашеиъ и должеиъ былъ вспыхиуть при первомъ же удобиомъ случаѣ. Правительство считало себя достаточио сильиымъ, чтобы справиться съ крестьяиской вспышкой, и ие считало иужиымъ предприиимать мѣры экоиомическаго характера, чтобы предупредить возможиость уже ие иовыхъ вспышекъ, а соціальиой революціи, возможиости которой правительство и ие подозрѣвало, не смотря иа широкое распространеиіе среди иародиой массы соціалистической пропагаиды. По миѣиію иаиболѣе вліятельиаго мииистра того времеии, Плеве, здравая политика требовала закрытія только что образоваиныхъ комитетовъ о сельско-хозяйствеииой промышлеииости и «малеиькой побѣдоиосиой войиы», хотя бы съ Япоиіей, о которой располагало самыми поверхиостиыми свѣдѣиіями. Такъ и сдѣлали: комитеты были распущеиы и войиа «макакамъ» была объявлена, въ полиой увѣреииости, что мобилизація арміи освободитъ деревию отъ иаиболѣе безпокойиыхъ элемеитовъ крестьяиства, а побѣда иа воеииомъ фроитѣ прииесетъ придвориой камарильѣ, съ великимъ кияземъ Александромъ Михайловичемъ во главѣ, богатѣйшія коицессіи въ Кореѣ.

Увы! Побѣдоиосиая войиа досталась иа долю ие Россіи, а Япоиіи: мы потерпѣли иа морѣ и иа сушѣ полиое и позориое поражеиіе. Наша армія была ие только разгромлеиа, но и деморализоваиа окоичательио. Ея отступлеиіе иа родииу представляло картииу падеиія дисциплииы и полиой распущеииости толпы вооружеииыхъ людей. Въ такомъ видѣ солдаты возвращались въ деревии, въ свои семьи, гдѣ ихъ ждало все иаселеиіе съ иебывалымъ раиьше иетерпѣиіемъ. Въ иастроеиіи крестьяиства ие замѣчалось успокоеиія, и авторитетъ власти падалъ все ииже и ииже. Войиа ие могла долѣе продолжаться и заключеиіе мира съ Япоиіей стаиовилось дѣломъ иеобходимости. Одиако, заключеиіе мира,

*) «Самодержавіе и Земство»,. 2-ое изд. редакц. «Освобождевія». Stuttgart, 1903.

послѣ такого пораженія арміи и уничтоженія всего флота, было дѣломъ нелегкимъ, и тѣмъ труднѣе, что среди нашей дипломатіи не оказалось ни одного человѣка, обладавшаго тѣми качествами, которыя необходимы для выполненія столь важной и трудной задачи, какъ заключеніе мира послѣ проигранной такимъ образомъ войны, въ которой инціатива всецѣло принадлежала Россіи. Послѣ неудачныхъ попытокъ царя найти среди своихъ дипломатовъ подходящаго посла, пришлось обратиться къ Витте, пребывавшему въ «почетной отставкѣ».

Придворно-наслѣдственная высшая бюрократическая среда не благоволила къ Витте и считала его «выскочкой», сдѣлавшимъ при императорѣ Александрѣ III необычную служебную карьеру. Начавъ съ частной службы въ Обществѣ юго-западныхъ жел. дорогъ подъ руководствомъ управляющаго Вышнеградскаго, назначеннаго послѣ ухода министра финансовъ Бунге на его мѣсто, Витте, съ помощью Вышнеградскаго, очень скоро получилъ назначеніе на постъ министра путей сообщенія, а черезъ годъ замѣнилъ своего покровителя въ управленіи министерствомъ финансовъ. По своему практическому уму и своей дѣловитости, Витте былъ значительно выше той среды, въ которую онъ вступилъ, и скоро понялъ, что не можетъ положиться на содѣйствіе своихъ новыхъ друзей и долженъ разсчитывать исключительно на самого императора, тупого и крайне ограниченнаго деспота. Витте немедленно сталъ величайшимъ почитателемъ самодержавія, какъ государственной формы управленія, и лично Александра III-го, какъ идеальнаго самодержца. При такихъ условіяхъ, Витте быстро пріобрѣлъ довѣріе царя и не нуждался въ особомъ довѣріи придворной камарильи.

Смерть Александра III и вступленіе на престолъ императора Николая II-го, казалось, не измѣнили положенія Витте, какъ министра финансовъ, но отношеніе новаго императора къ Витте постепенно измѣнялось подъ вліяніемъ той же самой дворцовой челяди, которая по духу, по вкусамъ и интересамъ была ближе къ безвольному и ничтожному наслѣднику Александра III-го. Повидимому, этой перемѣны Витте не замѣчалъ, и настойчиво и рѣшительно продолжалъ проводить задуманныя его предшественниками Бунге и Вышнеградскимъ важныя финансовыя реформы, — какъ-то: государственную монополію спиртныхъ напитковъ, уменьшеніе выкупныхъ платежей, введеніе золотой валюты, и постройку сибирской жел. дороги; онъ ввелъ централизацію не столько финансоваго управленія, сколько не остановился передъ попыткой упраздненія мѣстнаго самоуправленія, въ виду несовмѣстности его съ самодержавіемъ. Только послѣ появленія у власти въ качествѣ мин. внутр. дѣлъ Плеве, его открытаго врага, Витте почувствовалъ всю непрочность своего положенія, когда Плеве удалось получить высочайшее повелѣніе о закрытіи «Комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», созданныхъ по инціативѣ Витте въ 1902 году, въ виду успокоенія крестьянскихъ волненій. Въ слѣдующемъ 1903-мъ году, 16 августа, безъ всякаго достаточнаго повода и безъ всякаго пре-

дурежденія было приказано, лично Николаемъ II-мъ, передать управленіе министерствомъ финансовъ директору гос. банка, Плеске, а Витте поручалось предсѣдательствовать въ Комитетѣ министровъ — должность, имъ самимъ почитаемая за «почетную отставку».

Обращеніе царя къ Витте съ просьбой отправиться въ Америку для заключенія мира съ Японіей чрезвычайно польстило честолюбію Витте *) . . . .

. . . .

. . . .

Никогда раньше Витте не принималъ участія въ какихъ либо дипломатическихъ дѣлахъ и тѣмъ болѣе въ такихъ трудныхъ переговорахъ, какъ заключеніе мира. Но честолюбіе взяло верхъ, и не смотря на всю важность назрѣвавшихъ событій внутри Россіи, не смотря на то, что въ концѣ іюля того-же года предвидѣлось совѣщаніе по поводу проекта Булыгина объ организаціи Государственной Думы, Витте принялъ предложеніе и 6 іюля выѣхалъ въ С. Штаты Сѣв. Америки. 16 сентября, т. е. черезъ два мѣсяца онъ возвратился въ Россію, заключивъ мирный договоръ, обнаружившій не мало искусства и ловкости со стороны русскаго опальнаго дипломата, послѣ войны, не прибавившей лавровъ русскому оружію.

Витте возвратился изъ Америки домой, преисполненный гордостью успѣшнымъ заключеніемъ трактата и, кажется, еще болѣе пріемомъ императора Германіи Вильгельма II-го, пригласившаго его заѣхать, по пути въ Россію, въ его лѣтнюю резиденцію — замокъ Роминтенъ, близъ русской границы. Вильгельмъ оказалъ своему гостю особый почетъ и вниманіе, встрѣтивъ его на вокзалѣ желѣзной дороги, и привезъ его въ свой замокъ. Я не буду останавливаться на вопросѣ, какъ Вильгельмъ использовалъ пребываніе Витте въ Роминтенѣ, такъ какъ все это очень подробно изложено въ воспоминаніяхъ Витте и выходитъ изъ круга моей задачи, но я не могу не отмѣтить, что пріемъ Вильгельма чрезвычайно поднялъ Витте въ его собственныхъ глазахъ. Онъ почувствовалъ себя первокласснымъ государственнымъ человѣкомъ, не только русскимъ, но и міровымъ, стяжавшимъ славу какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ и оправдавшимъ мнѣніе тѣхъ государственныхъ людей Европы, которые заранѣе говорили, что кромѣ Витте никто не можетъ заключить такого труднаго мирнаго договора.

Въ своихъ Воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, что «засталъ Россію въ полномъ волненіи, причемъ революція изъ подполья начинала всюду вырываться наружу; правительство потеряло силу дѣйствія, всѣ или бездѣйствовали, или шли врозь, а авторитетъ дѣйствующаго режима и его верховнаго носителя былъ совершенно затоптанъ. Смута увеличивалась не по днямъ, а по часамъ, революція все грознѣе и гроз-

---

*) Пунктиромъ обозначены пропуски въ подлинной рукописи.

нѣе выскакивала на улицу, она завлекала всѣ классы населенія». (стр. 493, т. I).

Таково было первое впечатлѣніе Витте по возвращеніи на родину, оно для него было полной неожиданностью. Съ высоты своего министерскаго кресла онъ не допускалъ даже мысли о возможности чего либо подобнаго тому положенію, которое теперь онъ видѣлъ во всей своей реальности. Въ его привычномъ представленіи, такъ называемое общество было слишкомъ слабо и невліятельно, даже чуждо народнымъ массамъ, чтобы увлечь за собою сколько нибудь значительные классы населенія и угрожать существованію стараго порядка или правительства. Онъ привыкъ считать послѣднее достаточно сильнымъ, чтобы раздавить всякое революціонное движеніе точно такъ же, какъ были раздавлены бунты декабристовъ въ 1825 г. и бунты поляковъ въ 1830 и 1863 годахъ. И вдругъ... онъ находитъ верховнаго повелителя Россіи отрѣзаннымъ отъ своей страны, а правительство фактически почти несуществующимъ...

Витте понялъ, что Россія переживаетъ не бунтъ, а революцію, для подавленія которой, тотчасъ послѣ тяжелыхъ пораженій арміи и флота въ войнѣ съ Японіей, разсчитывать на армію было невозможно. Но прежде чѣмъ принять какое либо рѣшеніе, онъ пожелалъ ознакомиться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, какъ извѣстно, въ революціонное время играетъ немаловажную роль. Повидимому, источникъ его свѣдѣній былъ чрезвычайно ограниченъ, если судить по выбору лицъ, отъ которыхъ онъ разсчитывалъ узнать, какими средствами возможно потушить движеніе. Впрочемъ, надо признать, что онъ всегда былъ очень далекъ отъ болѣе или менѣе либеральныхъ общественныхъ круговъ, въ которыхъ онъ видѣлъ скрытыхъ враговъ правительства и сторонниковъ революціи, и относился къ нимъ съ презрѣніемъ. Поэтому, онъ желалъ знать мнѣніе людей консервативнаго лагеря, по своему общественному положенію достаточно освѣдомленныхъ, и для этого избралъ двухъ представителей консервативной печати: кн. В. П. Мещерскаго, издателя «Гражданина», и г. Меньшикова, талантливаго публициста «Новаго Времени». Оба они въ одинъ голосъ заявили, что при настоящихъ условіяхъ единственнымъ средствомъ успокоенія страны можетъ быть только дарованіе конституціи, которой требуетъ очень широкій кругъ населенія.

Для того, чтобы узнать мнѣніе людей, стоящихъ въ самомъ центрѣ правительства, свѣдущихъ о настроеніи не только въ его кругахъ, но и въ кругахъ общества, готоваго поддерживать правительство, Витте обратился къ умному, хотя не пользующемуся особенно лестной репутаціей, послѣ извѣстной резолюціи императора Александра III: «убрать этого мерзавца со службы», Петру Николаевичу Дурново, которому эта резолюція не помѣшала сдѣлаться при Николаѣ II товарищемъ министра внутр. дѣлъ и занять въ правительствѣ очень вліятельное положеніе. Дурново, въ полномъ согласіи съ кн. Мещерскимъ и Меньшико-

вымъ, отвѣчалъ, что единственная мѣра можетъ дать странѣ успокоеніе — дарованіе конституціи.

Получивъ единогласное мнѣніе лицъ крайне консервативнаго лагеря, Витте пожелалъ узнать мнѣніе лица, которое по своему положенію было достаточно авторитетно во всѣхъ отношеніяхъ: это былъ генералъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, профессоръ военно-юридической Академіи, потомственный дворянинъ и земскій гласный (стр. 498, т. I), т. е. представитель какъ бы четырехъ группъ: военной, ученой, дворянской и земской. И въ этомъ случаѣ Витте получилъ тотъ же отвѣтъ: дарованіе конституціи — есть единственное средство успокоенія.

Витте могъ бы вспомнить, что наканунѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда въ 1904 году, я говорилъ ему, что рано или поздно мы добьемся конституціи и не покинемъ начинающейся борьбы, въ глубокомъ убѣжденіи, что Россія не можетъ долѣе оставаться подъ властью самодержавія, т. е. произвола. Витте тогда рѣшительно и авторитетно возражалъ и свои возраженія основывалъ на двухъ аргументахъ. Во-первыхъ, говорилъ онъ, въ лицѣ царствующаго императора (Николая II-го) мы имѣемъ человѣка, относящагося къ самодержавію, какъ къ догмату религіи, котораго онъ не можетъ нарушить, оставаясь вѣрнымъ сыномъ православной Церкви; поэтому государь почитаетъ своимъ священнымъ долгомъ передать своему наслѣднику безъ малѣйшаго ущерба власть, освященную Церковью и унаслѣдованную имъ отъ предковъ; во-вторыхъ, русское общество не обладаетъ никакой реальной силой, чтобы принудить царя вопреки его волѣ даровать конституцію, ограничивъ свою власть. Самодержавіе опирается на многомилліонную массу народа, который предпочитаетъ власть самодержавную, пользующуюся его безспорнымъ довѣріемъ въ силу долговременной привычки.

Такъ думалъ Витте годомъ раньше. Теперь заговорили сами факты и обнаружили безсиліе самодержавной власти и всю неизбѣжность замѣны стараго отжившаго режима новымъ. Онъ былъ достаточно умнымъ человѣкомъ, чтобы сразу оцѣнить всю серьезность неожиданно создавшагося положенія и достаточно честолюбивымъ, чтобы не пропустить случая использовать его въ свою выгоду и не попытаться занять первенствующаго положенія въ новомъ государственномъ строѣ. Только придворная камарилья съ императрицей Александрой Федоровной во главѣ могла заподозрить его въ намѣреніи захватить престолъ или опрокинуть его и провозгласить себя президентомъ россійской республики. Правда, Витте былъ реалистъ въ самомъ вульгарномъ смыслѣ слова; онъ не давалъ никакой цѣны моральнымъ требованіямъ и не остановился бы передъ соблазномъ сдѣлаться президентомъ республики, но онъ понималъ, что ни въ арміи, ни въ странѣ у него нѣтъ никакой почвы, никакихъ сторонниковъ. Если онъ пишетъ, что его имя въ широкихъ кругахъ есть «синонимъ реформъ», то онъ зналъ, что пишетъ это для своихъ потомковъ, для своей посмертной славы, а не для своихъ современниковъ, которые могли бы только смѣяться надъ та-

кой претензіей. Мнѣ кажется, что въ качествѣ реалиста и практика его соображенія и цѣли были болѣе скромны и оставались въ предѣлахъ возможнаго, т. е. положеніе правителя при царѣ безвольномъ и ничтожномъ, на подобіе Бориса Годунова при Федорѣ Іоанновичѣ, но, конечно, модернизированномъ соотвѣтственно нашему времени.

Витте никогда не былъ склоненъ къ конституціи и къ конституціонному порядку, который совершенно не соотвѣтствовалъ ни его властному и деспотическому характеру, ни его образу мыслей, образецъ которыхъ мы можемъ видѣть въ образованіи его «конституціоннаго» министерства и въ его «конституціонномъ» законодательствѣ.

Витте выказывалъ себя горячимъ поклонникомъ императора Александра III-го, его ума, его системы управленія, т. е. чистѣйшаго абсолютизма или самодержавія. Свои государственные взгляды онъ выразилъ весьма опредѣленно въ полемикѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ въ 1899 году по поводу значенія мѣстнаго самоуправленія въ системѣ государственнаго управленія. — «Лично я, пишетъ онъ, исповѣдую... убѣжденіе, что конституція вообще «великая ложь нашего времени» и что въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго режима». *) Таковы были основныя политическія воззрѣнія Витте всего пятью годами раньше революціи и съ ними трудно примирить идеи не только конституціоналистовъ, теперь открыто ведущихъ борьбу съ самодержавіемъ, но даже и сторонниковъ консервативныхъ идей: кн. Мещерскаго, Меньшикова и Дурново, готовыхъ, ради успокоенія Россіи, пріять конституцію.

Повидимому, Витте не сразу нащупалъ путь, чтобы итти къ опредѣленному рѣшенію сложнаго и запутаннаго вопроса. Въ теченіе своихъ колебаній онъ даже собирался покинуть, подъ предлогомъ утомленія, Россію и выѣхать за границу, чтобы тамъ выждать разрѣшеніе событій. О своемъ намѣреніи онъ сообщилъ предсѣдателю Госуд. совѣта, графу Сольскому, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Это сообщеніе, по словамъ Витте, вызвало у Сольскаго слезы: «ну, что же, уѣзжайте и оставляйте насъ здѣсь в с ѣ х ъ (курсивъ В.) погибать. Мы-же погибнемъ, такъ какъ безъ васъ я не вижу выхода». (стр. 27, т. II).

Витте увѣряетъ, что эти слова Сольскаго поколебали его намѣреніе уѣхать за границу и побудили его принять новое рѣшеніе: обратиться къ царю съ письмомъ.

Шестого октября графъ Витте письменно просилъ государя принять его и «выслушать его соображенія о современномъ, крайне тревожномъ положеніи».

---

*) «Самодержавіе и Земство». Записка Ст. Секр. С. Ю. Витте. Изд. редакціи «Освобожденіе», стр. 211, изд. 2-ое, 1903 г.

Николай II-й не сразу отвѣтилъ на его письмо: вѣроятно оно вызвало волненіе въ средѣ, близкой къ государю и желаніе внимательно обсудить предложеніе Витте, не пользовавшагося особымъ довѣріемъ ни государя, ни царицы. Они не любили его, какъ человѣка совершенно чуждаго двору, умнаго, честолюбиваго, хитраго и лишеннаго того придворнаго такта, который умѣетъ прикрывать всю лживость чувствъ и взаимныхъ отношеній внѣшними пріемами любезности. Все это легко усваивается съ юныхъ лѣтъ придворнаго воспитанія, но рѣдко усваивается людьми, выросшими въ иныхъ условіяхъ, и они остаются почти всегда чужими въ придворной атмосферѣ. Къ числу такихъ «чужихъ» принадлежалъ и Витте, попавшій въ министры изъ провинціальныхъ чиновниковъ желѣзно-дорожной канцеляріи, грубоватость которой и заносчивость «выскочки» онъ носилъ съ собою какъ при дворѣ, такъ и въ частной жизни. Съ такими данными трудно допустить, чтобы онъ умѣлъ подъ личиной грубой почтительности и холопской лести скрывать ту ненависть и презрѣніе, какія онъ питалъ къ Николаю II-му и императрицѣ. Подлинный характеръ своихъ отношеній къ нимъ онъ обнаружилъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, гдѣ онъ далъ волю своимъ чувствамъ въ полной мѣрѣ и не пропускаетъ ни одного случая, чтобы по лакейски не выругать барина, отъ котораго охотно принималъ всѣ награды до графскаго титула включительно. Онъ напередъ рѣшилъ, что его воспоминанія не появятся ранѣе его смерти, а мертвые «срама не имутъ».

Естественно, что при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ, преисполненныхъ недовѣрія съ обѣихъ сторонъ, обсужденіе исключительныхъ по своей важности вопросовъ не могло отличаться ни искренностью, ни прямотой. Исторія этихъ переговоровъ, закончившихся Манифестомъ 17-го октября, подробно изложена въ «Воспоминаніяхъ» Витте, и можно думать, изложена съ достаточной точностью, такъ какъ она находится въ полномъ согласіи съ «записками» двухъ лицъ: управляющаго канцеляріей Комитета министровъ г. Вуича и управляющаго Кабинетомъ Государя, генерала кн. Оболенскаго. Обѣ эти «записки» были составлены въ видахъ опроверженія упорно распространявшихся при дворѣ слуховъ, получившихъ поддержку самой императрицы, о томъ, что Манифестъ былъ подписанъ государемъ не добровольно, а «вырванъ», т. е. подъ давленіемъ гр. Витте. Возникновеніе такого слуха и распространеніе его въ придворныхъ кругахъ, даютъ довольно ясное представленіе о степени сочувствія двора реформѣ, которую требовала Россія, а не гр. Витте...

Во всякомъ случаѣ исторія Манифеста 17 октября столь поучительна и имѣетъ такое значеніе для нашей страны, что мнѣ кажется не безполезнымъ въ краткихъ чертахъ воспроизвести ее и на этихъ страницахъ.

Отвѣтъ на посланное 6-го октября письмо графа Витте былъ полученъ только 8-го числа съ приглашеніемъ явиться въ Петергофъ 9-го, въ 6 часовъ вечера.

Въ назначенный часъ государь приинялъ гр. Витте, представившаго царю, составленную наканунѣ, вмѣстѣ съ Вуичемъ, краткую «записку», въ которой былъ изложенъ взглядъ на положеніе дѣла. Въ словесиомъ докладѣ Витте объяснилъ, что, по его мнѣнію, въ данномъ случаѣ имѣется только два выхода: или стать на путь конституціониый, или облечь «соотвѣтственное лицо» диктаторскими полномочіями, дабы подавить революцію силою оружія. Его личное мнѣніе, добавилъ Витте, иа сторонѣ перваго пути, но если государь признаетъ его нежелательнымъ, то остается только второй путь: подавленіе силою оружія.

Выслушавъ мнѣніе Витте и принявъ «записку», государь не выразнлъ никакого мнѣнія, но пригласилъ Витте прибыть на слѣдующій день.

10-го октября Витте былъ принятъ въ присутствіи императрицы и снова «подробио изложилъ свои соображенія», объясняющія «записку» въ исправленной наканунѣ редакціи, и заявилъ, что считаетъ дарованіе коиституціи болѣе правильнымъ средствомъ, но что имѣется и другой путь — диктатуры, которой онъ не раздѣляетъ, но и не отвергаетъ, если революція можетъ быть раздавлена силою оружія. При выборѣ перваго пути, онъ, графъ Витте, считаетъ необходимымъ утвердить его «записку» и поручить правительству выполнить указанныя въ ней реформы. Выслушавъ Витте, государь замѣтилъ только, что «можетъ быть было бы лучше основаиія «записки» опубликовать маннфестомъ?»

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней — 11-го и 12-го октября, гр. Витте не имѣлъ свѣдѣиій изъ Петергофа, но узналъ, что у гр. Сольскаго происходило совѣщаніе, на которомъ рѣчь шла о крайне опасномъ положеніи дѣлъ, и что члены Госуд. Совѣта, — ген. адъютантъ Чихачевъ и графъ Паленъ, рѣшительно высказались за подавленіе безпорядка военной силой. Въ внду этого, гр. Витте немедленно написалъ государю письмо съ просьбой назначить совѣщаніе съ участіемъ гр. Палена и генерала Чихачева, но вмѣсто ожидаемаго отвѣта онъ получилъ 13-го октября телеграмму: «Впредь до утвержденія закоиа о кабинетѣ поручаю вамъ объединить дѣятельность министерствъ, которымъ ставлю цѣлью возстановить порядокъ повсемѣстно. Только при спокойномъ теченіи государственной жизни возможна совмѣстная созидательиая работа правительства съ имѣющими быть с в о б о д н о (курсивъ тел.) выбранными представителями иарода моего».

Нелѣпость этой телеграммы, возлагающей на Витте и растерявшееся правительство возстановленіе порядка послѣ всѣхъ его объясиеній, заставила Витте на слѣдующій деиь, т. е. 14 октября отправиться въ Петергофъ н доложить государю, что «однимъ объединеніемъ министровъ... смуту успокоить нельзя и что... обстоятельства требуютъ принятія рѣшительныхъ мѣръ въ томъ или другомъ направленіи», т. е. ли-

бо даровать немедленно конституцію, либо поручить избранному диктатору подавить революцію силою оружія. Во время этого объясненія Витте представилъ письменный докладъ, резюмирующій его «записку», — «въ началѣ коего указано, что докладъ этотъ составленъ по приказанію и указаніямъ Его Величества», на случай, если государь изберетъ путь, предлагаемый Витте, причемъ онъ объяснилъ, что «опубликованіе этого доклада вполнѣ замѣнитъ манифестъ, что будетъ гораздо осторожнѣе, ибо въ такомъ случаѣ предложенныя имъ мѣры лягутъ на его, графа Витте, отвѣтственность и не свяжутъ Его Величество».

Въ атмосферѣ, пропитанной крайней подозрительностью, упорство, съ которымъ Витте при каждомъ разговорѣ настаивалъ на замѣнѣ манифеста его «докладомъ»; грубый до цинизма намекъ, что, принимая на себя всю отвѣтственность за предлагаемыя реформы, онъ даетъ государю возможность въ благопріятный моментъ безнаказанно измѣнить своимъ обѣщаніямъ, взять ихъ назадъ и вернуться къ старому самодержавному строю, — все это, если не создало, то укрѣпляло при дворѣ убѣжденіе въ лицемѣріи Витте и въ намѣреніи его стать между царемъ и народомъ, и такимъ путемъ явиться въ сознаніи народа его посредникомъ и защитникомъ. Такимъ образомъ, вмѣшательство Витте съ предложеніемъ своихъ услугъ вызвало въ придворныхъ кругахъ чрезвычайное раздраженіе и желаніе во что бы то ни стало лишить его такой опасной роли. Въ виду этого, ближайшіе совѣтники государя готовы были согласиться на всѣ уступки, но не иначе и подъ условіемъ, что все это будетъ объявлено манифестомъ въ видѣ царской милости, какъ это всегда дѣлалось раньше, ни въ какомъ случаѣ не допуская опубликованія рядомъ съ манифестомъ доклада Витте, а тѣмъ болѣе опубликованія одного «доклада» вмѣсто манифеста, такъ какъ это означало бы, что реформы вводятся не по волѣ царя, а по настоянію Витте и отъ его имени.

Витте понялъ, что провести свой докладъ безъ манифеста ему не удастся и что скорѣе государь можетъ даровать конституцію манифестомъ помимо Витте, чѣмъ опубликовать докладъ Витте и отказаться отъ манифеста, что было бы капитуляціей не передъ страной, а сдача своихъ верховныхъ правъ графу Витте.

14-го октября вечеромъ Витте получилъ изъ Петергофа распоряженіе прибыть на слѣдующій день, 15 октября, въ 11 ч. утра въ Петергофъ и привезти съ собою проектъ манифеста, ибо необходимо, объясняло распоряженіе, «чтобы все исходило лично отъ Государя и нужно вывести намѣченныя въ его докладѣ мѣры изъ области обѣщаній въ область даруемыхъ Государемъ фактовъ».

Хотя графу Витте очень не хотѣлось отказаться отъ своего «болѣе осторожнаго», по его словамъ, плана, тѣмъ не менѣе ему ничего болѣе не оставалось, какъ подчиниться и писать проектъ манифеста. Эту задачу онъ поручилъ исполнить своему пріятелю кн. Алексѣю Дмитріевичу Оболенскому.

15-го октября утромъ графъ Витте, пригласивъ ѣхать съ нимъ князя Оболенскаго и управляющаго канцеляріей Комитета министровъ Вунча, отправился на пароходѣ въ Петергофъ. Во время пути, на пароходѣ, проектъ Оболенскаго былъ прочитанъ и исправленъ. Въ 11 ч. утра Витте былъ принятъ государемъ въ присутствіи вел. кн. Николая Николаевича, главнокомандующаго арміей въ Петербургѣ, барона Фредерикса, министра двора, и генералъ-адъютанта Рихтера.

Въ своемъ устномъ докладѣ Витте снова вернулся къ своему «крайнему разумѣнію», что въ данномъ положеніи «могутъ быть два исхода: или диктатура или конституція, на путь которой Его Величество въ сущности уже вступилъ манифестомъ 6-го августа и сопровождающими его законами. Его докладъ или программа высказывается за второй путь, который въ случаѣ его утвержденія долженъ повести къ мѣропріятіямъ, подлежащимъ проведенію въ законодательномъ порядкѣ и расширяющимъ законъ 6 августа, приводя Россію къ конституціонному устройству».

Если эта рѣчь была произнесена, то въ ней, въ весьма туманной и неопредѣленной формѣ, выраженъ планъ будущаго законодательства, лишеннаго всякаго правового основанія и приведшаго не къ «конституціонному устройству», а къ его искаженію.

Никакого обсужденія ни проекта манифеста, ни вышеприведенной рѣчи не происходило. Произошла лишь фактическая передача государю проекта манифеста и доклада Витте.

На слѣдующій день, 16 октября, гр. Витте ожидалъ окончательнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ получилъ отъ бар. Фредерикса сообщеніе по телефону, что его проектъ Манифеста подвергся редакціоннымъ поправкамъ и что онъ будетъ доставленъ Витте лично барономъ, министромъ двора.

Между тѣмъ проектъ Манифеста подвергся обсужденію разныхъ лицъ близкихъ ко двору, причемъ членъ Гос. Совѣта Горемыкинъ и баронъ Будбергъ составили два другихъ проекта, внеся въ проектъ Витте нѣкоторыя измѣненія. Затѣмъ окончательно принятый государемъ проектъ былъ доставленъ на разсмотрѣніе товарища министра внутр. дѣлъ, генерала Трепова, пользовавшагося особымъ расположеніемъ государя, и, получивъ одобреніе Трепова, только поздно вечеромъ 16 октября былъ доставленъ лично Фредериксомъ и директоромъ канцеляріи Министра Двора, Мосоловымъ, Витте «для его освѣдомленія». Прочитавъ исправленный проектъ, графъ Витте отказался его принять, во-первыхъ, потому что манифестъ даруетъ всѣ свободы со дня его опубликованія, вопреки его плана, и во-вторыхъ въ манифестѣ пропущены нѣкоторыя существенныя мѣры, означенныя въ докладѣ, въ виду чего онъ просилъ Фредерикса доложить государю, что онъ проситъ объ увольненіи его отъ должности предсѣдателя Совѣта и назначить на его мѣсто лицо, программа котораго будетъ окончательно при-

нята. Попытки бароиа Фредерикса убѣдить Витте отказаться отъ этого намѣренія остались тщетными.

Витте принялъ ультимативное рѣшеніе въ полиой увѣренности въ побѣдѣ, такъ какъ не сомнѣвался, что среди людей окружавшихъ царя не найдется ни одного, который взялся бы раздавить революцію силою оружія или взялъ бы на себя отвѣтственность за проведеніе конституціи и успокоеніе страны. Витте обладалъ этой смѣлостью и понималъ, что побѣда логически должна быть на его сторонѣ.

И дѣйствительно, на слѣдующій день, 17-го октября, графъ Витте былъ снова вызванъ въ Петергофъ, гдѣ его встрѣтилъ бар. Фредериксъ и сообщилъ, что рѣшено принять его проектъ манифеста, въ виду того, что «В. князь Николай Николаевичъ категорически поддерживаетъ такое рѣшеніе и докладывалъ о невозможности, за недостаткомъ войскъ, прибѣгнуть къ военной диктатурѣ».

Въ 6 ч. вечера государь, въ присутствіи в. к. Николая Николаевича, барона Фредерикса и графа Витте, подписалъ оба документа: Манифестъ и докладъ Витте. Оба документа въ тотъ же день вечеромъ были обнародованы въ Петербургѣ и по телеграфу были переданы въ Москву и во всѣ губерніи.

Такова краткая исторія Манифеста 17-го октября, несомнѣнно одного изъ важнѣйшихъ актовъ, имѣвшихъ большое вліяніе на дальнѣйшія событія и теченіе исторіи Россіи. Подобно Манифесту 19 февраля 1861 года, отмѣнившему въ Россіи рабство гражданское, Манифестъ 17 октября 1905 года отмѣняетъ рабство политическое. Однако судьбы обоихъ манифестовъ совершенно противоположны по своимъ послѣдствіямъ...

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» гр. Витте разсказываетъ, что во время его переговоровъ съ государемъ среди общества ходили слухи о происходящей при дворѣ «борьбѣ» — и «ждали, — пишетъ онъ, — чья сторона возьметъ верхъ: графъ Витте — что представляло синонимъ либеральныхъ реформъ, или появится послѣдній приступъ мракобѣсія, который на этотъ разъ, какъ того съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ революціонеры, совсѣмъ свалитъ царствующій домъ. Надежды эти, — дополняетъ эти слухи гр. Витте, — были весьма основательны, такъ какъ царь возбуждалъ или чувство отвращенія, злобы, или чувство жалостнаго равнодушія, если не презрѣнія...» (стр. 45, т. II).

Появленіе Манифеста поздно вечеромъ 17 октября было полной неожиданностью. «Всѣ инстинктивно почувствовали, пишетъ Витте, что произошелъ вдругъ «переломъ» Россіи XX столѣтія»... «Всѣ истинно просвѣщенные, неозлобленные и не утратившіе вѣру въ политическую честность верховъ поняли, что обществу дано сразу все, о чемъ оно такъ долго хлопотало и добивалось, въ жертву чего было принесено столь много благородныхъ жизней, начиная съ декабристовъ».

Мнѣ кажется, что, какъ слухи, о которыхъ сообщаетъ Витте, такъ и чувства просвѣщенныхъ гражданъ едва ли отражали дѣйствительность и дошли до слуха торжествовавшаго свою побѣду Витте, въ значительно подмалеванномъ видѣ.

Какъ я уже говорилъ въ предыдущей главѣ, извѣстіе объ опубликованіи Манифеста я получилъ въ Машукѣ на слѣдующій день, 18 октября, и прибылъ въ Петербургъ дня черезъ 3-4, поэтому не былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторговъ, о которыхъ говоритъ Витте, а равно и тѣхъ слуховъ и ожиданій, которые предшествовали Манифесту. Тѣмъ не менѣе, съ полной увѣренностью могу сказать, что по всей вѣроятности графъ Витте черпалъ свѣдѣнія изъ источниковъ недостаточно достовѣрныхъ. Ибо только отъ своихъ неразборчивыхъ хвалителей онъ могъ, напримѣръ, слышать, что его имя въ общественныхъ кругахъ когда либо считалось синонимомъ либеральныхъ реформъ. Напротивъ. Его репутація въ общественныхъ кругахъ прочно установилась еще въ царствованіе Александра III, какъ поклонника самодержавія, всегда считавшагося непримиримымъ врагомъ всякаго либерализма. Перемѣна царствованія не измѣнила направленія гр. Витте, имѣвшаго неоднократно случаи афишировать свои самодержавныя воззрѣнія съ особенной яркостью, избравъ своей мишенью мѣстное самоуправленіе, какъ естественнаго противника самодержавія, которое онъ взялъ подъ свою защиту.

Безспорно, въ первые дни по объявленіи Манифеста, въ широкихъ кругахъ населенія всѣ, за исключеніемъ «равнодушныхъ» или приверженцевъ стараго порядка, были болѣе или менѣе, смотря по темпераменту, охвачены радостнымъ чувствомъ побѣды въ борьбѣ съ самодержавіемъ и его капитуляціей. Никто не обратилъ особаго вниманія на тайный смыслъ «доклада» графа Витте, сопровождавшаго Манифестъ, и всѣ принимали послѣдній, какъ окончательное утвержденіе конституціи, предоставляющей Государственной Думѣ законодательныя права и право контроля надъ дѣятельностью администраціи, а всѣмъ гражданамъ безъ различія національностей, религіи и сословій, полное равенство и всѣ свободы и гражданскія права.

Никто и не думалъ приписывать побѣду графу Витте. Напротивъ, всѣ сознавали и чувствовали, что побѣда одержана единодушіемъ всѣхъ классовъ населенія и всеобщей забастовкой, явившейся въ данномъ случаѣ могущественнымъ орудіемъ національнаго единодушія. Такое сознаніе было совершенно естественно, такъ какъ борьба велась систематически въ теченіе цѣлаго года, тогда какъ никому неизвѣстное вмѣшательство гр. Витте происходило лишь въ теченіе послѣднихъ десяти дней и имѣло цѣлью, какъ показали послѣдствія, интересы не народа, не страны, а ея самодержца, скрытые подъ формой конституціонализма. И потребовалось очень немного времени, чтобы убѣдиться, что великодушіе и политическая честность никогда не принадлежали къ числу

добродѣтелей нашихъ «верховъ» и что это осталось неизмѣннымъ ихъ свойствомъ, отъ котораго не излѣчился и Витте, судя по тому, что онъ пишетъ (стр. 40, т. II): «Манифестъ 17 октябри въ редакціи, на которой я настаивалъ, отрѣзаетъ вчера отъ сегодня, прошедшее отъ будущаго».

Читая эти строки, невольно останавливаешься въ недоумѣніи: что это такое? Невѣжество и непониманіе того, что имъ сдѣлано? или это попытка продолжать дурачить тѣхъ людей, которые не поняли его и продолжаютъ сравнивать его съ Петромъ Великимъ?

Какъ выше сказано, одновременно съ объявленіемъ Манифеста 17 октября былъ опубликованъ «докладъ» гр. Витте. Это тотъ самый докладъ, который, по мысли его автора, первоначально имѣлъ цѣлью замѣнить безповоротное провозглашеніе конституціи, правового строя, гражданскихъ правъ и свободъ, обѣщаніемъ даровать ихъ, въ увѣренности гр. Витте, что достаточной гарантіей исполненія обѣщаній въ глазахъ населенія будетъ: «либеральная репутація автора и его убѣжденіе, выраженное въ докладѣ, что «Россія переросла форму существующаго строя» и что «она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Само собой разумѣется, что либерализмъ гр. Витте ничего не могъ гарантировать и нѣтъ сомнѣнія, что опубликованіе одного доклада ничего не измѣнило бы въ настроеніи возбужденнаго населенія, требовавшаго не обѣщаній, а объявленія конституціи и гражданскихъ правъ. Въ этомъ случаѣ желанія населенія и государя были сходны въ своемъ основаніи, и истинный смыслъ доклада Витте становился яснымъ лишь въ тотъ моментъ, когда онъ настаивалъ на болѣе осторожныхъ дѣйствіяхъ, предвидя возможность въ будущемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, взять назадъ всѣ конституціонныя обѣщанія и вернуться къ самодержавному строю, возложивъ фиктивную отвѣтственность (передъ царемъ!) на правительство. Витте хорошо зналъ Николая II и не сомнѣвался, что такой моментъ наступитъ очень скоро, когда общественное движеніе устанетъ и успокоится, а армія будетъ подтянута и дисциплинирована.

Достаточно внимательно прочесть этотъ пресловутый докладъ, чтобы убѣдиться, что его содержаніе такъ туманно, неопредѣленно и двусмысленно, что оно видимо предназначено было специфически для той операціи, которая собственно и была произведена надъ обѣщанной реформой, тщательно избѣгавшей даже наименованія ея конституціей.

Можно ли, напримѣръ, подъ словами Манифеста: «На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли: 1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ... 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы...», можно ли предположить что либо другое, а не то, что правительство обязано немедленно осуществить всѣ свобо-

ды, указанныя въ 1-мъ пунктѣ, мѣрами административныхъ распоряженій и подготовить для внесенія въ Государственную Думу законъ, регулирующій дарованныя права «въ огражденіе правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства?»

Можно ли предположить что либо другое, а не то, что отнынѣ никакой законъ, согласно 3-му пункту Манифеста, не будетъ изданъ до созыва Государственной Думы и не получитъ силу закона безъ ея одобренія?

Можно ли въ словахъ доклада, что — «Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время», — можно ли въ этихъ словахъ доклада найти что либо другое, кромѣ указанія на неизбѣжный промежутокъ времени между дарованіемъ правъ, изложенныхъ въ трехъ пунктахъ Манифеста, и проведеніемъ въ Государственной Думѣ предложеннаго правительствомъ на ея разсмотрѣніе законопроекта, устанавливающаго подробности конституціонной хартіи?

Прочитавъ въ докладѣ этотъ странный, чтобы не сказать безтолковый, наборъ общихъ мѣстъ и фразъ, смыслъ которыхъ совсѣмъ непонятенъ, можно сказать, что этотъ комментарій Манифеста ничего не разъясняетъ, ничего не дополняетъ и ничего не измѣняетъ въ Манифестѣ, выраженномъ въ положительной и опредѣленной формѣ, признающій, съ момента его обнародованія, за русскимъ народомъ права законодательныя, посредствомъ Государственной Думы, и перечисленныя въ Манифестѣ свободы и гражданскія права. На правительство же возложены исключительно исполнительныя дѣйствія по осуществленію Манифеста и никакихъ законодательныхъ правъ и дѣйствій ему не было, да и не могло быть, за силою того же Манифеста, предоставлено. Это обстоятельство имѣетъ особенную важность, въ виду присвоенія правительствомъ Витте и государемъ себѣ правъ изданія законовъ, въ теченіе времени со дня обнародованія Манифеста до открытія Госуд. Думы, вопреки 3-го пункта Манифеста.

Очевидно на правительствѣ лежала прямая обязанность поспѣшить съ назначеніемъ выборовъ Госуд. Думы по закону 6 августа и съ созывомъ ея, такъ какъ безъ нея никакая законодательная работа не могла совершаться, и первый ея законодательный актъ долженъ былъ состоять въ измѣненіи ея собственной организаціи, которая должна была отнынѣ согласоваться, по Манифесту 17 октября, съ ея превращеніемъ въ органъ законодательный и контролирующій дѣйствія исполнительной власти.

Министерство Витте поступило иначе: подъ предлогомъ исполненія пункта 2-го Манифеста о привлеченіи къ выборамъ въ Госуд. Думу лицъ, принадлежащихъ къ классамъ, которые были вовсе лишены избирательныхъ правъ, оно оттянуло созывъ Думы на полгода и занялось за-

конодательной работой, ставшей источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ событій и бѣдствій, не изжитыхъ и до сихъ поръ...

Въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Витте утверждаетъ, что принялъ приглашеніе государя стать во главѣ правительства и образовать «конституціонное» министерство вопреки его собственнаго желанія и думаетъ, что и вопреки желанія самого государя, который пригласилъ его только потому, что былъ вынужденъ, какъ и «передъ Портсмутомъ» остановиться на немъ, за неимѣніемъ среди его приближенныхъ лицъ, которыя согласились бы взять на себя такое трудное дѣло; и при этомъ Витте, какъ это онъ часто дѣлаетъ, подозрѣваетъ государя въ желаніи его гибели. Такая подозрительность не болѣе какъ плодъ его воображенія. На самомъ дѣлѣ онъ самъ старался въ теченіе десяти дней запугать Николая II-го для того, чтобы не предоставить всѣ выгоды, которыя можно было извлечь изъ создавшагося положенія, своимъ врагамъ — Горемыкину, гр. Игнатьеву или Трепову, которыхъ онъ считаетъ «претендентами». Онъ такъ же и теперь, какъ и при назначеніи для мирныхъ переговоровъ съ Японіей, работалъ для себя, и получивъ порученіе составить министерство, онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, и какъ самъ пишетъ, прежде всего рѣшилъ привлечь къ себѣ вниманіе и сочувствіе печати. Для этого онъ пригласилъ къ себѣ издателей и редакторовъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «Свѣта», «Гражданина», «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «кажется», добавляетъ онъ, «Русскаго Богатства». Ораторомъ представителей печати выступилъ г. Проппeръ, издатель-редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», наговорившій столько непріятныхъ вещей графу Витте, что послѣдній, спустя нѣсколько лѣтъ, вспоминаетъ о Пропперѣ съ величайшимъ отвращеніемъ, такъ какъ вмѣсто ожидаемой благодарности и фиміама ему пришлось выслушать такое заявленіе: «Мы правительству вообще не вѣримъ» и т. д. Рѣчь Проппера привела Витте къ убѣжденію, что «опереться на прессу невозможно, такъ какъ она совершенно деморализована» и только ждетъ отъ правительства матеріальныхъ благъ въ видѣ объявленій, субсидій и т. п.

Очевидно Витте такъ же мало зналъ русскую прессу, какъ и русское общество, котораго онъ чуждался, даже презиралъ, но участія котораго теперь искалъ не ради интересовъ дѣла, а ради рекламы. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ предложить портфель государственнаго контроля Дмитрію Николаевичу Шипову, бывшему предсѣдателю Московской губернской земской управы, неутвержденному на послѣднихъ земскихъ выборахъ министромъ Плеве, но пользующемуся всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ.

Появившіяся въ печати воспоминанія Д. Н. Шипова, нынѣ уже покойнаго, даютъ безусловно точныя свѣдѣнія, относящіяся къ приглашенію Витте общественныхъ дѣятелей вступить въ его министерство. Этими свѣдѣніями я и пользуюсь, хотя и вынужденъ цитировать ихъ

не по книгѣ, за неимѣніемъ ея подъ руками, а по газетѣ «Руль», — №№ 209 и 210, — 27 и 28 VII, 1921 года.

18 октября Д. Н. Шиповъ получилъ отъ Витте телеграмму съ просьбой немедленно пріѣхать въ Петербургъ. На слѣдующій день онъ уже былъ въ Петербургѣ и отъ кн. А. Д. Оболенскаго, пріятеля Витте, узналъ о намѣреніи послѣдняго предложить ему портфель государственнаго контролера. И дѣйствительно, на состоявшемся свиданіи, Витте обратился къ Шипову «какъ къ общественному дѣятелю, пользующемуся довѣріемъ въ общественныхъ кругахъ» и просилъ «помочь ему при осуществленіи высочайшаго Манифеста»; затѣмъ онъ подчеркнулъ, что правительство нуждается въ довѣріи общества, и высказалъ предположеніе, что присутствіе Шипова въ кабинетѣ и завѣдываніе имъ государственнымъ контролемъ создастъ въ обществѣ увѣренность въ правильномъ расходованіи государственныхъ средствъ.

Въ своемъ отвѣтѣ Витте, Шиповъ заявилъ, что не имѣетъ принципіальныхъ возраженій противъ предложенія, но приметъ его лишь въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть увѣренность, что его участіе можетъ быть полезнымъ. — «Правительству необходимо довѣріе общества, сказалъ Шиповъ, не по отношенію къ вопросу о правильномъ расходованіи государственныхъ средствъ: нужно, чтобы общество было увѣрено, что старый строй государственнаго управленія уступилъ безповоротно мѣсто новому строю, возвѣщенному 17 октября, а для созданія увѣренности необходимо привлечь въ составъ правительства представителей разныхъ общественныхъ круговъ»... для чего требуется, «чтобы общественнымъ дѣятелямъ были предоставлены портфели министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности». Съ своей стороны Шиповъ предложилъ пригласить на мѣсто министра юстиціи С. А. Муромцева, а портфели министра внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія поручить И. И. Петрункевичу и кн. Г. Е. Львову, принадлежащимъ къ большинству членовъ земскихъ съѣздовъ.

На возраженіе Витте, что онъ не знакомъ съ этими лицами (со мною онъ былъ знакомъ раньше, когда въ ноябрѣ 1904 г., по его приглашенію, я провелъ у него вечеръ въ бесѣдѣ о положеніи дѣлъ въ Россіи), Шиповъ рекомендовалъ обратиться въ бюро съѣздовъ, предполагая, что оно остановится именно на этихъ лицахъ и пошлетъ ихъ для переговоровъ. Послѣ этого Витте тутъ же послалъ телеграмму Ѳ. А. Головину, предсѣдателю бюро; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ Шипову, что имѣетъ въ виду предложить министерство Народнаго Просвѣщенія кн. Е. Н. Трубецкому, а торговли и промышленности — А. И. Гучкову.

Никакихъ программныхъ вопросовъ, за исключеніемъ вопроса о порядкѣ выборовъ въ Государственную Думу отъ рабочихъ фабрично-заводской промышленности, порядкѣ, вызвавшемъ возраженія Шипова, — бесѣда не касалась и закончилась подтвержденіемъ, что п р и н-

ц и п і а л ь н о, при соблюденіи извѣстныхъ условій, указанныхъ выше Шиповымъ, онъ готовъ принять портфель въ министерствѣ Витте.

Въ тотъ же день вечеромъ, 19 октября, Шиповъ выѣхалъ въ Москву, куда и прибылъ на слѣдующій день, благодаря содѣйствію Витте, такъ какъ желѣзно-дорожные поѣзда ходили лишь случайно. Поэтому онъ не сомнѣвался, что успѣетъ довести до свѣдѣнія бюро съѣздовъ о своихъ переговорахъ съ Витте. Но обстоятельства сложились иначе. Съѣздъ не могъ собраться въ назначенный день, 22 октября, вслѣдствіе забастовки жел. дорогъ. И если бы даже онъ собрался, то едва ли могъ бы отправить своихъ делегатовъ въ Петербургъ для переговоровъ объ участіи въ министерствѣ, такъ какъ 18 октября была подписана программа первой открытой политической партіи — конституціонно-демократической, выдѣлившейся изъ состава съѣздовъ, причемъ не былъ еще установленъ списокъ членовъ новой партіи, не былъ избранъ центральный комитетъ партіи и не было обсужденія партійной тактики, въ задачи которой входилъ и вопросъ объ участіи партіи въ правительствѣ, организуемомъ графомъ Витте. Въ виду этого бюро съѣздовъ признало возможнымъ избрать изъ числа пребывающихъ въ Москвѣ членовъ делегацію, на которую возложить предварительные переговоры и выясненіе программы новаго правительства гр. Витте и предполагаемаго состава министровъ. За симъ делегація, не принимая никакихъ рѣшеній, результаты переговоровъ должна была сообщить центральному комитету партіи. Въ составъ делегаціи вошли: Ѳ. А. Головинъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и кн. Г. Е. Львовъ. Делегація была принята гр. Витте 21 октября. Въ своихъ воспоминаніяхъ гр. Витте о пріемѣ этой делегаціи вовсе не упоминаетъ, хотя содержаніе бесѣды, съ согласія Витте, уже появилось 23 октября въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками этой превосходной газеты, оказавшей нашей партіи и дѣлу борьбы съ самодержавіемъ незамѣнимыя услуги и помощь. По словамъ же Д. Н. Шипова делегація объявила Витте, что — «единственный выходъ изъ переживаемаго положенія — созывъ учредительнаго собранія для выработки основнаго закона (конституціи), причемъ собраніе это должно быть избрано путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; возвѣщенныя въ Манифестѣ свободы должны быть немедленно осуществлены; необходима полная политическая амнистія. Всѣ эти реформы неизбѣжны и лучше дать ихъ сразу, чѣмъ идти къ нимъ болѣзненнымъ путемъ черезъ видоизмѣненную Государственную Думу».

Къ этому изложенію мнѣнія делегаціи Д. Н. Шиповъ присоединяетъ и свое личное мнѣніе. — «Очевидно, говоритъ онъ, что такая постановка вопроса свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи сознанія необходимости сохраненія и поддержанія авторитета государственной власти въ переживаемое страной время и исключала для правительства возможность дальнѣйшихъ переговоровъ съ членами бюро Съѣздовъ

земскихъ и городскихъ дѣятелей и привлеченія его представителей къ участію въ государственномъ управленіи».

Со времени этихъ переговоровъ прошло уже 18 лѣтъ, тяжелыхъ и печальныхъ годовъ, и мнѣ кажется, что настало время, когда мы можемъ совершенно объективно обсуждать событія 1905 и 6-го годовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдующія событія обнаружили съ полной ясностью какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны не только ихъ, но и роли главныхъ дѣйствующихъ лицъ того времени.

Осудивъ делегацію, Шиповъ былъ неправъ потому, что посмотрѣлъ на дѣло односторонне. Нѣсколько дней спустя, онъ самъ испыталъ всю странность поведенія гр. Витте, организующаго правительство безъ всякой программы, но когда правительство составляется изъ такихъ противоположныхъ элементовъ, какъ Шиповъ и Трубецкой съ одной стороны, и Дурново съ другой, какая же программа можетъ существовать? Сохранять и поддерживать авторитетъ государственной власти съ помощью такихъ дѣятелей, какъ Дурново, названный Александромъ III-мъ «мерзавцемъ», значитъ возвращаться къ самымъ темнымъ элементамъ стараго государственнаго строя, обнаружившаго свою полную несостоятельность и негодность. И если гр. Витте предпочелъ Дурново Шипову и Трубецкому, то это обнаруживало истинное содержаніе его программы: предпочтеніе стараго порядка въ его худшемъ видѣ, новому строю, къ которому стремится Россія «на основѣ гражданской свободы».

Можно представить себѣ, какъ гр. Витте, слушая Кокошкина, человѣка умнаго, образованнаго и прямого, краснорѣчиво объясняющаго бюрократу XX вѣка смыслъ новаго государственнаго порядка, презрительно улыбался его догматизму и считалъ потерею времени входить въ обсужденіе идей, чуждыхъ практическимъ требованіямъ жизни. Но именно жизнь посмѣялась надъ Витте, сначала выбросивъ его самого за бортъ, а затѣмъ разрушивъ его «конституцію», на которую, въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ возлагалъ столько надеждъ, какъ на карточный домикъ, обнаруживъ всю свою неспособность разрѣшить задачу сложную и трудную, далеко превосходившую его силы.

Во время одной изъ моихъ встрѣчъ съ Витте, когда онъ былъ очень озабоченъ составленіемъ своего министерства, онъ мнѣ говорилъ:

— «Вы думаете, что правительство обнаружило свое безсилие и не можетъ справиться съ общественнымъ движеніемъ безъ помощи этого самого общества? А я вамъ скажу, что правительство располагаетъ средствомъ, съ помощью котораго оно не только можетъ раздавить общественное движеніе, но и нанести ему такой ударъ, отъ котораго оно не оправилось бы: стоитъ только пообѣщать крестьянамъ надѣлить каждую семью 25-ю десятинами земли, — всѣ вы, землевладѣльцы, будете сметены окончательно. Правительство, конечно, не можетъ прибѣгнуть къ этому способу, но вы не должны забывать этого».

Подобную земельную реформу онъ мыслилъ только какъ послѣдній способъ самозащиты монархіи отъ революціонеровъ и революціи,

поэтому разрѣшеніе аграрнаго вопроса не входило въ его «конституціонную» программу. А когда этотъ вопросъ былъ поставленъ въ программу конституціонно-демократической партіи, а затѣмъ поднятъ въ самомъ министерствѣ Витте министромъ земледѣлія Кутлеромъ, который былъ за это удаленъ изъ министерства по требованію государя, Витте безпрекословно исполнилъ это требованіе. Онъ рѣшительно не понималъ ни значенія, ни опасности аграрнаго вопроса и не догадывался, что въ немъ узелъ не только политическаго, но и соціальнаго вопроса, своевременное разрѣшеніе котораго спасло бы Россію отъ того потрясенія, которое она переживаетъ теперь...

Приглашеніе общественныхъ дѣятелей въ составъ перваго «конституціоннаго» министерства было лишь неудачной комедіей, разыгранной Витте со свойственной ему грубостью, доходящей до цинизма. Честный и прямой Шиповъ не сразу догадался, но скоро понялъ, что ему предназначалась въ этой комедіи роль безмолвнаго представителя «общественнаго мнѣнія». Витте не считалъ нужнымъ ни знакомить его съ своей программой, ни самому знакомиться съ программой, на которой могли настаивать представители общественности. По его мнѣнію, программа составляетъ какъ бы прерогативу предсѣдателя Совѣта, министры же заняты каждый своимъ вѣдомствомъ, отвѣтствуютъ за него, а въ вопросы общей политики не вмѣшиваются. Это соображеніе открывало ему возможность предоставить три-четыре портфеля общественнымъ дѣятелямъ, если это будетъ нужно въ видахъ успокоенія общества, но портфели, имѣющіе характеръ техническій. Портфели характера политическаго должны быть переданы въ руки опытныя, пользующіяся его полнымъ довѣріемъ. Такое дѣленіе портфелей уже было намекомъ на программу, но все таки не было программой, а безъ нея, какъ показалъ опытъ, составить министерство было возможно лишь изъ чиновниковъ. Князь Евгеній Николаевичъ Трубецкой, приглашенный занять мѣсто министра Народнаго Просвѣщенія, прежде всего обратился къ Витте съ просьбой изложить ему программу министерства, но у Витте былъ только одинъ программный пунктъ: назначеніе министромъ внутр. дѣлъ П. Н. Дурново, безъ котораго онъ не могъ ручаться за безопасность государя и его семьи. Никто не оспаривалъ необходимости охраны государя и его семьи, но назначеніе г. Дурново на постъ министра внутр. дѣлъ вызвало рѣшительное несогласіе. Предлагались разные способы: выдѣлить эту охрану въ особое самостоятельное вѣдомство, не связанное съ министерствомъ, и поручить его генералу Трепову въ качествѣ дворцоваго коменданта, или указать другое лицо на мѣсто министра внутр. дѣлъ, пользующееся въ обществѣ безупречной репутаціей. Предложили кн. С. Д. Урусова, бывшаго бессарабскаго, а потомъ тверского губернатора. Это имя встрѣтило общее сочувствіе и Витте одобрилъ такой выборъ. Но когда Урусовъ, находившійся въ Крыму, по телеграфу далъ свое согласіе и готовность принять любую должность, Витте взялъ свое согласіе назадъ и предложилъ Урусову мѣсто товарища министра

Дуриово. Послѣ продолжительиыхъ переговоровъ кн. Трубецкой отказался отъ предложеннаго ему портфеля.

Я живо помню, съ какимъ недоумѣніемъ и иегодованіемъ онъ возвращался отъ Витте послѣ переговоровъ, все болѣе раскрывавшихъ намѣренія Витте создать министерство, лишенное всякаго конституціоннаго характера.

Для всѣхъ становилось очевиднымъ, что способъ, придуманный графомъ Витте для пополненія своего кабинета общественными дѣятелями, разсчитанъ на соблазннтельность приманкн министерскаго портфеля для людей, случайно выдвинутыхъ впередъ общественнымъ движеніемъ и не чуждыхъ честолюбія. Къ числу такихъ людей Витте, лншенный чувства правды, причислилъ и Д. Н. Шипова, давшаго принципіальное согласіе принять портфель Госуд. Контроля. Условіямъ, которыми Шиповъ оговорнлъ свое согласіе, Витте не придавалъ никакого значенія: на вѣсахъ карьеры, по мнѣнію «знатока» дѣйствительности, чашка съ миннстерскнмъ портфелемъ перетянетъ своимъ вѣсомъ невѣсомыя моральныя условія, которыя Витте считалъ ни во что. Согласно такому пониманію вещей, онъ такъ и поступилъ: получивъ условный отвѣтъ отъ Шнпова, онъ немедленно испросилъ у императора утвержденіе Шипова въ должности государственнаго контролера и снова вызвалъ уѣхавшаго въ Москву Шипова телеграммой.

Сообщеніе объ утвержденіи его въ должности н предложеніе представиться на слѣдующій день императору въ качествѣ гос. контролера, привели Шипова въ негодованіе и онъ объявилъ Витте, что согласіе свое онъ далъ подъ опредѣленнымн условіями, изъ которыхъ ни одно еще не существуетъ. Поэтому, онъ завтра же заявитъ государю о своемъ несогласіи принять портфель въ министерствѣ Внтте. Такое рѣшеніе Шипова было полной неожиданностью для Витте, который принялся вмѣстѣ съ своимъ другомъ, кн. А. Д. Оболенскнмъ, убѣждать Шипова въ невозможности измѣнить создавшееся положеніе, такъ какъ приказъ объ утвержденіи его сданъ въ печать и на слѣдующій день будетъ опубликованъ. Но Шиповъ остался непреклоненъ и повторнлъ, что завтра же разъяснить государю все дѣло и будетъ просить объ увольненіи. Такъ онъ и поступилъ. Государь выслушалъ и одобрилъ его рѣшеніе, быть можетъ довольный неудачей Витте, авторнтету и заносчивости котораго былъ нанесенъ чувствительный ударъ.

Въ числѣ общественныхъ дѣятелей былъ приглашенъ на мѣсто миннстра торговли и промышлеиности А. И. Гучковъ, принадлежавшій къ «именнтому» московскому купечеству и братъ котораго былъ въ это время московскимъ городскимъ головой. Повидимому, вступленіе Гучкова въ министерство весьма интересовало Витте. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ о иемъ, какъ о «бывшемъ дѣятельномъ членѣ земскихъ съѣздовъ»... «до 17-го октября шедшемъ вмѣстѣ съ кадетами Милюковымъ, Маклаковымъ, Герценштейиомъ и пр.» Это невѣр-

ио. Въ земскнхъ съѣздахъ, съ іюля 1905 г. превратившихся въ земско-городскіе съѣзды, я прннималъ дѣятельное участіе н могу утверждать, что А. И. Гучкова я видѣлъ одннъ разъ, когда оиъ выступилъ противъ миѣній большннства съѣзда по польскому вопросу н протнвъ поляка изъ Вильиы г. Врублевскаго, пронзнесшаго тогда овою блестящую рѣчь. Точно также могу утверждать, что Гучковъ никогда ие прииадлежалъ къ ка-детской партіи, противъ которой оиъ велъ со дня ея основанія непрнмнрнмую борьбу. Позднѣе гр. Витте лично мнѣ говорилъ, что, будучи еще мннпстромъ финаисовъ и главнымъ иачальникомъ пограничной стражи, оиъ получилъ, кажется изъ Харбнна, телеграмму отъ желѣзио-дорожнаго управлеія о самоуправиомъ и иасильствениомъ захватѣ офицеромъ пограничной стражн, Гучковымъ, квартиры одного изъ нижеиеровъ ж.-дорогн. На эту телеграмму Внтте отвѣтнлъ удаленіемъ Гучкова нзъ пограничиой стражи и возстаиовлеиіемъ правъ иижеиера. «Вотъ все, закончнлъ онъ свой разсказъ, что я зналъ о Гучковѣ до 17-го октября». Мнѣ кажется, что Внтте разсчитывалъ въ Гучковѣ получить представнтеля Москвы, какъ цеитра русской промышленности н торговли, и такимъ образомъ какъ бы установить связь своего миннстерства съ самыми важными экономнческнми нитересами Россін.

Во время переговоровъ съ общественными дѣятелями о вступлеиіи ихъ въ миинстерство, я получилъ отъ Витте пнсьмо съ просьбой заѣхать къ нему въ зданіе рядомъ съ Зимиимъ Дворцомъ, гдѣ оиъ тогда жилъ. Я былъ иѣсколько уднвлеиъ этнмъ прнглашеніемъ, тѣмъ ие менѣе въ иазначенный часъ былъ у иего. Прниявъ меня очень любезио, оиъ обратился ко мнѣ съ просьбой, которую я меиѣе всего могъ ожидать: взять иа себя трудъ убѣдить А. И. Гучкова прннять миинстерскій портфель торговли и промышлениости; оиъ, Внтте, имѣетъ осиоваиіе думать, что Гучковъ колеблется подъ давленіемъ партіи, къ которой оиъ прннадлежитъ, а я играю въ ней вліятельную роль н могу убѣднть его отказаться отъ всякихъ колебаиій и вступить въ миинстерство.

Я поспѣшилъ увѣрить Витте, что Гучковъ не связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ ни земско-городскнмн съѣздамн, нн ка-детской партіей, къ которой оиъ ие только не принадлежитъ, но ведетъ съ ней борьбу. Что же касается иашихъ личиыхъ отношеній, то я только разъ видѣлъ его, когда оиъ говорнлъ рѣчь по польскому вопросу и личио мы вовсе иезиакомы. Поэтому, мое вмѣшательство въ его дѣйствія можетъ только повредить дѣлу, тѣмъ болѣе, что я раздѣляю мнѣиія Шипова и Трубецкого, рѣшительио отказывающихся работать вмѣстѣ съ г. Дурново, пользующимся слишкомъ опредѣленной репутаціей крайняго реакціоиера.

Витте былъ видимо раздраженъ моимъ замѣчаніемъ и возразилъ, что считаетъ Дурново человѣкомъ наиболѣе способнымъ и иеобходимымъ для той роли, которую оиъ ему предназначаетъ, ставя его во главѣ миинстерства виутр. дѣлъ: иа немъ будетъ лежать отвѣтственность за общій порядокъ и особенио за безопасность государя.

На мое замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ придется составить министерство по программѣ г. Дурново, ибо иначе оно не будетъ представлять никакого единства, Витте, еще болѣе неспокойно, отвѣтилъ, что во всякомъ случаѣ назначеніе четырехъ министровъ: двора, военнаго, морского и иностр. дѣлъ зависятъ всецѣло отъ выбора государя; а отъ единства министерства нельзя требовать безусловнаго тождества мнѣній, ибо и двухъ человѣкъ трудно найти во всемъ согласныхъ между собою. У каждаго министра имѣются свои спеціальныя задачи, поглощающія его вниманіе гораздо больше, чѣмъ общіе вопросы, возникающіе рѣдко; въ такихъ случаяхъ на предсѣдателѣ Совѣта лежитъ обязанность примирить различныя мнѣнія и привести ихъ къ единству.

На этомъ наша бесѣда закончилась.

Комедія образованія министерства съ участіемъ общественныхъ дѣятелей не удалась Витте, и онъ закончилъ тѣмъ, съ чего и слѣдовало начать, т. е. съ образованія министерства изъ элементовъ солидарныхъ съ Витте, какъ по своимъ воззрѣніямъ, такъ и по своему бюрократическому положенію. Онъ разсчитывалъ соблазнить общественныхъ дѣятелей министерскими портфелями, но они оказались честнѣе, чѣмъ разсчитывалъ Витте. Коалиція двухъ разнородныхъ группъ, быть можетъ, могла быть полезной лишь при условіи одинаковаго желанія спасти свою страну отъ угрожающей ей опасности, понимаемой также одинаково. Но именно этого и не было, и оставляя старый аппаратъ власти, Витте не могъ прокладывать новые пути въ государственномъ управленіи: его неудача была предрѣшена его собственнымъ способомъ дѣйствій и черезъ шесть мѣсяцевъ онъ получилъ отставку.

ГЛАВА XXI.

Манифестъ 17 октября не внесъ перемѣнъ въ государственное управленіе. — Борьба продолжается. — Митинги. — Нарушеніе свободы собраній. — Разговоръ съ П. Н. Дурново о предполагаемомъ съѣздѣ партіи к. д. — Разговоръ съ Витте по поводу возвращенія П. Б. Струве въ Россію. — Образованіе «дѣлового» министерства изъ высокопоставленныхъ чиновниковъ. — Независимость четырехъ министровъ отъ Госуд. Думы. — «Черная сотня». — Арестъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. — Возстаніе въ Москвѣ. — Увольненіе либеральныхъ министровъ. — Земельный законопроектъ Кутлера. — Отношеніе Витте къ аграрному вопросу. — Особая законодательная комиссія. — Манифестъ о преобразованіи Госуд. Совѣта и Госуд. Думы. — Лѣвые объявляютъ бойкотъ Думѣ. — Партія к. д. противъ бойкота. — Значеніе 7-ой статьи, внесенной Щегловитовымъ въ положеніе о Госуд. Думѣ. — Исключеніе изъ среды дворянъ С. А. Муромцева, В. Д. Набокова, кн. Петра Дм. Долгорукова и др. происками реакціонеровъ дворянскихъ собраній. —

Опубликованіе Манифеста 17-го октября 1905 года, сверхъ всякаго ожиданія, не произвело никакой перемѣны въ системѣ государственнаго управленія.

Все осталось по старому; ни малѣйшаго признака, говорящаго о великой перемѣнѣ, происшедшей въ Россіи и превратившей, по требованію народа, автократическое государство въ конституціонное.

Перемѣнились только министры, да и то не всѣ: изъ 14-ти лишь восемь новыхъ, а шесть остались на своихъ старыхъ насиженныхъ мѣстахъ. Притомъ все министерство взято было изъ той же чиновничьей среды, которая никогда не пользовалась симпатіями общества. Конечно, въ этой средѣ имѣется немало порядочныхъ и дѣловыхъ людей, но ея бюрократическія привычки, система, которой они служили и проводниками которой они были, не давали никакихъ надеждъ на перемѣну вообще, а быструю, въ особенности.

По прежнему, осталось два враждебныхъ лагеря: правительство и общество, непримиримые и недовѣряющіе одинъ другому; искренности перваго никто не вѣрилъ, громкія фразы Манифеста не давали никакихъ гарантій тому, что при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ всѣ обѣщанія и обязательства не будутъ взяты назадъ, и страна не останется при разбитомъ корытѣ. И каждый новый день, слѣдовавшій за Манифестомъ, убѣждалъ общество въ томъ, что борьба еще далеко не окончена.

Въ первые же дни послѣ Манифеста можно было ожидать, что будутъ изданы временныя правила относительно пользованія дарованными свободами, но ожиданія были напрасны, правила не появлялись и положеніе сохранялось прежнее, т. е. юридически общество оставалось безправнымъ, но пользовалось фактически «завоеваніями революціи», или, говоря проще, порядкомъ установившимся, когда испуганная всеобщей забастовкой и растерявшаяся власть «ушла», предоставивъ событія ихъ естественному теченію.

Митинги продолжали собираться чуть-ли не ежедневно, а въ иные дни одновременно въ разныхъ мѣстахъ города, впрочемъ не на открытомъ воздухѣ, а въ помѣщеньяхъ и были особенно многолюдны, когда назначались партіей конституціонно-демократической, взявшей на себя защиту будущей Государственной Думы противъ бойкота ея, провозглашеннаго партіями крайняго лѣваго и праваго направленій. Тутъ произносились страстныя рѣчи предствителями всѣхъ партій, но особенно старались провокаторы черной сотни, вносившіе самыя крайнія предложенія и резолюціи. Мнѣ самому пришлось однажды предсѣдательствовать на митингѣ въ Соляномъ Городкѣ на Пантелеймоновской улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ департамента полиціи, гдѣ, послѣ ораторовъ к.-д. партіи, попросилъ слово неизвѣстный мнѣ господинъ и подъ громъ апплодисментовъ нашихъ противниковъ слѣва и справа разносилъ Государственную Думу и конституцію. Послѣ окончанія его рѣчи, мнѣ сообщили, что выступавшій ораторъ былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, будущій членъ третьей Думы, г. Половцевъ. Въ другой разъ, но гораздо позднѣе, когда правительство уже оправилось отъ своей растерянности, мнѣ пришлось предсѣдательствовать на митингѣ въ залѣ хлѣбной биржи, гдѣ полицейскій чинъ уже позволилъ себѣ вступить со мной въ пререканіе по поводу рѣчи одного соціалиста, направленной также противъ конституціи и Госуд. Думы, но далеко не въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ, какія позволялъ себѣ чиновникъ изъ черной сотни и, въ концѣ концовъ, полицейскій потребовалъ закрытія собранія.

Присутствіе на митингахъ такихъ представителей правительства, пользовавшихся правомъ закрытія собранія послѣ третьяго предостереженія, уже достаточно говорило, что права собраній, провозглашенныя манифестомъ, терпѣлись до тѣхъ поръ, пока правительство чувствовало себя недостаточно сильнымъ, чтобы вступить въ открытую борьбу съ обществомъ и со всѣми свободами, даже когда онѣ не грозили никакому порядку.

Мои соображенія мнѣ пришлось провѣрить и другимъ, еще болѣе дѣйствительнымъ путемъ.

Наша конституціонно-демократическая партія, орагнизовавшаяся ранѣе манифеста, но обнародовавшая свою программу 18-го октября, т. е. на другой день послѣ манифеста 17-го октября, сочла нужнымъ созвать въ Петербургѣ свой партійный съѣздъ. Мнѣ было поручено устройство съѣзда. Не желая рисковать съѣздомъ, я счелъ нужнымъ переговорить по этому поводу съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново. Я не встрѣтилъ съ его стороны никакихъ возраженій, но онъ счелъ нужнымъ мотивировать свое отношеніе къ съѣзду какъ разрѣшеніе и объявилъ, что давъ «разрѣшеніе» на съѣздъ группѣ защитниковъ стараго строя (т. е. будущей черной сотнѣ, уже организовавшейся подъ руководствомъ д-ра Дубровина и подъ покровительствомъ самого царя Николая II), онъ не можетъ «отказать» и мнѣ. На мое замѣ-

чаніе, что мы ни въ какомъ случаѣ не допустимъ на съѣздъ полицейскаго чиновника, Дурново отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія посылать на такія собранія полицейскихъ чиновъ въ увѣренности, что мы сами позаботимся о поддержаніи необходимого порядка на съѣздѣ. На этомъ моя аудіенція окончилась, такъ какъ ни та ни другая сторона не чувствовала желанія обмѣняться мнѣніями по поводу столь новыхъ явленій, какъ свободное собраніе политической партіи. Но и безъ словъ мы оба понимали различіе нашихъ отношеній къ новому конституціонному порядку, съ которымъ «конституціонный» министръ Дурново никогда не примирится и будетъ ждать своего часа, когда конституція будетъ провалена. *) . . . .

. . . .

. . . .

Спустя нѣсколько дней послѣ пріѣзда нашего въ Петербургъ, я рѣшился обратиться къ Витте съ просьбой о разрѣшеніи для П. Б. Струве пріѣзда въ Петербургъ. Какъ извѣстно, Струве въ это время жилъ въ Парижѣ и издавалъ тамъ журналъ «Освобожденіе», преслѣдуемый въ Россіи за свое оппозиціонное направленіе.

Витте принялъ меня любезно, какъ знакомаго, и выслушавъ мою просьбу, сказалъ:

— Я не знаю Струве, а вы ручаетесь за него?

Я отвѣчалъ, что Струве я близко знаю и могу свидѣтельствовать, что это человѣкъ разумный и заслуживаетъ полнаго уваженія; что безъ малѣйшаго колебанія я увѣренъ, что онъ не поставитъ его, Витте, въ положеніе, которое заставило бы его сожалѣть о данномъ разрѣшеніи пріѣхать въ Петербургъ.

— Я долженъ предупредить васъ, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на это, что я не считаю себя въ правѣ дать просимое разрѣшеніе, не испросивъ предварительно согласія государя, такъ какъ дѣло касается эмигранта, издающаго за границей противоправительственный журналъ.

Я предпринялъ этотъ шагъ безъ вѣдома Петра Бернгардовича, который не искалъ помощи своихъ друзей и самъ не обращался къ правительству съ просьбой, а просто рѣшилъ, что ѣхать въ Россію надо и поѣхалъ на авось; при въѣздѣ, какъ мнѣ кажется, онъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій на русской границѣ. Можно думать, что Витте сдержалъ свое обѣщаніе, такъ какъ при первой встрѣчѣ со мною послѣ моей просьбы (а это было черезъ нѣсколько дней), онъ мнѣ сказалъ, что разрѣшеніе на въѣздъ Струве въ Россію было имъ сообщено во всѣ таможни по западной границѣ.

Я привожу этотъ случай именно въ виду его незначительности, ибо чѣмъ онъ менѣе значителенъ, тѣмъ вреднѣе былъ онъ для новаго порядка, такъ какъ поддерживалъ государя въ увѣренности, что если самомалѣйшія дѣла зависятъ по прежнему отъ его воли, то очевидно

*) Пунктиромъ обозначенъ пропускъ въ подлинной рукописи.

ничто не измѣнилось въ строѣ и его царская воля, какъ и раньше, рѣшаетъ всѣ вопросы управленія.

Вотъ почему я склоненъ думать, что на Витте лежала обязанность показать, что съ момента изданія манифеста 17-го октября царская воля ограничена закономъ, но, оставаясь безотвѣтственной, она не можетъ служить опорой и для дѣйствій отвѣтственной власти, организація которой должна быть на первой очереди. Надо было спѣшить съ организаціей министерства, но теперь можно сказать съ увѣренностью, что у Витте по этому вопросу не было никакого опредѣленнаго плана. Ему не приходила въ голову мысль, что въ данный моментъ требуется кабинетъ не «дѣловой», а политическій; что главная задача новаго правительства заключается не въ порядкѣ министерскаго дѣлопроизводства, а въ осуществленіи новаго строя, въ замѣнѣ самодержавія конституціоннымъ порядкомъ. Витте вспомнилъ Лорисъ-Меликовскую конституцію, подписанную императоромъ Александромъ II-мъ и заключавшуюся въ приглашеніи нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей въ Государственный Совѣтъ. Но то, что было 25 лѣтъ раньше, не годилось теперь, когда самъ Витте заговорилъ о конституціи и о законодательной Госуд. Думѣ. Дѣловой кабинетъ, состоящій изъ самыхъ просвѣщенныхъ чиновниковъ, теперь не годился уже потому, что былъ связанъ съ старымъ порядкомъ крѣпкими узами. Онъ не могъ по своему составу и по своимъ традиціямъ стать въ оппозицію къ власти, которой привыкъ повиноваться безпрекословно.

Конституціоннымъ отвѣтомъ на требованіе страны и логическимъ завершеніемъ манифеста могло быть только образованіе политическаго кабинета изъ общественныхъ дѣятелей, такъ какъ только такой кабинетъ могъ дать обществу увѣренность въ прочности новаго порядка.

Витте этого не понималъ. Мало того, онъ боялся передать власть даже наиболѣе умѣреннымъ изъ общественныхъ дѣятелей и считалъ всѣхъ ихъ революціонерами. Онъ готовъ былъ согласиться на двухъ-трехъ «революціонеровъ», но съ тѣмъ, чтобы передать имъ портфели, не имѣющіе ни малѣйшаго политическаго характера, и приглашая «революціонера» Д. Н. Шипова, онъ готовъ былъ дать ему портфель государственнаго контролера, чтобы дать обществу «гарантіи въ правильности расходованія государственныхъ средствъ». Готовъ былъ пригласить профессора кн. Е. Н. Трубецкого на должность министра народнаго просвѣщенія, но, поговоривши съ нимъ, убѣдился, что «сразу раскусилъ эту натуру. Она такъ открыта, такъ наивна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ кафедро-теоретична, что ее не трудно сразу распознать съ головы до ногъ... Совершенный Гамлетъ русской революціи». (т. II-й, стр. 61).

Такая характеристика не столько даетъ портретъ одного изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей, сколько свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи Витте, какъ историческихъ событій, въ которыхъ ему хочется сыграть историческую роль, такъ и людей, которые по своему

образованію, уму, благородству характера и искреннему патріотизму далеко превосходятъ высокопоставленнаго карьериста.

Витте воображалъ, что онъ можетъ заслужить себѣ историческое имя съ помощью стараго полицейскаго чиновника Дурново, бывшаго директора департамента полиціи, котораго императоръ Алексадръ III приказалъ убрать въ 24 часа. Витте знаетъ всѣ его продѣлки по службѣ и въ частной жизни, и считаетъ, что именно этому, лишенному элементарной честности, человѣку слѣдуетъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ охраны жизни императора. Такое назначеніе было равносильно объявленію, что Россія какъ была, такъ и остается полицейскимъ государствомъ, какую бы этикетку ни наклеили на ея знамени, и никто изъ общественныхъ дѣятелей, даже г. Гучковъ, котораго Витте особенно надѣялся соблазнить министерскимъ портфелемъ, какъ представителя «именитаго» московскаго купечества, никто не пожелалъ стать подъ знамя Витте — Дурново. Министерство образовалось изъ «дѣловыхъ» элементомъ, т. е. изъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ чиновниковъ. Но Витте пошелъ еще дальше въ уступкахъ старому порядку, сохранивъ за императоромъ права назначенія министровъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго, морского и двора, и подчиненія ихъ непосредственно императору. Такимъ образомъ, вся сфера дѣятельности этихъ министровъ выдѣлилась изъ состава министерства въ особое учрежденіе, глава котораго, безотвѣтственный государь, могъ вести свою международную политику и распоряжаться войскомъ и флотомъ по своему усмотрѣнію независимо отъ министерства, а слѣдовательно и независимо отъ контроля Государственной Думы.

Безотвѣтственность иностранной политики правительства привела Россію къ Японской войнѣ, печальныя и позорныя послѣдствія которой никакой миръ не могъ изгладить изъ нашей памяти. За спиной министерства иностранныхъ дѣлъ и съ вѣдома императора велась «придворной камарильей» своя политика личныхъ интересовъ, въ которой принималъ дѣятельное участіе членъ царской семьи, beau-frère самого императора.

Россія не только проиграла войну, такъ необдуманно начатую, потерявъ почти весь свой военный флотъ, похоронивъ на поляхъ Манчжуріи сотни тысячъ своихъ солдатъ, уступивъ побѣдителю половину о-ва Сахалина, Портъ-Артуръ и городъ Дальній, но сверхъ того она утратила свое международное положеніе, обнаруживъ всю свою слабость, всѣ язвы своего самодержавнаго строя и подготовила обѣ революціи.

Въ одномъ этомъ событіи (войнѣ), такимъ образомъ, проявились всѣ недостатки и опасность управленія безотвѣтственной властью, а въ то же время стали явнымъ предостереженіемъ продолженію такого порядка, который требовалъ устраненія во что бы то ни стало.

Тѣмъ не менѣе Витте и этого не понялъ.

Пассивное сопротивленіе Николая II-го и его правительства требованію конституціи, предъявленному общественнымъ мнѣніемъ, создало повышенное настроеніе всѣхъ общественныхъ слоевъ страны; оно поднималось все выше и начало переходить въ нѣкоторыхъ слояхъ въ настроеніе революціонное, но сразу пошло на убыль послѣ объявленія манифеста, а между тѣмъ всѣ обѣщанія данныя царемъ въ манифестѣ стали очень скоро забываться и уступать мѣсто попыткамъ возврата къ старому порядку со стороны бюрократіи. Точно также и гр. Витте не менѣе быстро забылъ всѣ свои разсужденія, изложенныя въ его докладѣ, сопровождавшемъ манифестъ и яко бы гарантировавшія исполненіе обѣщаній манифеста.

Идея объединеннаго министерства, о чемъ Витте такъ убѣжденно распространялся въ этомъ докладѣ, была сразу признана практически невыполнимой, когда четыре министра, — иностранныхъ дѣлъ, военный, морской и двора, — были выдѣлены изъ министерства и оставлены въ полномъ подчиненіи и распоряженіи императора, при чемъ самый выборъ и назначеніе ихъ признаны были прерогативой царя. Такимъ образомъ, правительство было расколото на двѣ части, изъ которыхъ одна была подчинена безотвѣтственному монарху и не обязана сообразовать свои дѣйствія съ другой частью правительства; по прежнему война или миръ остались въ рукахъ царя, который могъ повторить нѣчто въ родѣ японской авантюры, по своему усмотрѣнію увеличивать или уменьшать составъ арміи и флота и издавать для нихъ помимо Государственной Думы всякіе уставы и правила, словомъ создать государство въ государствѣ.

Всѣ послѣдствія такихъ уклоненій отъ обѣщаній царя и публичныхъ заявленій г. Витте не замедлили обнаружиться тотчасъ же, притомъ въ самой рѣзкой и грубой формѣ, въ появленіи, такъ называемой, «черной сотни». Въ Россіи это явленіе не было новостью. Впервые оно было употреблено какъ орудіе самодержавной власти въ XVI вѣкѣ при Іоаннѣ Грозномъ и извѣстно подъ именемъ опричнины. Со смертью Грознаго исчезла и опричнина какъ организація, но привычки ея остались и проявлялись, не составляя формальной организаціи. Только послѣ убійства императора Александра II снова возникла опричнина, подъ наименованіемъ «Священной Дружины», съ министромъ двора, графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, во главѣ. Любопытно, что гр. Витте заявляетъ свое право на пріоритетъ идеи организаціи общества для охраны жизни императора Александра III-го, который разрѣшилъ организовать такую дружину. Она существовала однако не долго, во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьева, котораго смѣнилъ гр. Д. А. Толстой, поведшій борьбу съ Дружиной, находя что она вноситъ двоевластіе, тогда какъ безопасность государя и безъ ея помощи обезпечена средствами, которыми располагаетъ министерство. Александръ III согласился съ этимъ, и Дружина была распущена, казалось, безвозвратно.

Однако, съ воцареніемъ слабовольнаго Николая II, благодаря возобиовленію подпольнаго террора, появляется и «черная сотня», на этотъ разъ болѣе активная, располагающая большими средствами, имѣющая цѣлью ие только борьбу съ общественнымъ движеніемъ, стремящимся къ конституціи, но и образованіе молодого поколѣиія подъ флагомъ: «за вѣру, царя и отечество». Для этого была учреждена чериосотенная гимназія. Во главѣ «черной сотни» стоялъ докторъ Дубровинъ, съумѣвшій заслужнть особую благодарность Николая II, согласившагося официціально принять отъ г. Дубровина черносотенный значекъ для себя и позволившій вручить его и наслѣднику цесаревичу. Этотъ жестъ былъ признаніемъ «черной сотни», какъ полезнаго и согласнаго съ государственными цѣлями учрежденія. Съ этого времени погромы бывшіе и будущіе, еврейскіе и общіе, безъ различія расъ, убійства «враговъ царя и отечества» и т. п. становятся подъ покровительство и защиту правительства. Въ департаментѣ полицін, въ тайной типографін, печатаются всевозможныя прокламаціи, приглашающія «истинно русскихъ людей» стать на защиту роднны противъ зловредныхъ ея враговъ. Печатиыя прокламаціи распространялись въ провинціи, гдѣ руководили погромами и даже убійствами жандармскіе офицеры н губериаторы, какъ это было въ Твери, Томскѣ, Одессѣ, Москвѣ и проч.

Появленіе «чериой сотни» ободрило надежды царя на возстановленіе стараго порядка. Онъ скоро сообразилъ, что можетъ постепенно отдѣлаться отъ услугъ Витте. Такое же чувство испытывалъ и Витте, хорошо знавшій характеръ своего повелителя. Онъ пытался въ первое время своего управленія дѣйствовать энергично и 26 иоября арестовалъ Носаря-Хрусталева, предсѣдателя Совѣта рабочихъ депутатовъ, а 3 декабря почти весь Совѣтъ, засѣдавшій въ Вольио-Экоиомическомъ Обществѣ, въ числѣ 190 человѣкъ, былъ арестоваиъ. Этотъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, на другой день послѣ изданія манифеста, 18-го октября, предложилъ рабочимъ, недовольнымъ манифестомъ, объявить забастовку. Арестъ Совѣта повелъ за собой постепенное прекращеніе забастовокъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провннціи. Но въ Москвѣ забастовка перешла въ вооруженное возстаиіе, центръ котораго былъ на Прѣснѣ, на фабрикѣ Прохоровыхъ. Само собой разумѣется, что подавить такое возстаніе было возможно лишь съ помощью военіой силы, такъ какъ оно имѣло чисто политическій характеръ — иедовольства маннфестомъ. Московскій генералъ-губернаторъ, не рвзсчитывая на московскій гарнизонъ, настойчиво требовалъ отъ Витте прнсылки войскъ, чтобы «подавить бунтъ, грозившій серьезными послѣдствіями». Но министерство военное не было подчннено Совѣту министровъ и требовалось согласіе императора. Приходилось обратиться къ Петербургскому Главнокомандующему, также независимому отъ министерства. Главиокомандующій в. к. Николай Ннколаевичъ, съ своей стороиы, находилъ, что войска Петербургскаго гарнизона предназначеиы для охраны государя и его семьи и не могутъ быть удаляемы изъ Петербурга.

Только послѣ продолжнтельныхъ хлопотъ и полученія личиаго распоряженія царя, одииъ гвардейскій полкъ (Семеновскій) былъ отправлеиъ въ Москву и быстро подавнлъ возстаніе.

Съ флотомъ происходила аиалогичная исторія. Какъ балтійскій, такъ и чериоморскій флоты утратили всякую дисциплииу, что еще лѣтомъ 1905 г. такъ ярко выразнлось въ совершеиио исключительиомъ эпизодѣ съ буитомъ броиеиосца «Потемкииъ», который объявнлъ себя иезависнмымъ и со всѣмъ экипажемъ дезертнровалъ въ Румыиію. Въ Кроиштадтѣ, уже при Витте, также произошелъ буитъ. Тѣмъ ие меиѣе, мнинстерство ие имѣло права вмѣшиваться въ дѣла армін и флота, составлявшикъ вѣдомства, зависимыя исключнтельио отъ государя.

Съ другой стороиы, безъ вѣдома и согласія Витте н его министерства, устраивалнсь воеииыя карательиыя экспеднціи по распоряжеиіямъ воеииыкъ властей. Остэейскіе бароиы обращались иепосредствеиио къ воеииому иачальству съ просьбой о присылкѣ карательиыхъ экспедицій для иаказанія латышей и эстонцевъ. Въ своикъ воспоминаиіякъ (XXXIII) Витте утверждаетъ, что этн экспедиціи, отличавшіяся иеобыкновеииой жестокостью подъ иачальствомъ генерала Орлова, капитаиъ-лейтеиаита Риктера и другикъ, были посланы безъ его согласія, по распоряжеиіямъ, искоднвшимъ непосредственно отъ военнаго вѣдомства.

Еслн самъ императоръ Николай II могъ ие сразу замѣтить, что иастроеніе въ страиѣ пошло иа убыль, то его окружеиіе зорко слѣднло за виутреиннмъ полнтнческимъ барометромъ н пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возстаиовнть старый порядокъ, съ которымъ были связаиы всѣ интересы этикъ людей. Какъ только появились первые прнзиаки иачииающагося успокоеиія страны, иачался покодъ противъ состава мнинстерства и первой жертвой этого наступлеиія оказался мнинстръ юстнціи С. С. Маиухииъ, выиуждеииый подать въ отставку уже въ первой половинѣ ноября, меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ опубликованія маинфеста, вслѣдствіе предъявленія къ нему обвиненія въ либерализмѣ судебиаго вѣдомства, слабости судебной репрессін и потворствѣ миинстра. Внтте не защищалъ его, котя поиималъ, что нападеиіе иа мнинстра иесправедливо и вызвано происками «окруженія»; онъ «обратнлся къ офиціальиой справочиой киижкѣ... и сталъ искать, кто изъ сенаторовъ пользуется иеотъемлемой репутаціей правыкъ, которые не моглн бы встрѣтнть возражеиій въ смыслѣ иедостаточиой икъ коисерватнвиостн, носили бы русскія фамилін н прошли бы всѣ должиости въ судебиой карьерѣ». (стр. 162, т. II). Результатомъ такнкъ поисковъ было представлеиіе императору иазначнть мниистромъ юстнціи Акнмова, родственнаго по духу и воззрѣиіямъ миннстру виутреиинхъ дѣлъ Дуриово.

Повндимому, Витте ие догадался, что его коиституціоииому дѣтищу былъ нанесенъ первый серьезиый ударъ, за которымъ логически послѣдуютъ новые.

Въ началѣ февраля мѣсяца императоръ потребовалъ увольненія министра земледѣлія Н. Н. Кутлера, возбудившаго опасенія крупныхъ землевладѣльцевъ, близкихъ ко двору, внесеніемъ въ Совѣтъ министровъ законопроекта о принудительномъ отчужденіи за выкупъ земли изъ частныхъ владѣній для надѣленія крестьянъ, въ виду ихъ тяжелаго хозяйственнаго положенія. Законопроектъ этотъ Совѣтомъ министровъ былъ отклоненъ, но случайно попалъ въ руки лицъ близкихъ ко двору. Этого было достаточно, чтобы побудить императора Николая II, не вступая ни въ какія объясненія съ министромъ, приказать уволить его. Конечно, если бы министерство Витте состояло изъ общественныхъ дѣятелей, людей независимыхъ, на такое требованіе оно отвѣчало бы коллективной отставкой. Можно даже думать, что царь не рѣшился бы на такое аггрессивное требованіе и не забылъ бы такъ скоро обѣщаній своего манифеста и болѣе считался бы съ правительствомъ, за спиной котораго стояло общественное мнѣніе. Но съ Витте онъ уже пересталъ считаться, хотя Витте продолжалъ утѣшать себя тѣмъ, что его конституція «отдѣлила вчерашній день отъ завтрашняго, прошедшее отъ будущаго». Дѣйствительность показывала другое: царь убѣдился, что всякая опасность для него и для династіи не только миновала, но что ея вовсе и не было, и что Витте воспользовался замѣшательствомъ и совершенно напрасно убѣдилъ его сдѣлать ненужныя уступки, а потому н нѣтъ никакого основанія удерживать у власти Витте и его министерство. И царь не теряетъ случая теперь показать себя со всею грубостью безхарактернаго владыки и дать понять все свое презрѣніе къ человѣку, въ которомъ болѣе не нуждается. Витте покорно подчинился требованію, но рѣшился обратиться съ просьбой, «по примѣру прошедшаго времени», назначить Кутлера членомъ Государственнаго Совѣта. Царь отказалъ и на письменную просьбу Витте, не безъ ироніи, письменно же отвѣтилъ, что «пора послѣдовать примѣру западныхъ государствъ и не назначать отставныхъ министровъ ни въ Гос. Совѣтъ, ни въ Сенатъ». Обиженный премьеръ, уже чуявшій свою близкую отставку, въ своемъ объясненіи оправдываетъ свою просьбу тѣмъ, что «въ западныхъ государствахъ всѣ эти порядки вытекаютъ изъ конституціоннаго устройства... у насъ же государство правится Самодержавнымъ монархомъ и потому наша практика была иная». Поэтому онъ просилъ назначить Кутлеру пенсію, на что царь изъявилъ свое согласіе.

Такимъ образомъ, творецъ конституціи отрекся отъ своего дѣтища, признавъ, что у насъ продолжаетъ «править государствомъ самодержавный монархъ», и покорно замѣнилъ Кутлера г-мъ Никольскимъ, «благонамѣреннымъ» чиновникомъ и публицистомъ газеты «Новое Время», сторонникомъ крупнаго землевладѣнія и защитникомъ «священнаго права собственности».

Съ Н. Н. Кутлеромъ я познакомился послѣ его отставки, когда онъ вступилъ въ качествѣ члена въ партію к.-д. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ во время первой Гос. Думы, еще чаще во время второй Ду-

мы, членомъ которой онъ былъ, на вечернихъ партійныхъ собраніяхъ въ Таврическомъ дворцѣ, куда допускались и бывшіе депутаты первой Думы, хотя и не принадлежавшіе къ составу второй Думы. Но всего ближе я узналъ его на засѣданіяхъ маленькой партійной аграрной комиссіи, собиравшейся въ моей квартирѣ по вечерамъ и въ которой принимали наиболѣе дѣятельное участіе, какъ знатоки крестьянскаго быта: Н. Н. Черненковъ, Н. Н. Кутлеръ и А. А. Корниловъ.

Н. Н. Кутлеръ съ молоду посвятилъ себя государственной службѣ и, благодаря своимъ способностямъ и трудолюбію, быстро сдѣлалъ служебную карьеру, занявъ высокое положеніе товарища министра внутр. дѣлъ, а затѣмъ товарища министра финансовъ. Во всякомъ случаѣ Витте, при образованіи своего дѣлового кабинета, не могъ сдѣлать лучшаго выбора, предоставивъ Кутлеру портфель министра земледѣлія. Но именно это обстоятельство и возбудило противъ новаго министра крупныхъ и очень вліятельныхъ при дворѣ аристократовъ-землевладѣльцевъ, испуганныхъ проектомъ Кутлера, внесеннымъ имъ въ совѣтъ министровъ, о принудительномъ отчужденіи за выкупъ необходимаго количества земель для надѣленія крестьянамъ, въ виду тяжелаго хозяйственнаго и экономическаго положенія послѣднихъ.

Въ правительственныхъ кругахъ, какъ и въ верхнихъ слояхъ общества и особенно среди владѣльцевъ латифундій, не допускалась и мысль, что въ томъ или въ другомъ видѣ можетъ быть повторенъ способъ отчужденія помѣщичьей земли, примѣненный въ 1861 г. при освобожденіи крестьянъ. Только отдѣльные голоса въ этихъ сферахъ не сомнѣвались, что въ такомъ правильномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса заключается не только судьба крупнаго землевладѣнія, но и самого бытія русскаго государства, въ которомъ 85% крестьянъ-землевладѣльцевъ рано или поздно заявятъ свои права на эту землю.

Проектъ Кутлера для самого Витте былъ неожиданностью. По своимъ воззрѣніямъ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ имѣній для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія. По словамъ Витте (т. II, стр. 127) адмиралъ Дубасовъ, пользовавшійся большимъ въ его глазахъ авторитетомъ, послѣ командировки своей въ Черниговскую и Курскую губерніи для прекращенія крестьянскихъ волненій, увѣрялъ его, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса возможно только посредствомъ увеличенія крестьянскаго земельнаго владѣнія и отчужденія хотя бы части помѣщичьихъ имѣній, уже насильственно захваченныхъ крестьянами, иначе, по мнѣнію Дубасова, крестьяне «отберутъ всю землю отъ частныхъ владѣльцевъ»; тѣмъ не менѣе Витте остался при своемъ прежнемъ мнѣніи. Онъ былъ готовъ на всѣ мѣры для улучшенія быта и экономическаго положенія крестьянъ, но рѣшительно отрицалъ именно то, что составляло завѣтную мечту всего крестьянства — передачу помѣщичьей земли въ его собственность путемъ принудительнаго отчужденія. Спустя двѣнадцать лѣтъ предсказаніе Дубасова

сбылось, и крестьянство осуществило свою мечту путемъ насильственнаго захвата всей земли не только помѣщичьей, но и всей частновладѣльческой вообще.

. . . . Первые шаги гр. Витте по выполненію принятой на себя задачи естественно состояли въ организаціи министерства и сразу обнаружили неизбѣжное крушеніе. Только организаціей политическаго министерства съ ясной и опредѣленной политической программой Витте могъ занять независимое положеніе и обнаружить свою силу, опирающуюся на общественные элементы. Организаціей министерства изъ старыхъ чиновниковъ, связанныхъ традиціями бюрократіи, съ полной ясностью обнаружилась слабость Витте, не нашедшаго поддержки въ общественныхъ кругахъ и вынужденнаго опираться на тѣхъ самыхъ людей, которые служили старому режиму, гарантировавшему имъ выгоды, какихъ новый строй обѣщать имъ не могъ. Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе Витте было немедленно учтено не только «дворцовой камарильей», но и высшей бюрократіей, которыя такъ-же мало были расположены въ пользу Витте, какъ и онъ самъ, платившій имъ весьма недружелюбными чувствами, которыми пропитаны всѣ его воспоминанія. Въ его собственномъ лагерѣ, среди его поклонниковъ, друзей и даже товарищей по министерству были люди, не сочувствовавшіе манифесту 17-го октября. Самъ авторъ манифеста, оберъ-прокуроръ Синода, кн. А. Д. Оболенскій, спустя нѣсколько дней послѣ 17-го октября, говорилъ Витте, что считаетъ свое участіе въ изданіи манифеста однимъ изъ величайшихъ грѣховъ своей жизни (т. II, стр. 32). Наконецъ самъ Витте обнаруживалъ свой страхъ передъ еще не существующей Гос. Думой, не смотря на свое заявленіе, что «Россія переросла форму существующаго строя. Онъ уже предвидѣлъ кровавыя сцены въ Думѣ, вызванныя неуравновѣшенными ея членами» (стр. 263, т. II).

Въ такомъ положеніи дѣла было не трудно раскрыть глаза и царю, если онъ самъ не замѣчалъ, что Витте не имѣлъ никакой опоры въ обществѣ и ищетъ ее въ той самой средѣ чиновниковъ, которые искони составляютъ орудіе самодержавной власти, и что, какъ только волненіе въ странѣ прекратится, возможно будетъ безъ особенныхъ затрудненій возвратиться къ старому порядку.

Такія соображенія были совершенно правильны и вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности. Онѣ раздѣлялись не только бюрократіей и вообще приверженцами стараго порядка, но и очень многими членами той общественной группы, которая вела борьбу противъ него и видѣла спасеніе Россіи въ новомъ государственномъ строѣ. Въ этой средѣ на этомъ основаніи возникъ вопросъ о бойкотѣ Гос. Думы и продолженіи борьбы, не останавливаясь передъ средствами революціоннаго характера. На почвѣ этого вопроса возникло много горячихъ споровъ, но большинство было противъ бойкота, хотя мотивы большинства не были еди-

нодушны. Одни не сомнѣвались, что Россія получила конституцію и что борьба достигла своей цѣли, такъ что бойкотъ Думы былъ бы непонятнымъ противорѣчіемъ, которое не встрѣтитъ сочувствія въ странѣ. Другіе полагали, что манифестъ 17-го октября и сопровождающій его докладъ Витте не представляютъ «органическаго», какъ тогда выражались, закона, устанавливающаго конституціонныя права и обязанности гражданъ и права и взаимныя отношенія властей: законодательной, исполнительной и судебной, и что такой законъ можетъ быть изданъ только учредительнымъ собраніемъ. Поэтому, вторая группа не считала нужнымъ бойкотировать Думу, но подъ условіемъ, что она передастъ изданіе органическаго закона учредительному собранію, а сама будетъ разсматривать законы текущаго, а не органическаго характера. Наконецъ, третья группа, соглашаясь съ тѣмъ, что манифестъ не заключаетъ въ себѣ конституціонной хартіи, создаетъ однако прочную почву для легальной борьбы съ старымъ порядкомъ, почву, какой Россія еще никогда не имѣла, и что было бы поэтому безуміемъ отказываться отъ новаго орудія для борьбы общества со старымъ режимомъ, который еще достаточно силенъ, чтобы защищать себя отъ противника, не съумѣвшаго оцѣнить все значеніе того оружія, которое онъ уже вырвалъ изъ рукъ самодержавія. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ и продолженіе борьбы такимъ образомъ переносилось въ Государственную Думу.

Императоръ Николай II-й, въ своемъ манифестѣ 17-го октября, торжественно обѣщалъ установить какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы.

Тѣмъ не менѣе, всѣ законы, опубликованные въ промежуткѣ времени отъ манифеста до созыва первой Думы, были изданы безъ одобренія Государственной Думы и, слѣдовательно, были нелегальны и не могли имѣть силы закона. Единственный законъ, основанный на пунктѣ 2-мъ манифеста, — избирательный, — долженъ былъ считаться законнымъ, такъ какъ онъ соотвѣтствовалъ тексту манифеста, возлагавшаго на правительство, — «не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе избирательнаго права вновь установленному порядку».

Естественно, что привлеченіе къ выборамъ классовъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ, должно было предшествовать выборамъ въ Государственную Думу и законъ, предоставляющій такое избирательное право, не могъ подлежать одобренію Думы.

Когда графа Витте упрекали и справа и слѣва въ недостаткахъ этого закона, онъ совершенно основательно оправдывался тѣмъ, что на основаніи п. 2-го манифеста его право было ограничено исключительно привлеченіемъ къ выборамъ тѣхъ классовъ, которые были лишены из-

бирательныхъ правъ; поэтому передѣлывать избирательныя права, установленныя закономъ 6-го августа, онъ не имѣлъ права. Къ сожалѣнію онъ не слѣдовалъ тому же основанію, котораго держался при проведеніи избирательнаго закона, во всѣхъ многочисленныхъ случаяхъ изданія самыхъ важныхъ законовъ помимо Государственной Думы, спѣша провести ихъ до ея созыва, и даже не соблюдая стараго установленнаго порядка изданія законовъ, проводившихся черезъ Государственный Совѣтъ. Для изданія новыхъ противозаконныхъ законовъ была учреждена особая Комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта изъ всего министерства, предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта и н ѣ к о т о р ы х ъ п р и г л а ш е н н ы х ъ членовъ Гос. Совѣта. Самое учрежденіе такой законодательной комиссіи было совершенно несогласно съ манифестомъ 17-го октября.

Графъ Витте въ своихъ Воспоминаніяхъ разсказываетъ, что ему пришлось прочитать въ какомъ-то русскомъ изданіи, будто послѣ 17 октября вся законодательная власть должна была быть передана Государственной Думѣ, а Государственный Совѣтъ долженъ былъ быть, если не уничтоженъ, то «кастрированъ». Витте сомнѣвался въ правильности такого мнѣнія, а также того, что оно вытекаетъ изъ манифеста 17 октября. А между тѣмъ, это мнѣніе, за исключеніемъ «кастраціи» Гос. Совѣта, безусловно правильно, ибо никакого другого вывода изъ манифеста нельзя сдѣлать. Какъ я уже выше указалъ, самъ Витте держался этого мнѣнія, защищая свое дополненіе къ избирательному закону 6-го августа. Витте любитъ ссылаться на свой «докладъ», сопровождавшій манифестъ, но при самомъ тщательномъ изученіи его содержанія, нельзя признать за правительствомъ права учреждать какую-то законодательную комиссію для изданія самыхъ важныхъ основныхъ законовъ государства помимо Государственной Думы. Въ своемъ докладѣ, Витте исходилъ изъ справедливаго положенія, что корни «русскаго волненія въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія, пишетъ онъ, переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Эта мысль, по существу, совершенно вѣрная, отвѣчала дѣйствительному настроенію всей Россіи, вѣроятно поразившему его по возвращеніи изъ Америки. Но по свойству своего ума и характера Витте воспользовался имъ, чтобы импонировать имъ и произвести впечатлѣніе на воображеніе царя. Въ дѣйствительности же онъ не придавалъ никакой цѣны ни настроеніямъ, ни идеямъ, если они не вытекали изъ матеріальныхъ интересовъ, которые были для него единственнымъ двигателемъ прогресса. Поэтому, онъ не придавалъ никакого значенія тѣмъ самымъ настроеніямъ русскаго народа, которыя краснорѣчиво излагалъ въ своемъ докладѣ царю. Бюрократъ по воспитанію, по міровоззрѣнію, по вкусамъ и связямъ и службѣ, Витте на весь міръ смотрѣлъ съ бюрокра-

тической точки зрѣнія. П. Б. Струве приводитъ поученіе Витте, преподанное имъ управляющему Дворянскимъ банкомъ князю А. А. Ливену, не скрывавшему своихъ конституціонныхъ воззрѣній *): «Повѣрьте, если бы нашъ Государь былъ другого образа мыслей, то я бы первый сталъ говорить, какъ Чичеринъ и Градовскій, но я понимаю себя, какъ прикащика моего Государя, а его взгляды безусловно абсолютно-монархическіе. Подумайте, сколько можно сдѣлать полезнаго. Нужно умѣть служить своему Государю». И Витте служилъ ему не какъ гражданинъ Россіи, а такъ типичный прикащикъ: т. е. льстилъ въ глаза и обманывалъ за глаза; добивался всякихъ милостей и считалъ себя всегда обиженнымъ; добился высшихъ степеней бюрократической іерархіи и графскаго титула, но будучи уволенъ отъ премьерства, написалъ свои Воспоминанія, въ которыхъ заплатилъ царю самой черной неблагодарностью и изобразилъ его въ самыхъ отвратительныхъ чертахъ.

И къ русскому народу и къ русскому обществу Витте подошелъ не какъ гражданинъ своей родины, а какъ царскій прикащикъ. Государственная Дума представляется въ его воображеніи, какъ сборище людей, пьянѣющихъ отъ власти, лишенныхъ разума и чувства патріотизма, способныхъ погубить конституцію, которую придется спасать вооруженной силой. Онъ былъ убѣжденъ, что права Думы должны быть очень ограничены и строго регламентированы, и продолжалъ такъ думать даже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ первой Думы, когда писалъ свои Воспоминанія и могъ сравнивать ея дѣятельность съ дѣятельностью правительства и Гос. Совѣта. къ составу котораго самъ принадлежалъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить взгляды Витте и отношеніе его къ русской «конституціи», я приведу мнѣніе человѣка, авторитетъ котораго въ оцѣнкѣ событій русской исторіи и современной жизни можно считать безспорнымъ. Въ письмѣ В. О. Ключевскаго къ А. Ф. Кони, приведенномъ въ книгѣ послѣдняго «На жизненномъ пути», Ключевскій пишетъ: «Я былъ вынужденъ признать два факта, которыхъ не ожидалъ: это — быстрота, съ какой сложился въ народѣ взглядъ на нее (на первую Гос. Думу), какъ на самый надежный органъ законодательной власти, и потомъ безспорная умѣренность господствующаго настроенія ею проявленнаго. Это настроеніе авторитетнаго въ народѣ учрежденія умѣреннѣе той революціонной волны, которая начинаетъ насъ заливать, и существованіе Думы, — это самою меньшею цѣною, что (чѣмъ) можетъ быть достигнуто безкровное успокоеніе страны». Такъ думалъ Ключевскій, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ и свѣдущихъ русскихъ людей о роли Государственной Думы въ благоустройствѣ страны въ то время, какъ непризванный авторъ русской конституціи считалъ, что вмѣшательство Думы въ законодательство и управленіе «при существующихъ условіяхъ было бы

---

*) «Самодержавіе и Земство», изд. редакціи «Освобожденія», второе изданіе стр. LV, Stuttgart, 1903 г.

бѣдствіемъ и имѣло бы послѣдствіемъ понижение мірового вліянія Россіи»; — и это говорилось послѣ Японскаго пораженія!

Съ такими воззрѣніями графъ Витте принялся за незаконное законодательство въ тѣхъ видахъ, чтобы ограничить роль Думы заранѣе, до ея созыва, когда, по его мнѣнію, будетъ уже поздно. 20-го февраля 1906 г., за два мѣсяца до созыва Государственной Думы, манифестомъ было объявлено о преобразованіи Госуд. Совѣта и Госуд. Думы 6-го августа. О Государственномъ Совѣтѣ никто не думалъ, и вообще изданіе законовъ до Думы, послѣ манифеста 17 октября, было полной неожиданностью. Тотчасъ возникъ вопросъ въ кругахъ, стоявшихъ лѣвѣе партіи к.-д., о бойкотѣ Думы, объ отказѣ отъ выборовъ въ Думу и о разныхъ мѣрахъ возобновленія борьбы въ виду нарушеній обѣщаній данныхъ въ манифестѣ 17 октября. Даже въ партіи к.-д. лѣвое крыло очень горячо отстаивало бойкотъ Думы, но очень значительное большинство рѣшительно возстало противъ такой тактики, такъ какъ было совершенно очевидно, что возобновить борьбу не на думской почвѣ, а внѣ ея — невозможно и пораженіе неизбѣжно. Мы не сомнѣвались, что для того, чтобы вести борьбу, надо прежде всего укрѣпить положеніе Думы, какъ единственной всероссійской почвы, на которой возможна легальная борьба съ правительствомъ, успѣвшимъ за 4 мѣсяца значительно укрѣпить свое положеніе, нанеся два пораженія революціоннымъ группамъ, вступившимъ въ борьбу съ правительствомъ на нелегальной почвѣ: арестомъ совѣта рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ, во главѣ съ Хрусталевымъ-Носаремъ, и разгромомъ революціоннаго возстанія въ Москвѣ Семеновскимъ гвардейскимъ полкомъ, подъ командой генерала Мина. Двойное пораженіе революціонныхъ элементовъ не могло не ослабить борьбу и въ Думѣ, давъ правительству увѣренность въ силу арміи, на которую оно могло опираться. Въ виду такого положенія, первая Государственная Дума должна была выработать весьма осторожную тактику, которой она и держалась неуклонно.

Выше я уже говорилъ, что для приспособленія старыхъ учрежденій къ новому строю Витте создалъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Сольскаго, изъ трехъ предсѣдателей департаментовъ Гос. Совѣта, нѣкоторыхъ особо приглашенныхъ членовъ Гос. Совѣта и всѣхъ членовъ новаго министерства; въ этой комиссіи самая вліятельная роль принадлежала Витте, какъ онъ самъ говоритъ, благодаря его вліянію на Сольскаго и на министровъ. Съ ея помощью реорганизацію Гос. Совѣта и Гос. Думы, учрежденной по закону 6 августа, было не трудно провести. Департаменты Гос. Совѣта остались на старомъ положеніи, а Общее Собраніе Гос. Совѣта превращено въ Верхнюю Палату, состоящую изъ лицъ, назначаемыхъ ежегодно государемъ въ числѣ равномъ числу членовъ по избранію отъ дворянства, земства, духовнаго сословія и университетской профессуры. Позднѣе прибавлены представители отъ торговли и промышленности. Предсѣдатель Гос. Совѣта назначается непосредственно государемъ. Госуд. Совѣту принадлежитъ

право, какъ и Гос. Думѣ, законодательной инициативы, но законопроекты вносимые правительствомъ, первоначально предлагаются Гос. Думѣ, изъ которой поступаютъ въ Гос. Совѣтъ. Въ случаѣ согласія Верхней Палаты, принятый ею законъ поступаетъ на утвержденіе верховной власти и, по утвержденіи ею, становится закономъ. Законопроектъ, по которому соглашеніе Палатъ не произошло, считается отвергнутымъ. Вся эта процедура имѣетъ общепринятый характеръ въ конституціяхъ государствъ западной Европы. Но существенное различіе заключается въ организации личнаго состава Гос. Совѣта, который представляетъ непреодолимый тормазъ для самомалѣйшаго улучшенія законодательства и проведенія законовъ безусловно необходимыхъ, если они противорѣчатъ интересамъ вліятельныхъ классовъ или поддерживаются рутиной стараго порядка. Ни одинъ такой законъ не можетъ быть проведенъ Госуд. Думой, такъ какъ онъ встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ Гос. Совѣтѣ, благодаря его составу. Почти весь составъ, по назначенію государя, представляетъ сплошную половину, повинующуюся безпрекословно дворцовой камарильѣ, передъ которой даже правительство безсильно, такъ какъ всѣ они находятся подъ страхомъ не получить назначенія въ слѣдующемъ году. Немногимъ лучше элементъ избранный. Представители дворянства и духовенства, — за малымъ исключеніемъ, — элементъ реакціонный; представители губернскихъ земствъ, по меньшей мѣрѣ на половину, склонны поддерживать правыя партіи и только маленькая группа академическая даетъ, если не сплошь, то большинство прогрессивнаго направленія. Такимъ образомъ, огромяое большинство не менѣе 3/4 голосовъ представляютъ самыя реакціонныя мнѣнія. Любопытно, что «самый вліятельный» членъ комиссии, реорганизовавшей Гос. Совѣтъ, говоритъ, что «правая часть Гос. Совѣта (а эта часть и назначается по преимуществу въ составъ Верхней Палаты) являлась большей частью принципіальнымъ противникомъ Гос. Думы, а потому, разъ Дума сказала «бѣлое», эта партія Гос. Совѣта уже потому самому склонна сказать «черное» (стр. 253).

Во что выродилась такая законодательная Палата, т. е. Государственный Совѣтъ, я приведу выдержку изъ 3-то тома воспоминаній А. Ѳ. Кони, члена Гос. Совѣта, касающуюся М. М. Ковалевскаго, также члена Гос. Совѣта, представителя академической группы и одного изъ крупнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ, спеціалиста по государственному праву.

«Возражая противъ замѣны закона мѣстными обязательными постановленіями, пишетъ А. Ѳ. Кони, Ковалевскій сказалъ: «Государственныя пользы и нужды обдумываются и рѣшаются органами законодательной власти и не должны затѣмъ снова оцѣниваться и разсматриваться какъ открытый вопросъ, семьюдесятью или восьмьюдесятью администраторами. Цѣлость и единство Имперіи требуютъ, чтобы законъ, дѣйствующій въ Петербургѣ, считался закономъ и въ Ялтѣ, и въ Вологдѣ. Въ этомъ состоитъ различіе закономѣрнаго строя и строя рево-

люціоннаго. Только необыкновеннымъ смѣшеніемъ понятій можно объяснить призывы къ отступленію отъ законовъ въ интересахъ мнимаго спасенія государства, какъ это дѣлалось въ эпоху террора и коммуны»...

— «Прошу, рѣзко перебиваетъ предсѣдатель Гос. Совѣта Акимовъ, не упоминать ни о французской коммунѣ, ни о террорѣ».

— Я только съ осужденіемъ, замѣтилъ Ковалевскій.

— Если вы желаете говорить по вопросу, — раздраженно продолжалъ предсѣдатель, — то оставайтесь въ рамкахъ, въ которыя онъ вложенъ: высокое собраніе не нуждается въ лекціяхъ.

— С о в е р ш е н н о подчиняюсь распоряженію предсѣдателя...

— Покорнѣйше прошу подчиниться б е з у с л о в н о моему распоряженію. Не угодно ли продолжать!

— Позвольте привести слова, сказанныя Бенжаменомъ Констаномъ о строгомъ исполненіи закона...

— Вы опять продолжаете свое? Если вы не подчинитесь моему распоряженію, я васъ лишу слова.

— Я ссылаюсь на общеизвѣстный авторитетъ...

— Пререканій нѣтъ, Максимъ Максимовичъ, я допускаю полную свободу слова, но въ п р е д ѣ л а х ъ и п о р я д к ѣ м н о ю у к а з а н н ы х ъ». (стр. 89-90; подчеркнуто мною).

Можно ли себѣ представить болѣе живую и яркую картину законодательнаго собранія, въ которомъ предсѣдатель останавливаетъ европейскаго ученаго, представителя науки, какъ школьника, и поучаетъ, что онъ можетъ говорить и что ему воспрещается, хотя бы это касалось фактовъ, установленныхъ наукой! Что можно ожидать отъ «высокаго собранія», допускающаго безъ протеста такое отношеніе предсѣдателя въ «свободѣ» преній этихъ законодателей?

Съ неменьшимъ успѣхомъ то же Совѣщаніе, выдѣленное изъ состава стараго Гос. Совѣта и соединенное съ полнымъ составомъ министерства, превратило совѣщательную булыгинскую Думу въ законодательную. Не знаю, умышленно или неумышленно (трудно допустить послѣднее въ работѣ опытныхъ юристовъ Совѣщанія) изъ положенія о выборахъ въ Государственную Думу, утвержденнаго 6 августа, Совѣщаніе перенесло въ положеніе о выборахъ въ Думу, опубликованное 20 февраля, статью 7--ю, пункты *а, в* и *е,* измѣнивъ лишь ея нумерацію. По пункту *а* — статьи 7-й, избирательнаго права лишены «подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество» и т. п. «когда они судебными приговорами не оправданы»; по пункту *в* избирательнаго права лишены «состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а*; наконецъ по пункту *е* избирательнаго права лишаются — «исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежали».

Такимъ образомъ, каждый избиратель, пользующійся въ своей средѣ вліяніемъ, можетъ быть лишенъ избирательнаго права, если правительство того пожелаетъ, такъ какъ весь аппаратъ власти находился въ его рукахъ, а въ политической борьбѣ всегда найдется предлогъ для предъявленія обвиненія въ политическомъ, если не преступленіи, то проступкѣ, квалификація котораго зависитъ отъ прокурора. По миновеніи надобности, по окончаніи выборовъ, обвиненіе можетъ быть прекращено безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Но можетъ быть и передано на судъ съ сословными представителями, который можетъ оправдать, но можетъ и не оправдать, а назначить минимальное наказаніе въ виду явнаго преувеличенія обвиненія, и въ то же время принимая во вниманіе требованіе правительства. Въ этомъ случаѣ, неоправданный судомъ подсудимый выходитъ изъ суда навсегда лишеннымъ политическихъ правъ вообще и въ частности — избирательныхъ правъ, а судъ передаетъ власти оружіе, которымъ оно навсегда освобождается отъ своего противника, приговореннаго къ политической смерти.

Именно такъ поступилъ преемникъ Витте — Столыпинъ, разогнавшій первую Государственную Думу, поручивъ министру юстиціи И. Г. Щегловитову, разстрѣлянному спустя двѣнадцать лѣтъ большевиками, лишить политическихъ правъ всѣхъ депутатовъ, составлявшихъ оппозицію правительству и подписавшихъ, такъ называемое, Выборгское воззваніе. Задача была нелегкая: во-первыхъ, число депутатовъ обрекаемыхъ на политическую смерть превышало 160 человѣкъ; во-вторыхъ, преступленіе было совершено въ Выборгѣ, на финляндской территоріи, гдѣ, въ силу конституціи финляндской, дѣйствія такого рода не считались преступленіемъ, а по россійскимъ законамъ не могли поэтому быть наказуемы и русскимъ судомъ, а въ третьихъ, въ рукахъ правительства былъ только печатный экземпляръ воззванія, отпечатанный въ Выборгѣ, и потому могло быть преслѣдуемо лишь лицо, изобличенное въ распространеніи воззванія на русской территоріи.

Однако всѣ эти препятствія были обойдены и устранены Щегловитовымъ съ ловкостью не столько юриста, сколько человѣка на все готоваго. Дѣло не ограничилось только судебными приговорами. Въ іюльскихъ Петергофскихъ совѣщаніяхъ, при обсужденіи проекта Булыгинской Думы, великій князь Владиміръ Александровичъ поставилъ въ вину дворянскому сословію, что оно не выполнило своей обязанности по отношенію къ своему государю, на самодержавныя права котораго посягнули нѣкоторые дворяне въ разныхъ губерніяхъ. Ихъ долгъ повелѣвалъ сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы удалить такихъ дворянъ изъ своей среды, исключивъ ихъ изъ своего сословія. «Счастливая» мысль великаго князя, кажется, единственнаго члена императорской фамиліи, которому авторъ русской конституціи посвятилъ въ своихъ Воспоминаніяхъ строки, исполненныя почтенія и похвалъ его уму, повидимому была принята къ свѣдѣнію и воспроизведена въ «Положеніи о выборахъ въ Гос. Думу». Какъ указано мною выше, лица,

нсключенныя изъ обществъ и нзъ дворяискаго сословія, утрачиваютъ навсегда избнрательиыя права н обрекаются на полнтическую смерть. Такимъ способомъ, графъ Витте зараиѣе подготовилъ перестраховку легальнаго права правнтельства пожнзненно устранять свонхъ полнтнческнхъ протнвниковъ, если не съ помощью суда, то по постановленію сословныхъ собраній, нсключающнхъ нзъ своего состава неугоднаго члена. Такой планъ перестраховки не остался мертвой буквой. Напротивъ, этимъ воспользовалнсь самые реакціоиные элементы дворянства. Ихъ стараніемъ самые выдающіеся члены первой Думы, какъ С. А. Муромцевъ, бывшій предсѣдателемъ Думы, В. Д. Набоковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ н нѣкоторые другіе былн первымн жертвамн холопства дворянства. Онн ннчего не прнбавнлн къ наказанію по суду, но проявилн свое собствеииое ничтожество н навлеклн на себя Немезиду. Въ тверское дворянское собраніе было внесено иѣкоторымн дворянамн предложеніе объ нсключеніи меня и моего покойнаго брата Мнханла Ильнча изъ тверского дворяиства. Ни я, ии братъ мой не поѣхалн защищаться н ннкого не проснли о защнтѣ, но недавно скоичавшійся Геннадій Дмнтріевичъ Скарятниъ взялъ на себя нашу защнту. По разсказу лицъ, бывшихъ въ залѣ н слышавшнхъ рѣчь Скарятнна, она была во всѣхъ отношеніяхъ образцовой и великолѣпной, н предложеиіе большинствомъ депутатскаго собранія было отвергнуто.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I

Приложеніе къ главѣ V-ой.

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ ЗЕМСТВА.

(Брошюра И. И. Петрункевича).

Послѣдніе 3 года сдѣлали насъ, русскихъ, свидѣтелями такихъ событій внутренней жизни Россіи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе. Послѣ блестящихъ реформъ начала царствованія, съ середины 60-хъ годовъ наступила реакція. Русское общество, не привыкшее къ бодрости мысли, охотно пошло назадъ къ тону положенію опеки, изъ котораго оно только-что, казалось, вышло. Началась перекройка на старый ладъ новыхъ реформъ, и среди общества не нашлось желанія противодѣйствовать этому. Получивъ все новое сверху, общество, естественно, не дорожило подачкой. Поэтому интеллигентное русское общество было немало удивлено, когда узнало въ началѣ 70-хъ годовъ о движенія молодежи въ народъ. А между тѣмъ начавшееся среди молодежи движеніе расло. Правительство само раздувало его, создавая колоссальные процессы и принимая самыя варварскія мѣры относительно лицъ въ чемъ-либо подозрѣваемыхъ. Ссылки усилились вмѣстѣ съ ихъ жестокостью. На нашихъ глазахъ прошли: процессъ московскихъ соціалистовъ, процессъ казанской демонстраціи, процессъ 193-хъ, затѣмъ намъ же пришлось видѣть покушеніе на жизнь Трепова, вооруженное сопротивленіе Ковальскаго, его казнь; убійство Мезенцева и бар. Гейкинга. Наконецъ, въ эту минуту мы слышимъ объ убійствѣ кн. Кропоткина и о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ. Это событія, извѣстныя всей Россіи. А сколько же прошло такихъ, которыя скрыты правительствомъ отъ общества и извѣстны лишь въ небольшомъ районѣ? Несмотря, однако, на то, что общество было непосредственно заинтересовано во всѣхъ этихъ событіяхъ, оно осталось безучастнымъ и лѣнивымъ зрителемъ. Трудно сказать, что въ этомъ случаѣ вліяло: спячка ли, страхъ ли передъ правительствомъ или, наконецъ, соціалистическая программа, поставленная партіей движенія. Вѣрнѣе, что двѣ первыя причины, такъ какъ третья не была достаточно ясно формулирована самими руководителями дѣла, а въ обществѣ она оставалась почти неизвѣстною.

Въ такомъ положеніи было дѣло до убійства генерала Мезенцева, когда правительство почувствовало всю силу маленькаго Давида. Оно растерялось и, сознаваясь въ своемъ безсиліи, настойчиво потребовало содѣйствія самого общества къ искорененію революціонной партіи. Русское общество не поняло всей важности этого момента. Въ обществѣ не нашлось того чувства независимости, той любви къ свободѣ и того политическаго чутья, которыя подсказали бы, что слѣдуетъ дѣлать въ такую минуту. Поэтому правительственный призывъ вызвалъ не протестъ, а рядъ адресовъ — пошлыхъ, униженныхъ, вполнѣ ничтожныхъ.

Отцы, у которыхъ ежедневно вырываютъ дѣтей для медленной и ужасной казни, просятъ новыхъ казней надъ своими же дѣтьми... Таково содержане большинства адресовъ. Какое печальное явленіе! Но что печальнѣе всего, такъ это то, что вырази-

телями такихъ чувствъ русскаго народа явились его общественные органы — Земство и Городскія Думы. Извѣстно, что какъ первое, такъ и послѣднія заключаютъ въ себѣ достаточно интеллигентныхъ лицъ, которыя, будучи близко поставлены къ общественнымъ дѣламъ, основательно знаютъ положеніе народа и его нужды. Эти люди, вѣроятно, не разъ задумывались надъ бѣдностью и невѣжествомъ народа, надъ его беззащитностью, надъ произволомъ полиціи и администраціи, надъ невозможными налогами, надъ способомъ ихъ взиманія; эти люди, конечно, пробовали уже что-нибудь сдѣлать и убѣждались, что они безсильны, что и Земство и Думы въ глазахъ правительства и даже его низшихъ агентовъ представляютъ ничтожество, не заслуживающее какого-либо вниманія. Казалось, что эти люди должны бы воспользоваться благопріятной минутой, чтобы прямо и откровенно сказать правительству: «Мы не станемъ спорить, вредна ли пропаганда революціонныхъ идей въ Россіи, но спросимъ лишь, какимъ орудіемъ ты приглашаешь насъ бороться съ ними. Революціонныя идеи распространяются печатью и живымъ словомъ, хотя на эту печать и на это слово ты пытаешься наложить свою карающую руку. Мы же обезоружены тобою. Мы не имѣемъ свободы слова и науки, чтобы доказывать заблужденія и невѣрность доктринъ нашихъ противниковъ. Правда, ты охотно предоставляешь намъ доказывать это, но мы не можемъ и не хотимъ быть слѣпымъ орудіемъ твоихъ велѣній; мы не можемъ бороться неравнымъ оружіемъ и всегда будемъ помнить, что вашимъ противникамъ грозитъ тюрьма, ссылка и каторга. Значитъ, ты предлагаешь намъ быть шпіонами и сыщиками? Но можетъ ли народъ взять на себя такую позорную роль? Мы далеки отъ революціонныхъ идей, но заявляемъ, что бороться съ ними можемъ лишь силою мысли и слова, палачей же между нами не найдется! Раздѣлывайся же само и знай, что мы не шевельнемъ пальцемъ, чтобы помочь тебѣ, потому что, не желая революціи, мы еще менѣе желаемъ сохраненія стараго строя».

Приблизительно такъ мы должны были бы отвѣчать. Но, къ сожалѣнію, такъ мы не отвѣчали, хотя нашлись земства, которыя рѣшились пользоваться минутой для проведенія своихъ цѣлей. Полтавское земство, какъ извѣстно, составило правительству адресъ, въ которомъ выражаетъ свою готовность бороться съ революціонными идеями и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что «вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества, доступно лишь совокупными силами правительства и общества». Но затѣмъ Полтавское земство полагаетъ, что «для достиженія этой цѣли не существуетъ въ настоящее время такой легальной почвы, на которой могли бы объединиться силы правительства и всѣхъ земствъ Имперія, такъ какъ дѣятельность послѣднихъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ поставлена въ предѣлы мѣстиыхъ нуждъ».

Харьковское земство пошло вслѣдъ за Полтавскимъ и приняло записку гласнаго Гордѣенко, въ которой подъ покровомъ густого тумана высказывается та же мысль, что правительство безсильно бороться съ пропагандой новыхъ идей, и что стоитъ ему подѣлиться властью съ обществомъ, чтобы «вырвать зло съ корнемъ».

Мы стоимъ близко къ земскому дѣлу и мы отличаемся подобающей консервативностью, но никакъ не можемъ согласиться съ такою постановкой вопроса. Полтавское и Харьковское земства говорятъ правительству: ты ведешь войну съ вредными идеями уже нѣсколько лѣтъ, но онѣ не только не погибаютъ, а растутъ все шире и шире: дай намъ власть, и ты увидишь, какими молодцами мы покончимъ съ ними!

Неужели на такой почвѣ изъ такого зерна должно вырасти древо «Россійской конституціи»?

За полученіе доли власти земство принимаетъ на себя обязательство уничтожить извѣстный разрядъ идей и вмѣстѣ съ ними истребить людей, ихъ распространяющихъ. Чтобы рѣшиться вырвать что-либо съ корнемъ, надо достаточно хорошо узнать дѣло и только тогда рѣшить, то ли это зло, которое слѣдуетъ вырвать. Но развѣ мы знаемъ эти «вредныя идеи»? Отсутствіе у насъ свободы печати не дало возможности носителямъ этихъ идей ясно и подробно формулировать ихъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что значительная доля ихъ принадлежитъ не только лицамъ крайнихъ воззрѣній, но и людямъ самаго умѣреннаго и даже консервативнаго образа мыслей.

Доказательства этому мы находимъ въ запискѣ Черниговскаго земства, составленной комиссіей и, какъ слышно, одобренной большинствомъ гласныхъ, хотя не допущенной предсѣдателемъ къ обсужденію въ собраніи. По мнѣнію Черниговскаго земства, современное положеніе Россіи представляетъ богатую почву для распространенія революціонныхъ идей, которыя находятъ себѣ пищу въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ отсутствіи свободы слова и печати и въ полномъ неуваженіи къ законамъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны гражданъ.

Конечно, пища революціонныхъ идей не исчерпывается этими тремя вопросами. Но мы готовы допустить, что Черниговское земство не могло сказать болѣе того, что имъ сказано, желая, вѣроятно, соединить въ одинъ дружный протестъ возможно большее число голосовъ и направленій. Тѣмъ не менѣе изъ записки совершенно ясно, что консервативнымъ земскимъ силамъ желательны: свобода слова и печати, неприкосновенность личности, уничтоженіе административной ссылки и произвола администраціи, независимость крестьянскаго сословія отъ полиціи, измѣненіе системы налоговъ и образованія въ смыслѣ льготномъ для массы населенія и, наконецъ, исполненіе правительствомъ законовъ, имъ же издаваемыхъ. Внѣ земства и въ немъ самомъ есть люди, которые идутъ дальше и желаютъ сверхъ того нѣкоторыхъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Безъ сомнѣнія, революціонныя идеи идутъ еще дальше, но слѣдуетъ ли отсюда, что мы поднимаемъ руку на мысль, которая есть естественный продуктъ нашего положенія и которая даже своими заблужденіями можетъ принести пользу, отыскивая новые пути для улучшенія этого положенія? Еще менѣе мы можемъ взять на себя истребленіе людей, сѣющихъ «зло». Пока они борются силою слова, мы не можемъ взять въ руки другого орудія, кромѣ слова. Когда же находятся люди, которые прибѣгаютъ къ ножу и револьверу, то въ рукахъ правительства достаточно полицейской и судебной власти, чтобы справиться съ преступниками. Напротивъ, мы должны напомнить правительству, что лучшимъ средствомъ устраненія подобныхъ преступленій служитъ необходимая свобода гражданъ и законность дѣйствій самой власти.

Итакъ, мы думаемъ, что Полтавское и Харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ?

Напрасно думаютъ, что русскому народу свобода мысли и слова не дорога. Этотъ народъ уже два съ половиною вѣка терпитъ гоненія за свои вѣрованія и до сихъ поръ не можетъ молиться своему Богу. Сколько среди него погибло людей за вѣру и за «вредныя», но дорогія ему идеи!

Нѣтъ, такой конституціи намъ не нужно, и мы горячо протестуемъ противъ замѣны одного произвола другимъ. Между тѣмъ, мы полагаемъ, что продолженіе существующаго порядка вещей — немыслимо. Никогда еще Россія не представляла такого печальнаго положенія. Выдержавъ побѣдоносную войну, Россія приняла роль подсудимой передъ Европой и принуждена была заключить позорный миръ. Благосостояніе народа помрачено войной, и нужны многіе годы, чтобы залѣчить открывшіяся язвы. Нищета бѣднѣйшихъ классовъ, тягость налоговъ, невѣжество, казнокрадство, расхищеніе государственныхъ имуществъ, мотовство народныхъ средствъ, финансовое банкротство, преслѣдованіе учащейся молодежи, развитіе политическихъ доносовъ, административныя ссылки сотнями — вотъ картина Россіи. Ожидать, что правительство одолѣетъ такую задачу, — нѣтъ причины. Напротивъ, оно доказало намъ свою неспособность справиться съ положеніемъ, имъ же созданнымъ. Прося у насъ помощи, оно доказало намъ свое безсиліе въ борьбѣ съ маленькою, но энергичною партіей. Теперь очередь за самимъ обществомъ. Среди русскаго народа имѣется много людей, далекихъ отъ революціоннаго образа мыслей, но глубоко преданныхъ интересамъ своей родины, проникнутыхъ горячей къ ней любовью и готовыхъ отдать свой трудъ и свою жизнь для ея блага. Этимъ людямъ недостаетъ лишь единства цѣлей и дѣйствія, чтобы стать силой, способной подчинить правительство интересамъ народа. Никакое правительство само не даетъ такихъ учрежденій, которыя бы надѣвали дѣйствительную узду на его произволъ. Никакой народъ не станетъ дорожить конституціей, не гарантирующей ни личности, ни имущества.

Поэтому люди, готовые служить народу, должны взять на себя почниъ въ исполненіи великой задачи. Наиболѣе удобнымъ базисомъ такого движенія должны сдѣлаться земскія учрежденія, какъ единственный общественный органъ, соединяющій въ себѣ почти всѣ элементы и сословія. Поэтому земство роковымъ путемъ идетъ къ своей политической миссіи, и вопросъ лишь въ томъ — съумѣетъ ли оно стать на высоту своей роли. Если эта задача окажется не по силамъ земству, если оно откажется отъ исполненія ея — все, что есть живого и мыслящаго въ обществѣ, примкнетъ къ революціонному движенію, а земство, какъ учрежденіе, умретъ вмѣстѣ со смертію стараго строя.

Жизнь выдвигаетъ впередъ рядъ вопросовъ, разрѣшить которые должно земство, какъ выразитель желаній и стремленій русскаго народа. Хотя этотъ народъ еще вѣритъ въ правительство и лишь на него разсчитываетъ въ избавленіи отъ своихъ бѣдъ, хотя земства, какъ представителя своихъ интересовъ, онъ не знаетъ, но это потому,

что земство до сихъ поръ ничего не сдѣлало для народа. Но какъ только земство пойметъ всю необходимость экономической реформы; когда оно приметъ всю массу народа подъ свое покровительство отъ произвола полиціи, когда оно смѣло и рѣшительно потребуетъ у правительства права свободно обсуждать свои дѣла, слѣдить за расходами народнаго добра и считать свою личность неприкосновенной, — тогда весь народъ будетъ на сторонѣ земства, побѣда котораго станетъ обезпеченною.

Рядъ намѣченныхъ нами вопросовъ однако распадается на двѣ категоріи. Одни, какъ свобода слова и печати и личная гарантія, должны быть потребованы земствомъ немедленно. Другіе же могутъ быть разрѣшены правильно въ общемъ Совѣтѣ представителей народа. Но этотъ Совѣтъ только тогда станетъ истиннымъ выразителемъ интересовъ народа, когда онъ будетъ организованъ самимъ народомъ. Поэтому мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а, отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія.

Итакъ, въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ Учредительнаго Собранія. Всѣ остальные вопросы должны быть на время отложены. Но, чтобы имѣть возможность предъявить такія требованія, всѣ общественныя силы въ настоящее время должны быть направлены на измѣненіе состава земскихъ собраній.

До сихъ поръ выборы земскихъ гласныхъ были внѣ вниманія общества, — съ этой минуты они должны быть предметомъ усиленной агитаціи. Земскія собранія требуютъ серьезной очистки и привлеченія болѣе живыхъ и сильныхъ элементовъ. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія земство будетъ способно начать борьбу.

Избирая земство базисомъ движенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вѣруемъ, что всѣ силы русскаго народа дружно соединятся, чтобы завоевать себѣ свободу, и тогда обновленная Россія по праву займетъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ.

II

Приложеніе къ главѣ XVIII.

ПИСЬМО И. И. ПЕТРУНКЕВИЧА КЪ СЕНАТОРУ ПОСТОВСКОМУ, КОМАНДИРОВАННОМУ ВЪ МОСКВУ ДЛЯ РАЗСЛѢДОВАНІЯ ДѢЙСТВІЙ ЗЕМСКИХЪ СЪѢЗДОВЪ.

Милостивый Государь, Константинъ Захаровичъ,

Исполняя Высочайшее порученіе о разслѣдованіи обстоятельствъ, вызывавшихъ и сопровождавшихъ съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей вообще и въ частности съѣздъ 6-8 іюля, Вамъ было угодно пригласить меня дать показанія по этому вопросу.

Постараюсь выполнить эту задачу со всей прямотой и откровенностью не только въ виду важности порученія, которымъ Вы облечены, но и въ сознаніи самого дѣла, важности момента, переживаемаго нашей родиной, и отвѣтственности, которую каждый изъ насъ несетъ на себѣ передъ ея судьбами, передъ ея будущимъ.

Мысль о необходимости совѣщанія земскихъ дѣятелей въ видахъ упорядоченія мѣстной жизни и разрѣшенія настоятельныхъ общихъ нуждъ возникла уже нѣсколько лѣтъ назадъ и въ первый разъ была осуществлена въ видѣ небольшого съѣзда въ апрѣлѣ и маѣ 1902 года по поводу предстоящаго открытія Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельской промышленности. Какъ мѣстные дѣятели, живущіе въ деревняхъ и

близко знающіе всѣ условія жизни крестьянскаго населенія, мы не могли остаться равнодушными къ возможности заявить правительству, что положеніе крестьянской массы, составляющей 85% всего населенія, требуетъ коренной реформы, что ея правовое положеніе ужасно, что ея хозяйство граничитъ съ нищетой и грозитъ полнымъ разореніемъ, что ея умственная темнота выше всякой мѣры и что со времени освобожденія ея отъ крѣпостной зависимости не только ничего не сдѣлано для поднятія ея правового, хозяйственнаго и умственнаго положенія, но что, напротивъ, постепенно законодательнымъ путемъ она теряла даже то, чѣмъ обладала раньше: школьное и внѣшкольное образованіе подчинялось все большимъ и большимъ ограниченіямъ, участіе крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи превращено въ фикцію, сельское самоуправленіе совершенно упразднено подъ властной рукою земскихъ начальниковъ, судъ замѣнился расправой тѣхъ-же чиновниковъ, вмѣшивающихся даже въ семейныя дѣла крестьянъ. Ко всему этому, финансовая политика правительства, возложившая все бремя налоговъ на эту бѣднѣйшую часть населенія, и затѣмъ естественный прирость послѣдняго создали для массы русскаго народа поистинѣ безвыходное положеніе. Мы, близко стоящіе къ народу, считали долгомъ нашей совѣсти возвысить нашъ голосъ передъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что мы не только могли констатировать факты, но и не могли не предвидѣть всѣ послѣдствія, всю опасность для страны и для государства, вытекавшія изъ такого положенія вещей. Нашъ съѣздъ 1902 года имѣлъ только эту задачу и никакой другой, но, по представленіи бывшаго въ то время министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве, всѣ участники съѣзда, занимавшіе въ земствѣ должности, и предводители дворянства получили Высочайшій выговоръ. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на настроеніи общества въ теченіе управленія покойнаго фонъ-Плеве, такъ какъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей за это время не происходило, но не могу умолчать, что полицейскій терроръ 1902-4 годовъ не могъ внушить странѣ ни любви, ни уваженія къ власти и не могъ сдѣлать насъ слѣпыми и глухими къ тому, что мы считали благомъ нашего отечества.

Если до японской войны, быть можетъ, только небольшая группа лицъ понимала, что правительственный режимъ приведетъ рано или поздно страну къ гибели, то война открыла глаза всѣмъ и не только членамъ такъ называемаго «общества», но и народной массѣ, которая выносила главнымъ образомъ на своихъ плечахъ все бремя войны, не вѣдая, ради чего она жертвуетъ своею кровью и теряетъ свое послѣднее убогое достояніе. Рядъ испытанныхъ нами пораженій, дезорганизація и неспособность руководителей войны показали, что старыми средствами не могутъ быть залѣчены наши язвы, что правительственный режимъ требуетъ полнаго обновленія и что мы, земскіе люди, обязаны безбоязненно сказать это государю, интересы котораго тождественны съ интересами народа. Этотъ мотивъ руководилъ нами, когда мы созывали съѣздъ земскихъ дѣятелей 6-9 ноября 1904 года. Выработанныя нами тогда постановленія въ подлинникѣ были переданы министру вн. дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому для представленія государю. Отвѣтомъ на это былъ Высочайшій Манифестъ 12 декабря 1904 года, въ которомъ старый режимъ былъ подвергнутъ полному осужденію. Это событіе могло бы стать эрой въ жизни нашей страны, если бы, вмѣстѣ съ осужденіемъ существующихъ неурядицъ въ нашемъ государственномъ управленіи, бюрократическій строй, приведшій страну къ позору и анархіи, былъ замѣненъ новымъ порядкомъ — призывомъ народнаго представительства къ устроенію государства на началахъ права, справедливости и порядка.

18-го февраля послѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя гофмейстера Булыгина о введеніи въ государственное управленіе народнаго представительства и указъ Сенату о предоставленіи существующимъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ права обсуждать и представлять правительству соображенія о мѣрахъ къ усовершенствованію государственнаго управленія. Пользуясь дарованнымъ правомъ, земскіе дѣятели въ апрѣлѣ собрались въ Москвѣ въ частное совѣщаніе (съѣздъ) для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ народнаго представительства. На этомъ совѣщаніи были выработаны нѣкоторыя постановленія, касающіяся порядка выборовъ народныхъ представителей, но совѣщаніе не признало возможнымъ представить ихъ на усмотрѣніе Совѣта Министровъ, что, повидимому, и инкриминируется совѣщанію. Однако, такое обвиненіе совершенно лишено законнаго основанія, ибо указомъ Сенату совѣщающимся предоставлено право представлять свои мнѣнія и пожеланія Совѣту Министровъ, но не вмѣняется это въ обязанность, такъ какъ невозможно требовать, чтобы положенія незаконченныя или неокончательно установленныя сообщались правительству, какъ нѣчто законченное и желательное, особенно въ вопросахъ, требующихъ продуманности и осторожности.

Уничтоженіе нашего флота въ Корейскомъ проливѣ произвело на всю страну такое тяжелое впечатлѣніе, дезорганизація правительственнаго режима обнаружилась съ такой очевидностью, внутренняя анархія достигла такихъ размѣровъ, что въ каждомъ, въ комъ теплилась любовь къ родинѣ и кто опасался за ея будущее, должно было явиться непосредственное стремленіе сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы общими усиліями предотвратить съ ужасающей быстротой надвигающуюся грозу. Естественно, что представители земствъ и городовъ почувствовали свой долгъ раньше всѣхъ другихъ, такъ какъ они, хотя и въ ограниченной мѣрѣ, все же законные представители народныхъ нуждъ. Въ виду этого они собрались въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ на новое совѣщаніе, куда были приглашены всѣ чувствующіе тягость минуты, безъ различія политическихъ убѣжденій. Это совѣщаніе, какъ извѣстно, пришло къ заключенію, что единственное спасеніе страны заключается въ немедленномъ созывѣ народныхъ представителей, и, усматривая въ самомъ правительствѣ источникъ всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на страну, рѣшило обратиться къ государю, воля котораго, опирающаяся непосредственно на представителей народа, можетъ не только спасти страну и охранить ее отъ распаденія, но и вдохнуть въ нее новую жизненность и новый расцвѣтъ силъ. Государю угодно было 6-го іюня принять депутацію, успокоить сомнѣнія пославшихъ ее, обѣщать дать странѣ правильное народное представительство, согласно съ исконными ея началами, и призвать всѣхъ насъ къ немедленному сотрудничеству въ устроительствѣ земли.

Если не ошибаюсь, 24-го іюня, въ газетѣ «Новости» появился текстъ законопроекта о народномъ представительствѣ, выработанный министромъ вн. дѣлъ гофмейстеромъ Булыгинымъ, и хотя это не было офиціальнымъ его опубликованіемъ, но мы имѣли всѣ данныя, чтобы не сомнѣваться въ его подлинности. Мы убѣдились, что законопроектъ этотъ, затрогивающій самые жизненные интересы всего русскаго народа безъ различія національностей, сословій, классовъ и религій, выработанный въ глубокой канцелярской тайнѣ, противорѣчитъ въ самомъ существѣ своемъ и словамъ государя, и рескрипту 18-го февраля, и интересамъ народа, но вполнѣ обезпечиваетъ старому бюрократическому режиму неограниченное господство и самовластіе. Стѣна, отдѣлявшая народъ отъ Монарха, оказалась не только не сломанной, но получила новые контръ-форсы въ лицѣ Государственнаго Совѣта, поддерживаемаго якобы народнымъ представительствомъ. Вмѣсто правильнаго, т. е. самостоятельнаго народнаго представительства, въ дѣйствительности производилась реформа бюрократическаго Государственнаго Совѣта, снабжаемаго многолюдной и искусственно подобранной подготовительной комиссіей Совѣта, никоимъ образомъ не могущаго претендовать на принадлежность къ исконнымъ русскимъ началамъ, имѣя за собой едва сто лѣтъ существованія. Такая реформа при существующемъ во всей странѣ броженіи умовъ, при трудности, сложности и огромности задачъ, поставленныхъ войной и хаотическимъ состояніемъ страны, могла повести не къ успокоенію ея, а стать новымъ источникомъ бѣдствій и междоусобицъ.

Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей 6-9-го іюля явилось прямымъ слѣдствіемъ такихъ опасеній. Можно думать, конечно, что такія опасенія были напрасны, такъ какъ опубликованный законопроектъ еще не получилъ санкціи, но, къ сожалѣнію, дѣйствія правительства не пріучили насъ къ оптимизму, и мы не имѣли никакихъ основаній ожидать, что законопроектъ г. Булыгина въ окончательномъ своемъ видѣ подвергнется коренной переработкѣ. Изъ опубликованнаго сегодня правительственнаго сообщенія видно, что мы не ошиблись и что правильное народное представительство замѣнено реформой Государственнаго Совѣта. Но наши сомнѣнія находили достаточно основаній въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени. Высочайшій указъ Сенату 18-го февраля, предоставившій народу благодѣтельное право петицій, циркуляромъ министра вн. дѣлъ получилъ крайне ограниченное толкованіе, а мѣстной администраціей, съ согласія, конечно, высшей, сведенъ къ нулю. Высочайшій указъ 17-го апрѣля о вѣротерпимости немедленно вызвалъ ограничительное толкованіе и мѣры со стороны Варшавскаго генералъ-губернатора и мин. вн. дѣлъ, а затѣмъ и образованіе особой комиссіи графа Игнатьева; провозглашенное указомъ 12-го декабря ограниченіе излишнихъ стѣсненій жизни и дѣятельности общества и свободы печатнаго слова осуществлено распространеніемъ закона объ усиленной охранѣ почти на всѣ мѣстности Имперіи, полной беззащитности личности отъ насилій и самоуправства низшей администраціи, преслѣдованіемъ газетъ только либеральнаго направленія и безнаказанности тѣхъ органовъ печати, которые натравливаютъ классы другъ на друга и подстрекаютъ отбросы населенія къ насилію, безчинству и даже убійству.

Я могъ бы привести еще множество фактовъ къ подтвержденіе нашихъ сомнѣній, но полагаю, что и этого достаточно, чтобы сказать, что нашъ пессимизмъ, по меньшей мѣрѣ, не былъ лишенъ основаній. Но онъ находилъ для себя пищу и съ другой стороны: въ той анархіи, которая не только не ослабѣвала, но съ каждымъ днемъ росла и множилась во всѣхъ сферахъ и государственнаго управленія, и общественной жизни, и въ хозяйственномъ положеніи.

Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, происходившее въ Москвѣ 6-9-го іюля, приняло рядъ резолюцій, изъ коихъ нѣкоторыя ему особенно инкриминируются и, повидимому, болѣе другихъ, — обращеніе къ населенію. Какъ инціаторъ этого предложенія, я могу говорить объ этомъ обстоятельствѣ съ достаточной опредѣленностью. Начиная съ перваго совѣщанія въ 1902 году и до послѣдняго 6-8-го іюля текущаго года, черезъ всѣ съѣзды красной нитью проходитъ надежда убѣдить правительство въ необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, которыя мы считали необходимыми для удовлетворенія важнѣйшихъ нуждъ народа. Если наши первыя совѣщанія формально не были узаконены, то по своимъ мирнымъ цѣлямъ онѣ не находились въ противорѣчіи съ закономъ. Послѣ Высочайшаго указа Сенату 18-го февраля наши совѣщанія стали на вполнѣ легальную почву, лучшимъ подтвержденіемъ чего служитъ пріемъ депутаціи государемъ 6-го іюня. Въ силу какого же закона правительство рѣшило положить конецъ нашимъ совѣщаніямъ и путемъ полицейской силы прекратить нашу мирную работу, направленную исключительно къ умиротворенію страны? Такимъ образомъ, частныя лица, объединенныя однородностью своей общественной дѣятельности, въ силу закона 18-го февраля имѣющія неотъемлемое право собираться непублично, въ частномъ помѣщеніи, для мирныхъ цѣлей упроченія государственнаго порядка, побуждаемыя къ этому велѣніями своей совѣсти и надеждой оказать вліяніе на умиротвореніе страны, разгоняются тою самою правительственою властью, къ которой эти люди всегда обращались въ надеждѣ, что она пойдетъ на встрѣчу народнымъ нуждамъ и предупредитъ ихъ по собственному почину, разгоняются въ то время, когда вся страна охвачена пожаромъ, когда всѣмъ и каждому грозитъ опасность, когда правительство безсильно поддерживать даже внѣшній порядокъ и когда только само общество дружной работой можетъ предотвратить разрушеніе государственнаго зданія. И развѣ общество можетъ подъ угрозою полицейскаго насилія отказаться въ такія минуты отъ своей отвѣтственной мирной работы? Развѣ общество можетъ спокойно разсчитывать на то самое правительство, которое привело его къ такому трагическому положенію, и развѣ, вопреки закону, разгоняя насъ и прекращая нашу мирную работу, правительство не брало на себя отвѣтственность передъ закономъ, страной и Монархомъ? Какъ бы то ни было, у меня не оставалось болѣе сомнѣній, что наше совѣщаніе не можетъ болѣе обращаться къ правительству, что мы не обладаемъ достаточнымъ въ его глазахъ авторитетомъ, что мы должны разсчитывать только на нравственное воздѣйствіе на сознаніе населенія и, разсказавъ ему все, что нами сдѣлано, просить у него довѣрія къ намъ, чтобы вмѣстѣ работать для возстановленія мирнаго теченія жизни и разрѣшенія нашихъ нуждъ. Я полагалъ нужнымъ такое обращеніе не въ видахъ конкуренціи съ партіями, стоящими отъ насъ вправо и влѣво, а въ видахъ осуществленія тѣхъ началъ, безъ которыхъ никакая жизнь въ странѣ невозможна и внѣ которыхъ неосуществимы никакія блага. Если такое обращеніе къ населенію можетъ быть инкриминировано, то, конечно, не съ точки зрѣнія государственнаго порядка и народнаго успокоенія, такъ какъ обращеніе къ тому же русскому народу въ сотняхъ тысячъ печатныхъ листковъ не только свободно предоставляется господамъ Шараповымъ, Грингмутамъ и ихъ приспѣшникамъ, но и всячески поощряется полиціей и администраціей, хотя эти воззванія и листки способствуютъ не миру, а враждѣ, ненависти, грабежу и убійствамъ. Правительство, предоставляющее широкую свободу такому изувѣрству и лишающее всякой свободы дѣятельность людей мира и порядка, беретъ на себя великій грѣхъ предъ Монархомъ, страной и исторіей.

Наша совѣсть совершенно спокойна, и если насъ упрекаютъ въ агитаціи нашихъ идей среди народа, то мы скажемъ, что въ этомъ упрекѣ заключается отрицаніе того новаго уклада общественной жизни, который наступилъ со дня обнародованія закона о народномъ представительствѣ. Народное представительство должно служить вѣрнымъ выраженіемъ мнѣній, желаній и нуждъ народа. Выборъ представителей основывается на взаимномъ пониманіи представителя и представляемыхъ и не можетъ быть осуществленъ наложеніемъ печати на уста. Агитація незаконна лишь тогда, когда ея цѣли и средства незаконны, но въ народномъ представительствѣ она такъ же неизбѣжна, какъ неизбѣженъ обмѣнъ мнѣній въ живомъ человѣческомъ обществѣ.

Я не коснулся многихъ вопросовъ, которые были затронуты въ нашемъ личномъ объясненіи, но, къ сожалѣнію, время, мнѣ предоставленное, сократило мое изложеніе до размѣровъ самаго необходимаго».

Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи.

И. Петрункевичъ.

III

Приложеніе къ главѣ XIX.

ПРОГРАММА КОНСТИТУЦІОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ (ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ).

Принята на учредительномъ съѣздѣ партіи въ Москвѣ 18 октября 1905 года и дополнена на 2-мъ делегатскомъ съѣздѣ въ С. Петербургѣ 5-11 января 1906 года.

I. ОСНОВНЫЯ ПРАВА ГРАЖДАНЪ.

1. Всѣ россійскіе граждане, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, равны передъ закономъ. Всякія сословныя различія и всякія ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ поляковъ, евреевъ и всѣхъ безъ исключенія другихъ отдѣльныхъ группъ населенія должны быть отмѣнены.

2. Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никакія преслѣдованія за исповѣдуемыя вѣрованія и убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія не допускаются. Отправленіе религіозныхъ и богослужебныхъ обрядовъ и распространеніе вѣроученій свободно, если только совершаемыя при этомъ дѣйствія не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо общихъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Православная церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки.

3. Каждый воленъ высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать ихъ и распространять путемъ печати или инымъ способомъ. Цензура, какъ общая, такъ и спеціальная, какъ бы она ни называлась, упраздняется, и не можетъ быть возстановлена. За преступленія и проступки, совершенные путемъ устнаго и печатнаго слова, виновные отвѣчаютъ только передъ судомъ.

4. Всѣмъ россійскимъ гражданамъ предоставляется право устраивать публичныя собранія, какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ для обсужденія всякаго рода вопросовъ.

5. Всѣ россійскіе граждане имѣютъ право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрѣшенія.

6. Право петицій предоставляется какъ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и всякаго рода группамъ, союзамъ, собраніямъ и т. п.

7. Личность и жилище каждаго должно быть неприкосновенны. Входъ въ частное жилище, обыскъ, выемка въ немъ и вскрытіе частной переписки допускается только въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, и не иначе, какъ по постановленію суда. Всякое задержанное лицо въ городахъ и другихъ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе 24 часовъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи не позднѣе, какъ въ теченіе 3 сутокъ со времени задержанія, должно быть освобождено, или предоставлено судебной власти. Всякое задержаніе, произведенное безъ достаточнаго основанія или продолженное сверхъ законнаго срока, даетъ право пострадавшему на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ.

8. Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію и наказанію иначе, какъ на основаніи закона — судебной властью и установленнымъ закономъ судомъ. Никакіе чрезвычайные суды не допускаются.

9. Каждый гражданинъ пользуется свободой передвиженія и выѣзда за границу. Паспортная система упраздняется.

10. Всѣ вышеозначенныя права гражданъ должны быть введены въ основной законъ Россійской имперіи и обезпечены судебной защитой.

11. Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ помимо полной гражданской и политической равноправности всѣхъ гражданъ права свободнаго культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свободу основанія и содержанія учебныхъ заведеній и всякаго рода собраній, союзовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

12. Русскій языкъ долженъ быть языкомъ центральныхъ учрежденій, арміи и флота. Употребленіе на ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ ихъ — самими установленіями. Населенію каждой мѣстности должно быть обезпечено полученіе начальнаго, а по возможности, и дальнѣйшаго образованія на родномъ языкѣ.

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

13. Россія должна быть конституціонной и парламентарной монархіей. Государственное устройство Россіи опредѣляется основнымъ закономъ.

14. Народные представители избираются всеобщею, равною, прямою и тайною подачей голосовъ, безъ различія вѣроисповѣданія, національности и пола.

Партія допускаетъ въ своей средѣ различіе мнѣній по вопросу объ организаціи народнаго представительства, въ видѣ одной или двухъ палатъ, изъ которыхъ вторая палата должна состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, реорганизованныхъ на началахъ всеобщаго голосованія и распространенныхъ на всю Россію.

15. Народное представительство участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью и цѣлесообразностью дѣйствій высшей и низшей администраціи.

16. Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ и т. п. актъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

17. Государственная роспись, въ которую должны быть вносимы всѣ доходы и расходы государства, устанавливается не болѣе, какъ на одинъ годъ, законодательнымъ порядкомъ. Никакіе налоги, пошлины и сборы въ пользу государства, а равно и государственные займы не могутъ быть устанавливаемы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ.

18. Членамъ собранія народныхъ представителей принадлежитъ право законодательной иниціативы.

19. Министры отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей, членамъ котораго принадлежитъ право запроса и интерпелляціи.

III. МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ И АВТОНОМІЯ.

20. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на все Россійское государство.

21. Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, приближенное къ населенію путемъ учрежденія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей, при чемъ собранія высшихъ самоуправляющихся союзовъ могутъ быть образованы путемъ избранія собраніями низшихъ таких же союзовъ. Губернскимъ земствамъ должно быть предоставлено право вступать во временные и постоянные союзы между собою.

22. Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая полицію безопасности и благочинія и за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены въ рукахъ централь-

ной власти, съ предоставленіемъ въ пользу органовъ мѣстнаго самоуправленія части средствъ, поступающихъ въ настоящее время въ государственный бюджетъ.

23. Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, при чемъ окончательное рѣшеніе по возникшимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

24. Послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всего Россійскаго государства долженъ быть открытъ правомѣрный путь въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, соотвѣтственно потребности населенія.

25. Немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами, въ Царствѣ Польскомъ вводится автономное устройство съ сеймомъ, избираемымъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и общегосударственное представительство, при условіи сохраненія государственнаго единства и участія въ центральномъ представительствѣ на одинаковыхъ съ прочими частями имперіи основаніяхъ. Границы между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями могутъ быть исправлены въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніемъ мѣстнаго населенія, при чемъ въ Царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать общегосударственныя гарантіи гражданской свободы и права національности на культурное самоопредѣленіе, и должны быть обезпечены права меньшинства.

26. ФИНЛЯНДІЯ. Конституція Финляндіи, обезпечивающая ея особенное государственное положеніе, должна быть всецѣло возстановлена. Всякія дальнѣйшія мѣропріятія, общія Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь дѣломъ соглашенія между законодательными органами Имперіи и Великаго Княжества.

IV. СУДЪ.

27. Всѣ отступленія отъ началъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, устанавливающихъ отдѣленіе судебной власти отъ административной (несмѣняемость, независимость и гласность суда и равенство всѣхъ передъ судомъ), какъ внесенныя позднѣйшими новеллами, такъ и допущенныя при самомъ составленіи Уставовъ, упраздняются. Въ этихъ видахъ прежде всего: a) не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ правило о томъ, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію безъ вошедшаго въ силу приговора компетентнаго суда; b) всякое вмѣшательство министра юстиціи въ назначеніе на судейскія должности или перемѣщеніе судей, а тѣмъ болѣе въ производство судебныхъ дѣлъ устраняется. Судьи наградъ не получаютъ; c) отвѣтственность должностныхъ лицъ опредѣляется на общемъ основаніи; d) компетенція суда присяжныхъ опредѣляется исключительно тяжестью наказанія, назначеннаго въ законѣ безотносительно къ роду дѣлъ, при чемъ, однако, этой компетенціи во всякомъ случаѣ подлежатъ всѣ преступленія государственныя и противъ законовъ о печати. Судъ съ сословными представителями упраздняется. Компетенціи выборнаго мирового суда подчиняются и дѣла волостной юстиціи. Волостной судъ и институтъ земскихъ начальниковъ упраздняются. Требованіе имущественнаго ценза какъ для замѣщенія должности мирового судьи, такъ и для отправленія обязанностей присяжнаго засѣдателя отмѣняются; e) возстановляется принципъ единства кассаціоннаго суда; f) адвокатура организуется на началахъ истиннаго самоуправленія.

28. Независимо отъ этого въ осуществленіе наиболѣе назрѣвшихъ и безспорныхъ требованій уголовной политики и процесса: a) смертная казнь отмѣняется, безусловно, навсегда; b) вводится условное осужденіе; c) устанавливается защита на предварительномъ слѣдствіи; d) въ обрядъ преданія суду вводится состязательное начало.

29. Ближайшей задачей является полный пересмотръ Уголовнаго Уложенія, отмѣна постановленій, противорѣчащихъ началамъ политической свободы, и переработка проекта Гражданскаго Уложенія.

V. ФИНАНСОВАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

30. Пересмотръ государственнаго расходнаго бюджета въ цѣляхъ уничтоженія непроизводительныхъ по своему назначенію или своимъ размѣрамъ расходовъ и соотвѣтственнаго увеличенія затратъ государства на дѣйствительныя нужды народа.

31. Отмѣна выкупныхъ платежей.

32. Развитіе прямого обложенія на счетъ косвеннаго; общее пониженіе косвеннаго обложенія и постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ.

33. Реформа прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго подоходнаго и поимущественнаго обложенія; введеніе прогрессивнаго налога на наслѣдство.

34. Соотвѣтствующее положенію отдѣльныхъ производствъ пониженіе таможенныхъ пошлинъ въ видахъ удешевленія предметовъ народнаго потребленія и техническаго подъема промышленности и земледѣлія.

35. Обращеніе средствъ сберегательныхъ кассъ на развитіе мелкаго кредита.

VI. АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

36. Увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то: безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частно-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Цѣна земли опредѣляется по нормальной для данной мѣстности доходности при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельной нуждой.

37. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи.

38. Широкая организація государственной помощи для переселенія, разселенія и устройства хозяйственнаго быта крестьянъ. Реорганизація межевого дѣла, окончаніе размежеванія и другія мѣры для подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

39. Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній путемъ обезпеченія права возобновленія аренды, права арендатора, въ случаѣ передачи, на вознагражденіе за произведенныя, но не использованныя къ сроку затраты на улучшенія, и учрежденіе примирительныхъ камеръ для регулированія арендной платы и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами. Открытіе законнаго пути въ судебномъ порядкѣ для пониженія непомѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ и уничтоженія носящихъ кабальный характеръ сдѣлокъ въ области земельныхъ отношеній.

40. Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ, примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія. Учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законодательства по охранѣ труда въ этой области и введеніе уголовной отвѣтственности сельскихъ хозяевъ за нарушеніе ими законодательныхъ нормъ по охранѣ труда.

VII. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

41. Свобода рабочихъ союзовъ и собраній.

42. Право стачекъ. Наказуемость правонарушеній, совершаемыхъ во время или по поводу стачекъ, опредѣляется на общемъ основаніи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть увеличиваема.

43. Распространеніе рабочаго законодательства и независимой инспекціи труда на всѣ виды наемнаго труда; участіе выборныхъ отъ рабочихъ въ надзорѣ инспекціи за исполненіемъ законовъ, охраняющихъ интересы трудящихся.

44. Введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. Немедленное осуществленіе этой нормы всюду, гдѣ она въ данное время возможна, и постепенное ея введеніе въ остальныхъ производствахъ. Запрещеніе ночныхъ и сверхурочныхъ работъ, кромѣ технически общественно-необходимыхъ.

45. Развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей и установленіе особыхъ мѣръ охраны труда мужчинъ во вредныхъ производствахъ.

46. Учрежденіе примирительныхъ камеръ изъ равнаго числа представителей труда и капитала для нормировки всѣхъ отношеній найма, не регулированныхъ рабо-

чинъ законодательствомъ, и разбора споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями.

47. Обязательное при посредствѣ государства страхованіе отъ болѣзни (въ теченіе опредѣленнаго срока), несчастныхъ случаевъ и профессіональныхъ заболѣваній, съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ предпринимателей.

48. Государственное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду для всѣхъ лицъ, живущихъ личнымъ трудомъ.

49. Установленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

VIII. ПО ВОПРОСАМЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Народное просвѣщеніе должно быть организовано на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его, понимая подъ этимъ осуществленіе слѣдующихъ началъ:

50. Уничтоженіе всѣхъ стѣсненій къ поступленію въ школу, связанныхъ съ поломъ, происхожденіемъ и религіей.

51. Свобода частной и общественной иниціативы въ открытіи и организаціи учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ области внѣшкольнаго просвѣщенія; свобода преподаванія.

52. Между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени къ высшей.

53. Полная автономія и свобода преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ. Увеличеніе ихъ числа. Уменьшеніе платы за слушаніе лекцій. Организація просвѣтительной работы высшей школы для широкихъ круговъ населенія. Свободная организація студенчества.

54. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; плата въ нихъ должна быть понижена. Мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ должно быть предоставлено широкое участіе въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла.

55. Введеніе всеобщаго, безплатнаго и обязательнаго обученія въ начальной школѣ. Передача начальнаго образованія въ завѣдываніе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Организація органами самоуправленія матеріальной помощи нуждающимся учащимся.

56. Устройство органами мѣстнаго самоуправленія образовательныхъ учрежденій для взрослаго населенія, элементарныхъ школъ для взрослыхъ, народныхъ библіотекъ, народныхъ университетовъ.

57. Развитіе профессіональнаго образованія.

На VII съѣздѣ партіи, 25 марта и на VIII съѣздѣ, 9 мая 1917 года программа партіи НАРОДНОЙ СВОБОДЫ подверглась измѣненіямъ въ слѣдующихъ параграфахъ:

12. Русскій языкъ, какъ общегосударственный, долженъ быть языкомъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, арміи и флота. Въ мѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государственныя или органовъ мѣстнаго самоуправленія и автономіи, должно быть установлено право употребленія мѣстныхъ языковъ, соотвѣтственно національному составу населенія, съ обезпеченіемъ въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства правъ русскаго языка и языковъ національнаго меньшинства. Населенію каждой мѣстности должно быть обезпечено полученіе начальнаго, а по возможности, и дальнѣйшаго образованія на родномъ языкѣ.

13. Россія должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству.

Во главѣ исполнительной власти долженъ стоять президентъ республики, избираемый на опредѣленный срокъ народнымъ представительствомъ и управляющій черезъ посредство отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ министерства.

24. Высшимъ территоріальнымъ самоуправляющимся союзамъ (губернскимъ и областнымъ земствамъ) должны быть предоставлены права провинціальной автономіи (изданіе мѣстныхъ законовъ) въ опредѣленныхъ сферахъ мѣстной хозяйственной, культурной и національно-культурной жизни, съ обезпеченіемъ для общегосударственной власти возможности останавливать введеніе въ дѣйствіе законовъ, нарушающихъ установленные общегосударственной конституціей предѣлы автономіи.

25. (Этотъ параграфъ касался раньше автономнаго устройства Польши, за которой ко времени пересмотра программы признано право на самостоятельное государственное существованіе). § 25 въ новой программѣ замѣненъ слѣдующимъ: При установленіи конституціи Россійской республики упомянутыя въ предыдущемъ § права мѣстной автономіи предоставляются органамъ самоуправленій губерній и соотвѣтствующихъ имъ территоріальныхъ дѣленій (нынѣ существующихъ областей). Вмѣстѣ съ тѣмъ конституція должна открыть закономѣрный путь къ удовлетворенію желаній мѣстнаго населенія относительно слiянія установленныхъ территоріальныхъ единицъ въ болѣе обширныя области, раздѣленія ихъ на меньшія единицы и измѣненія ихъ границъ и компетенціи. Сверхъ того, автономнымъ единицамъ должна быть предоставлена свобода вступать между собой во временныя или постоянныя соглашенія для совмѣстнаго осуществленія черезъ общіе органы тѣхъ или иныхъ задачъ, входящихъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія.

АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

36. Земли сельско-хозяйственнаго пользованія должны принадлежать трудовому земледѣльческому населенію.

Неотложной мѣрой въ этомъ направленіи должно быть осуществленіе земельной реформы, ближайшимъ образомъ имѣющей въ виду удовлетвореніе нужды въ землѣ малоземельнаго и безземельнаго населенія, занимающагося земледѣльческимъ трудомъ.

Для сохраненія за трудовымъ землевладѣніемъ его прямого назначенія должны быть установлены закономъ мѣры къ устраненію возможности для отдѣльныхъ лицъ пріобрѣтать землю сверхъ трудовой нормы, а также обращать земли сельско-хозяйственнаго пользованія (хотя бы и въ предѣлахъ трудовой нормы) въ источникъ постояннаго рентнаго дохода.

37. Въ виду многообразія формъ трудового землевладѣнія какъ по областямъ Россіи, такъ и въ предѣлахъ областей, рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ должно принадлежать, главнымъ образомъ, правосознанію, хозяйственнымъ расчетамъ и волѣ самого заинтересованнаго населенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, послѣднему должна быть предоставлена закономъ широкая возможность сохранять, устанавливать и развивать тѣ формы землевладѣнія, какія являются для него предпочтительными.

Всѣ земельные союзы (общины, общества съ подворнымъ владѣніемъ, товарищества и проч.) съ устраненіемъ сословныхъ ограниченій, административной опеки и другихъ пережитковъ стараго порядка, — должны пріобрѣсти характеръ частноправовыхъ организацій. Внутренняя организація и дѣятельность союзовъ должна опредѣляться закономъ и вырабатываемыми ими уставами и договорами.

Въ частности по отношенію къ общинному землевладѣнію необходимо: 1) устраненіе изъ дѣйствующихъ законоположеній мѣръ насильственнаго разрушенія общиннаго владѣнія; 2) устраненіе чрезполосицы между укрѣпленными за отдѣльными домохозяевами участками и общинными землями; 3) установленіе порядка выхода и выдѣла отдѣльныхъ членовъ изъ общины, обезпечивающаго интересы какъ выходящихъ и выдѣляющихся, такъ и проч. общинниковъ, и 4) допущеніе закономъ переуступки отдѣльными общинниками своего права участія въ общинномъ владѣніи постороннимъ лицамъ, съ надлежащимъ огражденіемъ при этомъ интересовъ общины.

38. Необходима широкая постановка землеустроительнаго дѣла, а также работъ по заготовкѣ и устройству земель для переселенцевъ. Государственная и общественная организація самыхъ переселеній. Система мѣръ къ подъему производительности трудового землевладѣнія, какъ-то: меліорація, сельско-хозяйственный кредитъ, мѣропріятія агрономическаго характера, дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе коопераціи, широкое содѣйствіе сельско-хозяйственному образованію и т. п.

Лѣса должны принадлежать государству, за исключеніемъ лѣсныхъ площадей, могущихъ получить сельско-хозяйственное назначеніе, а также состоящихъ во владѣніи трудового населенія (надѣльныхъ и т. п.) и общественныхъ учрежденій. Эксплоатація лѣсовъ должна опредѣляться общимъ планомъ, обезпечивающимъ какъ пра-

вильную постановку лѣсного хозяйства, такъ и удовлетвореніе нуждъ страны, охрану лѣсовъ защитнаго значенія и проч.

Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользованіе внутренними водами, какъ источниками движущей силы, а также для цѣлей орошенія и прочихъ нуждъ общаго значенія.

ПРИМѢЧАНІЕ: 1) Вопросъ объ облѣсеніи долженъ быть разрѣшенъ особымъ закономъ; 2) вопросъ объ отдѣленіи правъ на нѣдра отъ правъ на поверхность переданъ въ центральный комитетъ партіи для дальнѣйшей разработки; 3) потери частныхъ лицъ и обществъ, дѣйствительно понесенныя ими въ непосредственной зависимости отъ государственныхъ мѣропріятій, подлежатъ возмѣщенію.

39. Для цѣлей земельной реформы наличный запасъ государственныхъ земель (включая бывшія удѣльныя и кабинетскія) пополняется землями монастырскими, церковными, принадлежащими крестьянскому и дворянскому банкамъ, и принудительно отчуждаемыми частно-владѣльческими (лицъ физическихъ и юридическихъ).

Принудительному отчужденію не подлежатъ земли сельскихъ обществъ, всѣ не превышающія трудовой нормы мелкія владѣнія отдѣльныхъ лицъ и участки членовъ товариществъ, усадьбы, сады, виноградники, огороды и земли подъ фабрики и заводы, а также земли, принадлежащія городскимъ и земскимъ учрежденіямъ, а также земли прочихъ учрежденій, предназначенныя для образовательныхъ, общественно-санитарныхъ, научныхъ и др. общеполезныхъ цѣлей.

Въ прочихъ частныхъ владѣніяхъ подлежитъ принудительному отчужденію все количество земли сверхъ трудовой нормы. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка земли для нормальнаго обезпеченія мѣстнаго малоземельнаго и безземельнаго земледѣльческаго населенія, тѣмъ владѣльцамъ, которые ведутъ хозяйство собственнымъ инвентаремъ, предоставляется сохранить за собою количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для того предѣльной нормы.

Оставленіе за частнымъ владѣльцемъ участка, превышающаго указанную предѣльную норму, можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, когда подлежащія учрежденія признаютъ необходимымъ сохранить данное хозяйство въ прежнемъ его видѣ или установить постепенный порядокъ его ликвидаціи.

Земли общаго государственнаго запаса, — за исключеніемъ подлежащихъ сохраненію лѣсовъ и тѣхъ земельныхъ участковъ, которые признано будетъ необходимымъ оставить въ непосредственномъ распоряженіи государственныхъ органовъ или органовъ мѣстнаго самоуправленія для культурно-хозяйственныхъ и другихъ государственныхъ и общественныхъ цѣлей, — обращаются, прежде всего, на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго малоземельнаго и безземельнаго трудового земледѣльческаго населенія, примѣнительно къ устанавливаемымъ для того нормамъ обезпеченія.

Земли государственнаго запаса, остающіяся за удовлетвореніемъ, по указаннымъ нормамъ, нуждъ мѣстнаго населенія, могутъ быть предназначены для надобностей послѣдующаго обезпеченія того же населенія, или же могутъ быть обращены на нужды переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей.

При недостаткѣ въ данной мѣстности запаса земель для нормальнаго обезпеченія мѣстнаго малоземельнаго и безземельнаго земледѣльческаго населенія должна быть примѣнена широкая помощь государства тѣмъ, кто пожелаетъ выселиться въ другіе районы.

Закономъ должны быть указаны тѣ мѣстности, въ которыхъ по обилію лѣсовъ послѣдніе могутъ быть использованы для отвода населенію на сельско-хозяйственныя нужды, и должно быть опредѣлено, какая именно доля лѣсовъ можетъ получить такое значеніе.

Упомянутыя выше нормы обезпеченія малоземельнаго и безземельнаго населенія, трудовыя нормы и предѣльныя нормы того количества земли, какое, въ районахъ съ достаточнымъ запасомъ земель, можетъ быть оставляемо за владѣльцами при условіи эксплоатаціи ея собственнымъ инвентаремъ, вырабатываются по отдѣльнымъ районамъ мѣстными земельными учрежденіями и опредѣляются затѣмъ закономъ.

ПРИМѢЧАНІЕ: Указанныя опредѣленныя нормы должны устанавливаться примѣнительно къ обычному, по мѣстностямъ, размѣру хозяйствъ полутрудового типа, т. е. тѣхъ хозяйствъ, въ которыхъ на-ряду съ наемными рабочими принимаютъ непосредственное участіе въ сельско-хозяйственныхъ работахъ и сами владѣльцы земли.

40. Принудительное отчужденіе частно-владѣльческихъ земель производится на основѣ выкупа ихъ государствомъ, по оцѣнкѣ, соотвѣтствующей нормальной доходности земель, съ устраненіемъ изъ расчета тѣхъ повышающихъ доходность элементовъ, которые обусловливаются земельной нуждой мѣстнаго населенія, ненормальными условіями найма рабочихъ и пр. Нормы доходности вырабатываются также мѣстными земельными учрежденіями и устанавливаются закономъ.

Выкупная сумма должна понижаться съ повышеніемъ размѣра владѣнія.

Земли государственнаго запаса отводятся нуждающемуся въ нихъ населенію на началахъ постояннаго (безсрочнаго) пользованія, какъ коллективнымъ единицамъ: общинамъ, обществамъ съ подворнымъ владѣніемъ, товариществамъ и прочимъ союзамъ земледѣльцевъ, такъ и отдѣльнымъ владѣльцамъ, сообразно съ мѣстными особенностями существующаго трудового землевладѣнія и желаніями населенія.

Выкупная сумма за отчуждаемыя земли выплачивается владѣльцамъ выкупными свидѣтельствами. Погашеніе этой суммы и уплату опредѣляемой закономъ доли ежегоднаго платежа процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ должно принять на себя государство. Остальная часть процентныхъ платежей должна покрываться особымъ налогомъ съ земель, отводимыхъ въ пользованіе населенію.

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
АВДЕЕВА Р. Б.

ОГЛАВЛЕНІЕ